РУССКАЯ ИСТОРІЯ

И. 19
Б. 09
РУССКАЯ
ИСТОРІЯ
ТОМЪ 4
ИЗДАНІЕ Т-ВА „МІРЪ"
МОСКВА

Типо-литографія Т-ва **И. Н. Кушнеревъ и К°.** Пименовская ул., с. д.
МОСКВА — 1912.

РУССКАЯ ИСТОРІЯ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

М. Н. ПОКРОВСКАГО,

ПРИ УЧАСТІИ

Н. М. Никольскаго и В. Н. Сторожева.

Томъ IV.

Изданіе Т-ва „МІРЪ“.
МОСКВА.

ГЛАВА XV.

Монархія XVIII вѣка.

1. Бироновщина.

Верховный тайный совѣтъ былъ низвергнутъ шляхетствомъ. Казалось бы, съ его паденіемъ давно подготовлявшаяся дворянская реакція должна была найти свое политическое завершеніе: власть должна была перейти въ руки того класса, который при Петрѣ долженъ былъ поступиться ею въ пользу коалиціи крупныхъ землевладѣльцевъ съ владѣльцами торговаго капитала. Это было бы до такой степени естественно, что многимъ историкамъ кажется, будто именно такъ и случилось. Собравши воедино кое-какія мѣры императрицы Анны, шедшія навстрѣчу пожеланіямъ шляхетскихъ проектовъ 1730 года, выводятъ заключеніе, что Анна, не согласившись подѣлиться съ дворянами властью, вознаградила ихъ за то уступками въ соціальной области. Облегчена была будто бы воинская повинность—какъ тѣмъ, что было сформировано два новыхъ гвардейскихъ полка, Измайловскій и Конный, такъ что для дворянской молодежи очистилось больше мѣста въ гвардіи, гдѣ служить было пріятнѣе, нежели въ армейскихъ полкахъ,—такъ и тѣмъ, что былъ учрежденъ кадетскій корпусъ, откуда молодыхъ дворянъ выпускали на службу прямо офицерами. Самая служба стала легче

и притомъ ограничена извѣстнымъ срокомъ—впрочемъ, какъ признаютъ всѣ историки, ограничена, пока что, на бумагѣ. Отмѣненъ указъ о майоратѣ, будто бы чрезвычайно стѣснявшій дворянство. Ссылаются и на новый порядокъ взиманія подушной подати платившейся, какъ мы знаемъ, за крестьянъ ихъ помѣщиками и потому интересовавшей послѣднихъ не менѣе, чѣмъ первыхъ. Эта ссылка есть уже чистое недоразумѣніе: Анна закрѣпила тотъ способъ сбора подушныхъ, какого съ колебаніями держались верховники. Констатируя неуспѣхъ меншиковской мѣры 1727 года—передачи сбора подушныхъ изъ рукъ военнаго въ руки штатскаго начальства,—благодаря которой „многая на крестьянахъ доимка запущена", что будто бы и самимъ крестьянамъ „къ большему разоренію, а не къ пользѣ произошло", именной указъ 31 октября 1730 года категорически возстановляетъ петровскіе порядки, предписывая „тотъ съ крестьянъ подушный сборъ положить на полковниковъ съ офицеры, по прежнему дяди нашего и государя опредѣленію..." До 1735 года по всей Россіи дѣйствовала „экзекуція для сбора подушныхъ денегъ", правившая ихъ съ такой свирѣпостью, что правежъ этотъ въ памяти массъ остался едва ли не самымъ яркимъ признакомъ „бироновщины". На самомъ дѣлѣ, иниціативѣ, кажется, именно Бирона принадлежитъ состоявшаяся въ январѣ названнаго года отмѣна „экзекуціи" *). Но мотивы одного, современнаго этой мѣрѣ, проекта указа свидѣтельствуютъ, что и тутъ нельзя видѣть побѣды дворянской политики. Намъ извѣстно, говоритъ императрица въ этомъ замѣчательномъ проектѣ, что доимка учинилась „какъ отъ слабости и попущенія будучихъ на штабныхъ дворахъ офицеровъ, такъ и отъ нѣкоторыхъ безсовѣстныхъ помѣщиковъ", которые „проискомъ своимъ съ начала 1724 года никогда сполна, а иные и ничего не платили, и всѣ оные не столько стараніе имѣли ту государственную подать исправно платить, сколько неразсудно крестьянъ своихъ многими излишними работами и положенными оброками отягощать, не чиня имъ въ нужный случай никакого вспоможенія, отъ чего крестьяне ихъ пришли въ худшее состояніе..." Опубликовавшій этотъ проектъ изслѣдователь справедливо догадывается, что кабинетъ министровъ „задержалъ указъ, боясь раздражить свое сословіе". Тѣмъ болѣе, что у этого сословія было

---

*) См. В. Строевъ. „Бироновщина и кабинетъ министровъ", М. 1909, стр. 108 и сл.

уже достаточно поводовъ къ раздраженію. Донесенія иностранныхъ дипломатовъ и бумаги кабинета министровъ весьма согласно и основательно разрушаютъ предразсудокъ насчетъ того, будто бы воинская повинность шляхетства стала при Аннѣ легче. По поводу образованія Измайловскаго полка—якобы „популярной“ шляхетской мѣры—вотъ что писалъ англійскій резидентъ Рондо: „Ея величество формируетъ новый гвардейскій пѣхотный полкъ, который имѣетъ состоять изъ двухъ тысячъ дворянъ; полковникомъ же его назначается генералъ-маіоръ графъ Левенвольдъ; всѣ офицеры набираются изъ ливонцевъ или иноземцевъ—это будетъ такъ называемая лейбъ-гвардія ея величества. То будетъ третій гвардейскій полкъ послѣ Преображенскаго и Семеновскаго; но такъ какъ предполагаютъ, что этотъ полкъ станетъ любимымъ полкомъ государыни, гвардейцы двухъ прежнихъ полковъ очень недовольны. Каковы будутъ послѣдствія этого шага, покажетъ время: полки Преображенскій и Семеновскій—сильные полки; въ составѣ ихъ семь тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ нѣкоторые принадлежатъ къ знатнѣйшимъ русскимъ фамиліямъ...“ Въ другомъ донесеніи Рондо прибавляетъ маленькій штрихъ, дополняющій физіономію новой „лейбъ-гвардіи ея величества“: „около 800 человѣкъ этого полка уже прибыли изъ Украины“, пишетъ онъ. Такимъ образомъ, не только офицерскій корпусъ измайловцевъ, но и составъ солдатъ долженъ былъ представлять извѣстное этнографическое своеобразіе. Какъ и два его старшихъ товарища, новый полкъ возникъ въ отвѣтъ на потребности внутренней, а не внѣшней политики: то была попытка создать своихъ преторьянцевъ, такъ какъ петровскіе не внушали болѣе довѣрія. Но гвардія, провозгласившая Анну самодержавной императрицей состояла именно изъ преображенцевъ и семеновцевъ; они должны были теперь убѣдиться, какъ странно намѣрены съ ними расплачиваться за ихъ услугу. То, что на первый взглядъ кажется отраженіемъ „шляхетской“ политики, на самомъ дѣлѣ, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказывается шагомъ, направленнымъ чуть не прямо противъ шляхетства 1730 года, которое это хорошо поняло: о недовольствѣ преображенцевъ и семеновцевъ Рондо говоритъ не одинъ разъ. Едва ли не такой же иллюзіей, въ смыслѣ удовлетворенія шляхетскихъ требованій, былъ и кадетскій корпусъ. Въ его стѣнахъ могло найти себѣ мѣсто лишь ничтожное меньшинство дворянскихъ „недорослей“: подавляющее большинство должно было начать

службу, по петровскому обычаю, рядовыми, и притомъ не столько въ гвардіи, сколько въ арміи. Въ бумагахъ кабинета министровъ анненскихъ временъ сохранилось нѣсколько списковъ „недорослей“, призываемыхъ на службу. Въ одномъ изъ нихъ на одного счастливца, попавшаго въ кадеты, приходится пять менѣе удачливыхъ товарищей, отосланныхъ въ военную коллегію „для опредѣленія въ полки въ солдаты“. Въ другомъ на четырехъ гвардейцевъ приходится 38 человѣкъ, которымъ пришлось начинать „солдатскую науку“ въ глухой арміи. Не одинъ разъ встрѣчаются требованія о пересмотрѣ списковъ отставныхъ чиновъ, съ цѣлью призыва обратно на службу тѣхъ, кто еще къ ней годится: имѣлись въ виду едва ли не тѣ, кому слишкомъ легко были выданы указы объ отставкѣ въ меншиковскій періодъ тайнаго совѣта. Можно думать, что воскрешеніе такихъ „петровскихъ традицій“ не слишкомъ обрадовало старыхъ петровскихъ служакъ, и что не одинъ изъ нихъ по этому поводу вздохнулъ о верховномъ тайномъ совѣтѣ, при всемъ пренебреженіи къ интересамъ мелкаго дворянства до такихъ мѣръ не доходившемъ. Но былъ пунктъ, гдѣ посаженной шляхетствомъ императрицѣ удалось побить рекордъ не только тайнаго совѣта, но, что было труднѣе, начальника тайной канцеляріи, преемницы знакомаго намъ преображенскаго приказа. Въ 1736 году въ военномъ судѣ разбирался одинъ изъ такъ хорошо знакомыхъ всѣмъ временамъ и всѣмъ поколѣніямъ русскаго общества интендантскихъ процессовъ: для цѣлаго ряда офицеровъ тогда, какъ и теперь, оказывалось гибельнымъ прикосновеніе къ промышленному міру—они не могли увидѣть подрядчика или мануфактуриста безъ того, чтобы не взять съ него взятки. „Фергеръ и кригсъ-рехтъ“, дѣйствуя по всей строгости петровскаго артикула, приговорилъ злосчастныхъ офицеровъ къ наказанію кнутомъ, вырѣзанію ноздрей и ссылкѣ „въ вѣчную работу на галеры“. Но начальникъ тайной канцеляріи, страшный Андрей Ивановичъ Ушаковъ, одно имя котораго доводило тогдашнихъ дворянъ до озноба, а дамъ—до обморока, въ числѣ другихъ сенаторовъ пересматривая приговоръ, сжалился надъ своей братіей и предложилъ замѣнить кнутъ и каторгу разжалованіемъ въ солдаты. Императрицу страшно возмутило такое слабодушіе ея заплечныхъ дѣлъ мастера и она положила резолюцію, одинаково грозную и для подсудимыхъ и для помирволившаго имъ сената. „Учинить во всемъ по сентенціи военнаго суда,—написала Анна на приговорѣ (т.-е. бить кнутомъ и

рвать ноздри).—А представленный отъ военной коллегіи и отъ сената резонъ для облегченія приговореннаго имъ штрафа, а именно, будто оные впервые сію продерзость учинили, не токмо неприличный, но и удивительный. Оные впервые въ воровствѣ пойманы, а не впервые и не одинъ разъ, но сіе свое воровство чрезъ многіе годы, не престаючи, продолжали. А что по конфирмаціи сената, сверхъ отъ онаго апробованнаго облегченія, и полученныхъ взятковъ съ нихъ не взыскивать (сенатъ предлагалъ взыскать только убытки казны), и то еще удивительнѣе того,—развѣ нагло нашу казну разворовать не въ воровство вмѣняется?" *).

Этотъ случай—одинъ изъ массы, безъ сомнѣнія—объясняетъ намъ, почему „бироновщина" на нѣсколько поколѣній осталась пугаломъ для русскаго дворянства въ самыхъ медвѣжьихъ углахъ. Били жестоко—не менѣе жестоко, чѣмъ при Петрѣ—и били всюду и всѣхъ: если не кнутъ, то правежъ за неуплату подушныхъ почти всякій дворянинъ если не испыталъ на себѣ, то видѣлъ своими глазами на себѣ подобныхъ. Что тотъ, кто далъ имя этому режиму, не былъ характернымъ его представителемъ—такъ утверждаютъ новѣйшіе изслѣдователи, готовые приписать фавориту Анны Ивановны чуть не ангельскую кротость, хотя современники сохранили намъ достаточно образчиковъ, по крайней мѣрѣ, грубости Бирона,—отъ этого жертвамъ „бироновщины" было, разумѣется, не легче. И отмѣна существовавшаго больше на бумагѣ указа о майоратѣ всего меньше могла, конечно, уравновѣсить въ глазахъ дворянства тотъ гнетъ, который обрушился на его плечи послѣ 1730 года. Оно должно было увидѣть, что, сбросивъ верховниковъ, оно не избавилось даже отъ верховнаго совѣта, какъ учрежденія. Всего черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ переворота верховный тайный совѣтъ вновь воскресъ подъ именемъ кабинета ея величества, офиціально учрежденнаго указомъ 6 ноября 1731 года, фактически же существовавшаго уже въ первый годъ царствованія Анны. Неоднократно цитированный нами англійскій дипломатъ совершенно опредѣленно указываетъ цѣль этого учрежденія еще въ маѣ 1730 года: изъять изъ вѣдѣнія сената, формально только что возстановленнаго во всѣхъ своихъ правахъ и прерогативахъ, наиболѣе важныя дѣла. Русскіе современники, писавшіе о кабинетѣ по свѣжимъ слѣдамъ,

---

*) Сборникъ Рус. Истор. Общ. т. 117-й, стр. 51—52. Напечатанный текстъ не передаетъ орѳографіи императрицы Анны, которая и здѣсь была вѣрна петровской традиціи. „Апробуется" она писала такъ: „опробуэца".

вполнѣ подтверждаютъ эту оцѣнку. „По учрежденіи сперва верховнаго совѣта, а потомъ кабинета—ибо хотя имена разныя, а дѣйство почти одно въ обоихъ было—сенатъ остался уже не въ такой силѣ, какъ прежде было...“, говоритъ одна докладная записка, представленная императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ. Какъ и верховный совѣтъ, кабинетъ фактически замѣнялъ императрицу—указъ, подписанный двумя кабинетъ-министрами (всѣхъ было три), имѣлъ такую же силу, что и высочайшій указъ. Для довершенія сходства двое первыхъ кабинетъ-министровъ и взяты были изъ числа верховниковъ: Головкинъ и Остерманъ. Третій былъ кн. Черкасскій—лидеръ шляхетства 1730 года, но лидеръ лишь номинальный: декоративная фигура во главѣ дворянскихъ петиціонеровъ, онъ остался такой же декоративной фигурой и въ новомъ учрежденіи. Отъ верховнаго тайнаго совѣта это послѣднее на практикѣ, конечно, очень отличалось—не къ своей выгодѣ. Когда вы отъ протоколовъ и журналовъ верховнаго совѣта переходите къ кабинетскимъ бумагамъ—и тѣ и другіе изданы въ одномъ и томъ же сборникѣ русскаго историческаго общества,—васъ поражаетъ картина политическаго измельчанія и опошленія. Тамъ была яркая, опредѣленная, сознательная политика; здѣсь—жизнь со дня на день, куча бюрократическихъ мелочей, среди которыхъ невозможно уловить никакой опредѣленной политической линіи. Рядомъ съ такой финансово-экономической катастрофой, какъ возстановленіе соляной монополіи, стоятъ розыски мужика, который „умѣетъ унимать пожаръ“, и заботы о родившейся въ Москвѣ мартышкѣ: императрица непремѣнно требовала доставить ей въ цѣлости и мать, и новорожденнаго. Не мудрено, что найти юридическую формулу для этого учрежденія было еще труднѣе, нежели для верховнаго тайнаго совѣта; но ежели взять для сравненія крѣпостную „контору“ большой барской вотчины, смыслъ кабинета императрицы Анны будетъ намъ очень понятенъ.

Эта реакція феодальной простоты послѣ буржуазныхъ замашекъ правительства Петра давала себя чувствовать въ домашнемъ быту еще сильнѣе, нежели въ офиціальной жизни. Послѣ царя-плотника и царя-солдата Анна была первой представительницей того типа коронованнаго помѣщика, который такъ надолго удержался въ Россіи. Между подданнымъ и холопомъ для нея было такъ же мало разницы, какъ между камердинеромъ или управителемъ и министромъ. Андрей Ивановичъ Ушаковъ былъ начальникомъ тайной политиче-

ской полиціи, но онъ же былъ и чѣмъ-то въ родѣ главнаго швейцара императорскаго дворца. Приводили сказочницу во дворецъ—Анна любила на сонъ грядущій слушать разсказы о разбойникахъ,—ее прежде всего направляли въ „дежурную, къ Андрею Ивановичу“; нужно было наказать дерзкаго придворнаго (осмѣлился побрезговать ея величествомъ)—гнѣвный голосъ императрицы звалъ того же „Андрея Ивановича“. Коренное дворянское развлеченіе, охота вошла въ честь при русскомъ дворѣ еще съ Петра II; Анна, несмотря на свой полъ, явилась и здѣсь ревностной продолжательницей традиціи если не своего дяди, то своего племянника; слѣдомъ за нею московскія дамы и дѣвицы стали учиться стрѣлять, и императрица живо интересовалась ихъ успѣхами. Но предметомъ барской потѣхи были не только звѣри, а и люди. О шутахъ, переполнявшихъ дворъ Анны Ивановны, слишкомъ хорошо извѣстно, чтобы стоило распространяться на эту тему. Наличность въ ихъ средѣ отпрысковъ старинной знати уже современниковъ наводила на мысль, будто здѣсь было не безъ политической аллегоріи: Анна хотѣла, видите ли, унизить въ ихъ лицѣ тѣ „боярскія фамиліи“, которыя собирались ограничить ея власть въ 1730 году. Едва ли такія мысли приходили въ голову самой императрицѣ: она просто тѣшилась тѣмъ, что ей попадало подъ руку, когда она приходила въ шутливое настроеніе. То это была старуха-сказочница, которую не женски сильная рука Анны трясла такъ, что ей „ажно больно было“; то доставалось какой-нибудь не въ добрый для себя часъ попадавшей на глаза императрицѣ челобитчицѣ, иногда вовсе не простого званія. „Пріѣхала одна знатная полковница въ Петербургъ бить челомъ о заслуженномъ мужа ея жалованьи, котораго было съ 400 рублевъ, и видя, что нигдѣ опредѣленія сыскать не можетъ, намѣрялась просить самое государыню въ надеждѣ той, что ее давно знаетъ, и, долго ища случая, улучила видѣть, и какъ ее государыня спросила, давно ль она пріѣхата, то она доносила свою нужду и просила съ челобитною о рѣшеніи; то де государыня сказала ей: „вѣдаешь, что мнѣ бить челомъ вамъ запрещено“, тотчасъ велѣла ее вывести на площадь и, высѣкши плетьми, деньги выдать, и какъ ее высѣкли, то, посадя въ карету, хотѣли везти къ рентереѣ, чтобы деньги выдать, но она, боясь, чтобы еще тамъ не высѣкли, оставя деньги, уѣхала домой“ *).

---

*) См. у г. Строева, назв. сочин., стр. 40—41. Изъ одного тогдашняго слѣдственнаго дѣла. Прелестную жанровую картинку изъ придворной жизни времени

У сердитой барыни, какъ водится, былъ нѣмецъ-управитель. И современники, и исторія долго ошибались насчетъ его имени: считали имъ Бирона, а на самомъ дѣлѣ душою анненскаго режима былъ Остерманъ. Биронъ состоялъ лично при особѣ императрицы, и состоялъ настолько неотлучно, что уже одно это мѣшало ему фактически быть министромъ, чѣмъ онъ не былъ къ тому же и номинально: въ составъ кабинета онъ никогда не входилъ. Нѣсколько преувеличивая свое порабощеніе, курляндскій герцогъ впослѣдствіи даже нехожденіе въ церковь по праздникамъ объяснялъ тѣмъ, что, какъ „всякому извѣстно, ему отъ ея императорскаго величества блаженныя памяти никуды отлучиться было невозможно". Скорѣе Анна не считала возможнымъ отлучиться отъ своего фаворита. „6-го іюля (1731 года) государыня должна была обѣдать у Михаила Гавриловича Головкина,—писалъ своему министру англійскій резидентъ,—но оберъ-камергеръ имѣлъ несчастіе, сопровождая ее, упасть съ лошади и вывихнуть себѣ ногу, и она вернулась съ нимъ во дворецъ. Этотъ случай вызоветъ, конечно, у вашего превосходительства то же размышленіе, которое онъ вызываетъ здѣсь у каждаго: странно, что ея величество не доѣхала къ графу Головкину и не обѣдала у него только потому, что графъ Биронъ не могъ обѣдать съ нею". Какъ бы то ни было, что Биронъ мало интересовался русскими внутренними дѣлами, и если вмѣшивался энергично въ политику, то только внѣшнюю (гораздо болѣе доходную, какъ скоро увидимъ), это едва ли подлежитъ сомнѣнію. Функціи управителя и фаворита при Аннѣ отнюдь не смѣшивались. Но это не значитъ, чтобы условное имя „бироновщины" было просто недоразумѣніемъ: не Биронъ дѣлалъ то, что окрещено этимъ именемъ, но для него это дѣлалось, ибо въ немъ былъ весь смыслъ существованія хозяйки и госпожи всего и всѣхъ. Когда мы читаемъ у того же англійскаго дипломата, что „дворъ на зиму (1731—32 года) переберется въ Петербургъ, такъ какъ фавориты надѣются тамъ избѣжать ежедневно раздающихся жалобъ, находятъ и жизнь тамъ менѣе опасною, чѣмъ здѣсь, такъ

Анны Ивановны сохранили записки княг. Дашковой. „Императрица изъявила желаніе видѣть русскій танецъ и приказала четыремъ изъ первыхъ петербургскихъ красавицъ исполнить его въ своемъ присутствіи. Мать кн. Дашковой, замѣчательно граціозная плясунья, была въ числѣ этой партіи; какъ, однако жъ, онѣ ни желали угодить царской волѣ, но, испуганныя строгимъ взглядомъ государыни, смѣшались и позабыли фигуру танца; среди общей суматохи императрица встала съ креселъ и, приблизившись къ нимъ съ полнымъ достоинствомъ, отвѣсила каждой по громкой пощечинѣ и велѣла снова начинать, что онѣ и исполнили, чуть живыя отъ страха"

„Кондиціи" императрицы Анны

Императрица Анна Ивановна.

Оригиналъ «кондицій» или «пунктовъ» императрицы Анны Ивановны (см. 232-ую стр. третьяго тома настоящаго изданія) находится въ государственномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ и хранится въ разорванномъ видѣ; «чья-то заботливая археологическая рука, какъ выразился одинъ русскій историкъ, только булавочкой скрѣпила разорванныя части». Исторія разрыва этой хартіи, всегда практически поучительная, не разъ была разсказана въ русской исторической литературѣ. По словамъ В. О. Ключевскаго, «дѣло 1730 г. было *седьмой* попыткой болѣе или менѣе прикрытаго сдѣлочнаго вымоганія свободы правительственнымъ кружкомъ и *четвертымъ* опытомъ открытаго, формальнаго ограниченія власти». Подписанный Анною въ Митавѣ 28 января 1730 г. *актъ* гласитъ слѣдующее:

«Понеже по воле всемогущаго Бога і по общему желанию всеросійского народа мы по преставленіи всепресветлѣйшаго державнѣйшаго великого государя Петра втораго, императора и самодержца всеросійского, нашего любезнѣйшаго государя племянника, императорскій всеросійскій престолъ восприяли и, слѣдуя божественному закону, правительство свое такимъ образомъ вести намерена и желаю, дабы оное вначалѣ (?) къ прославленію божеского имяни и къ благополучию всего нашего государства и всѣхъ вѣрныхъ нашихъ подданныхъ служить могло.

Того ради чрезъ сіе наикрѣпчайше обѣщаемся, что I) наиглавнейшео мое попеченіе и стараніе будетъ не токмо о содержаніи, но и о крайнемъ и всевозможномъ распространеніи православныя нашия вѣры греческого іcповѣдания.

II) Такожде по принятіи короны російской въ супружество во всю мою жизнь не вступать и наслѣдника ни при себѣ, ни по себѣ никого не определять.

III) Еще обѣщаемся, что понеже цѣлость и благополучие всякого государства отъ благихъ совѣтовъ состоитъ, того ради мы нынѣ уже учрежденный верховный тайный совѣтъ въ восми персонахъ всегда содержать и безъ оного верховного тайного совѣта согласна

1) ни съ кемъ войны не вчинать,

2) миру не заключать,

3) вѣрныхъ нашихъ подданныхъ никакими новыми податми не отягощать,
4) въ знатные чины какъ встатцкие, такъ и въ военные сухопутныя и морския выше полковничья ранга не жаловать, ниже къ знатнымъ дѣламъ никого не определять, и гвардіи и протчимъ войскамъ быть подъ веденіемъ верховного тайного совѣта,
5) у шляхетства живота, и імѣния і чести безъ суда не отъимать,
6) вотчины и деревни не жаловать,
7) въ придворныя чины какъ русихъ, такъ и іноземцовъ безъ совѣту верховного тайного совѣту не производить,
8) государственныя доходы въ росходъ не употреблять и всѣхъ вѣрныхъ своихъ подданныхъ въ неотменной своей милости содержать.
А буде чего по сему обещанию не исполню и не додержу, то лишена буду короны россійской.
По сему обѣщаю вся безъ всякого изъятія содержать.

Анна *).

Интересъ этого акта не столько историческій, сколько психологическій; онъ оказался страшнымъ для большинства; когда пришло извѣстіе, что «пункты» подписаны Анной, то знатная публика превратилась въ «бѣдныхъ осликовъ». Рабъ болѣе не умѣлъ дышать свѣжимъ воздухомъ хотя бы призрачной свободы, онъ былъ запуганъ и не смѣлъ ни радоваться, ни протестовать. Соловьевъ справедливо ссылается при этомъ на остроумное описаніе момента Ѳеофаномъ Прокоповичемъ. «Никого, почитай, писалъ послѣдній, кромѣ верховныхъ, не было, кто бы, таковая слушавъ, не содрогнулся, и сами тіи, которые всегда великой отъ сего собранія пользы надѣялись, опустили уши, какъ *бѣдные ослики*; шептанія нѣкая во множествѣ ономъ прошумливали, а съ негодованіемъ откликнуться никто не посмѣлъ». Пріѣхавъ въ Москву ограниченной монархиней, Анна, напоминавшая своимъ характеромъ царицу Прасковью, не потерялась, «бѣдныхъ осликовъ» обуздала и немедленно превратилась въ самодержицу, отмѣнивъ 25 февраля 1730 г. въ стѣнахъ московскаго кремлевскаго дворца торжественно данное ею мѣсяцъ тому назадъ слово... «и тѣ пункты ея величество при всемъ народѣ изволила, принявъ, разодрать». Авторъ и вдохновитель «пунктовъ», оперевшійся на шведскіе источники, князь Димитрій Михайловичъ Голицынъ, выразительно оттѣнилъ эту отправку русской конституціи въ архивъ, сказавъ приблизительно такъ: «Пиръ былъ готовъ, но званные оказались недостойными его; я знаю, что паду жертвой неудачи этого дѣла; такъ и быть, пострадаю за отечество, мнѣ ужъ и безъ того остается немного жить; но тѣ, кто заставляетъ меня плакать, будутъ плакать больше моего». И на самомъ дѣлѣ ужасы старинной тираніи превзошли потомъ сами себя, они выразились въ формахъ, какихъ теоретически на могло бы представить себѣ самое воспаленное воображеніе.

---

*) Слова курсивомъ и подпись сдѣланы рукою императрицы Анны.

* * *

Портретъ императрицы Анны Ивановны, дочери Ивана V-го и царицы Прасковьи Салтыковой, снятъ съ гравюры Вортманна 1736 г. (L. Caravaca &. S. M. totius Russiae pictor fecit 1730.—C. A. Wortmann Acad. sc. sculp. sculps. Petropoli. A⁰ 1736). Строго офиціальное происхожденіе портрета наложило на него свой суровый отпечатокъ: Анна на немъ изображена такой, какой ее хотѣли представить современному ей обществу, истерзанному нѣмецкой дворней. «Кондиціи» сдѣлали извѣстнымъ имя Анны Ивановны, онѣ же сумѣли его обезславить вмѣстѣ съ чрезвычайными эксцессами ея нѣмецкаго «друга» Бирона; она превратилась въ удивительно «*темное пятно*» русской жизни, какъ выразился В. О. Ключевскій. Всматриваясь въ эти искусно выгравированныя черты Анны, нельзя не вспомнить словеснаго портрета, нарисованнаго упомянутымъ историкомъ въ его «курсѣ русской исторіи». Царствованіе Анны—«одна изъ мрачныхъ страницъ нашей исторіи и наиболѣе темное пятно на ней—сама императрица. Рослая и тучная, съ лицомъ болѣе мужскимъ, чѣмъ женскимъ, черствая по природѣ и еще болѣе очерствѣвшая при раннемъ вдовствѣ среди дипломатическихъ козней и придворныхъ приключеній въ Курляндіи, гдѣ ею помыкали какъ русско-прусско-польской игрушкой, она, имѣя уже 37 лѣтъ, привезла въ Москву злой и мало образованный умъ съ ожесточенной жаждой запоздалыхъ удовольствій и грубыхъ развлеченій. Выбравшись случайно изъ бѣдной литовской трущобы на широкій просторъ безотчетной русской власти, она отдалась празднествамъ и увеселеніямъ, поражавшимъ иноземныхъ наблюдателей мотовской роскошью и безвкусіемъ. Въ ежедневномъ обиходѣ она не могла обойтись безъ шутихъ-трещетокъ, которыхъ разыскивала чуть не по всѣмъ угламъ имперіи; онѣ своей неумолкаемой болтовней угомоняли въ ней ѣдкое чувство одиночества, отчужденія отъ своего отечества, гдѣ она должна всего опасаться; большимъ удовольствіемъ для нея было унизить человѣка, полюбоваться его униженіемъ, потѣшиться надъ его промахомъ, хотя она и сама однажды повелѣла составить синодъ въ числѣ 11 членовъ изъ двухъ равныхъ половинъ, великоросійской и малоросійской». Эту черствость Анны, этотъ ужасъ душевной пустоты, сдобренной тираническимъ инстинктомъ, сумѣла оцѣнить одна изъ ея современницъ, одинъ изъ страдальческихъ персонажей XVIII в., Наталья Долгорукая (Шереметева), которая записала въ 1730 г., что Анна «престрашнаго была взору; отвратное лицо имѣла; такъ была велика, что когда, между кавалеровъ идетъ, всѣхъ головою выше, и чрезвычайно толста». Измѣнивъ въ своемъ словѣ верховному тайному совѣту, Анна не менѣе вольно отнеслась къ русскому народу, который для нея, какъ таковой, не существовалъ, а былъ лишь источникомъ ея неописуемаго мотовства. Наводнившіе Россію по мановенію Анны нѣмцы принялись усердно стричь баранье стадо, устроивъ настоящій погромъ народнаго хозяйства и русской знати. «Нѣмцы, пишетъ далѣе тотъ же В. О. Ключевскій, посыпались въ Россію, точно соръ изъ дыряваго мѣшка, облѣпили дворъ, обсѣли престолъ, забирались на всѣ доходныя

мѣста въ управленіи. Этотъ сбродный налетъ состоялъ изъ *клеотуръ* двухъ сильныхъ патроновъ, *канальи курляндца*, умѣвшаго только разыскивать породистыхъ собакъ, какъ отзывались о Биронѣ, и другого канальи, лифляндца, подмастерья и даже конкуррента Бирону въ фаворѣ, графа Левенвольда, оберъ-шталмейстера, человѣка лживаго, страстнаго игрока и взяточника. При разгульномъ дворѣ, то и дѣло увеселяемомъ блестящими празднествами, какія мастерилъ другой Левенвольдъ, оберъ-гофмаршалъ, перещеголявшій злокачественностью и своего брата, вся эта стая кормилась досыта и веселилась до упаду на доимочныя деньги, выколачиваемыя изъ *народа*». Исторія бироновщины—процессъ глубокаго разложенія деспотизма и окончательнаго преданія народныхъ интересовъ въ жертву преступной сворѣ пришельцевъ и туземныхъ лакеевъ. Даже у сдержаннаго Соловьева сцена смерти императрицы Анны, безвременно погибшей отъ «истинно царственнаго житія», производитъ рѣзкое впечатлѣніе. 5 октября 1740 г. императрицѣ за обѣдомъ сдѣлалось очень дурно. Вся дворня растерялась; самъ «великій герцогъ», который только что распорядился отсѣчь головы Волынскому, Еропкину и Хрущову, ходилъ смущенный; тщетно вносятъ въ спальню къ императрицѣ на подпись разныя бумаги съ распоряженіями насчетъ осиротѣвшаго государства... Въ суматохѣ выручалъ природный русскій умъ, Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ, осмѣлившійся написать ни много, ни мало, какъ то, что «*вся нація герцога регентомъ желаетъ*». 16 октября императрица подписываетъ назначеніе герцога Бирона регентомъ россійскаго государства, 17 октября 1740 г. онъ умираетъ, — и «великій герцогъ» становится формальнымъ властелиномъ націи, которая, по словамъ Бестужева-Рюмина, такъ страстно его желала...

В. Стор.

АННА Б. М. ИМПЕРАТРИЦА И САМОДЕРЖИЦА ВСЕРОССИСКАЯ
AN NA
IMPE RATRIX
totius Rossiae

какъ всегда есть возможность помѣшать пріѣзду недовольныхъ въ Петербургъ", то это бироновщина, ибо вся система этой политики диктуется соображеніями личной безопасности Бирона. „Ваше превосходительство не можете вообразить себѣ, до какого великолѣпія русскій дворъ дошелъ въ настоящее царствованіе, несмотря на то, что въ казнѣ нѣтъ ни гроша, а потому никому ничего не платятъ, что тоже много содѣйствуетъ общимъ жалобамъ", продолжаетъ свой докладъ тотъ же безпристрастный свидѣтель анненскаго царствованія. „Невзирая на недостатокъ въ деньгахъ, огромныя суммы тратятся придворными на великолѣпные костюмы для маскарада, предположеннаго здѣсь въ непродолжительномъ времени; кромѣ того, изъ Варшавы со дня на день ожидается прекрасная труппа актеровъ, присылаемая королемъ польскимъ для развлеченія ея величества, всѣ мысли которой отданы удовольствіямъ и заботѣ о томъ, какими бы богатствами и почестями осыпать графа Бирона и какъ обогатить его брата" *). У Анны была одна забота—дать: какъ достать то, что дается, объ этомъ заботилась не она и не тотъ, разумѣется, кому давали, а люди менѣе видные и болѣе дѣловые. Какъ мы уже упоминали, Остерманъ былъ первымъ изъ нихъ. Сравненіе этого фактическаго правителя Россіи семьсотъ тридцатыхъ годовъ съ его предшественниками изъ верховнаго тайнаго совѣта даетъ точь въ точь такое же впечатлѣніе, какъ сравненіе бумагъ этого учрежденія съ бумагами кабинета, непремѣннымъ членомъ котораго во все царствованіе Анны былъ Остерманъ. Любопытно, что онъ былъ уже и въ совѣтѣ, и многіе шаги буржуазной политики верховниковъ номинально связаны съ его именемъ: онъ былъ, напримѣръ, предсѣдателемъ „комиссіи о коммерціи". Но въ кабинетскихъ дѣлахъ мы не найдемъ никакихъ слѣдовъ того, что предлагала эта самая комиссія въ дни верховнаго совѣта: лучшее указаніе на то, что душою экономической политики этого послѣдняго былъ, во всякомъ случаѣ, не Остерманъ. Этотъ неудавшійся школьный учитель справедливо пользовался репутаціей самаго хитраго и ловкаго интригана, какого только можно было найти при тогдашнихъ европейскихъ дворахъ. Онъ превосходно зналъ бюрократическую рутину, но въ немъ не было ни крупицы настоящаго политическаго дѣятеля, и онъ самъ себѣ выдалъ свидѣтельство о бѣдности по этой части, оставивъ извѣстный

---

*) Сборн. Русск. Ист. Общества, т. 66-й, стр. 272—3.

проектъ „о приведенiи въ благосостоянiе Россiи“ *). Когда ему пришлось формулировать свои политическiе взгляды, онъ не нашелъ у себя ничего, кромѣ полузабытыхъ обрывковъ школьной морали: „страхъ Божiй; милосердiе и снисходительство; любовь къ правосудiю...“ Дальше идетъ перечисленiе мелкихъ бюрократическихъ прiемовъ, какъ завести порядокъ въ дѣлахъ, и мелкихъ уловокъ, какъ привлечь на свою сторону тѣхъ или другихъ влiятельныхъ чиновниковъ. Забота о распространенiи школъ является единственнымъ живымъ словомъ въ этой части канцелярской программы, а наивныя мечтанiя о торгѣ съ иностранными государствами ружьями, которыя изготовляетъ тульскiй заводъ, исчерпываютъ всю „экономическую политику“. Перечислить всѣ мелочи оказался, однако, безсильнымъ даже этотъ, жившiй исключительно мелочами, умъ, и каталогъ благополучiя россiйскаго государства остался недоконченнымъ. Любопытно, что въ бѣловомъ текстѣ эти мелочи, хоть нѣсколько осмысливающiя голыя фразы о страхѣ Божьемъ и любви къ правосудiю, вовсе отсутствуютъ: обобщить ихъ авторъ не сумѣлъ, а перечислить ихъ всѣ постѣснялся, щадя свою высокую читательницу (правительницу Анну Леопольдовну). Въ результатѣ получился документъ, своею высокопарной безсодержательностью выдѣляющiйся даже въ литературѣ русскихъ офицiальныхъ проектовъ.

Но если дѣятели бироновщины сами не умѣли возвыситься до политическихъ обобщенiй—и тѣмъ дали потомству случай оцѣнить всю разницу между ними и людьми такого калибра, какъ Дм. Голицынъ **) или хотя бы даже Меншиковъ—это не значитъ, чтобы въ ихъ поведенiи не было никакой общей политической линiи. Ее давала обстановка, независимо отъ отъ того, сознавалась она, или нѣтъ. Ища этого общаго въ политикѣ своихъ враговъ-правителей, русскiе дворяне временъ Анны—совершенно такъ же, какъ впослѣдствiи крѣпостные мужички ихъ внуковъ—видѣли все зло въ нѣмецкомъ происхожденiи Остермана, Бирона и ихъ компанiи: „нѣмецъ-управитель“, извѣстно, всегда „отчаянный грабитель“. Въ виду тенденцiи новѣйшей исторiографiи просто-напросто устранять изъ поля своего зрѣнiя нацiональные конфликты, вмѣсто того, чтобы объяснять ихъ, сводя къ соцiаль-

*) Этотъ проектъ и дополняющая его черновая „записка для памяти“ напечатаны въ Архивѣ кн. Воронцова, кн. 24-ая.

**) Безъ котораго они все же не могли обойтись: до своей окончательной опалы въ 1737 году Д. М. Голицынъ нерѣдко появляется на засѣданiяхъ кабинета въ качествѣ консультанта по иностранной политикѣ.

нымъ, приходится очень подчеркнуть, что борьба съ бироновщиной, какъ съ „нѣмецкимъ игомъ", вовсе не выдумана позднѣйшей литературой, какъ нерѣдко бываетъ въ подобныхъ случаяхъ. Субъективно, идеологія русскаго шляхетства около 1740-го года носила, несомнѣнно, рѣзко выраженный націоналистическій характеръ—это фактъ, не менѣе осязательный, нежели, напримѣръ, шовинизмъ англійской буржуазіи въ дни войны съ бурами. „Нѣмецкую партію" сочинилъ не XIX вѣкъ, какъ кажется нѣкоторымъ новѣйшимъ историкамъ: о ней весьма дружно говорятъ, со словъ русской публики, современные иностранные дипломаты. „Надменность и наглость, съ которою ведутъ себя теперь при здѣшнемъ дворѣ курляндцы и лифляндцы, увеличиваютъ почти до невѣроятной степени ненависть къ нимъ московитовъ; и самые благоразумные поэтому начинаютъ опасаться, какъ бы ихъ (mm. les courlandais) не постигла когда-нибудь та же катастрофа, которая случилась нѣкогда съ поляками, которые властвовали надъ Россіей, какъ теперь эти": такія слова были написаны немного больше, чѣмъ черезъ годъ послѣ воцаренія Анны, и не квасным русскимъ патріотомъ, а французскимъ резидентомъ при русскомъ дворѣ, дѣлавшимъ своему двору чисто дѣловое сообщеніе. И такой отзывъ не одинъ—разговоры о „господствѣ иностранцевъ" составляютъ нѣчто въ родѣ припѣва ко всѣмъ донесеніямъ Маньяна, а на этихъ донесеніяхъ строилась вся политика французскаго кабинета относительно Россіи; спекуляція на оскорбленное національное чувство русскаго „народа"—т.-е. русскаго дворянства—широкой полосой входила въ эту политику, о которой намъ еще придется говорить: и ея удача, успѣхъ французской кандидатуры цесаревны Елизаветы, сама по себѣ достаточно доказываетъ, что правительство Маньяна строило не на пескѣ. Просто отмахнуться отъ этого факта, заявивъ, что русско-нѣмецкій антагонизмъ не игралъ никакой роли при Аннѣ, конечно, очень облегчаетъ задачу историка; но это равносильно, въ то же время, отказу понять то, что творилось въ Россіи въ 1730-хъ годахъ. Приходится искать объективныхъ основаній для русско-нѣмецкой вражды, и мы безъ большого труда находимъ ихъ въ донесеніяхъ коллегъ Маньяна, англійскихъ представителей—Рондо и Финча. Ихъ еще болѣе дѣловыя сообщенія освѣщаютъ намъ экономическую базу „бироновщины". „Иноземное иго", о которомъ толковали русскіе патріоты того времени, въ переводѣ на экономическій языкъ означало господство западно-европейскаго капитала

надъ русской внутренней и внѣшней политикой при Аннѣ Ивановнѣ,— господство настолько прямое и безцеремонное, что ничего подобнаго этому мы не найдемъ въ предшествующую эпоху. Но исторія какъ бы нарочно постаралась демонстрировать, что „національное чувство“ въ качествѣ „голоса крови“, такъ сказать, здѣсь ни при чемъ—иностранцы, въ жертву которымъ нѣмецкое правительство приносило русскіе интересы, были какъ разъ не нѣмцы, а англичане. Биронъ служилъ не тѣмъ, кто говорилъ на одномъ съ нимъ языкѣ*), а тѣмъ, кто ему больше и лучше платилъ.

Экономическія основанія для того, чтобы „иноземное засилье“ приняло въ Россіи того времени форму „англійскаго засилья“, были вполнѣ достаточныя. „До очевидности ясно,— говоритъ одна современная записка (англійская,—этимъ объясняется ея тонъ),—что торговля съ Великобританіей въ теченіе многихъ лѣтъ была и понынѣ продолжаетъ быть для Россіи болѣе выгодною, чѣмъ торговля со всякой другой европейской націей; по нашимъ расчетамъ одна торговля съ нами доставляетъ ей болѣе дохода, чѣмъ торговля со всѣми прочими европейскими націями, вмѣстѣ взятыми: великобританскіе подданные вывозятъ двѣ трети всей вывозимой пеньки, болѣе половины всѣхъ вывозимыхъ кожъ, столько же льна, болѣе трехъ четвертей всѣхъ полотенъ и, по крайней мѣрѣ, столько же желѣза, весь поташъ, большую часть ревеня, рыбьяго клея, щетины, воска и проч., и за три четверти этихъ товаровъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ платили и понынѣ платятъ русскимъ деньгами. И вся эта масса русскихъ продуктовъ, исключая кожевеннаго товара, ввозится въ Великобританію“. Но англичане, естественно, считали для себя не очень выгоднымъ такое положеніе вещей: имъ было бы больше расчета ввозить въ Россію, въ обмѣнъ на сырье, свои товары. Если бы при этомъ цѣны на эти послѣдніе и на русскіе продукты установились достаточно для англичанъ выгодныя, Россія экономически попадала бы въ разрядъ англійскихъ колоній. Въ правленіе верховнаго тайнаго совѣта, покровительствовавшаго туземной буржуазіи, дѣло шло, однако же, какъ разъ наоборотъ: „хотя“, продолжаетъ цитируемая записка, „въ Англію русскихъ товаровъ ввозится и теперь почти столько же или даже сполна

---

*) Нѣмецкій языкъ былъ тогда чѣмъ-то въ родѣ оффиціальнаго языка высшихъ петербургскихъ сферъ: вновь назначенный англійскій посланникъ первымъ дѣломъ началъ въ Петербургѣ учиться по-нѣмецки, „хотя это и трудно въ моемъ возрастѣ“ прибавляетъ онъ.

столько же, какъ и въ предыдущіе годы, вывозъ изъ Англіи въ Россію за послѣднія десять лѣтъ уменьшился, по крайней мѣрѣ, на половину". Англичане видѣли этому двѣ причины: во-первыхъ, конкурренцію прусскихъ и голландскихъ мануфактуръ, во-вторыхъ, перенесеніе торговли изъ Архангельска на Балтійское море. Съ 1724 года пруссаки сдѣлались постоянными поставщиками сукна для русской арміи: косвенное, но очень яркое доказательство краха, постигшаго петровскія суконныя мануфактуры. Изъ Голландіи, главнымъ образомъ, шли тѣ фабрикаты, что служили для мѣновой торговли съ Персіей,—ихъ ввозили туда въ обмѣнъ на вывезенный шелкъ-сырецъ. Замѣна же Архангельска въ дѣлѣ англійскаго вывоза—не Петербургомъ, какъ бы мы ожидали, а Ригой—невыгодна была въ томъ отношеніи, что на рижскомъ рынкѣ приходилось расплачиваться наличными деньгами, тогда какъ въ Архангельскѣ торговля была мѣновая. Это положеніе вещей намѣчало, такимъ образомъ, три основныя линіи англійской торговой политики: устраненіе прусской конкурренціи, воскрешеніе на Балтійскомъ морѣ добрыхъ старыхъ обычаевъ Архангельска—и, въ качествѣ вѣнца всѣхъ успѣховъ, захватъ въ свои руки вывоза шелка изъ Персіи. При Биронѣ Англіи суждено было имѣть тріумфъ на всѣхъ этихъ трехъ поляхъ битвы,—не исключая и послѣдняго.

Уже въ апрѣлѣ 1732 года, когда новое правительство только что усѣлось прочно въ сѣдлѣ и начало пользоваться своимъ успѣхомъ, Рондо могъ писать своему начальству въ Лондонѣ: „касательно затрудненій, съ которыми связана была торговля великобританскихъ купцовъ въ теченіе многихъ лѣтъ, ея величеству (императрицѣ Аннѣ) угодно было приказать, дабы министры ея разсмотрѣли статьи переданной мною записки и выполнили мои желанія, насколько окажется возможнымъ безъ ущерба интересамъ Россіи и подданныхъ ея величества". Какого рода директивы даны были коммерцъ-коллегіи, видно изъ того, что она легко и скоро согласилась на всѣ англійскія требованія. „Могу, кажется, утверждать, что врядъ ли найдется въ Россіи другой примѣръ такого быстраго успѣха подобныхъ переговоровъ,—восклицаетъ съ чувствомъ законной гордости англійскій резидентъ.—Это убѣждаетъ меня, что здѣсь у насъ много друзей, помогавшихъ исходу дѣла, столь выгоднаго для торгующихъ въ этой странѣ подданныхъ его величества" (короля англійскаго). Счастливый дипломатъ не могъ выразиться осторожнѣе; фран-

цузскій агентъ, сообщая объ одной изъ прежнихъ англійскихъ неудачъ въ другомъ подобномъ дѣлѣ, былъ откровеннѣе и грубѣе: „эта милость,—говоритъ онъ о сохраненіи поставки суконъ за пруссаками,—стоила весьма дорого, такъ какъ ее можно было пріобрѣсти лишь при помощи значительныхъ денежныхъ суммъ, розданныхъ какъ оберъ-камергеру Бирону, такъ и графу Левенвольду и прочимъ фаворитамъ“. Пріобрѣтеніе „милости“ и англичанамъ, впослѣдствіи, обходилось недешево; объ одномъ изъ нихъ самъ англійскій консулъ высказывалъ опасеніе, какъ бы смѣлый купецъ не разорился: „такія, какъ увѣряютъ, огромныя суммы пришлось ему выдать, чтобы провести контрактъ“. Но англичане знали, что дѣлали, ведя борьбу до конца на этомъ аукціонѣ. Имъ удавалось добиваться „милостей“ уже совсѣмъ необыкновенныхъ. Въ маѣ того же 1732 года фельдмаршалъ Минихъ (кто бы подумалъ, что знаменитый генералъ такъ заботился о мирной коммерціи?) велѣлъ внезапно произвести обыскъ въ домахъ иностранныхъ купцовъ, проживавшихъ въ Петербургѣ, съ цѣлью открытія контрабанды. При этой внезапной ревизіи англійскіе коммерсанты оказались чисты, какъ голуби: у нихъ ни кусочка не нашлось, не снабженнаго надлежащимъ таможеннымъ клеймомъ; англійскій консулъ сообщалъ объ этомъ не безъ умиленія—и съ искренней жалостью добавлялъ, что, вотъ у пруссаковъ и голландцевъ, кажется, не такъ хорошо—„найдено много неоплаченныхъ товаровъ“. Само собою разумѣется, что англійскій представитель не отказался принять офиціальное участіе въ протестѣ всѣхъ иностранныхъ дипломатовъ противъ набѣга фельдмаршала на торговые склады. Но фельдмаршалъ не только не разсердился за это на англичанъ (честные торговцы, но и добрые товарищи при этомъ—военный человѣкъ долженъ былъ особенно это оцѣнить), а и счелъ долгомъ спеціально наградить англійскую добродѣтель, проведя съ чисто военной быстротой контрактъ на поставку одной англійской компаніи поташа, золы, пеньки и сибирскаго желѣза (казенныхъ товаровъ) по баснословно дешевой цѣнѣ. На несчастіе Миниха, онъ не подѣлился съ Левенвольдомъ—и тотъ намекнулъ Аннѣ Ивановнѣ, что она теряетъ на этой сдѣлкѣ не меньше 180 тысячъ рублей (около полутора милліона теперешнихъ). Минихъ, былъ очень сконфуженъ, а сдѣлка немедленно кассирована; но такъ какъ англичане, не жеманясь, тотчасъ же накинули отъ 8 до 20% на условленную ранѣе цѣну, то казенные товары остались все же за ними.

Мы видѣли еще разъ, какъ условно названіе „бироновщины“: во всей этой исторіи имя курляндскаго герцога никѣмъ и не упоминалось, а между тѣмъ какая она характерно-„бироновская“. Быть можетъ, однако же, просто размѣры этого дѣла, крупнаго, но еще не вполнѣ „государственнаго“ по своему масштабу, ставили его ниже вниманія фаворита Анны Ивановны. Для насъ не ясна его личная роль въ исторіи съ сукномъ, которое, въ результатѣ всѣхъ перипетій, попало-таки въ англійскія руки, хотя и не прямо: въ качествѣ посредника къ дѣлу успѣлъ примазаться голландскій купецъ, чуть ли не спеціально для этого принявшій, впрочемъ, англійское подданство. Это очень огорчило патріотическое сердце сэра Клавдія Рондо—и въ припадкѣ досады на неуклюжесть своихъ земляковъ, давшихъ выхватить у себя добычу изъ-подъ носу, онъ обмолвился нѣсколькими откровенностями, отъ которыхъ, безъ сомнѣнія, воздержался бы въ спокойную минуту. Благодаря этому мы узнаемъ, что хотя вообще англійскія сукна были и лучше прусскихъ, но спеціально въ Россію англичане норовили сбыть всякую дрянь, подмоченную и залежавшуюся. Надежды Рондо, что, наученные опытомъ, англичане теперь поостерегутся, повидимому, не оправдались, и русское правительство отъ англійскаго не разъ вынуждено было снова обращаться къ прусскому сукну, которое хотя по существу тоже никуда не годилось, какъ свидѣтельствовалъ самъ кабинетъ министровъ, но зато было такъ подкрашено и подклеено, что хоть на пріемкѣ имѣло приличный видъ. Но главной цѣлью англійскихъ домогательствъ было все же не сукно и не поташъ съ пенькой, а—читатель, помнящій исторію торговаго капитализма въ Россіи, уже догадался объ этомъ—торговля съ Персіей. Смѣнившій Рондо Финчъ едва ли и пріѣхалъ въ Россію не съ двумя главными цѣлями: открыть персидскій транзитъ черезъ Россію англійскимъ купцамъ и получить нѣкоторое количество русскихъ штыковъ на англійскую службу. Послѣднее, конечно, носило форму союзнаго договора между двумя великими державами; первое было облечено въ болѣе скромную форму привилегіи, данной императрицей частной компаніи, но, слѣдя шагъ за шагомъ за хлопотами Финча, съ трудомъ представляешь себѣ, что было важнѣе. Рѣчь вѣдь шла не о томъ только, чтобы вывозить шелкъ-сырецъ изъ Персіи: это было лишь начало; черезъ Персію англичане надѣялись, съ одной стороны, наводнить своими товарами всю среднюю Азію, съ другой—проложить

себѣ путь въ Индію, которая тогда стояла на распутьи и могла такъ же легко сдѣлаться французской, какъ и англійской. Переговоры объ этихъ важныхъ дѣлахъ Финчъ велъ съ Бирономъ лично (для того и понадобился ему нѣмецкій языкъ), и герцогъ курляндскій оказался куда податливѣе, нежели упрямые московскіе бояре XVII вѣка, такъ неумолимо отстаивавшіе отъ всей Европы русскую монополію на персидскій шелкъ. За ничтожную пошлину образованная въ Англіи „персидская компанія" получила возможность расположиться на Волгѣ и Каспійскомъ морѣ, какъ у себя дома. Не нашли нужнымъ выговорить даже пользованіе русскими судами и русскими матросами: въ Казани было выстроено, средствами тамошняго русскаго адмиралтейства, но по англійскимъ планамъ, особое судно, годное какъ для Волги, такъ и для Каспійскаго моря, ставшее собственностью англійской компаніи, и снабженное англійскимъ экипажемъ. Таможенный контроль по отношенію къ этому судну въ Астрахани былъ сведенъ къ такому минимуму, что оно весьма свободно могло возить контрабанду, уклоняясь отъ платежа даже той ничтожной пошлины, которая была выговорена трактатомъ. Не мудрено, что англійскій посланникъ былъ преисполненъ живѣйшей благодарности къ русскому правительству (трудно было быть щедрѣе и великодушнѣе!)—и расплатился съ нимъ за это чрезвычайно оригинально. Черезъ него бироновское правительство — уже лишенное, къ огорченію Финча, своего номинальнаго главы, но, подъ управленіемъ Остермана, не менѣе еще „бироновское" — получило первыя и чрезвычайно обстоятельныя свѣдѣнія о заговорѣ, угрожающемъ его существованію. То, что даже и послѣ этого заговоръ удался, принадлежитъ къ числу самыхъ любопытныхъ эпизодовъ не одной русской исторіи.

Заговоръ носился въ воздухѣ все время царствованія Анны. Правительство, вышедшее изъ государственнаго переворота, могло быть сильнымъ, только вѣрно соблюдая молчаливый договоръ съ тѣми, кто этотъ переворотъ устроилъ въ его пользу. Но мы знаемъ, какъ оно было далеко отъ этого. Шляхетство медленно приходило къ сознанію, что его обманули, что его использовали „курляндцы и лифляндцы". Но было настолько ясно, что рано или поздно это будетъ понято, что нетерпѣливые люди спѣшили использовать оппозиціонное настроеніе шляхетства раньше, нежели оно успѣло сложиться. Одно донесеніе голландскаго посланника изъ Мо-

сквы, отъ 6 января 1731 года *), показываетъ намъ неудачный финалъ заговора, сложившагося въ Москвѣ меньше, чѣмъ черезъ годъ послѣ патетическихъ сценъ „возстановленія самодержавія“. Во время одной изъ почти ежедневныхъ поѣздокъ Анны въ Измайлово, подъ одной изъ придворныхъ каретъ, ѣхавшей непосредственно передъ каретой императрицы, внезапно осѣла земля; въ провалѣ увидали „бревна, отрывающіяся и падающія другъ на друга вмѣстѣ съ огромными глыбами камней, нагроможденныхъ по бокамъ“. Къ счастію для Анны Ивановны, техническія средства, которыми располагали эти отдаленные предшественники народовольцевъ, были далеко ниже поставленной ими себѣ задачи: мина безъ пороха дѣйствовала такъ медленно, что пассажиры кареты успѣли изъ нея выскочить безъ всякаго вреда для себя. Тѣмъ не менѣе императрица немедленно вернулась во дворецъ. Послѣдовали, разумѣется, аресты, но открыть, видимо, ничего не удалось; придворныя сплетни приписывали дѣло первой женѣ Петра, монахинѣ Евдокіи Лопухиной. Но послѣдующее донесеніе уже самого Маньяна ясно показываетъ, что не было надобности искать заговорщиковъ такъ далеко. Вотъ цѣликомъ это донесеніе—какъ нельзя болѣе выразительное въ томъ, что оно говоритъ о настроеніи верхнихъ слоевъ русскаго общества на другой годъ послѣ воцаренія Анны. „Судя по тому, какъ продолжаютъ говорить о недовольствѣ, выказываемомъ повсюду русскими вслѣдствіе злоупотребленій милостями царицы со стороны Бироновъ и братьевъ Левенвольде, весьма вѣроятно, что это и заставляетъ здѣшнюю государыню болѣе всего оставаться въ своей столицѣ, для предупрежденія, быть можетъ, безпорядковъ, которые могли бы быть вызваны ея отсутствіемъ... Здѣсь уже не скрываютъ, что нынѣшніе фавориты являются для русскаго народа еще гораздо болѣе ненавистными, чѣмъ были Долгоруковы въ послѣднее царствованіе, и что, кромѣ нововведеній и новыхъ обычаевъ, вводимыхъ фаворитами какъ при дворѣ, такъ и въ войскѣ, путешествіе, задуманное царицею, удобно только для нихъ однихъ; что касается другихъ русскихъ вельможъ, обязанныхъ слѣдовать за царицей, то, такъ какъ они по большей части уже вполнѣ почти разорены роскошью, къ которой ихъ обязываютъ, эта поѣздка была бы для нихъ разорительнѣе четырехлѣтней войны съ

*) Оно, въ качествѣ любопытнаго документа, было переслано Маньяномъ своему правительству—и потому напечатано среди французскихъ бумагъ. Сб. Р. Ист. Общ., т. 81, стр. 156 и сл.

туркам... Такъ, можно сказать, думаютъ русскіе въ настоящее время, и это даетъ мѣсто среди нихъ ропоту, который, можетъ быть, былъ бы опаснѣе, чѣмъ онъ есть въ дѣйствительности, если бы недовольные не были лишены, какъ оно есть на самомъ дѣлѣ, руководителя, способнаго вызвать тревогу при дворѣ, и если бы, кромѣ того, царица не полагалась до такой степени на свою гвардію" *).

Итакъ, бироновщина уже на второй годъ своего существованія „сидѣла на штыкахъ"... Необычайно яркую картину настроенія, переживавшагося тѣми, кто, казалось, такъ твердо занялъ престолъ, даетъ разсказъ того же автора о способѣ, какимъ Анна обезпечила престолонаслѣдіе за своей, т.-е. старшей линіей дома Романовыхъ, потомками царя Ивана Алексѣевича. Самая пылкая фантазія можетъ себѣ представить при этомъ обстоятельствѣ—дворцовыя интриги, бурныя засѣданія высшихъ государственныхъ учрежденій, можетъ быть, подтасованныя ихъ рѣшенія, но не то, что происходило въ дѣйствительности. „Въ ночь съ прошлаго четверга на пятницу (дѣло было въ декабрѣ 1731 года) царица повелѣла своему оберъ-камергеру (Бирону) призвать маіора гвардіи Волкова и предписать ему собрать къ четыремъ часамъ утра всѣ три гвардейскихъ полка передъ входомъ во дворецъ. Маіоръ, встревоженный тѣмъ, какое обстоятельство могло вызвать подобное распоряженіе среди ночи, сталъ просить оберъ-камергера открыть ему причину, но послѣдній отвѣтилъ ему, что и самъ ея не знаетъ и не совѣтуетъ ему вдобавокъ идти за объясненіями къ царицѣ. Волковъ повиновался. Въ четыре часа войска стояли подъ ружьемъ, а на разсвѣтѣ царица призвала въ свои апартаменты членовъ своего совѣта и главныхъ офицеровъ своей гвардіи и обратилась къ нимъ съ рѣчью, содержавшею вкратцѣ слѣдующее: для предупрежденія безпорядковъ, подобныхъ наступившимъ по смерти ея предшественника, царя Петра II, и столь противныхъ древнимъ завѣтамъ русскаго правительства, что слѣдствіемъ ихъ чуть не явилась окончательная гибель государства, она, царица, полагаетъ, что въ этомъ случаѣ нѣтъ болѣе вѣрнаго средства, какъ назначить себѣ преемника при жизни". Вслѣдъ затѣмъ, сначала приглашенные высшіе чины, а слѣдомъ за ними и вся гвардія присягнули новому наслѣднику—не столько назначенному, сколько, употребляя военное выраженіе, „обозначенному", ибо

---

*) Ibid., стр. 159—160.

онъ еще не родился... Имъ долженъ былъ стать несчастный Иванъ Антоновичъ, политическое существованіе котораго началось, такимъ образомъ, подъ штыками, покончившими съ его физическимъ существованіемъ впослѣдствіи. На рѣдкость „военный“ царь—хотя онъ ни разу въ жизни не былъ на плацпарадѣ! И для дополненія военнаго характера всего событія, оно закончилось арестомъ генералъ-фельдмаршала, послѣдняго уцѣлѣвшаго представителя фамиліи Долгорукихъ, князя Василія Владиміровича.

Опредѣленные признаки броженія не только при дворѣ, а и въ болѣе широкихъ кругахъ, можно было замѣтить уже къ осени 1732 года. „На сихъ дняхъ въ разныхъ мѣстахъ появились пасквили“, доносилъ 23 сентября этого года саксонскій резидентъ: „въ крѣпость заключены различные государственные преступники, между которыми не мало священниковъ; третьяго дня привезли еще изъ Москвы трехъ бояръ и одиннадцать священниковъ; все это держится подъ секретомъ. Главная причина народнаго неудовольствія то, что возобновили взиманіе недоимокъ, отъ которыхъ должны были отказаться царица Екатерина и Петръ II“. Другія донесенія прибавляютъ еще кое-какіе мотивы „народнаго недовольства“—въ особенности натуральныя повинности, при помощи которыхъ строились не только крѣпости, а и дворцы Анны Ивановны. Отнимая рабочія руки у помѣщиковъ, правительство сильно озлобляло послѣднихъ: читатель не забылъ, конечно, что „народъ“ иностранныхъ дипломатовъ это и есть „шляхетство“. Съ формальнымъ заговоромъ, однако же, курляндское правительство встрѣтилось не раньше 1738 года. Онъ связанъ съ именемъ Долгорукихъ и извѣстенъ исключительно со словъ иностранцевъ: русскіе документы о немъ молчатъ, и русскіе историки, начиная съ Соловьева, не видятъ во всемъ дѣлѣ ничего, кромѣ сплетни, пущенной въ ходъ бироновцами для того, чтобы оправдать передъ европейскимъ общественнымъ мнѣніемъ „всеродное“ истребленіе несчастной семьи, на самомъ дѣлѣ, новая опала Долгорукихъ объясняется исключительно мстительностью Анны и Бирона. Психологически не совсѣмъ понятна месть, отложенная на семь лѣтъ: придумать сплетню было вѣдь такъ же легко въ 1732-мъ, какъ и въ 1738-мъ году. Гораздо труднѣе было обставить дѣло такъ, чтобы сплетня подходила къ событіямъ не только 1738-го, а и 1741-го года, оправдавшимъ именно то, что въ разсказѣ иностранцевъ кажется всего невѣроятнѣе. Вотъ этотъ разсказъ въ существенныхъ чертахъ: возмущенныя разореніемъ

страны и господствомъ нѣмцевъ, „нѣкоторыя изъ значительнѣйшихъ русскихъ фамилій“ стали „искать наиболѣе подходящихъ средствъ, чтобы освободиться отъ ига чужеземцевъ и ввести въ Россіи, при помощи революціи, новую форму правленія. Князья Долгоруковы, Нарышкины и Голицыны составили съ этой цѣлью неудавшійся заговоръ, пытаясь возбудить всеобщее волненіе и заставить взяться за оружіе подданныхъ, принадлежавшихъ къ ихъ партіи; разсчитывая на поддержку со стороны Швеціи, они хотѣли, такимъ образомъ, устранить царицу, принцессу Анну (мать будущаго императора Ивана) и супруга ея, принца вольфенбютельскаго, равно какъ и всю семью герцога курляндскаго, истребить, кромѣ того, нѣмцевъ или прогнать ихъ изъ страны. Еврей Либерманъ, придворный банкиръ и фаворитъ герцога курляндскаго, долженъ былъ быть преданъ въ руки разъяренной черни. Согласно этому невыполненному замыслу принцесса Елизавета должна была быть провозглашена императрицей“. Какая дичь, скажетъ всякій, дойдя до мѣста, гдѣ говорится о „поддержкѣ Швеціи“. Но въ 1741 году Елизавета стала русской императрицей именно при содѣйствіи Швеціи, котораго она сознательно и настойчиво добивалась, восшествіе ея на престолъ сопровождалось націоналистической реакціей, и, въ частности, ея правленіе ознаменовано рѣзкими проявленіями антисемитизма—до тѣхъ поръ настолько чуждаго русскимъ офиціальнымъ кругамъ, что крещеный еврей могъ быть царскимъ министромъ и однимъ изъ „верховныхъ господъ“. Чтобы сочинить сказку, которая два года спустя сдѣлалась правдой, нужно было, или чтобы „сказочники“ были геніальными людьми—но именно это качество всего труднѣе было бы найти у бироновцевъ—или, чтобы исторія подарила насъ случайностью, которая бываетъ разъ въ двѣ тысячи лѣтъ, но наличность такой случайности нужно, конечно, доказать сначала. По обязанности историка: въ случаѣ нѣсколькихъ возможныхъ объясненій выбирать наиболѣе простое и правдоподобное,—приходится остановиться на томъ, что въ процессѣ Долгорукихъ мы имѣемъ первую вспышку того, можно сказать, международнаго заговора, который тянулся около пяти, можетъ быть, лѣтъ и закончился событіемъ 25 ноября 1741 года—появленіемъ ночью во дворцѣ цесаревны Елизаветы въ качествѣ „капитана гренадерской роты“. Самымъ же невѣроятнымъ во всей исторіи являются не тѣ, отмѣченныя нами, подробности, которыя внушили не-

довѣріе къ разсказу русскимъ историкамъ,—а то, что въ послѣдній годъ заговоръ былъ „открытой тайной“, извѣстной всѣмъ и каждому: но у бироновцевъ было такъ мало геніальности, что даже при такой обстановкѣ они не сумѣли съ нимъ бороться.

Зависимость курляндскаго правительства отъ Англіи не могла ограничиться одной экономической областью. Какъ ни велики были интересы англійскихъ купцовъ въ Россіи, они были ничтожны, сравнительно съ интересами всемірной англійской торговли—сравнительно съ задачей созданія колоніальной британской имперіи, задачей, падавшей именно на тѣ годы, середину восемнадцатаго столѣтія. Въ наши дни трудно себѣ представить, чтобы серьезной соперницей Англіи на этомъ пути могла быть Франція: такъ кажутся несоизмѣримы силы этихъ двухъ державъ на морѣ. Но этой несоизмѣримости не было еще даже въ первые годы XIX вѣка, до Трафальгарской битвы, а за семьдесятъ лѣтъ передъ Трафальгаромъ колоніальное расширеніе Англіи на всѣхъ пунктахъ земного шара наталкивалось на энергичное и, иногда, успѣшное противодѣйствіе французовъ. Бѣлый флагъ съ лиліями попадался вездѣ на дорогѣ красному англійскому: въ Сѣверной Америкѣ, въ Остъ-Индіи, въ Африкѣ, на Средиземномъ морѣ—и даже въ Россіи. Но Россія послѣ Петра была не только рынкомъ: это была крупная военная держава, имѣвшая и свой флотъ—въ немъ, правда, англичане не нуждались—и сухопутную армію, въ которой бѣдная солдатами Англія нуждалась всегда. Наемъ на англійскую службу русскихъ штыковъ сталъ хроническимъ явленіемъ въ началѣ XIX вѣка, въ дни наполеоновскихъ войнъ. Въ половинѣ предыдущаго столѣтія предпочитали нанимать прусскіе штыки: Фридрихъ II всю семилѣтнюю войну провелъ при помощи англійскихъ субсидій. Но и русскими уже не брезговали—и первый случай найма мы имѣемъ какъ разъ въ дни бироновщины: пребываніе Финча въ Петербургѣ кончилось (уже послѣ смерти Анны) заключеніемъ союзнаго договора Россіи съ Англіей, предоставлявшаго въ распоряженіе англійскаго короля корпусъ русскаго войска, при чемъ не нашли нужнымъ даже опредѣлить, противъ кого. Указать противника, ненавистью къ которому должны были проникнуться сердца русскихъ солдатъ, любезно предоставлялось Георгу II. Не нужно, впрочемъ, думать, что этимъ дѣлалось какое-нибудь исключеніе для англичанъ: за нѣсколько лѣтъ раньше правительство Анны Ивановны на такихъ же любезныхъ усло-

віяхъ предоставило 30.000 русскаго войска австрійскому, въ тѣ времена еще „германскому“, императору. Чтобы достигнуть этой цѣли, императорскій посланникъ роздалъ Бирону и его коллегамъ, во-первыхъ, всѣ тѣ подарки, которые предназначались для Долгорукихъ, но прибыли уже послѣ смерти Петра II и восшествія на престолъ Анны (ихъ оцѣнивали въ 100 тысячъ тогдашнихъ рублей), а къ этому еще не одну сотню тысячъ флориновъ наличными деньгами. Подписаніе русско-англійскаго трактата дало поводъ къ сценѣ, не менѣе выразительной. „8-го ноября, отправляясь къ графу (Остерману) для обмѣна ратификаціи, разсказываетъ Финчъ, я захватилъ съ собой и вексель Лаутера на 1.500 фунтовъ на имя его сіятельства, написавъ на оборотѣ переводъ на его банкира, Вольфа, живущаго съ нимъ дверь о дверь, дабы графу, для полученія денегъ, оставалось только подписать свою фамилію. „Ваше сіятельство“, сказалъ я ему, „не разъ говаривали мнѣ о своемъ желаніи посѣтить меня въ Англіи и провести тамъ остатокъ дней философомъ (въ часы грустнаго настроенія графъ дѣйствительно высказывалъ мнѣ эту мысль). Какъ ни мало вѣроятно осуществленіе такой мечты, въ случаѣ ея осуществленія, однако, вамъ пришлось бы прежде всего подумать о фунтахъ стерлинговъ; поэтому, повинуясь приказаніямъ короля, позволяю себѣ просить васъ, не разрѣшите ли мнѣ, вмѣстѣ съ благодарностью его величества, вручить вамъ отъ его имени вексель въ 1.500 фунтовъ, которые сосѣдъ вашъ, Вольфъ, выплатитъ вашему сіятельству немедленно, какъ только вы подпишете передаточную надпись?“ Остерманъ тогда, послѣ паденія Миниха, чувствовавшій себя некоронованнымъ императоромъ Россіи, не сталъ марать руки о такую ничтожную сумму (1.500 фунтовъ—6.000 рублей по тогдашнему курсу: англичане, дѣйствительно, пожадничали, но вѣдь договоръ былъ уже заключенъ...) и отказался.

Въ ту минуту, когда происходилъ этотъ любопытный разговоръ, деньги оказались бы выброшенными въ форточку: всего черезъ три недѣли некоронованнымъ императоромъ чувствовалъ себя французскій посланникъ, маркизъ Шетарди. Что Франція не могла потерпѣть русско-англійскаго договора, это разумѣлось само собой. Помѣшать заключенію такого договора было главной задачей предшественника Шетарди, Маньяна. Сначала, повидимому, французы имѣли въ виду бороться на равномъ оружіи и дѣйствовать подкупомъ. Въ этой плоскости шли разговоры французскаго резидента съ

Минихомъ. Всего легче, повидимому, было удовлетворить самое императрицу Анну: для этого казалось достаточнымъ признать за ней императорскій титулъ (для французскаго правительства она была по-старому только „царица“). Услыхавъ такое предложеніе отъ Маньяна, Минихъ пришелъ въ чрезвычайное оживленіе, четыре раза повторивъ, что императрицу ничто не можетъ сильнѣе побудить къ заключенію союза съ Франціей, нежели этотъ актъ вѣжливости; при этомъ фельдмаршалъ „двигался на своемъ стулѣ съ необыкновенно сильными проявленіями радости“. Если бы къ этому еще послать нѣсколько кусковъ хорошихъ вышитыхъ обоевъ (роскошь, тогда только что начавшая входить въ моду въ русскихъ барскихъ домахъ)—то дѣло относительно Анны было бы совсѣмъ въ шляпѣ, по мнѣнію Маньяна. Но окружавшіе императрицу „курляндцы и лифляндцы“ были людьми болѣе практическими: имъ нужны были „экю“, о которыхъ такъ часто и съ такой тоской говоритъ въ своихъ донесеніяхъ французскій резидентъ; а по этой части не только англичане, но даже имперцы были куда сильнѣе бѣднаго представителя Людовика XV. Французское министерство иностранныхъ дѣлъ дрожало надъ каждымъ грошемъ и неумолимо держалось при этомъ бюрократической отчетности, совершенно немыслимой, когда рѣчь шла о „секретныхъ фондахъ“. Вмѣсто того, чтобы тратить сотни тысячъ на подкупъ русскихъ министровъ, французскій кабинетъ предпочиталъ дать сотни экю на... литературную борьбу съ ними. Въ 1736 году въ Парижѣ появилась книжка подъ напоминавшимъ извѣстное юношеское произведеніе Монтескье заглавіемъ: „Lettres moscovites“. Въ основу ея легли воспоминанія нѣкоего Локателли (въ книжкѣ не названнаго): по всему судя, то былъ одинъ изъ мелкихъ французскихъ шпіоновъ, появленіе которыхъ въ Россіи того времени было болѣе, чѣмъ естественно. Самъ военный, онъ особенно близко интересовался положеніемъ русской арміи, и большая часть „писемъ“ посвящена разсужденіямъ на ту тему, что „московиты“ на войнѣ никуда не годятся и бояться ихъ нечего. Быть можетъ, это было и такъ, но нельзя не замѣтить, что при данной обстановкѣ невольно вспоминается басня о лисицѣ и виноградѣ. Приключенія Локателли кончились для него плачевно: онъ былъ арестованъ въ Казани и послѣ продолжительнаго пребыванія въ русскихъ тюрьмахъ высланъ за границу. Описанію московитскихъ жестокостей, которое, нужно сказать, мало трогаетъ подъ перомъ такого автора, посвящена другая половина книж-

ки. Но всего замѣчательнѣе въ ней ея послѣсловіе: „издатель“ воспоминаній французскаго шпіона, человѣкъ, повидимому, превосходно освѣдомленный въ русскихъ дѣлахъ, по поводу описанныхъ Локателли порядковъ дѣлаетъ рядъ жестокихъ выпадовъ противъ „министровъ иноземцевъ“, управляющихъ Россіей, обѣщаясь заняться систематическимъ разоблаченіемъ ихъ подвиговъ въ спеціально издаваемой для того газетѣ. Неожиданный предшественникъ Герцена въ 1736 году! Рядомъ съ этимъ—и здѣсь мы имѣемъ самую интересную страницу всего памфлета—„издатель“ является горячимъ сторонникомъ кандидатуры на престолъ цесаревны Елизаветы Петровны, единственной, по его мнѣнію, законной наслѣдницы, угнетаемой и преслѣдуемой будто бы правительствомъ императрицы Анны.

Всѣ перечисленныя черты автора послѣсловія: ненависть къ „нѣмцамъ“, преданность Елизаветѣ, освѣдомленность въ русскихъ дѣлахъ, давали бы, казалось, возможность назвать опредѣленное имя—авторомъ могъ бы быть Волынскій или кто-нибудь изъ его „конфидентовъ“. Памфлетовъ они, вообще, не были чужды: очень извѣстна тенденціозная передѣлка кѣмъ-то изъ кружка Волынскаго полоцкой лѣтописи, переносившая борьбу съ нѣмцами въ XIII вѣкъ, при чемъ курляндцы были замѣнены „поморянами“. Сосѣдство съ французскимъ шпіономъ не должно удивлять: „патріотизмъ“ тѣхъ дней былъ совсѣмъ особенный—не видѣла же Елизавета ничего зазорнаго въ томъ, что на русскій престолъ ее посадятъ шведы. Гипотезѣ о родствѣ „московскихъ писемъ“ съ кружкомъ Волынскаго противорѣчитъ хронологія: въ 1736 году Артемій Петровичъ былъ еще въ прекрасныхъ отношеніяхъ съ „нѣмцами“ и дѣлалъ карьеру при Биронѣ. Какъ разъ въ это время онъ былъ назначенъ оберъ-егермейстеромъ—не пустой титулъ, если мы припомнимъ, какой страстной охотницей была Анна. Волынскаго откинула въ оппозицію неудачная конкуренція съ Остерманомъ. Возможно, что тогда онъ въ самомъ дѣлѣ втянулся въ заговоръ, не имъ начатый, но гдѣ, конечно, съ распростертыми объятіями приняли такого вліятельнаго союзника. Вполнѣ возможно однако, что Волынскаго лично притянули къ заговору и сдѣлали его вождемъ просто для того, чтобы убрать съ дороги Остермана единственную крупную фигуру: насколько дѣло Долгорукихъ трудно объяснимо на одной личной почвѣ, настолько гибель Волынскаго легко поддается такому объясненію. Внѣшнія подробности трагедіи слишкомъ хорошо извѣстны изъ учеб-

Герцогъ Биронъ.

Портретъ Бирона снятъ съ гравюры Ивана Соколова работы не позднѣе 1740 года; внизу овала гербъ, кругомъ овала надпись: D. G· Ernestus Iohannes in Livon. Curl. et Semig. dux. На оригиналѣ гравюры, съ котораго сдѣланъ настоящій снимокъ, какая-то заботливая съ историческимъ вкусомъ рука сдѣлала подпись чернилами: *Geboren 1687. Herzog von Kurland 1737. Nach Sibirien verwiesen 1740 und zurückberufen 1741. Resignirt das Herzogthum 1766. † 1772.* Именемъ герцога Бирона, бывшаго для императрицы Анны Ивановны тѣмъ, чѣмъ для Елизаветы Алексѣй Разумовскій или для Екатерины II Григорій Орловъ, обозначается цѣлый моментъ русской исторіи—*бироновщина*,—характерный безудержнымъ грабежемъ русскаго крестьянства и ничѣмъ несдерживаемымъ истребленіемъ русской знати. Биронъ, человѣкъ случая и фавора, сталъ тѣмъ, что въ нашемъ прошломъ характерно зовутъ именемъ временщика. Нѣмецъ во главѣ россійскаго государства—явленіе мало удивительное для русской исторіи XVIII столѣтія; нѣмецкая власть, если угодно превратилась въ упорную традицію на Руси. Биронъ привлекалъ и увлекалъ своей личностью, но никогда не бывалъ популярнымъ ни въ Россіи, ни у себя въ Курляндіи. Въ 1737 г. россійскій императорскій оберъ-камергеръ имперскій графъ фонъ Биронъ былъ избранъ въ Митавѣ герцогомъ курляндскимъ, чему виной была его близость къ русской императрицѣ. Все величіе, вся сила Бирона, все его безконтрольное хозяйничанье въ россійской имперіи опиралось исключительно на фикцію самодержавной власти императрицы Анны. Послѣдняя могла, въ сущности, дѣлать только то, что угодно было сперва графу, а потомъ герцогу Бирону. Это не могъ не понимать самъ Биронъ, не могъ не представлять себѣ, что вся ненависть, которая годами накопляется противъ него, обрушится тяжелымъ камнемъ въ тотъ моментъ, когда не въ мѣру растолстѣвшая императрица испуститъ свой послѣдній вздохъ, расплачиваясь за безалаберности сытой и бездѣятельной жизни. Биронъ мечется въ поискахъ средствъ заранѣе обезпечить свое положеніе. Ему удалось достигнуть только одного, и это одно оказалось очень невѣрнымъ при практическомъ осуществленіи... Покуда всѣ осыпали его лестью и наперерывъ спѣшили показать свое холопство. Ни много, ни мало какъ сама цесаревна Елизавета искала его благосклонности и посылала ему записочки съ пожеланіями здравія и слабо скрытой мольбой о «всегдашней благосклонности»... Бѣльмомъ на глазу у нѣмца Бирона были не русскіе, а нѣмцы Остерманъ и Минихъ... *Русскій* Бестужевъ-Рюминъ выручилъ Бирона: 16 октября 1740 г. императрица подписала указъ о назначеніи герцога курляндскаго регентомъ россійскаго государства, а 17 октября того же года среди безмолвной ярости многихъ Биронъ и формально сталъ главою русскаго правительства. Не потерпѣлъ этого *нѣмецъ*. Нѣмецъ Минихъ свалилъ Бирона: въ ночь съ 8 на 9 ноября 1740 г. Анна Леопольдовна, приготовленная Минихомъ, заявила собравшимся въ зимнемъ дворцѣ караульнымъ офицерамъ, что она не можетъ долѣе терпѣть обидъ герцога Бирона и приказываетъ фельдмаршалу Миниху арестовать его. Одновременно съ Бирономъ былъ арестованъ и Бестужевъ - Рюминъ. Биронъ

былъ сосланъ въ Пелымь, но не торжествовалъ и Минихъ. Другой нѣмецъ Остерманъ подорвалъ его лавры, и прошелъ всего только одинъ моментъ, какъ разражается новый революціонный шагъ... и на престолѣ Елизавета. Въ это новое царствованіе, создавшееся путемъ революціонной вспышки, Бирона вызываютъ изъ Сибири и поселяютъ въ Ярославлѣ. Рядъ сверженій, арестовъ, ссылокъ и возвращеній характеризуютъ это время. Фавориты и гвардейцы дѣлаютъ, что хотятъ, и за этой анархической сутолокой спасаются въ концѣ концовъ корабли Бирона. Екатерина II, едва успѣвъ покончить со всѣми деталями революціонной авантюры 1762 г., возстановляетъ герцога Бирона на курляндскомъ престолѣ, Бирона, освобожденнаго вовсе изъ ссылки ея личнымъ врагомъ Петромъ III. По мотивамъ политическаго характера Екатерина спѣшила посадить въ Митавѣ герцога Бирона, и благодаря этимъ мотивамъ выплылъ до извѣстной степени благополучно ужасный «временщикъ», гроза десятилѣтія, обезсмертившій послѣднее наименованіемъ *бироновщины*... Достигая своихъ цѣлей, Екатерина II заставила Бирона подписать извѣстный рядъ обязательствъ (4 августа 1762 г.)... Передъ нами на гравюрѣ повелительное лицо великаго герцога въ періодъ сознанія имъ всей своей силы, ни передъ чѣмъ не останавливавшейся при взглядѣ на опаснаго врага. Самодовольный, сытый, пухлый и властный великій герцогъ не понималъ и не могъ понимать иной политики, кромѣ той, которой онъ держался; иной политики и не могло существовать, иначе онъ не былъ бы Бирономъ, а Анна не была бы императрицей. Въ сознаніи этихъ людей не было понятія о народѣ и націи, а тѣмъ болѣе русской. Русскій народъ былъ призванъ для ихъ жизни и ихъ величія, жизнь была не для него, онъ долженъ былъ лишь стократъ благодарить судьбу за счастье обувать, одѣвать, кормить великихъ баловней судьбы, въ родѣ Бирона, А. Разумовскаго, Г. Орлова и проч., и проч.

В. Стор.

D.G. ERNESTUS IOHANNES IN LIVON. CURL ET SEMIGAL. DUX

никовъ, чтобы стоило ихъ передавать вкратцѣ, и недостаточно интересны, чтобы стоило ими заниматься детально. Но, оставивъ въ сторонѣ личность Волынскаго, самое дѣло 1740 года, захватившее массу крупныхъ лицъ—такихъ, какъ президентъ коммерцъ-коллегіи Пушкинъ, напримѣръ—не могло быть отраженіемъ только личныхъ дрязгъ между членами кабинета. По словамъ англійскаго резидента—и тутъ дающаго самыя толковыя свѣдѣнія—не было почти знатной семьи, которая не была бы затронута слѣдствіемъ; Петропавловская крѣпость была переполнена арестованными, которыхъ свозили со всей Россіи. Это былъ новый „провалъ“ заговора, притомъ гораздо болѣе опасный, чѣмъ дѣло Долгорукихъ: чтобы воскреснуть, заговоръ долженъ былъ питаться изъ очень широкихъ общественныхъ слоевъ. Но питательная среда была настолько хорошо ему обезпечена, что паденіе Волынскаго даже не затормозило дѣла сколько-нибудь серьезно *).

Быть можетъ, лучшимъ доказательствомъ того, что Волынскій не былъ чуждъ подготовлявшемуся перевороту, служитъ тонъ, какимъ отзывается о несчастномъ кабинетъ-министрѣ человѣкъ, который ради этого переворота, главнымъ образомъ, и былъ посланъ своимъ правительствомъ въ Россію. Послушать маркиза Шетарди, такъ не было человѣка менѣе его интересующагося дѣломъ Волынскаго, и менѣе его понимающаго. Съ неподражаемой наивностью маркизъ передаетъ офиціальную версію, какую давало русское правительство—и ни звука о какой-либо подкладкѣ, о томъ, что французскій дипломатъ о чемъ-нибудь догадывается. Негодованіе по поводу того, что есть такіе дурные люди, какъ Волынскій—и только... Скорѣе всего такъ можно было держать себя (что донесенія иностранныхъ дипломатовъ читаются, это знали хорошо они всѣ) именно относительно попавшагося и потому страшно опаснаго теперь сообщника. Богъ знаетъ, что онъ можетъ наговорить подъ пыткой... Но Волынскій не выдалъ на пыткѣ даже имени Елизаветы, которое съ долгоруковскаго процесса было у всѣхъ на устахъ, не говоря уже о болѣе интимныхъ подробностяхъ. Впервые въ Петербургѣ

*) О дѣлѣ Волынскаго см. очеркъ проф. Корсакова „А. П. Волынскій и его конфиденты“, въ „Русской Старинѣ“ 1885 г., октябрь—перепечатанъ въ сборникѣ „Изъ жизни русскихъ дѣятелей XVIII вѣка“. Проекты Волынскаго, которымъ придаетъ такое значеніе проф. Корсаковъ, теперь, когда мы знаемъ, какую обширную литературу проектовъ оставили современники Петра, ничего исключительнаго собою не представляютъ. О Волынскомъ, какъ представителѣ „шляхетскихъ“ взглядовъ, см. ниже, отдѣлъ „теорія сословной монархіи“.

узнали эти интимныя подробности лишь послѣ смерти Анны, какъ мы знаемъ, изъ англійскаго источника. 14 апрѣля 1741 года Финчъ передалъ Остерману слѣдующую депешу англійскаго министра иностранныхъ дѣлъ, лорда Гаррингтона: „Въ секретной комиссіи шведскаго сейма рѣшено немедленно стянуть войска, расположенныя въ Финляндіи, усилить ихъ изъ Швеціи еще 12.000 человѣкъ, снарядить со всевозможною поспѣшностью пятнадцать военныхъ кораблей и всѣ галеры. Франція для поддержки этихъ замысловъ обязалась выплатить два милліона кронъ. На предпріятія эти комиссія ободрена и подвинута извѣстіемъ, полученнымъ отъ шведскаго посланника въ С.-Петербургѣ, Нолькена, будто въ Россіи образовалась большая партія, готовая взяться за оружіе для возведенія на престолъ великой княжны Елизаветы Петровны и соединиться съ этой цѣлью со шведами, едва они перейдутъ границу. Нолькенъ пишетъ также, что весь этотъ планъ задуманъ и окончательно улаженъ между нимъ и агентами великой княжны съ одобренія и при помощи французскаго посла, маркиза де-ла-Шетарди, что всѣ переговоры между ними и великой княжной велись черезъ француза-хирурга, состоящаго при ней съ самаго ея дѣтства. Вы легко поймете, насколько для общаго дѣла и въ видахъ охраненія свободы Европы (!) важно, по возможности, предупредить успѣхъ подобныхъ замысловъ, долженствующихъ отдать весь сѣверъ во власть Швеціи, а слѣдовательно, поставить его въ полную зависимость отъ Франціи, такъ какъ великая княжна можетъ удержаться на престолѣ единственно при ея помощи...“

Англійская депеша совершенно точно устанавливала „соотношеніе силъ“ въ заговорѣ: его иниціатива шла, дѣйствительно, не отъ Франціи, какъ слѣдовало по логикѣ вещей, а отъ Швеціи. Съ французскимъ проектомъ въ данномъ случаѣ было то же, что со многими другими французскими проектами: практическій смыслъ онъ получилъ въ рукахъ не французовъ. Депеши самого Шетарди вполнѣ подтверждаютъ англійскую версію: и у него на первомъ планѣ Нолькенъ со ста тысячами экю *), тогда какъ самъ французскій посланникъ ссудилъ Елизавету всего двумя тысячами рублей, да и то занявъ ихъ у одного изъ чиновниковъ своего посольства, который выигралъ ихъ въ карты. Всѣ позднѣйшія розсказни

*) Французская монета, по тогдашнему курсу 6 ливровъ—немного менѣе тогдашняго рубля.

о шестистахъ тысячахъ дукатовъ, которыхъ будто бы стоило Франціи воцареніе дочери Петра Великаго, не находятъ себѣ никакой опоры въ документахъ. Возстановленіе на престолѣ „истинной наслѣдницы“ взяла на себя та самая держава, съ которой Петръ воевалъ всю жизнь, у которой онъ отнялъ восточный берегъ Балтійскаго моря: и Швеція затѣяла все предпріятіе съ исключительной цѣлью — получить отнятое обратно. Это составляло самую пикантную сторону готовившагося переворота. Нолькенъ настойчиво требовалъ у Елизаветы Петровны письменнаго обязательства дать Швеціи территоріальное вознагражденіе въ случаѣ удачи. То, какъ вела себя цесаревна въ этомъ дѣлѣ, показываетъ, что съ 1730 года она многому научилась. Искуситель не могъ отъ нея добиться не только подписи на бумагѣ, но даже сколько-нибудь опредѣленнаго словеснаго заявленія. Въ бесѣдахъ съ Нолькеномъ и Шетарди Елизавета выражала свои чувства вздохами, взглядами, улыбками, покачиваньемъ головы, но говорила чрезвычайно мало и въ самыхъ общихъ выраженіяхъ. При этомъ поддержку Швеціи она цѣнила необычайно высоко и не рѣшалась сдѣлать сколько-нибудь серьезнаго шага, пока стокгольмскій кабинетъ опредѣленно и офиціально не заявитъ себя ея союзникомъ. Только обѣщаніемъ шведскаго манифеста въ соотвѣтствующемъ духѣ Нолькену удалось выманить у нея нѣчто болѣе уловимое, чѣмъ взгляды и улыбки. 9 сентября 1741 года въ рукахъ у шведскаго посланника былъ, наконецъ, документъ, гдѣ было чернымъ по бѣлому написано, что Елизавета обязывается въ случаѣ своего воцаренія: 1) вознаградить Швецію за всѣ издержки (по веденію войны съ Россіей); 2) платить Швеціи субсидіи въ теченіе всей своей жизни; 3) предоставить шведамъ всѣ преимущества, предоставленныя (правительствомъ Анны) англичанамъ; 4) отказаться отъ всѣхъ договоровъ и конвенцій, заключенныхъ Россіей съ Англіей и австрійскимъ домомъ, и никогда не вступать въ союзъ ни съ кѣмъ, кромѣ Франціи и Швеціи; 5) отстаивать, наконецъ, при всякомъ случаѣ интересы Швеціи и выдавать для этой цѣли шведамъ секретно, безъ вѣдома націи, всякія суммы, въ которыхъ у этой державы можетъ встрѣтиться надобность. Едва ли нужно обращать вниманіе читателей на то, что русская исторія знаетъ мало болѣе скандальныхъ договоровъ: особенно хорошъ послѣдній пунктъ, которымъ Елизавета обязывалась обманывать свою „націю“, русскій народъ, въ пользу его исконнаго непріятеля. Но

формально цесаревна и здѣсь сумѣла удержаться на границѣ приличія,—правда, уже на самой границѣ, такъ что дальше идти было некуда. Во-первыхъ, обѣщанія территоріальныхъ уступокъ (для шведовъ, повторяемъ, въ нихъ было все дѣло) нѣтъ и здѣсь. А главное—и на этой бумагѣ, написанной, конечно, не ея рукой, не стояло ея подписи; по ней „присягнули“ за Елизавету камеръ-юнкеръ Воронцовъ и (упоминавшійся въ англійской депешѣ) ея врачъ, Лестокъ; но такая „клятва“ едва ли имѣла какое-нибудь значеніе съ точки зрѣнія международнаго права. Словомъ, франко-шведская союзница заранѣе принимала всѣ мѣры, чтобы обмануть своихъ „друзей“, какъ только представится къ этому физическая возможность. А возможность представилась скорѣе и легче, чѣмъ, конечно, она сама могла ожидать.

Англійскій доносъ, повидимому, отдавалъ заговорщиковъ съ руками и ногами правительству Анны Леопольдовны—номинальной регентши при номинальномъ императорѣ одного года отъ роду. Фактически Елизавета и ея союзники были въ рукахъ Остермана. Когда Остерманъ попалъ въ руки дочери Петра, та знала, что съ нимъ дѣлать, и неудавшійся правитель Россіи умеръ въ Березовѣ. Но когда эту счастливую позицію занималъ самъ „величайшій русскій дипломатъ“, онъ совершенно не зналъ, какъ ему поступить. Изъ чрезвычайно сбивчивыхъ объясненій его на допросѣ *) можно понять только одно: по поводу „извѣта“ Финча—тотчасъ же нашедшаго себѣ подтвержденіе съ разныхъ другихъ сторонъ—при дворѣ много толковали и въ концѣ-концовъ пришли къ весьма неопредѣленному рѣшенію—„наблюдать“. Но наблюдали за Елизаветой давно; уже въ январѣ этого года за ней была организована форменная слѣжка, доставлявшая аккуратно свѣдѣнія, кто приходилъ къ цесаревнѣ, и куда она ѣздила. Ни малѣйшей попытки пойти дальше этого не было сдѣлано. Заговоръ росъ, какъ снѣжный комъ, въ него скоро было посвящено около трети всѣхъ гвардейскихъ офицеровъ (54 изъ 160, по донесенію Шетарди отъ 27 іюня—за полгода до переворота!), а Остерманъ все „наблюдалъ“... Можно думать, что у великаго человѣка петербургскихъ канцелярій просто не хватало духу тронуть гвардію, силу которой онъ зналъ и передъ которой чувствовалъ себя совершенно безпомощнымъ. Мужъ правительницы, по его совѣту, дѣлалъ чрезвычайно жалкія попытки „перекупить“ кое-кого изъ за-

*) Напечатаны въ „Историческихъ бумагахъ, собранныхъ К. И. Арсеньевымъ“, Сборникъ отдѣл. русск. яз. и слов. Академіи Наукъ, т. IX.

говорщиковъ. Тѣ деньги брали, но тотчасъ же съ хохотомъ несли ихъ показывать матушкѣ-цесаревнѣ, кумѣ чуть не всего гвардейскаго Петербурга. Фельдмаршалъ Минихъ, придя разъ въ новый годъ поздравить Елизавету Петровну, „былъ чрезвычайно встревоженъ“, увидавъ, что весь домъ великой княжны наполненъ гвардейскими солдатами; онъ съ четверть часа не могъ придти въ себя, а это просто кумовья пришли поздравить свою куму. А когда тѣ же гвардейцы пришли поздравлять „правительницу“ Анну Леопольдовну, та спряталась отъ нихъ за часовыхъ и боязливо выглядывала оттуда на эти совершенно чужія ей лица. Въ этихъ двухъ анекдотахъ—все „соотношеніе силъ“ низвергавшихъ и низвергаемыхъ. Остерманъ имѣлъ основаніе быть осторожнымъ...

Но мы были бы несправедливы, если бы отнесли столбнякъ остатковъ бироновщины въ эту трагическую для нихъ минуту только къ ихъ личной трусости. Бироновщина давно и неудержимо разлагалась. Хронологическая послѣдовательность фактовъ была такова: 17 октября 1740 года умерла, отъ каменной болѣзни, императрица Анна. „Не бойся“—были послѣднія сознательныя слова, которыя слышалъ отъ нея ея фаворитъ. Совѣтъ былъ кстати—Биронъ былъ въ жестокой паникѣ, и паника была основательна. Въ противоположность Меншикову, который сталъ хозяиномъ положенія именно въ ту минуту, когда его покровитель умеръ, курляндскій герцогъ послѣ смерти своей покровительницы чувствовалъ себя въ положеніи рыбы, вытащенной на песокъ. Настаивая на томъ, чтобы его назначили регентомъ, онъ руководился не жаждой власти, а просто инстинктомъ самосохраненія. Не только подъ нимъ почва тряслась—заговоры Долгорукихъ и Волынскаго были уже совершившимся фактомъ,—но и на своихъ онъ не могъ положиться. Въ предсмертныхъ судорогахъ онъ цѣплялся за расположеніе тѣхъ, кто все царствованіе Анны былъ для него просто предметомъ эксплуатаціи. Сборъ подушной подати снова (уже въ который разъ!) былъ переданъ въ руки помѣщиковъ, при чемъ сама подать уменьшена на треть, не считая прощенія недоимокъ. Была обѣщана уплата полностью жалованья петербургскимъ чиновникамъ и офицерамъ (оно и при Аннѣ платилось не очень исправно) и, по крайней мѣрѣ въ половинномъ размѣрѣ, провинціальнымъ. Масса галерниковъ (часто сосланныхъ за долгъ казнѣ) были выпущены изъ тюремъ. Но онъ самъ не вѣрилъ въ эффектъ всѣхъ этихъ мѣръ. Сообщивъ объ этихъ милостяхъ, французскій посланникъ прибавляетъ: „питейные дома,

которые были закрыты въ теченіе нѣсколькихъ дней, теперь снова открылись. Шпіоны, которыхъ тамъ держатъ, ежедневно хватаютъ и ведутъ въ тюрьму всѣхъ тѣхъ, кого раздраженіе или водка побуждаетъ отважиться на малѣйшее неосторожное выраженіе. Такъ какъ гвардіи не довѣряютъ, вызвано шесть батальоновъ (армейскихъ), а также двѣсти драгуновъ". „Прибѣгать къ такимъ предосторожностямъ тѣмъ болѣе, можетъ быть, благоразумно, что броженіе среди народа весьма сильно,—прибавляетъ Шетарди:—гвардейскіе солдаты говорятъ смѣлѣй, чѣмъ когда бы то ни было, и имъ не смѣютъ ничего сдѣлать". Едва ли это было злословіе по адресу Бирона: лично противъ него сторонники Елизаветы Петровны пока ничего не могли имѣть, ибо Биронъ въ числѣ другихъ заискивалъ и передъ нею, назначивъ ей ежегодную пенсію въ 50 тысячъ рублей (около 400 тысячъ теперешнихъ). Ударъ пришелъ, однако, не оттуда, откуда его ждали: „народнаго возстанія", хотя бы при участіи одной гвардіи, не потребовалось. Одинъ изъ членовъ бироновскаго же правительства, Минихъ, съ нѣсколькими гренадерами, оказался достаточно силенъ, чтобы произвести „государственный переворотъ": въ ночь на 9 ноября (1740 г.) герцогъ былъ арестованъ. Совершенно не видно, чтобы его счастливымъ соперникомъ руководили какія бы то ни было политическія соображенія: онъ просто хотѣлъ сѣсть на мѣсто Бирона, воображая, что при своей популярности между солдатами онъ будетъ на этомъ мѣстѣ прочнѣе. Къ его удивленію, когда его самого вскорѣ ссадилъ съ этого мѣста Остерманъ, гвардія не шелохнулась: ей нуженъ былъ совсѣмъ не Минихъ. Но это былъ въ то же время единственный бироновецъ, умѣвшій хоть разговаривать съ солдатами. Побѣдитель всѣхъ своихъ коллегъ, оставшись одинъ у власти, оказался въ томъ трагически-безпомощномъ положеніи, какое мы видѣли...

Для солдатской массы уже переворотъ 9 ноября былъ сдѣланъ въ пользу Елизаветы: въ казармахъ толковали, что Минихъ-де для этого и арестовалъ герцога. Когда выяснилось, что номинально послѣдняго замѣнила Анна Леопольдовна, гвардейцы были жестоко разочарованы. А мало-мальски наблюдательнымъ людямъ стало ясно, что для низверженія остатковъ бироновскаго правительства вовсе не нужно ни шведскаго флота, ни французскихъ милліоновъ,—довольно немного рѣшительности и одной роты гренадеръ. Шведскій проектъ пришелъ слишкомъ поздно для Швеціи, и если Елизавета за него уцѣпилась, то, главнымъ образомъ, потому,

что у нея самой рѣшительности было немногимъ больше, чѣмъ у ея противниковъ. Какъ извѣстно, гренадерамъ пришлось взять инціативу на себя, и роль Елизаветы въ ночной операціи 25 ноября 1741 года была болѣе декоративная. Такъ какъ шведы передъ этимъ только что допустили себя разбить въ Финляндіи, то Елизавета съ большимъ основаніемъ могла впослѣдствіи утверждать, что ничѣмъ имъ не обязана. Гренадеры имѣли сердце болѣе благодарное. Конечно, они слишкомъ хорошо помнили сѣверную войну, чтобы примириться со шведами. Но когда нѣсколько изъ нихъ, порядочно выпивши, пришли разъ во дворецъ и застали тамъ маркиза де-Шетарди, они, облобызавъ ручку императрицы, пожелали непремѣнно поцѣловаться и съ французскимъ посланникомъ: онъ былъ теперь тоже ихъ кумомъ. „И онъ поцѣловался съ этими янычарами“, со скрежетомъ зубовъ писалъ объ этомъ фактѣ англійскій посланникъ: ему его ставка казалась окончательно проигранной. Послѣдствія не замедлили обнаружить, что онъ очень ошибался.

2. Новый феодализмъ.

„Третьяго дня вечеромъ“, писалъ своему начальнику злосчастный Финчъ, съ небольшимъ черезъ три недѣли послѣ вступленія Елизаветы на престолъ, „государыня, присоединивъ къ 141 гренадеру еще сколько нужно другихъ людей для комплекта въ 300 человѣкъ, образовала изъ нихъ лейбъ-компанію, въ которой всѣ нижніе чины объявлены поручиками, капралы и сержанты—капитанами и маіорами, а шесть человѣкъ, на долю которыхъ выпали главныя хлопоты при послѣднемъ переворотѣ—подполковниками. Офицеры еще не назначены; опредѣлено однако, что прапорщики лейбъ-компаніи имѣютъ пользоваться чиномъ бригадира, два подпоручика—чиномъ генералъ-маіора, а поручики—чиномъ генералъ-лейтенанта арміи. Расквартирована лейбъ-компанія будетъ въ

Шуты при императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ.

Оригиналъ картины В. И. Якобія *Шуты при императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ* находится въ собраніи К. Т. Солдатенкова, переданномъ въ Румянцевскій Музей въ Москвѣ (№ 102). Это весьма богатая бытовыми деталями картина представляетъ собою характерное и цѣнное изображеніе правительственной работы самодержавной императрицы XVIII столѣтія въ Россіи. Императрица Анна хотѣла прежде всего пожить: она начинала съ нарядовъ, празднествъ и всякаго рода развлеченій... Княжескія русскія фамиліи поставляли ей шутовъ и шутихъ. На картинѣ шутъ императрицы князь Голицынъ играетъ роль козловъ, черезъ которые прыгаютъ; шутъ князь Волконскій изображенъ въ роли неудачнаго прыгуна, по титулованной спинѣ котораго хлещетъ кнутъ, а черезъ спину перелетаетъ болѣе демократическій шутъ Балакиревъ подъ пронзительные звуки скрипки поднявшаго вверхъ ногу Педрилло. Покоящаяся среди большого общества на кровати въ роскошномъ дезабилье тучная императрица проявляла свои правительственныя заботы, какъ пишетъ С. Соловьевъ, въ такихъ, напр., актахъ, уцѣлѣвшихъ въ Государственномъ Архивѣ: 1) «У вдовы Загряжской Авдотьи Ивановны въ Москвѣ,—писала Анна,—живетъ одна *княжна* Вяземская, дѣвка,—и ты ее сыщи и отправь сюда; только чтобъ она не испужалась, то объяви ей, что я ее беру *изъ милости*; и въ дорогѣ вели ее беречь, а я ее беру для своей забавы,—какъ сказываютъ, что она много говоритъ», или 2) «Поищи въ Переяславлѣ изъ бѣдныхъ дворянскихъ дѣвокъ или изъ посадскихъ, которыя бы похожи были на Татьяну Новокщенову, а она, какъ мы чаемъ, что уже скоро умретъ, то чтобъ годны были ей на перемѣну: ты знаешь нашъ нравъ, что мы такихъ жалуемъ, которыя бы были лѣтъ по сороку и также бы говорливы, какъ та Новокщенова, или какъ были княжны Настасья и Анисья». Это типичные акты, въ которыхъ отразился и характеръ самодержицы, и ея міропониманіе. Но роскошь, развлеченія, празднества, иллюминаціи, обѣды, «машкарады» сами по себѣ стоили страшныхъ денегъ, выколачивавшихся изъ народа. Бѣда усиливалась, по словамъ С. Соловьева, тѣмъ, что люди близкіе къ императрицѣ, «чужіе для Россіи, спѣшили весело пожить на чужой счетъ, получали деньги даромъ отъ щедротъ императрицы». Празднества чередовались съ невыносимою жестокостью казней, которыми устрашались не только преступленія, но и просто враждебные сильнымъ людямъ выпады. Даже во время скаканія титулованныхъ шутовъ, какъ видимъ на картинѣ, начальникъ Канцеляріи Тайныхъ розыскныхъ дѣлъ, сыщикъ и нужный человѣкъ, графъ А. И. Ушаковъ стоитъ возлѣ фактическаго главы государства герцога Эрнста Ивана Бирона и что-то нашептываетъ ему въ ухо. У изголовья императрицы, закинувъ ногу на ногу, величественно возсѣдаетъ въ креслахъ ея курляндскій «другъ», правая рука и незамѣнимый человѣкъ, герцогъ Эрнстъ Иванъ Биронъ; равнодушный, надменный и мощный, когда-то не то конюхъ, не то лакей, теперь герцогъ благодаря своей связи съ герцогиней курляндской; философически спокойно онъ чиститъ свои ногти, не смотритъ на потѣху, вслушиваясь въ шепотъ Ушакова. Во время разгара государственной потѣхи и валянья по-полу съ пошло полураскрытымъ ртомъ Апраксина помимо Бирона и Ушакова, недалеко отъ нихъ, вслѣдъ за вдумчиво сидящей Анной Леопольдовной, шепчутся Лестокъ и Бестужевъ-Рюминъ, а за кроватью императрицы — зорко вглядывающійся во все происходящее графъ Эрнстъ Минихъ

и князь Ю. Н. Трубецкой, печальный врагъ голицынскихъ кондицій и генералъ-прокуроръ Сената. Впереди постели императрицы оберъ-шталмейстеръ графъ Карлъ Левенвольдъ, соперникъ Бирона по «дружбѣ» съ императрицей, сидитъ рядомъ съ пышной Натальей Лопухиной, поразившей позднѣе воображеніе иностранныхъ наблюдателей своеобразнымъ концомъ своей жизненной карьеры... Здѣсь все правительство Анны, ея друзья и шуты, наемные нѣмцы и русская аристократія, которая могла гордиться такими сильными связями при дворѣ императрицы, какъ титулованные шуты Волконскіе, Голицыны, Вяземскіе или пріютившаяся у самой постели императрицы княгиня Голицына (калмычка Буженикова). Шутихамъ-сорокамъ императрицы вторили, хотя и не въ унисонъ съ ними, разные голоса, умѣвшіе по своему оцѣнивать положеніе вещей въ странѣ, несмотря на то, что Тайная Канцелярія работала съ небывалымъ усердіемъ, жестоко преслѣдуя людей въ интересахъ Анны и Бирона. Въ то время какъ правительство разсылало указы о наборѣ меделянскихъ собакъ хорошихъ, о покупкѣ колокольчиковъ разныхъ рукъ, о присылкѣ хвостовъ лисьихъ и волчьихъ и большихъ четверорогихъ барановъ съ придачею къ нимъ восьми мужиковъ, «умѣющихъ плясать, которые бъ собою были не гнусны», по монастырямъ слышались такія рѣчи: «Какъ не боготворятъ чрево, когда, тирански собирая съ бѣднаго подданства слезныя и кровавыя подати, употребляютъ на объяденія и пьянства, и какъ сатанѣ жертвы не приносятъ, когда слезные и кровавые сборы употребляютъ на потѣхи?.. Пропащее наше государство». Въ этихъ рѣчахъ особенно доставалось первѣйшимъ друзьямъ императрицы Бирону и Левенвольду. О Левенвольдѣ разсказывали, что императрица назначила его наслѣдникомъ престола... Эти слухи оставляли за флагомъ, по словамъ С. М. Соловьева, сына Анны, Петра Бирона, котораго на картинѣ мы застаемъ за очень пріятнымъ занятіемъ, за упражненіями кнутомъ надъ спинами титулованныхъ, на глазахъ сидящаго близъ него маркиза де ла Шетарди, представителя Франціи. Его отецъ, великій герцогъ, больше, повидимому, думаетъ о будущемъ сына, нежели его августѣйшая мать, неудачно сватая его то за Анну Леопольдовну, то за Елизавету Петровну. Слухи ходили и разнообразные, и страшные, несмотря на дѣятельность Тайной Канцеляріи. «Ссылали, пишетъ В. О. Ключевскій, массами, и ссылка получила утонченно жестокую разработку... одного священника посадили на колъ... крестьянъ били на правежѣ и продавали у нихъ все, что попадалось подъ руки... повторялись татарскія нашествія, только изъ отечественной столицы». Если когда то русскіе историки, въ родѣ Н. И. Костомарова, говорили, что самодержавіе пришло на Русь изъ монгольской ханской ставки, то В. О. Ключевскій въ своихъ университетскихъ лекціяхъ самодержавіе XVIII столѣтія въ Россіи приравнялъ такимъ образомъ къ монгольскому игу. Вся сцена веселящагося правительства XVIII столѣтія, представленная Якобіемъ, и жива и выразительна, она становится еще болѣе содержательной, если упомянуть о двухъ фигурахъ, не бросающихся въ глаза, но ядовито оттѣняющихъ красоту схваченнаго художникомъ момента. На лѣвой сторонѣ выдвигается хамъ съ какимъ-то сверткомъ... на всей фигурѣ что-то отвратительно рабское: это великій поэтъ эпохи В. К. Тредьяковскій. Въ противовѣсъ послѣднему въ дверяхъ горделивая, съ презрительной миной вытянувшаяся фигура А. Волынскаго: у него въ рукахъ тоже свертокъ, какое то дѣло..., но ея величество заняты... Волынскій можетъ ждать сколько ему угодно и, конечно, гораздо болѣе того времени, какое бы ему понадобилось для того, чтобъ досыта накормить оплеухами несчастнаго поэта Тредьяковскаго.

В. Стор.

„РУССКАЯ ИСТОРІЯ". Изд. Т-ва „МІРЪ".

домахъ, нарочно для нея купленныхъ государыней вокругъ дворца. Капитаномъ ея будетъ сама царица. Она заказала себѣ гренадерскую шапку и мундирную амазонку и станетъ во главѣ лейбъ-компанцевъ, какъ только обмундировка ихъ будетъ закончена“. Въ знакъ особенной милости, образчики этой обмундировки, занимавшей такое важное мѣсто въ предпринимавшейся новой государыней важной мѣрѣ, были показаны игравшимъ съ нею въ карты иностраннымъ дипломутамъ—въ томъ числѣ и Финчу: объ его доносѣ уже знали, но старались соблюсти внѣшнія приличія и продолжали его принимать. То же соблюденіе внѣшнихъ приличій заставляло позаботиться и еще кое о чемъ, кромѣ обмундировки. Разговаривая съ тѣми же дипломатами по поводу новаго мундира, Елизавета Петровна добавила, что намѣревается „мало-помалу изъ теперешняго состава лейбъ-компаніи удалить наиболѣе развращенныхъ и пьющихъ (ихъ тамъ немало) и со временемъ устроить такъ, чтобы весь отрядъ состоялъ изъ однихъ дворянъ (хотя и теперешніе всѣ возведены въ дворянство)“. Но лейбъ-компанцевъ гораздо легче было украсить цвѣтнымъ сукномъ и золотымъ шитьемъ, нежели какими-нибудь буржуазными добродѣтелями, въ родѣ трезвости и воздержности. Когда одного запьянствовавшаго гренадера изъ императрицыной роты его начальство посадило подъ арестъ, его товарищи, какъ одинъ человѣкъ, объявили бойкотъ императорскому двору, и никто изъ нихъ во дворецъ въ этотъ день не явился. Елизавета, узнавъ объ этомъ, „немедленно и очень любезно приказала освободить арестованнаго и простила его“. „Замѣчательное поведеніе гренадеръ должно вызывать на размышленія“, замѣчаетъ по этому случаю Финчъ. „Они явно сплотились въ строгій союзъ, дабы стоять одному за всѣхъ и всѣмъ за одного, что, пожалуй, не позволитъ ея величеству осуществить предположенное удаленіе наиболѣе распущенныхъ изъ ихъ среды. Пожалуй, и объявленное прощеніе было вызвано не столько милосердіемъ, сколько страхомъ; она (ея величество), пожалуй, признаетъ себя зависимой отъ нихъ; здѣшняя знать, по крайней мѣрѣ, чувствуетъ ихъ господство надъ собой“.

Елизавету Петровну такъ принято изображать доброй русской барыней. Она, дѣйствительно, находила такое же удовольствіе „быть постоянно окруженной толпой холоповъ“, какъ и „мѣнять свои туалеты по 4 и по 5 разъ на дню“: и то и другое засвидѣтельствовалъ хорошо ее знавшій человѣкъ, маркизъ Шетарди. Смѣшно было бы отрицать въ Елизаветѣ гене-

рическія черты того типа, первый образчикъ котораго на русскомъ престолѣ явила императрица Анна. Но жанровая сценка, которую нарисовалъ намъ только что неудачливый противникъ счастливаго маркиза, показываетъ, что въ области генерическихъ чертъ у нея, пожалуй, еще больше было сходства съ ея матерью: какъ и Екатерина, Елизавета была, прежде всего другого, „полковницей“. Эту параллель можно бы провести до мелочей,—до любви къ венгерскому, напримѣръ, столь прочной и интенсивной, что, по словамъ того же французскаго дипломата (который былъ для Елизаветы, кажется, кое-чѣмъ больше, нежели просто „представителемъ дружественной державы“), ничѣмъ нельзя было лучше угодить новой царицѣ, какъ подаривъ ей хорошій запасъ этого вина доброй марки. Или до любви къ „развлеченіямъ“, опять-таки столь интенсивной, что только богатырское здоровье дочери Петра, не подточенное притомъ хроническимъ недугомъ, какъ у ея матери, позволило ей продержаться двадцать лѣтъ, вмѣсто двухъ лѣтъ царствованія, которыя судьба послала Екатеринѣ I. Ни одно царствованіе, не исключая Екатерины II, не поддается до такой степени превращенію въ chronique scandaleuse, какъ это: не предполагая состязаться со спеціалистами этого жанра, мы не будемъ пускаться въ подробности интимной жизни Елизаветы Петровны *). Отмѣтимъ только, что чертъ сходства съ казармой или съ лагеремъ въ придворномъ быту ея времени гораздо больше, нежели типичныхъ чертъ помѣщичьей усадьбы. Послѣдняя, прежде всего, нѣчто неподвижное, вѣками вросшее въ землю: владѣлецъ если и выѣзжалъ изъ нея, то только по крайней необходимости. Почитайте записки Екатерины II: передъ вами картина какого-то кочующаго табора. „...Зеркала, постели, стулья, столы и комоды перевозились изъ зимняго дворца въ лѣтній, оттуда въ Петергофъ, и даже ѣздили съ нами въ Москву“.. Жили въ наскоро построенныхъ деревянныхъ домахъ, гдѣ зимою вода текла со стѣнъ, и куда людей набивали, какъ селедокъ

---

*) Недаромъ „La dernière des Romanov“ является, несомнѣнно, лучшимъ томомъ въ длинной серіи трудовъ Валишевскаго, посвященныхъ XVIII вѣку. Намъ случалось читать, что теперь и эту книгу перевели по-русски: не видавъ перевода, мы не можемъ ручаться за его полноту. Недавно, Валишевскій удостоился очень суроваго отзыва со стороны одного весьма извѣстнаго историка-матеріалиста: писанія Валишевскаго были охарактеризованы, какъ лакейскія сплетни. Можетъ быть, суровый критикъ вспомнитъ, что всего въ девяностыхъ годахъ прошлаго столѣтія гораздо менѣе жестокую, по своей правдивости, „Исторію Екатерины II“ Бильбасова пришлось издавать въ Лондонѣ? Разрушать офиціальный обманъ, гипнотизировавшій рядъ поколѣній, всегда дѣло полезное,—между прочимъ, именно съ точки зрѣнія матеріалистическаго пониманія исторіи: нигдѣ историческій идеализмъ не чувствуетъ себя такъ уютно, какъ подъ благодѣтельнымъ покровомъ этого обмана.

въ бочку. Великая княгиня (тогда единственная на всю Россію), жена наслѣдника престола, должна была спать въ проходной комнатѣ, черезъ которую поминутно бѣгали ея камерфрау и просто горничныя, въ количествѣ семнадцати душъ набитыя въ комнатѣ рядомъ, не имѣвшей другого выхода, какъ черезъ великокняжескую спальню. Ассенизаціонныя приспособленія при этой женской казармѣ живо напоминаютъ реалистическое описаніе русскаго бивуака въ извѣстной сценѣ „Войны и мира". Но этимъ неудобства не исчерпывались: „ко мнѣ набиралось оттуда столько всякаго рода насѣкомыхъ, что я, бывало, не могла уснуть отъ нихъ", жалуется Екатерина. Нерѣдко эти эфемерныя постройки рушились—и только по счастливой случайности отъ одной изъ такихъ катастрофъ уцѣлѣла русская династія. Еще чаще онѣ сгорали, какъ груда щепокъ, раньше, чѣмъ успѣвали опомниться: отъ большого московскаго дворца Елизаветы въ ноябрѣ 1753 года черезъ три часа ничего не осталось, кромѣ кучи угольевъ.

Елизавета такъ привыкла къ деревяннымъ домамъ, что съ трудомъ представляла себѣ другіе: когда ей донесли о лиссабонскомъ землетрясеніи, первое, что ей пришло въ голову—это послать португальскому королю лѣсу на постройку новаго города. Ее съ трудомъ убѣдили, что, пока придетъ русскій лѣсъ, португальцы давно успѣютъ отстроиться. Но императорскому лагерю не всегда хватало даже этихъ деревянныхъ бараковъ, и тогда дворъ размѣщался, какъ армія на походѣ, въ палаткахъ. Когда императрица „ходила пѣшкомъ" изъ Москвы къ Троицѣ (эта экспедиція, обыкновенно, продолжалась цѣлое лѣто), мы всего чаще встрѣчаемъ ее въ этомъ солдатскомъ помѣщеніи. Въ палаткѣ происходила и знаменитая сцена съ ежомъ, котораго императрицынъ шутъ принесъ показать своей госпожѣ, чѣмъ напугалъ ее до полусмерти. Такъ какъ императорскій испугъ—дѣло серьезное, то шутомъ и ежомъ занималась впослѣдствіи тайная канцелярія... Пріѣхала императрица въ Ревель—балъ устраивается въ ея палаткахъ: а такъ какъ во время бала полилъ, какъ изъ ведра, дождь, то скоро полностью была воспроизведена знакомая намъ картина петровскаго праздника въ Лѣтнемъ саду. Промокшіе гости могли, по крайней мѣрѣ, утѣшать себя тѣмъ, что традиціи преобразователя не забываются его дочерью. Въ Рогервикѣ дворъ опять стоитъ въ палаткахъ, поставленныхъ прямо на жесткіе голыши прибрежья: у Екатерины четыре мѣсяца потомъ болѣли ноги отъ ходьбы по этимъ голышамъ. Другой разъ она сильно простудилась, по-

тому что въ ея палатку набралось по щиколотку воды. Для лагерной жизни короткое платье лучше подходило, нежели пышныя дамскія „робы“ того времени: и если мы такъ часто встрѣчаемъ Екатерину, на страницахъ ея записокъ, въ мужскомъ костюмѣ, то причиной этого было не одно кокетство— соображенія практическаго удобства требовали того же. Военному быту соотвѣтствовали и военные нравы: въ запискахъ Екатерины карты встрѣчаются не рѣже, чѣмъ онѣ встрѣчались бы въ воспоминаніяхъ какого-нибудь гусарскаго поручика. Въ Козельскѣ (куда судьба ни заносила императорскій лагерь!) „въ большой залѣ, занимавшей середину дома, постоянно съ утра до вечера шла игра въ фараонъ и по большой цѣнѣ, зато въ остальныхъ комнатахъ была тѣснота“. Чтобы великая княгиня могла держаться на соотвѣтствующей ея званію высотѣ, ей выдавались спеціальныя суммы „для игры въ фараонъ“—суммы, довольно значительныя: однажды упоминается 3.000 рублей, не меньше двадцати — двадцати пяти тысячъ теперешнихъ. „На другой день по пріѣздѣ нашемъ въ Катеринenталь (въ Ревелѣ) придворная жизнь пошла прежнимъ, обыкновеннымъ порядкомъ, т.-е. въ залѣ, занимавшей середину двухъэтажнаго дома и составлявшей переднюю комнату императрицы, съ утра до поздней ночи происходила карточная игра, довольно значительная... Я наравнѣ съ другими играла въ фараонъ, которымъ обыкновенно занимались всѣ любимцы императрицы, если не уходили въ покой ея величества, или, лучше сказать, въ ея палатку. Эта большая и великолѣпная палатка была разбита возлѣ ея комнатъ...“. Итакъ, даже когда были комнаты, предпочитали жить въ палаткѣ: правда, комнаты „были очень малы“. Но на тѣсноту вообще, какъ мы видѣли, не обращали вниманія *).

Елизавета Петровна, можетъ быть, очень хотѣла бы видѣть вокругъ себя лакеевъ, но въ казармѣ и лагерѣ чаще поневолѣ видишь солдатъ: а солдаты съ первыхъ же шаговъ показали, что съ ними нельзя обращаться, какъ съ лакеями. Гвардейское шляхетство твердо рѣшило не повторять ошибки 1730 года и, занявъ престолъ своимъ человѣкомъ, не выпускать этого человѣка изъ подъ своего наблюденія. „Интересы“, которые такимъ наблюденіемъ охранялись, пока дѣло

*) Мы далеко не исчерпали, само собою разумѣется, бытового содержанія записокъ Екатерины. Это, какъ извѣстно, ихъ самая сильная сторона: что касается разсказа о личныхъ отношеніяхъ автора, то тутъ мы имѣемъ въ „запискахъ“ не исторію, а романъ, и притомъ весьма тенденціозный.

шло о лейбъ-компаніи, были, конечно, весьма примитивные. Но за буйной и пьяной шляхетской молодежью стояло старшее поколѣніе, для котораго опытъ бироновщины тоже не прошелъ даромъ. „Сенатъ, составленный изъ русской знати, начинаетъ пріобрѣтать большой вѣсъ и старается возвратить ея царское величество къ старо-русскимъ взглядамъ“, доносилъ (отъ 8 іюля 1742 г.) преемникъ Финча, сэръ Кирилль Уэйчъ. Полгода спустя онъ говоритъ даже, что сенатъ „покушается на прерогативы“ императрицы. Съ цѣлью будто бы отпарировать эти покушенія, послѣдняя организуетъ „новый совѣтъ или кабинетъ изъ 6—7 лицъ“. На такихъ воззрѣніяхъ англійскаго представителя, повидимому, сказалась нѣкоторая удаленность его отъ придворныхъ центровъ, слишкомъ естественная послѣ инцидента съ Финчемъ. Елизавета долго послѣ не могла переносить англичанъ. Какъ-то она залюбовалась большимъ портретомъ Петра, висѣвшимъ въ одной изъ комнатъ дворца. „Какой художникъ его писалъ?“, спросила она. Ей назвали англійское имя. Она поспѣшно отвернулась и пошла прочь: съ тѣхъ поръ портретъ ей пересталъ нравиться. Отъ болѣе близкаго къ дѣламъ Шетарди мы знаемъ, что совѣтъ—не въ видѣ учрежденія, такимъ онъ никогда не сдѣлался, а на правахъ домашняго кружка „ближайшихъ сотрудниковъ“—существовалъ уже черезъ мѣсяцъ послѣ переворота. Въ него входятъ болѣе вліятельные сенаторы (въ ихъ числѣ мы встрѣчаемъ и обломокъ верховнаго тайнаго совѣта, въ лицѣ фельдмаршала князя Вас. Влад. Долгорукаго, освобожденнаго Елизаветой изъ Шлиссельбурга, и бывшаго лидера шляхетства 1730 года, кн. Черкасскаго, ставшаго при Елизаветѣ великимъ канцлеромъ): но ихъ близость къ императрицѣ такъ же мало стѣсняла сенатъ, какъ учрежденіе, какъ наличность кабинета изъ лидеровъ большинства палаты общинъ мало стѣсняетъ эту послѣднюю. Кабинетъ стѣсняетъ не парламентъ, а личную власть. Сенатъ Елизаветы Петровны больше подходилъ, по своему политическому значенію, къ верховному тайному совѣту, нежели какое бы то ни было другое учрежденіе раньше или послѣ. Вассалитетъ феодальной монархини, провозгласивъ ее государыней (въ самомъ буквальномъ смыслѣ этого слова: какъ извѣстно, въ манифестахъ о вступленіи на престолъ Елизавета Петровна писала, что она приняла правленіе по прошенію всѣхъ своихъ вѣрноподданныхъ, „а наипаче лейбъ-гвардіи нашей полковъ“), сталъ вести себя, какъ велъ всегда и вездѣ всякій вассалитетъ: въ лицѣ наиболѣе крупныхъ сень-

еровъ онъ взялъ управленіе въ свои руки. Послѣ полувѣкового перерыва Россія стала, наконецъ, опять той „дворянской Россіей“, какую мы видѣли наканунѣ Петра.

Въ чемъ заключалось это, теперь уже дѣйствительно дворянское, управленіе Россіей, начавшееся 25 ноября 1741 года, въ день вступленія Елизаветы на престолъ, и оборвавшееся 6 ноября 1796 года, почти ровно черезъ пятьдесятъ пять лѣтъ, въ день смерти ея невѣстки? Въ немъ легко подмѣтить двѣ полосы: одну, когда просто выполняется программа 1730 года, не та, какая въ довольно туманномъ видѣ носилась въ головѣ литературныхъ представителей движенія, а та, которая была доступна и понятна каждому среднему „шляхетному“, и которая вся сводилась къ избавленію шляхетства отъ тягостей, наваленныхъ на него службою торговому капиталу. Эта полоса охватываетъ царствованія Елизаветы и Петра III; ея кульминаціоннымъ пунктомъ является манифестъ о „вольности дворянства“ 18 февраля 1762 года. Съ этого момента пассивная оборона можетъ считаться достигнувшей своей конечной цѣли: „тягости“ съ шляхетства всѣ стряхнуты. Но одержанная соціальная побѣда пробуждаетъ дремавшіе еще въ 1730 году политическіе инстинкты. Дворянство скоро не довольствуется фактическимъ приспособленіемъ къ своимъ нуждамъ обломковъ петровскихъ учрежденій, какъ это было съ елизаветинскимъ сенатомъ. Оно хочетъ организовать все государство заново—и по-своему. У него теперь оказывается, дѣйствительно, программа: правда, и теперь не особенно стройная, но во всякомъ случаѣ гораздо болѣе детально разработанная, нежели въ 1730 году. Выполненіе этой программы и споры около нея наполняютъ вторую полосу дворянской политики—межевыми камнями этой полосы можно поставить 1767 годъ, годъ созыва екатерининской комиссіи, и 1785 годъ, изданіе жалованной грамоты дворянству. Но въ тотъ моментъ, когда, казалось, остается только „увѣнчать зданіе“, обнаружилось, что подъ нимъ уже нѣтъ фундамента. Пугачевскій бунтъ намѣтилъ первый сдвигъ почвы — и съ тѣхъ поръ непрерывно тряслось то тамъ, то сямъ. Пришлось строить спѣшно новую оборонительную систему, чтобы защищаться уже не отъ деспотизма сверху, а отъ революціи снизу. Въ этой лихорадочной работѣ были брошены, мало-по-малу, за бортъ всѣ „завѣты“ предшествующаго поколѣнія: а когда система при Николаѣ Павловичѣ была закончена, то оказалось, что ею нечего оборонять, ибо тѣ „цѣнности“, во имя которыхъ велась вся работа, къ со-

роковымъ годамъ XIX вѣка не стоили уже ни гроша. Надо было начинать всю стройку сызнова,—получились реформы Александра II.

Изученіе послѣдовательныхъ этаповъ дворянской политики XVIII-го и первой половины XIX вѣковъ составитъ содержаніе ряда ближайшихъ главъ „Русской Исторіи“. Въ настоящей главѣ мы не будемъ выходить изъ предѣловъ первой полосы перваго періода этой политики (1741—1796 гг.). Но прежде чѣмъ говорить о томъ, чѣмъ она была, излагать ея положительное, съ точки зрѣнія дворянскихъ интересовъ, содержаніе, приходится сказать нѣсколько словъ о томъ, чѣмъ она не была: эта отрицательная ея сторона тѣсно связываетъ ее съ предыдущимъ періодомъ. Иначе читатель можетъ подумать, что 25 ноября 1741 года было въ самомъ дѣлѣ какой-то катастрофой—что одна Россія провалилась въ преисподнюю, а другая внезапно возникла на ея мѣстѣ. Ничуть не бывало: въ извѣстномъ смыслѣ—и притомъ въ главномъ ея смыслѣ—„бироновщина“ непрерывно продолжала существовать во все царствованіе Елизаветы. До тѣхъ поръ, пока она не задѣвала чувствительно интересовъ дворянства, на нее просто не обращали вниманія. Только извѣдавъ на опытѣ семилѣтней войны, къ какимъ послѣдствіямъ она можетъ привести, ей положили конецъ—переворотомъ 28 іюня 1762 года.

Мы видѣли, что дворянская оппозиція при Биронѣ шла подъ національными лозунгами: „противъ нѣмецкаго ига“. Мы видѣли также, что у этой субъективной стороны дворянскаго движенія были извѣстныя объективныя основанія: „нѣмцы“ были на жалованьѣ заграничнаго капитала, и продавали ему русскіе интересы и русскіе штыки, по мѣрѣ спроса. Мы видѣли также, что, собственно, національность „нѣмцевъ“ была здѣсь ни при чемъ: курляндецъ Биронъ продавалъ Россію не своимъ соотечественникамъ, но англичанамъ. Послѣ 25 ноября 1741 года у власти должны были стать „чисто русскіе“ люди: въ смыслѣ національности это, дѣйствительно, и было такъ. Черкасскіе и Трубецкіе, Куракины и Нарышкины, Головинъ и Бестужевъ, Ушаковъ, Чернышевъ, Левашовъ—эти имена членовъ императорскаго совѣта 1741 года говорятъ сами за себя. Но вотъ странно: иностранные агенты хлопочутъ больше не около нихъ—за нѣкоторыми исключеніями,—а около не занимавшаго никакого почетнаго поста человѣка съ иностраннымъ именемъ. И этотъ человѣкъ, врачъ Елизаветы Петровны, французъ Лестокъ,

скоро благополучно ставитъ внѣшнюю политику Россіи на тѣ англійскіе рельсы, съ которыхъ она чуть-чуть не соскочила благодаря глупости правительницы Анны Леопольдовны и трусости Остермана. Приглядимтесь поближе къ дѣятельности этого Лестока—или, лучше сказать, къ дѣятельности англійскихъ дипломатовъ по отношенію къ этому Лестоку: мы увидимъ очень знакомую картину. Меньше, нежели черезъ годъ послѣ торжества „національныхъ началъ“, вотъ что писалъ своему министру преемникъ Финча: „не стану безпокоить васъ подробнымъ разсказомъ обо всемъ, что я предпринималъ со времени своего пріѣзда къ русскому двору для пріобрѣтенія дружбы и довѣрія Лестока. Не жалѣя ни здоровья ни денегъ, я провелъ съ нимъ нѣсколько ночей, игралъ съ нимъ на большія суммы, чтобы пріобрѣсти его расположеніе и, наконецъ, нашелъ случай...... внушить, что для него и почетно и выгодно будетъ воспользоваться своимъ вліяніемъ на совѣтниковъ ея царскаго величества для поддержки мѣропріятій, угодныхъ его величеству (Георгу II англійскому). Онъ далъ мнѣ всевозможныя увѣренія, что впредь будетъ держаться поведенія, направленнаго къ поддержанію тѣснѣйшаго союза между королемъ и царицей. Чтобы поддержать Лестока въ такомъ расположеніи, выгодномъ для службы королевской, я предложилъ ему, именемъ его величества, пенсіонъ, который онъ и принялъ съ готовностью, не допускающей сомнѣнія въ его намѣреніи оказаться достойнымъ милости, которую король разрѣшилъ мнѣ оказать ему“. Въ Лондонѣ не особенно довѣряли хирургу Елизаветы Петровны,—не въ силу его французскаго происхожденія, а такъ какъ знали, что онъ получаетъ пенсіонъ и отъ Франціи. Англійскимъ министрамъ казалось невѣроятнымъ, чтобы одинъ и тотъ же человѣкъ могъ служить сразу двумъ, враждующимъ между собою державамъ, не обманывая одной изъ нихъ. Но Кириль Уэйчъ, къ тому времени уже достаточно осмотрѣвшійся въ Петербургѣ, смотрѣлъ на вещи шире. Онъ вполнѣ допускалъ, что Лестокъ, можетъ быть, обманываетъ обоихъ своихъ давальцевъ, но что, тѣмъ не менѣе, при нѣкоторой ловкости каждый изъ нихъ можетъ извлечь изъ него свою долю пользы. „Очень вѣроятно, что Лестокъ получаетъ пенсіонъ отъ Франціи“, писалъ онъ: „но внѣ сомнѣнія, что онъ на-дняхъ же былъ мнѣ очень полезенъ для ускоренія подписанія нашего контракта“. И онъ настоялъ на томъ, чтобы этому полезному человѣку дали пенсію (правда, не очень щедрую: 600 фунтовъ, т.-е. около

$2^1/_2$ тысячъ рублей тогдашнихъ, въ годъ, да еще взяли при этомъ нѣчто въ родѣ расписки...). Притомъ же Уэйчъ—недаромъ „просвѣщенный мореплаватель"—былъ слишкомъ остороженъ, чтобы держать свой корабль въ такое бурное время на одномъ якорѣ, у него было ихъ нѣсколько. Еще раньше, чѣмъ Лестока, онъ отмѣтилъ будущаго руководителя иностранной политики при новомъ царствованіи. „Братья Бестужевы достойны получить осязательныя доказательства (some sensible proof) милостиваго расположенія къ нимъ его величества", писалъ онъ еще въ іюлѣ 1742 г. „Поведеніе ихъ всегда оставалось неизмѣннымъ, всегда было направлено къ утвержденію тѣснѣйшаго союза морскихъ державъ съ Россіей. И они, полагаю, не стѣснятся принять милость отъ короля, такъ какъ его величество не можетъ потребовать отъ нихъ взаимно ничего, что бы не соотвѣтствовало ихъ собственнымъ взглядамъ, а также дѣйствительнымъ, несомнѣннымъ выгодамъ россійской имперіи". Но часъ фавора Бестужевыхъ еще не пришелъ—поэтому съ пенсіономъ для нихъ рѣшено было обождать. Тѣмъ не менѣе одинъ изъ братьевъ, скоро ставшій очень знаменитымъ, Алексѣй Петровичъ, уже тогда занималъ весьма крупный офиціальный постъ: былъ вице-канцлеромъ, товарищемъ министра иностранныхъ дѣлъ, а фактически министромъ, такъ какъ номинальный канцлеръ, князь Черкасскій, не знавшій иностранныхъ языковъ, притомъ старый и больной, могъ только носить титулъ, но ничего не дѣлалъ. Что такой важный чиновникъ, державшій въ рукахъ всѣ дѣла, могъ на эти дѣла имѣть меньше дѣйствительнаго вліянія, нежели придворный докторъ императрицы—это, конечно, необычайно характерно для елизаветинскаго режима. Но англичанинъ бралъ вещи такими, каковы онѣ есть, и въ то время, какъ доктору платили постоянное жалованье, притомъ за полгода впередъ, министръ иностранныхъ дѣлъ получалъ сдѣльно и лишь въ случаѣ удачи. Убѣдившись, что „вице-канцлеръ хорошо служитъ королю и разъ чуть было не поплатился за расположеніе къ благому дѣлу", рѣшено было выдать и ему 8.000 рублей единовременно. Бестужевъ закапризничалъ,—сталъ толковать, что онъ безъ разрѣшенія императрицы не можетъ взять денегъ, и такою добродѣтелью сначала поставилъ было втупикъ Уэйча. Тотъ никакъ не могъ понять, что же, собственно, Бестужеву нужно? Ларчикъ скоро открылся просто: неподкупный человѣкъ желалъ имѣть на 1.500 рублей больше. Англійскій дипломатъ не безъ брезгливости сообщаетъ объ

этой мелочности „хорошо служившаго“ англійскому королю русскаго министра *). Впослѣдствіи англичане, однако, привыкли къ изворотамъ Бестужева, постепенно дошедшаго до такой виртуозности, что онъ бралъ взятки не только съ разрѣшенія императрицы (Елизавета знала, что ея министры берутъ, и разъ, въ сердцахъ, сказала это въ глаза Бестужеву), но, можно сказать, ея руками. Операція обставлялась такъ: Бестужевъ „закладывалъ“ свой домъ англійскому консулу; „заемъ“ былъ, разумѣется, фиктивный — фактически деньги шли изъ секретныхъ фондовъ англійскаго кабинета. Но императрицѣ, улучивъ добрую минуту, обыкновенно за столомъ, послѣ нѣсколькихъ бокаловъ шампанскаго или венгерскаго, кто-нибудь изъ друзей канцлера докладывалъ, что тотъ дошелъ до крайней нужды — даже домъ, гдѣ онъ живетъ, въ сущности уже не его. Елизавета была женщина добрая, хотя и вспыльчивая; снести такой нищеты своего вѣрнаго слуги она не могла, — кабинетъ получалъ приказаніе выдать Бестужеву потребную сумму на выкупъ его дома. Исторія умалчиваетъ, получалъ ли что-нибудь изъ этой суммы англійскій консулъ: надобно думать, что онъ былъ бы крайне изумленъ, если бы ему стали возвращать „долгъ“. Бестужевъ же получалъ вдвойнѣ,—и притомъ лойяльность его была гарантирована настолько прочно, что въ нее вѣрили не только многіе современники, но даже и профессора исторіи XIX вѣка **).

Бестужевъ называлъ свою политику—не относительно дома, разумѣется, а относительно Англіи,—„системой Петра Великаго“. На самомъ дѣлѣ она гораздо больше заслуживала названія системы Бирона, перваго покровителя Алексѣя Петровича, который въ кабинетѣ Анны сѣлъ на мѣсто Волынскаго. Результаты 25 ноября 1741 года въ области внѣшнихъ отношеній были быстро стушеваны: почти ровно черезъ годъ, 30 ноября 1742 года, между Россіей и Англіей былъ подписанъ „союзъ дружбы, единенія и обоюдной защиты, съ принадлежащими къ нему сепаратными и секретными статьями“. Елизавета Петровна могла сколько угодно не выносить звука англійскаго имени и увѣрять, что все англійское „бу-

*) См. депешу Уэйча отъ 3 мая 1743 г. Сб. Р. Ист. Общ. т. 99-й, стр. 340.

**) Бильбасова, „Исторія Екатерины II“, т. I, стр. 71 примѣч. Авторъ приводитъ этотъ фактъ, ничтоже сумняся. тотчасъ послѣ того, какъ онъ присоединился къ мнѣнію Екатерины II о „неподкупности“ Бестужева. Чего стоитъ мнѣніе Екатерины по такому вопросу, мы сейчасъ увидимъ. Наивность же самого Бильбасова какъ не надо лучше демонстрирована Валишевскимъ, которому, впрочемъ, не трудно было это сдѣлать. См. La dernière de Romanov, p. 117 ssq.

лѣть ей всегда противно“: она была такою же союзницей Георга II, какъ и обѣ Анны, императрица и правительница. Въ борьбѣ англійскаго и французскаго капитализма, которая составляетъ основной фонъ всей международной политики первой половины XVIII вѣка, и тотъ эпизодъ, который разыгрывался за кулисами петербургскаго двора, разрѣшился въ пользу Англіи. Недавній „кумъ“ лейбъ-компанцевъ, второе лицо при дворѣ послѣ императрицы („первый поклонъ отвѣшиваютъ еще Елизаветѣ, а второй уже, конечно, французскому посланнику“, ядовито замѣчалъ одинъ не французскій посланникъ), маркизъ Шетарди, скоро оказался въ самомъ комичномъ положеніи „непріятнаго иностранца“, высылаемаго изъ Россіи безъ права обратнаго въѣзда. Для достиженія такого блестящаго результата Бестужеву достаточно было показать императрицѣ расшифрованную съ большой ловкостью его агентами переписку ея французскаго „друга“. Она нашла тамъ такія выраженія о своей особѣ, что въ себя не могла прійти отъ негодованія, тѣмъ болѣе, что характеристика была вѣрная *). Нужно прибавить, что въ не менѣе комическое положеніе попала и Швеція, такъ рыцарски обнажившая мечъ на защиту правъ дочери Петра: вмѣсто обратнаго полученія, въ награду за рыцарство, провинцій, отнятыхъ у нея Петромъ, она должна была (по миру 1743 года) уступить Россіи еще добрую полосу своей финляндской территоріи. Ибо, вступивъ на престолъ, Елизавета немедленно позабыла съ такимъ трудомъ вытянутыя у нея обѣщанія, а такъ какъ на полѣ битвы шведамъ не везло, то трудно было ихъ напомнить. Англичане, постепенно возвращая себѣ всѣ позиціи, занятыя при Аннѣ и чуть не потерянныя въ 1741 году, одновременно могли себя утѣшить, что и привилегія одѣвать „національную“ армію Елизаветы Петровны осталась за ними, какъ и въ дни „нѣмецкаго ига“. Въ концѣ 1743 года былъ подписанъ контрактъ съ англійскими купцами „на обмундированіе трехъ гвардейскихъ полковъ, полковъ артиллеріи, флота и всѣхъ армейскихъ полковъ“. Контрактъ былъ пятилѣтній. „Это очень важно“, прибавляетъ, сообщая новость, Уэйчъ: „такъ какъ мы за это время изъ году въ годъ будемъ въ состояніи продавать русскому правительству на пятьдесятъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ одного грубаго сукна, не считая лучшихъ сортовъ и тончайшаго сукна, отправляемаго

---

*) Она напечатана теперь (быть можетъ, не безъ пропусковъ), съ подлинника въ 105-мъ томѣ Сборника Русск. Истор. Общ., стр. 233 сл.

черезъ Россію въ Персію". Персидская англійская компанія также продолжала дѣйствовать при Елизаветѣ, но не дала тѣхъ выгодъ, какихъ раньше отъ нея ждали.

У этихъ успѣховъ англійской дипломатіи была, однако, оборотная сторона: они внушили побѣдителямъ такую увѣренность въ себѣ, что тѣ стали считать себѣ дозволеннымъ все, разъ дѣло шло о Россіи. Не говоря ни слова своей союзницѣ, Англія заключила (5 января 1756 года) наступательный и оборонительный союзъ съ Пруссіей, съ которой у Россіи съ 1750 года были прерваны всякія дипломатическія сношенія. Надо имѣть въ виду, что русско-англійскій союзъ былъ направленъ, главнымъ образомъ, противъ Пруссіи; что Фридрихъ II былъ, можно сказать „персональнымъ" непріятелемъ Елизаветы Петровны, не терпѣвшей его, если это возможно, еще больше, чѣмъ англичанъ: она называла его „Шахъ-Надиромъ прусскимъ" и съ ужасомъ говорила, что прусскій король, кажется, и въ церковь не ходитъ; что, наконецъ, въ это самое время Австрія, днемъ съ огнемъ искавшая союзниковъ противъ Фридриха, была въ Петербургѣ наготовѣ съ баснословными, по своей соблазнительности, предложеніями: Елизавета просила 4 милліона флориновъ субсидіи и получила два. Такъ какъ отъ субсидій въ карманахъ фаворитовъ и министровъ императрицы всегда оставалось достаточно, это могло быть уравновѣшено лишь исключительными щедротами англійскаго кабинета, который какъ разъ теперь, взявъ на содержаніе прусскую армію—первую армію въ Европѣ—сталъ скупиться на пріобрѣтеніе русской. Англичане вездѣ предпочитали первый сортъ. И вотъ—такова объективная сила денегъ!—англофильское правительство (канцлеромъ продолжалъ оставаться Бестужевъ) принимаетъ участіе въ семилѣтней войнѣ, послѣднемъ эпизодѣ великой колоніальной борьбы Англіи и Франціи,—на сторонѣ послѣдней и противъ первой. Казалось, что́ было за дѣло русскимъ помѣщикамъ и крестьянамъ, что гдѣ-то, на берегахъ рѣки св. Лаврентія, въ Канадѣ, солдаты въ синихъ мундирахъ обмѣнялись выстрѣлами съ солдатами въ красныхъ? Да что́ было до этого за дѣло и помѣщикамъ и крестьянамъ прусскимъ? И тѣмъ не менѣе стоило начаться англо-французской войнѣ, началась прусско-австрійская, а за нею и русско-прусская. Мы не будемъ входить въ подробности этой войны—первой большой европейской, въ какой, послѣ 35 лѣтняго промежутка, приняла участіе Россія. Но чтобы закончить характеристику „бироновщины послѣ Бирона", нельзя не

сказать нѣсколько словъ о томъ способѣ, какимъ Англія и въ этомъ случаѣ ухитрилась все-таки обезпечить свои интересы.

„Около Троицына дня (1755 года — слѣдовательно, за годъ до начала войны) прибылъ въ Россію англійскій посланникъ кавалеръ Уильямсъ", разсказываетъ въ своихъ запискахъ Екатерина II. „Въ свитѣ его находился графъ Понятовскій, полякъ, отецъ котораго держалъ сторону Карла XII, шведскаго короля. Императрица приказала отпраздновать именины великаго князя въ Ораніенбаумѣ. Къ намъ съѣхалось много народа; танцовали въ той залѣ, которая при входѣ въ мой садъ, и потомъ въ ней же ужинали; посланники и иностранные министры также явились. Помню, что за ужиномъ англійскій посланникъ, кавалеръ Уильямсъ, былъ моимъ сосѣдомъ, и мы вели съ нимъ пріятную и веселую бесѣду: онъ былъ уменъ, свѣдущъ, объѣздилъ всю Европу—съ нимъ нетрудно было разговаривать". Разговоръ шелъ впрочемъ не о всей Европѣ, а только о графѣ Понятовскомъ. По случайности, какъ разъ около этого времени Екатерина узнала, что прежній предметъ ея вниманія, Сергѣй Салтыковъ—послѣ рожденія Павла Петровича вынужденный покинуть Россію—ведетъ за границей очень разсѣянную жизнь и „волочится за всѣми дамами, какія ему попадаются". Женское самолюбіе Екатерины было задѣто, въ сердцѣ ея чувствовалась пустота,—красивый и обаятельный польскій графъ, пріѣхавшій въ Петербургъ въ свитѣ англійскаго посланника, сталъ въ великокняжескомъ дворцѣ желаннымъ гостемъ. Надежда Уильямса, что Понятовскій „будетъ имѣть успѣхъ въ Россіи", исполнилась очень быстро: впрочемъ, англійская дипломатія и гораздо раньше, еще въ дни Уэйча, имѣла ясное представленіе о политической роли, какую можетъ сыграть въ Россіи „красивый молодой дворянинъ". Только, держа на жалованьи русскаго министра иностранныхъ дѣлъ, англичане пренебрегали этимъ средствомъ, предоставляя имъ пользоваться болѣе бѣднымъ—или болѣе скупымъ—французамъ. Оцѣнивъ Понятовскаго, нельзя было не почувствовать благодарности и къ Уильямсу, виновнику его появленія при петербурскомъ дворѣ. Англійскій „кавалеръ" былъ притомъ не только интересный собесѣдникъ. Екатерина была страшная мотовка, какъ ни старается она замаскировать этотъ фактъ въ своихъ мемуарахъ; въ деньгахъ она постоянно нуждалась—просить же ихъ у императрицы было не всегда удобно, вѣрнѣе, всегда не удобно. Елизавета принималась въ этихъ случаяхъ ворчать и распространяться объ ея собственной бережливости, когда она

была цесаревной (въ дѣйствительности, она была въ тѣ времена въ долгу, какъ въ шелку, несмотря на то, что и Анна и Биронъ были къ ней щедрѣй, чѣмъ она къ своей невѣсткѣ). Можно себѣ представить пріятное удивленіе великой княгини, когда она узнала отъ Уильямса, что подъ руками есть отличный способъ „перехватить“ въ критическую минуту: все у того же волшебника, англійскаго консула. Фактъ этихъ „перехватываній“ удостовѣренъ документально; самый крупный—изъ извѣстныхъ—заемъ въ 44.000 рублей (болѣе 350 тысячъ на теперешнія деньги) относится къ ноябрю 1756 года, когда война была уже рѣшена, и русскій главнокомандующій, пріятель Екатерины, Апраксинъ, уже отправился къ арміи. А 18 декабря Уильямсъ *) вотъ что писалъ своему кабинету: „посылаю вамъ самыя вѣрныя извѣстія, которыя только удалось мнѣ получить относительно плановъ, касающихся русской арміи. Они были сообщены мнѣ здѣшнимъ лучшимъ моимъ другомъ (ma grande amie), великою княгиней. Она имѣла весьма продолжительный разговоръ съ фельдмаршаломъ Апраксинымъ въ ночь наканунѣ его отъѣзда въ Ригу, и то, что я пишу вамъ теперь, есть только точный списокъ того письма, которымъ ея высочество почтила меня на другой же день“. 7-го января депеша Уильямса была въ рукахъ Фридриха II,—а 8-го русскій операціонный планъ былъ сообщенъ фельдмаршалу Левальду, командовавшему противъ Апраксина. Въ утѣшеніе читателя мы можемъ только прибавить, что этотъ актъ—находящій себѣ вполнѣ опредѣленную квалификацію не только въ международномъ, но и въ уголовномъ правѣ—практическихъ послѣдствій не имѣлъ. На практикѣ русская армія обошлась безъ всякихъ операціонныхъ плановъ. Прошло чуть не полгода раньше, чѣмъ Апраксинъ, очень не хотѣвшій воевать, собрался, наконецъ, перейти прусскую границу. Къ этому времени вся обстановка настолько измѣнилась, что планы, составлявшіеся осенью предшествовавшаго года, никуда болѣе не годились **).

Русское дворянство, тысячами клавшее свои головы въ безсмысленной, съ точки зрѣнія его классовыхъ интересовъ, войнѣ противъ Пруссіи, никогда не узнало, кто игралъ его головами. Но тягости пятилѣтней (для Россіи) войны нельзя

---

*) Такъ какъ война шла, формально, съ Пруссіей, а не непосредственно съ Англіей, то дипломатическія сношенія съ послѣдней не прерывались. Это было очень удобно англичанамъ...

**) См. для всего этого инцидента Бильбасова, т. I, стр. 318 сл. и приложеніе III—стр. 453 сл. Бильбасовъ, конечно, отчаянно защищаетъ свою героиню и храбро обвиняетъ Уильямса во лжи. Но аргументы его не сильнѣе, чѣмъ въ дѣлѣ съ Бесту-

было не почувствовать. Ко времени смерти Елизаветы положеніе было таково, что всякое разумное правительство поспѣшило бы какъ-нибудь выпутаться изъ дѣла. Когда мы читаемъ, что за январскую треть 1760 года жалованье войскамъ удалось выдать только въ половинномъ размѣрѣ, да и то мѣдными деньгами, — а чтобы добыть эти послѣднія, пришлось переливать пушки въ монету,— знаменитая фраза Елизаветы Петровны о распродажѣ и брилліантовъ туалетовъ, если понадобится, на нужды войны, перестаетъ казаться только фразой. Но если императрицѣ приходилось подумывать объ отказѣ отъ привычной для нея роскоши (при дворѣ ея времени принято было пореодѣваться 3—4 раза въ день, при чемъ сама Елизавета Петровна рѣдко надѣвала вторично однажды видѣнное публикой платье: такъ что цифра 15.000 платьевъ, о которой говорили современники, не покажется фантастической), то для дворянства, благодаря той же войнѣ, начинало не хватать необходимаго; если бы не отсрочка платежей въ основанный Елизаветою дворянскій банкъ, бóльшая часть его кліентовъ осталась бы безъ имѣній. По этому положенію заемщиковъ банка, составлявшихъ привилегированное меньшинство помѣщиковъ, можно судить о положеніи большинства. Причина была та же, что и во время петровскихъ войнъ: годами не живя въ имѣніи, офицеръ или солдатъ-помѣщикъ поневолѣ запускали хозяйство. А къ исполненію воинской повинности тянули почти такъ же неукоснительно, какъ и при Петрѣ: требовали даже старыхъ, больныхъ, даже никогда, фактически, военными не бывшихъ—напримѣръ, горныхъ офицеровъ отправляли въ дѣйствующую армію. Рекрутскіе наборы слѣдовали одинъ за другимъ, отбирая у владѣльцевъ крѣпостныхъ деревень лучшія рабочія руки. Манифестъ о вольности дворянства—дѣло рукъ, въ дѣйствительности, елизаветинскаго министра Воронцова (Петръ III къ изданному имъ манифесту не имѣлъ въ сущности никакого отношенія)—былъ не только логическимъ завершеніемъ дворянскаго царствованія: это было слишкомъ естественное стремленіе разрѣдить сгустившуюся атмосферу. Работа упраздненной одновременно

жевымъ. Что изложенный Уильямсомъ, со словъ Екатерины, планъ былъ „нелѣпостью“— очень возможно: но мало ли въ нашей военной исторіи нелѣпостей, еще большихъ? А что Уильямсъ медлилъ съ его сообщеніемъ полтора мѣсяца (главный козырь историка Екатерины II), такъ тотъ самъ объясняетъ причину, чего Б. не замѣтилъ. „Я все еще надѣюсь добыть инструкцію, данную Апраксину“ пишетъ У.; „мнѣ обѣщали уже два раза, но эти обѣщанія еще не исполнены“. Подлинная инструкція была бы куда цѣннѣе дамскаго письма: было изъ-за чего подождать.

тайной канцеляріи было лучшимъ барометромъ—и барометръ этотъ показывалъ бурю.

Когда Петръ III, подъ вліяніемъ личныхъ симпатій къ Фридриху II, поспѣшилъ заключить миръ, этому, въ сущности, всѣ очень обрадовались. „Негодованіе“ же онъ вызвалъ не этимъ, а намѣреніемъ начать новую войну противъ Даніи изъ-за Голштиніи. Сопоставленіе фактовъ не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что непосредственный толчокъ къ гвардейскому мятежу 28 іюня 1762 г. дало именно это. Когда 3 іюня высочайшимъ повелѣніемъ были прекращены отпуска и всякія другія „отлучки“ людей отъ полковъ—знакъ близкаго похода—по Петербургу толпами ходили гвардейцы, „почти вьявь“ ругая Петра III. Въ это же время вербовка заговорщиковъ Орловыми начинаетъ итти особенно бойко,—и только съ этого времени самый серьезный человѣкъ заговора, Панинъ, серьезно за него принимается. Онъ понялъ, что груша созрѣла... Чѣмъ ближе походъ, тѣмъ настроеніе острѣе. 26 іюня былъ заготовленъ провіантъ для гвардіи отъ Петербурга до Риги. Въ тотъ же день вечеромъ одинъ капралъ Преображенскаго полка спрашиваетъ поручика Измайлова: „скоро ли свергнутъ императора?“ 27-го іюня „преображенскій солдатъ, вышедъ на галлерею, началъ говорить, что когда выйдетъ полкъ въ Ямскую, въ походъ въ Данію, то мы спросимъ, зачѣмъ и куда насъ ведутъ, оставя нашу возлюбленную матушку государыню, которой мы рады служить“. Гвардіи переворотъ помѣшалъ выступить, но двинутые ранѣе армейскіе полки, не дожидаясь приказаній, повернули къ своимъ квартирамъ, какъ только узнали о низверженіи Петра *). Судьба этого злосчастнаго государя становится намъ понятна только въ связи съ его не менѣе, чѣмъ онъ самъ, злосчастной внѣшней политикой.

До тѣхъ поръ, пока дворянство не почувствовало внѣшней политики на своихъ бокахъ, оно не имѣло поводовъ въ нее вмѣшиваться. Если мы хотимъ найти дворянскую реакцію въ царствованіе Елизаветы, мы должны ее искать въ политикѣ внутренней. Здѣсь картина получается совершенно отчетливая: шляхетство, наконецъ, добилось своего. Елизаветинскій сенатъ, какъ уже давно замѣтили изслѣдователи, былъ центромъ дворянскаго режима. „Безъ преувеличенія, правленіе Елизаветы Петровны можно назвать управленіемъ важнѣйшихъ сановниковъ, собранныхъ въ сенатъ“, говоритъ

*) Бильбасовъ, II, стр.—2, 3, 6, 15 сл., 36.

Княжна Прасковья Григорьевна Юсупова передъ постриженіемъ.

Оригиналъ картины Н. В. Неврева *Княжна Прасковья Григорьевна Юсупова передъ постриженіемъ* (1886 г.) находится въ Третьяковской галлереѣ въ Москвѣ (№ 394), въ печатномъ «каталогѣ художественныхъ произведеній» которой сказано въ особомъ примѣчаніи слѣдующее: «Княжна Юсупова была недовольна избраніемъ на престолъ, послѣ кончины Петра II, Анны Іоанновны. За неблагопріятные отзывы ея объ императрицѣ она была по распоряженію Бирона въ 1730 г. арестована и отправлена въ Тихвинско-Введенскій монастырь, гдѣ продолжала порицать императрицу и ея любимца. По доносу игуменьи, княжну привезли въ Петербургъ, въ Тайную Канцелярію, гдѣ подвергли допросамъ, и въ 1735 г. насильно постригли въ монахини, сославъ въ дальній дѣвичій монастырь». Художникъ представляетъ на своей картинѣ наиболѣе существенную, наиболѣе характерную деталь самодержавнаго строя XVIII столѣтія. Подъ мрачными сводами застѣнка Тайной Канцеляріи въ Петербургѣ въ присутствіи палачей и духовенства подготовляется насильственное постриженіе Юсуповой, тотъ въ высокой степени кощунственный актъ, который такъ хорошо былъ знакомъ тогдашнимъ временамъ и который не могъ происходить безъ извѣстнаго душевнаго единенія тайной полиціи и духовенства. Юсупову не только постригли, но предварительно подвергли истязаніямъ. Этимъ объясняется, почему на картинѣ вмѣстѣ съ духовенствомъ присутствуютъ и палачи, наряженные по распоряженію правительства императрицы Анны. Картина производитъ потрясающее впечатлѣніе не тѣмъ только, что передаетъ вопіющій фактъ, а прежде всего потому, что подобнаго рода ужасныя вещи были дѣйствующей нормой государственнаго управленія, достигшей при Аннѣ чрезвычайнаго напряженія. Хмельной угаръ отъ власти, вина и острыхъ физическихъ наслажденій заставлялъ ежеминутно примѣнять работу палача, а своды Тайной Канцеляріи впитывать въ себя потрясающіе крики немилосердно истязуемыхъ. С. М. Соловьевъ разсказываетъ, что князь Григ. Дм. Юсуповъ сочувствовалъ попыткѣ князя Д. М. Голицына ограничить самодержавіе опредѣленной хартіей и, по слухамъ, заболѣлъ и умеръ съ горя, что попытка закончилась крахомъ. Его дочь Прасковья была виновата уже однимъ тѣмъ, что она была дочерью такого отца; она должна была ожидать того, что получила отъ правительства Анны и пыталась будто бы волшебствомъ и чарами склонить къ себѣ на милость императрицу. Объ этомъ узнали и сослали ее въ Тихвинско-Введенскій монастырь. Титулованная дѣвица не унялась въ монастырѣ и придержать своего языка не сумѣла. Въ 1735 г., послушавшись доносовъ, ее привезли въ Петербургъ въ Тайную Канцелярію и записали, что она жаловалась на императрицу Анну, говорила, что было бы лучше, если бы царствовала Елизавета (княжна Юсупова, очевидно, не понимала, что бѣды не отъ лицъ, а отъ всего строя), бранила герцога Бирона, прибавляя, что при Петрѣ I Анну и ея сестеръ царевнами не звали, а величали попросту Ивановнами. За это страшное и совершенно неопредѣленное преступленіе Юсупову тяжко истязали кошками, а затѣмъ постригли, назвавъ Проклою. Въ Проклѣ не умерла княжна Прасковья: въ Сибири въ одномъ изъ монастырей, куда ее сослали, она учинилась *безчинна*, Проклой не называлась и монастырское платье съ себя сбрасывала. Въ 1738 г. несчастную, измученную, безвредную для кого бы то ни было женщину по соображеніямъ высшей политики нашли необходимымъ вновь подвергнуть истязаніямъ и тяжко избили шелепами. Никому не приходило въ голову спросить себя, для чего нужно это бездонное море истязаній, крови и слезъ, да и некогда было: такъ много танцовали, пили, ѣли, развлекались и мелькали въ вихрѣ флирта... Après nous le déluge!

В. Стор.

„РУССКАЯ ИСТОРІЯ". Изд. Т-ва „МІРЪ".

Градовскій: и „нельзя не согласиться, что сенатъ неуклонно велъ подчиненное ему сословіе къ свободѣ, рядомъ практическихъ мѣръ“ *). Градовскій совершенно справедливо отмѣчаетъ, что такое значеніе сената было тѣсно связано съ сосредоточеніемъ въ столицѣ массы дворянъ: сенатъ былъ орудіемъ соціальной политики гвардіи, какъ лейбъ-компанія — орудіемъ ея придворнаго вліянія. Возраждающійся феодализмъ нашелъ свой центръ, составленный, какъ и всѣ феодальные центры, изъ представителей вассалитета не по избранію, а по положенію. Въ сенатъ вошло все, что было повиднѣе среди шляхетства: „званіе сенатора сдѣлалось важнѣйшимъ отличіемъ и ставится впереди всѣхъ другихъ званій сановника. Петръ Ивановичъ Шуваловъ назывался просто сенаторомъ Шуваловымъ“. Особенно характерна для елизаветинскаго сената его власть надъ арміей. „Обѣ воинскія коллегіи были обязаны строгою отчетностью предъ сенатомъ въ денежныхъ суммахъ, находившихся въ ихъ распоряженіи... По его (сената) распоряженію формируютъ новые полки. Онъ заботился объ образованіи молодежи, приготовляющейся къ военной службѣ... Укомплектованіе полковъ и наборы вполнѣ находятся въ его распоряженіи... Обмундированіе и продовольствіе арміи находилось подъ его руководствомъ, такъ что генералъ-кригсъ-комиссары, кажется, имѣютъ дѣло больше съ нимъ, чѣмъ съ военною коллегіею; точно то же слѣдуетъ замѣтить и объ вооруженіи арміи. Образцы оружія обыкновенно присылались въ сенатъ, который уже распоряжался о сдѣланіи оружія по этому образцу для всей арміи... Общій бюджетъ арміи составлялся въ сенатѣ, который, по представленію воинской коллегіи, распредѣлялъ сумму на военные расходы“ **). И въ этой области классовое значеніе сената успѣло сказаться достаточно рельефно. Рекрутчина брала у помѣщиковъ много рабочихъ рукъ: сенатъ заботился, говоря словами одной записки Петра Шувалова, о сохраненіи въ рекрутскихъ наборахъ такой пропорціи, чтобы и армія была укомплектована, „число же народа, прежде въ то употребляемое, симъ способомъ оставшееся, умножало бъ народъ къ земледѣлію“. И если въ проведеніи этой политики сенатъ, по словамъ той же записки, обнаруживалъ нѣкоторую вялость, то онъ, во всякомъ случаѣ, чрезвычайно энергично боролся съ попытками крѣпостныхъ самовольно поступать въ армію,—

*) „Высшая администрація Россіи XVIII стол. и генералъ-прокуроры“. Сочиненія, т. I, стр. 193 и 221.
**) Ibid., стр. 207—208.

попытками, которыя петровскимъ законодательствомъ прямо поощрялись. Опираясь на петровскіе указы, дворовые „порознь и цѣлою толпою“ стали подавать Елизаветѣ просьбы о принятіи ихъ въ военную службу. „За таковое ихъ вымышленное и противное указамъ (!) дерзновеніе учинено имъ на площади съ публикою жестокое наказаніе; которые подавали челобитныя не малымъ собраніемъ, тѣхъ били кнутомъ, и пущіе изъ нихъ заводчики сосланы въ Сибирь на казенные заводы въ работу вѣчно; а которые подавали челобитныя порознь, тѣхъ били плетьми, другихъ батогами и по наказаніи отданы помѣщикамъ“ *). Въ то же время для самихъ дворянъ служба всячески облегчалась. При Елизаветѣ было отмѣнено драконовское правило Петра, согласно которому недорослей, не явившихся къ смотру, отдавали „вѣчно“ въ солдаты и матросы. Одновременно съ этимъ при Елизаветѣ окончательно укореняется обычай, не нашедшій себѣ выраженія въ законодательствѣ, но который для дворянъ былъ полезнѣе всѣхъ писаныхъ законовъ по этой части: обычай записывать въ службу дѣтей. Фактически дѣти, разумѣется, не служили и нерѣдко на рукахъ у няньки уже пробѣгали первыя ступеньки военной іерархіи. Пяти- и семилѣтніе капралы и сержанты къ началу ихъ дѣйствительной службы бывали уже офицерами, и пожеланіе шляхетскихъ требованій 1730 г., чтобы дворянскихъ дѣтей въ нижніе чины не отдавать, осуществлялось при помощи такого обходнаго движенія безъ дальнихъ хлопотъ и безъ помощи кадетскаго корпуса.

Но настоящей сферой дворянской политики сената должны были стать финансы: мы видѣли, что подушная подать являлась своего рода барометромъ, по которому сейчасъ же можно было узнать, отъ чьего имени дѣйствуетъ правительство. При Елизаветѣ этотъ барометръ неизмѣнно показывалъ для дворянства „очень ясно“—и даже съ наклонностью къ „великой суши“. Именно, донесенія иностранныхъ дипломатовъ отъ самаго начала царствованія сохранили намъ чрезвычайно любопытный проектъ — совершеннаго уничтоженія подушныхъ путемъ замѣны ихъ увеличеніемъ соляного налога, который, будто бы, предполагалось отдать на откупъ Демидову. Послѣдній обѣщался доставлять ежегодно не меньше, чѣмъ давала подушная подать. Въ такой чистой формѣ проектъ не

---

*) Изъ журналовъ сената у Соловьева (изд. Обществ. Пользы“, кн. V, стр. 158—159).

осуществился, но стремленіе къ упраздненію номинально крестьянскаго, а на практикѣ дворянскаго налога (упомянутый нами иностранный дипломатъ необычайно точно опредѣляетъ подушныя, какъ „подать, платимую каждымъ помѣщикомъ со своихъ крестьянъ") составляетъ постоянную тенденцію финансовой политики Елизаветы, притомъ тенденцію сознательную. Душа этой политики, тотъ же П. И. Шуваловъ, писалъ сенату въ 1758 году: „народъ есть главная сила государственная, и потому надобно желать, чтобы народъ, положенный въ подушный окладъ, отъ сего платежа совсѣмъ былъ свободенъ". Это звучало очень красиво— и какъ нельзя быть больше отвѣчало интересамъ помѣщиковъ. На практикѣ возможно было, конечно, не достиженіе идеала, а только болѣе или менѣе близкое къ нему приближеніе. При вступленіи Елизаветы на престолъ подушный окладъ былъ уменьшенъ на 10 копеекъ на два слѣдующіе года — 1742 и 1743, что должно было оставить въ карманахъ помѣщиковъ около милліона рублей (9—10 милліоновъ теперешнихъ). Въ 1752 году подушный окладъ вообще былъ уменьшенъ на $3^1/_4$ копейки, а манифестомъ 15 декабря этого года прощена вся недоимка подушнаго сбора съ 1724 по 1747 годъ—болѣе двухъ съ половиною милліоновъ рублей (20—25 нынѣшнихъ). Не совсѣмъ грамотно, но очень велерѣчиво манифестъ мотивировалъ эту высочайшую милость тѣмъ, что „имперія такъ силою возросла, что лучшаго времени своего состоянія, какое донынѣ не было, несравненно превосходитъ въ умножившемся доходѣ государственномъ..." Несравненно больше значенія, нежели всѣ частныя льготы, имѣла мѣра принципіальная— назначенная, въ самомъ началѣ царствованія, по представленію сената, новая ревизія. Мотивировка ея не оставляетъ ничего желать по своей соціальной выразительности. Сенатъ просилъ императрицу учинить ревизію „для удовольствія всѣхъ помѣщиковъ и пресѣченія донынѣ происходящихъ непорядковъ и въ платежѣ отбывательства и запущенія впредь доимокъ... и на будущее время производить ее черезъ 15 лѣтъ, чѣмъ всѣ непорядки... пресѣкутся, а бѣдные и неимущіе помѣщики, кои сами и жены и дѣти въ доимкахъ подъ карауломъ содержатся и помираютъ, отъ такого бѣдствія свободятся". Даже крупнѣйшая финансовая реформа царствованія — уничтоженіе въ 1753 г. внутреннихъ таможенъ — разсматривалась проводившими ее съ той же точки зрѣнія. Ея иниціаторъ, все тотъ же Шуваловъ, начиналъ съ указанія на то, какія обиды терпитъ отъ

усторѣвшей таможенной системы крестьянство: интересы буржуазіи, которые намъ кажутся естественно господствующими въ подобнаго рода переворотѣ, для него стоятъ на второмъ планѣ, и не видно даже, чтобы главный изъ этихъ интересовъ, развитіе внутренней торговли, имъ отчетливо сознавался. Главная выгода, какую извлечетъ изъ реформы купечество, по мнѣнію Шувалова,—это то, что оно избавится отъ таможенныхъ должностей. Зато онъ много распространяется о тѣхъ мытарствахъ, которыя приходится испытывать крестьянину, везущему „на продажу отъ Троицы въ Москву возъ дровъ". Но дрова эти чаще всего были барскія — или изъ вырученныхъ за нихъ денегъ крестьянинъ долженъ былъ заплатить барскій оброкъ...

Естественно является вопросъ — кто же расплачивался за всѣ эти льготы въ пользу шляхетства, льготы, которыя должны были образовать порядочную брешь въ государственномъ бюджетѣ: одно упраздненіе внутреннихъ таможенъ должно было уменьшить доходы казны на милліонъ почти рублей. Тотъ же „народъ", о которомъ такъ заботился Шуваловъ, но только въ иной формѣ. Упраздненіе внутреннихъ таможенъ было покрыто огромнымъ повышеніемъ внѣшнихъ таможенныхъ пошлинъ—въ $2^1/_2$ раза. Правда, что до нормы петровскаго тарифа 1724 г. и теперь дѣло далеко не дошло— и что большую часть заграничнаго привоза все еще составляли если не предметы роскоши, то, во всякомъ случаѣ, предметы потребленія высшихъ классовъ. Но эти послѣдніе жили или крестьянскимъ трудомъ или крестьянскимъ оброкомъ. Ростъ этого послѣдняго въ елизаветинское царствованіе достаточно показываетъ, что положеніе „народа" не облегчалось съ облегченіемъ платежей, падавшихъ такъ или иначе на помѣщика. Возьмемъ одинъ примѣръ: въ Загарской волости, Московскаго уѣзда, крестьяне платили своему барину въ 1740-хъ гг. 300 рублей оброку, въ началѣ 1750-хъ—уже 2.300, въ 1766—3.900 р. *). Но и всѣ другіе финансовые эксперименты Шувалова и руководимаго имъ въ этой области сената сводились къ такому же переложенію податного бремени съ плечъ дворянства на плечи другихъ классовъ—и въ первую голову крестьянства. Грандіозный проектъ отдачи всей соли въ Россіи на откупъ одному лицу, Демидову, не осуществился, но это не помѣшало правительству Елизаветы

*) В. И. Семевскій. „Крестьяне въ царствованіе Екатерины II" изд. 2-е, т. I, стр. 57. Детально хозяйственныя условія эпохи будутъ разсмотрѣны въ одной изъ слѣдующихъ главъ, въ связи съ экономическимъ переворотомъ половины XVIII вѣка.

при помощи болѣе мелкихъ мѣръ жить на счетъ того же соляного налога. Тенденція и здѣсь была настолько же сознательная, какъ въ дѣлѣ уменьшенія подушной подати. Уже въ 1745 году Шуваловъ, со ссылками на всевидящее око, отца отечества, матерь отечества и тому подобные возвышенные предметы, началъ подходить къ вопросу, какъ бы это открыть въ государствѣ „такой пунктъ, который бы во время надобности безсумнительно доходъ государственный умножилъ“ — притомъ такой, который „умаленія себѣ вовсе имѣть не можетъ, но будетъ единое обращеніе циркулярное безконечное“. Суть этихъ витіеватыхъ разсужденій сводилась къ тому, чтобы увеличить продажную цѣну вина и, въ особенности, соли: вмѣсто прежнихъ различныхъ по разнымъ мѣстностямъ цѣнъ, отъ $3^1/_2$ до 50 коп., за соль была назначена однообразная цѣна—въ 35 коп. за пудъ, отъ чего Шуваловъ ожидалъ увеличенія соляного дохода слишкомъ на милліонъ рублей. Этотъ милліонъ можно было добыть или этимъ путемъ, или повышеніемъ цѣны на вино — коренную, такъ сказать, казенную монополію: иначе пришлось бы увеличить подушную подать, какъ объясняетъ Шуваловъ, — а это, мы знаемъ, „исключалось условіями задачи“. Въ концѣ концовъ, пришлось прибавить и на вино, и на соль. Отъ увеличенія цѣны на соль, по словамъ кн. Щербатова, для этой эпохи уже современника, уменьшилось потребленіе соли, и развились болѣзни. Повышеніе цѣнъ на вино сдѣлало болѣе выгоднымъ тайную продажу его: финансовая политика вынудила Шувалова на полицейскія мѣры, очень выразительно изображенныя тѣмъ же Щербатовымъ. „При милосерднѣйшей государынѣ учредили родъ инквизиціи, изыскующей корчемство, и обагрили россійскія области кровію пытанныхъ и сѣченныхъ кнутомъ, а пустыни сибирскія и рудники наполнили сосланными въ ссылку и на каторги, такъ что считаютъ до 15.000 человѣкъ, претерпѣвшихъ такое наказаніе“. Зато, благодаря увеличенію соляного налога, можно было осуществить ту сбавку подушныхъ на $3^1/_4$ копейки въ годъ, о которой мы говорили выше. А увеличеніе дохода отъ винной монополіи дало еще болѣе блестящіе результаты: отъ продажи вина удалось съэкономить 750.000 рублей, на которые былъ основанъ первый въ Россіи д в о р я н с к і й б а н к ъ.

Какъ видитъ читатель, въ министрѣ финансовъ Елизаветы Петровны (Петръ Шуваловъ фактически былъ имъ) мы имѣемъ родоначальника того направленія, которое для нашей дворянской политики стало классическимъ. Знакомый съ но-

вѣйшими фазами этой политики ищетъ еще одного: бумажныхъ денегъ, ассигнацій. Бумажекъ Шуваловъ не любилъ, усматривая „отъ поддѣлыванія банковыхъ билетовъ опасность,— и бумажками вмѣсто денегъ народу не только дики покажутся, но и совсѣмъ кредитъ повредится, потому что при употребленіи банковыхъ билетовъ въ торгахъ всякія помѣшательства и обманы могутъ происходить". Онъ нашелъ болѣе безопаснымъ средство болѣе національно-русское: мѣдные рубли. Правда, сравнительно съ попыткой временъ царя Алексѣя то, на что пошелъ Шуваловъ, было лишь полумѣрой. Чеканить прямо мѣдные цѣлковики при Елизаветѣ не рѣшились, ограничившись номинальнымъ удвоеніемъ цѣны обычныхъ мѣдныхъ денегъ,—вмѣсто 8 рублей изъ пуда стали чеканить монеты на 16. Смыслъ мѣры, однако, и теперь былъ тотъ же самый. „Всѣ усилія сената были направлены къ тому, чтобы удержать серебряную монету въ казнѣ, оставивъ для народнаго обращенія одну мѣдную, которая была отдана въ его полное распоряженіе", говоритъ Градовскій. „Серебряную монету приказано было вымѣнивать изъ обращенія по установленной цѣнѣ, а всѣ, имѣющіе ее, должны были являться съ нею; за утайку было положено наказаніе. Въ судебныхъ мѣстахъ серебряную и золотую монету велѣно было обмѣнивать на мѣдную для произведенія выдачи, „дабы золотая и серебряная монета въ казнѣ всегда оставалась, а мѣдная циркуляцію имѣть могла". Вообще на всѣ казенные расходы сенатъ приказывалъ употреблять мѣдныя деньги, „всемѣрно стараясь удерживать золотую и серебряную монету въ казнѣ". Золото и серебро положительно считались казенною принадлежностью; за тайную ихъ сплавку сенатъ грозилъ жестокими наказаніями" *). И результатъ былъ приблизительно тотъ же, лишь менѣе грандіозный, чѣмъ въ серединѣ XVII вѣка; „пятикопѣешники мѣдные привелъ ходить въ грошъ", говоритъ о Шуваловѣ кн. Щербатовъ: „и бѣдные подданные на капиталѣ мѣдныхъ денегъ, хотя не вдругъ, но три пятыхъ капитала своего потеряли". Если прибавить къ этому тучу казенныхъ монополій: смоляную, поташную, табачную, рыбную и т. д., то сходство елизаветинской Россіи съ дворянской Россіей XVII вѣка будетъ весьма полнымъ. Въ царствованіе Екатерины II туземному капитализму приходилось начинать приблизительно съ того же, съ чего начала петровская Россія **).

---

*) Цит. соч., стр. 195, прим. 1-ое.

**) Само собою разумѣется, что монополіи елизаветинскаго времени фактически были въ рукахъ разнаго рода „верховныхъ господъ"—ловля рыбы на Бѣломъ морѣ

Буржуазныя наслоенія первыхъ лѣтъ XVIII вѣка были смыты теперь основательно—и старый соціальный материкъ долженъ былъ выступить наружу. Если при елизаветинскомъ дворѣ феодальныя черты уже били въ глаза, то елизаветинская деревня даетъ столь ярко-феодальную картину, что аналогичной мы не найдемъ, пожалуй, и въ предшествующемъ столѣтіи,—правда, не найдемъ, быть можетъ, только по недостатку данныхъ. Елизаветинскій дворянинъ былъ такимъ „государемъ въ своемъ имѣніи", какимъ былъ развѣ московскій бояринъ до Грознаго. Центральная власть, еще недавно, при Петрѣ, довольно энергично вмѣшивавшаяся во внутреннія отношенія вотчины, незамѣтно отходитъ въ сторону. Указъ 1719 года, предписывавшій отдавать въ монастырь „подъ началъ до исправленія" тѣхъ дворянъ, которые разоряютъ крестьянъ своихъ вотчинъ, былъ, собственно, единственной юридической сдержкой помѣщичьяго произвола на весь XVIII вѣкъ,—но и о ней „предшественники Екатерины II, повидимому, совсѣмъ забыли" *). Зато съ необычайной послѣдовательностью практика этихъ „предшественниковъ" проводитъ точку зрѣнія на крестьянина, какъ „подданнаго" своего барина. Уже одинъ изъ указовъ конца петровскаго царствованія дѣлаетъ вотчину чѣмъ-то въ родѣ маленькаго самостоятельнаго государства, требуя отъ ушедшаго въ городъ на заработки крестьянина паспорта, выданнаго помѣщикомъ и визированнаго, такъ сказать, представителями центральной власти—земскимъ комиссаромъ и полковникомъ. Въ случаяхъ недальней отлучки или когда правительство по тѣмъ или другимъ причинамъ желало облегчить крестьянскій отходъ—такъ было, напримѣръ, по отношенію къ судорабочимъ—визы правительственныхъ агентовъ не требовалось, и достаточно было разрѣшенія одного помѣщика: точно такъ, какъ и теперь въ пограничныхъ мѣстностяхъ, для облегченія сношеній упрощаютъ паспортныя формальности. Елизаветинскій законъ (1760 г.), предоставившій помѣщикамъ право на-

---

была, напримѣръ, „на откупу" у самого Шувалова. Торговля хлѣбомъ тоже была монополіей, какъ и при царѣ Алексѣѣ,—и вотъ какой документъ по ея поводу приводитъ Градовскій. Въ 1757 г. гр. Воронцовъ писалъ Шувалову: „злоключительное мое состояніе, которое я отъ великихъ долговъ имѣю, вашему п-ству совершенно извѣстно; ежели вы по милости своей не испросите по прошенію моему отъ Е. И. В. позволенія о выпускѣ до 300 тыс. четвертей хлѣба, мнѣ никогда изъ горестнаго состоянія вытти не можно; я слышу, что отъ сената уже нѣкоторымъ купцамъ дозволено отсюда хлѣба выпустить: не лучше ли бы было, чтобы я сей милостью пожалованъ былъ? На сихъ дняхъ минетъ срокъ по векселю заплатить барону Вольфу (мы его знаемъ: это англійскій консулъ) 25 т. рублей..." Дальше Воронцовъ обѣщаетъ Шувалову половину барышей...

*) Семевскій, цит. сочин., стр. 379.

лагать на своихъ крестьянъ одно изъ самыхъ тяжкихъ уголовныхъ взысканій—ссылать ихъ въ Сибирь,—былъ однимъ изъ дальнѣйшихъ шаговъ на пути этого распыленія государственной власти между отдѣльными землевладѣльцами. Какъ бы для того, чтобы подчеркнуть суверенный характеръ помѣщичьяго господства, на рѣшеніе барина въ этомъ случаѣ не полагалось апелляціи: въ то же время, чтобы баринъ не потерпѣлъ матеріальнаго ущерба отъ результатовъ своей расправы, сосланный засчитывался ему въ рекрута. „Вслѣдствіе позволенія, даннаго дворянству, произвольно, по своему усмотрѣнію, отправлять въ ссылку ему подвластныхъ, при чемъ судъ даже не можетъ спросить о причинѣ ссылки и изслѣдовать дѣло, ежедневно совершаются самыя возмутительныя дѣла“, писалъ Екатеринѣ II новгородскій губернаторъ Сиверсъ въ 60-хъ годахъ. „Всѣ, кто не годится въ рекруты вслѣдствіе малаго роста или другаго какого недостатка, должны отправляться въ ссылку въ зачетъ ближайшаго рекрутскаго набора, а зачетныя квитанціи многіе продаютъ. Признаюсь, не проходитъ дня, чтобы мое сердце не возмущалось противъ подобной привилегіи. Какая потеря для войска и для земледѣлія! Къ тому же, Сибири достигаютъ сравнительно немногіе, если принять во вниманіе огромное разстояніе и убыль ссылаемыхъ на пути. Мнѣ кажется, что дворянство могло бы удовольствоваться правомъ отправлять въ ссылку въ зачетъ рекрутъ виноватаго, изобличеннаго въ довольно тяжеломъ преступленіи. Если же помѣщикъ захочетъ кого-нибудь сослать по собственному усмотрѣнію, то могъ бы сдѣлать это безъ зачета въ рекруты“. Какъ видимъ, екатерининскій губернаторъ былъ очень скроменъ — онъ не притязалъ на лишеніе государя-помѣщика права ссылать своихъ подданныхъ въ Сибирь, а только желалъ бы, чтобы тотъ пользовался этимъ правомъ безъ ущерба для дворянскаго государства въ цѣломъ. Помѣщичьи права, юридически, были ограничены лишь въ одномъ пунктѣ: права жизни и смерти надъ своими крестьянами помѣщикъ никогда не получилъ. Попытки, нужно замѣтить, были и въ этомъ направленіи: въ проектѣ уложенія, составленномъ при Елизаветѣ, предполагалось подвергать помѣщика судебному преслѣдованію за убійство крѣпостного лишь въ томъ случаѣ, если онъ совершилъ это убійство лично, притомъ не случайно, а съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ. Если крѣпостной умиралъ отъ послѣдствій жестокаго наказанія, назначеннаго бариномъ, но исполнявшагося другими людьми (крѣпостнымъ кучеромъ,

Императрица Елизавета Петровна въ Царскомъ Селѣ.

Оригиналъ акварели Е. Е. Лансере *Императрица Елизавета Петровна въ Царскомъ Селѣ* (1905 г.) находится въ Третьяковской галлереѣ въ Москвѣ (№ 1685). По содержанію акварель проста и понятна, интересъ ея— бытовой по преимуществу, это—версальскіе нравы на русской крѣпостной почвѣ; героиня двора, по обычаю XVIII столѣтія, вступила на престолъ революціоннымъ путемъ, блестѣла славой своего отца и при чисто русской неуравновѣшенности не чуждалась французскихъ формъ, быть можетъ, въ противовѣсъ нѣмецко - балтійской страстности своей предшественницы Анны, доводившейся ей двоюродной сестрой. При ея преемницѣ Екатеринѣ разрѣшились и двѣ интимныя исторіи этого двора: герцога курляндскаго Бирона и графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго. Преданіе очень упорно говорило о бракѣ Елизаветы съ Алексѣемъ Кирилловичемъ Разумовскимъ; на это преданіе ретиво ссылался предъ Екатериной II Григорій Григорьевичъ Орловъ, безнадежно домогавшійся судьбы Алексѣя Разумовскаго. Еще въ 60-ыхъ годахъ прошлаго столѣтія на страницахъ историческаго сборника «Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при московскомъ университетѣ» было разсказано это преданіе, столь памятное семьѣ Разумовскихъ. Говорятъ, что уже былъ составленъ при Екатеринѣ II проектъ указа о дарованіи А. К. Разумовскому, какъ «вѣнчанному съ государыней» титула императорскаго высочества, а графу М. Л. Воронцову было предписано прочитать предварительно этотъ проектъ Разумовскому. Воронцовъ исполнилъ это предписаніе, а Разумовскій въ его присутствіи вынулъ изъ потайного ящика бумаги, обвитыя въ розовый атласъ, пересмотрѣлъ ихъ, частью прочиталъ Воронцову и... бросилъ со слезами на глазахъ въ горящій каминъ. Современный историкъ лишился какихъ то интересныхъ интимныхъ бумагъ, а Григорій Орловъ—величія, о которомъ онъ такъ сладко и настойчиво грезилъ. Въ этомъ царскосельскомъ пріютѣ Елизавета не мало мечтала и по своему страдала, молилась, пила свои любимые напитки и вообще вкушала всѣ прелести жизни: это—живой свидѣтель русскаго легкомыслія Елизаветы на фонѣ версальскихъ красотъ. Историки разсказчики любятъ отмѣчать извѣстный «царскосельскій припадокъ» Елизаветы 8 сентября 1757 г., послѣ котораго она уже не могла вполнѣ оправиться. Этотъ разсказъ любопытенъ для характеристики сравнительной простоты тогдашняго быта, несмотря на наличность уже при царскосельскомъ дворѣ пустыхъ и пошлыхъ формъ вычурнаго этикета. Въ этотъ день императрица почувствовала себя дурно, вышла изъ церкви одна и безъ чувствъ повалилась на траву; ее тотчасъ обступила толпа разнаго люда; послали за докторомъ, и тутъ же, на травѣ, посреди народа и на глазахъ толпы, пустили ей кровь да такъ въ безчувственномъ состояніи и понесли во дворецъ. Императрицу надо было энергично лѣчить; надумали призвать военнаго врача изъ арміи Ришелье, нѣкоего Пуассонье. Но вотъ бѣда: врачъ императрицы грекъ Кондоиди не хотѣлъ даже разговаривать съ Пуассонье, потому что послѣдній «чиномъ малъ», и еле-еле можно было устранить это препятствіе. Наконецъ, сговорились, и *военный* врачъ нашелъ у императрицы des attaques de vapeurs hystériques

et des convulsions, а главное—онъ нашелъ, что Кондоиди лѣчилъ ее по всѣмъ правиламъ искусства. Эти выразительные факты болѣе чѣмъ характерны для тогдашняго двора. Несмотря ни на что, императрицу нельзя было заставить вести хоть сколько-нибудь регулярную, чуждую излишествъ жизнь. «Со времени *царскосельскаго припадка*, разсказываетъ одинъ изъ новѣйшихъ біографовъ Екатерины Второй, въ настроеніи духа Елизаветы замѣчается значительная перемѣна. Всегда веселая, живая, охотница до развлеченій всякаго рода, она становится теперь серьезнѣе, рѣже участвуетъ въ придворныхъ увеселеніяхъ, охотнѣе остается во внутреннихъ покояхъ, строже соблюдаетъ посты, усерднѣе прежняго молится, но попрежнему ведетъ вредный для ея здоровья, неправильный образъ жизни: ночь превращаетъ въ день, день—въ ночь». Иностранные представители внимательно слѣдили за здоровьемъ и образомъ жизни императрицы, то и дѣло посылая депеши о ея времяпрепровожденіи. Атмосфера сгущалась. Въ городѣ ходили слухи, что императрица недовольная несноснымъ поведеніемъ Петра III предполагаетъ назначить своимъ преемникомъ Павла. Французскій посланникъ Бретэль въ началѣ 1761 г. прямо и рѣзко спросилъ канцлера Воронцова, правда ли, что императрица лишаетъ Петра III престола и назначаетъ своимъ преемникомъ Павла I. Аналогичная исторія повторится въ концѣ того же XVIII столѣтія, когда въ свою очередь Екатерина II задумывала лишить престола своего сына Павла, того же Павла, котораго первоначально полагали посадить на престолъ вмѣсто отца; его хотѣли замѣнить не то знатнымъ иностранцемъ, не то внукомъ Александромъ I. Но Елизавета не лишила или не успѣла лишить «урода», какъ она называла въ послѣднее время своего племянника, благъ россійскаго государства и умерла 25 декабря 1761 г., оставивъ Екатерину и полнаго надеждъ Григорія Орлова на попеченія «голштинца». И преемницѣ Елизаветы также пришлось вступить на престолъ строго революціоннымъ путемъ.

В. Стор.

„РУССКАЯ ИСТОРІЯ“. Изд. Т-ва „МІРЪ“.

напримѣръ), проектъ возлагалъ отвѣтственность на этихъ послѣднихъ. Это было почти возстановленіе знаменитаго правила Двинской грамоты XIV вѣка: „а господинъ огрѣшится, ударитъ холопа на смерть, въ вину ему того не ставить“ — только въ болѣе лицемѣрной формѣ. Проектъ не сталъ закономъ, можетъ быть, просто потому, что въ глазахъ Европы—съ нею какъ разъ въ это время начинаютъ считаться—было бы уже очень зазорно, а между тѣмъ практической надобности въ такомъ самообнаженіи вовсе не было: на практикѣ помѣщики запарывали своихъ крестьянъ на смерть чуть не ежедневно, и никто въ это не вмѣшивался. Даже когда свирѣпыя наказанія не вытекали естественно изъ уголовной юрисдикціи помѣщика, а являлись просто любительскимъ мучительствомъ, на нихъ смотрѣли сквозь пальцы: дѣло объ извѣстной „Салтычихѣ“ начиналось двадцать одинъ разъ безъ всякаго результата. Когда уже дѣло разсматривалось въ юстицъ-коллегіи, челобитчики на Салтыкову, ея крѣпостные, были, по распоряженію сената, наказаны плетьми: такъ строго сенатъ соблюдалъ правило, неоднократно подтверждавшееся въ теченіе XVIII вѣка,—что на барина государю бить челомъ нельзя. За границу помѣщичьяго государства центральная власть могла проникнуть или по собственному почину или по почину самого помѣщика; но для подданныхъ этого послѣдняго государство кончалось его бариномъ—идти дальше безъ позволенія барина они не смѣли.

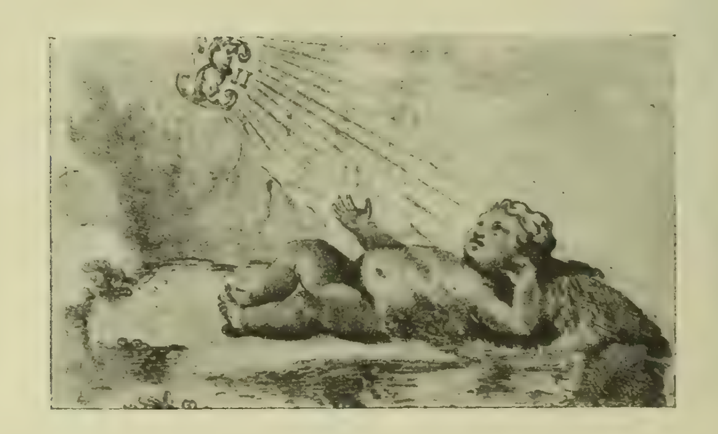
Нравы маленькаго государства, меньше подвергшагося вліянію наносныхъ буржуазныхъ тенденцій, чѣмъ большая царская вотчина, лучше сохранили до-петровскую старину. Это сказалось, прежде всего, на названіяхъ. Изъ иностранныхъ терминовъ сюда проникъ только бурмистръ — а то мы встрѣчаемъ „земскихъ“, „цѣловальниковъ“, „приказную избу“, совсѣмъ какъ въ московской Руси XVII вѣка. Еще болѣе духомъ XVII вѣка вѣетъ на насъ отъ помѣщичьей уголовной юстиціи: помѣщичьи судебники (такихъ, какъ извѣстно, дошло нѣсколько отъ XVIII вѣка), особенно болѣе ранніе изъ нихъ, какъ судебникъ Румянцова, относящійся къ 1751 году, не знаютъ еще наказанія розгами, а говорятъ только о батогахъ. Розги въ то время были если не заморскимъ, то вообще иноземнымъ новшествомъ, усиленно пропагандировавшимся у насъ остзейскими помѣщиками, считавшими это наказаніе болѣе, если можно такъ выразиться, гигіеническимъ: боль такая же, а для здоровья не такъ вредно, какъ палки (батоги). Едва ли гдѣ-нибудь въ офиціаль-

ной практикѣ можно было встрѣтить въ то время „рогатину“, примѣнявшуюся на одномъ уральскомъ заводѣ: тяжелый желѣзный ошейникъ, съ рогами до одного аршина во всѣ стороны и съ желѣзнымъ висячимъ замкомъ, который билъ заключеннаго въ „рогатину“ по спинѣ. Пытка въ государственной практикѣ начала отмирать въ то время: ее примѣняли теперь только при политическомъ розыскѣ да при слѣдствіи по важнѣйшимъ уголовнымъ дѣламъ. Въ одномъ случаѣ, запрещая употреблять пытку при маловажныхъ преступленіяхъ, елизаветинскій сенатъ высказался даже принципіально противъ нея. Въ помѣщичьемъ государствѣ пытка продолжала процвѣтать, и находились особые любители заплечнаго мастерства,—которые въ свое время, вѣроятно, не ударили бы лицомъ въ грязь передъ самимъ „княземъ-кесаремъ“, Ромодановскимъ. Уже въ началѣ царствованія Екатерины одинъ орловскій помѣщикъ, Шеншинъ, устроилъ у себя въ деревнѣ форменный застѣнокъ со всѣми приспособленіями — дыбой, клещами и т. д.; притомъ это было учрежденіе такихъ размѣровъ, что далеко не всякая воеводская изба XVII вѣка могла бы похвастаться подобнымъ: у Шеншина „работало“ иногда до 30 человѣкъ палачей и ихъ помощниковъ. Не хуже Преображенскаго приказа! Пытали не только крѣпостныхъ, но и свободныхъ: однодворцевъ, канцеляристовъ, даже священниковъ; на пыткѣ одного купца и сорвалось все дѣло: купецъ пожаловался, и, такъ какъ онъ былъ не крѣпостной, начался процессъ. Поводы къ помѣщичьей пыткѣ тоже живо напоминаютъ годуновскія времена: священника Шеншинъ пыталъ, подозрѣвая въ томъ, что тотъ давалъ его дворовымъ „чародѣйскій корень“, чтобы извести барина. Другой помѣщикъ пыталъ своего крестьянина, его жену и сына по подозрѣнію въ томъ, что они его испортили. Любители пытки были, сравнительно, рѣдкостью, но это отнюдь, однако, не были какіе-либо изверги, рѣзко уклонявшіеся отъ нормальнаго типа. Бить крѣпостного считалось настолько нормальнымъ дѣломъ, что этимъ не гнушались представители тогдашней интеллигенціи, притомъ—что особенно интересно—они сами потомъ разсказывали о своихъ подвигахъ, какъ о дѣлѣ вполнѣ обычномъ. Болотовъ, авторъ извѣстныхъ мемуаровъ и авторъ книжки „Путеводитель къ истинному человѣческому счастію“, изданной Новиковымъ, самъ разсказываетъ, какъ онъ истязалъ своего крѣпостного столяра, подвергая его сѣченію въ нѣсколько пріемовъ—чтобы не засѣчь до смерти,—а въ промежуткахъ держа его на цѣпи. Онъ довелъ этимъ самого сто-

ляра до самоубійства, одного изъ его сыновей до покушенія на самоубійство, а другого до покушенія на убійство самого Болотова: но даже этотъ трагическій исходъ не навелъ Болотова на мысль, что онъ совершилъ нѣчто ненормальное; напротивъ, ненормальными людьми, „сущими злодѣями, бунтовщиками и извергами" оказались у него замученные имъ крѣпостные,—хотя онъ самъ признаетъ, что раньше сыновья столяра были хорошими работниками.

Въ литературѣ главное вниманіе долго было обращено на уголовную юстицію государя-помѣщика: въ этомъ нельзя не видѣть отзвука старой, еще до-реформенной точки зрѣнія на помѣщичьи неистовства, какъ на „злоупотребленіе" крѣпостнымъ правомъ. Такъ живучи однажды установившіеся взгляды: самое „право" давно осуждено—а историки заднимъ числомъ все еще хлопочутъ доказать, что имъ „злоупотребляли"! Благодаря этой односторонности очень плохо изучено до сихъ поръ законодательство маленькаго феодальнаго государства внѣ уголовной сферы. Мы очень хорошо знаемъ, сколько палокъ или розогъ отмѣривали помѣщичьи судебники согрѣшившимъ крѣпостнымъ, какъ были устроены помѣщичьи застѣнки и тюрьмы — но у насъ есть лишь очень отрывочныя свѣдѣнія о вліяніи помѣщиковъ, напримѣръ, на развитіе наслѣдственнаго права въ русской деревнѣ. А такое вліяніе было. Въ „приказчичьей инструкціи" гр. Шереметева (1764 г.) очень детально устанавливаются правила крестьянскаго раздѣла послѣ смерти главы семьи. Къ сожалѣнію, мы не можемъ судить, насколько эти правила являются измышленіемъ барина, насколько они просто отражаютъ господствовавшіе въ его деревняхъ обычаи. На счетъ помѣщика, повидимому, должна быть отнесена одна тенденція — стремленіе возможно затруднить дробленіе крестьянскихъ тяголъ, до объявленія „выморочными" участковъ, которымъ не отыскивалось наслѣдниковъ ближе правнучатъ: выморочныя земли шли помѣщику. Какъ царь XVII вѣка, такъ и помѣщикъ XVIII давали своимъ крестьянамъ жалованныя грамоты на владѣніе землями. Таковъ, напримѣръ, одинъ „указъ" того же Шереметева своему крѣпостному Сеземову: „покупнымъ тобою на мое имя... недвижимымъ имѣніемъ (такимъ-то) тебѣ и установленнымъ по тебѣ наслѣдникамъ владѣть дозволяю, чего ради для владѣнія и данъ сей указъ". Въ купленномъ Сеземовымъ „недвижимомъ имѣніи" были и крѣпостные: „той вотчины между крестьянъ судъ и расправу имѣть ему Сеземову", говоритъ другой документъ, вышед-

шій изъ шереметевской канцеляріи. Шереметевскіе крестьяне пріобрѣтали себѣ крѣпостныхъ на барское имя еще въ 1718 г.: внутренній строй маленькаго государства оказывался, такимъ образомъ, довольно точной копіей большого. Мы сравнивали выше кабинетъ министровъ Анны съ вотчинной конторой огромнаго имѣнія: наблюденія надъ тѣмъ, какъ управлялись вотчины гр. Орлова, навели одного современнаго намъ писателя на ту же параллель съ другого конца. Крѣпостные приказчики, сидѣвшіе въ главной конторѣ Орлова, были „въ миніатюрѣ скорѣе государственными людьми, нежели агрономами... Они докладывали о дѣлѣ вмѣстѣ со своимъ проектомъ резолюціи, подписаннымъ ими единогласно или съ мнѣніями и представленіями, а графъ, по разсмотрѣніи всего дѣла и мнѣнія конторы, возвращалъ ихъ въ контору со своимъ утвержденіемъ или съ измѣненными приказами“. Такіе конторщики и взятки брали не хуже современныхъ имъ министровъ: послѣ нихъ оставались состоянія въ десятки тысячъ рублей, хотя жалованье они получали грошовое*).

*) См. В. Семевскій. Крестьяне въ царствованіе Екатерины II, 2-ое изд., т. I-й, стр. 241. Большинство предыдущихъ цитатъ заимствовано оттуда же.

3. Теорія сословной монархіи.

Новый феодализмъ не могъ ограничиться одной соціальной областью—у него долженъ былъ оказаться и свой политическій аспектъ. Должна была выработаться политическая теорія, логически обосновывавшая распыленіе власти между помѣщиками. Должны были явиться попытки организовать этихъ маленькихъ государей, хотя бы для того, чтобы изо дня въ день отстаивать ихъ интересы передъ лицомъ большаго государя, который—за это были порукой царствованія Петра I и Анны—такъ же какъ и въ дни верховнаго тайнаго совѣта, могъ оказаться орудіемъ соціальныхъ силъ, дворянству чуждыхъ. Правда, какъ мы скоро увидимъ, съ каждымъ десятилѣтіемъ становилось яснѣе, что опасность эта назади:

экономика, чѣмъ дальше, тѣмъ больше ручалась за то, что самодержавіе впредь будетъ вѣрно служить интересамъ помѣщиковъ. Но уроки экономики всегда учитываются заднимъ числомъ. Люди, посадившіе на русскій престолъ ангальтъцербстскую принцессу, ставшую Екатериной II, хорошо помнили если не Петра, то Анну. Мы очень ошиблись бы, если бы подумали, что они считали дворцовый переворотъ будничной вещью, которую можно устраивать каждый день. Съ другой стороны, не только лейбъ-компанія, но и елизаветинскій сенатъ были слишкомъ импровизаціями, чтобы на нихъ можно было разсчитывать какъ на постоянное средство. Особенно послѣ того, какъ законъ о вольности дворянства долженъ былъ, рано или поздно, разрушить старый организаціонный центръ—дворянскую гвардію. Безъ этой демократической нижней палаты всероссійскаго „шляхетства" верхняя палата, сенатъ, грозила весьма быстро выродиться въ довольно точную копію верховнаго тайнаго совѣта. Опасность обнаружилась, можно сказать, на другой же день послѣ переворота 25 іюня. Одинъ изъ его не-военныхъ вождей, Никита Панинъ, оказался очень не прочь воскресить традиціи Дмитрія Голицына. Составленный имъ проектъ „императорскаго совѣта", непремѣннаго и постояннаго „сотрудника" императрицы, безъ участія котораго ничто не могло ни до нея дойти, ни отъ нея выйти, до такой степени напоминалъ учрежденіе, упраздненное въ 1730 году, что одинъ изъ критиковъ проекта выразилъ довольно резонное недоумѣніе по поводу новаго названія. Почему бы не назвать новый совѣтъ просто „верховнымъ тайнымъ совѣтомъ", по-старому? — не безъ яду спрашивалъ этотъ критикъ. Екатерина чувствовала себя такъ мало еще прочной на престолѣ, что соглашалась даже и на это, и манифестъ, превращавшій панинскій проектъ въ законъ, былъ ею уже подписанъ. Критика ее ободрила, а, можетъ быть, отчасти и раскрыла ей глаза, — и у нея хватило духу разорвать подписанный ею документъ. Но дѣло было не въ немъ, а въ существованіи той соціальной группы, которую при Петрѣ называли „верховными господами", и въ олигархическихъ тенденціяхъ этой группы. Нужно было не то, что уничтожить ее — это было соціально невозможно, а политически не важно дворянству: пусть верховники дѣлятъ пирогъ между собою, но нужно разъ навсегда помѣшать имъ ломать по-своему жизнь дворянской массы. Ихъ деспотизму—гораздо больше, чѣмъ личному деспотизму Екатерины, которая вовсе не была страшна, какъ и не можетъ быть

страшна отдѣльная личность классу—нужно было положить тѣсные предѣлы. „Система основательныхъ правъ“ должна была послужить плотиной, сидя за которой маленькій государь могъ забывать о существованіи большаго вплоть до очередного паводка — уплаты подушныхъ или рекрутскаго набора. И плотина, конечно, должна была быть настолько прочна, чтобы паводокъ не могъ ее разрушить. О грунтовыхъ водахъ, которыя могли подточить все сооруженіе снизу, тогда еще мало думали, хотя ихъ напоръ давалъ себя чувствовать годъ отъ году сильнѣе. Когда пришлось выбирать между произволомъ сверху и революціей снизу, выбрать пришлось все же произволъ, обезпечивъ только его классовую, съ дворянской точки зрѣнія, доброкачественность. Но пока суровая необходимость выбора еще не была передъ глазами, отчего было не помечтать о томъ, чтобы довести до конца дворянскую вольность, превративъ отдѣльныя и казавшіяся случайными завоеванія въ стройную систему?

Самооборона дворянства отъ натиска сверху начинается, какъ и слѣдовало ожидать, одновременно съ самымъ натискомъ: первую попытку формулировать дворянскя привилегіи мы находимъ у одного изъ прожектеровъ петріовскихъ временъ, знакомаго намъ Ѳедора Салтыкова. Въ своихъ „пропозиціяхъ“ онъ предлагаетъ, во-первыхъ, закрѣпить за дворянствомъ исключительное право на землевладѣніе: „ежели кто, будучи изъ простыхъ чиновъ, придутъ въ богатство, и тѣмъ не покупать дворянскихъ стяжательствъ, сирѣчь вотчинъ, понеже оное надлежитъ дворянамъ“. Это была обычная практика XVII вѣка, но при Петрѣ слишкомъ склонны были отъ нея отступать, и, несмотря на „пропозицію“, Петръ создалъ юридически не-дворянское землевладѣніе, разрѣшивъ покупать вотчины къ фабрикамъ купцамъ. Отмѣна этого разрѣшенія при Петрѣ III (указомъ 29 марта 1762 г.) была крупнымъ успѣхомъ шляхетскихъ интересовъ: какъ видимъ, однако, этого успѣха пришлось дожидаться долго. Наплывъ въ ряды служилаго сословія демократическихъ элементовъ (чего стоили одни прибыльщики, такъ легко превращавшіеся въ губернаторовъ!) заставлялъ поставить вторую перегородку: у Салтыкова мы впервые встрѣчаемъ мысль, ставшую очень популярной впослѣдствіи, что дворяниномъ нужно родиться— или стать въ исключительномъ порядкѣ, въ силу особаго высочайшаго пожалованія, но нельзя выслужиться въ дворяне въ обычномъ порядкѣ службы. Мысль эта пока выражена у него весьма осторожно: она сводится къ требованію отъ но-

выхъ дворянъ спеціальныхъ жалованныхъ грамотъ, къ строгому контролю дворянскихъ списковъ и т. под. Лишь въ 1730 году шляхетство, въ проектѣ Татищева, поднимается до болѣе радикальныхъ мѣръ, прямо требуя очищенія своихъ рядовъ отъ вкравшихся туда инородныхъ элементовъ: татищевскій проектъ настаиваетъ на приведеніи въ извѣстность „подлиннаго шляхетства", отдѣливъ отъ него шляхетство, происходящее отъ солдатъ, гусаръ, однодворцевъ и подьячихъ. Но Салтыковъ прекрасно понималъ, что однѣми юридическими перегородками не многаго достигнешь, и что при новыхъ условіяхъ дворянство лишь тогда сохранитъ командующую позицію, когда оно станетъ экономически и культурно сильнѣйшимъ элементомъ. Отсюда, во-первыхъ, требованіе заведенія училищъ съ необычайно широкой программой,куда входили и богословіе, и поэтика, и артиллерія съ фортификаціей, и „мусика, пиктура, скульптура и миніатюра", не считая иностранныхъ языковъ, а равно „для обороны собственной и для изящества: на лошадяхъ ѣздить, на шпагахъ биться, танцевать". Хотя Салтыковъ и называетъ свои училища „всенародными", но изъ контекста совершенно ясно, что предназначались они для дворянскихъ дѣтей, — притомъ обоего пола: параллельно съ мужскими онъ проектируетъ устройство и женскихъ школъ, съ нѣсколько иною, разумѣется, программою — фортификаціи или „на шпагахъ биться" дѣвицъ не предполагалось учить, зато развитіе „изящества" должно было быть предметомъ особаго вниманія. Экономическую силу дворянства Салтыковъ разсчитывалъ обезпечить майоратомъ, настоящее значеніе котораго, въ его англійскомъ образчикѣ, онъ, въ противоположность Петру, представлялъ себѣ вполнѣ отчетливо. Петръ ухватился за форму, но, какъ мы знаемъ, влилъ въ эту форму совершенно своеобразное, „истинно-русское" содержаніе.

Даже и майоратъ Салтыкову пришлось, однако же, замаскировывать финансовыми выгодами, которыя сулитъ будто бы это учрежденіе государству. О политическихъ привилегіяхъ дворянства онъ прямо не рѣшался говорить,—слишкомъ ужъ это пошло бы въ разрѣзъ съ господствовавшими при Петрѣ тенденціями. Начавшаяся въ послѣдніе годы петровскаго царствованія дворянская реакція дѣлала людей смѣлѣе — и уже „кондиціи" верховниковъ, отражая въ этомъ пунктѣ желанія всей дворянской массы, вводятъ гарантію личныхъ и имущественныхъ правъ дворянина отъ произвола сверху: „у шляхетства живота, имѣнія и чести безъ суда не отнимать".

Кнутъ.
Наказаніе г-жи Лопухиной.

Передъ нами выразительная и полная ужаса гравюра, въ которой больше историческаго смысла, чѣмъ правдивости внѣшняго историческаго изображенія; она озаглавлена *Le knout. Supplice de Madame Lapoukhin* и подписана P. Iw. del.— Geoffroy Sc. (исполнена въ типографіи Chardon aîné et fils, 30, r. Hautefeuille, Paris). О гравюрѣ говорить нечего, она достаточно сильна сама по себѣ, знаменуя русскій бытъ Елизаветинскихъ временъ. Въ 1769 г. въ Амстердамѣ вышла въ двухъ томахъ книга подъ заглавіемъ Voyage en Sibèrie, fait par ordre du roi en 1761; contenant les moeurs, les usages des Russes, et l'état actuel de cette puissance; etc. par M. l'Abbé Chappe d'Auteroche, de l'Académie Royale des Sciences. Авторъ книги, аббатъ Шаппъ, путешествовалъ по Россіи и Сибири въ послѣдній годъ царствованія Елизаветы. Его историческій багажъ не великъ и не деталенъ. Разсказавъ кое-какъ о дворцовомъ переворотѣ 1741 г., онъ прибавляетъ характерное замѣчаніе: l'impératrice Elisabeth régna jusqu'en 1762, tourmentée souvent par la crainte d'être détrônée à son tour (I, 187). Елизавета доцарствовала свой вѣкъ, не была détrônée, подобно своему наслѣднику, но изъ ея боязни d'être détrônée вытекали страсти ея времени... Аббатъ Шаппъ, для котораго русскій народъ начала XVIII столѣтія былъ un peuple ignorant et grossier, во второмъ томѣ своей книги даетъ спеціальную главу des loix, des supplices et de l'exil (II, 365 etc.) и говоритъ о господствѣ кнута и батоговъ, присоединивъ къ своему разсказу три гравюры работы de Bakker'a: наказаніе батогами (c. 367), наказаніе обыкновеннымъ кнутомъ (c. 369) и наказаніе великимъ кнутомъ (c. 371). Описавъ детально эти ужасы, аббатъ спѣшитъ замѣтить своему читателю: La Russie fournit un exemple bien frappant, que ni la mort des scélérats, ni la cruauté de leurs supplices, ne rendent pas les hommes meilleurs, прибавляя: parce que ce peuple est esclave. Аббатъ, конечно, ошибался, что тяжкимъ кровавымъ наказаніямъ подвергались только scélérats, имъ подвергались и просто обыватели. Онъ самъ, давая первую картинку, описываетъ, какъ калѣчили батогами молоденькую дѣвушку 14 или 15 лѣтъ, горничную одной госпожи, что-то не такъ сдѣлавшую. Палачи ее били, хотя господинъ уже произнесъ: c'est assez. Передъ пыткой дѣвушку моментально раздѣли догола—jusqu'à la ceinture, бросили животомъ на землю и, начиная бить, устроились такъ: le premier tenoit sa tête ferrée entre les genoux, et le second l'autre extrémité du corps. Легко себѣ представить, что сталось съ дѣвушкой послѣ наказанія, и мы не будемъ приводить здѣсь словъ внимательнаго аббата. Говоря о наказаніи кнутомъ, аббатъ описываетъ несчастіе Лопухиной; онъ называетъ ее une des plus belles femmes de la cour sous le régne de l'impératrice Elisabeth и разсказываетъ технику наказанія кнутомъ... Пусть лучше выраженія самого аббата, написанныя со словъ очевидца казни Лопухиной, дадутъ соотвѣтственное впечатлѣніе: Elle parut à l'endroit du supplice dans un négligé qui donnoit un nouvel éclat à sa beauté... Jeune, aimable, fêtée et recherchée à la cour, dont elle faisoit les délices, elle ne voit autour d'elle que des bourreaux, au lieu d'une multitude d'adorateurs que ses attraits lui attachaient. Elle jette sur eux des régards étonnés, qui font naître le doute si elle est bien convaincue que ces apprêts la regardent: l'un des bourreaux (палачей) lui arrache une espece de mantelet qui lui couvroit le sein: sa pudeur allarmée la fait reculer de quelques pas; elle pâlit, et répand un torrent de larmes: ses

vêtements disparoissent, et dans quelques instants elle se trouve exposée toute nue jusqu'à la ceinture, aux regards avides d'un peuple immense, qui gardoit un silence profond... Затѣмъ началось истязаніе... En quelques moments il lui (Лопухиной) découpe toute la peau du dos en lanières, qui pour la plupart pendoient sur sa chemise. On lui arracha la langue immédiatement après, et elle fut envoyée aussitôt en exil en Sibérie*). Такой потрясающій разсказъ получила въ 1769 г. западно-европейская публика изъ книги аббата Шаппа, писавшаго не только сдержанно, но грубо стремившагося подчеркнуть неизвѣстную автору виновность г-жи Лопухиной. Таковы были результаты Елизаветинской de la crainte d'être détrônée à son tour и привычки XVIII столѣтія замѣщать престолъ исключительно революціоннымъ путемъ. Лопухинское дѣло, разсказанное по архивнымъ источникамъ С. М. Соловьевымъ, представляетъ большой интересъ для изученія дворянскаго самодержавія XVIII в. Въ іюнѣ 1743 г. дошло до свѣдѣнія властей, что подполковникъ Иванъ Степановичъ Лопухинъ царицу поноситъ, говоря: «государыня ѣздитъ въ Царское село и напивается, любитъ англійское пиво и для того беретъ съ собою не потребныхъ людей... ей наслѣдницею и быть нельзя, потому что она незаконнорожденная»; на допросѣ Лопухинъ признался, говорилъ де, что «ея величество до вступленія родителей ея въ бракъ за три года родилась, и тѣ слова употреблялъ, что подъ бабьимъ правленіемъ находимся». Но не это напугало императрицу, а то обстоятельство, что Лопухины Степанъ Васильевичъ и Наталья Ѳедоровна, родители невоздержанаго на языкъ Ивана, были не прочь стоять за Анну Леопольдовну и détrôner Елизавету. Лопухиныхъ подвергли ужасамъ жестокой пытки, вздернули на дыбу... Привлечена была къ дѣлу также Софья Лиліенфельдъ и оказалась беременной. Сами слѣдователи и палачи смутились и не знали, подвергать ли ее допросу и очной ставкѣ. Обратились къ императрицѣ, которая изволила собственноручно написать, можетъ быть, въ состояніи страха, что могла лишиться веселой жизни и, выражаясь словами Шаппа, быть détrônée à son tour: «сіе дѣло мнѣ пришло въ память, когда оная Лиленьфелтова жена показала на Гагарина и жену его, то надлежитъ ихъ въ крѣпость всѣхъ взять и очьную ставкою про изъ водить не смотря на ея болезнь понеже коли они государево здоровье пренебрегали, то плутофъ и наипаче желеть не для чего, луче чтобъ и вѣкъ ихъ не слыхать нежели еще отъ нихъ плодофъ ждать». За этимъ знаменитымъ письмомъ, въ которомъ слышится гроза петровскихъ казней, послѣдовало скоро и наказаніе, учиненное на публичномъ мѣстѣ передъ коллежскими аппартаментами: изъ спинъ Лопухиныхъ нарвали кнутомъ лентъ и вырѣзали у нихъ языки, потомъ сослали въ Сибирь. Въ 1743 г. Н. Ѳ. Лопухина уже не была молодой, имѣя взрослаго сына. Шаппъ не понялъ того, что слышалъ: онъ смѣшалъ молодость Лопухиной съ ея трагедіей 1743 г. 17 января 1762 г. Петръ III подписалъ указъ о возвращеніи изъ ссылки Н. Ѳ. Лопухиной. Подобные процессы и казни перебивались праздниками, балами и маскарадами, поѣздками на богомолье, попойками, по словамъ И. С. Лопухина, въ Царскомъ Селѣ... Политика и управленіе были исключительно въ рукахъ приближенныхъ представителей дворянства...

В. Стор.

---

*) «Она появилась на мѣстѣ казни въ неглиже, придававшемъ новый блескъ ея красотѣ. Молодая, любезная, превосходно принятая и любимая при дворѣ, украшеніемъ котораго она была, Лопухина видѣла вокругъ себя только палачей вмѣсто толпы обожателей, которыхъ привлекали ея прелести. Она бросаетъ на палачей удивленные взгляды, которые заставляютъ сомнѣваться въ томъ, сознаетъ ли она совершенно отчетливо, что эти приготовленія ея касаются. Одинъ изъ палачей срываетъ покрывавшую ей грудь накидку: внезапно вспыхнувшая стыдливость заставляетъ ее отступить нѣсколько шаговъ назадъ, она испускаетъ потоки слезъ, одежда ниспадаетъ и въ нѣсколько мгновеній она оказывается совершенно голой до пояса передъ жадными взорами громадной толпы, которая сохраняетъ глубокое молчаніе... Въ нѣсколько мгновеній всю кожу на спинѣ ей вырываютъ въ видѣ лентъ, которыя большею частью ниспадали ей на сорочку. Непосредственно за этимъ ей былъ выхваченъ языкъ, а по лишеніи языка ее тотчасъ же сослали въ ссылку въ Сибирь».

„РУССКАЯ ИСТОРІЯ“. Изд. Т-ва „МІРЪ“.

Слабая политическая сознательность шляхетства и отсутствіе всякой организаціи у него позволили „курляндцамъ“ разорвать вмѣстѣ съ остальными кондиціями и этотъ пунктъ безъ всякаго сопротивленія съ чьей бы то ни было стороны. Но идея продолжала жить и вспыхивала при каждомъ удобномъ случаѣ. Ея отзвуки слышатся въ дѣлѣ Волынскаго. „Вотъ какъ польскіе сенаторы живутъ“, говорилъ онъ въ ряду другихъ своихъ вольныхъ рѣчей: „ни на что не смотрятъ, все имъ даромъ! Польскому шляхтичу не смѣетъ и самъ король ничего сдѣлать, а у насъ всего бойся“. И онъ, какъ Салтыковъ, исходилъ отъ конкретныхъ порядковъ той или другой знакомой страны: Салтыковъ—Англіи, Волынскій—Польши. Когда въ 60-хъ годахъ вопросъ былъ снова поставленъ на очередь, налицо, къ услугамъ дворянскихъ идеологовъ, была уже стройная теорія, обобщавшая всѣ порядки всѣхъ дворянскихъ странъ: въ 1748 году вышелъ „Духъ Законовъ“ Монтескье.

Проводникомъ вліянія Монтескье на дворянскую идеологію въ широкой публикѣ принято считать „Наказъ“, данный Екатериной II извѣстной „комиссіи“ 1767 года. Едва ли съ какимъ-нибудь фактомъ изъ нашей исторіи XVIII вѣка связано больше предразсудковъ, нежели съ этой комиссіей и ролью въ ней Екатерины. Во-первыхъ, самый созывъ ея представляется началомъ какой-то новой эры: приступая къ чтенію подлинныхъ документовъ, вы больше всего будете поражены тѣмъ, что это необыкновенное событіе никакой сенсаціи среди современниковъ не произвело. И это просто потому, что ничего принципіально новаго въ затѣянномъ Екатериною предпріятіи для этихъ современниковъ не было. Недостатки Уложенія царя Алексѣя отчетливо сознавались еще при Петрѣ, и надъ „сочиненіемъ“ новаго уложенія работали комиссіи уже съ 1728—29 годовъ, при чемъ члены этихъ комиссій выбирались, „согласясь губернаторомъ обще съ дворяны“. Эти полувыборныя комиссіи корнями непосредственно восходили къ земскимъ соборамъ XVII вѣка—и шляхетство относилось къ нимъ съ такимъ же равнодушіемъ, какъ въ свое время къ этимъ послѣднимъ. Комиссія 1767 года отмѣтила собою не какой-либо новый шагъ правительственной политики, а огромное повышеніе сознательности въ дворянской массѣ: дворянамъ теперь было что сказать, и они заговорили такъ дружно, такъ обстоятельно и опредѣленно, что правительство Екатерины II нѣсколько даже этого испугалось. Наша литература, въ оцѣнкѣ результатовъ комиссіи, довольно прочно

усвоила себѣ мнѣніе, высказанное біографомъ ея „маршала“ (предсѣдателя), А. И. Бибикова: „должно признаться чистосердечно, предпріятіе сіе было рановременно и умы большей части депутатовъ не были еще къ сему приготовлены и весьма далеки отъ той степени просвѣщенія и знанія, которая требовалась къ столь важному ихъ дѣлу“. Но это было мнѣніе правительственныхъ круговъ, фактическимъ агентомъ которыхъ въ комиссіи былъ Бибиковъ. И его біографъ тутъ же, сряду, проговаривается о другой причинѣ роспуска комиссіи: „нѣкоторые же изъ нихъ (депутатовъ), увлеченные вольнодуміемъ, ухищрялись уже предписывать законы верховной власти“. Это объясненіе гораздо ближе къ дѣлу. Сравнивая наказы, какими снабдили дворянскія общества своихъ уполномоченныхъ, со знаменитымъ „Наказомъ“ императрицы, читатель заднимъ числомъ переживаетъ чувства, вѣроятно, испытанныя самимъ авторомъ этого послѣдняго наказа: чувство стыда за человѣка, который выступилъ, чтобы учить другихъ, и которому эти другіе показали, что они лучше его знаютъ дѣло. „Ограбившая президента Монтескье“, Екатерина кокетливо называла свою книжку „ученическимъ произведеніемъ“: она и не подозрѣвала, сколько жестокой правды въ такомъ отзывѣ. Удивительнѣе всего, что такіе историки, какъ Соловьевъ, могли цѣлыми страницами цитировать „наказъ“, какъ произведеніе самой императрицы, написанное лишь „подъ вліяніемъ“ Монтескье и Беккаріа. Это совершенно то же самое, что сказать, что составленный студентомъ къ экзамену конспектъ профессорскаго курса есть произведеніе, написанное „подъ вліяніемъ“ даннаго профессора. Возьмите, для примѣра, главу XI-ю, трактующую о самомъ животрепещущемъ вопросѣ эпохи—о положеніи крѣпостныхъ. Она была предметомъ особаго вниманія императрицы и дошла до насъ въ двухъ редакціяхъ: болѣе полной, исправленной рукою Екатерины и оставшейся въ рукописи, и сокращенной, которая была напечатана. Соловьеву это даетъ поводъ показать на примѣрѣ, какъ либеральныя мечты императрицы блекли въ удушающей атмосферѣ ея крѣпостническаго двора. Вотъ что она хотѣла—и вотъ что позволили ей не сдѣлать, а только сказать! Въ крѣпостничествѣ приближенныхъ Екатерины едва ли можно сомнѣваться: но, цензуруя XI-ю главу наказа, они руководились едва ли своими крѣпостническими вожделѣніями, а, вѣрнѣе всего, просто элементарными требованіями литературнаго вкуса. Въ краткой редакціи остались и характеристика рабства, какъ неизбѣж-

наго зла, и обидное для помѣщиковъ напоминаніе о знакомомъ намъ указѣ Петра I, и весьма скользкая по тогдашнимъ временамъ фраза о „собственномъ рабовъ имуществѣ". Вычеркнуты же были безчисленные примѣры германскіе, македонскіе, аѳинскіе, римскіе, ломбардскіе, изъ „законовъ Платоновыхъ" и иные, выписанные великой императрицей изъ XV книги „Духа Законовъ" съ прилежаніемъ гимназистки, конспектирующей первую серьезную книжку, которая попала ей въ руки. Насколько конспектирующая вникала въ смыслъ конспектируемаго, покажутъ два образчика. Говоря о законѣ Моисеевомъ, фактически позволявшемъ убивать раба, только не сразу, Монтескье восклицаетъ: „что за народъ, у котораго гражданскій законъ долженъ былъ быть въ противорѣчіи съ закономъ естественнымъ!" (Quel peuple que celui où il fallait que la loi civile se relâchat de la loi naturelle!). Екатеринѣ понравилась фраза. Но какъ же выразиться непочтительно о „законѣ Моисеевомъ": вѣдь это священное писаніе, ни болѣе, ни менѣе... Она сейчасъ же нашлась: слова Монтескье о евреяхъ она примѣнила къ... римлянамъ. Правда, римлянъ авторъ „Духа Законовъ" ни въ чемъ подобномъ не обвиняетъ, и еврейскій хвостъ, придѣланный къ римской головѣ, производитъ впечатлѣніе большой неожиданности: но зато уцѣлѣлъ звонкій конецъ періода,—а православному духовенству не на что пожаловаться. Другой примѣръ еще лучше. Говоря о вредномъ вліяніи вольноотпущенниковъ въ древнемъ Римѣ, Монтескье дѣлаетъ изъ этого выводъ, что не слѣдуетъ сразу, однимъ общимъ закономъ, освобождать большое количество рабовъ. Примѣръ, который онъ приводитъ, говорящій о вліяніи вольноотпущенниковъ въ народномъ собраніи, обращеніе къ „хорошей республикѣ" (bonne république)—весь контекстъ, словомъ, не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что это мѣсто „Духа Законовъ" имѣетъ въ виду демократическую республику, подобную античнымъ. Можно себѣ представить, какіе большіе глаза сдѣлалъ бы „ограбленный" Екатериною „президентъ", если бы онъ имѣлъ возможность прочесть § 277 „Большого Наказа": „Не должно вдругъ и чрезъ узаконеніе общее дѣлать великаго числа освобожденныхъ". Эта фраза стоитъ въ обѣихъ редакціяхъ (въ окончательной она составляетъ § 260): окружавшіе Екатерину помѣщики, вѣроятно, хорошо видѣли, что фраза ни къ селу, ни къ городу— но она такъ пріятно звучала для помѣщичьяго слуха...

Среди 28 §§, составляющихъ первоначальный текстъ этой главы, только два, оба заключающіе въ себѣ конкретные при-

мѣры—одинъ знакомую намъ ссылку на указъ Петра, другой, изображающій судебные порядки русской Финляндіи—не представляютъ собою перевода или пересказа соотвѣтствующихъ мѣстъ „Духа Законовъ“. Критикуя императрицу, ея крѣпостники-придворные критиковали, въ сущности, „президента Монтескье“: немудрено, что онъ мѣстами показался имъ черезчуръ либеральнымъ. Зато въ немъ должны были найтись мѣста, весьма пріятныя для дворянскаго самолюбія—но не очень удобныя для самого „автора“ Наказа. Авторъ „Духа Законовъ“, какъ извѣстно, очень считался съ требованіями современной ему французской цензуры: онъ отнюдь не хотѣлъ принадлежать къ тѣмъ памфлетистамъ, которые гнили въ тюрьмахъ „возлюбленнаго“ короля Людовика XV. Для этого бывшій президентъ Бордосскаго парламента былъ слишкомъ большимъ бариномъ. Ради цензуры, какъ это доказано новѣйшими изслѣдованіями, онъ не стѣснялся даже вставлять въ свои писанія отдѣльныя благонамѣренныя фразы, явно противорѣчившія общему строю его мыслей *). Ради той же цѣли онъ, сторонникъ аристократической конституціи тогдашняго англійскаго типа, за образецъ благоустроенной монархіи взялъ не Англію, а Францію—но, путемъ идеализаціи старыхъ феодальныхъ обычаевъ, вымершихъ еще до Людовика XIV, настолько приблизилъ ее къ любимому своему типу, что эту искуственную Францію и Англію оказалось возможнымъ поставить за одну скобку. Францію же натуральную и неприкрашенную, классическую Францію „стараго порядка“, онъ изобразилъ подъ видомъ „деспотіи“, перенеся мѣсто дѣйствія на далекій востокъ. Французская публика XVIII вѣка не хуже умѣла читать между строкъ, чѣмъ русскіе читатели Щедрина тридцать лѣтъ назадъ. Пріемы Монтескье на его родинѣ никого не ввели въ заблужденіе, но коронованную составительницу конспекта къ „Духу Законовъ“ они подвергли жестокому испытанію. Ей очень нравилась эта книга, которую она, какъ трогательно сама признавалась въ извѣстномъ письмѣ къ д'Аламберу, „переписывала и старалась понять“. Но она не меньше любила и самодержавіе—а Монтескье говоритъ о немъ такъ дурно и такъ неблагозвучно его называетъ! Но Екатерина и тутъ, въ концѣ концовъ, нашлась. Монтескье говоритъ, что въ большой странѣ н е и з б ѣ ж н о долженъ быть деспотическій режимъ:

---

*) Объ этихъ такъ называемыхъ cartons Монтескье см. V i a n, Histoire de Montesquieu, p. 259 et suiv.

а Россія очень большая страна,—значитъ, деспотизмъ въ ней извинимъ. Противъ географіи не пойдешь. И, въ назиданіе русскимъ медвѣдямъ, вслѣдъ за элементарными географическими свѣдѣніями о размѣрахъ россійской имперіи выписываются соотвѣтствующія мѣста изъ „Духа Законовъ". Но авторъ рисуетъ деспотію очень черными красками—въ ней господствуетъ страхъ, у подданныхъ нѣтъ чувства чести и тому подобное. На это Екатерина никакъ не была согласна: въ ея деспотіи ничего подобнаго не будетъ. Установивъ съ географической непреложностью, что въ Россіи никакой образъ правленія невозможенъ, кромѣ самодержавнаго, Наказъ, характеризуя россійское самодержавіе въ деталяхъ, безъ всякаго зазрѣнія совѣсти „грабитъ" тѣ главы Монтескье, которыя трактуютъ о монархіи, т.-е. о монархіи ограниченной, конституціонной. Какъ тутъ не вспомнить милую русскую интеллигентку 1905 года, пытавшуюся составить „свою" программу, выбравъ „лучшее" изъ программъ всѣхъ партій, ожесточенно боровшихся между собой.

Такъ, чисто-литературнымъ путемъ, въ Наказѣ очутились двѣ главы, III и IV, несомнѣнно, стоявшія въ противорѣчіи съ „существующимъ въ россійской имперіи образомъ правленія". Первая изъ нихъ освящала политическія претензіи дворянства, какъ непремѣннаго участника въ управленіи. Въ монархической схемѣ Монтескье дворянство есть „посредствующая власть", pouvoir intérmédiaire, настолько необходимая, что безъ нея нѣтъ и монархіи, какъ ее понимаетъ „Духъ Законовъ": „безъ дворянства нѣтъ монарха, а есть деспотъ". Екатерина воздержалась отъ цитированія этой послѣдней опасной фразы, но послушно скопировала все остальное, что говорилъ ея профессоръ о „властяхъ среднихъ". Она сохранила буквально даже форму словъ Монтескье, говоря отъ перваго лица все, что онъ говоритъ отъ себя. Такъ какъ отъ читателя „Наказа" этотъ плагіатъ былъ скрытъ, то раболѣпная типографія, набирая „я", „меня" крупнымъ шрифтомъ, какъ подобаетъ лицу государыни, не подозрѣвала, что она возвеличиваетъ этимъ какого-то не совсѣмъ благонадежнаго французскаго литератора. Но тутъ оказалась пикантность двойная: и сама Екатерина, копируя пассажъ о „среднихъ властяхъ", не подозрѣвала, что въ него вставленъ одинъ изъ cartons, имѣвшихъ цѣлью надуть французскую цензуру и нѣсколько замаскировать рѣзко конституціонный характеръ всего этого разсужденія. Но carton былъ разсчитанъ на то, что понятливый читатель сумѣетъ его вынуть и добраться до истин-

наго смысла. Переводя это мѣсто буквально, Екатерина невольно посвящала русскаго читателя въ такіе секреты, которые считались официально запретными даже для читателя французскаго. Недаромъ Никита Панинъ, принадлежавшій, вѣроятно, къ понятливымъ читателямъ Монтескье, говорилъ по поводу Наказа объ „аксіомахъ, способныхъ опрокинуть стѣны". По существу, онъ былъ, вѣроятно, очень доволенъ этими стѣнобитными „аксіомами", а въ особенности его должна была удовлетворить глава IV-я. Идеализируя старую Францію, Монтескье находитъ одну изъ сдержекъ монархическаго произвола въ старомъ французскомъ парламентѣ, регистрировавшемъ новые законы,—при чемъ онъ могъ отказаться, въ теоріи, отъ регистраціи закона произвольнаго, нарушающаго старинныя „привилегіи" подданныхъ короля,—и дѣлавшемъ „представленіе" монарху въ случаѣ, если его распоряженія противорѣчили законамъ старымъ. Какъ „власти средніе" были пережиткомъ средневѣковаго вассалитета, физически необходимаго сюзерену, а потому и юридически дѣлившаго съ нимъ власть, такъ парламентъ стараго порядка былъ рудиментомъ собранія крупнѣйшихъ изъ этихъ вассаловъ, королевской курiи, строго охранявшей неприкосновенность феодальнаго контракта. Въ XVIII вѣкѣ ни то, ни другое не имѣло реальнаго смысла, что́ Монтескье, конечно, прекрасно понималъ, но передъ нимъ стояла задача—найти легальныя формы для обузданія королевскаго произвола; старый французскій парламентъ помогалъ замаскировать настоящую сдержку, какою былъ бы парламентъ англійскій. Въ русской исторіи куріи соотвѣтствовала боярская дума, но дворянская революція XVI—XVII вѣковъ настолько потрясла ее, что буржуазному режиму Петра удалось снести старое учрежденіе безъ остатка. Дворянской реакціи елизаветинскаго времени пришлось творить сызнова: роль совѣта крупныхъ вассаловъ сталъ играть сенатъ. Сенатъ и явился въ Наказѣ тѣмъ „хранилищемъ законовъ", которому въ схемѣ Монтескье соотвѣтствовалъ старый парламентъ. „Въ Россіи сенатъ есть хранилище законовъ" (§ 26). „Сіи правительства (сенатъ и „власти среднія"), принимая законы отъ государя, разсматриваютъ оные прилежно, и имѣютъ право представлять, когда въ нихъ сыщутъ, что они противны Уложенію" (§ 24). „Сіи наставленія возбранятъ народу презирать указы государевы, не опасаяся за то никакого наказанія, но купно и охранятъ его отъ желаній самопроизвольныхъ и отъ непреклонныхъ прихотей" (§ 29).

Въ стѣнѣ самодержавія была продѣлана настолько крупная брешь, что позднѣйшее, при Павлѣ Петровичѣ, превращеніе Наказа въ „запрещенную книгу“ болѣе, чѣмъ понятно. Но если мы присмотримся къ непосредственному вліянію литературныхъ упражненій императрицы на дворянскую массу, мы увидимъ, что впечатлѣніе отъ изданной по высочайшему повелѣнію конституціонной брошюры было довольно слабое. Дворянство тоже читало Монтескье—и, кажется, задача „понять“ его далась дворянству лучше, нежели его государынѣ. Мы увидимъ нѣсколько ниже, что на той же основѣ крупнѣйшій дворянскій идеологъ эпохи, князь Щербатовъ, сумѣлъ развить политическую теорію такой смѣлости и широты, что дальше этого шагнули только декабристы, оказавшіеся, благодаря этому дальнѣйшему шагу, уже на чисто-революціонной почвѣ. Но декабристы имѣли передъ собою новую „стѣну“, въ которой заново приходилось пробивать брешь. Передъ екатерининскими же дворянами, въ сущности, и стѣны-то никакой не было: фактически захватъ власти шляхетствомъ уже совершился при Елизаветѣ—оставалось найти юридическія формулы и административныя рамки для того, что было уже фактомъ. Меньше всего приходилось ломать въ центрѣ: при распыленіи власти вліяніе центра на мѣстныя дѣла сказывалось довольно слабо, а поскольку такое вліяніе все-таки было, елизаветинскимъ сенатомъ дворяне были довольны. Эта инстанція казалась имъ какъ бы само собою разумѣющеюся—естественной вершиной дворянскаго „корпуса“. „Всеподданѣйшее просимъ“, говорили боровскіе дворяне въ наказѣ своему депутату, „чтобы по сочиненіи, при помощи Божіей, Новаго Уложенія дозволено было дворянамъ, черезъ всякіе два года, въ городѣ или гдѣ заблагоразсудятъ, но въ своемъ уѣздѣ, съѣздъ имѣть и на ономъ разсуждать и разсматривать, все ли въ уѣздѣ въ силу законовъ исполняется и не бываетъ ли кому отъ судебныхъ мѣстъ, отъ квартирующихъ и проходящихъ полковъ и командъ, или отъ кого бы то ни было какого утѣсненія, и ежели усмотрятъ, что происходить будетъ къ ущербу казенному или къ неисполненію законовъ или къ утѣсненію дворянъ и крестьянства, въ такомъ случаѣ всемилостивѣйше дозволить помянутому собранію прямо отъ себя, выбравъ депутата, чрезъ онаго съ вѣрнымъ и яснымъ доказательствомъ, представить въ правительствующій сенатъ“.

Гораздо больше интересовало и гораздо хуже, съ дворянской точки зрѣнія, было организовано мѣстное упра-

вленіе, съ которымъ крѣпостная вотчина вѣдалась непосредственно. Въ нашей учебной, а отчасти и ученой, литературѣ не вполнѣ опредѣленно, но довольно упорно подразумѣвалось, что дворянское самоуправленіе XVII вѣка *), замаскированное новой, иноземной терминологіей, благополучно дожило до екатерининскихъ временъ—такъ что, какъ будто, дворяне 1767 г., требуя этого самоуправленія, ломились въ открытую дверь. Правда, губные старосты были уничтожены Петромъ, но вмѣсто нихъ явились выборные дворянскіе ландраты, а позже комиссары, съ очень сходными функціями, только имена были другія. Новѣйшія изслѣдованія показали, что на самомъ дѣлѣ буржуазный шквалъ, пронесшійся надъ Россіей въ началѣ XVIII вѣка, потрясъ основанія дворянской организаціи гораздо серьезнѣе. Старые ученые основывали свое мнѣніе на буквѣ петровскаго законодательства: но, чрезвычайно характерно, здѣсь буква оказалась гораздо консервативнѣе содержанія. Петровскій указъ 20 января 1714 г., предписывавшій „ландраторовъ выбирать въ каждомъ городѣ или провинціи всѣми дворяны за ихъ руками“, на дѣлѣ, какъ убѣдительно доказалъ проф. Богословскій, никогда не исполнялся. Ландратовъ назначали, и притомъ не всегда изъ среды мѣстнаго дворянства, de jure сенатъ, а de facto мѣстный губернаторъ; и здѣсь, такимъ образомъ, то, что потеряло дворянское общество, перешло къ „верховнымъ господамъ“. Вполнѣ въ согласіи съ этимъ и обслуживалъ ландратъ не интересы мѣстнаго населенія, а нужды центра: главной его функціей была финансовая, и смѣнилъ онъ не губного старосту, а воеводу **). Въ еще большей степени финансовымъ агентомъ центральной власти былъ земскій комиссаръ 1719—1724 годовъ, назначавшійся камеръ-коллегіей. Но, въ отличіе отъ ландрата, эта послѣдняя должность пережила весьма любопытную эволюцію: земскій комиссаръ послѣ введенія подушной подати ***) дѣйствительно сталъ выборнымъ, притомъ едва ли не по иниціативѣ дворянства. Только что названный нами изслѣдователь опубликовалъ одно челобитье новгородскихъ дворянъ 1719, какъ онъ думаетъ, года, намѣчающее цѣлый планъ сбора подушныхъ при участіи мѣстныхъ помѣщиковъ. Во главѣ этого дѣла въ уѣздѣ, по дворянскому проекту, долженъ былъ стать оберъ-комиссаръ,

---

*) См. о немъ „Русская Исторія“, т. II стр. 246 и сл.

**) М. Богословскій. „Изслѣдованія по исторіи мѣстнаго управленія при Петрѣ В.“. Журн. Мин. Просв. 1903 г., № 9.

***) Фактически, она начинала собираться въ 1724 году.

а подъ нимъ „земляные комиссары“ изъ мѣстныхъ дворянъ, по ихъ выбору, и передъ ними отвѣтственные. О выборномъ комиссарѣ, впрочемъ, глухо упоминали и болѣе ранніе указы Петра—1718 года, но тогда это опять былъ гласъ вопіющаго въ пустынѣ; а въ 1723 году переписчики уже „понуждаютъ“ дворянъ къ выборамъ. Одновременно съ этимъ земскій комиссаръ становится полицейскимъ органомъ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова: онъ долженъ смотрѣть и за тѣмъ, чтобы крестьяне снимали хлѣбъ косою, а не серпомъ, и за тѣмъ, чтобы служилые люди брили бороды, и чтобы никто не уклонялся отъ исповѣди и причастія. Правда, все это больше на бумагѣ — на дѣлѣ главной заботой и выборнаго комиссара, какъ раньше назначеннаго, былъ сборъ податей; а тутъ онъ, при петровской системѣ, совершенно стушевывался передъ полковымъ начальствомъ, въ рукахъ котораго былъ сборъ подушныхъ. Онъ и жилъ, обыкновенно, при полковомъ дворѣ, и былъ, въ сущности, делегатомъ мѣстныхъ помѣщиковъ при комиссарѣ полковомъ. Но не нужно забывать, что и этотъ послѣдній былъ тоже своего рода выборнымъ дворянскимъ агентомъ: онъ выбирался, только не мѣстными дворянами, а полковымъ офицерствомъ *).

Такимъ образомъ, вмѣсто непрерывной линіи, ведущей въ московскую Русь, въ качествѣ антецедента екатерининскихъ „реформъ“ приходится отмѣчать первые поступательные шаги дворянской реакціи въ послѣдніе годы Петра I-го. И не случайно, быть можетъ, екатерининскіе дворяне сохранили въ своихъ проектахъ петровскую номенклатуру. „На томъ же собраніи“, продолжаетъ цитированный нами выше боровскій наказъ, „дозволить дворянамъ между собою выбрать ландрата и отъ всякаго стана, которые дистриктами переименовать, дистриктнаго комиссара...“ Память о томъ, что не удалось, но чего уже желали при Петрѣ, была крѣпка еще въ 1767 году. Но большинство не хотѣло останавливаться на историческихъ реминисценціяхъ и шло дальше. Почему только низшія ступеньки областной администраціи должны замѣщаться дворянскими уполномоченными? „Отъ прежде бывшихъ временъ и донынѣ изъ правительствующаго сената въ города опредѣляются воеводы“, писали козельскіе дворяне, „а къ ихъ должности принадлежащихъ качествъ правительствующему сенату, за множественнымъ чис-

---

*) См. того же автора: „Областная реформа Петра В.“. М. 1902, особ. стр. 404—443.

ломъ оныхъ, опредѣляемыхъ въ воеводы, знать невозможно, но не благоволено ли будетъ отдать выборъ воеводы дворянству того города, чтобы они выбирали изъ своихъ сотоварищей...“ Коломенскіе дворяне были смѣлѣе и откровеннѣе. „Къ исполненію правосудія по законамъ и для искорененія лихоимства потребны добросовѣстные и помнящіе свою присягу, безпристрастные городскіе правители, кои бы собою своимъ подкомандующимъ примѣромъ были“, говорилъ ихъ наказъ. „Къ достиженію же таковыхъ кажется ближайшій способъ: 1) повелѣно бъ было въ городахъ воеводъ и товарищей воеводскихъ изъ дворянъ того уѣзда выбирать дворянству... 2) воеводамъ быть по два года, а по прошествіи оныхъ смѣнять другими изъ того же уѣзда по дворянскому выбору“ *). Тульскіе дворяне находили, что новый правитель и званія прежняго сохранить не долженъ: „И того градоначальника и его товарища“, писали они: „не безполезно будетъ отъ ея императорскаго величества высочайшей власти назвать не воеводой, а нижніе чины не подъячими, дабы чрезъ то не только удержать всякаго градоначальника въ своей не зазорной поступи, но и память многихъ бывшихъ въ семъ званіи нарушителей благоденствія загладить“. Но, передавъ въ руки мѣстныхъ помѣщиковъ уѣздную администрацію до самой ея верхушки, почему не передать въ ихъ руки и мѣстный судъ? Скромнѣе другихъ въ этомъ отношеніи были костромскіе дворяне. Судиславское **) дворянство выражалось такъ: „весьма бы для дворянства способно и полезно было, если бы ея императорское величество, милосердная мать отечества, соизволила повелѣть для дворянства учредить словесный судъ и по оному опредѣлить того уѣзда изъ дворянъ, выбравъ обществомъ, судью, и къ нему, по таковому же выбору, опредѣлить же изъ дворянъ четыре персоны помощниковъ... А судъ дозволить имъ производить въ нижеслѣдующихъ дѣлахъ, а именно: въ ссорахъ, дракахъ, въ потравѣ хлѣба и луговъ, въ порубкѣ лѣсовъ, въ перепашкѣ земель и въ другихъ случающихся просьбахъ (окромѣ криминальныхъ и разыскныхъ дѣлъ), для того, дабы дворяне, не имѣя себѣ убытка и приказной волокиты, могли получить себѣ вскорѣ и малое удовольствіе, сочтя за большое; ибо изъ дворянъ многое число такихъ, которые приказныхъ порядковъ не знаютъ, а другіе

*) Сб. Р. Ист. Общ., т. IV, стр. 266 и 329; ср. 484, т. VIII, стр. 484, 517, 522.
**) Судиславъ, тоже уѣздн. городъ, въ нынѣшней Костромской губ.

и грамоти вовсе не умѣютъ" *). Здѣсь, какъ видимъ, дворянскому судьѣ отводилась компетенція нынѣшняго мирового или земскаго начальника: уголовныя дѣла („криминальныя и и разыскныя") долженъ былъ вѣдать кто-то другой. Калужское и медынское дворянство, напротивъ, главную цѣль своего суда видѣло въ томъ, чтобы „разбои, кражи, наглости и всякія непорядки предварительно отвращены и сокращены были". Совершенно естественно, что калужане не довольствовались переходомъ въ дворянскія руки однѣхъ низшихъ судебныхъ инстанцій. „Чтобы на учрежденный дворянскій судъ апелляцію просить отъ каждаго уѣзднаго города прямо въ губернскихъ городахъ въ учрежденномъ же дворянскомъ судѣ, также избраніемъ общимъ дворянскимъ", ходатайствовали они. Въ этомъ губернскомъ судѣ центральная власть была бы представлена однимъ губернаторомъ, который въ немъ долженъ былъ предсѣдательствовать, „яко повѣренная особа отъ высочайшей власти ея императорскаго величества", апелляціонной же инстанціей для губернскаго суда былъ бы только сенатъ или юстицъ-коллегія. Перемышльскіе и воротынскіе дворяне (нынѣшней Калужской же губерніи) желали, чтобы и мѣстная прокуратура была выборная: на мѣстахъ получался, такимъ образомъ, сомкнутый фронтъ дворянскихъ учрежденій, противостоявшихъ непосредственно центральной власти, тоже дворянской — но въ составъ которой мѣстные помѣщики не желали мѣшаться. Картина „среднихъ властей, поставленныхъ между государемъ и народомъ", была столь полная, что болѣе полной не представилъ бы себѣ и Монтескье. И въ то же время картина была глубоко національной. Ни въ какомъ литературномъ позаимствованіи никому не пришло бы въ голову упрекнуть хотя бы суздальское „благородное дворянство", какъ оно само себя именовало, жаловавшееся на отмѣну пытокъ и смертной казни, отчего „нѣкоторые, не видя самимъ смертоубійцамъ достойнаго, по дѣламъ ихъ, истязанія, чинятъ не токмо постороннимъ, но люди и крестьяне своимъ помѣщикамъ и помѣщицамъ смертныя убійства и мучительныя при томъ наруганія", и требовавшіе „таковымъ злодѣямъ пріумножить истязанія". Или галицкихъ дворянъ, желавшихъ, безъ дальнихъ разсужденій, просто возстановленія губного сыска, какъ онъ практиковался при Грозномъ. „По смерто-

---

*) По словамъ біографа А. И. Бибикова, треть костромскихъ дворянъ не знали грамоты.

убійственнымъ, также татинымъ и разбойнымъ дѣламъ, на что свидѣтельства нѣтъ", писали галичане: „и по тому производятся суды, не повелѣно ль будетъ оное отставить, а учиня, на кого въ оныхъ дѣлахъ будетъ челобитье, сдѣлать повальный обыскъ, и ежели тотъ въ повальномъ обыскѣ одобренъ не будетъ... таковыхъ пытать, а не судомъ производить" *).

Мы напрасно стали бы объяснять подобнаго рода вожделѣнія невѣжествомъ захолустнаго дворянства: тѣ же самые галицкіе дворяне очень обстоятельно развиваютъ въ своемъ наказѣ мысль о необходимости дворянскихъ училищъ въ провинціальныхъ городахъ. Губной сыскъ, конечно, былъ бы направленъ не противъ дворянства: первая изъ сейчасъ приведенныхъ двухъ цитатъ ясно показываетъ, къ какому классу общества принадлежали „злодѣи", которымъ нужно было „умножить истязанія". Кнутъ и плети предназначались для людей „подлаго состоянія", которымъ и по мнѣнію тогдашней интеллигенціи естественно было быть битыми, какъ мы видѣли на примѣрѣ Болотова. Иное дѣло люди благородные. „Мы, бывъ обнадежены безпримѣрнаго милосердія опытами нашей всемилостивѣйшей государыни, яко то избавленіемъ отъ смертной казни и впавшихъ въ важныя преступленія ея подданныхъ", писали калужане и медынцы: „препоручаемъ вамъ, почтенному господину депутату, въ учрежденной комиссіи представить, чтобы все дворянство, яко родъ изъ подданныхъ ея императорскаго величества удостоившійся особливой высочайшей милости, благоволенія и довѣренности, какъ въ важныхъ государственныхъ дѣлахъ, такъ во всякомъ состояніи, вездѣ и всегда, избавленъ былъ бы всякаго тѣлеснаго и безчестнаго наказанія и пытокъ, а потому смертной казни" **). Капорское дворянство, представителемъ котораго въ комиссіи былъ Григорій Орловъ, шло еще дальше и подбиралось къ „дѣйствительной неприкосновенности личности", исключительно дворянской, конечно. „Сдѣлано бы было положеніе... дабы дворянинъ, дѣйствительно владѣющій своимъ имѣніемъ, безъ предводителя и другихъ ему въ помощь назначенныхъ, никогда и ни по какому дѣлу арестованъ не былъ, въ деревняхъ своихъ находящійся". И всѣ дворянскія пожеланія прямо и просто резюмируетъ кашин-

*) Сб. Р. Ист. Общ. IV, стр. 247, 281 сл., 289, 292, 436; VIII, стр. 533; XIV, стр. 493.

**) Ib., IV, стр. 288, ср. стр. 432—3.

скій наказъ (нынѣшней Тверской губерніи): „живущій дворянинъ въ уѣздѣ не зависимъ бы былъ ни отъ кого, кромѣ того уѣзда дворянъ, и чтобы воеводская канцелярія и ниже другія какія правительства не могли дворянина собою къ суду призвать, или къ должности опредѣлить, или по какому дѣлу взять“. Дворянство должно было стать сословіемъ политически привилегированнымъ.

Наиболѣе полное и обстоятельное изложеніе дворянскихъ требованій содержалъ въ себѣ, какъ извѣстно, ярославскій наказъ—въ большей своей части произведеніе лучшаго публициста эпохи, кн. М. М. Щербатова. Его публицистическая дѣятельность и выразилась, главнымъ образомъ, въ этомъ наказѣ, да въ „голосахъ“, которые онъ по разнымъ случаямъ подавалъ въ комиссіи: болѣе обширныя публицистическія работы его (въ родѣ знаменитаго разсужденія „о поврежденіи нравовъ въ Россіи“) увидѣли свѣтъ лишь много лѣтъ послѣ его смерти. По ярославскому наказу можно видѣть, какъ представляли себѣ положеніе своего сословія наиболѣе сознательные его члены. О необходимости экономическаго базиса для дворянскихъ привилегій подумывали уже довольно давно, какъ мы видѣли; но Ѳедору Салтыкову, вѣроятно, и во снѣ не приснилась бы смѣлая картина, нарисованная Щербатовымъ. Ярославскій депутатъ (Щербатовъ какъ разъ и былъ имъ,—такъ что это былъ, въ сущности, наказъ самому себѣ) долженъ былъ прежде всего другого, разумѣется, стараться „дабы право имѣть деревни и земли однимъ дворянамъ россійскимъ оставлено было, яко болѣе всѣхъ рожденіемъ своимъ и воспитаніемъ пристойнымъ владѣть другими подданными ея императорскаго величества“. Отсюда слѣдовало, что онъ долженъ былъ бороться противъ права земельной собственности для купцовъ. Правда, законъ Петра I, позволявшій купцамъ покупать имѣнія къ фабрикамъ, былъ отмѣненъ Петромъ III; но это касалось лишь будущаго,—уже купленныя или пожалованныя вотчины оставались за фабрикантами. „Того ради, не соблаговолено ли будетъ, по разсмотрѣніи, въ противность законамъ (!) купленныя ими деревни у нихъ взять съ нужными распорядками, дабы ихъ по милосердію въ убыткѣ не оставить“, просили ярославцы. Работа на купеческихъ фабрикахъ послѣ этого должна была вестись вольнонаемными рабочими, что, въ массѣ случаевъ, должно было сдѣлать дальнѣйшее существованіе фабрики невозможнымъ. Но ярославскіе дворяне не имѣли основаній особенно объ этомъ заботиться: они ничего не возразили бы противъ того, чтобы взять по-

чти всю обрабатывающую промышленность и добрую половину торговли на себя. Относящееся сюда мнѣніе ярославскаго наказа настолько любопытно, что стоитъ его привести цѣликомъ. „Колико дворянство не утруждено службою своею государю“, писалъ Щербатовъ: „однако не меньше имѣетъ старанія и о домостроительствѣ, помышляя, что домостроительство партикулярныхъ людей дѣлаетъ ихъ изобиліе, а обиліе партикулярныхъ сочиняетъ обиліе государства. И какъ оно изъ древнихъ временъ имѣетъ право пользоваться винною сидкою для поставки государю, которое право и нынѣ еще имъ (дворянамъ) вновь милосердіемъ нашей всемилостивѣйшей государыни подтверждено; а какъ мнится намъ, что сіе право, особливо дворянству, не отъ чего иного начало свое имѣетъ, какъ отъ того, что вино изъ продуктовъ земли, которой едйные дворяне владѣтели, сидится, то по тому же резону мнится, что и фабрики, сочиняющія изо льну и изъ пеньки, и изъ прочихъ земляныхъ и экономическихъ произращеній, равнымъ же образомъ дворянамъ должны принадлежать. А понеже уже многіе купцы, за неразличеніемъ сего права (!!), вступили въ сіи фабрики и уже великіе капиталы положили, то оныя у нихъ оставить имъ и потомству ихъ, съ нѣкоторымъ небольшимъ и имъ нечувствительнымъ платежомъ корпусу дворянства въ число платежа подушныхъ денегъ за крестьянъ, а впредь такія фабрики оставить такъ, какъ вино, единымъ дворянамъ“ *). Итакъ — земля дворянская и все, что въ землѣ, тоже дворянское; разсуждая по этой логикѣ, нетрудно было бы доказать, что и всю металлургическую промышленность нужно также предоставить „дворянскому корпусу“: металлы, вѣдь, извлекаются изъ земли, стало быть, они, какъ и земля, должны принадлежать „единымъ дворянамъ“. И, какъ полагается публицисту XVIII в., это дворянское право Щербатовъ разсматриваетъ какъ право естественное: оно только „не различалось“ до сихъ поръ, а существовало искони, какъ и право дворянъ курить водку. Но это еще не все: „право торговли внѣ государства“ тоже должно стать неотъемлемымъ дворянскимъ правомъ; какъ купцы будутъ вести заграничную торговлю, когда они не знаютъ ни ариѳметики, ни иностранныхъ языковъ? А что оптовую торговлю хлѣбомъ нужно оставить дворянамъ, это совершенно ясно: вѣдь, хлѣбъ изъ земли, а крестьяне, у которыхъ покупаютъ хлѣбъ купцы,—дворянскіе крѣпостные; вы-

---

*) См. Сочиненія кн. М. М. Щербатова, т. I, стр. 17.

торговывая у нихъ на хлѣбѣ, купечество, въ сущности, залѣзаетъ въ дворянскій карманъ. Но всего лучше заключительный пассажъ всего этого отдѣла: послѣ длиннаго разсужденія о томъ, какъ вредны кабаки въ деревнѣ, вы ждете, что Щербатовъ закончитъ рѣшительнымъ требованіемъ — уничтожить это пагубное учрежденіе. Не тутъ-то было. „И такъ, не соблаговолено ли будетъ, по исчисленію, сколько на тѣ въ господскихъ деревняхъ построенные питейные дома выходитъ вина, пива и меду, отдать тѣмъ самымъ господамъ на откупъ...“ Даже пьянство станетъ безвредно, когда откупа — почти крупнѣйшее капиталистическое предпріятіе того времени—станутъ дворянской привилегіей!

Ярославскій наказъ представляетъ собою одинъ изъ характернѣйшихъ памятниковъ того экономическаго сдвига, какой испытало крѣпостное хозяйство во второй половинѣ XVIII вѣка. Позднѣе мы подробнѣе займемся этой весной помѣщичьяго предпринимательства *). Пока для насъ важны тѣ политическіе выводы, которые дѣлалъ Щербатовъ изъ доминирующаго положенія „дворянскаго корпуса“ въ центрѣ народнаго хозяйства. Въ самый наказъ, по самому характеру этого офиціальнаго документа, эти выводы вошли въ минимальномъ объемѣ. Экономически привилегированное дворянство и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ должно быть „отличено отъ простыхъ людей“: дабы дворянинъ не лишился „знатныхъ мыслей“, онъ долженъ былъ быть избавленъ отъ тѣлеснаго наказанія, какъ въ дисциплинарномъ порядкѣ, въ военной службѣ, такъ и по приговорамъ уголовнаго суда; не совсѣмъ ясно Щербатовъ требуетъ на послѣднемъ защиты (только для дворянъ, разумѣется) и права отвода судей. Предварительное заключеніе для дворянъ если и допускается, то въ самыхъ мягкихъ формахъ: „чтобы каждый (дворянинъ), въ какомъ бы преступленіи ни явился, ожесточительнымъ образомъ прежде изобличенія его содержанъ не былъ“ **). А такъ какъ привилегіи лишь тогда цѣнны, когда онѣ доступны не всякому, то, повторяя въ болѣе расширенной формѣ татищевскія требованія 1730 г., ярославскіе дворяне ходатайствовали „не соблаговолено ли будетъ право достигшимъ въ офицерскіе чины дворянскаго какъ имени, такъ и прочихъ дворянскихъ правъ, отмѣнить (которое по нуждѣ прежнихъ обстоятельствъ было дано), какой бы чинъ ни имѣли, дабы

---

*) См. слѣдующую главу „Русской Исторіи“.

**) Ibid., стр. 20. Наказъ говоритъ въ данномъ пунктѣ о „подданныхъ“ вообще, но изъ контекста ясно, къ какому именно разряду подданныхъ все относится.

достоинство дворянское, которое—яко и блаженной и вѣчной славы достойной памяти Петръ Великій въ табели о рангахъ изъясняется—единственно жаловать государю надлежитъ, не было уподлено чрезъ какія другія происками учиненныя происхожденія". Нужно сказать, что послѣ указа 18 февраля 1762 года требованіе это было болѣе логично, нежели при Аннѣ Ивановнѣ: разъ служба не являлась болѣе отличительнымъ признакомъ дворянина, не было основанія дѣлать дворянами всѣхъ, кто служилъ. Въ одномъ изъ своихъ „предложеній" (поданномъ въ комиссію 12 сентября 1767 г.) Щербатовъ подробно развилъ эту мысль, что дворяниномъ нужно родиться, а нельзя сдѣлаться — развѣ ужъ въ видѣ рѣдчайшаго заключенія, — призывая на помощь и „Наказъ" самой Екатерины, и „славнаго римскаго писателя Варрона", и барона Пуффендорфа. И сохраненіе дворянства по службѣ въ жалованной грамотѣ 1785 года вызвало у Щербатова рядъ саркастическихъ замѣчаній, показывающихъ, какъ горько было ему видѣть крушеніе его надежды. Говоря о правѣ на потомственное дворянство тѣхъ, кто получилъ орденъ Георгія или Владиміра, онъ припоминаетъ такіе анекдоты: „я слышалъ, не помню какъ, что одному былъ присланъ орденъ георгіевскій съ прописаніемъ его знатнаго дѣла, но онъ съ трудомъ его принялъ, говоря, что онъ тогда и въ арміи не находился, а другой получилъ, сказываютъ, орденъ за потеряніе пушекъ въ Польшѣ. Владимірской орденъ не лучше же, кажется, раздаваемъ. Третьяковской укралъ деньги у своего благодѣтеля, и когда дѣло было гласно, орденъ Владимірской получилъ; найду я и другихъ воровъ, о которыхъ сами начальники доносятъ, а однако ордены получаютъ; и потому можно ли дворянину не жалованному, но рожденному, безъ прискорбія видѣть, что воровствомъ и происками сіи равны дѣлаются съ тѣми, которыхъ кровь въ непрерывное теченіе многихъ вѣковъ лилась за отечество?" *).

Итакъ, экономическое преобладаніе дворянства гарантируется его правами и преимуществами. Но чѣмъ будутъ гарантированы эти послѣднія? Гласно, вслухъ, въ комиссіи или внѣ ея это не было сказано; но отсюда не слѣдуетъ, чтобы объ этомъ не думали — и то, какъ формулировалъ правовое положеніе россійской монархіи тотъ же Щербатовъ въ одномъ изъ тѣхъ произведеній, которыя появились въ печати только

*) „Примѣчаніе вѣрнаго сына отечества на дворянскія права на манифестъ". Сочиненія, т. I, стр. 330.

Проспектъ внизъ по Невѣ рѣкѣ между Зимнимъ ея имп. величества домомъ и Академіею Наукъ.

Оригиналъ гравюры *Проспектъ внизъ по Невѣ-рѣкѣ*... относится къ половинѣ XVIII столѣтія и представляетъ собою образчикъ тогдашняго граверного искусства и успѣховъ въ области перспективныхъ изображеній, которыми стали увлекаться и спѣшили увѣковѣчить и созданіе Преобразователя—Петербургъ, и загородные дворцы, и въѣзды. Представленная перспектива отличается условнымъ воспроизведеніемъ дѣйствительности, нѣкоторой элементарностью и обиліемъ судовъ, которыми оживлена рѣка. Оригиналъ довольно обширныхъ размѣровъ и состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ листовъ, которые на предлагаемомъ воспроизведеніи соединены вмѣстѣ и подверглись значительному уменьшенію. «16 мая 1703 года, писалъ горячій апологетъ Петра С. Соловьевъ, на одномъ изъ островковъ Невскаго устья стучалъ топоръ: рубили деревянный городокъ. Этотъ городокъ былъ *Петербургъ*, столица Россійской имперіи». Петербургъ обстраивался быстро, скоро сдѣлавшись центромъ всероссійскаго мотовства и энергичнаго высасыванія средствъ изъ народнаго кошелька. Первоначально Петръ построилъ себѣ въ Петербургѣ небольшіе дворцы, зимній и лѣтній, съ тѣсными комнатами. Но потомъ и онъ соблазнился, принужденный частью угождать, частью возвеличивать Екатерину, занявшую мѣсто Евдокіи Лопухиной. В. Ключевскій такъ отмѣтилъ этотъ эпизодъ въ своей характеристикѣ Петра: Петръ «положилъ основаніе художественной коллекціи, которая теперь помѣщается въ Петербургскомъ Эрмитажѣ. Онъ имѣлъ вкусъ особенно къ архитектурѣ; объ этомъ говорятъ увеселительные дворцы, которые онъ построилъ вокругъ своей столицы и для нѣкоторыхъ выписывалъ за дорогую цѣну съ запада первоклассныхъ мастеровъ, въ родѣ, напр., знаменитаго въ свое время Леблона, *прямой диковины*, какъ называлъ его самъ Петръ, сманившій его у французскаго двора за громадное жалованье. Построенный этимъ архитекторомъ петергофскій дворецъ Монплезиръ, со своимъ кабинетомъ, украшеннымъ превосходной рѣзной работой, съ видомъ на море и тѣнистыми садами, вызывалъ заслуженныя похвалы отъ посѣщавшихъ его иностранцевъ. Петергофскій дворецъ украшенъ былъ превосходными фламандскими картинами, изображавшими сельскія и морскія сцены, большею частью забавныя. Привыкнувъ жить кое-какъ, въ черной работѣ, Петръ однако сохранилъ умѣнье быть неравнодушнымъ къ иному ландшафту, особенно съ участіемъ моря, и бросалъ большія деньги на загородный дворецъ съ искусственными террасами, каскадами, хитрыми фонтанами, цвѣтниками и т. п.» Это «бросаніе большихъ денегъ» шло crescendo и ко второй половинѣ XVIII столѣтія достигло потрясающихъ размѣровъ, но черезъ 50 лѣтъ послѣ рожденія Петербурга подъ громъ пушекъ и среди потоковъ крови Сѣверной войны его уже нельзя было узнать, и не одна пара искусныхъ граверныхъ рукъ работала тогда надъ изображеніями Петербурга съ его окрестностями для утѣхи императрицъ и двора, а кстати и для острыхъ воспоминаній о массѣ народныхъ средствъ и жизней, принесенныхъ въ жертву безъ думъ и безъ сожалѣній тѣми, имена коихъ ты же, Господи, вѣси.

В. Стор.

Видъ внизъ по Невѣ рѣкѣ между Зимнимъ … Величества домомъ и Академiею Наукъ

Vue des bords de la Neva en descendant la riviere entre le Palais d'hyver de Sa Majesté Imperiale & les batimens de l'Academie des Sciences

Изд. Т-ва „Мiръ“

въ наши дни, можетъ считаться каноническимъ изложеніемъ русскаго „монаршизма“ второй половины XVIII вѣка. Неосторожныя цитаты „Наказа“ коронованной поклонницы Монтескье развернуты здѣсь въ цѣлую систему нормъ, ограничивающихъ императорскую власть. Не менѣе ядовито, чѣмъ Монтескье, охарактеризовавъ „деспотичество“, и съ не меньшею ловкостью, нежели онъ, перенеся его за тысячи верстъ отъ русскихъ предѣловъ, Щербатовъ продолжаетъ: „понеже Россійская имперія есть монаршическаго правленія, яко и сама ея величество въ Наказѣ своемъ изъясняется, что «надлежитъ имѣть хранилище законовъ, ибо законы въ немъ должны твердо пребывать подъ сѣнію монаршей власти». Каковы сіи законы должны быть? Я, первое, считаю, что понеже монархъ нѣсть вотчинникъ, но управитель и покровитель своего государства, а потому и должно быть нѣкіимъ основательнымъ правамъ, которыя бы не стѣсняли могущества монарха ко всему полезному государству, но укрощали бы иногда безпорядочныя его хотѣнія, по большей части во вредъ ему самому обращающіяся. Въ числѣ сихъ правъ необходимо должно помѣстить твердое основаніе и положеніе о порядкѣ наслѣдства на престолъ... Храненіе владычествующей вѣры и пребываніе государя въ оной и въ гражданскихъ законахъ должно составить ненарушимое положеніе... Права изданія законовъ, разныхъ налоговъ на народъ, передѣланія монеты,—вещи, которыя по непостоянству вещей человѣческихъ иногда премѣняются,—то, по крайней мѣрѣ, порядокъ произведенія сего въ дѣйство на непоколебимыхъ основаніяхъ долженъ быть утвержденъ; равнымъ образомъ судъ и право себя защищать... наконецъ, право именованія дворянскаго, по ихъ разнымъ степенямъ, ненарушимо въ монаршическомъ правленіи поставлено быть должно. Но недовольно сіе словами или грамотою какою утвердить: надлежитъ, чтобы поставлены были и наблюдатели о сохраненіи онаго. Тако, держася словъ ея императорскаго величества, надлежитъ имѣть «хранилище законовъ». А что въ Россіи хранилище законовъ? Сіе есть сенатъ. Надлежитъ оный не токмо снабдить довольно основательными государственными правами о его могуществѣ, но также и наполнить такими людьми въ силу жъ основательныхъ правъ, чтобы препорученный ему законъ въ силахъ былъ охранять“ *). Изъ этого

*) Ibid., стр. 390 сл.—„Размышленія о законодательствѣ вообще“.

можно видѣть, что и составъ сената предполагался независимымъ отъ „безпорядочныхъ хотѣній“ монарха. Какъ Щербатовъ надѣялся этого достигнуть, здѣсь онъ не сказалъ. Въ его утопіи „Путешествіе въ землю Офирскую г. С., шведскаго дворянина“, при „вышнемъ правительствѣ“ Офирской земли имѣются выборные депутаты, отъ дворянства и отъ купечества. Но дворянскіе депутаты представляютъ каждый только дворянское общество своей губерніи; до вседворянскаго парламента щербатовская конституція не доходила.

Пока учительница дворянства „усиливалась понять“ монархическую теорію „Духа Законовъ“, у ея учениковъ готова была своя теорія, не менѣе стройная, чѣмъ у Монтескье, но приспособленная къ русскимъ условіямъ. Теорія эта, въ смыслѣ логическаго совершенства, далеко оставляла за собою тотъ жалкій „плагіатъ“ (подлинное выраженіе самой Екатерины), который носилъ названіе „Большого Наказа“. Но авторъ послѣдняго, теоретически отставъ отъ своей публики, далеко не лишенъ былъ практическаго здраваго смысла. Екатерина не могла не видѣть, что „основательныя права“ и политическія гарантіи интересуютъ лишь ничтожное меньшинство сознательныхъ дворянъ. Что сѣрая дворянская масса гораздо больше хлопочетъ о соціальныхъ преимуществахъ и объ укрѣпленіи своихъ позицій на мѣстахъ, нежели о дворянской конституціи. Чтобы помѣшать дворянскимъ лидерамъ распропагандировать эту сѣрую массу, комиссія была поспѣшно закрыта на серединѣ своихъ занятій,—наскоро выбраннымъ предлогомъ была начавшаяся въ 1768 г. турецкая война. А затѣмъ, большая часть практическихъ пожеланій дворянскихъ наказовъ были попросту превращены въ законы — что въ исторіи получило пышное названіе „реформъ Екатерины II“. По положенію о губерніяхъ 1775 года, уѣздная полиція была отдана выборному отъ дворянъ капитанъ-исправнику, были созданы дворянскіе суды, не только въ уѣздѣ, но и въ губерніи (верхній земскій судъ), были удовлетворены даже второстепенныя требованія дворянства — учреждены, напр., дворянскія опеки, о которыхъ много толковали наказы 1767 г.,—дворянскій предводитель занялъ опредѣленное мѣсто среди губерской администраціи. Изданная въ 1785 году „Жалованная грамота дворянству“ обѣщала, что „благородный“ безъ суда не будетъ лишенъ ни дворянскаго достоинства, ни чести, ни жизни, ни имѣнія; что онъ будетъ судимъ только своими равными; что его не коснется тѣлесное наказаніе; что съ дворянами, служащими въ нижнихъ чинахъ,

будутъ поступать во всѣхъ штрафахъ такъ, какъ съ оберъ-офицерами; что благородный имѣетъ право покупать деревни, устраивать въ нихъ фабрики и заводы, торговать оптомъ сельскими продуктами, вести заграничную торговлю; было разъяснено, что право собственности на земли распространяется и на „нѣдра той земли“,—такъ что упущенные Щербатовымъ въ его наказѣ минералы не ушли-таки отъ дворянскихъ рукъ. Наконецъ, подтверждено было собранію дворянства дозволеніе дѣлать представленія и жалобы чрезъ депутатовъ ихъ, „какъ сенату, такъ и императорскому величеству на основаніи узаконеній“. Но чѣмъ и какъ будутъ гарантированы всѣ эти права и преимущества — жалованная грамота молчала. Казалось бы, рано или поздно, дворянство должно было заинтересоваться этимъ вопросомъ, какъ заинтересовался имъ кн. Щербатовъ. Но обстоятельства сложились такъ, что интересы дворянства направились совсѣмъ въ другую сторону — и Щербатову суждено было стать не вождемъ дворянскаго движенія, а только теоретикомъ неосуществившейся конституціи *).

*) Въ настоящемъ очеркѣ нашли себѣ мѣсто только дворянскія пожеланія, высказывавшіяся въ комиссіи 1767 г.: дворянство было рѣшающей общественной силой. Недворянскіе депутаты (въ комиссіи были представлены всѣ сословія, кромѣ крѣпостныхъ крестьянъ) могли говорить, но никто не обязанъ былъ ихъ слушать.

4. Денежное хозяйство.

Лѣтъ пятнадцать тому назадъ историкъ русской культуры, желая наглядно изобразить своему читателю разницу натуральнаго и денежнаго хозяйства, противопоставилъ русскаго помѣщика начала XIX вѣка, отъ котораго мало было доходу московскимъ лавкамъ и магазинамъ, потому что все у него было свое, а не покупное, современному предпринимателю, вынужденному „обращать свой товаръ въ деньги и деньги опять въ товаръ", чтобы существовать и пользоваться достаткомъ. Насколько первый могъ „съ философскимъ равнодушіемъ созерцать окружающее", настолько второй зависитъ отъ покупателя и отъ обмѣна. Картинка, какъ и вся книга, хорошо кристаллизовала о б ы ч н о е мнѣніе о предметѣ: такъ

именно всегда и всѣ представляли себѣ эволюцію русскаго хозяйства на протяженіи двухъ послѣднихъ вѣковъ. Уже нѣсколько лѣтъ, какъ это представленіе начало сдавать передъ другимъ—при чемъ, какъ всегда бываетъ, быть можетъ, нѣсколько даже перегнули палку въ противоположную сторону: стали говорить о „дворянской буржуазіи“ XVIII вѣка и рисовать екатерининскую Россію чуть не капиталистической страной. Чтобы найти равнодѣйствующую между двумя крайностями, лучше всего обратиться къ современникамъ. Русскіе помѣщики начала прошлаго вѣка отнюдь не были безгласными: они говорили—и писали—о своемъ экономическомъ положеніи весьма словоохотливо. Найдемъ ли мы въ ихъ разсужденіяхъ „философское равнодушіе“ или сознаніе своей зависимости отъ покупателя и отъ обмѣна? Въ 1809 году—эпоха, какъ видитъ читатель, какъ разъ та, которую выбралъ нашъ историкъ русской культуры—нѣкій коллежскій секретарь Михайла Швитковъ представилъ Вольному Экономическому Обществу сочиненіе „о двухъ главныхъ способахъ, назначенныхъ къ лучшему деревнями управленію“. Общество наградило сочиненіе золотою медалью и напечатало его въ своихъ „Трудахъ“: мы имѣемъ, стало быть, основаніе считать взгляды и мнѣнія Швиткова за нѣчто принятое и одобрявшееся значительною частью тогдашнихъ образованныхъ помѣщиковъ, засѣдавшихъ въ комитетѣ общества. „Попеченіе о стяжаніи множества денегъ стало быть общимъ“, писалъ Швитковъ: „и, какъ кажется, единственно въ томъ предметѣ, что оными думаютъ замѣнить во всякое время другіе свои недостатки“. „По приказнымъ вотчиннымъ дѣламъ не такъ извѣстно, какъ по приватнымъ свѣдѣніямъ, что многіе помѣщики по пристрастію къ одному только денежному богатству перестали уже существовать помѣщиками. Я отнюдь не упускаю изъ вида и того, чтобы какъ помѣщикамъ, такъ и крестьянамъ, наивозможнѣйшимъ образомъ стараться о пріобрѣтеніи довольнаго количества денегъ, какъ потому, что деньги за всѣмъ изобиліемъ сельскихъ произведеній для многихъ предметовъ всякому необходимо нужны, такъ и потому, что онѣ для всякаго состоянія людей естественно заключаютъ въ себѣ самое пріятнѣйшее побужденіе къ трудолюбію и раченію о благѣ не меньше общественномъ, какъ и собственномъ своемъ“. *)

---

*) „Труды Вольнаго Экономическаго Общества“, часть LXII, стр. 135 и 121—2. Разрядка наша.

Историку конца XIX вѣка казалось, что помѣщику начала этого столѣтія очень пріятно было имѣть „все свое, не покупное“, начиная отъ крѣпостного повара или камердинера и кончая всякой живностью для стола. А богатому барину-петербуржцу уже за сорокъ лѣтъ до Швиткова начинало казаться, что выгоднѣе именно все покупать, а прислугу, по возможности, нанимать. Въ 1771 году то же Вольное Экономическое Общество, президентомъ котораго тогда былъ графъ Шуваловъ, а въ числѣ „очередныхъ“ членовъ гр. Чернышевъ, Олсуфьевъ, кн. Гагаринъ и Демидовъ, задавало „для рѣшенія публикѣ“ задачу: какъ прожить въ Петербургѣ, примѣрно, на двадцать тысячъ рублей въ годъ? Вопросъ, очевидно, касался богатаго помѣщика—одинъ изъ премированныхъ обществомъ авторовъ и называетъ своего воображаемаго „домостроителя“ „его сіятельствомъ графомъ N. N.“ Въ идеальномъ бюджетѣ этого воображаемаго сіятельства, который реальныя сіятельства, засѣдавшія въ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ, вполнѣ могли оцѣнить по собственному опыту, все покупается на деньги, до чернаго хлѣба и коровьяго масла включительно, и вся прислуга наемная—говорится лишь о возможности подучить кое-кого изъ крѣпостныхъ мальчиковъ или дѣвушекъ для нѣкоторыхъ второстепенныхъ должностей *). Это, конечно, не дѣйствительность, а идеалъ, но для тенденцій большого барскаго хозяйства второй половины XVIII вѣка такой идеалъ какъ нельзя болѣе характеренъ. Въ Петербургѣ дней Екатерины II, какъ въ Парижѣ времени Людовика XIV, уже не спрашивали: „какого происхожденія этотъ человѣкъ?“, а спрашивали: „сколько у этого человѣка ренты?“

Такъ какъ рента „его сіятельства графа N. N.“ могла получаться только въ видѣ доходовъ съ его имѣній, то, очевидно, либо крестьяне графа, либо его управляющій должны были заботиться о томъ, чтобы „превращать товаръ въ деньги“. Первое имѣло бы мѣсто въ томъ случаѣ, если бы его имѣніе, какъ большая часть крупныхъ вотчинъ той поры, было на оброкѣ: второе—если бы въ немъ велось собственное хозяйство. Что самъ графъ при всемъ этомъ оставался весьма мало буржуазной фигурой, не должно насъ удивлять: вѣдь и современный намъ предприниматель, если онъ достигъ извѣст-

---

*) Обширные трактаты, отвѣчавшіе на поставленную гр. Шуваловымъ и др. задачу, напечатаны въ XXI-й и XXII-й частяхъ „Трудовъ В. Э. О.“ Приложенные къ нимъ подробные разсчеты составляютъ драгоцѣнный матеріалъ для исторіи петербургскихъ цѣнъ 1770 годовъ, сколько мы знаемъ, еще не использованный.

ныхъ размѣровъ, развѣ самъ, лично, хлопочетъ о „превращеніи товара въ деньги"? Онъ или картинную галлерею собираетъ, или скаковыхъ лошадей держитъ, или учится летать на аэропланѣ—словомъ, предается какому-нибудь благородному занятію, создавать же матеріальный базисъ для этого благороднаго занятія—дѣло разной черняди, получающей болѣе или менѣе скромное вознагражденіе, въ родѣ управителя „его сіятельства графа N. N." Разница между богатымъ помѣщикомъ Екатерининскихъ временъ и теперешнимъ крупнымъ буржуа не въ ихъ индивидуальномъ, личномъ хозяйствѣ—а въ соціальной основѣ этого хозяйства. Одинъ эксплуатируетъ пролетаризованныхъ рабочихъ при помощи своего капитала: другой мелкихъ самостоятельныхъ предпринимателей, крестьянъ, при помощи своей власти надъ ними. Въ одномъ случаѣ мы имѣемъ экономическое принужденіе, въ другомъ внѣ-экономическое. Въ извѣстный моментъ второе должно было перейти въ первое—тогда понадобилось такъ называемое „освобожденіе крестьянъ", частичное открѣпленіе производителей отъ земли и орудій производства, предшествовавшее ихъ полной пролетаризаціи *). При Екатеринѣ II до этого было еще далеко—хотя появленіе первыхъ ласточекъ эмансипаціи все въ томъ же Вольномъ Экономическомъ Обществѣ тѣхъ же дней не менѣе характерно для эпохи, нежели вольнонаемный трубочистъ или вольнонаемный дворникъ графа N. N. Мы займемся этими идеологическими теченіями въ своемъ мѣстѣ—сейчасъ мы въ области объективнаго, а не субъективнаго. Новый феодализмъ второй половины XVIII вѣка сдѣлалъ еще шагъ впередъ, сравнительно со старымъ московскимъ. Мы помнимъ, что уже тогдашнее имѣніе не вполнѣ само себѣ довлѣло: оно жило не только для удовлетворенія непосредственныхъ потребностей своего владѣльца, а, отчасти, и для рынка. Но это еще не было раціонально поставленное хозяйство новѣйшаго типа: скорѣе это было своего рода „разбойничье земледѣліе"—параллель „разбойничьей торговлѣ" XI—XII вѣка. Помѣщикъ временъ Годунова добивался не правильнаго постояннаго дохода,—онъ стремился въ возможно болѣе короткое время извлечь изъ своего имѣнія возможно больше денегъ, дешевѣвшихъ годъ отъ году съ быстротой, способной навести панику на людей,

*) Въ Россіи глубоко закономѣрнымъ явленіемъ, въ этомъ отношеніи, является указъ 9 ноября 1906 г.—какъ нельзя быть болѣе логичное дополненіе къ „великой реформѣ" 19 февраля. За шумомъ политической борьбы эта логика не всѣми почувствовалась.

всѣ привычки которыхъ еще отдавали стоячимъ болотомъ натуральнаго хозяйства. Онъ спускалъ на рынокъ все, что могъ, и, оставшись въ одинъ прекрасный день на выпаханной и опустошенной землѣ съ разоренными крестьянами, онъ старался превратить въ товаръ хоть этихъ послѣднихъ— такъ какъ земли никто уже не покупалъ. Эта оргія наивныхъ людей, впервые увидавшихъ денежное хозяйство, должна была кончиться, какъ всякая оргія—тяжелымъ похмѣльемъ. Въ XVII вѣкѣ мы имѣемъ частичную реакцію натуральнаго хозяйства: но такъ какъ силы, разлагавшія это послѣднее вѣкомъ раньше, продолжали дѣйствовать и теперь, притомъ, чѣмъ дальше, тѣмъ больше, новый расцвѣтъ помѣщичьяго предпринимательства былъ только вопросомъ времени. А это время должно было быть тѣмъ короче, чѣмъ плотнѣе было населеніе помѣщичьей Россіи, во-первыхъ,—и чѣмъ тѣснѣе были ея связи съ Западной Европой, во-вторыхъ: ибо, какъ мы помнимъ опять-таки, опустѣніе центральныхъ уѣздовъ и разрывъ торговыхъ сношеній съ западомъ, благодаря неудачѣ Ливонской войны, въ сильнѣйшей степени способствовали обостренію аграрнаго кризиса конца XVI вѣка. Какъ разъ къ расцвѣту „новаго феодализма“, къ концу царствованія Елизаветы, обстоятельства въ обоихъ этихъ отношеніяхъ складывались для помѣщичьяго хозяйства необыкновенно благопріятно.

Петровскія войны, какъ мы видѣли, сильно разрѣдили очень увеличившееся къ концу XVII вѣка населеніе старыхъ областей московскаго государства: но слѣды этого опустошенія сгладились еще скорѣе, нежели слѣды Смуты. Петровская ревизія дала около 5.600.000 душъ мужескаго пола: черезъ двадцать лѣтъ—меньше одного поколѣнія—Елизаветинская ревизія, проводившаяся далеко не съ такою свирѣпостью, какъ первая, и давшая, навѣрно, гораздо большій процентъ „утечки“, зарегистрировала, тѣмъ не менѣе, 6.643,000 душъ. Первая Екатерининская ревизія, опиравшаяся исключительно на показанія самого населенія—т.-е., для дворянскихъ имѣній, на показанія самихъ помѣщиковъ и ихъ управляющихъ (въ первую минуту столь простой способъ счисленія, предложенный императрицею, ошеломилъ даже членовъ дворянскаго сената), дала, однако же, новое и очень значительное увеличеніе—7.363.000 душъ. Начиная съ четвертой ревизіи въ перепись вошли губерніи, раньше къ ней не привлекавшіяся, вслѣдствіе иной податной организаціи въ нихъ (Остзейскія и Малороссійскія), а также области, вновь пріобрѣтенныя

ГАЛЛЕРЕЯ, НАРѢЧЕННАЯ ВМѢСТИЛИЩЕ ЧУВСТВІИ ВѢЧНЫХЪ.
Въ саду Его Сіятельства Князя Александра Борисовича Куракина въ селѣ Его Надеждинѣ.

COLLONADE, NOMMÉE SEJOUR DES SENTIMENS ÉTERNELS.
Dans le jardin de Son Altesse le prince Alexandre Borissowitsch Kourakin à Nadejedino.

Галлерея, нареченная вмѣстилище чувствій вѣчныхъ.
Храмъ истины.

Село Надеждино, Сердобскаго уѣзда, Саратовской губерніи, когда-то вотчина князей Куракиныхъ, въ началѣ XX вѣка проданная благодаря «нестроеніямъ» 1905 г. обладало цѣннымъ архивомъ и глубокими воспоминаніями крупнаго помѣщичьяго быта XVIII-го столѣтія. При взглядѣ на прекраснодушную обстановку с. Надеждина, поскольку она можетъ быть представлена въ двухъ гравюрахъ, вспоминаются историческіе вкусы князя Бориса Ивановича Куракина, написавшаго «Гисторію о Петрѣ Алексѣевичѣ» съ замѣтками о бытѣ времени Петра. «Ненадобно сего забыть и описать, читаемъ у Б. Куракина, коимъ образомъ *потѣшной* былъ *патріархъ* учиненъ, и митрополиты, и другіе чины духовные изъ придворныхъ знатныхъ персонъ, которыя кругомъ его величества были, болѣе ко уничтоженію оныхъ чиновъ, а именно: былъ названной Матвѣй Филимоновичъ Нарышкинъ окольничей, мужъ глупой, старой и пьяной, которой названъ былъ патріархомъ; а архіереями названы были отъ разныхъ провинцій изъ бояръ нѣкоторые и протчіе другіе чины и дьяконы изъ спальниковъ. И одѣяніе было подѣлано нѣкоторымъ образомъ шутошное, а не такъ власное, какъ на прикладъ патріарху: митра была жестяная, на форму митръ епископовъ католицкихъ, и на ней написанъ былъ Бахусъ на бочькѣ, также по одѣянію партіи игрышные нашиты были; также вмѣсто панагеи фляги глинины надѣваны были съ колокольчиками. А вмѣсто евангелія была сдѣлана книга, въ которой нѣсколько стклянокъ съ водкою. И все состояло тамъ въ церемоніяхъ празднество Бахусово. И во время дня Вербнаго Воскресенія также процессія послѣ обѣда отправлялась на потѣшномъ дворѣ. Оной патріархъ шутошной былъ возимъ на верблюдѣ въ садъ набережной къ погребу фряжскому. И тамъ, довольно напившись, разъѣзжались по домамъ». И если, прибавляетъ Борисъ Куракинъ, вся церемонія вела «къ пьянству, и къ блуду, и всякимъ дебошамъ», то «славленіе» шуточнаго патріарха съ епископами «по всѣмъ знатнымъ дворамъ на Москвѣ, и въ слободѣ и у знатныхъ купцовъ съ воспѣніемъ обыкновеннымъ церковнымъ» было многимъ «безчастное и къ наказанію отъ шутокъ не малому: многіе отъ дураковъ были биваны, облиты и обруганы». Придворные дураки, пишетъ нашъ авторъ, издавна служили для забавы, а порою и для политики; въ придворные дураки брали обыкновенно изъ дворянъ. Упомянувъ о Д. Т. Долгорукомъ и Як. Тургеневѣ, Куракинъ называетъ извѣстнаго (между прочимъ изъ граверныхъ листовъ XVIII в.) дворянина Филата Шанскаго: «Сей пьяной человѣкъ, и мужикъ пронырливой, и употребленъ былъ за ушника, и при обѣдахъ, будто въ шуткахъ или въ пьянствѣ, на всѣхъ министровъ разсказывалъ явно, что кто дѣлаетъ, и кого обидятъ, и какъ крадутъ». Брали въ дураки и изъ знатныхъ персонъ, какъ напр., князя Шаховского. Послѣдній «былъ ума не малаго и читатель книгъ, токмо самый злой сосудъ и пьяной, и всѣмъ злодѣйство дѣлалъ, съ перваго до послѣдняго. И то дѣлалъ, что провѣдывалъ за всѣми министры ихъ дѣлъ; и потомъ явно изъ нихъ каждаго лаевалъ и попрекалъ всѣми тѣми ихъ дѣлами, чрезъ которой каналь его величество все вѣдалъ... И когда его величеству на котораго министра было досадно и чтобъ онаго пообругать, то при обѣдахъ и другихъ банкетахъ онымъ дуракамъ было приказано котораго министра или которую знатную персону напоить, и побить, и побранить; то тотчасъ чинили, и на оныхъ никому обороны давано не было». А что происходило на святкахъ, того и описать нельзя. «Отъ того начала ругательство началось знатнымъ персонамъ и великимъ домомъ, а особливо княже-

скимъ домомъ многихъ и старыхъ бояръ: людей толстыхъ протаскивали сквозь стула, гдѣ невозможно статься; на многихъ платье дирали и оставляли нагишемъ, иныхъ гузномъ яицы на лохани разбивали; инымъ свѣчи въ проходъ забивали; инымъ на ледъ гузкомъ сажали; иныхъ въ проходъ мѣхомъ надували, отчего единъ Мясной, думной дворянинъ, умеръ. Инымъ многія другія ругательства чинили. И сія потѣха святковъ такъ происходила трудная, что многіе къ тѣмъ днямъ пріуготовливалися какъ бы къ смерти». Такова была обстановка двора Преобразователя, описаніе которой было извлечено изъ Надеждинскаго архива князей Куракиныхъ. Авторъ описанія, князь Борисъ Куракинъ, человѣкъ большого образованія и наблюдательности описываетъ, какъ очевидецъ. Нельзя не замѣтить, что онъ съ большимъ зато сочувствіемъ говоритъ о сестрѣ Преобразователя Софьѣ, что она «была великаго ума и великой политикъ». «Правленіе царевны Софіи Алексѣевны началось со всякою прилежностію и правосудіемъ всѣмъ и ко удовольству народному, такъ что никогда такого мудраго правленія въ Россійскомъ государствѣ не было. И все государство пришло во время ея правленія, черезъ семь лѣтъ, въ цвѣтъ великаго богатства. Также умножилась коммерція и всякія ремесла; и науки почали быть возставлять латинскаго и греческаго языку; также и политесъ возставлена была въ великомъ шляхетствѣ и другихъ придворныхъ съ манеру польскаго — и въ экипажахъ, и въ домовномъ строеніи, и уборахъ, и въ столахъ». Потомки Бориса Куракина пошли еще дальше въ усвоеніи началъ западно-буржуазной культуры; и на далекой окраинѣ восточно-европейской равнины создали свой Версаль, хотя бы и нѣсколько на восточный образецъ, ибо всѣ эти постройки театровъ, храмовъ истины, справедливости, любови, галлерей, уголковъ и воздушныхъ садовъ создавались даровымъ трудомъ крѣпостного крестьянскаго люда. На помощь грубой крестьянской даровой крѣпостной рукѣ приходила кисть или рѣзецъ художника, живущаго въ воздухѣ либо меценатства, либо неволи... Вошло въ моду, какъ только развилось искусство перспективы, чертить всѣ эти прелести сельской жизни на бумагѣ. Гоняясь за пышными представительницами верховной власти въ XVIII вѣкѣ, богатѣйшія фамиліи заказывали художникамъ рисовать свои загородные и сельскіе дворцы; они рисовали прикрашенно и театрально, но все-таки уцѣлѣвшія до насъ гравюры въ указанномъ стилѣ передаютъ намъ характеръ былой помѣщичьей жизни и культуры, которыхъ мы не успѣли изучить какъ слѣдуетъ, а онѣ исчезли съ лица земли и только очень немногими единицами едва напоминаютъ о себѣ. Такъ и Надеждино въ позапрошломъ вѣкѣ было зарисовано В. Причетниковымъ и выгравировано на особыхъ доскахъ И. Ческимъ, при чемъ согласно манерности вѣка подпись на каждой гравюрѣ сдѣлана на русскомъ и французскомъ языкахъ съ прописаніемъ титула владѣльца и съ написаніемъ его съ большой буквы, какъ то было принято писать даже и позднѣе въ отношеніи царей земного и небеснаго.

В. Стор.

Храмъ Истинны
въ Саду Его Сіятельства Князя Александра Борисовича Куракина въ Селѣ Его Надеждинѣ.

Le Temple de la Verité
Dans le Jardin de son Altesse le Prince Alexandre Borissowitsch Kourakin à Nadejedino.

отъ Польши: для всей Россіи цифры получаются, такимъ образомъ, несравнимыя съ результатами трехъ первыхъ ревизій. Но уже въ 70-хъ годахъ (четвертая ревизія началась въ 1783 г.) кн. Щербатовъ считалъ въ границахъ Петровской Россіи около $8^1/_2$ милліоновъ душъ: другими словами, за полвѣка со смерти Петра населеніе увеличилось въ полтора раза. Абсолютныя цифры населенія еще ничего, конечно, сами по себѣ не говорятъ. Важнѣе отношеніе его къ территоріи. При средней плотности, для Европейской Россіи, 405 человѣкъ на квадратную милю (около 8 на квадратный километръ), въ концѣ царствованія Екатерины II нашлось 11 намѣстничествъ, гдѣ эта плотность превышала 1000 человѣкъ на кв. милю (20 на километръ) — т.-е. почти достигала средней плотности населенія теперешней Европейской Россіи, составляющей, какъ извѣстно, по даннымъ 1905 года, 25 человѣкъ на кв. километръ. То были губерніи: Московская, съ плотностью 2.403 человѣка на кв. милю (почти 50 на кв. километръ, т.-е. почти столько, сколько теперь въ центральныхъ земледѣльческихъ губерніяхъ — Курской, Рязанской, Тамбовской и т. д.), Калужская, Тульская и Черниговская— отъ 1.500 до 2.000 на кв. милю (отъ 30 до 40 на километръ, какъ теперешнія губерніи средняго Поволжья, Симбирская, Саратовская, Пензенская, Казанская), Рязанская, Курская, Кіевская, Орловская, Харьковская, Ярославская и Новгородъ-Сѣверская—отъ 1.000 до 1.500 на милю, или отъ 20 до 30 на кв. километръ (плотнѣе нынѣшней Самарской и области войска Донского и немного ниже теперешнихъ Минской или Смоленской) *).

На населенность Московской губерніи долженъ былъ оказывать извѣстное давленіе городъ Москва—но не столь, однако, сильное, какъ можетъ показаться: въ концѣ XVIII столѣтія въ Москвѣ было не болѣе 250 тысячъ жителей. Еще меньше могло сказаться вліяніе городскихъ центровъ на населенности такихъ губерній, какъ Калужская или Рязанская. Даже уменьшивъ плотность населенія Московской губерніи на $^1/_5$, мы получимъ до 40 человѣкъ на квадратный километръ чисто земледѣльческаго населенія. Въ наше время губерніи съ такою плотностью страдаютъ уже отъ малоземелья: полтораста лѣтъ назадъ не могло быть иначе. Вотъ что писалъ, въ 70-хъ годахъ, Щербатовъ о Московской губер-

---

*) Цифры для XVIII вѣка взяты у Шторха, „Historisch-Statistisches Gemälde des russischen Reichs", Riga, 1797, B. I, S. 325–6.

ніи петровскаго раздѣленія—включавшей въ себѣ позднѣйшія Ярославскую, Костромскую, Владимірскую, Тульскую, Калужскую и Рязанскую: „По причинѣ великаго числа народа, населяющаго сію губернію (Щербатовъ въ ней считалъ 2.169.000 душъ), многія деревни такъ безземельны остаются, что ни съ какимъ прилежаніемъ не могутъ себѣ на пропитаніе хлѣба достать, и для того принуждены другими работами оный сыскивать. По той же причинѣ многонародіе лѣса въ сей губерніи весьма истребило, и въ полуденныхъ провинціяхъ ихъ столь мало стало, что съ нуждою на протопленіе имѣютъ". Въ то же самое время, въ Нижегородской губерніи были „многія великія села и волости", которыя, вслѣдствіе недостатка земли, „упражняясь въ рукодѣліяхъ, промыслахъ и торговлѣ", не имѣли даже огородовъ *). Вольное Экономическое Общество при самомъ своемъ основаніи пожелало собрать свѣдѣнія объ экономическомъ положеніи различныхъ областей Россіи—и въ первой же книжкѣ его „Трудовъ" былъ напечатанъ весьма обширный и детально разработанный планъ анкеты, заключавшій въ себѣ 65 вопросовъ, „касающихся до земледѣлія". Это было, для своего времени, очень крупное и раціонально задуманное предпріятіе—если бы оно удалось вполнѣ, мы имѣли бы нѣчто въ родѣ моментальной фотографіи аграрныхъ отношеній, существовавшихъ въ Россіи около 1765 года. Къ сожалѣнію, полученные обществомъ отвѣты охватываютъ лишь меньшую часть тогдашнихъ провинцій—притомъ, не всѣ они напечатаны въ „Трудахъ", а въ напечатанныхъ есть пробѣлы. Тѣмъ не менѣе, ничего столь полнаго мы не имѣемъ ни для предшествующей эпохи, ни даже для послѣдующихъ, вплоть до того времени, когда появились работы „редакціонныхъ комиссій" 50-хъ годовъ. Намъ въ дальнѣйшемъ не разъ придется прибѣгать къ даннымъ этой анкеты. Пока отмѣтимъ, что по интересующему насъ вопросу объ относительномъ перенаселеніи отвѣты корреспондентовъ Вольнаго Экономическаго Общества вполнѣ подтверждаютъ слова Щербатова. „Сколько я примѣтить могъ,—писалъ изъ Каширскаго уѣзда знакомый намъ Болотовъ,—то во многихъ мѣстахъ здѣшняго уѣзда болѣе способныхъ работниковъ, нежели земли къ дѣленію способной. Почему многіе помѣщики отъ времени до времени вывозятъ крестьянъ своихъ въ Воронежскую и Бѣлогородскую губерніи, и селятъ въ степныхъ уѣздахъ". „Въ здѣшней провинціи про-

*) Щербатовъ, сочин., т. I, стр. 480 и 492.

тиву пашенной земли земледѣльцевъ гораздо больше“, категорически заявлялъ корреспондентъ изъ Переяславля Залѣсскаго. Притомъ „крестьяне опричь земледѣлія никакихъ промысловъ другихъ не имѣютъ“: здѣсь, такимъ образомъ, мы имѣемъ очень чистую форму избыточнаго населенія, которому ничего не остается, какъ уйти, если оно не хочетъ умирать съ голоду. Избытокъ отмѣчается во всѣхъ центральныхъ провинціяхъ: въ Рязанской, Калужской, Владимірской и Тверской *). Его нѣтъ только въ южныхъ и восточныхъ пристепныхъ областяхъ: хотя уже въ Украинской-слободской провинціи (нынѣшней Харьковской губерніи) „пашенныя земли съ числомъ земледѣльцевъ состояли въ равновѣсіи“. А въ Сумской провинціи (теперь уѣздъ той же харьковской губерніи) „земли противъ числа людей“ было даже „умѣренно, и излишества ни въ чемъ не предвидѣлось“. Наконецъ, въ сѣверныхъ провинціяхъ—Вологодской, Галицкой, около Онежскаго озера—земли, правда, было, сколько хочешь, но лишь ничтожная часть ея была распахана, такъ что малоземелье давало себя чувствовать и здѣсь **).

Кашинскій корреспондентъ Вольнаго Экономическаго Общества даетъ намъ чрезвычайно изобразительную картину разложенія земледѣльческой Россіи по мѣрѣ того, какъ плодилось земледѣльческое населеніе. Нѣтъ нужды, что онъ самъ плохо улавливаетъ связь явленій, и склоненъ большую долю возложить на Господа Бога, который урожаю не послалъ, да на лѣность крестьянъ, не сумѣвшихъ во-время приноровиться къ Божьему насланію. Въ прежнее время большая часть кашинскихъ крестьянъ, „не выходя съ роду ни ногою изъ своего уѣзда, питалась единственно хлѣбомъ, просто сказать, такъ, какъ онъ самъ родился, не заботясь о приведеніи земли къ лучшему хлѣбородію, что имъ удавалось; ибо продолжавшіеся до 1762 года сухіе годы и, слѣдовательно, по здѣшней низменной землѣ хорошіе урожаи довольно снабжали ихъ какъ хлѣбомъ, такъ и для скота кормомъ, а они, обнадѣясь на то, и употребляли всѣ свои мысли единственно къ обработыванію той земли, коя ихъ питала, не пріумножая вновь. Но когда же съ 1762 года сдѣлались почти всегда дождливыя лѣта, и низкія пашни отъ долго на оныхъ стоявшей воды начали вымокать, а старая

*) См. „Труды В. Э. О.,“ II, стр. 197, VII, стр. 75 и 105, XII, стр, 112, XI, стр. 113, XXVI, стр. 69 и сл.

**) id. VIII, стр. 95 и 213, X, стр. 92, XXIII, стр. 168 и др.

земля выпахиваться, то и хлѣбы стали хуже родиться. Однако, крестьяне пробавились еще годъ или два старыми сѣменами, неурожаи не переставали, но еще болѣе умножались; наконецъ хлѣба у нихъ не стало, они принялись за скотъ, но который къ пущему несчастію неоднократно помиралъ повѣтріемъ, что ихъ и послѣдняго лишило пропитанія. Они стали мало содержать скота, слѣдовательно и земля навозу прежняго получать не стала, вспашка отъ дурныхъ лошадей и бороньба также перемѣнилась, и пашня сдѣлалась еще хуже; при всемъ томъ они никакихъ средствъ не предпринимали, перебивались съ копѣйки на копѣйку, а все дома сидѣли, и почитали за страхъ ходить по землямъ куда-нибудь въ большіе города работать, и тѣмъ доставать себѣ хлѣбъ и деньги. Напослѣдокъ, когда многіе помѣщики зачали ихъ къ тому принуждать, то вступили они въ походъ; но и тамъ, какъ люди незнаемые и не заобыкновенные мало получали барышей или привыкнувши къ вольной городской жизни, а лучше сказать къ пьянству, отъ хлѣбопашества зачали отставать“ *).

Итакъ, первое, что умѣли сдѣлать помѣщики съ избыточнымъ населіемъ своей крѣпостной деревни, это — выгнать лишніе рты въ городъ на заработки. Общественное мнѣніе хорошихъ хозяевъ тѣхъ временъ этого отнюдь не одобряло, — помѣщикъ считался какъ бы обязаннымъ найти своему крѣпостному работу на мѣстѣ. Кн. Щербатовъ развитіе отхожихъ промысловъ прямо связываетъ съ развитіемъ, какъ среди помѣщиковъ, такъ и среди самихъ крестьянъ, „сластолюбія“: „сластолюбіе обыкновенно влечетъ за собою лѣность, а лѣность людей ослабляетъ въ земледѣльческой работѣ“. Неодобрительную нотку въ сужденіяхъ кашинскаго корреспондента Вольнаго Экономическаго Общества читатель уже замѣтилъ, конечно. Но неодобреніе не могло устранить объективнаго факта: баринъ требовалъ оброка и, въ поискахъ денегъ, крестьянинъ „выступалъ въ походъ“, изъ деревни въ городъ. О размѣрахъ „похода“ даютъ представленіе цифры, собранныя историкомъ русской фабрики. Въ Ярославской губерніи было взято паспортовъ:

въ	1778 г.	53.656
„	1788 „	70.144
„	1798 „	73.663

*) Ibid. XXVI, стр. 24—25.

„Мужчинъ въ Ярославской губерніи по 5 ревизіи (1796 г.) было 385.008. Такимъ образомъ, въ концѣ XVIII вѣка около 20 % всего мужского населенія Ярославской губ. уходило на заработки на сторону—иначе говоря, болѣе 1/3 взрослаго мужского населенія занималось неземледѣльческими отхожими промыслами". *)

Несимпатизировавшій явленію кн. Щербатовъ даетъ въ одномъ мѣстѣ картину его конечныхъ результатовъ—не менѣе наглядную, чѣмъ изображенная кашинскимъ помѣщикомъ. „Если мы возьмемъ одну Москву,—писалъ онъ въ 1788 г.,—и разсмотримъ разныхъ мастеровыхъ, живущихъ и приходящихъ въ оную, то ясно увидимъ, какъ число ихъ пріумножилось. Двадцати лѣтъ тому не прошло, весь Каретный рядъ вмѣщался за Петровскими воротами по земляной оградѣ на большой улицѣ, а нынѣ не только уже многія лавки распростерлись внутрь Бѣлаго города, и взаворотъ въ обѣ стороны по земляному городу, но и въ другихъ улицахъ множество есть такихъ сараевъ для продажи каретъ, не считая, сколько нѣмцевъ каретниковъ въ Москвѣ въ разныхъ мѣстахъ кареты дѣлаютъ и продаютъ. Хлѣбники были весьма рѣдки; нынѣ почти на всякой улицѣ вывѣски хлѣбниковъ видны. Кирпичу въ годъ дѣлалось врядъ до 5 милліоновъ, нынѣ дѣлается до 10 милліоновъ; строенья (т.-е. стройки) были рѣдки и много какъ въ Москвѣ прежде когда 20 домовъ строилось, а нынѣ нѣтъ почти улицы, гдѣ бы строенія не производилось. Всѣ таковые промыслы требуютъ людей, или навсегда пребывающихъ, или приходящихъ на время лѣтнее, яко кирпичниковъ, каменщиковъ, штукатуровъ, плотниковъ, столяровъ и проч.; а всѣ сіи люди, удвоившіеся или утроившіеся на лѣтнее время, оставляютъ свои дома и земледѣліе, чтобы, не способствуя къ произращенію пропитанія, быть истребителями съѣстныхъ припасовъ". **) Но Щербатовъ могъ бы утѣшиться: рядомъ съ неземледѣльческимъ, тѣ же причины создавали земледѣльческій отходъ. Описывая въ своей „статистикѣ" Бѣлогородскую губернію (соединявшую въ себѣ части теперешнихъ Курской и Орловской), онъ говоритъ: „великое число земель и легкая работа, даютъ способъ земледѣльцамъ великое число земли запахивать, такъ что въ многихъ мѣстахъ они четверть жатвы своея отдаютъ приходящимъ изъ московской губерніи

*) Туганъ-Барановскій, „Русская фабрика", изд. 2-ое, т. I, стр. 47—на основаніи данныхъ архива Вольн. Эконом. Общ.

**) Сочин., т. I, стр. 632—633.

за то, что сіи имъ помогаютъ хлѣбъ ихъ убрать". Это извѣстіе цѣликомъ подтверждаетъ, для крайняго юга тогдашней московской губерніи, Каширскаго уѣзда, Болотовъ, добавляющій любопытную подробность: на работу въ степь ходили преимущественно женщины, а осенью ихъ мужья отправлялись, иногда за сотни верстъ, съ телѣгами, чтобы забрать хлѣбъ, наработанный въ теченіе лѣта ихъ женами. Одного этого маленькаго факта достаточно, чтобы видѣть, насколько екатерининская Россія не была уже страной натуральнаго хозяйства.

Выгнать крестьянина на заработки въ городъ было, конечно, самымъ простымъ для помѣщика способомъ извлечь пользу изъ своихъ „лишнихъ людей". Для этого ничего, кромѣ нѣкоторой энергіи съ его стороны, не требовалось. Но мы видѣли, что хорошіе хозяева не сочувствовали такому способу извлеченія дохода изъ крестьянъ—и, съ помѣщичьей точки зрѣнія, они были правы. „Гдѣ селянинъ навыкаетъ тѣмъ порокамъ, которые ему больше должны быть чужды, нежели кому другому въ гражданскомъ состояніи пребывающему?" вопрошаетъ своего читателя знакомый намъ Швитковъ. „Гдѣ онъ научается роскоши, гдѣ вольнодумству, гдѣ высокомѣрію, какъ не въ городахъ? По природной своей простотѣ онъ скорѣе, нежели кто другой, по самому первому побужденію къ тому, имѣетъ поползновеніе; а сіе, я думаю, потому больше дѣлается, что онъ живетъ не въ природномъ своемъ мѣстопребываніи, но на сторонѣ, а потому и на волѣ, которая, какъ обыкновенно, всякаго почти портитъ". „...Пристойно ли, и сходно ли съ гражданственнымъ всего народа состояніемъ, не скажу по большей части, но весь свой вѣкъ, жить крестьянину въ городѣ, и однимъ городскимъ промысломъ наживая себѣ многія тысячи денежной суммы, отнимать чрезъ то у городскихъ жителей способъ къ подобной промышленности, оставлять въ пустѣ свою пашню, между всѣмъ тѣмъ по союзу со своими земляками въ селахъ пребывающими, переносить къ нимъ вѣсти о нуждахъ градскихъ...?" „Посему едва-ли не настанетъ уже та необходимость, чтобы крестьянъ отъ всѣхъ ихъ привилегированныхъ постороннихъ промысловъ возвратить въ природный сельскихъ ихъ должностей кругъ, или по крайней мѣрѣ поставить ихъ въ извѣстную и надежную въ томъ ограниченность..." Швитковъ предвидѣлъ возраженіе, что нельзя же всѣхъ крестьянъ посадить на землю, потому, что въ такихъ мѣстахъ, какъ Кашинскій уѣздъ, напримѣръ,

у земли имъ всѣмъ не найдется работы. Но у него на это былъ готовъ отвѣтъ. „Я всегда держусь того мнѣнія,—писалъ онъ,—что изъ нихъ (поселянъ) и тѣ семьи, которыя поселены на невыгодной хлѣбородіемъ землѣ, по изволенію своихъ господъ могутъ быть заняты въ собственныхъ своихъ обиталищахъ многими упражненіями, полезными и для себя самихъ, и для своихъ господъ, и для своего государственнаго общества". *) Дальнѣйшей, по интенсивности, ступенью эксплуатаціи избыточнаго населенія, являлось развитіе въ деревнѣ промысловъ. Въ Кашинскомъ уѣздѣ ко времени анкеты Вольн. Экономич. Общества эта ступень была уже достигнута. „Нѣтъ почти ни одного помѣщичьяго дома,—говоритъ цитированный нами выше (стр. 91) авторъ,—гдѣ бы не было нѣсколько ткачей для тканія полотенъ, которыя бываютъ по осмидесяти и по девяносту пасмъ, и въ Москвѣ продаются аршинъ по пятьдесятъ и по шестьдесятъ копѣекъ; многіе помѣщики симъ большіе барыши получаютъ". „Впрочемъ, прядутъ здѣсь столько, сколько въ силахъ выпрясть",—говоритъ онъ же въ другомъ мѣстѣ о кашинскихъ крестьянахъ,—„и пряденье не за недостаткомъ льну не пріумножается, но въ помѣщичьихъ домахъ не достаетъ иногда льну по причинѣ многихъ ткачей: однако тамъ покупаютъ на ростовской ярмаркѣ пряжею, а иногда и льномъ, какъ лучше разсудится". „Прилежныя, трудолюбивыя женщины" пряли „прикупной ленъ" и въ Вологодскомъ уѣздѣ. „Когда своего льна нѣтъ, что часто случается", пишетъ Болотовъ о Каширскомъ уѣздѣ, „то покупается онъ отъ постороннихъ". И здѣсь, кромѣ грубой крестьянской холстины, которая, однако, охотно разбиралась весною „по ярмаркамъ и торгамъ городскимъ", существовали помѣщичьи холстопрядильни: „въ нихъ дворовыя бабы и дѣвки прядутъ довольно тонко, и обученные ткачи ткутъ полотна, которыя аршинъ по 20, 30 и по 40 коп. продается, и мнѣ случалось такую видѣть, за которую охотники по 70 коп. аршинъ давали" (тогда какъ цѣна крестьянскаго холста была отъ 2 до 3½ коп. аршинъ). Тканье холста на продажу засвидѣтельствовано анкетой и для цѣлаго ряда другихъ провинцій и уѣздовъ: Калужской, Владимірской, Переяславль-Залѣсской, Рязанской, Олонецкой. Пряли, по большей части, изъ своего, непокупного льна: но мѣстами, въ Калужской провинціи, напримѣръ, его тоже на-

*) „Труды В. Э. О.", ч. LXII, стр. 157, 137, 140.

чинало уже не хватать, и если его еще не покупали, то только потому, что не было подвоза изъ другихъ мѣстъ. *)

Нѣсколько цифръ дадутъ понятіе о размѣрахъ этой отрасли домашней индустріи въ екатерининское время. Тверская губернія 1780-хъ годовъ вывозила на продажу ежегодно не менѣе 10 милліоновъ аршинъ холста: а въ 1879 году тою же Тверской губерніей вывозилось не болѣе 16 милліоновъ аршинъ. Торговое значеніе холстоткачества увеличилось за сто лѣтъ всего на 60%, и уже при Екатеринѣ II оно достигало здѣсь двухъ третей того, что давала Тверская губернія при Александрѣ II. **) Но относительное значеніе промысла было несравненно выше того, что могутъ показать абсолютныя цифры. *Пеньковыя и льняныя ткани были главной статьей русскаго мануфактурнаго вывоза за границу*—и одной изъ главныхъ статей этого вывоза вообще. Въ 1793—95 годахъ средній отпускъ ихъ изъ Россіи достигалъ 14.614.000 аршинъ въ годъ, на сумму 4.285.000 рублей тогдашнихъ (около 10 милліоновъ рублей теперешнихъ)—и онъ былъ такъ же великъ уже за тридцать лѣтъ раньше: въ 1769 году издѣлій изъ льна и пеньки (не считая канатовъ, веревокъ и т. д.) было вывезено на 1.935.000 рублей; но рубль 60-хъ годовъ былъ *втрое* больше, по своей покупной силѣ, рубля 90-хъ годовъ: въ переводѣ на современныя деньги вторая цифра даетъ даже больше первой—отъ 13 до 14 милліоновъ рублей. А весь вывозъ 1769 г. составлялъ всего 14.866.000 рублей тогдашнихъ—около 100 милліоновъ теперешнихъ. ***)

Мы употребили выраженіе „домашняя индустрія“ нѣсколько въ фигуральномъ смыслѣ. У Болотова мы встрѣчаемъ и настоящую „систему домашняго производства“, съ переходомъ даже къ фабричной системѣ: крестьянки въ окрестностяхъ Серпухова брали пеньку и паклю съ парусинной

---

*) Труды В. Э. О., XXVI, стр. 8—9 и 80.; XXIII, 274—75; II, 205—7; XI, 117; XII, 113—114, VII, 78—79 и 107; XIII, 40.

**) *Туганъ-Барановскій*, цитиров. сочин., стр. 54.

***) В. И. *Семевскій* считаетъ русскій рубль 1760-хъ годовъ лишь въ *четыре* раза больше теперешняго (или вѣрнѣе, рубля 1880-хъ годовъ). А такъ какъ несомнѣнно, что за царствованіе Екатерины II цѣна мѣднаго или ассигнаціоннаго рубля упала *втрое*, то рубль 90-хъ г.г. оказывается равнымъ 1 р. 30 коп., въ переводѣ на цѣны времени Александра III. Мы считаемъ оцѣнку слишкомъ низкой уже по одному тому, что около 1750 года рубль Елизаветы Петровны былъ не меньше, какъ въ 8 разъ крупнѣе рубля 1880-хъ годовъ. Между тѣмъ, никакой катастрофы, которая бы уронила рубль за 10—15 лѣтъ вдвое, экономическая исторія этихъ лѣтъ не знаетъ. Сравнивая цѣны на *рожь* по даннымъ анкеты В. Э. О. (таблицу см. ниже) съ цѣнами ржи 1890-хъ годовъ, мы получили отношеніе 7:1, которымъ и пользуемся. Цифры вывоза см. у *Шторха*, доп. томъ, стр. 34—38.

Ломоносовъ.
(1711—1765).

Портретъ Ломоносова представленъ въ литературѣ очень многими гравюрами, но въ основѣ послѣднихъ находимъ преимущественно два крупныхъ варіанта: одинъ, представляемый здѣсь, и другой, снимокъ съ котораго помѣщенъ въ XVII главѣ второго тома «Исторіи русской литературы», издаваемой т-омъ *Міръ*. Ломоносовъ — первый русскій химикъ и натуралистъ, истинный сынъ бурной петровской эпохи, получившій сознательное воспитаніе въ *нѣмецкой* школѣ и ставшій горячимъ гонителемъ *нѣмца* въ русской академіи. Ломоносовъ — «первый русскій университетъ» и вмѣстѣ, какъ полагается яркой звѣздѣ невозвратнаго русскаго прошлаго, большой любитель «Бахуса». Ломоносовъ — и въ этомъ прежде всего его величіе — вышелъ изъ *народа* въ чистомъ смыслѣ этого слова; на немъ нѣтъ прокаженной печати верховъ тогдашняго русскаго общества съ его холопствомъ, страстнымъ пожираніемъ крѣпостного труда и буржуазными низостями элементарнаго капиталиста; это не значитъ, конечно, чтобъ время не наложило на него въ Петербургѣ извѣстнаго отпечатка, но простымъ русскимъ мужикомъ съ запахомъ водки и «курной избы» онъ остался навсегда. Тогда трудно было прожить безъ покровителя, и такимъ покровителемъ для Ломоносова былъ Ив. Ив. Шуваловъ. Тѣмъ не менѣе, какъ бы по старой мужицкой привычкѣ, онъ въ минуты, когда нѣмцы требовали для него «наказанія на тѣлѣ и лишенія состоянія», кричалъ, что скорѣе можно отставить отъ Ломоносова академію, чѣмъ Ломоносова отъ академіи. Боролся онъ съ нѣмцами въ академіи бурно и страстно, лелѣя мечту объ академіи безъ нѣмцевъ, объ академіи изъ *русскихъ* ученыхъ. Мечту надо признать почтенной, но для его времени нѣсколько поспѣшной, и ея цѣнность скорѣе заключается въ требованіи критики нѣмца-академика. Нельзя же преклоняться передъ академикомъ только по той причинѣ, что онъ нѣмецъ, и не примѣчать въ немъ отбросовъ нѣмецкой цивилизаціи. Какъ въ Нѣмецкую слободу въ Москвѣ чаще попадали отбросы нѣмецкаго военнаго люда, нетерпимые у себя на родинѣ, такъ и составъ петербургской академіи не обошелся безъ нѣмца-прохвоста и тупоумнаго бездарнаго буквоѣда. И тѣмъ не менѣе нельзя ни на минуту забывать, что Ломоносова сдѣлала ученымъ нѣмецкая школа. Любопытно, что этотъ страстный борецъ противъ нѣмцевъ на родинѣ, будучи въ Марбургѣ, женился на нѣмкѣ, чуть ли, если выражаться по старинному, не на мастеровой мѣщанкѣ. Въ наукѣ Ломоносовъ видѣлъ россійское спасеніе отъ всѣхъ золъ, въ этомъ онъ не ошибался, но, къ сожалѣнію, не всякій административный выскочка по департаменту бюрократическаго просвѣщенія признаетъ эту истину 200 лѣтъ спустя со дня рожденія великаго русскаго мужика. Ломоносовъ прямо сказалъ, что «распространеніе наукъ въ отечествѣ» ему «всего дороже». У Ломоносова было своего рода неотъемлемое право сражаться съ нѣмцами, ибо въ его рукахъ было «нѣмецкое» оружіе, которымъ онъ владѣлъ и совершенно и сознательно, не будучи пошлымъ крикуномъ изъ состава націоналистовъ-ненавистниковъ. Едва-едва назначили Ломоносова профессоромъ химіи, и въ этомъ званіи онъ и умеръ, но по этому офиціальному званію еще нельзя судить объ объемѣ его дѣятельности. Можно припомнить только, что за четверть вѣка до Лавуазье онъ рѣшительно высказался по адресу такъ называемой теоріи флогистона, разбилъ объясненія Роберта Бойля и высказалъ одинокій тогда взглядъ на роль «тяжелыхъ частицъ воздуха», уподобивъ ее той роли, которую играетъ при сжиганіи металловъ «въ пламени сѣры» «кислота сѣры», увеличивающая эти металлы въ объемѣ и вѣсѣ и проникающая въ ихъ поры. Но Ломоносовъ удачно и достовѣрно самъ можетъ сказать о своей дѣятельности. Въ 1753 г. онъ писалъ Ив. Шувалову такія строки: «Кто по своей профессіи читаетъ лекціи, дѣлаетъ опыты новые, говоритъ публично рѣчи и диссертаціи (на академическихъ актахъ) и внѣ оной сочиняетъ разные стихи и проекты къ торжественнымъ изъявленіямъ радости, составляетъ правила къ краснорѣчію на своемъ языкѣ и исторію своего оте-

чества, отъ того я ничего больше требовать не имѣю». Да, это очень много, и время Ломоносова не таково было, чтобъ понимать, что великій химикъ можетъ быть сквернымъ политикомъ, что методы химіи и исторической науки не одно и то же и что «торжественныя изъявленія радости» въ интересахъ офиціальныхъ высотъ въ сущности некрасивая измѣна чистотѣ служенія народу. Человѣкъ не можетъ быть знатокомъ всеобъемлющимъ, даже въ половинѣ XVIII вѣка это уже было невозможностью, но Ломоносовъ долженъ былъ сдѣлаться мастеромъ на всѣ руки по условіямъ тогдашней русской дѣйствительности: тогда существовалъ рядъ запросовъ на многое, а людей не было. Разносторонность и разбросанность въ дѣятельности Ломоносова—черта его времени, а его личность должна была сдѣлаться несчастной носительницей этой черты; есть и еще одна черточка русской жизни вообще, а не одной ломоносовской эпохи: русскій человѣкъ почти никогда не имѣетъ возможности заниматься, чѣмъ хочетъ, чѣмъ можетъ, что любитъ и къ чему наиболѣе склонны его способности. Такъ было и съ Ломоносовымъ: «физическія, химическія и механическія» работы, оды и диѳирамбы, россійскіе стиль, слогъ и грамматика, россійская исторія, школьная политика, апоѳеозъ Пе́тра, патріотическія авантюры и т. п.—все это на рукахъ Ломоносова, который ни отъ чего не отказывался, ибо, какъ признавался нашъ герой, Промыслъ «не лишилъ меня дарованія и прилежанія въ ученіи, далъ терпѣніе и благородную упрямость и смѣлость къ преодолѣнію всѣхъ препятствій къ распространенію наукъ въ отечествѣ». Это — сильный языкъ сѣвернаго русскаго мужика, котораго воспитала величественная, суровая и угрюмая природа, богатая своеобразными красотами. Изучать Ломоносова внѣ природы, его окружавшей въ дѣтствѣ, внѣ исторической обстановки, среди которой онъ прожилъ, значитъ совсѣмъ не понимать *болвана*, который почти въ двадцать лѣтъ пришелъ по-латыни учиться... И какъ то непріятно теперь читать жалобы этого сѣвернаго великана на «безсиліе человѣка» въ «одѣ выбранной изъ книги Іова» или въ «Вечернихъ размышленіяхъ», или надутые восторги предъ офиціальными торжествами. Но когда отъ офиціальнаго патріотизма Ломоносовъ попадаетъ въ свою сферу народнаго созерцанія и бросаетъ въ дальній ящикъ «кровавыя поля» съ Марсомъ и трепетнаго отъ «россійскаго флага» Нептуна, тогда растутъ и наши впечатлѣнія и наше удивленіе передъ мужицкимъ героемъ:

Дерзайте нынѣ ободренны
Раченьемъ вашимъ показать,
Что можетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
Россійская земля рождать.

Въ «Гимнѣ бородѣ» Ломоносовъ выступилъ рѣзкимъ врагомъ всѣхъ противниковъ преобразовательной работы Петровской эпохи и главнымъ образомъ раскольниковъ. Его сатира бьетъ здѣсь безъ достаточной критики, обнаруживая черезчуръ много вѣры въ роль отдѣльной созидающей личности: эта недостаточно скромная вѣра — опять отголосокъ его времени и тогдашнихъ настроеній. Но все это матеріалъ не для критики, а для воспроизведенія историческаго момента; разнообразныя цвѣтовыя полосы на Ломоносовѣ, сливаясь вмѣстѣ, даютъ превосходный спектръ второй и третьей четверти позапрошлаго вѣка. Ломоносовъ превосходно даетъ намъ понять, что всякое даже малѣйшее прикосновеніе самобытной натуры къ разлагающему очагу офиціальнаго центра не проходитъ безслѣдно для нея, этотъ центръ всегда губителенъ, отъ него надо спасаться и бѣжать въ непосредственную глубину народной массы, которую необходимо насквозь пропитать лучами истиннаго знанія...

Науки юношей питаютъ,
Отраду старымъ подаютъ,
Въ щастливой жизни укрощаютъ,
Въ нещастный случай берегутъ,
Въ домашнихъ трудностяхъ утѣха,
И въ дальнихъ странствахъ не помѣха;
Науки пользуютъ вездѣ:
Среди народовъ и въ пустынѣ,
Въ градскомъ шуму и наединѣ;
Въ покоѣ сладки и въ трудѣ.

В. Стор.

„РУССКАЯ ИСТОРІЯ". Изд. Т-ва „МІРЪ".

фабрики и пряли „въ домахъ своихъ за заплату“. Но и тамъ, гдѣ ленъ покупался или раздавался помѣщикомъ, а потомъ холстина ему же отдавалась въ видѣ оброка, разница съ домашней промышленностью была больше юридическая, чѣмъ экономическая. Крестьянинъ эксплуатировался уже, какъ современный намъ кустарь, только поле эксплуатаціи было сужено: эксплуататоромъ являлся не экономически сильнѣйшій, а тотъ, кто имѣлъ надъ крестьяниномъ власть, и могъ его принудить отдать свой продуктъ внѣэкономическимъ путемъ. Съ другой стороны, дворовыя женщины и дѣвушки, ткавшія въ барской усадьбѣ полотна высшихъ сортовъ, очевидно, были зародышемъ настоящей мануфактуры, отличавшейся отъ западно-европейской, опять-таки, только юридическимъ положеніемъ работника. То, что Петръ напрасно старался вызвать къ жизни, уничтожая конкурировавшаго съ мануфактурою кустаря чуть не при помощи осаднаго положенія, теперь росло само собою изъ того же самаго крѣпостного кустарничества. Наглядную схему превращенія маленькаго домашняго заведенія въ небольшую фабричку даетъ современникъ Швиткова и его соперникъ по соисканію преміи отъ Вольнаго Экономическаго Общества, орловскій помѣщикъ Погодинъ. Онъ совѣтуетъ своимъ собратьямъ заводить на первое время „таковыя рукомесла, фабрики, заводы и прочія работы—самыя небольшія“, и рисуетъ такую примѣрную картину. „Помѣщикъ, имѣющій сто душъ ревижскихъ, можетъ завести фабрику на первый случай не болѣе 5 или 6 становъ и бичевую прядильню, и какъ уже не безъизвѣстно всякому (!), что на сихъ обѣихъ работахъ могутъ заниматься отъ 10 и до 15 лѣтняго возраста крестьянскія дѣти обоего пола, подъ надзоромъ совершеннаго возраста людей, и которые къ тяжелой полевой работѣ не такъ еще привыкли и способны и по большей части больше бываютъ праздны...“ *) Подозрѣвавшійся историками въ наклонности къ натуральному хозяйству, помѣщикъ начала XIX вѣка, какъ видимъ, не хуже своего современника, англійскаго капиталиста, умѣлъ понять, какъ выгодно эксплуатировать дѣтскій трудъ. Мало того,—онъ постигалъ уже, что однимъ „внѣэкономическимъ принужденіемъ въ этомъ случаѣ не обойдешься, и предлагалъ назначить маленькимъ работникамъ денежную плату, — настолько, впрочемъ, безобидную для помѣщика, что послѣдній при этомъ

*) „Труды“, LXII, стр. 179—180.

получалъ „втрое или вчетверо“ болѣе, нежели отъ оброка— т.-е. отъ отхожихъ промысловъ своихъ крестьянъ. Въ 1809 г., нужно прибавить, Погодинъ врядъ ли кому говорилъ что-нибудь новое. Рядомъ съ нимъ, Швитковъ ссылается на помѣщичьи фабрики, какъ на нѣчто прочно укоренившееся—и нужно посмотрѣть, съ какимъ торжествомъ онъ о нихъ говоритъ. „По помѣстьямъ и дѣйствительно есть многія таковыя заведенія, и существуютъ уже нѣсколько лѣтъ, не приходя ни мало въ упадокъ, между тѣмъ какъ по городамъ на нашей уже памяти скоропостижно возникшіе разнаго рода фабрики и заводы, существовавшіе весьма краткое время, скоропостижно упали. Суконныя и другія фабрики князя Юсупова, состоящія въ его помѣстьяхъ, какъ извѣстнѣйшія всему обществу, могутъ служить ближайшимъ всему сказанному въ сей статьѣ примѣромъ. Подрядчики и самыя казенныя мѣста, по близости тѣхъ заводовъ и фабрикъ состоящія, съ какою выгодою получаютъ отъ нихъ издѣлія ихъ, то докажутъ всегда они сами“. Что послѣ извѣстнаго намъ указа 1762 года, запретившаго покупать деревни къ фабрикамъ, не-дворянамъ было трудно основывать новыя промышленныя предпріятія, и крупная индустрія въ силу вещей стала дворянскимъ дѣломъ, объ этомъ еще за 10 лѣтъ до Швиткова, какъ о дѣлѣ общеизвѣстномъ, писалъ Шторхъ. Но законъ шелъ въ направленіи экономической эволюціи, а не противъ нея. Избыточное населеніе давало готовый контингентъ фабричныхъ работниковъ именно въ руки владѣльцевъ крѣпостныхъ имѣній, и они воспользовались этимъ своимъ преимуществомъ еще раньше закона 1762 года, который только убралъ съ поля послѣднихъ ихъ конкурентовъ. Уже въ комиссіи 1767 г., когда вліяніе изданнаго всего за пять лѣтъ закона не могло быть очень ощутительно, кн. Щербатовъ заявлялъ съ гордостью, еще большей, чѣмъ какой проникнуты только что цитированныя нами строки позднѣйшаго помѣщика: „...Дворяне, заводя фабрики, весьма умножили разныя рукомесла и трудолюбіе и подали способъ государству довольствоваться тѣми вещами своими, которыя оно прежде отъ чужестранныхъ народовъ получало. И оставя прочія, токмо о двухъ родахъ упомяну, то-есть о суконныхъ и полотняныхъ, которыхъ, не взирая на великія побужденія государя императора Петра Великаго, по 1742 годъ было суконныхъ фабрикъ только 16; съ вышеозначеннаго года, когда дворяне зачали въ оныя вступать, донынѣ еще ихъ

60 прибавилось, и чрезъ такое прибавленіе Россія стала въ состояніи армію свою собственными своими сукнами довольствовать: полотняныхъ же, которыхъ было по вышеозначенный годъ только 20, а того году еще 68 прибавилось“. *) Какъ быстро пошла новая, дворянская фабрика — въ противоположность туго росшей купеческой, покажутъ слѣдующія данныя: въ 1762 году фабрикъ, не считая горныхъ заводовъ, въ Россіи было 984; въ 1796 г.—3161; уже въ 1773 г. ихъ общее производство выражалось суммой 3.548,000 рублей (около 21—22 мил. р.), въ томъ числѣ сукна на 1.178 тыс. р., полотна на 777 тыс. р., шелковыхъ матерій на 461 тыс. р., бумаги на 101 тыс. р., и т. д. **)

Оброчный крестьянинъ, выгнанный своимъ бариномъ на заработки въ городъ, крѣпостной кустарь, рабочій на крѣпостной фабрикѣ,—таковы прослѣженныя нами три ступени все возрастающей эксплуатаціи избыточнаго населенія крѣпостныхъ имѣній, не находившаго себѣ работы у земли. Читатель съ удивленіемъ спроситъ: развѣ эта послѣдняя такъ хорошо обрабатывалась уже, что дальше некуда было идти, и болѣе интенсивной системы хозяйства, которая потребовала бы новыхъ затратъ труда, завести ужъ было нельзя? Напротивъ, и въ земледѣліи интенсификація вполнѣ была возможна—и послѣднія десятилѣтія XVIII вѣка были свидѣтелями чрезвычайныхъ успѣховъ крѣпостного хозяйства въ этомъ отношеніи,—но и логически, и хронологически интенсивное барщинное земледѣліе пришло у насъ позже крѣпостной индустріи. Хлѣбъ, какъ товаръ, становится очень выгоденъ съ 80—90-хъ годовъ: промышленныя предпріятія давали раньше барыши, съ которыми не могло сравниться никакое сельское хозяйство. Двѣ статьи „Наказа управителю“, составленнаго извѣстнымъ тогда агрономомъ Вольфомъ около 1769 года, лучше длинныхъ разсужденій покажутъ намъ, какъ стояло тутъ дѣло, и вмѣстѣ напомнятъ объ одной отрасли промышленности, до которой куда какъ далеко было и сукну, и полотну. § 1-й VII главы этого Наказа гласитъ: „Управителю должно всегда навѣдываться о цѣнѣ хлѣба, дабы оный продать въ настоящее время“. А § 2-й: „ежели есть винокурни, то долженъ онъ употреблять хлѣбъ на куреніе вина для того, что черезъ сіе получитъ двойную

*) Изъ возраженія, поданнаго въ комиссію 1767 г. на „голосъ“ одного купеческаго депутата, требовавшаго исключительнаго права для купечества владѣть фабриками. Сочин., I, стр. 125.

**) г. Туганъ-Барановскій, назв. сочин., стр. 45.

прибыль, а именно: кормъ скотины для навоза; во-вторыхъ, изойдетъ меньше на провозъ потому, что одна лошадь свезетъ въ городъ настолько вина, насколько шесть лошадей хлѣба". Шторхъ прибавляетъ къ этому еще одинъ разсчетъ— вполнѣ убѣждающій, насколько правъ былъ по своему времени Вольфъ. Для одного боченка вина, мѣрою въ 12 ведеръ, нужно, по меньшей мѣрѣ, двѣ четверти ржи, говоритъ онъ. Цѣна этого количества хлѣба, по среднимъ цѣнамъ 90-хъ годовъ (когда писалъ Шторхъ), около 9 рублей: а за выкуренную изъ него водку правительство платитъ отъ 15 до 18 рублей; чистый барышъ помѣщика могъ доходить, такимъ образомъ, до 100%,—а расходъ главный былъ на дрова, которыя, по большей части, были свои, некупленныя. Немудрено, что практичные остзейскіе дворяне (Вольфъ какъ разъ принадлежалъ къ ихъ числу) перекуривали въ водку весь свой хлѣбъ,—и Лифляндія, въ шведскія времена „житница сѣвера" *), при Екатеринѣ II не вывозила ни пуда хлѣба, а даже ввозила его для надобностей своихъ винокуренныхъ заводовъ. Въ 1773 году правительствомъ было куплено у помѣщиковъ 2.103.000 ведеръ на сумму около 3—3½ милліоновъ рублей тогдашнихъ (около 20 теперешнихъ): одни винокуренные заводы „вырабатывали" столько, сколько вся остальная индустрія, вмѣстѣ взятая. Остается прибавить, что казна, уже совершенно безъ всякихъ предпріятій, получала на водкѣ еще болѣе крупные барыши, продавая откупщикамъ за 4 рубля ведро, которое самой казнѣ обходилось не дороже 1 р. 80 коп. При чемъ и откупщики не оставались въ обидѣ: въ спискѣ тогдашнихъ русскихъ богачей, по случайному поводу приводимомъ Щербатовымъ, они занимаютъ первое мѣсто **). Съ ними могли конкурировать только горнозаводчики. По словамъ Шторха, они пользовались въ Россіи екатерининскихъ временъ такими привилегіями, какъ, вѣроятно, нигдѣ и никогда въ мірѣ. Онъ приводитъ образчики льготъ, дарованныхъ имъ закономъ: уже этотъ перечень достаточно выразителенъ. Кн. Щербатовъ иллюстрируетъ ту же мысль бытовыми наблюденіями, по своему обычаю—и картина получается еще болѣе эффектная. На основаніи очень надежнаго источника—торговыхъ книгъ, которыя ему пришлось просматривать, такъ сказать, по обязанности службы—онъ разсказываетъ, что пудъ мѣди, напримѣръ, обходился заводчику

---

*) См. „Русская Исторія", т. III, стр. 103.
**) Труды, XII, 27; Storch, op. cit, III, 266 сcл., Щербатовъ, т. I, стр. 623 сл.

съ доставкой до Екатеринбурга отъ полутора рублей до 1 р. 70 коп. По словеснымъ показаніямъ заводчика Твердышева, дороже 2 р. 25 коп. онъ **никогда** не стоилъ: а казна принимала мѣдь въ Екатеринбургѣ, для надобностей монетнаго двора, по 5 р. 50 коп. за пудъ. Не мудрено, что дѣла предпринимателей шли прекрасно. „По тѣмъ же книгамъ Твердышева я видѣлъ", разсказываетъ Щербатовъ: „что, помнится, въ 1756 году, при началѣ ихъ заводовъ, было на нихъ долгу до пятисотъ тысячъ рублей, а въ 1784 году, когда Иванъ Борисычъ Твердышевъ умеръ, уже были заводы заведены, восемь тысячъ душъ куплено, и до двухъ милліоновъ съ половиною чистаго капитала было" *).

Большинству желѣзозаводчиковъ не приходилось и покупать „душъ". Почти всѣ дворяне, или изъ старинныхъ одворянившихся купеческихъ фамилій (въ родѣ Демидовыхъ), они вели работу собственными крѣпостными, которыхъ у Строгановыхъ, напримѣръ, по четвертой ревизіи, было 83.453 души. Несвободный трудъ настолько преобладалъ въ горномъ дѣлѣ, что, по словамъ Шторха, свободные рабочіе составляли здѣсь ничтожное исключеніе, — и если бы горное дѣло вынуждено было довольствоваться ими, почти всѣ заводы пришлось бы закрыть. Такъ какъ правительство не могло же хладнокровно отнестись къ подобному бѣдствію, то тѣмъ предпринимателямъ, которые не имѣли своихъ крѣпостныхъ, рабочихъ давала казна. По обѣ стороны Уральскаго хребта цѣлыя волости черносошныхъ государственныхъ крестьянъ „приписывались" къ горнымъ заводамъ, гдѣ они должны были „отрабатывать" свою подушную подать. По смыслу закона, они несли на себѣ лишь разныя вспомогательныя работы— рубку и подвозъ дровъ, вывозъ металла и т. под.,—при чемъ, какъ только трудъ ихъ, по казенной оцѣнкѣ, достигалъ нормы подушной подати, ихъ обязанности по отношенію къ заводчику прекращались. На дѣлѣ, ихъ зависимость отъ заводской администраціи была почти такъ же велика, какъ крѣпостныхъ, — и заводовладѣльцы эксплуатировали ихъ, какъ находили для себя выгоднѣе **). Такъ на рабскомъ трудѣ воздвигалась еще одна отрасль индустріи, имѣвшая не только обще-русское, но и громадное **международное значеніе**. Читатель, вѣроятно, очень удивится, когда узнаетъ, что **желѣзо составляло одну изъ главнѣйшихъ**

*) „О состояніи Россіи въ разсужденіи денегъ и хлѣба". Сочин., I, стр. 703.
**) Подробнѣе объ ихъ положеніи см. ниже, въ слѣд. отдѣлѣ настоящей главы.

статей русскаго экспорта во второй половинѣ XVIII вѣка. Впереди желѣза, какъ вывозной товаръ, шла только пенька: все остальное, не говоря уже о холстѣ и полотнѣ,—даже лѣсъ, продукты скотоводства и хлѣбъ, стояло далеко ниже. Средній вывозъ желѣза за границу въ 1767—69 гг. составлялъ 1.951.464 пуда; въ 1793—95—2.965.724 пуда. По цѣнности, желѣза вывозилось въ 90-хъ годахъ ежегодно съ небольшимъ на 5 милліоновъ рублей (11—12 милліоновъ рублей теперешнихъ), около одной восьмой всей суммы русскаго вывоза, гдѣ ленъ и пенька составляли почти 33%. Особенно цѣнилось „сибирское“, или, какъ оно еще называлось, „соболиное“ желѣзо—клейменное сибирскимъ гербомъ, двумя стоящими на заднихъ лапахъ соболями. Оно шло изъ классическаго района уральскаго горнозаводства—изъ рудниковъ на восточномъ склонѣ Уральскаго хребта. Англичане предпочитали его шведскому желѣзу и охотно, по словамъ современниковъ, перенесли бы всѣ свои заказы изъ Швеціи на Уралъ, если бы русскіе заводы сумѣли приспособиться къ англійскимъ потребностямъ. Но, обезпеченные своими привилегіями, Демидовы и Строгановы мало интересовались новыми заказчиками, а крѣпостная администрація ихъ заводовъ, гдѣ иногда предпріятіемъ съ сотнями тысячъ рабочихъ ворочалъ одинъ полуграмотный приказчикъ, была, конечно, во всѣхъ отношеніяхъ слишкомъ далека отъ европейскаго рынка съ его требованіями. Русскіе заводы продолжали изготовлять товаръ по разъ установившимся образцамъ—и качество металла было такъ высоко, что онъ все же находилъ себѣ покупателей на Западѣ *).

На помѣщичьихъ винокурняхъ и уральской желѣзопромышленности мы можемъ снова наблюдать вліяніе тѣхъ двухъ факторовъ, которые создавали концентрацію капиталовъ въ послѣ-петровской, какъ и въ до-петровской Россіи: монополій, съ одной стороны, заграничнаго спроса,—съ другой. Дворянскій капитализмъ временъ Екатерины II ничѣмъ не отличался въ этомъ случаѣ отъ буржуазнаго капитализма послѣднихъ дней Московской Руси. И уральскіе заводчики фактически были монополистами: когда въ 1782 году всѣмъ было разрѣшено свободно искать и добывать руду, это не вызвало къ жизни ни одного новаго завода — до такой степени несокрушимой казалась всѣмъ конкуренція уральскихъ

---

*) Для желѣза см. Шторха, назв. сочин., II, стр. 512 и сл., и VIII, стр. 143—148.

магнатовъ. Когда появились у насъ первые зачатки аграрнаго капитализма, онъ не ушелъ изъ-подъ вліянія общаго закона.

Говоря теперь о сельскохозяйственномъ предпринимательствѣ въ Россіи, мы думаемъ о хлѣбѣ и о томъ, что связано съ производствомъ хлѣба,—отъ засѣяннаго пшеницею поля до молотилки, мельницы и элеватора. А когда говорили о немъ полтораста лѣтъ назадъ, говорящему представлялась пенька. „Котораго изъ нашихъ земныхъ продуктовъ излишнее размноженіе нимало неопасно и, слѣдовательно, заслуживаетъ преимущественное поощреніе?“ спрашивалъ въ 1765 году иниціаторъ знакомой намъ анкеты Вольнаго Экономическаго Общества, Т. Клингштетъ. „Ежели отвѣчать на сей вопросъ въ разсужденіи важности и множества выпускаемаго нынѣ изъ Россіи продукта, то всякому, чаятельно, въ голову придетъ назвать пеньку: ибо всѣмъ извѣстно, что сей продуктъ имѣетъ преимущество въ цѣнѣ и количествѣ передъ всѣми прочими, которыхъ Россія отъ своего натуральнаго избытка ежегодно удѣляетъ чужестранцамъ: но не упоминая о томъ, что уже выше сказано о пенькѣ, тщетный трудъ былъ бы выхвалять, яко новость; прибыли уже и безъ того всѣмъ извѣстныя“ *). Тщетность всякихъ панегириковъ коноплѣ ариѳметически доказываетъ знакомый уже намъ орловскій помѣщикъ Погодинъ, приложившій къ своему проекту подробный разсчетъ, что̀ давала каждая десятина подъ тѣмъ или другимъ растеніемъ (цѣны 1809 года). Въ то время, какъ десятина ржи давала всего 14 р. 40 коп. дохода, овса—16 р. 50 коп. и даже пшеницы только 54 рубля, десятина конопляника приносила 83 рубля доходу. Пенька была главной статьей русскаго экспорта въ XVIII вѣкѣ — притомъ вмѣстѣ со льномъ, она далеко оставляла за собою всѣ другіе предметы вывоза. По разсчетамъ Шторха, Россія вывозила, въ среднемъ, пеньки:

въ 1758 — 62	гг.	ежегодно	2.214.956 пудовъ.
„ 1763 — 67	„	„	2.490.588 „
„ 1793 — 95	„	„	3.062.387 „

По стоимости, вывозъ пеньки составлялъ въ 1769 году 2.795.000 руб. (18 мил. руб. на теперешнія деньги), а льна и пеньки вмѣстѣ 4.478.000 р. (около 29 милліоновъ теперешнихъ). Любая картинка, изображающая корабль XVIII вѣка, объяснитъ намъ странное для современнаго взгляда

*) „Труды“, I, стр. 166.

преобладаніе этого товара: пенька, это паруса и канаты, это каменный уголь торговаго, какъ и военнаго флота временъ Семилѣтней войны. Очень характерно, въ связи съ этимъ, что англичане искали на русскомъ рынкѣ всегда перваго сорта пеньки, а французы всегда второго и третьяго. Повторяемъ, уже въ 60-хъ годахъ восемнадцатаго столѣтія приходилось не толковать русскому помѣщику о выгодахъ конопляниковъ, а, напротивъ, держать его, что называется, за фалды. „Извѣстно, что никакой продуктъ не истощаетъ столь много силы изъ земли, какъ пенька", предостерегаетъ въ цитированной нами статьѣ Клингштетъ. Но изъ этого слѣдовало только, что землю подъ коноплю нужно удобрять сильнѣе, чѣмъ подъ хлѣбъ—другими словами, что разведеніе пеньки являлось болѣе интенсивной культурой, чѣмъ хлѣбопашество. Погодинъ и изображаетъ это весьма ясно: „десятина конопляника больше всякаго хлѣба приноситъ дохода и составляетъ по здѣшнимъ мѣстамъ наилучшій продуктъ", говоритъ онъ: „а потому всякій владѣлецъ согласился бы засѣвать свою землю больше коноплею, нежели прочимъ хлѣбомъ; но сего сдѣлать потому нельзя, что отъ 50 тяголъ при посредственномъ скотоводствѣ больше нельзя удабривать земли, какъ 8 десятинъ, а сверхъ того и работы за оною больше, нежели за прочимъ хлѣбомъ" *). Оттого въ большей части средней Россіи, по анкетѣ Вольн. Экон. Общества, крестьяне сѣяли коноплю въ ничтожномъ количествѣ—лишь для собственнаго потребленія. Только на нетронутыхъ цѣлинахъ юга поставщикомъ пеньки на рынокъ могло явиться крестьянское хозяйство; во всѣхъ другихъ мѣстахъ такимъ поставщикомъ могъ быть только помѣщикъ, способный собрать на свои конопляники удобреніе съ цѣлой деревни—способный, благодаря своей монополіи, называвшейся крѣпостнымъ правомъ. А побужденіе пустить эту монополію въ ходъ именно въ этомъ направленіи—давалъ опять-таки европейскій рынокъ.

Въ русскомъ хлѣбѣ этотъ рынокъ пока нуждался еще гораздо менѣе: въ спискѣ русскихъ вывозныхъ товаровъ хлѣбъ стоитъ на шестомъ мѣстѣ, ниже не только пеньки, льна и желѣза, но ниже продуктовъ скотоводства (сала) и даже холста. Холста въ 90-хъ годахъ вывозилось на четыре слишкомъ милліона рублей, а хлѣба меньше, чѣмъ на три. Это объясняется, однако же, вовсе не тѣмъ, чтобы русскій хлѣбъ меньше цѣнили на Западѣ, нежели русскую пеньку или русское

---

*) „Труды", LXII, стр. 168—169.

желѣзо,—напротивъ, хорошо просушенное русское зерно предпочитали всякому другому. Хлѣбный экспортъ задерживался чисто-географическими причинами. До второй половины царствованія Екатерины II у Россіи были порты только на Балтійскомъ и Бѣломъ морѣ. Но ближайшія къ этимъ морямъ губерніи производили, главнымъ образомъ, сѣрые хлѣба, а Европа спрашивала, преимущественно, пшеницу. „Большая часть жителей полуденныхъ европейскихъ земель пшеницею питаются", писалъ въ 1765 году пропагандистъ русскаго хлѣбнаго экспорта, Клингштетъ: „и понеже многія изъ сихъ государствъ гораздо меньше у себя имѣютъ хлѣба, нежели къ содержанію ихъ жителей потребно, то цѣна пшеницы (выше?) прочихъ родовъ хлѣба, и сей продуктъ долженъ быть сочтенъ продажнымъ во всякое время товаромъ". Но сѣять пшеницу на суглинкѣ было хлопотливымъ и рискованнымъ дѣломъ—особенно, когда рожь можно было съ такою выгодой перекурить въ спиртъ *). Великолѣпные урожаи давала пшеница въ южныхъ пристепныхъ уѣздахъ, но ея сѣяли здѣсь мало—„столько, сколько кому, по его семейству, на пропитаніе до новой жатвы стать можетъ". Корреспондентъ Вольнаго Экономическаго Общества по Слободской Украинской провинціи (нынѣшней Харьковской губерніи) тутъ же чрезвычайно убѣдительно и объясняетъ, „для чего земледѣльцы не прилежатъ къ размноженію сего, равно какъ и прочаго хлѣба". Никакой иной причины имъ „не предвидится, кромѣ того, что они не имѣютъ способа, куда оной съ прибылью отпускать, потому что въ близости сихъ странъ никакого порта нѣтъ". Такъ, наканунѣ первой турецкой войны Екатерины II, скромный захолустный обыватель далъ философію всѣхъ русско-турецкихъ войнъ XVIII вѣка. Вопросъ о томъ, какъ сдѣлать русскій хлѣбъ такимъ же отпускнымъ товаромъ, какъ пенька, давно былъ поставленъ, и не только въ ученыхъ обществахъ,—что показываетъ напечатанная въ первомъ же томѣ знакомыхъ намъ „Трудовъ" записка Клингштета, — но и въ офиціальныхъ сферахъ, какъ мы знаемъ изъ еще болѣе ранней записки Волкова, будущаго кабинетъ-секретаря Петра III-го и автора манифеста о вольности дворянства. Разсуждая о томъ, какими мѣрами вернуть Россіи серебро, выкачанное изъ Россіи благодаря нелѣпому ея участію въ Семилѣтней

---

*) Тѣмъ не менѣе, даже въ Вологодской провинціи сѣяли въ 60-хъ годахъ пшеницы $^1/_3$ или, по крайней мѣрѣ, $^1/_4$ сравнительно съ рожью — и не только для домашняго потребленія, но и для продажи, но лишь на мѣстномъ рынкѣ. См. „Труды", XXIII, стр. 225—6 и 252.

войнѣ, Волковъ писалъ, приблизительно за годъ до смерти Елизаветы Петровны: „Хлѣбомъ торгъ производитъ Рига и великую полякамъ прибыль дѣлаетъ: то мнѣ кажется стыдно толь изобильной Россіи въ семъ торгу ничего не участвовать и весь свой хлѣбъ на одномъ винѣ пропивать". „Хлѣбный здѣшнему государству торгъ натуральнѣе всѣхъ. Подлинно, бывшими и часто безъ нужды запрещеніями (вывоза хлѣба) заставили мы многихъ (иностранцевъ) прилежать къ земледѣлію, и убавили расходы на нашъ хлѣбъ. Но... если бы паче чаянія и ожиданія надлежало войну еще нѣсколько лѣтъ продолжать, то въ государствѣ серебрянаго рубля не осталось бы" *). Но противъ экономики, гнавшей хлѣбъ на винокуренные заводы, никакая политика ничего не могла подѣлать: и скоро та самая Лифляндія, на которую съ одобреніемъ ссылался Волковъ, какъ на хорошій примѣръ, перестала вывозить хотя бы пудъ хлѣба, весь выкуривая на вино. Положить въ основу русскаго торговаго баланса хлѣбный вывозъ можно было, только отворивъ пшеничной Россіи ворота на Черное море. Это и сдѣлалъ Кучукъ-Кайнарджійскій миръ— и его экономическіе результаты были немедленно же, по горячимъ слѣдамъ, учтены тѣми, кто пристальнѣе всѣхъ слѣдилъ за русской торговлей. „Я посвящу эту депешу разбору дѣла, которое можетъ оказать весьма важное вліяніе на интересы этой страны въ торговомъ отношеніи", писалъ англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ посланнику Георга III въ Петербургѣ 14-го февраля 1775 года: „я разумѣю плаваніе по турецкимъ морямъ, по смыслу послѣдняго мира уступленное Россіи въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Если взглянуть на карту, очевидно, что держава эта можетъ извлечь много торговыхъ выгодъ изъ послѣднихъ своихъ пріобрѣтеній на Черномъ морѣ и свободнаго прохода по Дарданельскому проливу, предоставленнаго ея купеческимъ кораблямъ... Одинъ только зерновой хлѣбъ, выставляемый въ огромномъ количествѣ губерніями, прилегающими къ Черному морю, займетъ значительное число кораблей, составляя предметъ, который всего менѣе помѣшаетъ торговлѣ русскихъ сѣверныхъ портовъ". Англійскій дипломатъ выводилъ отсюда, конечно, что и англичанамъ „положительно необходимо имѣть свободное плаваніе къ русскимъ портамъ на Черномъ морѣ и обратно". Турецкія войны и поднесь, какъ извѣстно, гораздо больше помогли развитію на

*) Архивъ кн. Воронцова, т. XXIV, стр. 118 и 123.

Черномъ морѣ какого угодно судоходства, только не русскаго. Но, на своихъ или чужихъ корабляхъ, русскій хлѣбъ долженъ былъ массой пойти по новой дорогѣ на Западъ. Проницательный англичанинъ только нѣсколько предупредилъ событія: новая дорога наладилась не сразу. Но къ концу царствованія Екатерины его предсказаніе можно было считать достаточно оправдавшимся: въ 1793 году уже пятая часть русскаго хлѣбнаго вывоза шла черезъ Таганрогъ, Херсонъ и Ѳеодосію, а пшеница въ этомъ вывозѣ, по цѣнности, составляла почти половину *).

Изъ этого, конечно, вовсе не слѣдовало, что превращенія хлѣба въ товаръ дожидались такъ же долго. Если уже въ XVI вѣкѣ у насъ существовалъ внутренній хлѣбный рынокъ, то во второй половинѣ XVIII в. не могло быть иначе. Уже въ самомъ началѣ царствованія Екатерины II мы встрѣчаемъ въ Нижнемъ-Новгородѣ купеческую „компанію"—товарищество на паяхъ, одно изъ первыхъ въ Россіи, которая торговала, главнымъ образомъ, хлѣбомъ, и первоначально даже такъ и предполагалось назвать ее въ уставѣ: „хлѣбная компанія". Хлѣбный рынокъ создавался автоматически, благодаря той передвижкѣ избыточнаго населенія, о которой мы говорили въ началѣ главы. Подвозъ хлѣба въ центральныя области былъ необходимостью уже въ 60—70 гг. „Объ Московской губерніи особливо должно сказать", говоритъ Щербатовъ: „что въ оной не токмо ея жители истребляютъ хлѣбъ, но такъ же множество приходящихъ изъ всѣхъ городовъ, да и самые жители, находя себѣ удобные промыслы, довольно не прилежатъ къ земледѣлію; а потому коль обильную жатву поля ни представляли бы, но никогда она пропитаться сама собою не можетъ, а должна отъ всего государства заимствовать свое пропитаніе" **). Этими словами Щербатовъ опровергаетъ, между прочимъ, собственное свое показаніе относительнаго слабаго развитія хлѣбной торговли въ современной ему Россіи: благодаря размѣрамъ имперіи, издержки перевозки, будто бы, съѣдали всѣ барыши. Наблюденія помѣщика центральной Россіи курьезнымъ образомъ перепутались у него съ наблюденіями петербургскаго

*) Вотъ нѣсколько цифръ, иллюстрирующихъ развитіе русской торговли на Черномъ морѣ въ связи съ турецкими войнами; русскій вывозъ черезъ Черноморскіе порты:

1764 г.	59.097 р.
1776 „	369.823 р.
1793 „	1.295.563 р.

**) Сочиненія, т. I, 652.

обывателя: Петербургъ, дѣйствительно, пока не были окончательно готовы водные пути, связывавшіе его съ верхнимъ Поволжьемъ (главнымъ образомъ, Вышневолоцкій каналъ), часто получалъ хлѣбъ за болѣе дешевую цѣну изъ Польши, черезъ Ригу, нежели изъ Рязанской или Казанской губерній. Но самое прорытіе каналовъ, при тогдашней техникѣ болѣе трудное, чѣмъ теперь, достаточно свидѣтельствуетъ о громадномъ напорѣ черноземнаго хлѣба къ сѣверу. Вышневолоцкій каналъ начали еще при Петрѣ I, но практическое значеніе эта „въ высшей степени искусственная система сообщенія, на которой главнымъ образомъ основана балтійская торговля и снабженіе Петербурга“ (Шторхъ), получила лишь при Екатеринѣ II, а вполнѣ закончена она была даже лишь въ XIX вѣкѣ (въ 1802 году). Задолго до этого времени въ Петербургѣ выражали уже опасеніе, что максимальная пропускная способность Вышневолоцкаго канала—4.000 барокъ въ годъ—скоро окажется ниже потребностей петербургскаго рынка. Это опасеніе дало толчокъ къ постройкѣ новыхъ каналовъ, связывавшихъ Неву съ верхней Волгой,—Тихвинскаго и Маріинскаго, оконченнаго при Павлѣ. Дѣйствительно, Вышневолоцкій каналъ, пропустившій снизу 2.914 барокъ въ 1787 году, уже достигъ своего максимума къ 1791 г., когда черезъ него прошло 4.025 барокъ. Р ѣ ч н о е с у д о с т р о е н і е къ этому времени сдѣлалось настолько важнымъ промысломъ, что одинъ помѣщикъ начала XIX вѣка называетъ деревни, расположенныя близъ судоходныхъ рѣкъ и имѣющія строевой лѣсъ, „превосходнѣйшими“. Такія деревни, по его словамъ, даже если у нихъ вовсе не было пахатной земли, могли давать владѣльцу не меньше доходу, чѣмъ имѣнія „съ обширными для хлѣбопашества землями“, притомъ безъ всякаго отягощенія крестьянъ *). Постройка барокъ общественнымъ мнѣніемъ тѣхъ дней разсматривалась, какъ чрезвычайно серьезная угроза русскимъ лѣсамъ, а что это не было предразсудкомъ, доказываетъ быстрый ростъ цѣнъ на рѣчныя суда: въ 1764 г. въ Рыбинскѣ барка стоила отъ 16 до 30 рублей, въ 1797 г. отъ 120 до 350 р. (т.-е., приводя къ рублю 60-хъ годовъ,—отъ 40 до 120,—цѣна поднялась отъ $2\frac{1}{2}$ до 3 разъ).

Мы имѣемъ косвенное, но довольно убѣдительное, доказательство того, что всероссійская торговля хлѣбомъ была во второй половинѣ XVIII вѣка распространена значительно болѣе, нежели нѣкоторые изслѣдователи принимаютъ даже для

*) „Труды“, XLII, стр. 214 и сл.—ср. 203—206.

первой половины XIX-го. Въ неоднократно упоминавшейся нами анкетѣ Вольнаго Экономическаго Общества были вопросы и о хлѣбныхъ цѣнахъ. Сводя получившіеся на этотъ вопросъ отвѣты, мы получаемъ слѣдующую таблицу.

Провинціи:	Цѣны за четверть (въ копѣйкахъ). Ржи.	Овса.	Пшеницы.
Вологодская	100	50	160
Каширская	80—90	50—60	150—160
Оренбургская	50—60	30—40	70—80
Владимірская въ дер. осенью	90	50	180
Владимірская въ гор. зимою	160	95	230
Калужская	60—100	50—60	180
Рязанская	64— 72	48—56	120—160
Переяс. Залѣсская minimum	100	56	210
Переяс. Залѣсская maxim. (въ недородъ)	150	85	250 (и выше)
Ингерманландская	200	?	300
Кашинскій у. осеннія ц.	160	60—70	240
Кашинскій у. весеннія ц.	200—220	100—120	300—340
Слободская Украинская	50	25	60
Изюмская	70	40	130
Ахтырская	60	40	120
Острогожская	60—70	30—40	?
Сумская	90	40	120

Разсматривая эту таблицу, мы сразу замѣчаемъ два географическихъ полюса: Петербургъ (Ингерманландская губ.), съ цѣнами рѣзко выше среднихъ, и степныя провинціи юга и юго-востока, лишенныя всякаго сбыта за отсутствіемъ рѣчныхъ путей, съ цѣнами значительно ниже ихъ. О южныхъ степныхъ уѣздахъ до первой турецкой войны (а наши цифры относятся именно къ этому времени) въ этомъ отношеніи уже говорилось выше. Объ Оренбургской губ. тамошній корреспондентъ общества, очень извѣстный въ тѣ времена агрономъ Рычковъ, писалъ, что „водяной коммуникаціи изъ уѣздовъ къ Оренбургу ни отколѣ нѣтъ", а провозъ гужомъ обходится отъ 30 до 40 коп. за четверть, т.-е. даже для пшеницы составляетъ 50% цѣны самаго хлѣба, а для овса всѣ 100%. Но даже и здѣсь производство хлѣба на вывозъ уже налаживалось,—ниже мы увидимъ одинъ чрезвычайно рѣзкій признакъ этого. Какъ бы то ни было, если брать одно только настоящее, для шестидесятыхъ годовъ, а не будущее, хотя бы ближайшее, мы увидимъ, что цѣны на хлѣбъ, за исключеніемъ столицъ, съ одной стороны, окраинъ, отрѣзанныхъ отъ остальной Россіи,—съ другой, отличаются поразительной ровностью: и въ Вологдѣ, и въ Калугѣ, и въ Каширѣ, и во Владимірѣ, и даже въ Рязани цѣны были при-

близительно тѣ же, съ колебаніями не больше 12—15%. Только живой обмѣнъ хлѣбомъ во всей этой полосѣ могъ установить такія однообразныя цѣны. И дѣйствительно, за единичными исключеніями опять-таки въ окраинныхъ провинціяхъ, анкета всюду изображаетъ намъ продажу хлѣба, какъ общераспространенное явленіе. Наиболѣе „капиталистическими“ изъ охваченныхъ анкетой мѣстностей были Кашинскій уѣздъ, несмотря на свое неплодородіе, отправлявшій хлѣбъ водою въ Петербургъ, и Вологодская провинція, посылавшая его даже, черезъ Архангельскъ, за границу. Здѣсь не только хлѣбъ, но и сѣно „всегда продавалось“. Ближе всего къ натуральному хозяйству была Калужская провинція. „Хлѣба во время и великаго урожая, по малоимѣнію у владѣльцевъ земель, излишняго отъ своего употребленія въ остаткѣ бываетъ весьма мало“, писалъ корреспондентъ послѣдней. „Въ отпускъ въ другія мѣста онаго никогда не бываетъ“: покупали хлѣбъ будто бы только купцы мѣстныхъ уѣздныхъ городовъ, да помѣщики, у которыхъ хлѣбъ не уродился. Единственными продуктами земледѣлія, шедшими за предѣлы провинціи, были, по его словамъ, конопля, пенька и конопляное масло: онъ даетъ ихъ цѣны у Гжатской пристани. Двадцать лѣтъ спустя, Щербатовъ, который въ своихъ экономическихъ показаніяхъ всегда скорѣе отставалъ отъ своего времени, чѣмъ опережалъ его, даетъ, однако же, цѣны ржи именно для этой самой Гжатской пристани. Да и самъ корреспондентъ въ другомъ мѣстѣ проговаривается, что „земледѣлецъ“ возитъ хлѣбъ на продажу въ уѣздный городъ не только въ случаѣ исключительнаго урожая, но и „въ обыкновенный годъ“ и цѣны даетъ для этого „обыкновеннаго года“. А сходство этихъ цѣнъ съ цѣнами сосѣднихъ губерній ясно показываетъ, что уѣздные купцы, дальше которыхъ не видѣлъ калужскій помѣщикъ, едва ли сами ѣли купленный ими у „земледѣльца“ хлѣбъ. Вопреки его неоднократному утвержденію, „отпускъ“, такимъ образомъ, и изъ Калужской провинціи, несомнѣнно, былъ. Каширскій уѣздъ въ отношеніи сельскохозяйственной культуры былъ весьма отсталой частью Россіи. Болотовъ рисуетъ намъ чрезвычайно яркую картину почти средневѣковыхъ отношеній. Мы ея ближе коснемся далѣе. Тѣмъ не менѣе, и здѣсь торговля хлѣбомъ была вполнѣ налажена. Только „скудные и бѣдные люди“ продавали свой урожай на мѣстѣ. „Имѣющіе же довольно лошадей“ возили уже въ уѣздный городъ, „гдѣ они за хлѣбъ свой лучшую цѣну получаютъ“. А помѣщики посылали его въ Москву „сухимъ путемъ“, не-

смотря на то, что Кашира связана непрерывной водяной дорогой съ Москвою. Барка, какъ мы видѣли, все же стоила денегъ, а крѣпостной мужикъ обязанъ былъ возить барскій хлѣбъ даромъ, на своей лошади и въ своей телѣгѣ. Въ Рязанской провинціи помѣщики, повидимому, никогда не продавали хлѣба на мѣстѣ, а весь отправляли въ Москву и другіе города, опять-таки сухимъ путемъ. Только болѣе емкая мука шла до Москвы на баркахъ и стругахъ, притомъ ею торговали уже не помѣщики, а по большей части купцы. „Провозъ сухимъ путемъ на четверть подлинно положить невозможно, потому что всякъ возитъ на своихъ лошадяхъ и своими работниками; но провозъ водою отъ мѣста до Москвы на четверть становится по двадцати копѣекъ". Такъ какъ четверть пшеницы на мѣстѣ стоила не меньше 1 р. 20 к., а ржи—не меньше 60 к., то доставка хлѣба на рынокъ давала въ первомъ случаѣ накладной расходъ въ 16—17%, во второмъ—до 33% *).

Ровныя географически, хлѣбныя цѣны зато тогда, какъ и теперь, обнаруживали рѣзкія хронологическія колебанія: по сезонамъ, во-первыхъ, въ зависимости отъ урожайнаго или неурожайнаго года, во-вторыхъ. Кашинскій корреспондентъ, потому ли что онъ самъ былъ толковѣе другихъ, оттого ли, что Кашинскій уѣздъ былъ болѣе затронутъ разсматриваемымъ нами экономическимъ процессомъ, даетъ наиболѣе полное объясненіе колебаніямъ перваго рода. Онъ говоритъ, приведя обычную цѣну хлѣба на мѣстѣ: „Вышеписанная цѣна обыкновенно бываетъ вскорѣ по убраніи съ полей хлѣба, уменьшается противъ весенней цѣны по причинѣ сбору подушныхъ и оброчныхъ денегъ; но весною, когда крестьянинъ небольшое количество родившагося хлѣба съѣстъ, оставя малую часть для посѣва, цѣна возвышается". Трудно себѣ представить болѣе „современную" картину: Тверская губернія уже при Екатеринѣ жила такъ же, какъ все русское крестьянство при Александрѣ III и позднѣе,—только названіе податей измѣнилось, да вмѣсто того, чтобы отдавать ихъ въ разныя руки—то помѣщику непосредственно, то въ казну, онѣ цѣликомъ стали отдаваться послѣдней, чтобы потомъ, въ образѣ ли государева жалованья или подъ видомъ займа изъ дворянскаго банка, попасть все въ тотъ же помѣщичій карманъ. Денежный помѣ-

*) О внутренней торговлѣ (вопросы 31—35 и 53 анкеты) см. „Труды", II, стр. 185—186; VII, стр. 73 сл., 158—159; VIII, стр. 149 и 201; XI, стр. 102—103; XXIII, стр. 251—252 и 255; XXVI, стр. 49—50 и 53.

щичій оброкъ былъ сильнѣйшимъ стимуломъ превращенія крестьянскаго хозяйства въ денежное: а въ нечерноземной полосѣ въ екатерининское время на оброкѣ было 55% всѣхъ крестьянъ *). Въ связи же съ казенными податями корреспонденты Вольнаго Экономическаго Общества особенно часто упоминаютъ продажу скота: продавать лишній, а въ случаѣ крайности, и не лишній, скотъ на уплату подушныхъ было, повидимому, чрезвычайно широко распространеннымъ обычаемъ. Всего болѣе развита была торговля скотомъ опять-таки въ нынѣшней Тверской губерніи. „Здѣшній народъ", говоритъ Кашинскій корреспондентъ: „имѣя мало промысловъ, первою въ нуждѣ подпорою почитаетъ свой скотъ, который, хотя бы послѣдній былъ у него, ведетъ со двора на рынокъ, для заплаты подушныхъ денегъ и прочихъ податей". Но отъ чего разорялись бѣдняки, на томъ болѣе состоятельная часть крестьянства еще наживалась: „семьянистые и домовитые крестьяне, содержа больше скотины, не только оную продаютъ, но, скупая у другихъ, оною еще переторговываютъ; иные по первому пути тушами возятъ въ Петербургъ или купцамъ, торгующимъ мясами, изъ барышей перепродаютъ. Таковые, не имѣя довольнаго числа для скотины корму своего, нанимаютъ луга для сѣнокоса, или пашню для хлѣба, дабы излишнее число тѣмъ прокормить". Зачатки классовъ и классовой борьбы мы встрѣчаемъ, по даннымъ анкеты, не въ одномъ Кашинскомъ уѣздѣ. Авторъ „экономическихъ отвѣтовъ" изъ южной части нынѣшней Олонецкой губерніи разсказываетъ слѣдующее: „Имѣющій достатокъ почти за весь погостъ платитъ деньги въ нужномъ случаѣ, а именно, когда должно платить подушныя деньги, или употреблять на домашнія нужды и на складчину во время рекрутскаго набора. Но за такое свое благодѣяніе беретъ онъ чрезвычайные проценты, на которые склоняетъ его староста; и такимъ образомъ бѣдные крестьяне не токмо не могутъ исправиться, но еще приходятъ чрезъ то въ большее разореніе" **). Чѣмъ не 1880-ые годы? А это писано за сто лѣтъ до споровъ о томъ: есть въ Россіи, и въ частности въ русской деревнѣ, почва для классовой борьбы, или насъ Господь Богъ уберегъ отъ этой напасти. О податяхъ, какъ стимулѣ для „торговаго скотоводства", упоминаютъ и вологодскій корреспондентъ („мясо... рѣдко въ году употребляютъ въ пищу,

---

*) См. В. И. Семевскій, „Крестьяне при Екатеринѣ II", т. I, стр. 48.
**) „Труды", XIII, стр. 40—41.

Первый актъ въ Императорской Академіи Художествъ.

Оригиналъ картины В. И. Якобія *Первый актъ въ Императорской Академіи Художествъ* находится въ Русскомъ Музеѣ императора Александра III въ Петербургѣ (№ 338). Это—большая обстановочная картина съ историческимъ сюжетомъ бытового характера. Въ центрѣ картины императрица Екатерина II и цесаревичъ Павелъ, а кругомъ тогдашнее придворное и великосвѣтское общество, собравшееся покровительствовать тому, чему покровительствуетъ дворянская царица... Впечатлѣніе версальское, европейское... античнаго стиля статуи столько же напоминаютъ о подражательности тогдашняго русскаго искусства, сколько величественныя фигуры царицы съ колѣнопреклоненнымъ «счастливцемъ» и подобострастно склонившимся придворнымъ говорятъ о томъ, что тогда это искусство было еще чахлымъ созданіемъ на почвѣ русской дѣйствительности, было искусствомъ общественной макушки, дышавшимъ воздухомъ меценатства и покровительства сильныхъ, униженія и низкопоклонства передъ послѣдними. Вездѣ въ Европѣ искусство прошло черезъ холопскую стадію развитія, покуда оно не получило возможности опираться на общество въ широкомъ смыслѣ этого слова, такъ сказать вырастать изъ него. Академія Художествъ была окончательно призвана къ жизни при императрицѣ Екатеринѣ II, хотя обученіе рисованію началось еще въ Академіи Наукъ, открытой при Екатеринѣ I, а извѣстные зародыши Академіи появились съ ноября 1757 года, при чемъ въ 1762 г. состоялся экзаменъ, послѣ котораго Чемесовъ былъ удостоенъ званія академика. Проектъ учрежденія Академіи Художествъ былъ разработанъ Ив. Ив. Шуваловымъ и представленъ на утвержденіе Ив. Ив. Бецкимъ. Первый выпускъ учениковъ Академіи Художествъ состоялся въ іюлѣ 1767 года: этотъ моментъ и изображенъ художникомъ... Павелъ I, наблюдавшій при матери всю эту сцену первыхъ шаговъ Академіи, назначилъ президентомъ Академіи графа Александра Сергѣевича Строганова и питалъ политическую слабость къ искусству: профессору Академіи Угрюмову была заказана картина, воспроизведенная въ одномъ изъ выпусковъ настоящей «Русской исторіи» и предназначенная въ свое время къ воспитанію божественныхъ взглядовъ на происхожденіе династіи, къ которой такъ рѣшительно тяготѣлъ императоръ Павелъ...

В. Стор.

„РУССКАЯ ИСТОРІЯ" Изд. Т-ва „МІРЪ".

ибо отъ скота что сберегутъ, то продаютъ на соль себѣ и въ подати"), и сумской, и Болотовъ изъ своего средневѣковаго Каширскаго уѣзда („во время нужнаго случая, а особливо при платежѣ подушныхъ денегъ первое свое прибѣжище къ сей продажѣ—скота—принимаетъ, и скудные часто до такой крайности доходятъ, что послѣднюю корову или овцу продаютъ, и платятъ подушныя деньги, или нужной себѣ хлѣбъ покупаютъ"). Послѣдняя фраза Болотова рисуетъ намъ такую картину разложенія натуральнаго хозяйства, даже въ этомъ медвѣжьемъ углу, ярче которой трудно себѣ что-нибудь представить.

Но населеніе росло быстрѣе, чѣмъ производство хлѣба, и уже 80-ые годы даютъ намъ картину голода, напоминающую конецъ XIX-го столѣтія. „Московская, Калужская, Тульская, Рязанская, Бѣлгородская, Тамбовская губерніи и вся Малороссія претерпѣваютъ непомѣрный голодъ", писалъ Щербатовъ въ началѣ 1788 года: „ѣдятъ солому, мякину, листья, сѣно, лебеду; но и сего уже не достаетъ; ибо, къ несчастію, и лебеда не родилась, и оной четверть по четыре рубля покупаютъ. Ко мнѣ изъ Алексинской моей деревни привезли хлѣбъ, испеченной изъ толченаго сѣна, 2 изъ мякины и 3 изъ лебеды. Онъ въ ужесть меня привелъ, ибо едва на четверть тутъ четвертка овсяной муки положена. Но какъ я нѣкоторымъ и сей показалъ, мнѣ сказали, что еще хорошъ, а есть гораздо хуже" *). Цифры того же Щербатова показываютъ намъ, какимъ темпомъ и до какихъ неслыханныхъ прежде размѣровъ поднимались хлѣбныя цѣны. У Гжатской пристани, главнаго отпускного „порта" для восточной части Смоленской и западной—Московской губерній, а также для Калужской провинціи, платили за четверть ржи

въ 1760 году		— р.	86 к.
„ 1763 „		— „	95 „
„ 1773 „		2 „	19 „
„ 1788 „		7 „	— „

Даже принявъ въ разсчетъ разницу въ цѣнѣ рубля (ассигнаціоннаго съ семидесятыхъ годовъ — причемъ къ 1790 году ассигнаціи упали почти на 20% сравнительно съ серебромъ), мы получимъ увеличеніе цѣны за четверть столѣтія почти на 500%. Если когда-нибудь помѣщикъ хлѣбородной губерніи могъ колебаться, что выгоднѣе—завести ли у себя въ имѣніи суконную или полотняную фабрику, или же самое имѣніе

*) „Сочиненія", I, стр. 684.

превратить въ фабрику для производства хлѣба, теперь этимъ сомнѣніямъ долженъ былъ наступить конецъ: при цѣнахъ 80-хъ годовъ,—а онѣ держались и въ 90-хъ, когда четверть хлѣба стоила не дешевле 4 рублей,—хлѣбъ становился не менѣе выгоденъ, чѣмъ всякій другой товаръ. Въ 60-хъ годахъ помѣщики еще не рѣшили, что лучше — вести ли хозяйство самимъ, или предоставить его крестьянамъ, превратившись въ простыхъ получателей ренты. Съ этимъ связаны извѣстные эмансипаторскіе проекты 60-хъ годовъ, которымъ сочувствовала крупнѣйшая русская знать, засѣдавшая на первыхъ мѣстахъ въ только что основанномъ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ. Подъ ихъ вліяніемъ, не безъ участія и раздѣлявшей ихъ взгляды императрицы Екатерины, Общество поставило „задачу": „что полезнѣе для общества, чтобы крестьянинъ имѣлъ въ собственности землю, или токмо движимое имѣніе, и сколь далеко его права на то и другое имѣніе простираться должны?" Премію—100 червонныхъ и золотую медаль—получилъ Беарде-Делабей, „докторъ правъ церковныхъ и гражданскихъ въ Ахенѣ". Двѣ цитаты покажутъ, въ какомъ направленіи былъ данъ отвѣтъ: § 9: „Человѣкъ, осужденный питатися въ потѣ лица своего, безъ сомнѣнія, долженъ трудиться: но Богъ, подвергая его сему труду, въ то же время далъ ему и право на ту самую землю, которую принужденъ онъ былъ обрабатывать"; § 11: „Но узнавъ всѣ прибытки, происходящіе отъ собственности, крестьянамъ дозволенной, какимъ образомъ должно ихъ до того доводить? Какъ могутъ они владѣть землею, будучи сами во власти у другихъ? Рабъ, самъ въ себѣ невластный, никогда не можетъ имѣть владѣнія, какъ только мнимаго: ибо собственность не можетъ быть безъ вольности. Богатство, принадлежащее рабу, подобно брякушкамъ серебрянымъ, у собаки на ошейникѣ висящимъ: все принадлежитъ господину. Излишне входить о семъ въ дальнѣйшія подробности: ясно, что прежде, нежели дать рабу какое имѣніе, надлежитъ необходимо сдѣлать его свободнымъ". Понятно, что попытка напечатать это произведеніе на русскомъ языкѣ произвела среди тогдашнихъ помѣщиковъ впечатлѣніе настоящаго скандала; даже въ Обществѣ предложеніе не собрало сначала большинства. Но количество должно было уступить качеству: за напечатаніе высказались такіе члены Общества, какъ гр. Орловы, гр. Чернышевы, Сиверсъ и др.,—а за ними, какъ всѣмъ было извѣстно, стояла императрица. Трактатъ „доктора церковныхъ и гражданскихъ правъ" былъ напечатанъ въ русскомъ пере-

водѣ *). Дочитавъ его до конца, успокоились, вѣроятно, и наиболѣе ожесточенные его противники: Беарде, практически, не предлагалъ ничего такого, что шло бы въ разрѣзъ съ интересами владѣльцевъ оброчныхъ деревень. Сущность его проекта сводилась къ тому, чтобы, давъ крестьянину юридическую свободу,—притомъ не сразу, а очень постепенно, слѣдуя столь оригинально понятому Екатериною правилу Монтескьё, — и небольшой участокъ земли, и то и другое не даромъ, а за выкупъ, увеличить этимъ производительность крестьянскаго труда,—а, стало быть, и размѣръ оброка. „Дайте собственность крестьянину; пускай бы онъ имѣлъ какое-нибудь имѣніе: тогда можете вы безъ всякаго страха препоручить ему управленіе своихъ доходовъ; вы не будете ничего опасаться въ разсужденіи цѣны, за какую вы оное ему уступите: небольшое его помѣстье, или, лучше сказать, охота, съ которою онъ прилѣпится къ новому своему имѣнію, будетъ вамъ порукою во всемъ. Такимъ-то образомъ богатые, способствуя благополучію крестьянъ, умножатъ собственное свое богатство, и доходы ихъ тѣмъ надежнѣе будутъ. Владѣльцы, познавъ истинныя свои пользы, препоручивши имъ свои земли и попеченіе о полученномъ съ нихъ доходѣ, умножатъ тотъ самый доходъ...“ Юридически-свободный крестьянинъ, фактически поставленный въ необходимость арендовать барскую землю,—вотъ типъ, весьма хорошо знакомый намъ, типъ, который, въ качествѣ идеала, рекомендовалъ Беарде-Делабэ своимъ знатнымъ читателямъ. И, предвидя возраженіе, что крестьянинъ не удовлетворится этою свободой, воспользовавшись ею просто для того, чтобы сбѣжать изъ имѣнія, ученый докторъ ссылается на примѣръ Европы. „Нѣтъ, господа“, говоритъ онъ своимъ воображаемымъ возражателямъ: „никогда не вздумаютъ они бѣжать. Воззрите на примѣры всѣхъ благоустроенныхъ въ Европѣ народовъ; подражайте онымъ. Богатые, не утруждая себя всегдашнимъ надзираніемъ, получаютъ исправно и порядочно свои доходы. Удовольствіе видѣть слѣдующую вездѣ за вами собачку, которая васъ любитъ и васъ ласкаетъ, можетъ ли сравняемо быть съ тягостнымъ трудомъ водить медвѣдя?“ Все это звучало очень пріятно для ушей сверстниковъ жившаго исключительно на денежные доходы „графа NN“,—пока оброки, т.-е. отхожіе промыслы, сулили, по крайней мѣрѣ, не меньше,

*) Въ VIII части „Трудовъ В. Э. О.“, откуда мы и беремъ наши цитаты. Разрядка, конечно, наша.

чѣмъ земледѣліе. Но когда хлѣбъ, вмѣсто рубля за четверть, сталъ давать четыре, находилось все больше и больше помѣщиковъ, легко соглашавшихся „водить медвѣдя“ (столь прибыльнаго!) и „утруждать себя всегдашнимъ надзираніемъ“. Сорокъ лѣтъ послѣ Беарде то же Вольное Экономическое Общество премируетъ Швиткова, который о свободѣ разсуждалъ, какъ мы видѣли, совершенно иначе, нежели „докторъ церковнаго и гражданскаго права“, и категорически рекомендовалъ барщинное хозяйство передъ оброчнымъ. Въ добросовѣстность „ласковой собачки“ Швитковъ рѣшительно отказывается вѣрить и, даже допуская, что оброчный крестьянинъ отъ своего хозяйства будетъ имѣть хорошій доходъ, онъ сомнѣвается, чтобы тотъ пожелалъ дѣлиться этимъ доходомъ со своимъ бариномъ. „Часто случается,—пишетъ онъ,—что при всемъ изобиліи сельскихъ произведеній, которыми крестьяне могутъ наживать себѣ и деньги, въ пріобрѣтеніи потребнаго оныхъ количества для оброка могутъ они господъ своихъ обманывать, а количество ихъ же трудами пріобрѣтаемыхъ сельскихъ произведеній всегда можетъ быть виднѣе: то, по симъ причинамъ судя, я полагаю, что лучше обложить крестьянъ рабочею, нежели денежною повинностью... Мнѣ кажется всегда лучше, чтобы помѣщики ссужали крестьянъ своихъ нужнымъ количествомъ денегъ за ихъ работу *), нежели чтобы крестьяне промышляли деньги для помѣщиковъ. И сколь оное удобно, особливо въ нынѣшнія благословенныя времена, когда и изъ благороднаго дворянства помѣщики имѣютъ привилегію не только держать подряды и откупы, но и производить торговлю наравнѣ съ купечествомъ! Товаръ они имѣютъ всегда готовый, т.-е. сельскія произведенія, трудами поселянъ пріобрѣтаемыя, которыя во всякомъ, а особливо въ извѣстныхъ мѣстахъ, платятся весьма дорого“ **).

Такъ, къ концу XVIII вѣка, „избыточное населеніе“, отъ котораго за сорокъ лѣтъ раньше помѣщикъ не зналъ, какъ избавиться (при условіи сохраненія своего дохода, разумѣется), становится необходимо нужно въ самомъ имѣніи,—и помѣщикъ начинаетъ находить, что у него не только нѣтъ „лишнихъ“ людей, а даже едва-едва хватаетъ тѣхъ, которые есть. Мы напрасно стали бы искать какихъ-нибудь политическихъ или, тѣмъ болѣе, индивидуально-психологическихъ причинъ

*) Швитковъ имѣетъ въ виду уплату подушныхъ за барщинныхъ крестьянъ ихъ господами.

**) Труды ч. LXII, стр. 113—115.

тому, что эмансипаторскіе проекты Екатерины II увяли, не успѣвъ расцвѣсти. Идею освобожденія крестьянъ въ XVIII вѣкѣ убили хлѣбныя цѣны. Дальнѣйшее повышеніе этихъ цѣнъ въ половинѣ XIX вѣка сдѣлало снова всѣхъ умныхъ помѣщиковъ эмансипаторами,—а ихъ паденіе сорокъ лѣтъ тому назадъ снова развило сильнѣйшія крѣпостническія тенденціи въ русскомъ дворянствѣ. Что хозяйство, основанное на рабскомъ трудѣ, рано или поздно должно было очутиться въ экономическомъ тупикѣ, подобномъ тому, въ какой попала римская имперія въ первые вѣка нашей эры—и изъ котораго этой имперіи вовсе не удалось выйти—это могли бы предсказать и современники Беарде-Делабея. Но теоретическія выкладки всего меньше могли имѣть вліяніе на ходъ хозяйственнаго развитія. Огромное вздорожаніе „сельскихъ произведеній" толкало къ интенсификаціи помѣщичьяго хозяйства, а это послѣднее въ данный моментъ не могло обойтись безъ барщиннаго труда крестьянъ; интенсификація хозяйства должна была свестись къ интенсификаціи барщины.

Эту послѣднюю можно уже замѣтить по анкетѣ Вольнаго Экономическаго Общества, хотя анкета двадцатью годами предшествовала тому колоссальному подъему хлѣбныхъ цѣнъ, какой отмѣченъ Щербатовымъ. Наиболѣе типичныя для середины столѣтія условія изображаетъ, повидимому, Болотовъ—отвѣчая на вопросы анкеты по Каширскому уѣзду. Какъ мы уже упоминали, картина получается совершенно средневѣковая: черезполосица, или, какъ онъ выражается, „разнобоярщина и черездесятинщина", въ связи съ этимъ принудительный сѣвооборотъ, плохое удобреніе—потому что на дальнія полосы иногда даже и не доберешься—и т. д., и т. д. Всѣ эти отрицательныя стороны средневѣковаго экономическаго режима Болотовъ рисуетъ чрезвычайно яркими красками: интенсификація хозяйства ужъ очень его озабочиваетъ, а онъ вполнѣ отчетливо сознаетъ, какой вредъ для нея представляетъ, напримѣръ, черезполосица. „Черездесятинщина препятствуетъ земледѣльцу малою своею землею по своему хотѣнію пользоваться и оную подъ такой хлѣбъ или произрастеніе употреблять, и то на ней въ разные года сѣять, что бы онъ за лучшее признавалъ. Она отнимаетъ у него руки и не допускаетъ ни до какихъ предпріятій..." Она связывала не только крестьянина, но и помѣщика: ибо и помѣщичья земля, обыкновенно, въ перемежку съ крестьянскою, была „изрѣзана на мелкія полосы и по нихъ раздѣлена". Выдѣлять помѣщичью землю къ одному мѣсту только еще „въ иныхъ мѣстахъ начинали":

иными словами, особой барской запашки въ Каширскомъ уѣздѣ 1760-хъ годовъ, какъ правило, не было,—а крестьянинъ пахалъ часть своихъ полосъ не на себя, а на господина. Это былъ большой архаизмъ: въ хорошо устроенномъ имѣніи даже сороковыхъ годовъ барская пашня была уже выдѣлена въ самостоятельное цѣлое *). Тѣмъ характернѣе, что количество пахавшихся крестьянами на барина полосокъ было не меньше, чѣмъ въ правильно организованномъ имѣніи 40-хъ годовъ: въ Каширскомъ уѣздѣ, обыкновенно, половина рабочей силы тратилась на барина (или одинъ работникъ съ полнаго тягла, т.-е. одинъ изъ двухъ, постоянно пахалъ на барина, или все тягло три дня въ недѣлю работало на барина, три дня на себя), а иногда и больше. Между тѣмъ, Татищевъ, въ 1742 году, считалъ трехдневную барщину максимальной. Опредѣляя, какъ и Болотовъ, размѣры ея размѣрами земли, которую крестьянинъ пашетъ какъ на барина, такъ и на себя, Татищевъ говоритъ: „въ случаѣ недостатка земли помѣщику дѣлить землю съ крестьянами пополамъ (иначе барская пашня должна была составлять меньшую часть имѣнія, а крестьянская большую)... а есть ли того не достанетъ крестьянамъ, то такія деревни должны быть на оброкѣ необходимо“. Сравнительно съ картиной застоя, которую представлялъ собою Каширскій уѣздъ („ежели сказать объ урожаѣ хлѣба, то въ здѣшнихъ мѣстахъ хлѣбы за нѣсколько уже лѣтъ хуже прежнихъ родятся“, нехотя признается Болотовъ), сосѣдняя Рязанская провинція давала яркіе признаки сельскохозяйственнаго прогресса: „здѣсь земледѣліе ни въ которыхъ мѣстахъ въ упадокъ противъ прежняго не пришло, но еще размножается“, писалъ рязанскій корреспондентъ: „ибо всякъ тщится во всякомъ довольствіи себя видѣть, къ чему росчисти, а по способности и луга въ высокихъ мѣстахъ употребляютъ въ пашню“. Зато здѣсь и барская запашка,—а стало быть, и барщинная повинность—достигала размѣровъ, незнакомыхъ Каширѣ. Характерно уже то, что работу крестьянина на своемъ надѣлѣ рязанскій корреспондентъ склоненъ разсматривать, какъ исключеніе,—а работу на барской пашнѣ, какъ правило. Присмотритесь къ его манерѣ выражаться: „Помѣщичьимъ крестьянамъ свободные дни даются на себя работать не равно, но по разсмотрѣнію помѣщика: и такъ у нѣкоторыхъ въ недѣлѣ, кромѣ праздниковъ, одинъ день, а прочіе дни на господина; а у

*) См. „Краткія экономическія до деревни слѣдующія записки“, Татищева. „Временникъ“ Общ. Ист. и Древн. Росс., ч. XII, стр. 12—13.

другихъ два дня на помѣщика, а третій крестьянину". Въ Переяславль-Залѣсской провинціи свободныхъ дней помѣщичьему крестьянину давалось „въ недѣлю два дня, а прочіе дни работаютъ на господина". Кашинскій корреспондентъ очень желалъ быть оптимистомъ въ вопросѣ о крестьянскихъ повинностяхъ *),—но, начавъ за здравіе, онъ, нечаянно для самого себя, кончаетъ за упокой. „Съ осмака („тягло изъ двухъ мужиковъ и двухъ бабъ состоящее") одинъ крестьянинъ съ женою ходитъ всякій день на барскую работу; а другой съ бабою всегда дома, воскресные же дни и прочіе праздники также отъ господской работы уволенъ (видите, какая идиллія!), и слѣдовательно имѣетъ въ годъ больше дней на себя работать, нежели на помѣщика. Случается также, что во время жнитва, гдѣ не раздѣлена господская пашня, или въ сѣнокосъ, ходятъ они поголовно то-есть, иногда трое, иногда четверо съ тягла; но сіе бываетъ не всегда (еще бы!), или послѣ за то какая дается выгода". И наконецъ, оренбургскій корреспондентъ, суровый и правдивый Рычковъ, такъ характеризуетъ положеніе дѣла въ своей губерніи: „Крестьяне помѣщичьи работаютъ на своего господина по три дня въ недѣлю, столько же и на себя, а воскресный день оставляется имъ свободенъ: но больше употребляютъ они такъ, какъ помѣщикъ хочетъ. Есть и такіе еще помѣщики, что повсядневно наряжаютъ ихъ на свои работы, а крестьянамъ для пропитанія ихъ даютъ одинъ мѣсячный хлѣбъ". Это—первое упоминаніе о плантаціонномъ хозяйствѣ, какое мы встрѣчаемъ въ литературѣ—притомъ не въ сатирѣ, какъ впослѣдствіи у Радищева, а въ чисто дѣловомъ сообщеніи. И современники (Болтинъ) и новѣйшіе изслѣдователи (В. И. Семевскій) оспариваютъ, чтобы подмѣченное Рычковымъ явленіе—на которомъ онъ настаиваетъ и въ другихъ своихъ писаніяхъ —было общераспространеннымъ. Первый оперируетъ методомъ того француза, который давалъ честное слово, что земля вертится, и споръ его съ Рычковымъ можетъ быть рѣшенъ только сопоставленіемъ ихъ авторитетовъ—одного изъ первыхъ агрономовъ своего времени и дилетанта-историка, умнаго и наблюдательнаго, но еще менѣе, чѣмъ Щербатовъ, способнаго критически отнестись къ своимъ собственнымъ наблюденіямъ **). Г. Семевскій

*) По словамъ г. Семевскаго, отвѣты на данный вопросъ въ „Трудахъ" вообще напечатаны съ нѣкоторыми купюрами—выкинуто наиболѣе яркое.

**) Притомъ, отдѣльныхъ случаевъ плантаціоннаго хозяйства — якобы, какъ остатка варварской старины—и Болтинъ не отрицаетъ.

обосновываетъ свое заключеніе на просмотрѣнныхъ имъ описаніяхъ огромнаго количества имѣній средней Россіи,—гдѣ онъ нашелъ лишь два-три случая, когда въ имѣніи отмѣчены одни дворовые, а пашня была. Но помѣщикъ очень рѣдко могъ имѣть побужденіе юридически раскрестьянивать своихъ крѣпостныхъ—ибо это, прежде всего, вело къ его личной отвѣтственности за подушныя. Оставить крестьянину хотя бы видимость своего хозяйства было въ его интересахъ: но это „свое хозяйство“ могло быть не крупнѣе того участка, который, сплошь и рядомъ, давался и античному рабу, чтобы отнять у него побужденіе къ побѣгу, и который, конечно, не дѣлалъ еще этого раба крестьяниномъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Только дальнѣйшія архивныя изысканія смогутъ рѣшить вопросъ окончательно. Историкъ, вынужденный опираться на печатный матеріалъ, можетъ лишь констатировать, что тенденціи—превратить крестьянина въ живой инвентарь, въ нѣкоторое подобіе античнаго раба или негра на американской плантаціи (отсюда, какъ извѣстно, и терминъ „плантаціонное хозяйство“), существовали повсюду, а не въ одной Оренбургской губерніи. Хотя возможно, что въ послѣдней необычайно благодарная почва и малое, относительно, количество рабочихъ рукъ создавали для помѣщика большій соблазнъ доводить до крайности эксплуатацію крѣпостной рабочей силы, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Недаромъ Оренбургская губернія, такъ скоро послѣ описанія ея Рычковымъ, стала ареной Пугачевскаго бунта.

Е. И. Пугачевъ.

Pugatschew, какъ читается подпись его имени на прилагаемой гравюрѣ, снятъ съ оригинала, на которомъ подписано Nabholz sc. (ulpsit). Е. И. Пугачевъ изображенъ на гравюрѣ въ европейскомъ видѣ, столь мало ему свойственномъ, и въ сопровожденіи аллегоріи «Паллада, прогоняющая зависть и злобу»; надъ изображеніемъ Пугачева маска, соплетенная съ лукавымъ зміемъ. Бѣглый донской казакъ—лукавый змій, прикинувшійся царемъ Петромъ III, создавшій большой и страшный бунтъ, возбудившій «зависть и злобу» глупыхъ крестьянъ къ соли земли—помѣщикамъ. Недремлющая Паллада, т.-е. величественно дворянская императрица, тяжелымъ копіемъ изгоняетъ эти «зависть и злобу» и возсоздаетъ прекраснодушное житье соли русской земли... Народъ выпускалъ изъ своей среды самозванца за самозванцемъ съ именемъ Петра III, и только Е. И. Пугачеву удалось создать грозное народное и совершенно стихійное движеніе... «Я вѣдь не купецъ, вдругъ заявилъ Пугачевъ казаку Пьянову, я государь Петръ Ѳедоровичъ, я то и былъ въ Царицынѣ, да Богъ меня и добрые люди сохранили, а вмѣсто меня засѣкли караульнаго солдата». И за такимъ государемъ двинулся, голодный и закрѣпощенный народъ, ища хлѣба и отбѣгая господской неволи... Заявившись царемъ, Пугачевъ продолжалъ жить по казацки, попросту... но чему хотѣлось вѣрить, тому и вѣрили. Въ половинѣ XVIII столѣтія самозванство уже было старинной, привычной чертой русской жизни, а въ началѣ вѣка даже настоящаго царя прославили самозванцемъ. Нетрудно было и принять имя минутнаго царя, свергнутаго Екатериной и скоро отошедшаго въ вѣчность при чрезвычайно таинственной обстановкѣ. Толкамъ и самымъ нелѣпымъ слухамъ вѣрятъ и теперь, а тогда только ими и жили. Въ дни пугачевской вольницы никто не зналъ о письмѣ Алексѣя Орлова отъ 6 іюля 1762 г. къ императрицѣ Екатеринѣ о смерти Петра III: теперь это письмо хорошо всѣмъ извѣстно, такъ какъ въ 1881 году было напечатано П. И. Бартеневымъ въ XXI томѣ *Архива князя Воронцова*. Съ оригинала этого письма на «листѣ сѣрой и нечистой» бумаги была снята копія гр. Ѳ. В. Ростопчинымъ. Вотъ это письмо: «Матушка милосердая государыня! какъ мнѣ изъяснить, описать, что случилось; не повѣришь вѣрному своему рабу, но какъ передъ Богомъ скажу истину. Матушка! готовъ идти на смерть; но самъ не знаю, какъ эта бѣда случилась. Погибли мы, когда ты не помилуешь. Матушка—его (*т.-е.* Петра III) нѣтъ на свѣтѣ... Но никто сего не думалъ, и какъ намъ задумать поднять руки на государя. Но, государыня, свершилась бѣда. Онъ (*т.-е.* Петръ III) заспорилъ за столомъ съ князь Ѳедоромъ (*т.-е.* Ѳедоромъ Сергѣевичемъ Барятинскимъ); не успѣли мы разнять, а его уже и не стало. Сами не помнимъ, что дѣлали; но всѣ до единаго виноваты, достойны казни. Помилуй меня хоть для брата (*т.-е.* Григорія Орлова, друга императрица). Повинную тебѣ принесъ, и разыскивать нечего. Прости или прикажи скорѣе окончить. Свѣтъ не милъ: прогнѣвили тебя и погубили души навѣкъ». Любопытно, что въ этой обѣденной компаніи кромѣ Алексѣя Орлова и Ѳедора Барятинскаго, которыхъ въ литературѣ и считаютъ за лицъ, навѣки прерратившихъ дѣятельность Петра III, присутство-

вали еще князь Иванъ Сергѣевичъ Барятинскій, Гр. Н. Тепловъ, также капралъ конной гвардіи Григорій Александровичъ Потемкинъ, которому пришлось сыграть столь крупную роль въ дальнѣйшихъ судьбахъ императрицы. Такъ не стало гдѣ-то въ Ропшѣ, богатой памятью о знаменитомъ петровскомъ палачѣ князѣ Ѳ. Ю. Ромодановскомъ, Петра III, а 7 іюля 1762 года *скорбнымъ* манифестомъ было объявлено о его смерти, «обыкновеннымъ и прежде часто случавшимся ему припадкомъ гемороидическимъ впалъ въ прежестокую колику». 15 мая 1591 года въ Угличѣ былъ убитъ царевичъ Ѳедоръ Ивановичъ; 6 іюля 1762 года въ Ропшѣ не стало императора Петра Ѳедоровича. На рубежѣ XVI и XVII вѣковъ появился рядъ людей, выдававшихъ себя за Ѳедора Ивановича и претендовавшихъ на московскій престолъ, который перенесъ въ 1670 году земскій бунтъ Степана Разина, призывавшаго православный народъ противъ бояръ, помѣщиковъ, купцовъ и царевыхъ воеводъ. И во второй половинѣ XVIII столѣтія появился рядъ людей, выдававшихъ себя за Петра Ѳедоровича и въ лицѣ Емельяна Пугачева создавшихъ въ 1773—1775 годахъ также земскій бунтъ, горячо увлекавшій крестьянство противъ помѣщиковъ. Петербургскій престолъ, быть можетъ, пережилъ болѣе суровые дни, чѣмъ московскій... «Неосновательные» толки и «пустые враки», безсильные сами по себѣ, являются крупной мощью, когда попадаютъ на благопріятную соціальную почву, «пустые враки» не боятся и не слушаютъ никакихъ указовъ, но, разъ показавшись, катятся они по необъятной снѣжной равнинѣ, принимаютъ размѣръ колоссальнаго кома, который давитъ и оставляетъ послѣ себя выразительные кровавые слѣды и запахъ гари въ атмосферѣ, насквозь насыщенной паромъ канцелярской тайны и испареніями «невидимой» властной силы.

В. Стор.

PUGATSCHEW

5. „Домашній врагъ“.

„Что бы ни говорили въ доказательство противнаго, императрица здѣсь далеко не популярна и даже не стремится къ тому“, писалъ одинъ иностранный дипломатъ, характеризуя положеніе Екатерины въ срединѣ 1772 года. „Она нисколько не любитъ своего народа и не пріобрѣла его любви; чувство, которое въ ней пополняетъ недостатокъ этихъ побужденій къ великимъ замысламъ,—безграничная жажда славы; пріобрѣсти эту славу для нея гораздо важнѣе истиннаго блага той страны, которою она управляетъ. Это, по-моему, ясно слѣдуетъ изъ положенія здѣшнихъ дѣлъ, если разсмотрѣть его безпристрастно. Безъ этого предположенія, мы должны были бы обвинить ее въ непослѣдовательности и

сумасбродствѣ, видя, какъ она предпринимаетъ огромныя общественныя работы, основываетъ коллегiи и академiи по чрезвычайно обширнымъ планамъ и съ огромными издержками, а между тѣмъ ничего не доводитъ до конца и даже не доканчиваетъ зданiй, предназначенныхъ для этихъ учрежденiй. Нѣтъ сомнѣнiя, что такимъ путемъ растрачиваются огромныя суммы безъ малѣйшей реальной пользы для этой страны, но не менѣе несомнѣнно и то, что этого достаточно для распространенiя молвы объ этихъ учрежденiяхъ между иностранцами, которые не слѣдятъ, да, въ сущности, и возможности не имѣютъ слѣдить за ихъ дальнѣйшимъ развитiемъ и результатами" *).

Иностранный наблюдатель дѣлалъ изъ этого выводъ о неизбѣжности близкой „революцiи", т.-е. новаго дворцоваго переворота, въ пользу, какъ казалось ему, Павла Петровича. По его мнѣнiю, отношенiя между матерью и сыномъ (которому не было еще и двадцати лѣтъ) уже тогда отличались крайней степенью остроты. Поговаривали, что Екатерина не прочь избавиться отъ сына, и самъ Павелъ былъ убѣжденъ, что его хотятъ отравить. Въ матерiалѣ для новаго заговора недостатковъ, какъ будто, не было. Не считая громкаго дѣла Мировича, попытавшагося посадить опять на престолъ однажды уже сведеннаго съ него Ивана, первое десятилѣтiе екатерининскаго царствованiя наполнено цѣлой вереницей аналогичныхъ попытокъ, которыя Екатерина и ея окружающiе имѣли весь интересъ выставить передъ публикой пустяками и вздоромъ,—а позднѣйшiе историки слишкомъ легко повѣрили въ этомъ случаѣ заинтересованнымъ людямъ. На самомъ дѣлѣ, это былъ не болѣе и не менѣе вздоръ, нежели первыя неудачныя вспышки заговора въ пользу Елизаветы Петровны. Какъ тогда имя Волынскаго, такъ теперь въ заговорахъ мелькали имена Никиты Панина, Шуваловыхъ—даже знакомаго намъ кн. Щербатова: одна группка гвардейцевъ не прочь была сдѣлать основателя россiйскаго „монаршизма" русскимъ монархомъ. Эта, на первый взглядъ самая курьезная, подробность свидѣтельствуетъ, можетъ быть, что движенiе послѣ разгона комиссiи 1767 года прiобрѣло болѣе серьезный политическiй оттѣнокъ, нежели какое-либо гвардейское движенiе, бывшее раньше. Недаромъ и Екатерина, по обычаю притворяясь для публики, что она

*) Донесенiе англiйскаго посланника Роб. Гуннинга гр. Суффолькъ отъ 28 iюля 1772 г. Сб. Р. И. О., XIX, стр. 298—9. Мы позволили себѣ нѣсколько измѣнить переводъ, сдѣланный черезчуръ канцелярскимъ языкомъ.

считаетъ и это дѣло чуть не дѣтской шалостью, въ дѣйствительности очень хотѣла бы его замять, такъ, чтобы публика' по возможности, ровно ничего не знала. „Скажите Чичерину (генералъ-полицеймейстеру)“, писала она въ одной запискѣ: „что если по городу слышно будетъ, что многіе берутся и взяты солдаты подъ караулъ, то чтобъ онъ выдумалъ бы бредню и ее бъ пропустилъ, чтобы настоящую закрыть, или же и то сказать можно, что заврались“. Боялась она, конечно, не Панина и тѣмъ болѣе не Щербатова: послѣдній, вѣроятно, и узналъ-то о предназначавшейся ему роли изъ слѣдствія. Первый стоялъ ближе, можетъ быть, если не къ этому, то къ предшествующимъ заговорамъ: недаромъ ему было дано прочесть дѣло Волынскаго въ назиданіе. Но костей не ломали и ему: Екатерина была слишкомъ европейской государыней, чтобы устроить скандалъ на всю Европу, какъ не постѣснилась въ свое время простая русская помѣщица, Анна Ивановна. Главное же—центральной фигурой всѣхъ толковъ были не „министры“, надежные или нѣтъ — ею былъ все тотъ же Павелъ Петровичъ, имя котораго съ устъ не сходило у всѣхъ „болтуновъ“ безъ исключенія. Эту фигуру было не такъ легко убрать. И пока на это не рѣшались, оставалось терроризировать сторонниковъ Павла, назначая за „дѣтскія шалости“ такія кары, что впору хоть очень зрѣлымъ людямъ. Въ запискахъ Державина сохранился разсказъ, живо рисующій одну изъ такихъ расправъ— да, кстати и настроеніе, какое онѣ создавали въ гвардіи. „Въ одинъ годъ“ (это былъ годъ 1772-ой) „помнится, въ іюлѣ мѣсяцѣ, отданъ приказъ, чтобы выводить роты на большое парадное мѣсто въ три часа по утру. Прапорщикъ Державинъ пріѣхалъ на ротный плацъ въ назначенное время. Къ удивленію не нашелъ тамъ не токмо капитана, но никого изъ офицеровъ, кромѣ рядовыхъ и унтеръ-офицеровъ; фельдфебель отрапортовалъ ему, что всѣ больны. Итакъ, когда пришла пора, онъ долженъ вести одинъ людей на полковое парадное мѣсто. Тамъ нашелъ маіора Маслова, и прочія роты начали собираться. Когда построились, сказано было: „къ ногѣ положи“, и ученья никакого не было. Такимъ образомъ прождали съ трехъ часовъ до 9-го часа въ великомъ безмолвіи, недоумѣвая, что бы это значило. Наконецъ, отъ стороны слободъ, что на Пескахъ, услышали звукъ цѣпей. Потомъ показались взводы солдатъ въ синихъ мундирахъ. Это была Семеновская рота. Приказано было полку сдѣлать каре, въ который, къ ужасу всѣхъ, введенъ въ изнуренномъ

видѣ и блѣдный унтеръ-офицеръ Оловянишниковъ и съ нимъ 12 человѣкъ лучшихъ гренадеръ. Прочтенъ указъ императрицы и приговоръ преступниковъ. Они умышляли на ея жизнь. Имъ учинена торговая казнь; одѣли въ рогожное рубище и тутъ же, посажавъ въ подвезенныя кибитки, отвезли въ ссылку въ Сибирь. Жалко было и ужасно видѣть терзаніе ихъ катомъ, но ужаснѣе того мысль, что могъ благородный человѣкъ навлечь на себя такое бѣдствіе. Однако же таковыхъ умышленій на императрицу было не одно сіе, окромѣ возмущенія злодѣя Пугачева, которое будетъ ниже нѣсколько обстоятельнѣе описано"... „Возмущеніе злодѣя Пугачева" и положило конецъ дворянскимъ „умышленіямъ". Всѣ мелкіе счеты между сюзереномъ и его вассалами были забыты, когда у ногъ ихъ открылась пропасть, куда „чернь"— „вилланы", чтобы продолжить сравненіе — готовилась сбросить сразу и императрицу, и ея дворянство. Пугачевщина потрясла до основанія имперію Екатерины, но она, какъ не надо лучше, укрѣпила положеніе ея самое, лично.

Когда, также знакомый намъ, Рычковъ сидѣлъ въ осажденномъ Пугачевымъ Оренбургѣ, онъ отъ скуки занялся описаніемъ бунта Стеньки Разина и написалъ „большую тетрадь". Два казацко-крестьянскихъ возстанія, отдѣленныя другъ отъ друга почти ровно столѣтнимъ промежуткомъ, и тогда, какъ теперь, были связаны въ умахъ публики прочной „ассоціацией по сходству". Новѣйшая исторіографія, однако же, довольно давно замѣтила, что ассоціація идетъ скорѣе въ другую сторону, и уже Соловьевъ указывалъ на почти фотографическое сходство начала разинскаго возстанія съ началами казацкихъ „руховъ" въ Приднѣпровьѣ. Какъ у запорожцевъ, такъ и у донцовъ дѣло начиналось съ того, что казакамъ отрѣзывали дорогу къ морю, лишая ихъ тѣмъ промысла, столь же исконнаго на Дону, какъ и на Днѣпрѣ. Для донцовъ рѣшающимъ моментомъ была, по словамъ Соловьева, постройка турками Азова, перекинувшая казацкіе походы съ Дона на нижнюю Волгу и Каспійское море. Онъ не договариваетъ, что тамъ, на только что проторенной большой дорогѣ изъ Западной Европы въ Персію, казачество должно было встрѣтиться съ крупнѣйшей экономической силой эпохи—торговымъ капиталомъ, къ которому ужъ начало поступать на службу московское государство. Исконный промыселъ вдругъ сталъ необычайно выгоднымъ, но и страшно опаснымъ: удачливый атаманъ на новой дорогѣ могъ награбить такъ много, какъ никогда раньше, но зато и встрѣтить

на своемъ пути силу, какой раньше донцамъ никогда еще не приходилось видѣть противъ себя. Что Астрахань защищали отъ Стеньки нѣмцы, это было такимъ же выразительнымъ символомъ, какъ и то, что окончательный ударъ казацкимъ отрядамъ нанесли европейски обученныя войска кн. Барятинскаго. Тутъ столкнулись между собою два этапа коммерческаго развитія: „разбойничья торговля“ первобытнаго типа съ колоніальнымъ предпріятіемъ XVII вѣка. И то, и другое по отношенію къ коренной Россіи было периферійнымъ явленіемъ, какимъ остались бы и набѣги запорожцевъ на польскія области, не захвати революціонное движеніе осѣдлаго и зажиточнаго казачества, „дуковъ“, съ одной стороны, „посполитыхъ“, крѣпостного крестьянства, съ другой. Но зажиточная часть донского казачества съ самаго начала отнеслась къ разинскому движенію очень холодно, а для возстанія крѣпостныхъ въ коренныхъ московскихъ областяхъ какъ разъ 1668—69 годы были наименѣе подходящимъ моментомъ, ибо крестьянское хозяйство именно въ эту эпоху шло на подъемъ, а не на убыль *). Оттого Разинщина, кромѣ Поволжья въ тѣсномъ смыслѣ, гдѣ ея отряды пополнялись въ первую голову изъ населенія, непосредственно эксплуатировавшагося торговымъ капиталомъ (бурлаковъ, грузчиковъ, нижнихъ слоевъ посадскаго населенія и т. под.), захватила только свѣже-колонизованную окраину тогдашней Руси: Тамбовъ и другіе сосѣдніе города, оказавшіеся въ чертѣ возстанія, были основаны всего за тридцать лѣтъ до Разина. Къ Москвѣ она не подошла и съ московскими движеніями того времени, весьма не рѣдкими (изъ-за мѣдныхъ рублей, напримѣръ), не связалась. Оттого и непосредственнаго вліянія разинскаго возстанія на судьбу собственно московскихъ дѣлъ нельзя подмѣтить: и до, и послѣ него режимъ былъ тотъ же, и даже на прогрессѣ торговаго капитализма оно сколько-нибудь замѣтно не отразилось. Роль пугачевщины, съ этой точки зрѣнія, была совершенно иная. Она положила рѣзкую грань между двумя періодами развитія „дворянской Россіи“. Послѣдующія три четверти столѣтія русской исторіи проходятъ подъ знакомъ пугачевщины, и только переходъ къ новымъ условіямъ производства, съ 60-хъ годовъ, снимаетъ этотъ „знакъ“: снимаетъ настолько основательно, что возобновленіе явленія оказывается невозможнымъ даже при самыхъ, на первый взглядъ, благопріятныхъ условіяхъ. Пу-

*) См. „Русскую Исторію“, т. II, стр. 229.

гачевщина нанесла ударъ, глубоко проникшій въ самую сердцевину крѣпостного хозяйства: и это потому, что она сама была продуктомъ обще-русскихъ экономическихъ условій, которыя на восточной окраинѣ проявлялись наиболѣе интенсивно, но отнюдь не были ея мѣстной особенностью. Возстаніе крестьянъ въ 1773—4 годахъ было первымъ отвѣтомъ на интенсификацію барщины, и новый Петръ III нигдѣ не имѣлъ болѣе вѣрныхъ сторонниковъ, какъ среди уральскихъ горнорабочихъ, представителей той отрасли крѣпостного труда, гдѣ интенсификація была доведена до послѣднихъ предѣловъ. Этотъ фактъ хорошо отмѣтили уже современники, хотя и не понимая его экономической подкладки: біографъ Бибикова, писавшій съ ихъ словъ (когда вышла его книга, всякій помѣщикъ за пятьдесятъ лѣтъ могъ разсказывать о Пугачевѣ по личнымъ воспоминаніямъ), среди „подлой черни", составлявшей пугачевскую армію, на первое мѣсто выдвигаетъ „рудокоповъ". Безъ нихъ не было бы той „пугачевщины", какую мы знаемъ — было бы лишь слабое повтореніе одного изъ казацкихъ бунтовъ, въ родѣ булавинскаго при Петрѣ. Въ сущности, вся пугачевщина явилась соединеніемъ двухъ взрывовъ, вызванныхъ каждый самостоятельными причинами: то были конечные эпизоды борьбы за свободу уральскаго крестьянства, съ одной стороны, уральскаго казачества, съ другой. Разобравшись въ антецедентахъ бунта въ томъ и въ другомъ случаѣ, мы будемъ имѣть уже достаточно полную его „этіологію" — достаточно полное представленіе о его причинахъ. Уральское движеніе было самостоятельнымъ—остальное лишь сообщеннымъ: но сообщиться оно могло только потому, что основной экономическій фонъ всюду былъ одинаковъ, разница была лишь въ степени интенсивности гнета и, отчасти въ связи съ этимъ, въ степени организованности движенія.

Горнозаводскіе крестьяне (ихъ въ 60-хъ годахъ на Уралѣ считалось до 100.000 душъ мужского пола) не были юридически крѣпостными. Это, какъ мы уже упоминали, были черносошные, казенные крестьяне, отрабатывавшіе на заводахъ свою подушную подать, то-есть таково было ихъ правовое положеніе. По инструкціи 1734 г. всѣмъ заводчикамъ, въ видахъ расширенія ихъ производства и устройства новыхъ заводовъ, было обѣщано отъ 100 до 150 дворовъ государственныхъ крестьянъ къ каждой доменной печи и по 30 дворовъ къ каждому молоту. Заводчикъ обязывался платить за этихъ крестьянъ подати, какъ помѣщикъ за своихъ

крѣпостныхъ, а крестьяне на него работать, по извѣстной таксѣ: выработанныя ими деньги не выдавались имъ на руки, а засчитывались въ подать. По разсчету одного новѣйшаго изслѣдователя, для довольно типичнаго случая, каждому работоспособному крестьянину, чтобы выработать подати, приходилось затратить на заводскую работу 120 дней: другими словами, по тяжести, заводская работа равнялась, приблизительно, двухдневной барщинѣ *). Это было бы еще не такъ тяжело, если бы соблюдалось требованіе инструкціи — приписывать ближайшія къ заводамъ деревни. На самомъ дѣлѣ, юридическая оболочка никого не обманывала: дѣло шло о возможности получить крѣпостныхъ изъ казны, и само собою разумѣется, что заводчики и ихъ управители тянулись къ лучшимъ, наиболѣе богатымъ и населеннымъ волостямъ. Въ результатѣ, „заводскіе“ крестьяне оказывались за 400, 500 и даже 700 верстъ отъ завода, къ которому они были приписаны. Это одно уже дѣлало заводскую барщину исключительно тяжелой. „Земледѣльцы не могутъ пропитаться своимъ собственнымъ хлѣбомъ“, говоритъ Н. Рычковъ о Соликамскомъ уѣздѣ около 1770 года: „сіе не столько отъ посредственнаго плодородія ихъ земель, но больше оттого, что обитатели сей области почти всѣ къ заводамъ приписные крестьяне; а потому большая часть изъ нихъ, упражнены будучи заводскими работами, не имѣютъ довольно времени къ распространенію своего хлѣбопашества. Ибо въ тотъ часъ, когда руки земледѣльцевъ должны обрабатывать свои земли и пользоваться плодами, отъ нея произрастаемыми, принуждены они идти на заводы, находящіеся отъ нихъ въ весьма дальномъ разстояніи, каковые суть заводы верхотурскаго купца Походяшина, лежащіе въ 500 верстахъ отъ тѣхъ селеній, кои къ нимъ приписаны, и еще въ такихъ мѣстахъ, куда и пѣшимъ съ великимъ трудомъ пройти возможно по причинѣ чрезмѣрно болотистыхъ и лѣсистыхъ мѣстъ“. По разсчету того же изслѣдователя для того же типичнаго случая, походы приписныхъ крестьянъ на заводъ при разстояніи, которое можно считать скорѣе среднимъ, чѣмъ очень большимъ (400 верстъ), брали у нихъ 96 дней въ годъ: то-есть ихъ барщина растягивалась до 216 дней, изъ двухдневной превращаясь въ четырехдневную. Это уже одно дѣлало положеніе „приписныхъ“ значительно худшимъ въ сравненіи съ среднимъ положеніемъ барщиннаго крестьянина по всей Россіи; но это было еще далеко не все. Ра-

*) В. Семевскій, цит. сочин., т. II, стр. 364.

бота крестьянъ на ихъ надѣлахъ и заводская барщина сталкивались не только потому, что вторая брала время, нужное для первой. По самымъ условіямъ производства заводская работа требовала непрерывности: доменную печь потушить было нельзя, — потухшая домна была крупнымъ убыткомъ для заводчика. Странно было бы думать, что болѣе сильный пойдетъ въ этомъ случаѣ на убытки ради интересовъ болѣе слабаго: и вотъ, заводчики начинаютъ систематически стремиться къ ликвидаціи собственнаго крестьянскаго хозяйства, къ пролетаризаціи крестьянства, чтобы имѣть рабочія руки при заводѣ всегда. „Я многихъ (заводчиковъ) знаю“, писалъ въ 1765 году оренбургскій губернаторъ Волковъ: „кои за правило почитаютъ, дабы ихъ заводскіе крестьяне совсѣмъ домостройства не имѣли, а единственно отъ заводской работы питались; и сего правила тѣмъ прилежнѣе держатся, что въ то же время и сугубую отъ того пользу получаютъ“. „Сугубая польза“ заключалась въ томъ, что заводчикъ эксплуатировалъ пролетаризованнаго имъ крестьянина совершенно такъ же, какъ фабрикантъ второй половины XIX вѣка своихъ „свободныхъ“ рабочихъ: заставляя его покупать все необходимое, до хлѣба включительно, въ заводской лавкѣ, съ крупной для предпринимателя прибылью. Челобитная крестьянъ демидовскихъ заводовъ (1741 года) даетъ яркую картинку этой пролетаризаціи въ условіяхъ глубоко-феодальнаго режима. Въ рабочую пору демидовскіе приказчики наѣзжали на деревни съ солдатами и били дубинами и батогами старостъ, выборныхъ десятниковъ и писарей, требуя, чтобы они, въ свою очередь, гнали крестьянъ на заводскую работу. „Когда приказчики нашихъ крестьянъ увидятъ на пашняхъ“, писали челобитники: „то и работать имъ не даютъ, и бьютъ смертельно, и приговариваютъ... работай на заводѣ, а не на своихъ пашняхъ“. Ко времени челобитной цѣль была уже въ значительной степени достигнута: „уже не малая часть“ демидовскихъ крестьянъ „произошла пустотою и многіе въ убожество и въ крайнее разореніе пришли и подушнаго окладу платить намъ нечѣмъ“. Приводить послѣдній мотивъ было большой наивностью: за уплату подушныхъ отвѣчалъ заводчикъ, покупавшій этимъ рабочія руки приблизительно втрое дешевле, чѣмъ онѣ стоили тогда на Уралѣ *). „Конечное“ же „разореніе“ было

*) Или, по крайней мѣрѣ, вдвое: сажень нарубленныхъ дровъ засчитывалась приписнымъ въ 25 коп., а исполнить эту работу вольнонаемными стоило отъ 50 —

Пугачевскій бунтъ.

Оригиналъ картины В. Г. Перова *Пугачевскій бунтъ* (*Судъ Пугачева*), не вполнѣ законченной художникомъ (писана не позднѣе 1875 г.), находится въ Третьяковской галлереѣ въ Москвѣ (№ 306). Варіантъ этой картины имѣется въ Русскомъ Музеѣ императора Александра III въ Петербургѣ (№ 1004). Тема, видимо, очень живо интересовала художника и была навѣяна «Капитанскою дочкой» Пушкина. Всѣмъ хорошо извѣстенъ пушкинскій разсказъ и та часть его, которая начинается словами: «Пугачевъ сидитъ въ креслахъ на крыльцѣ комендантскаго дома. На немъ былъ красный казацкій кафтанъ, обшитый галунами. Высокая соболья шапка съ золотыми кистями была надвинута на его сверкающіе глаза... Казацкіе старшины окружали его. Отецъ Герасимъ, блѣдный и дрожащій, стоялъ у крыльца съ крестомъ въ рукахъ и, казалось, молча умолялъ его за предстоящія жертвы. На площади ставили наскоро висѣлицу». Если повѣсть Пушкина отдаетъ мелодраматизмомъ, то его взгляды на пугачевщину полны дворянско-буржуазной наивности. Въ его «Исторіи пугачевскаго бунта» читаемъ, напр., такую фразу, слѣдующую вслѣдъ за описаніемъ казни Пугачева въ Москвѣ 10 января 1775 года: «Такъ кончился мятежъ, начатый горстью непослушныхъ казаковъ, усилившійся по непростительному нерадѣнію начальства и поколебавшій государство отъ Сибири до Москвы и отъ Кубани до Муромскихъ лѣсовъ. Совершенное спокойствіе долго еще не водворялось. Панинъ и Суворовъ цѣлый годъ оставались въ усмиренныхъ губерніяхъ, утверждая въ нихъ ослабленное правленіе, возобновляя города и крѣпости и искореняя послѣднія отрасли пресѣченнаго бунта». Какъ все просто и ясно для старой дворянской идеологіи! Горсть непослушныхъ людей, нерадѣніе начальства — и государство замутилось на громадномъ пространствѣ... Дворянская царица на смѣну непростительно нерадѣтельнаго начальства прислала радѣтельное, и все окончилось прекрасно... Цѣлый годъ только пришлось этому радѣтельному начальству утверждать «въ усмиренныхъ губерніяхъ» «ослабленное правленіе», т.-е. казнить и смирять мужика-земледѣльца въ исключительныхъ интересахъ дворянскаго помѣщика. Это просто бунтъ, а не движеніе, и у писателя-художника не замѣтно никакихъ представленій о соціально-экономической сторонѣ бунта; онъ заранѣе клянетъ возможность всякихъ перемѣнъ... Въ этомъ отношеніи удивительно характеренъ конецъ дополненія къ XIII-ой главѣ «Капитанской дочки», обыкновенно пропадающій для читателей за основнымъ текстомъ. «Мы проходили,—говоритъ пушкинскій герой,—чрезъ селенія, разоренныя Пугачевымъ, и поневолѣ отбирали у бѣдныхъ жителей то, что оставлено было имъ разбойниками. Они не знали, кому повиноваться. Правленіе было всюду прекращено. Помѣщики укрывались по лѣсамъ. Шайки разбойниковъ злодѣйствовали повсюду. Начальники отдѣльныхъ отрядовъ, посланныхъ въ погоню за Пугачевымъ, тогда уже бѣгущимъ къ Астрахани, самовластно наказывали виноватыхъ и безвинныхъ. Состояніе всего края, гдѣ свирѣпствовалъ пожаръ, было ужасно. Не приведи Богъ видѣть русскій бунтъ, безсмысленный и безпощадный. Тѣ, которые замышляютъ у насъ невозможные перевороты, или молоды и не знаютъ нашего народа, или ужъ люди жестокосердые, коимъ и своя шейка—копѣйка, и чужая головушка—полушка». Выходило, что крѣпостному праву надо жить вѣчно, а помѣщику вѣчно наслаждаться даровымъ крестьянскимъ трудомъ! И Пушкинъ не замѣчалъ, что даже по его словамъ радѣтельное на-

чальство грабило на манеръ разбойничьихъ бандъ, защищая помѣщика. Трактуя тотъ же сюжетъ, художникъ-живописецъ взглянулъ на дѣло глазами буржуазно-дворянской поэзіи. На одной сторонѣ—«непослушные» кровопійцы, на другой—героическій дворянскій патріотизмъ, вдали—зарево пожара. Массовая сцена привлекаетъ вниманіе не всей совокупностью позъ и настроенія, а выразительностью отдѣльныхъ сюжетовъ. Центральная фигура—Пугачевъ, выступавшій подъ именемъ убитаго въ Ропшѣ царя Петра III,—не удалась и сбита съ позиціи другимъ лицомъ сзади нея; это другое лицо художникъ почему-то написалъ на манеръ самого Пугачева. Зато изумительно хороши и выразительны фигуры православнаго священника и раскольника съ длинной бородой, съ одной стороны, и казацкаго старшины, сидящаго на лѣстницѣ, съ другой. Надо, впрочемъ, замѣтить, что въ своемъ изображеніи пугачевской сцены художникъ не доработался до конца. Оригиналъ Третьяковской галлереи *не* законченъ, а если сравнить его съ варіантомъ, находящимся въ Русскомъ Музеѣ Александра III, то подмѣтимъ большія колебанія художника: на варіантѣ фигура Пугачева куда интереснѣе и живѣе, зато вся сцена проигрываетъ въ значительной степени и отличается деталями, которыя выброшены съ оригинала Третьяковской галлереи: нѣтъ дворянчика, цѣлующаго руку Пугачева, нѣтъ колѣнопреклоненнаго старика съ хлѣбомъ-солью... Во всякомъ случаѣ, попытка Перова живописать пугачевщину цѣнна, но въ 70-хъ годахъ прошлаго вѣка можно было бы ожидать болѣе *соціальнаго* ея изображенія, чѣмъ то видимъ на полотнахъ Перова, который внѣ своего специфически историческаго жанра умѣлъ удивительно схватывать классовыя черты своихъ бытовыхъ персонажей современности... Пугачевъ шелъ противъ «благородныхъ», противъ бѣлой кости, пожравшей волю и трудъ крестьянской массы; крестьянство смотрѣло на него, какъ на народнаго царя-мстителя, пришедшаго на выручку отъ оковъ дворянской царицы и ея дворянскихъ слугъ-повелителей. Глубокая соціальная рознь дала себя знать во-всю; отъ этой розни трепетала не привыкшая къ страхамъ Екатерина... Во всю свою остальную жизнь Екатерина II такъ же не могла забыть движенія Е. И. Пугачева, какъ Николай I не могъ забыть возстанія декабристовъ. Со времени Пугачевскаго бунта затрепетало дворянское право владѣть крѣпостными человѣческими душами; со времени декабристскаго возстанія 1825 г. затрепетало право самодержца и надломилась броня знаменитой формулы *жаловать своихъ холопей мы вольны и казнить ихъ вольны же*. За спиною самозваннаго народнаго царя-мстителя ютился и раскольникъ, котораго не даромъ Перовъ не забылъ на своей картинѣ: отсюда и рядъ нападеній пугачевцевъ на офиціальную вѣру, нападеній, не стѣснявшихся въ выборѣ формъ и средствъ. Пугачевское движеніе—грозно-стихійное, безъ всякаго плана и сколько-нибудь сносной организаціи. Люди спѣшили проявить свою потрясающую ненависть, давно воспитанную и не прорывавшуюся въ широкихъ размѣрахъ со времени С. Разина; главари движенія спѣшили насладиться жизнью, «попить, поѣсть, поцарствовать». Не нужно думать, что безъ всякаго плана и опредѣленной организаціи двигаются только общественные низы. При отсутствіи такой подготовки произошло и дворянское возстаніе 1825 г. Люди шли, заранѣе зная неуспѣхъ, но они шли, потому что нельзя было не итти, потому что они не могли не итти, потому что другого выхода не было. Въ такого рода движеніяхъ всегда надо учитывать прежде всего *психологическій* элементъ: пусть однимъ непосредственно мерещится барское жаркое, а другимъ — конституціонныя красоты, все равно и то и другое приходилось прежде времени добывать силой, приходилось падать и страдать и ждать переворота въ общественномъ сознаніи...

В. Стор.

„РУССКАЯ ИСТОРІЯ"

Изд. Т-ва „МІРЪ".

прямо въ его разсчетахъ, и Демидовъ прекрасно это понималъ; рекомендуя своимъ дѣтямъ терпѣливо относиться къ забастовкѣ ихъ „крѣпостныхъ пролетаріевъ“, онъ высказывалъ твердую увѣренность, что голодъ, рано или поздно, пригонитъ ихъ обратно на заводъ.

Плантаціонное хозяйство, которое въ земледѣльческой полосѣ было, во всякомъ случаѣ, исключеніемъ, хотя, можетъ быть, гораздо болѣе частымъ, чѣмъ обыкновенно думаютъ, на уральскихъ заводахъ становилось правиломъ: „приписной“ крестьянинъ все больше и больше обращался въ безземельнаго раба, котораго хозяинъ кормилъ и одѣвалъ, эксплуатируя за то и его, и его семью (случаи примѣненія дѣтскаго труда уже встрѣчаются), какъ ему заблагоразсудится. Нѣтъ надобности говорить, что условія труда вполнѣ отвѣчали всей картинѣ тогдашняго режима: никакихъ признаковъ „фабричной гигіены“, разумѣется, не существовало; рабочіе задыхались въ шахтахъ, лишенныхъ вентиляціи, ихъ заливало водой, они наживали себѣ скорбутъ и другія болѣзни—обезлюдивъ одну деревню, заводчикъ хлопоталъ о припискѣ другой, и только. Особенно мало заботились объ этомъ привилегированные заводчики изъ крупной знати, которые, какъ грибы послѣ дождя, стали расти въ концѣ царствованія Елизаветы, съ развитіемъ спроса на уральское желѣзо за границей: Шуваловъ (у одного Петра Ивановича, такъ хорошо намъ знакомаго, было до 25.000 душъ „приписныхъ“), Чернышевъ, Воронцовъ и др. При этомъ дисциплина на заводѣ XVIII вѣка была такая же, какъ и въ крѣпостномъ имѣніи, и если на теперешнихъ фабрикахъ „начальство“ сплошь и рядомъ даетъ волю рукамъ, можно себѣ представить, что было въ тѣ времена. „При заводской работѣ происходило намъ не точію излишнее противу положенныхъ на насъ подушнаго оклада и оброчнаго провіанта отягощеніе, но и самыя мучительныя ругательства“, писали демидовскіе же крестьяне (въ одной челобитной, нѣсколько болѣе поздней, чѣмъ цитированная выше). „...Его, Демидова, приказчики и нарядчики, незнаемо за что, немилостиво били батожьемъ и кнутьями, многихъ крестьянъ смертельно изувѣчили, отъ которыхъ побой долговременно, недѣль по шести и по полугоду не зарастали съ червіемъ раны. Отъ тѣхъ же побой изъ молодыхъ въ военную службу за увѣчьемъ въ отдачу уже быть

60 к. См. мнѣніе депутата комиссіи 1767 г. Полежаева у г. Семевскаго ib. 437. Большая часть цитатъ взята изъ этого же сочин.

неспособны; а заводскихъ и домашнихъ работъ исправлять не могутъ (а иные померли). А за принесенную въ обидѣ жалобу, дабы и впредь нигдѣ не били челомъ, приказомъ приказчиковъ и нарядчиковъ, навязавъ яко татю на шею колодки и водя по дровосѣкамъ и шалашамъ, а въ заводѣ по улицамъ, по плотинамъ и по фабрикамъ, ременными кнутьями немилосердно злодѣйски мучили...“ Крестьяне называли при этомъ по именамъ 12 человѣкъ, засѣченныхъ приказчиками до смерти *).

Для того, чтобы правильно оцѣнить то дѣйствіе, которое процессъ закрѣпощенія долженъ былъ произвести на психику уральскихъ крестьянъ, надо не забыватъ двухъ обстоятельствъ: во-первыхъ, что процессъ этотъ, тянувшійся въ земледѣльческой Россіи съ незапамятныхъ временъ, здѣсь начался и кончился на глазахъ у одного поколѣнія—ко времени пугачевщины во многихъ мѣстахъ могли быть живы люди, которые не только родились, но и выросли свободными черносошными крестьянами; во-вторыхъ, что, благодаря именно этой постепенности, всюду право успѣло приспособиться къ экономической дѣйствительности, подчинившей себѣ все—и религію, и мораль: и государевъ указъ, и поученія сельскаго попа, и „обычай“, свято хранимый мудрыми стариками, дожившими до старости именно потому, что они были самыми усердными холопами, твердили крѣпостному объ одномъ: нужно слушаться барина. На Уралѣ не было ничего подобнаго: на бумагѣ „приписные“ продолжали оставаться свободными, наѣзжіе государевы чиновники на словахъ не рѣшались этого отрицать, какъ ни сильно они тянули руку заводчиковъ, и ни въ какомъ священномъ писаніи нельзя было отыскать текстовъ, которые бы уполномочивали Демидова драть семь шкуръ со своихъ мужиковъ,—„обычаи“ же всѣ говорили о свободѣ. Въ первую минуту уральскимъ крестьянамъ и казалось, что вполнѣ возможно легальное сопротивленіе надвигавшейся на нихъ крѣпости. По дальности разстоянія о нихъ забыли—вотъ заводчики и начали своевольничать; надо напомнить о себѣ, и управа на лиходѣевъ найдется. Они писали прошенія въ главную канцелярію заводовъ въ Екатеринбургѣ—съ нихъ брали взятки, огромныя по времени и положенію просителей, до 100—150 рублей (700—1000 на наши деньги), и потомъ издѣвались надъ ними. Они посылали ходоковъ—ихъ сажали въ тюрьму,

*) Ibid., 368—369.

заковывали въ кандалы, надѣвали имъ на шею рогатки и отправляли работать вмѣстѣ съ каторжниками. Естественно, должна была явиться мысль—пока еще не о томъ, что легальный путь ни къ чему не приведетъ, а о томъ, что они ищутъ управы не по тому направленію, по какому нужно. Настоящее ли это начальство, которое не хочетъ исполнять требованій, до очевидности законныхъ? Не узурпаторы ли это, посаженные заводчиками? „Узурпаторы" дѣйствуютъ отъ имени императрицы Екатерины II; не въ этомъ ли обманъ? гдѣ же Петръ III? почему онъ такъ скоро исчезъ? Уже въ 1763 году на Уралѣ питали сильныя сомнѣнія по этому случаю, и священникъ одного села, не безъ побужденія своихъ прихожанъ, конечно, служилъ молебенъ о здравіи Петра Ѳедоровича. А два года спустя, почти за десять лѣтъ до Пугачева, по Уралу уже ходятъ слухи, что Петръ Ѳедоровичъ не только живъ, но и находится здѣсь, на Уралѣ—называли даже крестьянина, въ избѣ котораго онъ ночевалъ. А крестьянскіе ходоки собираютъ указы Петра III, подлинные и подложные—да, говорятъ, это еще не всѣ: есть другіе, откуда крестьянская правда видна еще лучше. Идеологія уральской революціи 1773 года была, такимъ образомъ, готова.

Ея тактика была готова еще раньше. Было бы верхомъ наивности думать, что возстаніе станетъ дожидаться, пока сложится юридическая теорія, которою можно его оправдать: во всѣхъ революціяхъ люди начинаютъ дѣйствовать стихійно,—теорію они находятъ, или теорія ихъ находитъ—потомъ. Уже самая „приписка" крестьянъ къ заводамъ рѣдко проходила спокойно: для того, чтобы получить фактически, а не на бумагѣ только, рабочихъ для Авзяно-Петровскаго завода (впослѣдствіи одного изъ главныхъ опорныхъ пунктовъ пугачевщины на Уралѣ), П. И. Шувалову пришлось прибѣгнуть къ содѣйствію цѣлаго драгунскаго полка, спеціально присланнаго изъ Казани. „Приписные" были жестоко перепороты, и часть ихъ отдана въ каторжныя работы—на тѣ же самые шуваловскіе заводы. Въ то же время (1750-ые годы) Сиверсъ „приписывалъ" крестьянъ къ своему заводу при помощи шести ротъ пѣхоты. Чтобы читатель оцѣнилъ, какъ слѣдуетъ, эту военную статистику, вотъ одинъ примѣръ, живо рисующій тогдашнія условія по этой части: когда посланный по спеціальному порученію Екатерины на Уралъ кн. Вяземскій затребовалъ изъ Казани 100 человѣкъ солдатъ, ему отвѣтили, что въ городѣ всего 33 гренадера и мушкетера. При

такомъ положенiи вещей мобилизовать полкъ или шесть ротъ было все равно, что теперь двинуть дивизiю или бригаду. Но съ меньшими силами нельзя было иногда подступиться къ взволнованнымъ „приписнымъ“. Въ 1760-мъ и слѣдующихъ годахъ около Масленскаго острога, на юго-востокѣ нынѣшней Пермской губернiи, происходили настоящiя военныя дѣйствiя. Крестьяне заняли „крѣпость“ (острогъ былъ окруженъ деревянными стѣнами) вооруженнымъ отрядомъ въ нѣсколько сотъ человѣкъ. Сотня изъ нихъ имѣла ружья, остальные были вооружены копьями, бердышами, дубинами, иные имѣли луки и стрѣлы. Подступы къ крѣпости были заперты рогатками, а около воротъ были насыпаны кучи камней „и прочихъ къ сопротивленiю разныхъ орудiй“. По дорогамъ держалась строгая караульная служба, а крѣпостной гарнизонъ производилъ по временамъ правильныя ученiя. Маленькiя воинскiя команды, приходившiя по вызову демидовскихъ приказчиковъ—они были тогда непрiятелемъ, на котораго ополчились крестьяне,—и подступиться не смѣли къ этому укрѣпленному лагерю. Демидовская администрацiя вызвала тогда изъ Оренбурга отрядъ гренадеръ съ пушкой и двѣ роты драгунъ и воспользовалась проходомъ изъ Сибири полка донскихъ казаковъ: вокругъ крестьянской крѣпости было сосредоточено до 600 человѣкъ войска. Но крестьяне и тутъ не сдались—удачно отбились отъ казаковъ и храбро выдержали бомбардировку изъ полковой пушки. Тогда драгуны пошли на приступъ, и послѣ жестокаго рукопашнаго боя, въ которомъ войска потеряли болѣе 50 человѣкъ, острогъ былъ взятъ. Послѣ этого въ сосѣдней шадринской тюрьмѣ оказалось 300 колодниковъ, да такому же числу удалось бѣжать—убито во время усмиренiя тоже было, конечно, не малое количество: а всего-то рѣчь шла о припискѣ 2.000 душъ мужского пола. Возстанiе было едва ли не поголовнымъ, и когда въ Петербургѣ получили о немъ детальныя свѣдѣнiя, рѣшено было пойти на уступки: на мѣсто была послана слѣдственная комиссiя съ чрезвычайно широкими полномочiями: ей было предоставлено право въ случаѣ надобности даже и отчислить крестьянъ отъ демидовскихъ заводовъ. Большая часть заключенныхъ въ тюрьму была выпущена, и вообще расправа за „вооруженное сопротивленiе“ со стороны центральной власти была гораздо болѣе кроткой, чѣмъ можно было ожидать по нравамъ эпохи. Но если въ Петербургѣ до нѣкоторой степени понимали, что не слѣдуетъ доводить дѣло до крайности;

мѣстныя власти, въ упоеніи своей „побѣды“, обыкновенно теряли всякую способность различать достижимое отъ недостижимаго. Предводитель шести ротъ, приписывавшихъ крестьянъ къ заводу Сиверса, маіоръ Остальфъ, „забиралъ подъ караулъ наиболѣе зажиточныхъ крестьянъ, приковывалъ къ кольцамъ за руки и за ноги, билъ немилостиво кошками, и все это для того, чтобы вынудить у нихъ взятки. Всякій, опасаясь смертныхъ побоевъ, закладывалъ домъ, продавалъ скотъ, чтобы отнести деньги, холстъ, медъ и все, что случится, не только самому Остальфу, но и его офицерамъ и рядовымъ; однѣми деньгами они отдали 712 рублей“. Крестьяне другого селенія, куда потомъ перешелъ Остальфъ со своими отрядами, передавали въ своей челобитной такую сцену: „Пришли мы, сироты, къ господину маіору Осипу Маркычу поклониться и сталъ нашъ выборный ему, господину, говорить, что „мірскіе люди кланяются вашему высокородію пудъ меду“, и оный маіоръ ударилъ выборнаго въ рожу и говоритъ намъ, мірскимъ людямъ: „я де не рублевый гость, вы-де дадите и дворецкому моему пять рублевъ; привезите же ко мнѣ... 30 рублевъ денегъ да приведите пару коней“. Когда въ приписныхъ къ шуваловскимъ заводамъ волостяхъ стоялъ драгунскій полкъ „это было чуть ли не поголовное изнасилованіе и растлѣніе женскаго населенія: эти преступленія совершали и офицеры, и солдаты. Крестьянъ всевозможными наказаніями заставляли отдавать своихъ дочерей на жертву страстямъ разнузданной солдатчины; отъ насилія не избавлялись ни замужнія женщины, ни дѣвушки, еще не достигшія зрѣлости“ *). Прибавимъ, что эти тираны были такъ немногочисленны, что даже терроризировать населеніе не могли. Этотъ драгунскій полкъ былъ, въ концѣ концовъ, чуть ли не единственный на весь Уралъ и, ко времени пріѣзда кн. Вяземскаго (1763 г.), отъ постоянныхъ передвиженій почти потерялъ способность двигаться, оставшись безъ лошадей. Карательная экспедиція при такихъ условіяхъ только лила масло въ огонь, волненія возобновлялись, стоило солдатамъ уйти, и при вступленіи на престолъ Екатерины II почти половина приписныхъ крестьянъ на Уралѣ (49.000 изъ ста тысячъ душъ) находились въ состояніи бунта. И Вяземскому пришлось разсчитывать не столько на военную силу, сколько на хитрость: онъ рекомендовалъ своему чиновнику „приманивать“ крестьянъ ссыл-

*) г. Семевскій, назв. сочин., стр. 329, 396—7.

кою на туманныя слова императорскаго манифеста, гдѣ говорилось, что крестьяне, можетъ быть, будутъ и отписаны отъ заводовъ. „Такимъ образомъ приманя и обнадежа, что никакого вреда имъ сдѣлано не будетъ, вдругъ и крестьянамъ не примѣтнымъ образомъ всѣхъ или сколько можно главныхъ злодѣевъ и возмутителей захватить и, того же часа, набивъ на нихъ колодки, спрашивать о ихъ сообщникахъ и помощникахъ, которыхъ потому же, немедленно захватя, содержать подъ крѣпкимъ карауломъ, ибо отъ скоро пріятой твердой резолюціи не только крестьяне, но и регулярный непріятель легко въ безпорядокъ приведенъ быть можетъ, и всякое такое предпріятіе желаемый конецъ получаетъ...“ Но, въ сущности, и обѣщанія манифеста сами по себѣ были военной хитростью и подписавшая его сама признавалась, что крестьянъ, даже незаконно закрѣпощенныхъ заводчиками, она освободить не въ силахъ. „О переведенныхъ крестьянахъ на заводы, чтобы ихъ высылать на старыя жилища“, писала Екатерина Вяземскому, „хотя сіе и въ противность указамъ заводосодержатель дѣлалъ, я еще указа дать не могу, дабы поправляя сіе зло, другого вящаго не сдѣлать къ разрушенію заводовъ, потому что многіе уже мастерствамъ обучены“. *)

Заводскіе крестьяне должны были, такимъ образомъ, на собственномъ горькомъ опытѣ убѣдиться, насколько та власть, которая имъ казалась всемогущей, безсильна передъ крупными собственниками. Въ то же самое время такимъ же опытомъ пришли къ такому же убѣжденію уральскіе, или, какъ ихъ тогда называли, яицкіе казаки. Какъ и всякая другая казацкая община, на первыхъ порахъ промысловое товарищество, въ свободное отъ промысловаго хозяйства время „казаковавшее“ въ сосѣдней степи, уральцы къ шестидесятымъ годамъ XVIII вѣка оказались сразу стѣсненными въ обоихъ своихъ исконныхъ занятіяхъ. Съ одной стороны, откочевка къ Китаю калмыковъ лишила ихъ главнаго объекта „казакованія“; съ другой, монополизація казною рыбнаго промысла привела на практикѣ къ быстрому вторженію на Уралъ денежнаго капитала и, въ связи съ этимъ, къ быстрому разслоенію общины, которая и раньше, какъ всякая опять-таки казацкая община, содержала въ себѣ элементы болѣе зажиточные, quasi буржуазные, рядомъ съ бѣдняками **). Главнымъ уральскимъ промысломъ была рыбная

*) Ibid., стр. 377.
**) Ср. характеристику запорожской общины „Русская исторія“, т. III. стр. 34 слл.

ловля, считавшаяся тогда лучшей во всей Россіи. Въ половинѣ XVIII вѣка она не была уже совершенно свободной, и лучшія рыболовныя мѣста (гурьевскій учугъ, напримѣръ) войску приходилось брать на откупъ у казны. Пойманную рыбу надо было солить, но соль опять была казенной монополіей, и мы помнимъ, что при Елизаветѣ на эту монополію особенно налегали. Номинально откупщиками и соляной, и рыбной монополій на Уралѣ было все войско: практически контракты въ Москвѣ и въ Петербургѣ заключали отъ имени войска наиболѣе зажиточные казаки, и офиціальные документы, касающіеся яицкихъ „волненій", нисколько не отрицаютъ, что атаманъ Бородинъ, напримѣръ, правившій Яикомъ въ 60-хъ годахъ, „содержалъ соляной откупъ въ своемъ вѣдомствѣ три года, не давая въ томъ никакого отчету, и хотя собираемыхъ въ оной откупъ денегъ не только на заплату учужнаго (рыболовнаго), но и соляного, откуповъ казалось быть довольно, не смотря на то, налагали еще на народъ сборы". Послѣ Бородина старшина Акутинъ, при помощи взятокъ изъ войсковой казны, сдѣлался откупщикомъ рыбныхъ ловель на Волгѣ, а потомъ и солянымъ на Уралѣ *). А за то, на чемъ казацкая старшина наживалась, казацкой массѣ приходилось самой платить. За соляную подать съ казака требовали десятую рыбу отъ улова. Съ рыболовнымъ откупомъ было еще лучше: со времени Бородина повелось, что въ откупную сумму стали засчитывать жалованье, которое выдавалось казакамъ отъ правительства—жалованье небольшое, не выше рубля въ годъ, но составлявшее едва ли не главную денежную сумму, попадавшую въ руки простого казака, особенно съ тѣхъ поръ, какъ „казакованье" прекратилось за отсутствіемъ добычи. Когда Бородинъ, не удовлетворившись и этимъ, обложилъ еще казаковъ, возвращавшихся съ рыбной ловли, денежнымъ сборомъ—якобы на необходимые войсковые расходы—вспыхнулъ бунтъ. Среди державшей въ рукахъ войсковыя должности, войсковую казну и вмѣстѣ откупа казацкой олигархіи, нашелся порядочный человѣкъ, нѣкто Логиновъ, который раскрылъ глаза „войску" на хозяйничанье его атамана и убѣдилъ казаковъ новозаведеннаго Бородинымъ сбора не платить, ибо въ атаманскомъ карманѣ и безъ того уже слишкомъ много казацкихъ денегъ. Струсившій Бородинъ въ первую

---

*) „Матеріалы для исторіи пугачевскаго бунта", собранные Я. Гротомъ. Сборн. Отдѣл. Русск. Яз. и Слов. Ак. Наукъ, т. XV. Изъ донесенія П. Потемкина.

минуту нашелся отвѣтить смѣлому агитатору только „непристойной бранью“, но затѣмъ, конечно, поспѣшилъ воззвать къ власти, охраняющей порядокъ, пославъ жалобу въ военную коллегію. Подавляющее большинство казаковъ было на сторонѣ Логинова, такъ что предпринять что либо собственными средствами атаманъ не рѣшался: очень характерно, что логиновская сторона скоро получила въ народѣ названіе „войсковой“, а бородинская „старшинской“; названія давали очень точное представленіе о соотношеніи силъ на мѣстѣ. Инымъ оно, конечно, было въ военной коллегіи. Присланный ею для разбора дѣла (въ 1763 году) генералъ Потаповъ нашелъ Логинова достойнымъ кнута и каторжныхъ работъ (въ дѣйствительности онъ былъ лишенъ чиновъ и, исключенный изъ яицкаго войска, записанъ въ оренбургское простымъ казакомъ), многихъ его сторонниковъ наказали плетьми, а одного отдали въ солдаты, что для казака было едва ли не болѣе тяжкимъ наказаніемъ, чѣмъ плети. Но желанія „войсковыхъ“ были еще такъ умѣренны, что они остались почти довольны Потаповымъ за то, что онъ смѣстилъ съ атаманства Бородина и пообѣщалъ взыскать съ него и другихъ старшинъ по крайней мѣрѣ ту часть войсковыхъ денегъ, которую тѣ слишкомъ явно клали себѣ въ карманъ. Войско заволновалось снова только тогда, когда оставленный Потаповымъ маіоръ Новокрещеновъ сталъ беззастѣнчиво тянуть руку „старшинской“ стороны, а выборныхъ отъ „войсковой“ приказалъ наказать палками. Но и на этотъ разъ недовольство не нашло еще себѣ болѣе рѣзкаго выраженія, чѣмъ челобитныя въ Петербургъ, и только, когда посланный для разбора челобитныхъ генералъ Череповъ началъ съ того, что сталъ стрѣлять въ челобитчиковъ, температура быстро поднялась... Череповская пальба помогла „старшинской“ сторонѣ посадить еще одного своего атамана, Тамбовцева, но это былъ уже послѣдній. Теперь достаточно было перваго удобнаго повода, чтобы вызвать настоящее вооруженное возстаніе. Военное начальство не замедлило этотъ поводъ дать. Когда присланный изъ Петербурга новый генералъ, Траубенбергъ, сталъ отбирать казаковъ для формировавшагося тогда „образцоваго легіона“ и велѣлъ брить новыхъ рекрутовъ на площади (а уральскіе казаки были раскольники и бородами своими очень дорожили), войско начало съ того, что двинулось къ генералу съ иконами—одна изъ которыхъ даже плакала при этомъ случаѣ—а кончило тѣмъ, что убило и Траубенберга, и Тамбовцева. Что исторія съ рекрутами была

Русскій сельскій пейзажъ.

Оригиналъ картины Ив. Мих. Танкова (1739—1799 г.) *Русскій сельскій пейзажъ* находится въ галлереѣ Румянцевскаго Музея въ Москвѣ (№ 308); въ Русскомъ Музеѣ императора Александра III въ Петербургѣ имѣется картина того же художника *Праздникъ въ деревнѣ* (№ 278). Картина представляетъ интересъ и какъ образчикъ русской пейзажной живописи позапрошлаго вѣка, и по своему сюжету, далекому отъ изображенія дворцовъ и дворянскихъ замковъ. Танковъ пытается изобразить своей кистью русскую деревню, поскольку, конечно, можно пустить таковую въ «приличное» или «благородное» общество. Обыкновенно историки живописи говорятъ, что пейзажная живопись въ Россіи «до мельчайшихъ подробностей повторяетъ ту смѣну теченій и настроеній», какую мы вообще находимъ въ судьбахъ русской живописи. Русскій пейзажъ Танкова красивъ, но не производитъ впечатлѣнія оригинальной кисти, не блеститъ самобытнымъ творчествомъ и подпахиваетъ европеизмомъ и кабинетнымъ воображеніемъ, которому недостаетъ надлежащаго чутья простонародной натуры. Но самый фактъ появленія такого пейзажа во второй половинѣ XVIII вѣка не можетъ быть обойденнымъ, и едва ли менѣе интересенъ, чѣмъ то множество перспективныхъ твореній художниковъ, которые холопски списывали для потѣхи императрицъ мночисленные дворцы съ великолѣпными перспективами садовъ...

В. Стор.

„РУССКАЯ ИСТОРІЯ“. Изд. Т-ва „МІРЪ“.

лишь случайнымъ поводомъ, а движущія пружины и этого волненія оставались прежнія, ясно видно изъ того, что побѣдившее войско, прежде всего другого, взыскало съ Бородина и остальныхъ старшинъ деньги, обѣщанныя когда-то Потаповымъ. Убійство Траубенберга было уже бунтомъ во всемъ смыслѣ этого слова, и на Яикъ явилась карательная экспедиція. Попытка войска оказать ей вооруженное сопротивленіе была сломлена—такъ слабы, въ сущности, были уральскіе казаки, предоставленные самимъ себѣ!—а послѣдующая расправа превзошла всѣ предыдущія. Арестована была такая масса народу, что въ тюрьмѣ ему не нашлось мѣста, многіе сидѣли по лавкамъ, въ гостиномъ дворѣ. Множество „войсковыхъ" было пересѣчено кнутомъ, сослано въ каторгу, отдано въ солдаты. Столица уральскаго войска, яицкій городокъ, была такъ терроризована, что „порядокъ" въ ней торжествовалъ и въ разгаръ пугачевщины: въ то время, какъ Казань была уже сожжена, Пенза и Саратовъ были въ рукахъ Пугачева, а Москва ждала нашествія со дня на день, въ центральномъ пунктѣ мятежа продолжалъ держаться царскій гарнизонъ. Но масса инсургентовъ разбѣжалась по степнымъ хуторамъ, гдѣ ихъ трудно было достать; на одномъ изъ такихъ хуторовъ появился, какъ извѣстно, и Пугачевъ.

Исторія „самозванства" послѣдняго еще менѣе интересна для современнаго читателя, нежели исторія Названаго Димитрія. Тамъ есть хотя матеріалъ для довольно эффектнаго романа, въ старомъ вкусѣ: а менѣе романическую фигуру, чѣмъ Пугачевъ, трудно себѣ представить. Какъ личность, это было нѣчто среднее между фантастомъ, способнымъ увѣровать въ плоды своей фантазіи, какихъ тогда много было среди раскольниковъ (къ которымъ Пугачевъ былъ такъ близокъ, хотя родился и православнымъ), и просто ловкимъ проходимцемъ, какихъ тоже было не мало въ разбойничьихъ гнѣздахъ Поволжья или даже въ воровскихъ притонахъ Москвы. Что онъ сознательно принялъ на себя имя лица, одна мысль о которомъ должна была приводить въ трепетъ простого, безграмотнаго казака, показываетъ, какъ легко люди этого типа эмансипировались отъ обычной холопской психологіи. Но и тутъ онъ опять былъ представителемъ типа—и довольно распространеннаго. Онъ былъ не первымъ „Петромъ III", какъ не былъ и послѣднимъ. За восемь лѣтъ до него бывшій солдатъ Кремневъ попытался разыграть совершенно ту же роль въ Воронежской губерніи; въ миніатюрѣ его

исторія, какъ двѣ капли воды, напоминаетъ пугачевскую — даже до такой подробности, что у него были „генералы“ изъ крѣпостныхъ крестьянъ, одного изъ которыхъ онъ называлъ „Румянцевымъ“, а другого „Пушкинымъ“ (нужно думать, что это были единственные важные генералы, извѣстные ему по именамъ). Воронежскіе однодворцы, съ которыми пришлось имѣть дѣло Кремневу, оказались гораздо менѣе благодарной почвой, нежели только что „усмиренные“ яицкіе казаки или безконечно усмирявшіеся уральскіе горнорабочіе— одиссея Кремнева кончилась, благодаря этому, очень скоро. Но чуть ли не въ то еще время, какъ его сѣкли кнутомъ на базарахъ всѣхъ деревень, гдѣ онъ выступалъ въ качествѣ „претендента“, въ сосѣдней Изюмской провинціи другой бѣглый солдатъ, Чернышевъ, увѣрялъ всѣхъ, что Петръ III — это онъ, и сейчасъ же нашелъ сельскаго попа, который сталъ поминать его на ектеньяхъ, какъ императора. Словомъ, какъ разъ въ этомъ пунктѣ Пугачевъ былъ наименѣе оригиналенъ. Если бы можно было приписать ему лично систему его военныхъ дѣйствій, за нимъ пришлось бы признать выдающіяся стратегическія способности: но эту систему, кажется, приходится считать продуктомъ коллективнаго творчества, и возможно, что здѣсь Зарубинъ (Чика) или Бѣлобородовъ играли большую роль, нежели самъ Пугачевъ. Поведеніе „императора“ послѣ ареста показываетъ, что самъ на себя онъ смотрѣлъ не больше какъ на удачливаго атамана разбойниковъ, не задумывающагося ни надъ какими „принципіальными“ оправданіями своихъ дѣйствій: просто — грѣшилъ, пока было можно, а пришелъ часъ — нужно искупить грѣхъ. Поймавшіе его чиновники Екатерины II не могли прійти въ себя отъ удивленія и обиды въ своемъ дворянскомъ достоинствѣ, когда увидѣли, кто ихъ держалъ цѣлый годъ въ страхѣ и трепетѣ. „Онъ человѣкъ нельзя никакъ сказать, чтобы великаго духа“, писалъ императрицѣ московскій главнокомандующій кн. Волконскій послѣ перваго своего свиданія со вчерашнимъ „Петромъ Ѳедоровичемъ“: „а тѣмъ меньше разума, ибо я по всѣмъ его извѣтамъ нисколько остроты его не видѣлъ... Скверенъ такъ, какъ мужику быть простому свойственно, съ тою только разницею, что онъ бродяга“.

Карьера этого „бродяги“ на первыхъ шагахъ ничѣмъ не отличалась отъ карьеры его предшественниковъ. Едва успѣвъ объявить себя Петромъ III, онъ былъ схваченъ, отвезенъ въ Казань и приговоренъ къ кнуту и каторгѣ. Вмѣсто этого,

однако жъ, онъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ опять появился среди яицкихъ казаковъ, а еще черезъ нѣсколько недѣль стоялъ уже во главѣ обще-уральскаго мятежа. Екатерина— съ ея взглядомъ на дѣло мы ниже познакомимся подробнѣе— долго не могла простить казанскому губернатору Бранту его оплошности, и нашла нужнымъ подчеркнуть ее даже въ официальномъ рескриптѣ ему, по случаю назначенія генерала Кара главнымъ начальникомъ надъ первой экспедиціей противъ Пугачева. „По случившемся въ Оренбурской губерніи отъ бѣжавшаго у васъ изъ-подъ караула бездѣльника казака Пугачева мятежѣ", ядовито отмѣчалъ рескриптъ, объясняя бѣдному Бранту причины посылки Кара. Естественно, что самъ Каръ больше всего хлопоталъ, какъ бы Пугачевъ не убѣжалъ вторично: „опасаюсь только того", писалъ онъ Екатеринѣ, „что сіи разбойники, свѣдавъ о приближеніи командъ, не обратились бы въ бѣгъ". Военная коллегія вполнѣ раздѣляла его оптимизмъ. „Весьма изрядно учинить все изволили, предписавъ синбирскому коменданту преградить у плутовской толпы путь на случай ихъ бѣгства по услышаніи о приближеніи къ нимъ военныхъ командъ", писалъ Кару въ отвѣтъ президентъ военной коллегіи, гр. Чернышевъ. По крайней медленности тогдашнихъ сношеній, писалось это въ то время, когда давно „обратился въ бѣгъ" самъ Каръ, а командированный имъ для пресѣченія Пугачеву путей къ бѣгству „синбирскій комендантъ" давно качался на висѣлицѣ. Въ силу вѣковой традиціи русской — да и всяческой другой—бюрократіи старались не упустить „зачинщика". Но суть была совсѣмъ не въ немъ — можно быть увѣреннымъ, что въ случаѣ вторичной поимки Пугачева „войсковые" сейчасъ же нашли бы себѣ новаго „Петра III",— а въ той тактикѣ, которую усвоили себѣ теперь уральскіе казаки и которая, всего вѣроятнѣе, была имъ подсказана ихъ неудачей въ предшествующемъ году. Тогда они держались оборонительной системы — дожидались, пока къ нимъ придутъ войска, и отбивались отъ нихъ: въ результатѣ они были разгромлены. Теперь они рѣшились взять иниціативу въ свои руки, и побѣда надъ силами, гораздо болѣе крупными, чѣмъ какія они имѣли передъ собою въ 1772 году, досталась имъ съ легкостью, которая должна была изумить ихъ самихъ. Историки, которые объясняютъ легкость успѣховъ Пугачева тѣмъ, что противъ него была „дрянная гарниза" за не менѣе дрянными деревянными укрѣпленіями, забываютъ, что вѣдь и годомъ раньше на Яикѣ дѣйствовали не отборные полки (они были

на турецкой войнѣ или же въ Польшѣ). У Фреймана, усмирявшаго Яикъ въ 1772 году, была всего одна гренадерская рота — точь въ точь такая, какую Пугачевъ въ ноябрѣ слѣдующаго года взялъ, что называется, голыми руками. Но передъ Фрейманомъ были „злодѣи“ бѣжавшіе и укрывавшіеся, въ крайнемъ случаѣ отстрѣливавшіеся, когда на нихъ нападали, словомъ, была картина обычная, къ которой „усмирители“ давно привыкли; а передъ Каромъ и его предшественниками были „злодѣи“, совершенно необычнымъ образомъ нагло шедшіе впередъ, точно они были авангардомъ стотысячной арміи. Между тѣмъ, у Пугачева въ этотъ періодъ возстанія было не больше двухъ тысячъ хорошо вооруженныхъ людей, и то подъ самый конецъ, а началъ онъ, имѣя ихъ не болѣе трехсотъ. Тогда какъ у одного Кара было 1300 человѣкъ, можетъ быть, и не равнявшихся по достоинству гренадерамъ Фридриха Великаго, но во всякомъ случаѣ вооруженныхъ и обученныхъ, какъ всякіе регулярные солдаты, да въ Оренбургѣ, за всѣми потерями первыхъ недѣль, оставалось почти три тысячи. Но на сторонѣ пугачевцевъ былъ огромный моральный перевѣсъ — перевѣсъ людей, уже одержавшихъ побѣду и идущихъ впередъ, тогда какъ психологія правительственныхъ войскъ была психологіей отступающей арміи, не вѣрящей ни въ себя, ни въ своихъ вождей. Два привходящихъ обстоятельства облегчили, одно — первую побѣду, а стало быть, и моральный перевѣсъ возставшихъ, другое — техническую возможность использовать этотъ перевѣсъ. Первое обстоятельство заключалось въ крайнемъ ослабленіи „старшинской“ партіи на Уралѣ въ это время, благодаря отсутствію почти всѣхъ ея боевыхъ элементовъ, командированныхъ въ Кизляръ: считая Яикъ окончательно замиреннымъ, правительство спѣшило использовать свою побѣду, заткнувъ яицкими казаками бреши, которыхъ у него такъ много было на всѣхъ границахъ. Такимъ образомъ, элементъ, который имѣлъ соціальный интересъ бороться, и возстаніемъ, былъ сведенъ почти на нѣтъ: и это какъ разъ въ ту минуту, когда противоположная сторона была ожесточена до крайности, потому что яицкій комендантъ началъ править съ „войсковыхъ“ деньги, нѣчто въ родѣ контрибуціи, наложенной на нихъ за бунтъ 1772 года. Одинъ изъ допрашиваемыхъ казаковъ впослѣдствіи „откровенно признался“, по словамъ офиціальнаго документа, „что никакая другая причина не принуждала ихъ къ соединенію съ самозванцемъ, какъ только, чтобы избѣжать притѣсненій и взысканія

несноснаго денегъ" *). Въ то же самое время возставшіе казаки немедленно же умѣли связаться съ соціальнымъ элементомъ, какъ нельзя болѣе имъ родственнымъ: горнозаводскими крестьянами. Уже въ октябрѣ 1773 года, черезъ мѣсяцъ послѣ выступленія Пугачева, на знакомомъ намъ Авзяно-Петровскомъ заводѣ лили для возставшихъ пушки и ядра, которыя Каръ тщетно пытался перехватить при перевозкѣ ихъ въ пугачевскій лагерь. Благодаря этому уже къ ноябрю Пугачевъ имѣлъ до 70 орудій, въ томъ числѣ довольно крупныхъ — двѣнадцати фунтоваго калибра — и былъ артиллеріей сильнѣе правительственныхъ войскъ: въ главномъ сраженіи съ Каромъ у инсургентовъ было 9 пушекъ противъ 5, которыми располагалъ отрядъ Кара, при чемъ пугачевскія пушки были лучше казенныхъ. Фактъ необычайной важности, недостаточно подчеркивающійся обыкновенно историками бунта, весьма склонными изображать пугачевскую армію какъ громадную нестройную толпу полувооруженнаго мужичья. Въ документахъ мы не видимъ ни громадности, ни нестройности — видимъ, напротивъ, сравнительно небольшую силу, составленную изъ отборныхъ элементовъ и подготовленную къ борьбѣ въ данныхъ условіяхъ гораздо лучше, чѣмъ ея противники. Во-первыхъ, вмѣстѣ съ пушками съ заводовъ пришли люди, умѣющіе ихъ употреблять въ дѣло: современники согласны въ томъ, что не только артиллерія, но и артиллеристы у Пугачева были лучше правительственныхъ. „Артиллеріею своею чрезвычайно вредятъ", доносилъ военной коллегіи разбитый Каръ, требуя присылки возможно болѣе пушекъ возможно болѣе крупнаго калибра: „отбивать же ее атакою пѣхоты также трудно, да почти и нельзя, потому что они всегда стрѣляютъ изъ нея, имѣя для отводу готовыхъ лошадей, и какъ скоро приближаться пѣхота станетъ, то они, отвезя ее лошадьми далѣе на другую гору, опять стрѣлять начинаютъ; что весьма проворно дѣлаютъ и стрѣляютъ не такъ, какъ бы отъ мужиковъ ожидать должно было". Рычковъ въ своемъ описаніи оренбургской осады отмѣчаетъ, что инсургенты, придавая большой уголъ возвышенія своимъ орудіямъ, навѣснымъ огнемъ ухитрялись громить дома въ самомъ центрѣ города, къ немалому ужасу осажденныхъ, въ первую минуту думавшихъ, что только на валу и около вала опасно быть. Надо имѣть въ виду, что тогдашнія гладкостѣнныя орудія не от-

*) „Сборникъ", ibid., стр. 96.

личались дальнобойностью, и что городскимъ пушкамъ, напримѣръ, никогда не удавалось разрушить пугачевскія батареи: чтобы достигнуть описываемаго Рычковымъ эффекта, нужно было быть, по своему времени, образованнымъ артиллеристомъ. Совершенно опредѣленно указываетъ Рычковъ на связь этого явленія съ присутствіемъ въ рядахъ пугачевцевъ заводскихъ мастеровыхъ. „Сказывали", пишетъ онъ, „что посланные на Твердышевскій заводъ безъ всякаго тамъ сопротивленія получили и прислали къ нему злодѣю болѣе 3000 зарядовъ съ ядрами, и заряды де были всѣ изъ лучшаго пороха, и не малое число ружей. Тутъ же взяли они къ себѣ изъ заводскихъ многихъ служителей, въ томъ числѣ нѣсколько довольно обученныхъ пушечной пальбѣ, о коихъ сказывали, якобы они добровольно склонились" *). Остается прибавить, что, если на горнозаводскихъ рабочихъ держалась артиллерійская тактика Пугачева, то яицкіе казаки не менѣе умѣло развили тактику кавалерійскаго боя. Ихъ разсыпной строй былъ почти неуязвимъ для артиллеріи противника, въ тѣ далекія времена не располагавшей даже и шрапнелью, появившейся въ началѣ XIX столѣтія: попасть же ядромъ въ одиночнаго всадника было труднѣе, чѣмъ убить ласточку на лету пулей изъ ружья. А на ружейный выстрѣлъ казаки не подъѣзжали, пока тяжелыя каре екатерининской пѣхоты не были окончательно разстроены мѣткимъ артиллерійскимъ огнемъ: тогда стремглавъ, съ крикомъ и визгомъ, бросались они на обезумѣвшихъ солдатъ, большею частью безъ сопротивленія бросавшихъ ружья. Каръ не видѣлъ иного спасенія, какъ сосредоточить на театрѣ возстанія возможно болѣе регулярной конницы: и дѣйствительно, въ усмиреніи пугачевщины гусары и драгуны впослѣдствіи сыграли самую видную роль, а въ зимнюю кампанію 1773—74 гг. съ пугачевской тактикой довольно удачно боролись еще отряды егерей-лыжниковъ.

Но пока были усвоены тактическіе уроки пугачевщины— болѣе серьезные, какъ видитъ читатель, чѣмъ обыкновенно думаютъ, — „Петру Ѳедоровичу" давно удалось самому обзавестись настоящей регулярной арміей: однимъ изъ непосредственныхъ результатовъ первыхъ его успѣховъ было то, что цѣлые отряды правительственныхъ войскъ, нерѣдко съ офицерами, переходили на его службу. Современники очень не-

---

*) „Лѣтопись" Рычкова, въ приложеніяхъ къ „Исторіи пугачевскаго бунта" Пушкина.

охотно признавались въ этомъ фактѣ. Екатерина увѣряла Вольтера, будто бы Пугачевъ „предавалъ смерти всѣхъ офицеровъ и солдатъ, которые въ руки къ нему попадались“. Біографъ Бибикова очень хотѣлъ бы увѣрить своего читателя, что „ни одинъ изъ дворянъ не передался (самозванцу)“: онъ, однако же, не могъ скрыть, что послѣ взятія Татищевой (въ самомъ началѣ возстанія — въ концѣ сентября 1773 г.) Пугачевъ „всѣхъ военнослужащихъ, бывшихъ въ городѣ, числомъ болѣе тысячи человѣкъ, принудилъ присягнуть“, а нѣсколько позже, что „изъ войскъ, противопоставленныхъ бунтовщикамъ, цѣлые отряды положили оружіе и даже иные перешли къ самозванцу“. Измѣняли не только гарнизоны крѣпостей оренбургской линіи, что еще можно было бы съ грѣхомъ пополамъ объяснить „заразой“, давно исходившей отъ яицкаго казачества. Ненадежны были и полки, присылавшіеся изъ центральной Россіи: солдаты Кара „вслухъ кричали, что бросятъ ружья“. Измѣна гнѣздилась въ отборныхъ полкахъ, на которые особенно разсчитывали при усмиреніи возстанія. Владимірскій гренадерскій полкъ, который на почтовыхъ, наспѣхъ везли изъ-подъ Петербурга въ Казань, пришлось подвергнуть особому тайному наблюденію, открывшему, „что дѣйствительно между рядовыми солдатами существуетъ заговоръ положить во время сраженія передъ бунтовщиками ружья“. Цитируемый нами здѣсь Державинъ также неохотно бы признался, что измѣна шла выше „рядовыхъ солдатъ“. Но въ томъ самомъ Саратовѣ, откуда онъ неособенно почетно уѣхалъ, когда сталъ приближаться Пугачевъ, почти весь гарнизонъ, во главѣ съ довольно крупнымъ чиномъ, секундъ-маіоромъ, перешелъ на сторону инсургентовъ. Изъ состава этого гарнизона артиллерійская команда особенно отличилась, въ рядахъ пугачевской арміи, во время битвы подъ Царицыномъ, противъ Михельсона. А еще раньше, когда послѣдній дѣйствовалъ на Уралѣ, онъ принялъ однажды пугачевцевъ за правительственныя войска — настолько хороша была ихъ фронтовая выправка. Дѣла объ офицерахъ, перешедшихъ къ „самозванцу“, менѣе всего рѣдки въ бумагахъ, оставшихся отъ пугачевщины, и напрасно Бибиковъ, желая успокоить Екатерину, объяснялъ эти явленія „мрачной глупостью“ провинціальнаго офицерства. Дворцовые перевороты какъ разъ болѣе смѣтливыхъ должны были пріучать къ тому, чтобы не разбираться черезчуръ долго въ правахъ различныхъ претендентовъ на престолъ, а, не теряя времени, присоединяться къ тому, кто сильнѣе. Если

что задерживало въ этомъ случаѣ, такъ скорѣе неизбѣжность конкурировать съ пугачевскими „генералами“ и „полковниками“ изъ казаковъ, да острое соціальное недовѣріе, которое чувствовали возставшіе ко всему, отъ чего пахло бариномъ.

Казаки, горнозаводскіе мастеровые и крестьяне, перешедшіе къ Пугачеву отряды регулярной арміи составляли главную боевую силу возставшихъ. То, что нами такъ прочно ассоціируется съ именемъ „пугачевцевъ“, возставшіе крѣпостные помѣщичьихъ имѣній, было не столько активной частью пугачевскаго войска, сколько его питательной средой. Во-первыхъ, Пугачевымъ была заведена правильная рекрутчина: онъ бралъ по одному человѣку съ пяти душъ тѣхъ деревень, которыя были заняты его войсками, а подъ конецъ возстанія, когда ему приходилось имѣть дѣло съ огромными, относительно, правительственными силами, забиралъ съ собою поголовно всѣхъ, кто могъ носить оружіе. „Секретная комиссія“, ѣхавшая по слѣдамъ пугачевскаго ополченія въ августѣ 1774 года, во встрѣчавшихся по пути селеніяхъ никого не находила, „кромѣ престарѣлыхъ людей мужеска и женска пола, а прочіе всѣ, кто только могъ сѣсть на коня и итти добрыми шагами пѣшкомъ, съ косами, вилами и всякаго рода дубинками, присоединились къ пугачевской арміи“ (Записки Рунича). Но въ еще большей степени, чѣмъ рекрутскимъ депо, взбунтовавшаяся „чернь“ служила Пугачеву ширмой, закрывавшей движеніе его главныхъ силъ и разсѣивавшей въ то же время силы его противника. Въ первый періодъ возстанія такой ширмой для него служили башкиры. Неоднократно бунтовавшіе въ теченіе XVIII вѣка, они „усмирялись“, кажется, еще рѣшительнѣе, чѣмъ заводскіе крестьяне. По крайней мѣрѣ, авторъ, котораго трудно заподозрѣть въ тенденціозности по такому случаю (біографъ Бибикова), приводитъ такія данныя: послѣ возстанія 1735—41 годовъ „башкирцевъ побито, казнено, подъ карауломъ померло, сослано въ работу, женъ и дѣтей ихъ для поселенія въ Россіи роздано, а всего числомъ 28.452 человѣка“; между тѣмъ всѣхъ башкировъ авторъ считаетъ 100.000 душъ обоего пола! Нѣтъ надобности говорить, что къ „успокоенію“ такія мѣры не привели—въ 1754 г. башкиры „опять взбунтовали“, при чемъ на этотъ разъ „для усмиренія ихъ побито и вывезено... до 30 тысячъ“. Нѣтъ ничего удивительнаго, что они присоединились къ Пугачеву весьма охотно и дрались подъ его знаменами отчаянно: дру-

Семейство русскихъ крестьянъ.

Оригиналъ картины I. Эриксена *Семейство русскихъ крестьянъ* находится въ галлереѣ Румянцевскаго Музея въ Москвѣ (№ 274) и въ каталогѣ (по изд. 1909 г., стр. 27) сопровождается такою легендой: «Эриксенъ —датскій художникъ, собственно не принадлежащій къ русской школѣ живописи. Онъ находился въ свитѣ императрицы Екатерины II во время ея путешествія въ Крымъ. Картина писана по приказанію императрицы и заключаетъ въ себѣ грудные портреты старика дѣда, бабки и ихъ домочадцевъ. Справа внизу подпись: I. Eriksen». Путешествіе императрицы Екатерины II въ Крымъ довольно извѣстно, не разъ было описано и блестяще тѣмъ, что Потемкинъ сумѣлъ сдѣлать изъ русскаго юга фантастическую феерію, долженствовавшую показать изумленному взору петербургской царицы благоденствіе и счастіе на дѣлѣ измученныхъ подданныхъ. Что это за крестьяне, которыхъ, по словамъ легенды, написалъ Эриксенъ? Быть можетъ, это крестьяне, нѣсколько приспособленные для художника; смущаютъ зрителя эти искусственно прилизанныя головы (хотя подобный пріемъ ношенія крестьянскихъ волосъ извѣстенъ), а равнымъ образомъ не производитъ благопріятнаго впечатлѣнія нескладная постановка женскаго профиля, носомъ упирающагося въ носъ сосѣда. Тѣмъ не менѣе картина представляетъ интересъ, какъ рѣдчайшее изображеніе русскихъ крестьянъ позапрошлаго вѣка, написанное такъ или иначе съ натуры, хотя бы и вправленной въ условныя приличія.

В. Стор.

„РУССКАЯ ИСТОРІЯ". Изд. Т-ва „МІРЪ".

гимъ пощады не давали и сами не сдавались; въ одномъ сраженіи съ ними Михельсону удалось взять въ плѣнъ изъ большого отряда только одного человѣка, да и то „насильно пощаженнаго", по образному выраженію Пушкина. Помощь башкировъ, народа коннаго, располагавшаго отличными лошадьми, была особенно цѣнна для возставшихъ. Разгромъ ихъ Михельсономъ былъ вторымъ, по тяжести, ударомъ для пугачевщины, послѣ подавленія тѣмъ же Михельсономъ и Деколонгомъ заводскаго движенія. Но на среднемъ и нижнемъ Поволжьи, куда передвинулся театръ возстанія лѣтомъ 1774 года, для него нашлась питательная среда и завѣса не хуже прежней, въ населеніи помѣщичьихъ имѣній, въ военномъ отношеніи превосходно использованномъ пугачевцами. „По всѣмъ мѣстамъ, гдѣ они проходили, доносилъ Екатеринѣ Панинъ въ августѣ этого года, и по прилежащимъ къ нимъ на немалое отъ онаго отстояніе оказывается чернь, возстающая противъ своихъ начальствъ"; изъ этого „заключать можно, что злодѣево главное въ томъ и упражненіе, чтобы оную (чернь), гдѣ только возможно ему собою и посланными отъ себя подсыльными возмутить, и когда онъ войска, на истребленіе его отраженныя, за собою развлечетъ, то тогда обратиться ему туда, гдѣ больше будетъ обнажено и гдѣ онъ лучшіе себѣ выгоды предвозвѣщать можетъ". Одинъ современникъ разсказываетъ, что для достиженія этой цѣли Пугачеву достаточно было самыхъ ничтожныхъ средствъ: довольно было двумъ его посланнымъ, безъ всякой вооруженной силы, явиться въ какую-нибудь мѣстность, чтобы цѣлыя волости поднялись, какъ одинъ человѣкъ. Насколько далеко захватывало пугачевское вліяніе, покажутъ два-три образчика. Въ окрестностяхъ города Рязани, за нѣсколько сотъ верстъ отъ мѣста военныхъ дѣйствій, воеводы съ трудомъ находили лошадей для графа Панина и вынуждены были обратиться къ содѣйствію проходившаго гусарскаго полка. Когда членъ „секретной комиссіи" Руничъ ѣхалъ изъ Рязани въ Шацкъ переодѣтый, подводчикъ спрашивалъ его: „не къ батюшкѣ ли государю ты ѣдешь изъ Москвы, и не слышно ли въ ней, скоро ль наслѣдникъ-государь, Павелъ Петровичъ, изволитъ къ нему здѣсь проѣхать? Мы его то и дѣло, что всякій день сюда ожидаемъ". Членъ секретной комиссіи ничего не нашелся на это сказать, кромѣ: „молчи, братъ!" „Что далѣе вдаюсь я въ сей край, то открывается въ ней черни злодѣево бунтовщичье возженіе", писалъ оттуда же Панинъ: „по которому всякія оказательства

подлость превращая къ его выгодамъ, не оставила и такое дерзновеніе произносить, что я, какъ братъ дядьки его императорскаго высочества *), ѣду встрѣчать съ хлѣбомъ да солью". Это объясненіе панинской экспедиціи, „принудивъ вострепетать всѣ жилы" въ уполномоченномъ Екатерины, послужило для него оправданіемъ ряда совершонныхъ имъ жестокостей—„для показанія, съ какимъ хлѣбомъ и солью я противъ самозванца и всего его сонмища ѣду". Изъ его же собственныхъ донесеній видно, что жестокости никакого впечатлѣнія не производили: мѣсяцъ спустя ему пришлось доносить Екатеринѣ о „холопѣ", который, „видя всѣ оныя казни и наказанія, не ужаснулося однако же на первовстрѣтившагося дворянина напасть съ ножомъ для ограбленія его". „Во всей здѣшней черни изъ всего безъ изъятія весьма примѣтно, что духъ ея наисильнѣйшимъ образомъ прилѣпленъ къ самозванцу изданными отъ его имени обольщеніями на убійство своихъ градоначальниковъ, дворянъ, на разграбленіе казны, соли и на неплатежъ десятилѣтній никакихъ податей" **). Какъ всегда, официальныя донесенія скорѣе смягчали истину, чѣмъ преувеличивали: если почитать письма московскаго главнокомандующаго Волконскаго къ Екатеринѣ, можно подумать, что кромѣ самой невинной болтовни въ Москвѣ ничего услыхать было нельзя. А вотъ что пишетъ біографъ Бибикова, отражающій въ своемъ разсказѣ неофиціальныя впечатлѣнія той поры: „Пріѣхавъ въ Москву 13 того же мѣсяца (декабря 1773 года: рѣчь идетъ объ А. И. Бибиковѣ), нашелъ онъ обширную сію столицу въ страхѣ и уныніи отъ язвы и бывшаго возмущенія ***); настоящая гроза приводила въ трепетъ ея жителей отъ новыхъ бѣдствій, коихъ не безъ причины опасались, ибо холопы и фабричные, и вся многочисленная чернь московская, шатаясь по улицамъ, почти явно оказывали буйственное свое расположеніе и приверженность къ самозванцу, который, по словамъ ихъ, несетъ имъ желаемую ими свободу" ****). Рабочихъ московскихъ фабрикъ побаивалась и Екатерина; еще въ іюлѣ 1774 года она, въ числѣ возможныхъ плановъ, въ сущности уже разбитаго тогда, Пугачева, упоминала и о такомъ: „прокрадывается въ Москву, чтобы какъ-нибудь

---

*) Н. И. Панинъ былъ воспитателемъ Павла Петровича.
**) Сборн. Р. Истор. Общ, VI, стр. 132.
***) Въ 1771 году, во время чумы, въ Москвѣ былъ бунтъ, во время котораго былъ убитъ архіепископъ Амвросій.
****) „Записки о жизни и службѣ А. И. Бибикова". Спб. 1817, стр. 277—78.

въ городѣ въ самомъ вдругъ пакость какую ни на есть надѣлать самъ собою, **фабричными** или барскими людьми“. А для удержанія на сторонѣ правительства тульскихъ мастеровыхъ были приняты спеціальныя мѣры. „О тульскихъ обращеніяхъ слухъ есть, будто тамъ между ружейными мастеровыми не спокойно“, писала Екатерина Волконскому: „Я нынѣ тамъ заказала 90.000 ружей для арсенала: вотъ имъ работа года на четыре—шумѣть не станутъ“.

Горючаго матеріала для возстанія было сколько угодно, и его создавала уже не одна интенсифицированная барщина. Поднималось все, что было задавлено и обижено господствующимъ режимомъ. Для того демидовскаго крестьянина изъ села Котловки, который „по богатству имѣлъ въ околоткѣ первенство“ и „названъ былъ отъ злодѣя полковникомъ“, мотивомъ, побудившимъ къ „предательству“, едва ли была тяжесть заводскихъ работъ. Положеніе „экономическихъ“ (бывшихъ церковныхъ) крестьянъ послѣ секуляризаціи церковныхъ вотчинъ (въ 1764 г.), несомнѣнно, улучшилось *). Въ нихъ, повидимому, ожидали найти „элементъ порядка“: Каръ вооружилъ ихъ въ подмогу своимъ войскамъ, но они изъ первыхъ перебѣжали къ Пугачеву. Мелкое мѣщанство поволжскихъ городовъ съ восторгомъ принимало инсургентовъ. Католическій патеръ одной изъ нѣмецкихъ колоній на Волгѣ разсказывалъ Руничу, что человѣкъ до тридцати молодыхъ людей ихъ колоніи, „разграбивъ его (патера) и нѣкоторыхъ зажиточныхъ жителей, ушли къ Пугачеву“. Мѣстное духовенство, до архимандритовъ крупныхъ монастырей включительно, выходило навстрѣчу Пугачеву съ крестами и хоругвями, служило молебны о здравіи „Петра Ѳеодоровича“ и, разумѣется, поминало его на ектеньяхъ. Высшіе его представители (въ числѣ подозрѣваемыхъ былъ ни болѣе, ни менѣе, какъ казанскій архіепископъ Веніаминъ, насчетъ сношеній котораго съ Пугачевымъ имѣлись весьма сильныя улики, но дѣло сочли удобнѣе замять) дѣйствовали главнымъ образомъ подъ вліяніемъ страха, если не за свою жизнь, то за свое и церковное имущество: подчиненіемъ самозванцу они надѣялись хоть что-нибудь спасти. Но сельское духовенство, съ которымъ помѣщики обращались не лучше, нежели съ крестьянами, раздѣляло идеологію послѣднихъ, и не рѣдки были сельскіе батюшки, которые „напередъ къ злодѣямъ выѣзжали и въ шайкахъ совокупное съ

*) См. г. Семевскаго, цит. соч., т. II. стр. 255 и сл.

ними злодѣйство производили“. Въ Петербургѣ сгоряча рѣшили было разстричь всѣхъ, такъ или иначе приставшихъ къ самозванцу, но противъ этого долженъ былъ возстать даже такой послѣдовательный усмиритель, какъ П. И. Панинъ. „На сей чинъ смѣю я вашему императорскому величеству представить“, писалъ онъ: „въ тѣхъ здѣсь мѣстахъ, гдѣ злодѣй самъ проходилъ и въ которыя входили большіе его отряды, не было изъ онаго (духовенства) почти ни одного человѣка, изъ неслучившихся быть тогда въ отлучкѣ, который бы не встрѣчалъ злодѣя съ крестами, и не дѣлалъ бы служенія съ произношеніемъ самозванца“. Если бы исполнить первоначальное синодское опредѣленіе, пришлось бы лишить духовенства цѣлый край и закрыть въ немъ всѣ церкви. По представленію Панина ограничились, поэтому, изверженіемъ изъ сана только тѣхъ поповъ, которые приняли активное участіе въ бунтѣ, но и такихъ было не мало, не меньше, чѣмъ офицеровъ. Невоспріимчивымъ къ заразѣ оказывался только одинъ классъ—мѣстные землевладѣльцы: не дворяне вообще, потому что поступившіе на пугачевскую службу капитаны и маіоры по званію были, конечно, дворянами. Но не было, кажется, ни одного случая, чтобы во главѣ пугачевскаго отряда стоялъ помѣщикъ изъ возставшей мѣстности. Тамъ, гдѣ мятежъ пылалъ яркимъ пламенемъ, все населеніе превращалось въ охотника, а помѣщики въ травимую дичь. Одно, устнымъ путемъ дошедшее отъ временъ пугачевщины до 60-хъ годовъ прошлаго вѣка, преданіе рисуетъ намъ трагикомическую картину отчаянія одной крѣпостной деревни, баринъ которой былъ въ отъѣздѣ: мужички были искренно убѣждены, что если имъ не удастся повѣсить своего барина, они навѣки останутся крѣпостными. И какъ они были рады, когда имъ удалось, наконецъ, приманить бѣглеца на родное пепелище! Но, на счастье почти уже повѣшеннаго барина, это былъ послѣдній моментъ возстанія: правительственныя войска во-время успѣли явиться ему на выручку *). Мѣстное дворянство гибло „всеродно“ не хуже, чѣмъ боярство при Грозномъ. „Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ злодѣйскія убійства истребляли всѣхъ ихъ владѣльцевъ до того, что еще неизвѣстно, кому они по закону достанутся“, доносилъ Панинъ. По его подсчету, мятежниками было казнено (преимущественно повѣшено) 753 помѣщика, а съ женами и дѣтьми

*) „Осьмнадцатый вѣкъ“, т. III. „Былое изъ пугачевщины“.

1572 человѣка; но онъ самъ признаетъ эти свѣдѣнія далеко не полными. Паника, охватившая дворянство приволжскихъ губерній да и не ихъ однѣхъ—была неимовѣрная. Казани въ декабрѣ 1773 года, когда пріѣхалъ туда Бибиковъ, никакая непосредственная опасность еще не угрожала. Тѣмъ не менѣе, „многіе отсюда, или лучше сказать большая часть дворянъ и купцовъ съ женами выѣхали“ писалъ Бибиковъ женѣ: „а женщины и чиновники здѣшніе уѣзжали всѣ безъ изъятія, иные до Кузмодемьянска, иные до Нижняго, а иные до Москвы ускакали. Сами губернаторы были въ Кузмодемьянскѣ“. Но чего же было требовать отъ казанцевъ, городъ которыхъ былъ все же въ концѣ-концовъ сожженъ Пугачевымъ (хотя только черезъ полгода послѣ того, какъ они стали приходить въ трепетъ), когда и подмосковное дворянство вело себя не лучше. „Дворянство, собирающееся обыкновенно въ Москву къ празднику, съѣхалось тогда въ великомъ множествѣ; выѣзжая изъ губерній, разоряемыхъ разбойничьими шайками бунтовщиковъ (но въ декабрѣ 1773 года „разоряема“ была еще только одна Оренбургская да часть Казанской! М. П.), или ими угрожаемыхъ, оставляло отеческіе свои домы и искало въ Москвѣ послѣдняго себѣ убѣжища“ *). Кто не имѣлъ средствъ ѣхать въ Москву, искалъ убѣжища въ уѣздныхъ городахъ, гдѣ помѣщики скоплялись сотнями: въ одномъ Шацкѣ Руничъ нашелъ „до 300 мужска и женска пола дворянъ“. Когда взята была Казань, паника пошла гораздо дальше уѣздныхъ помѣщиковъ. „Сего утра получили мы извѣстіе о разореніи Казани, и что губернаторъ со всѣми своими командами заперся въ тамошнемъ кремлѣ“, писалъ Никита Панинъ брату 29 іюля 1772 г. „Мы тутъ въ собраніи нашего совѣта увидѣли государыню крайне пораженною, и она объявила свое намѣреніе оставить здѣшнюю столицу и самой ѣхать для спасенія Москвы и внутренности имперіи, требуя и настоя съ великимъ жаромъ, чтобы каждый изъ насъ сказалъ ей о томъ мнѣніе. Безмолвіе между нами было великое“. Но и сама Екатерина только храбрилась: мѣрою ея паники можетъ служить распоряженіе, отданное ею за нѣсколько дней передъ тѣмъ—задержать на три дня всю почту изъ Петербурга во внутреннія губерніи. По собственному признанію, она еще никогда такъ не терялась въ своей жизни, какъ въ эти мѣсяцы. „Уфъ, тяжело, горько было, до позабычливо!“ вспоминала она потомъ свое

---

*) „Записки о жизни и службѣ Бибикова“, стр. 278.

настроеніе въ дни казанскаго разгрома. Отъ этой растерянности самого „высшаго правительства“ сохранился и болѣе объективный слѣдъ, чѣмъ письма императрицы: знаменитый проектъ изловить Пугачева при помощи подкупа его приближенныхъ,—въ чемъ предлагалъ взять на себя посредничество „яицкій казакъ Остафій Трифоновъ“, на самомъ дѣлѣ проворовавшійся ржевскій купецъ Долгополовъ. Исторія этого громаднаго шантажа составляетъ истинно комическую сцену въ трагедіи Пугачевщины *). „Секретная комиссія“, о которой упоминалось выше—къ ней Екатерина относилась такъ ревниво, что попытка Панина забрать комиссію подъ свое вѣдѣніе вызвала у нея рѣзкую вспышку негодованія,—эта „секретная комиссія“, съ огромными полномочіями, дѣлавшими ее иногда соперникомъ главнокомандующаго, имѣла главною задачей—содѣйствовать предпріятію ржевскаго шантажиста, своего рода провокатора навыворотъ, ибо онъ обманывалъ не пугачевцевъ, а правительство: безъ всякой задней политической мысли, впрочемъ, а просто въ разсчетѣ сорвать съ правительства хорошую сумму денегъ, что ему было и удалось въ первую минуту. А о размѣрахъ паники наверху эта исторія можетъ свидѣтельствовать потому уже, что первымъ, увѣровавшимъ въ Трифонова, былъ Григорій Орловъ—человѣкъ, вообще говоря, не легко терявшійся.

Если мы къ пожару, неудержимо стелившемуся по низамъ, прибавимъ эту растерянность наверху да еще тѣ вспышки, которыя, почти не переставая, нарушали спокойствіе въ верхнихъ слояхъ, мы поймемъ, что передъ противникомъ Екатерины была ситуація, благодарнѣе которой трудно себѣ представить. Мы теперь хорошо знаемъ, что между попытками гвардейскаго мятежа и мятежомъ уральскихъ крестьянъ и яицкихъ казаковъ не было ровно никакой связи, ни внѣшней, ни внутренней. Но современникамъ дѣло представлялось иначе: еще Руничъ, писавшій въ двадцатыхъ годахъ XIX вѣка, находилъ нужнымъ связывать яицкое возстаніе съ извѣстіями „о ссылкѣ въ Сибирь нѣкоторыхъ лейбъ-гвардіи офицеровъ“. А для Екатерины связь между петербургскими „замыслами“ и появленіемъ самозванца казалось, повидимому, сама собою разумѣющейся: и нѣтъ ничего страннѣе, какъ видѣть въ ея перепискѣ, на ряду съ полнымъ игнорированіемъ соціальной стороны движенія, пристальный интересъ, съ которымъ она подхватывала такія мелочи, какъ присут-

*) Подробно разсказана Руничемъ, въ его запискахъ—„Русская Старина“, т. II.

ствіе въ пугачевскомъ лагерѣ голштинскаго знамени, напримѣръ. Для человѣка, чувствовавшаго себя твердо на престолѣ — какъ обычно представляютъ себѣ Екатерину этого времени—такое поведеніе могло бы служить, дѣйствительно, доказательствомъ невѣроятной мелочности и ограниченности. Но, не принадлежа къ числу геніальныхъ администраторовъ, Екатерина все же не принадлежала и къ числу ограниченныхъ людей. Просто, она была болѣе трезваго мнѣнія о себѣ, чѣмъ большинство ея историковъ. Она знала, что въ Россіи XVIII вѣка такъ же легко было взойти на престолъ, какъ и потерять его, особенно, когда соперникъ былъ налицо. Съ этой точки зрѣнія выдающійся интересъ представляютъ донесенія иностранныхъ дипломатовъ изъ Петербурга зимою 1773—74 гг.: извѣстія объ успѣхахъ пугачевщины систематически переплетаются въ нихъ съ новостями о несогласіяхъ въ царской семьѣ; то Павелъ, разсказываютъ, сдѣлалъ матери сильную сцену, обвиняя своего оберъ-гофмаршала, Салтыкова, въ постоянномъ шпіонствѣ за нимъ, Павломъ; то Екатерина требуетъ сына къ отвѣту по поводу какой-то неосторожно подписанной имъ бумаги, попавшей въ руки уже дѣйствительнаго екатерининскаго шпіона, при чемъ англійскій посланникъ „изъ безусловно авторитетнаго источника“ располагаетъ свѣдѣніями, что рѣчь шла ни болѣе, ни менѣе, какъ о томъ, чтобы заставить императрицу подѣлиться властью съ Павломъ. Все это—сплетни, но для психологіи тѣхъ, кто руководилъ борьбой съ пугачевщиной, онѣ не менѣе характерны, нежели увѣренность того же англійскаго посланника въ томъ, что движеніями пугачевской арміи руководятъ трое сосланныхъ гвардейскихъ офицеровъ *). Пугачевъ не только объективно былъ грознѣе, что можно думать—потому что его военная сила на первыхъ порахъ ни качественно, ни количественно не уступала силѣ правительства: субъективно онъ казался еще страшнѣе, нежели былъ на самомъ дѣлѣ. Какъ это ни странно, бѣглый донской казакъ дѣйствительно могъ бы явиться соперникомъ „сѣверной Семирамиды“, но при одномъ условіи: чтобы онъ самъ имѣлъ хотя бы приблизительное представленіе о своемъ политическомъ положеніи и возможныхъ для него политическихъ перспективахъ. Ни слѣда этого

*) См. донесенія сэра Роберта Гуннинга, Сб. Р. И. О. XIX, стр. 393, 401 и др. Впрочемъ, англійскій дипломатъ сумѣлъ схватить и дѣйствительно серьезныя причины пугачевскихъ успѣховъ: „большое количество мѣдныхъ пушекъ, отлитыхъ на казенныхъ литейныхъ заводахъ, достались въ руки мятежниковъ,—говоритъ онъ,—разрушившихъ нѣсколько желѣзныхъ заводовъ, въ томъ числѣ одинъ изъ заводовъ Демидова, крѣпостные и крестьяне которыхъ присоединились къ бунтовщикамъ“.

мы не подмѣтимъ ни у него, ни у его окружавшихъ: они съ начала и до конца оставались возставшими яицкими казаками, бѣглыми солдатами или каторжниками,—словомъ, тѣмъ, чѣмъ они были до своего превращенія въ „генераловъ“ и „полковниковъ“. Воплощеніемъ государства для нихъ было то единственное государственное учрежденіе, которое такъ много значило въ ихъ судьбѣ—военная коллегія. Первое, что они поспѣшили сдѣлать, это создать свою собственную военную коллегію, надѣливъ ея членовъ для большаго сходства даже именами генераловъ, засѣдавшихъ въ коллегіи настоящей—начиная съ президента, гр. Чернышева (имъ сталъ Зарубинъ-Чика, правая рука Пугачева въ военныхъ дѣлахъ). Затѣмъ они порекомендовали всѣмъ вѣрноподданнымъ Петра Өедоровича казацкій строй, какъ идеалъ и образчикъ: „награждаемъ вольностью и свободою и вѣчно казаками“, говорили пугачевскіе манифесты, „не требуя рекрутскихъ наборовъ, подушныхъ и протчихъ денежныхъ податей, владѣніемъ землями, лѣсными сѣнокосными угодьями и рыбными ловлями и солеными озерами безъ покупки и безъ оброку“—словомъ, не требуя ничего, что такъ досаждало яицкимъ казакамъ, и изъ-за чего они бунтовали уже десять лѣтъ. Большаго блаженства для кого бы то ни было пугачевцы представить себѣ не могли, и мы очень ошиблись бы, если бы приняли ихъ манифесты за провозглашеніе земли и воли, хотя бы въ самой примитивной формѣ: если понимать пугачевскія воззванія буквально, они не шли дальше превращенія помѣщичьихъ крестьянъ въ казенныхъ. „Жалуемъ... всѣхъ находившихся прежде въ крестьянствѣ и въ подданствѣ помѣщиковъ быть вѣрноподданными рабами собственно нашей короны“, писалъ „Петръ III“. А такъ какъ на практикѣ и рекрутчина, и денежные поборы продолжали существовать и въ пугачевскомъ царствѣ, притомъ едва ли не въ усиленномъ видѣ сравнительно съ тѣмъ, что было раньше (относительно рекрутчины это несомнѣнно), то отъ всѣхъ обѣщаній въ рукахъ крестьянъ оставалось одно: право истреблять помѣщиковъ,—„кои прежде были дворяне въ своихъ помѣстьяхъ и вотчинахъ, оныхъ противниковъ нашей власти и возмутителей имперіи и разорителей крестьянъ ловить, казнить и вѣшать“. Крестьяне пользовались этимъ правомъ какъ только могли широко— мы это видѣли. Но свести всю революцію къ истребленію дворянъ, при сохраненіи во всемъ прочемъ стараго порядка, это могло повести лишь къ одному результату: заставить

дворянство сплотиться и сорганизоваться такъ, какъ оно никогда не было сплочено и сорганизовано раньше. Пугачевская стратегія, испорченная тою же политической близорукостью, какъ и пугачевская агитація, давала имъ къ тому же достаточно для этого времени.

Послѣ пораженія Кара (въ ноябрѣ 1773 года) самое естественное въ положеніи Пугачева было двинуться на западъ, на Казань и Москву, по слѣдамъ отступавшихъ правительственныхъ войскъ. Ожиданіе этого совершенно естественнаго событія и вызвало ту панику и въ Казани, и въ самой Москвѣ, о которой мы говорили выше. Но какъ военная коллегія для казаковъ была воплощеніемъ государства, такъ центромъ всякой власти для нихъ былъ Оренбургъ, откуда появлялись всѣ громившіе и поровшіе Яикъ генералы. Одержавъ блестящую побѣду въ полѣ, Пугачевъ поворачиваетъ назадъ и почти на полгода (до марта 1774 г.) застрѣваетъ подъ Оренбургомъ. Это была не столько стратегическая ошибка, какъ думаютъ военные историки пугачевщины, сколько именно политическая. Стратегически, если разсматривать возстаніе какъ мѣстное, уральское, дѣло, въ попыткѣ овладѣть Оренбургомъ не было ничего нелѣпаго: нельзя было считать себя хозяиномъ на Уралѣ, пока въ самой серединѣ его сидѣлъ екатерининскій гарнизонъ, который при первой же удачѣ легко могъ перейти отъ обороны снова къ наступленію. Но Пугачевъ могъ стать хозяиномъ не на Уралѣ, а во всей восточной половинѣ Россіи по крайней мѣрѣ: этого гораздо легче было достигнуть въ Казани или Нижнемъ — но и эта цѣль и средства къ ней лежали внѣ пугачевскаго кругозора. Благодаря этому, въ рукахъ его противника оказался страшный перевѣсъ—тотъ выигралъ время, которое Пугачевъ потерялъ. Сорвавъ зло на Карѣ — больше за собственное легкомысліе, потому что Каръ сдѣлалъ все, что при его средствахъ можно было сдѣлать, Екатерина поспѣшила замѣнить его крупнѣйшимъ полицейскимъ талантомъ, какой имѣлся въ ея распоряженіи, въ лицѣ А. И. Бибикова. Бывшій „маршалъ“ комиссіи 1767 года систематически употреблялся для порученій наиболѣе „деликатнаго“ свойства, были ли это переговоры съ семьей низверженнаго Ивана Антоновича или приведеніе въ порядокъ занятыхъ русскими войсками польскихъ областей. Съ бунтами на восточной окраинѣ онъ былъ, притомъ, знакомъ уже практически: въ 1764 году, послѣ назначенія Вяземскаго генералъ-прокуроромъ, онъ доканчивалъ усмиреніе заводскаго возстанія на

Уралѣ. По увѣренію его біографа, Бибиковъ дѣйствовалъ исключительно кроткими мѣрами „болѣе увѣреніемъ общаго прощенія, даруемаго монаршимъ милосердіемъ“, и быстро достигъ „успокоенія“: новѣйшіе историки находятъ его расправу болѣе свирѣпою, чѣмъ мѣры, практиковавшіяся его предшественникомъ, и утверждаютъ, кромѣ того, что „успокоивать“ ему было уже некого, ибо возстаніе было окончательно подавлено Вяземскимъ *). Какъ бы то ни было, онъ зналъ Уралъ и правильно цѣнилъ его значеніе въ пугачевщинѣ. Психологически вынужденный, въ виду настроенія дворянства, двинуть главныя силы къ Оренбургу, закрывая дорогу на Казань и Москву, Бибиковъ все остальное, что было въ его распоряженіи, двинулъ на Уфу, для уничтоженіи пугачевской базы, что Михельсону и удалось выполнить довольно удовлетворительно,—настолько, что Пугачевъ послѣ своего разгрома удержаться на уральскихъ заводахъ не могъ. Разгромъ былъ неизбѣженъ: за время стоянія Пугачева подъ Оренбургомъ правительству удалось стянуть на востокъ силы, далеко превышавшія боеспособную часть инсуррекціонной арміи. Въ мартѣ 1774 года въ главныхъ пугачевскихъ силахъ считалось около 3000 регулярныхъ солдатъ при 35 орудіяхъ, — у Бибикова же было тысячъ до десяти: притомъ послѣдній шелъ впередъ, а Пугачевъ вынужденъ былъ обороняться—психологическій перевѣсъ былъ уже не на его сторонѣ. Что возставшіе оборонялись все-таки отчаянно, показываютъ крупныя потери отряда Голицына въ главномъ дѣлѣ (подъ Татищевой, 22 марта): до 500 убитыхъ и раненыхъ. Зато и у Пугачева легли здѣсь лучшія силы, и съ той поры его армія все болѣе и болѣе носитъ характеръ импровизаціи— кое-какъ вооруженные крестьяне, толпа, бравшая количествомъ, а не качествомъ, начинаетъ играть въ ней все бо́льшую и бо́льшую роль. Попытка разбитаго Пугачева опереться на уральское крестьянство (тотчасъ послѣ разгрома подъ Татищевой онъ бросился на знакомый намъ Авзяно-Петровскій заводъ), благодаря предусмотрительности Бибикова, тоже ни къ чему не привела: движеніе пугачевской арміи по Уралу было, въ сущности, бѣгствомъ, болѣе или менѣе удачнымъ, передъ лицомъ правительственныхъ отрядовъ, которые на этотъ разъ всюду оказывались сильнѣе ея. И только теперь, по необходимости, Пугачевъ дѣлаетъ то, что давно подсказывалъ элементарный политическій и стратегическій расчетъ,—

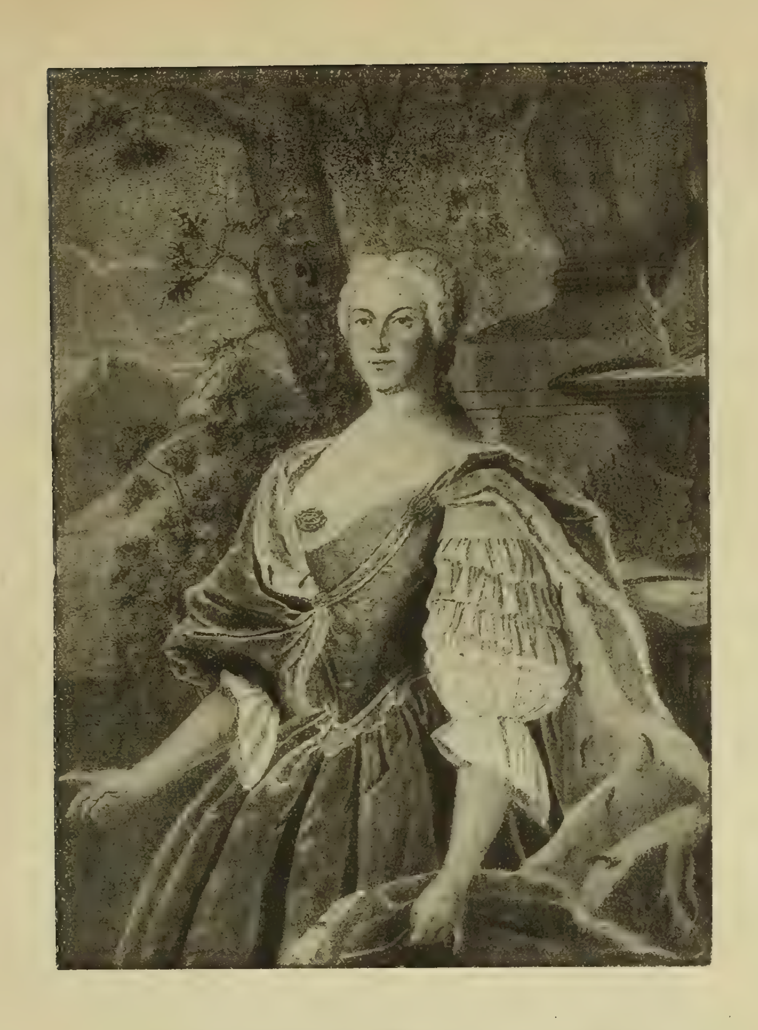
---

*) См. назв. соч. г. Семевскаго, т. II, стр. 360.

пытается прорваться въ Поволжье и поднять сплошное крестьянское возстаніе въ восточныхъ губерніяхъ. Этого больше всего боялся Бибиковъ: „Можно ли отъ домашняго врага довольно охраниться?“ писалъ онъ въ началѣ своего похода, когда ему казалось, что все идетъ „къ измѣнѣ, злодѣйству и къ бунту на скопищахъ“. Побѣда подъ Татищевой и успѣхи Михельсона на Уралѣ успокоили его — и онъ умеръ, 9 апрѣля, не дождавшись того, чего такъ боялся. Его смерть, которой современники придавали такое огромное значеніе, ничего не могла перемѣнить,—Пугачевъ уже былъ разбитъ и внизъ по Волгѣ, въ сущности, такъ же бѣжалъ, какъ раньше вдоль уральскаго хребта. Что и эта агонія пугачевщины была еще такъ страшна — если судить по дворянской паникѣ, это время можно принять за самый грозный періодъ пугачевщины—показываетъ только, на какіе результаты могло бы разсчитывать возстаніе, будь оно съ самаго начала перенесено къ западу отъ Волги. Преемнику Бибикова, Петру Панину, въ распоряженіи котораго было уже столько войска, что „едва ли не страшна такая армія и сосѣдямъ была“, по словамъ Екатерины, оставалось только терпѣливо дожидаться естественнаго конца всего дѣла. Онъ такъ и поступалъ,—коротая время, отъ скуки, охотой. И уже, конечно, не энергіи этого генерала, двѣ недѣли собиравшагося выѣхать изъ Москвы, постоянно жаловавшагося, что ему „подагрическій припадокъ палъ на кишки“ и принимавшаго пріѣзжавшихъ къ нему съ докладами офицеровъ „въ свѣтло-сѣромъ шелковомъ шлафрокѣ и большомъ французскомъ колпакѣ съ розовыми лентами“,—не этой слишкомъ штатской фигурѣ Екатерина была обязана прекращеніемъ бунта. Индивидуальный вкладъ Панина въ дѣло усмиренія выразился въ поставленныхъ имъ около бунтовавшихъ деревень „висѣлицахъ, колесахъ и глаголяхъ“, о чемъ онъ съ гордостью доносилъ императрицѣ, подчеркивая, что эта мудрая мѣра принята по его „повелѣніямъ“. На этихъ висѣлицахъ и колесахъ велѣно было казнить „злодѣевъ и преступниковъ подлаго состоянія“ — „не останавливаяся за изданными о удержаніи надъ преступниками смертной казни всемилостивѣйшими указами какъ покойною въ Бозѣопочивающею государынею императрицею Елисаветъ Петровною, такъ и нынѣ владѣющею надъ нами нашею всемилостивѣйшею самодержицею“. Такъ впервые въ нашей исторіи Петромъ Ивановичемъ Панинымъ было дано авторитетное разъясненіе—что политическихъ преступниковъ указы объ отмѣнѣ смерной казни не касаются.

Панинъ готовъ былъ бы и дальше идти — онъ было издалъ „повелѣніе“, чтобы въ случаѣ повторнаго бунта „казнить всѣхъ безъ изъятія возрастныхъ мужиковъ мучительнѣйшими смертями“, но тутъ его остановила Екатерина. Все-таки, она переписывалась съ Вольтеромъ—и ее подобная откровенность могла поставить въ неловкое положеніе.

Но въ участіи Панина, какъ „усмирителя“ пугачевщины, была еще одна сторона,—если такъ можно выразиться, символическая. Панинъ былъ главой будировавшаго изъ-за недостатковъ екатерининскаго „монаршизма“ дворянства. Въ донесеніяхъ московскаго главнокомандующаго Волконскаго это „большой болтунъ“, а въ письмахъ самой Екатерины — „первый враль и мнѣ персональный оскорбитель“. Что оскорбитель и оскорбляемая сошлись теперь за общимъ дѣломъ, это было глубоко знаменательно. Комиссія 1767 года едва не поссорила Екатерину и ея дворянство—пугачевщина опять ихъ сблизила, и на этотъ разъ неразрывно. Этотъ новый и прочный миръ нашелъ себѣ и еще болѣе яркое символическое выраженіе, нежели назначеніе Панина главнокомандующимъ противъ Пугачева. Когда зашла рѣчь объ организаціи на мѣстахъ дворянскаго ополченія для борьбы съ пугачевщиной, Екатерина, по дворцовымъ имѣніямъ Казанской губерніи мѣстная землевладѣлица, приняла живое участіе въ дѣлѣ, и въ письмѣ, которымъ сопровождалось ея пожертвованіе на „милицію“, назвала себя казанской „помѣщицей“. Нужно видѣть, какой взрывъ холопскаго умиленія вызвало это маленькое слово въ сердцахъ казанскихъ дворянъ, чувствовавшихъ себя такими жалкими и покинутыми передъ лицомъ надвигавшейся пугачевщины. „Что ты съ нами дѣлаешь?“ —вопіяли дворяне въ отвѣтномъ письмѣ:—„въ трехъ частяхъ свѣта владычество имѣющая, славимая въ концахъ земныхъ, честь царей, украшеніе коронъ, изъ боголѣпія величества своего, изъ сіянія славы своея снисходишь, и именуешься нашею казанскою помѣщицей! О радости для насъ неизглаголанной, о щастія для насъ неоканчаемаго! Се прямо путь къ сердцамъ нашимъ!“ Передъ чрезвычайно демократической практикой мужицкаго бунта гдѣ ужъ тутъ было хлопотать о „доведеніи до конца“ аристократическаго „монаршизма“ Духа законовъ...

6. Централизація крѣпостного режима.

Однимъ изъ основныхъ условій русскаго феодализма XVIII вѣка, какъ онъ сложился къ шестидесятымъ годамъ, была слабость центральной власти. Государю-помѣщику въ его вотчинѣ рѣдко была нужна эта власть: онъ справлялся собственными средствами. А съ тѣмъ, что превышало эти средства, должно было справляться мѣстное дворянское общество черезъ своихъ выборныхъ агентовъ: таковъ былъ идеалъ дворянскихъ наказовъ 1767 года. Мы не встрѣтимъ въ нихъ жалобъ на то, что въ провинціи мало правительственныхъ чиновниковъ: бюрократическая централизація прочно связалась въ воспоминаніяхъ дворянства съ реформой Петра, а эту реформу дворяне вспоминали безъ большого удовольствія; офиціальные восторги по ея поводу не

должны насъ обманывать. Если Петръ часто цитируется въ тогдашней дворянской литературѣ, то большею частью для того, чтобы приписать ему то, чего онъ не дѣлалъ и что—какъ выборные дворянскіе ландраты, напримѣръ,—шло въ разрѣзъ съ основными тенденціями петровской политики въ дни ея расцвѣта. Это былъ удобный и приличный поводъ легализировать дворянскія чаянія, когда они казались самимъ дворянамъ немного смѣлыми для настоящаго момента—нѣчто въ родѣ тѣхъ цензурныхъ вставокъ, какія дѣлалъ Монтескье въ своихъ немного скользкихъ разсужденіяхъ о „посредствующихъ властяхъ“. Въ дѣйствительности, дворяне желали бы, чтобы между дворянскими выборными органами и общегосударственнымъ центромъ не было никакихъ промежуточныхъ звеньевъ, а этотъ центръ рисовался имъ въ образѣ сената, гдѣ засѣдаютъ такіе же дворяне-помѣщики. До Пугачевщины этого казалось совершенно достаточно—пугачевское возстаніе заставило пересмотрѣть вопросъ. „Внутреннее бывшее безпокойство“, писалъ Екатеринѣ съ мѣста усмиренія не кто другой, какъ Петръ Панинъ, недавній „большой болтунъ“ и вождь дворянской оппозиціи, „...для управленія таковыхъ (отдаленныхъ отъ первопрестольныхъ надзираній) народовъ и странъ открыло потребности въ умноженіи надъ ними болѣе правительствъ и присутственныхъ полицейскихъ надзирателей, нежели донынѣ оныхъ есть“. „Мудрая императрица Екатерина II“, говоритъ въ своихъ запискахъ знакомый намъ членъ „секретной комиссіи“ Руничъ, „по случаю возникшаго въ низовомъ краю Россіи возмущенія извлекла всѣ опыты изъ внутренняго тогдашняго управленія губерній и воеводствъ и со сроднымъ ей благоразуміемъ усмотрѣть соизволила, что въ такомъ обширномъ государствѣ, какова россійская монархія, раздѣленная на 12 только губерній, необходимо требуетъ новаго постановленія,—чтобы онѣ (губерніи), въ предѣлахъ своихъ, были не столь обширны, что и сдѣлано по усмиреніи въ низовомъ краю пугачевскаго бунта...“ Низшій персоналъ новыхъ губерній, въ нѣсколько разъ „умножившихъ“ мѣстныя „правительства“, рекрутировался, какъ мы знаемъ, все изъ того же дворянства: этимъ были удовлетворены въ минимальной мѣрѣ требованія 1767 года. Но надъ низшей дворянской администраціей были поставлены агенты центральной власти съ чрезвычайными полномочіями, въ лицѣ намѣстниковъ, которые обращались къ дворянскому обществу съ высоты императорскаго трона, нарочито поставленнаго въ залахъ дворян-

скихъ собраній, „яко частные цари подъ начальствомъ единой великой самовластной своей царицы, коей одной обязаны они были отвѣтствовать“. Это отнюдь не была только декоративная должность, какъ часто думаютъ; выборная дворянская администрація скоро это почувствовала. „По прошествіи нѣкоторыхъ лѣтъ“, говоритъ тотъ же авторъ, „начали измѣняться, упадать и терять цѣну дворянскіе выборы, ибо нѣкоторые изъ государевыхъ намѣстниковъ допустили вкрасться при своихъ, такъ сказать, дворахъ пристрастію фаворитовъ и фавориток, по внушенію коихъ на новыя трехлѣтія при выборахъ начали избирать дворянъ, какъ въ предводители, такъ и въ присутственныя мѣста, качествъ низкихъ, услужливыхъ прихотямъ фавора... почему многіе добрыхъ качествъ дворяне, видя, что въ собраніяхъ для выбора зарождаются пристрастія и выгоды... начали удаляться отъ выборовъ и рѣшительно оставили по губерніямъ службу“ *).

„Дворъ“ екатерининскаго намѣстника, съ его „фаворитами и фаворитками“, былъ такою же точной копіей центральнаго, петербургскаго, двора, какъ тронъ въ залѣ губернскаго дворянскаго собранія—копіей настоящаго царскаго трона. И далеко не случайно въ самый разгаръ пугачевщины вся Россія получила „государева намѣстника“ очень своеобразнаго типа въ лицѣ Потемкина. На „великолѣпнаго князя Тавриды“ (иные еще называли его „княземъ тьмы“) долго смотрѣли у насъ какъ на „фаворита“ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова,—какъ на человѣка, лично близкаго императрицѣ, а потому и пользовавшагося, по личному довѣрію, „всею полнотою власти самодержавной“. Съ этой точки зрѣнія онъ, конечно, легко находилъ себѣ предшественниковъ въ Биронѣ, Разумовскомъ, Шуваловѣ, Орловѣ. Но ужъ современники должны были замѣтить, что между этими послѣдними и Потемкинымъ было существенное различіе: у тѣхъ власть (если они ею обладали, какъ Биронъ или Орловъ) и „случай“ были тѣсно связаны—прекращался „случай“, и они становились частными людьми, иногда съ богатствомъ и внѣшнимъ почетомъ, иногда безъ всего этого, но всегда безъ всякаго политическаго значенія. Когда кончился „случай“ Потемкина, когда появился новый фаворитъ (Завадовскій), всѣ были убѣждены, что и роль прежняго фаворита сыграна; но, доносилъ своему начальству австрійскій посолъ, „князь Потемкинъ къ общему удивленію сохраняетъ авторитетъ, трудно соединимый съ его

*) „Записки“ П. С. Рунича. „Русская Старина“, т. II.

теперешнимъ положеніемъ, и, по крайней мѣрѣ по наружности, совсѣмъ не похожъ на попавшаго въ немилость фаворита, хотя, несомнѣнно, онъ болѣе фаворитомъ не состоитъ...“ Съ тѣхъ поръ смѣнилось еще нѣсколько фаворитовъ, а Потемкинъ все оставался при старомъ значеніи и вліяніи, при чемъ это вліяніе распространилось даже и на выборъ его, по внѣшнему виду, замѣстителей *). Размѣры же этого вліянія были совершенно ни съ чѣмъ предыдущимъ несравнимы: ни одинъ изъ его предшественниковъ, даже Биронъ, не занималъ положенія такого всевластнаго перваго министра, настоящаго великаго визиря, какимъ былъ князь Таврическій, притомъ съ первыхъ же дней своего фавора. „Графъ Потемкинъ имѣетъ такое вліяніе на императрицу, что во внутреннихъ дѣлахъ все отъ него зависитъ“, писалъ тотъ же австрійскій посолъ въ 1775 году, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ былъ очень радъ, когда одинъ его пріятель доставилъ ему частную аудіенцію у того же Потемкина, при чемъ посолъ могъ убѣдиться, что и по иностраннымъ дѣламъ тоже „все отъ него зависитъ“. Въ мартѣ 1774 года Потемкинъ сдѣлался генералъ-адъютантомъ императрицы (званіе, въ екатерининскую эпоху имѣвшее совершенно опредѣленное значеніе—и Орловъ, и Зубовъ, и всѣ меньшіе боги екатерининскаго Олимпа были генералъ-адъютантами), а уже въ апрѣлѣ лондонскому кабинету доносили: „весь образъ дѣйствій фаворита свидѣтельствуетъ о совершенной его увѣренности въ прочности своего положенія. Дѣйствительно, принимая въ расчетъ время, которое продолжается его фаворъ, онъ достигъ далеко большей степени власти, чѣмъ кто-либо изъ его предшественниковъ...“ „Хотя нигдѣ любимцы не возвышаются такъ внезапно, какъ въ этомъ государствѣ, однако даже здѣсь еще не было примѣра столь быстраго усиленія власти, какого достигаетъ настоящій любимецъ. Вчера, къ удивленію большей части членовъ, генералу Потемкину повелѣно засѣдать въ тайномъ совѣтѣ“. Въ дѣйствительности онъ былъ гораздо больше, чѣмъ рядовымъ членомъ тайнаго совѣта: наиболѣе „тайное“ изо всѣхъ тогдашнихъ дѣлъ, усмиреніе пугачевскаго мятежа, всецѣло было отдано въ его руки. Самыя секретныя донесенія Екатеринѣ съ мѣстъ доставлялись прямо ему, и онъ имѣлъ

*) Процедура „отбора“ Потемкинымъ предметовъ временнаго удовольствія его повелительницы обстоятельно описана его бывшимъ камердинеромъ, который, впрочемъ, самъ называетъ себя „частнымъ секретаремъ“. См. St. Jean „Lebensbeschreibung des Fürsten Gr. Al. Potemkin“, Karlsruhe, 1888 (съ рукописи начала XIX в.). Это уже въ полной мѣрѣ „лакейскія сплетни“, но какъ разъ такія интимности лакеи знаютъ всего лучше...

право ихъ вскрывать *). Гордый и непреклонный Никита Панинъ вступалъ съ нимъ въ частные интимные разговоры по поводу назначенія главнокомандующимъ противъ Пугачева Петра Панина. Повидимому, вначалѣ Н. Панинъ тѣшилъ себя надеждой, что ему удастся забрать въ руки „неопытнаго“ новаго фаворита: когда же окончательно убѣдился, что тотъ „ничего не внемлетъ или внимать не хочетъ, а все рѣшаетъ дерзостію своего ума“, то заскучалъ и сталъ говорить объ отставкѣ. Предметомъ многочисленныхъ „милостей“, сыпавшихся, какъ изъ рога изобилія, бывали и другіе: въ быстрой карьерѣ Потемкина характерно именно сосредоточеніе въ его рукахъ реальной в л а с т и. По части „милостей“ онъ не очень опережалъ другихъ и графомъ, напримѣръ, сдѣлался слишкомъ полгода спустя послѣ начала своего „случая“. Зато въ первые же его мѣсяцы онъ сталъ подполковникомъ Преображенскаго полка (полковникомъ была сама императрица) и вице-президентомъ, а фактически президентомъ, военной коллегіи: только нежеланіе всегда тактичной Екатерины обижать старшихъ генераловъ арміи мѣшало ей подчинить Потемкину формально все русское войско; и безъ того Румянцевъ чувствовалъ себя жестоко обиженнымъ, получая распоряженія изъ рукъ человѣка, еще недавно сражавшагося подъ его начальствомъ въ скромномъ качествѣ „волонтера“. Но на дѣлѣ Потемкинъ все же былъ главнокомандующимъ, и характерно, что его фаворъ началъ блѣднѣть съ той самой поры, когда вторая турецкая война показала совершенное ничтожество его, какъ полководца. Только тогда одинъ изъ временныхъ фаворитовъ, Платонъ Зубовъ, начинаетъ выдвигаться на мѣсто постояннаго. И точно такъ же не менѣе характерно то, что однимъ изъ первыхъ, кого Екатерина нашла нужнымъ извѣстить о пожалованіи Потемкина генералъ-адъютантомъ и преображенскимъ подполковникомъ, былъ усмирявшій пугачевщину Бибиковъ: оберъ-полицеймейстеръ, работавшій на мѣстѣ, долженъ былъ знать, кто въ Россіи новый генералъ - полицеймейстеръ. Суть была не въ томъ, что Бибиковъ „любилъ“ Потемкина: почти игривая форма, въ которой старый и вѣрный слуга былъ извѣщенъ о появленіи новаго фаворита (письма Екатерины отъ 7-го и 15-го марта 1774 года, такимъ рѣзкимъ пятномъ выдѣляющіяся на общемъ мрачномъ фонѣ тогдашней ея переписки), была однимъ изъ проявленій все той же тактичности. Пилюлю нужно было подсахарить...

*) См. „Записки“ Рунича, стр. 157.

Только въ самое послѣднее время русская историческая литература начинаетъ дѣлать попытки взглянуть на „князя тьмы“ не какъ на типическаго представителя фаворитизма XVIII вѣка, а какъ на выразителя новой политики Екатерины II, такъ не похожей на времена, когда эта государыня съ трогательной добросовѣстностью конспектировала Монтескье *). Какъ реагировало на эту новую, послѣ-пугачевскую, политику общественное мнѣніе дворянской Россіи, это въ необычайно яркой формѣ выразилъ лидеръ дворянской публицистики, кн. Щербатовъ. Но прежде чѣмъ перейти къ этому плачу на развалинахъ русскаго „монаршизма“, нельзя не сказать два слова о новыхъ струнахъ совсѣмъ иного рода, какія начинаютъ теперь звучать въ екатерининской политикѣ, подготовляя слѣдующее царствованіе. Пугачевщина заставила не только поставить у центра всѣхъ дѣлъ „человѣка съ кулакомъ“,—всѣми ненавидимаго („вся нація“, писалъ ровно черезъ два года послѣ назначенія Потемкина генералъ-адъютантомъ австрійскій посланникъ, „которая его ненавидитъ, ничего такъ сильно не желаетъ, какъ его паденія“—мы сейчасъ увидимъ, кто это „вся нація“), но умѣющаго всѣхъ подчинить своей волѣ. Она напомнила о томъ, что въ извѣстную минуту, и какъ разъ самую критическую, кулакъ можетъ безсильно повиснуть въ воздухѣ. Военныя реформы Потемкина чрезвычайно выразительны. Уже одно стремленіе организовать войско изъ инородцевъ—албанцевъ, волоховъ, болгаръ, даже кабардинцевъ и, такъ непріятно напомнившихъ о себѣ во время пугачевщины, башкиръ—не покажется случайностью тому, кто вспомнитъ, какъ вели себя русскія войска въ дни Пугачева. Иноземные наемники—любимое прибѣжище всякаго деспотизма XVIII вѣка. Но это, конечно, мелочь на общемъ фонѣ потемкинскихъ преобразованій. Они вовсе не ограничивались однимъ введеніемъ раціональной формы обмундированія (заимствованной, впрочемъ, отчасти у австрійцевъ). Сущность дѣла хорошо объясняетъ одно распоряженіе Потемкина **): „а офицерамъ гласно объявите, чтобъ съ людьми обходились со всевозможной умѣренностью, старались бы объ ихъ выгодахъ, въ наказаніяхъ не преступали бы положенныхъ, были бы съ ними такъ, какъ я, ибо я люблю ихъ какъ дѣтей“. Поло-

*) Къ числу этихъ попытокъ принадлежитъ небольшой очеркъ, помѣщенный въ „Русскомъ біографическомъ словарѣ“, составленный г. Ловягинымъ. Его портитъ только явное стремленіе подчеркнуть „положительные“ результаты потемкинскаго управленія. Значеніе П., конечно, не въ этомъ.

**) Цитируемое г. Ловягинымъ.

женіе солдата вообще стремились облегчить,—для того чтобы сдѣлать его болѣе надежнымъ, если опять понадобится встрѣтиться съ „домашнимъ врагомъ“. Но и самаго домашняго врага старались приручить, насколько возможно. Мы видѣли, какую поддержку Пугачевщинѣ оказывали раскольники. „Время улучшенія раскольниковъ при Екатеринѣ II совпадаетъ съ порою усиленія вліянія Потемкина“, говоритъ новѣйшій біографъ послѣдняго. Въ Таврической губерніи старообрядчество терпѣлось на равныхъ правахъ съ остальными неправославными исповѣданіями. Изъ одной резолюціи Екатерины на докладъ Потемкина видно, что онъ предполагалъ распространить это мѣстное распоряженіе на всю Россію,—организовавъ старообрядческую церковь на началахъ, напоминающихъ позднѣйшее „единовѣріе“. Екатерина нашла это слишкомъ рискованнымъ: „сей пунктъ понынѣ избѣгаемъ былъ всѣми, и по сю пору о семъ никто, а наипаче духовный чинъ, слышать не хотѣлъ“. Она посовѣтовала, безъ огласки, улучшить положеніе раскольниковъ путемъ частныхъ соглашеній съ духовной властью. Всего труднѣе было приручить главную разновидность „домашняго врага“ — крѣпостныхъ крестьянъ; но и тутъ Потемкинъ оставилъ по себѣ весьма характерный слѣдъ, предписавъ, уже совершенно секретно, не выдавать помѣщикамъ бѣглыхъ, которые найдутъ убѣжище въ подчиненной непосредственно ему Новороссіи.

Этимъ распоряженіемъ Потемкинъ, конечно, гораздо больше помогъ колонизаціи Новороссіи, нежели постройкой своихъ городовъ — которая къ „колонизаціи“, собственно, можетъ быть отнесена лишь по недоразумѣнію, потому что населены они были исключительно солдатами, чиновниками и иными казенными людьми — или выпиской заграничныхъ колонистовъ, по показанію очевидцевъ частенько умиравшихъ голодной смертью, ибо, выдавъ имъ грошевое пособіе, потемкинская администрація бросала ихъ на произволъ судьбы. Что злоупотребленія этой администраціи были колоссальны, какъ всякой администраціи крѣпостного типа—объ этомъ не можетъ быть спора. Но это были именно недостатки, свойственные всякой тогдашней администраціи: когда же приходится перечислять индивидуальные грѣхи человѣка, котораго ненавидѣла „вся нація“, злѣйшіе обвинители теряются и не знаютъ, что сказать. Щербатовъ готовъ приписать Потемкину „всѣ знаемые въ свѣтѣ пороки“, которыми тотъ, будто бы, не только „самъ былъ преисполненъ, но и преисполнялъ окружающихъ его“: но видимъ мы воочію только

любовь хорошо покушать, да грубое обращеніе съ придворными лакеями высшаго ранга. „Неосторожность оберъ-гофмаршала князь Николая Михайловича Голицына не приготовить ему какого-то любимаго блюда подвергла его подлому ругательству отъ Потемкина и принудила идти въ отставку": вотъ и всѣ доказательства „всѣхъ знаемыхъ въ свѣтѣ пороковъ" Потемкина, какія можно найти въ широкой картинѣ „поврежденія нравовъ въ Россіи". Для человѣка, задавшагося спеціальной цѣлью обличать, — жатва не богатая. Не много находитъ прибавить сюда и другой обличитель Потемкина, представляющій собою противоположный полюсъ Щербатову. St. Jean разсказываетъ, напримѣръ, не безъ паѳоса, какъ самые знатные люди, въ томъ числѣ губернаторы и намѣстники, въ полной парадной формѣ и во всѣхъ орденахъ, съѣзжались за сотни верстъ навстрѣчу проѣзжавшему по ихъ губерніи Потемкину,—а онъ сплошь и рядомъ не удостоивалъ даже выйти изъ своего крытаго возка, гдѣ спалъ или читалъ, такъ что собравшейся высокопоставленной публикѣ оставалось только раскланиваться съ лакеями и лошадьми князя. Вольно имъ было кланяться; скажетъ новѣйшій читатель: чѣмъ же виноватъ Потемкинъ, что екатерининскіе намѣстники, гордые сатрапы передъ мѣстнымъ населеніемъ, такъ подло холопствовали передъ центральной властью? И, наконецъ, Державинъ, который, какъ и всѣ дворяне его времени, не прочь привести образчикъ „пороковъ" князя Таврическаго, въ качествѣ самаго эффектнаго номера разсказываетъ, какъ тотъ разрѣшилъ купить населенное имѣніе—еврею. По нравамъ XVIII вѣка, когда у всѣхъ свѣжо было въ памяти поголовное изгнаніе евреевъ изъ имперіи Елизаветой Петровной, это былъ, конечно, случай рѣзкій; но гдѣ же опять-таки тутъ „всѣ знаемые въ свѣтѣ пороки"? Если при этомъ и были закрѣпощены свободные люди — какъ разсказываетъ Державинъ, этому, впрочемъ, менѣе придающій значенія, чѣмъ національности покупщика—то развѣ вся политика Екатерины въ Малороссіи не сводилась къ закрѣпощенію уцѣлѣвшихъ еще остатковъ свободнаго населенія?

Въ лицѣ князя Потемкина „вся нація", т.-е. все благородное россійское дворянство, ненавидѣла режимъ, а человѣку доставалось лишь за то, что онъ былъ первымъ воплощеніемъ этого режима, хотя лично онъ былъ не хуже и не лучше другихъ. Когда Щербатовъ почти въ симпатичныхъ тонахъ рисуетъ перваго фаворита Екатерины, Григо-

рія Орлова, сравнивая его съ послѣдующимъ, онъ вспоминаетъ добромъ первую, до-пугачевскую, половину царствованія—весну дворянскаго „монаршизма“. „Домашній врагъ“ безжалостной рукой разрушилъ иллюзіи своихъ господъ, и полторы тысячи повѣшенныхъ помѣщиковъ заставили ихъ уцѣлѣвшихъ собратьевъ позабыть всякія мечтанія о „властяхъ среднихъ“. Приходилось брать то, что центральной власти угодно было уступить—да еще и за это благодарить и славословить. „Испекли законы, правами дворянскими и городовыми названные“, иронизируетъ Щербатовъ, „которые болѣе лишеніе, нежели даніе правъ въ себѣ вмѣщаютъ и вообще дѣлаютъ отягощеніе народу“. Но, поневолѣ идя подъ ярмо, кляли его,—и тотъ же Щербатовъ умѣлъ придать этимъ проклятіямъ общую форму, не привязываясь къ „порокамъ“ отдѣльныхъ „властителей“. „Я охуляю самый составъ нашего правительства“, говоритъ онъ въ своей предсмертной запискѣ, „называя его совершенно самовластнымъ и такимъ, гдѣ хотя есть писанные законы, но они власти государевой и силѣ вельможъ уступаютъ, гдѣ состояніе каждаго подданнаго основывается не на защищенія законовъ, не отъ собственнаго его поведенія зависитъ, но отъ мановенія злостнаго вельможи“. „Надлежало бы мнѣ теперя говорить о правительствахъ; но какъ у насъ по самому непомѣрному деспотичеству не законы дѣйствуютъ въ правительствахъ, но преклоненіе двора и воля вельможъ, то прежде и должно о сихъ говорить“. Настроеніе настолько сродни и современному намъ поколѣнію, что нельзя, кажется, читать эти строки безъ живого сочувствія; но взгляните на конкретные образчики „непомѣрнаго деспотичества“. „Охуляю я подчиненіе губернскихъ предводителей подъ власть намѣстниковъ, яко разрушающее преграду власти намѣстниковъ надъ дворянами... Охуляю я учрежденіе нижнихъ и верхнихъ расправъ, гдѣ несмышленные и упрямые крестьяне засѣдаютъ, съ отпятіемъ ихъ отъ земледѣлія и съ поврежденіемъ ихъ нравовъ, отъ коихъ и другіе повреждаются... Охуляю я дворянское право въ самомъ его порядкѣ и расположеніи книгъ; позволеніе дѣвкамъ благороднымъ выходить въ замужество и за низшаго состоянія людей съ сохраненіемъ своего права, отъ чего нравы повреждаются и смѣшиваются состоянія; вмѣщеніе въ разные классы дворянства всякихъ чиновъ людей, чрезъ что самое сословіе дворянское уподляется“... Это не все, что „охуляетъ“ старый „монаршистъ“ въ своей предсмертной рѣчи къ тѣмъ,

кто заставилъ согнуться его гордую голову (онъ „отсталъ отъ двора“, по его словамъ, въ 1777 году—какъ разъ въ началѣ потемкинскаго режима): во многихъ своихъ „охуленіяхъ“ онъ опять оказался бы понятенъ и людямъ иного міросозерцанія, — когда онъ нападаетъ, напримѣръ, на „чинимыя наказанія по уголовнымъ преступленіямъ, производящія мучительную смерть“, или на „писаніе законовъ самою монархинею, писанныхъ во мракѣ ея кабинета, коими она хочетъ исполнить то, что невозможно, и уврачевать то, чего не знаетъ“. Но это — общія мѣста, годныя для многихъ мѣстъ и разныхъ эпохъ: индивидуальность вноситъ въ нихъ то, что отражаетъ интересы класса, представителемъ котораго не только въ комиссіи 1767 года былъ кн. Щербатовъ, и ту перемѣну, которую этотъ классъ пережилъ на склонѣ царствованія Екатерины.

Какъ личность Потемкина не играла никакой особенной роли въ этой перемѣнѣ, такъ и его смерть ничего не могла измѣнить въ установившемся режимѣ. Зубовъ, по общему признанію, былъ неуменъ, и если могъ съ нѣкоторымъ внѣшнимъ приличіемъ играть роль „государственнаго человѣка“, то лишь благодаря своей чудовищной памяти, позволявшей ему ошеломлять случайнаго собесѣдника массой техническихъ терминовъ и мелкихъ подробностей: это создавало иллюзію, что онъ „все знаетъ“. Люди, имѣвшіе болѣе частое обхожденіе съ послѣднимъ фаворитомъ Екатерины, увѣряли, что онъ почерпалъ свою мудрость, главнымъ образомъ, изъ проектовъ, доставшихся ему въ наслѣдство отъ Потемкина, почему бывшій секретарь послѣдняго, Поповъ, игралъ вначалѣ первую роль и при Зубовѣ, пока тотъ не счелъ, что достаточно усвоилъ уже себѣ суть потемкинской политики. Къ оригинальнымъ продуктамъ политическаго творчества Зубова принадлежалъ, повидимому — хотя бы отчасти — безстыдный грабежъ, извѣстный подъ именемъ „третьяго раздѣла Польши“. По крайней мѣрѣ, самъ онъ любилъ этимъ хвастаться,—и если держаться правила: is fecit cui prodest, придется признать за нимъ нѣкоторое на это право, такъ какъ всѣ богатства Зубова и его приближенныхъ составились изъ имѣній, конфискованныхъ у польскихъ помѣщиковъ, обнаружившихъ недостаточную преданность... Россіи. Но награждать русскихъ слугъ новаго режима землями, отобранными у поляковъ, давно вошло въ обычай: еще усмирители пугачевщины получили имѣнія въ Бѣлоруссіи, по первому раздѣлу доставшейся Россіи какъ разъ около этого времени.

Тадеушъ Косцюшко.

Передъ нами портретъ знаменитаго борца за государственную независимость Польши, воспроизведенный съ рѣдкой гравюры, на которой читается такая подпись: Dessiné sous les conseilles de M. Zeltner, ami de Kościuszko, et gravé sur acier par Antoine Oleszczynski, polonais membre de l'Academie de Florence et de la société philotechnique de Paris 1829.

Kościuszko

I. (ulien) U. (rsin) Niemcewiczowi poświeça ziomek A. O.

Андрей-Тадеушъ-Бонавентура-Косцюшко родился 4 февраля 1746 года въ имѣніи Меречовщизна, въ Новогрудскомъ воеводствѣ, въ Слонимскомъ повѣтѣ (Новогрудокъ въ нынѣшней Минской губерніи); умеръ въ Швейцаріи въ 1817 г., 15 октября. Учился онъ сперва въ школѣ отцовъ пьяровъ въ мѣстечкѣ Любешовѣ или Новомъ Дольскѣ; въ концѣ 1765 г. поступилъ въ кадетскій корпусъ, основанный Станиславомъ Понятовскимъ. Здѣсь развертывались героическія наклонности Косцюшко, питавшіяся разсказами о герояхъ античной древности и «Кадетскимъ катехизисомъ» князя Адама Чарторыскаго, въ которомъ на вопросъ: *можетъ ли быть кадетъ робкимъ или трусомъ?* давался отвѣтъ: *на это не умѣю отвѣтить, такъ какъ мнѣ незнакомы ни эти слова, ни понятія, которыя ими опредѣляются.* Въ 1770 г. Косцюшко отправился заграницу на казенный счетъ для усовершенствованія въ военныхъ наукахъ, особенно артиллеріи и фортификаціи. За границей Косцюшко проникся существомъ французской просвѣтительной философіи, склонившись въ сторону свободы совѣсти, равноправія сословій, демократическаго государственнаго строя... По возвращеніи въ 1774 г. въ Польшу, мечтатель, исполненный романтическаго благородства, не могъ найти здѣсь примѣненія для своихъ силъ и способностей: ни строй Польши, ни ея политическое положеніе послѣ перваго раздѣла не могли создать для него сколько-нибудь благопріятной почвы... Косцюшко опять во Франціи. Увлеченный тогдашнимъ политическимъ потокомъ въ 1778 г. онъ уѣзжаетъ въ Америку для участія въ освободительной борьбѣ англійскихъ колоній съ ихъ метрополіей. Поѣздка въ Америку должна была оказать на Косцюшко новое и сильное вліяніе; она дала ему боевой опытъ, матеріальное обезпеченіе и рядъ глубокихъ политическихъ впечатлѣній на ряду съ чиномъ бригаднаго генерала, орденомъ Цинцинната Militari virtuti и правами американскаго гражданства. Косцюшко видѣлъ величайшую борьбу за свободу, участвовалъ въ этой борьбѣ и упоенный восторгомъ пріобрѣтенія этой политической независимости вернулся въ Европу. У себя на родинѣ Косцюшко имѣлъ возможность наблюдать нетерпимую жизнь порабощеннаго крестьянства; въ Америкѣ онъ видѣлъ всѣ ужасы рабства негровъ, ихъ тяжкую работу на плантаціяхъ. Воодушевленное стремленіе раздавить рабство крестьянскаго класса въ Польшѣ проходитъ красною нитью черезъ всю его жизнь и дѣятельность. Богатый такъ называемыми возвышенными мечтами, Косцюшко отнюдь не былъ богатъ живымъ и конкретнымъ пониманіемъ исторической дѣйствительности, и это обстоятельство должно было тѣмъ рѣшительнѣе толкнуть его въ сферу безнадежнаго предпріятія освободить Польшу отъ ига русскихъ и нѣмцевъ... Съ 1785 по 1794 г. Косцюшко въ Польшѣ... 24 марта 1794 г., въ моментъ, увѣковѣченный польскимъ художникомъ Михаиломъ Стаховичемъ, Косцюшко начинаетъ возстаніе... 4 апрѣля 1794 г. Косцюшко въ битвѣ при деревнѣ Рацлавицахъ разбилъ на голову русскій отрядъ подъ командой генерала Тормасова, главнымъ образомъ благодаря участію косиньеровъ, т.-е. польскихъ крестьянъ изъ окрестностей Кракова, вооруженныхъ однѣми косами. И. С. Рябининъ, говоря о возстаніи, утверждаетъ, что «вопреки распространенному въ исторической литературѣ мнѣнію, крестьяне сочувствовали возстанію и стремились въ армію.... шляхта, привыкшая къ вѣковой анархіи, безпрекословно, за небольшими исключеніями подчинилась полонецкому универсалу 7 мая 1794 г.; что же касается магнатовъ, то они попрятались въ столицы державъ, подѣлившихъ Польшу, но не рѣшались открыто вступить въ ряды оппозиціи». Напротивъ, В. А.

М—инъ продолжаетъ утверждать, что надежды Косцюшко «на возстаніе всего народа, подкрѣпленныя Рацлавицкой битвой, скоро начали, однако, разсѣеваться». «Собравшіеся въ войско крестьяне,—продолжаетъ тотъ же авторъ,—прослышавъ о притѣсненіяхъ ихъ семей помѣщиками, стали бѣжать домой; посполитое рушенье собиралось туго; масса крестьянства, пригнетенная крѣпостнымъ правомъ, угрюмо и недовѣрчиво смотрѣла на возстаніе, между тѣмъ какъ большинство шляхты и въ этотъ критическій моментъ не рѣшалось поступиться своими помѣщичьими выгодами и правами». Подобно В. А. М—ину, разсуждалъ и Н. И. Костомаровъ: «Главная сила, на которую Косцюшко и его соучастники полагали надежду, состояла въ народномъ возстаніи. Думали, что весь народъ встанетъ, и всѣ обыватели принесутъ для спасенія отечества послѣдній грошъ. Не такъ дѣлалось, какъ думалось... Краковское воеводство было самое усердное изъ всѣхъ въ цѣлой Польшѣ, но и оно не доставило Косцюшкѣ десятой доли того, что онъ ожидалъ. Онъ требовалъ рекрутъ,—ему ихъ не давали; онъ требовалъ запасовъ для вооруженія войска,—ему ихъ не доставляли; наложены были поборы—ихъ не платили». Ни польскіе паны, ни русскіе бояре не могли еще въ эту эпоху взглянуть на крестьянскій вопросъ здраво, какъ въ свою очередь Косцюшко еще не могъ понять Сциллы и Харибды политическихъ и соціальныхъ отношеній среди восторженныхъ оцѣнокъ демократизма и отвлеченной политической свободы... 10 октября 1794 года рѣшился вопросъ о возсозданіи политической Польши окончательно: въ битвѣ при Мацѣевичахъ, въ Сандомирскомъ воеводствѣ, Косцюшко былъ тяжело раненъ и взятъ въ плѣнъ... Поклонникъ «деклараціи правъ Виргиніи» очутился въ *русскомъ* плѣну безъ всякой надежды на преклоненіе Екатерины передъ гражданиномъ Соединенныхъ Штатовъ Америки и международнымъ значеніемъ польскаго генерала. А этотъ польскій генералъ выступилъ горячимъ врагомъ варшавскаго террора 18 апрѣля 1795 г., написавъ варшавскому населенію укоризненное воззваніе! 8 января 1795 года препроводили въ Гродно и польскаго короля, 25 ноября 1795 г. онъ подписалъ отреченіе отъ престола. «Такъ пало,—пишетъ Костомаровъ,—государство, существовавшее около 1000 лѣтъ, пало по непреложному нравственному историческому закону..., и коренныхъ причинъ паденія Польши слѣдуетъ искать не въ явленіяхъ политической и общественной жизни по одиночкѣ, а въ томъ складѣ племенного характера, который производитъ эти явленія или сообщаетъ имъ видъ и направленіе, и котораго раннее образованіе теряется во временахъ, мало доступныхъ для человѣческаго изслѣдованія». Косцюшко тяжело переносилъ плѣнъ въ ежовыхъ рукавицахъ екатерининской поры. Официальныя донесенія 1794 и 1795 гг., приведенныя С. М. Соловьевымъ, рисуютъ ужасную картину и высказываютъ опасенія за его жизнь. Косцюшко безумно грустилъ и задумывался, болѣлъ и мечталъ уѣхать въ Америку... Задумчивость плѣнника, сидѣвшаго въ Петропавловской крѣпости, по донесеніямъ маіора Титова генералъ-прокурору Самойлову «умножается часъ отъ часу сильнѣе даже до такой степени, что начинаетъ забываться и безпрестанно плачетъ» (9 дек. 1794 г.); плѣнникъ «началъ кашлять и чрезвычайно мало спитъ каждую ночь» (13 дек.); «съ утра до вечера сидитъ на одномъ мѣстѣ въ превеликой задумчивости» (14 дек.); «жаловался чрезвычайно на головную боль, которая его нѣсколько разъ въ забытіе приводила.... штабъ-лѣкарь сказалъ, что оное происходитъ единственно отъ того, что сидитъ на одномъ мѣстѣ недвижимъ по цѣлымъ суткамъ.... молчитъ и никакого лѣкарства не принимаетъ» (21 дек.); «арестантъ вельми нездоровъ и грустенъ по прежнему» (7 янв. 1795 г.); «очень боленъ, лѣкарь нашелъ, что внутренняя лихорадка» (20 мая). Косцюшко-плѣнникъ, Косцюшко-арестантъ только и могъ въ такомъ положеніи быть задумчивымъ до потери сознанія, быть очень больнымъ... Человѣку мірового величія, воспитаннику эпохи борьбы за независимость американскихъ колоній и момента великой революціи не могло быть сколько-нибудь сносно въ петербургской клѣткѣ, онъ долженъ былъ рваться на свободу..., но не въ Польшу, которой теперь уже не существовало. Въ 1796 г., 6 ноября не стало императрицы Екатерины II, въ томъ же году, 16 ноября онъ былъ освобожденъ императоромъ Павломъ I и 8 декабря уѣхалъ въ Америку. Въ 1799 году мы видимъ Косцюшко во Франціи, куда онъ вернулся по призыву составлявшаго здѣсь польскіе легіоны Домбровскаго... На этотъ разъ Косцюшко не увлекся, и ясно представилъ

себѣ, что французское правительство не заинтересовано въ возстановленіи Польши... Порабощенной Польши Косцюшко видѣть не хотѣлъ и не вернулся въ нее, несмотря на открывшуюся возможность, а ограничился, незадолго до смерти, освобожденіемъ принадлежавшихъ ему въ Польшѣ крестьянъ. Въ этомъ отношеніи онъ проявилъ надлежащій тактъ. Что сталъ бы дѣлать Косцюшко въ Польшѣ, гдѣ все должно было напоминать ему объ утраченной свободѣ и о разбитыхъ при Мацѣевичахъ надеждахъ?! Отвергъ Косцюшко и разнаго рода предложенія, сдѣланныя ему со стороны Наполеона, что привлекло къ нему симпатіи Александра I. 3 мая 1814 года послѣдній писалъ польскому ветерану такія строки: «Самыя дорогія мои желанія исполнились. Съ помощью Всевышняго я надѣюсь осуществить возрожденіе храброй и почтенной націи, къ которой вы принадлежите. Я далъ въ этомъ *торжественную клятву*, и благосостояніе польскаго народа всегда было предметомъ моихъ заботъ. Одни лишь политическія обстоятельства послужили преградою къ осуществленію моихъ намѣреній. Нынѣ препятствія эти не существуютъ, они устранены страшною, но въ то же время и славною двухлѣтнею войною. Пройдетъ еще нѣсколько времени, и при мудромъ управленіи поляки будутъ снова имѣть отечество и имя, и мнѣ будетъ отрадно доказать имъ, что именно тотъ человѣкъ, котораго они считаютъ своимъ врагомъ, забывъ прошедшее, и осуществитъ всѣ ихъ желанія. Какъ отрадно будетъ мнѣ, генералъ, имѣть васъ помощникомъ въ этихъ благотворныхъ трудахъ! Ваше имя, вашъ характеръ, ваши способности—будутъ мнѣ лучшею поддержкою». Въ томъ же году Александръ I сообщалъ Лагарпу: «Какимъ образомъ порядочный человѣкъ можетъ отказаться отъ мысли имѣть отечество? Если бы я былъ полякомъ, я поддался бы искушенію, противъ котораго они не устояли. Мое намѣреніе состоитъ въ томъ, чтобы вернуть имъ изъ этого отечества все, что только окажется возможнымъ для меня, даровать имъ конституцію, относительно которой я оставляю за собою право развивать ее по мѣрѣ того, какъ они станутъ возбуждать во мнѣ довѣріе къ себѣ». Состоялось и личное свиданіе Косцюшко съ императоромъ Александромъ I на балу, устроенномъ княгиней Яблонской по совѣту князя Адама Чарторыскаго. Императоръ спросилъ Косцюшко о желаніи его вернуться въ Польшу, на что генералъ величаво отвѣтилъ, что горячо желаетъ умереть на родинѣ, но вернется въ Польшу только тогда, когда она будетъ свободна. Ни предложенія Наполеона, ни красивыя фразы Александра не сбили съ позиціи Косцюшко, характеристика котораго является соблазнительной для историческаго пера. Косцюшко— знаменательный типъ рубежа XVIII и XIX столѣтій, цѣнный сколько для исторіи Польши, столько же для исторіи Россіи и Европы. Чѣмъ скорѣе историческія построенія будутъ покинуты националистическими тенденціями, тѣмъ ярче можетъ выйти эта характеристика, тѣмъ меньше будетъ простора въ исторической дѣйствительности для тупости и пошлости узкой традиціи *).

В. Стор.

---

*) Въ книгѣ Н. К. Шильдера *„Императоръ Александръ Первый. Его жизнь и дѣятельность“*, томъ I-ый, Косцюшко представленъ въ трехъ рисункахъ:

a) Раненый—съ рисунка съ натуры Мартена, 1797 г.

b) Посѣщеніе его императоромъ Павломъ Первымъ—съ гравюры Орловскаго.

c) Освобожденіе его и плѣнныхъ поляковъ императоромъ Павломъ Первымъ—съ гравюры Орловскаго.

См. также монографію *Korzon'a* „Kościuszko, zyciorys, z dokumentów wysnuty“. Wyd. drugie. Kraków—Warszawa.

KOŚCIUSZKO.

Большая часть потемкинскихъ владѣній была тамъ же, и оттуда же бралось приданое для большинства мелкихъ екатерининскихъ фаворитовъ. И тутъ Зубовъ нашелъ уже, такимъ образомъ, традицію, которой оставалось только слѣдовать. Во всякомъ случаѣ, распоряжался огромнымъ земельнымъ фондомъ, доставшимся русскому правительству благодаря раздѣлу, именно онъ. „Раскаявшіеся" польскіе помѣщики, разсчитывавшіе получить обратно хоть часть ограбленнаго у нихъ достоянія, прибѣгали не къ кому другому, какъ къ Зубову. Такимъ путемъ Понятовскій, племянникъ послѣдняго польскаго короля, получилъ 30.000 душъ крестьянъ „за то, что ежеминутно называлъ Зубова высочествомъ и свѣтлостью". Нужно прибавить, что польскій принцъ только слѣдовалъ въ данномъ случаѣ установившемуся въ послѣпотемкинской Россіи этикету, который позволялъ идти и далѣе: по словамъ того же свидѣтеля, „старый генералъ Мелиссино, принимая однажды изъ рукъ Зубова владимірскую ленту, поцѣловалъ у него руку". Одно такое паломничество польскихъ помѣщиковъ въ Петербургъ сохранило для насъ любопытную картинку русскихъ придворныхъ нравовъ 1790-хъ годовъ. „Каждый день", разсказываетъ въ своихъ запискахъ, князь Чарторыйскій, котораго родители прислали въ Петербургъ спасать семейное достояніе,—„у Зубова былъ un lever (утренній туалетъ короля, по французской придворной терминологіи), въ точномъ смыслѣ этого слова. Огромная толпа просителей и придворныхъ всякаго ранга стекалась присутствовать при его туалетѣ. Улица была заставлена каретами шестерикомъ и четверикомъ, совершенно, какъ передъ театромъ. Иногда, послѣ долгаго ожиданія, толпу предупреждали, что графъ сегодня не выйдетъ, и всѣ расходились, говоря другъ другу: „до завтра". Въ противномъ случаѣ двери распахивались настежь, и въ нихъ бросались, тѣсня и толкая другъ друга, полные генералы, кавалеры различныхъ орденовъ въ звѣздахъ и лентахъ, черкесы — до купцовъ съ длинными бородами включительно. Въ числѣ челобитчиковъ иногда было много поляковъ, пріѣзжавшихъ хлопотать о возвращеніи ихъ имѣній или жаловаться на какуюнибудь несправедливость". „Самое торжество происходило слѣдующимъ образомъ: Раскрывались обѣ половинки дверей. Зубовъ входилъ, волоча ноги, въ халатѣ, почти неодѣтый; легкимъ наклоненіемъ головы онъ привѣтствовалъ челобитчиковъ и придворныхъ, въ почтительныхъ позахъ стоявшихъ кругомъ, и принимался за свой туалетъ. Къ нему прибли-

жались камердинеры, взбивали ему волосы и пудрили ихъ. Тѣмъ временемъ прибывали новые просители; ихъ также удостоивали легкаго движенія головы, когда графъ замѣчалъ кого-нибудь изъ нихъ; всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ ловили его взглядъ. Мы были изъ тѣхъ, кого всегда встрѣчали милостивой улыбкой. Всѣ оставались на ногахъ, и никто не осмѣливался произнести слова. Это была какъ бы мимическая сцена: краснорѣчивымъ молчаніемъ каждый стремился обратить вниманіе всемогущаго фаворита на свое дѣло. Никто, повторяю, не открывалъ рта, развѣ что графъ самъ обращался къ кому-нибудь—при этомъ никогда по поводу просьбы. Часто онъ не произносилъ ни одного слова, и я не помню, чтобы онъ предлагалъ сѣсть кому бы то ни было, за исключеніемъ фельдмаршала Салтыкова, который былъ первымъ лицомъ при дворѣ и, какъ говорятъ, сдѣлалъ фортуну Зубовыхъ; благодаря его посредничеству графъ Платонъ наслѣдовалъ Мамонову. Деспотическій проконсулъ Тутолминъ, передъ которымъ все трепетало въ эту эпоху въ Подоліи и на Волыни, приглашенный сѣсть, не осмѣлился сдѣлать этого, какъ слѣдуетъ: онъ лишь присѣлъ на кончикъ стула, и то только на одинъ моментъ“ *).

Двадцать лѣтъ потемкинскаго режима такъ вымуштровали русскаго дворянина, что, казалось, самая пылкая фантазія не въ силахъ была бы представить себѣ этого послѣдняго революціонеромъ и политическимъ заговорщикомъ. И, однако же, такое чудо совершилось всего черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ описанной кн. Чарторыйскимъ сцены. Виновникомъ чуда былъ Павелъ Петровичъ. Онъ натянулъ струну до послѣдней степени, и на немъ режимъ временно оборвался, чтобы, очень скоро, даже не цѣлое поколѣніе спустя, возродиться вновь въ лицѣ Аракчеева и Николая Павловича.

Оригинальности мало было и въ Павловомъ царствованіи. Основная пружина, выдвинувшая въ свое время Потемкина, продолжала дѣйствовать и при Павлѣ. Разсказавъ, какъ Павелъ десятками тысячъ раздавалъ своимъ приближеннымъ казенныхъ крестьянъ (по случаю коронаціи, въ 1797 году, роздано было болѣе 82.000 душъ), адмиралъ Шишковъ далъ этому факту такое объясненіе: „Причиною сей раздачи деревень, сказываютъ, былъ больше страхъ, нежели щедрость. Павелъ Первый, напуганный, можетъ быть, примѣромъ Пугачева, думалъ раздачею казенныхъ крестьянъ дворянамъ

*) Czartoryski, Mémoires, I, pp. 56—59.

уменьшить опасность отъ народныхъ смятеній. Сія, можно сказать, несчастная боязнь часто тревожила сердце сего монарха и была причиною тѣхъ излишнихъ осторожностей и непомѣрныхъ строгостей, какими, муча других, и самъ онъ безпрестанно мучился, и которыя, вмѣсто погашенія мнимыхъ искръ возмущенія, дѣйствительно порождали ихъ и воспламеняли". Правдоподобность этого объясненія вполнѣ подтверждается словами самого Павла: „по-моему, лучше бы и всѣхъ казенныхъ крестьянъ раздать помѣщикамъ. Живя въ Гатчинѣ, я насмотрѣлся на ихъ управленіе; помѣщики лучше заботятся о своихъ крестьянахъ, у нихъ своя отеческая полиція" *). Полиція, и именно „отеческая", т.-е. вотчинная, крѣпостническая и крѣпостная, была душой павловскаго режима: этого не рѣшаются отрицать даже панегиристы „коронованнаго Гамлета". „Сенатъ и совѣтъ при высочайшемъ дворѣ утратили почти всякое законодательное значеніе: государь хотѣлъ самъ все видѣть, все рѣшать и всѣмъ лично управлять", говоритъ одинъ изъ нихъ. „Зато особое значеніе пріобрѣли полицейскіе органы власти, наблюдавшіе за исполненіемъ воли государя..." **). „Насмотрѣвшись" на управленіе самого Павла, вы приходите къ убѣжденію, что это былъ прирожденный полицеймейстеръ, прежде всего другого. Какъ нельзя быть болѣе для него характерна въ этомъ отношеніи одна его записка, относящаяся еще къ до-гатчинскому періоду („Разсужденія о государствѣ вообще", 1774 г.), гдѣ онъ настаивалъ на томъ, что необходимо „предписать всѣмъ, начиная отъ фельдмаршала, кончая рядовымъ, все то, что должно имъ дѣлать; тогда можно на нихъ взыскивать, если что-нибудь будетъ упущено". Это не случайное увлеченіе: „предписать всѣмъ все, что должны они дѣлать"—основная идея Павла, гвоздемъ сидѣвшая въ его мозгу, идея, которую онъ добросовѣстнѣйшимъ образомъ пытался осуществить, какъ только власть попала въ его руки. Ежели не всему населенію вообще, то, по крайней мѣрѣ, дворянству и жителямъ столицъ было точно указано, какъ должны они причесываться, одѣваться, ходить и ѣздить по улицамъ, красить свои дома,—и даже, какъ должны они говорить. „Воспрещено было ношеніе фраковъ и разрѣшено нѣмецкое платье, съ точнымъ опредѣленіемъ цвѣта его и размѣровъ воротника; запрещены были

*) Шильдеръ, „Павелъ I", стр. 346.

**) Е. Шумигорскій, „Павелъ I" (въ Русскомъ Біографическомъ Словарѣ). Разр. наша.

жилеты, а вмѣсто нихъ дозволено употреблять камзолы; дозволены были башмаки съ пряжками, а не съ лентами, и запрещены короткіе сапоги съ отворотами или со шнурками; не позволялось „увертывать шею безмѣрно платками", а внушалось „повязывать ее безъ излишней толстоты" и т. д., и т. д. При этомъ „домоправителямъ, приказчикамъ и хозяевамъ строжайше подтверждалось, чтобы всѣмъ пріѣзжающимъ для жительства или на время въ домы ихъ объявляли они не только объ исполненіи сихъ предписаній, но и о всѣхъ прежде бывшихъ, и если окажется, что таковыхъ объявленій кому-либо учинено не было, то съ виновнымъ поступлено будетъ по всей строгости законовъ". Къ большому, вѣроятно, огорченію Павла, невозможно было урегулировать обыденную, разговорную рѣчь; но изъ офиціальнаго языка былъ изгнанъ цѣлый рядъ словъ, съ замѣною ихъ другими. Слово „стража" замѣнено было словомъ „караулъ", „врачъ"—„лѣкарь", „граждане"—„жители" или „обыватели", „отечество"—„государство" и т. д.; слово же „общество" совсѣмъ воспрещено было къ употребленію. „Во время путешествія Павла Петровича въ Казань статсъ-секретарь его, Нелединскій, сидѣвшій съ нимъ въ каретѣ, сказалъ государю, проѣзжая черезъ какіе-то обширные лѣса: „Вотъ первые представители лѣсовъ, которые далеко простираются за Уралъ".— „Очень поэтически сказано", возразилъ съ гнѣвомъ императоръ, „но совершенно неумѣстно: извольте сейчасъ выйти вонъ изъ коляски"*). Любовь Павла къ военной регламентаціи, его парадоманія и мундироманія были, въ сущности, производными качествами, наиболѣе бросавшимися въ глаза формами любви его къ регламентаціи вообще. Мало извѣстно, но очень характерно, что поводъ къ возникновенію знаменитыхъ гатчинскихъ батальоновъ былъ чисто полицейскій: опасеніе шаекъ бѣглыхъ крестьянъ, будто бы бродившихъ вокругъ Гатчины. Гатчинскіе порядки ставили себѣ цѣлью созданіе не только образцоваго войска, но и образцоваго города: задолго до Петербурга какъ Гатчина, такъ и Павловскъ были переведены на „полуосадное положеніе"; дома строились по опредѣленному фасону, послѣ извѣстнаго часа нельзя было показываться на улицахъ и т. д. Собственно къ военному дѣлу, въ точномъ смыслѣ этого слова, Павелъ уже потому не могъ чувствовать особеннаго влеченія, что онъ отъ природы былъ крайне трусливъ. Ребенкомъ онъ такъ трепеталъ

* Шумигорскій, passim.

передъ императрицей Елизаветой Петровной—женщиной, въ сущности, очень доброй, какъ мы знаемъ, —что это отражалось даже вредно на его здоровьѣ. Извѣстіе о томъ, что его воспитателемъ назначенъ Ник. Панинъ, преисполнило его ужасомъ. „Увидя въ Петергофѣ, что идетъ старикъ въ парикѣ, въ голубомъ кафтанѣ, съ обшлагами желтыми бархатными, Павелъ Петровичъ заключилъ, что это Панинъ, и неописанно струсилъ“, разсказываетъ его гувернеръ, Порошинъ. Взрослымъ, Павелъ боялся ѣздить верхомъ и крайне неувѣренно держался на лошади, что было причиною безчисленнаго количества „недоразумѣній“ на кавалерійскихъ ученьяхъ и маневрахъ,—недоразумѣній, не всегда комическихъ, а иногда и трагическихъ, не для самого Павла, а для окружающихъ. Онъ самъ признавался, что любитъ „военныхъ, но не войну“, и если ни въ одной изъ екатерининскихъ войнъ ему не удалось принять участія (кромѣ, на короткое время, шведской 1788—90 гг., гдѣ онъ воевалъ не столько съ непріятелемъ, сколько съ русскимъ главнокомандующимъ), то въ этомъ виноваты не только политическіе расчеты Екатерины; ей, правда, не было бы пріятно, если бы сынъ ея пріобрѣлъ популярность, какъ военачальникъ, и она могла сознательно мѣшать этому; но, нужно сказать, характеръ ея сына очень облегчалъ эту задачу. Не даромъ именно послѣ выступленія Павла въ шведской войнѣ она окончательно перестала безпокоиться о гатчинскихъ батальонахъ и равнодушно смотрѣла на то, какъ Павелъ увеличивалъ свою „армію“. На этомъ полѣ онъ никому не былъ страшенъ, кромѣ собственныхъ солдатъ. Зато полицеймейстеръ онъ былъ „бравый“: съ его вступленія на престолъ не проходило пожара въ Петербургѣ, на которомъ бы Павелъ не присутствовалъ, а съ нимъ и „все, что носило военный мундиръ изъ его свиты“; въ результатѣ чего дамамъ императорской фамиліи съ ихъ фрейлинами нерѣдко приходилось доканчивать ужинъ въ полномъ одиночествѣ. Старые екатерининскіе придворные, совершенно не привыкшіе ассоціировать въ своемъ представленіи царя и брандмейстера, долго не могли прійти въ себя отъ изумленія послѣ перваго такого случая...

Полицейскими соображеніями вдохновлялась и крестьянская политика Павла, которую такъ часто утилизировали, пытаясь хоть чѣмъ-нибудь облагородить это злосчастное царствованіе. Для того, чтобы прійти къ этому выводу, достаточно сопоставить даты. Въ январѣ 1797 года волненія крестьянъ, за двадцать лѣтъ успѣвшихъ нѣсколько забыть па-

нинское „усмиреніе", съ его висѣлицами и колесами,—въ то время, какъ экономическое положеніе крѣпостныхъ ухудшилось, барщина стала еще интенсивнѣе,—достигли такихъ размѣровъ, что вѣчно преувеличивавшій всѣ опасности Павелъ нашелъ нужнымъ командировать для усмиренія ихъ перваго, послѣ Суворова, боевого генерала того времени, фельдмаршала Репнина. Одновременно былъ изданъ манифестъ, гдѣ говорилось: „Съ самаго вступленія нашего на прародительскій нашъ императорскій престолъ предположили мы за правило наблюдать и точно взыскивать, дабы каждый изъ вѣрноподданнаго намъ народа обращался въ предѣлахъ, званію и состоянію его предписанныхъ, исполняя его обязанность и удаляясь всему тому противнаго, яко разрушающаго порядокъ и спокойствіе въ обществѣ. Нынѣ увѣдомляемся, что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ крестьяне, помѣщикамъ принадлежащіе, выходятъ изъ должнаго имъ послушанія, возмечтавъ, будто они имѣютъ учиниться свободными, и простираютъ упрямство и буйство до такой степени, что и самымъ прещеніямъ и увѣщаніямъ отъ начальства и властей, нами постановленныхъ, не внемлютъ... Повелѣваемъ, чтобы всѣ помѣщикамъ принадлежащіе крестьяне, спокойно пребывая въ прежнемъ ихъ званіи, были послушны помѣщикамъ своимъ въ оброкахъ, работахъ и, словомъ, всякаго рода крестьянскихъ повинностяхъ, подъ опасеніемъ за преслушаніе и своевольство неизбѣжнаго по строгости законной наказанія. Всякое правительство, власть и начальство, наблюдая за тишиною и устройствомъ въ вѣдѣніи, ему ввѣренномъ, долженствуетъ въ противномъ случаѣ подавать руку помощи и крестьянъ, кои дерзнутъ чинить ослушаніе и буйство, подвергать законному сужденію и наказанію". Дѣйствія агентовъ Павла не оставляли никакого сомнѣнія въ полной искренности императорскаго манифеста: то, что здѣсь говорилось о „строгости" и „наказаніи", было отнюдь не фразой. Посланный на бунтовавшихъ крестьянъ фельдмаршалъ не могъ не дать генеральнаго сраженія—уже чинъ не позволялъ ему унижаться до мелкихъ стычекъ—и хотя мятежники, по собственному признанію Репнина, были вооружены лишь цѣпами и дубинами, при усмиреніи ихъ въ одной только деревнѣ было сдѣлано 33 пушечныхъ выстрѣла и израсходовано 600 ружейныхъ патроновъ, при чемъ сожжено было 16 крестьянскихъ домовъ, убито 20 крестьянъ и ранено 70 *). На этотъ разъ

*) Шильдеръ, цит. соч. 328—329. См. также статью покойнаго Павлова-Сильванскаго „Волненія крестьянъ при Павлѣ I", во II-мъ т. его сочиненій.

войскамъ посчастливилось все же найти „инсургентовъ“: но не всегда было такъ — одинъ вице-губернаторъ, явившись въ бунтовавшую деревню съ командою, ни одного взрослаго крестьянина тамъ не нашелъ и долженъ былъ для устрашенія „пересѣчь кнутьемъ женъ ихъ и средняго возраста дѣтей“. Какъ бы то ни было, „порядокъ“ одержалъ побѣду всюду, притомъ очень быстро (изъ деревни, бомбардированной Репнинымъ, ужъ черезъ четыре дня оказалось возможно вывести войска). Происходило это въ февралѣ, а въ апрѣлѣ, по случаю коронаціи, вышелъ указъ о трехдневной барщинѣ, претендовавшій устранить разъ навсегда самую причину крестьянскихъ волненій—отягощеніе крестьянъ работой. Нужно прибавить, что самое урегулированіе барщинной повинности трактуется въ манифестѣ очень осторожно и какъ бы вскользь— на первый планъ выдвигается соблюденіе святости воскреснаго дня. Но такъ какъ воскресенье даже при хозяйствѣ почти плантаціонномъ обыкновенно оставлялось крестьянамъ, какъ мы знаемъ, то съ этой стороны большой фактической перемѣны въ существующія отношенія манифестъ и не вносилъ. Не видно, чтобы помѣщики особенно тяготились указомъ 5 апрѣля 1797 г., и даже, чтобы они вообще сколько-нибудь обращали на него вниманіе: надзоръ за его соблюденіемъ былъ всецѣло въ рукахъ мѣстныхъ властей, а эти власти были свои, дворянскія. Манифестъ могъ бы встревожить дворянство, какъ симптомъ, какъ первая ласточка эмансипаціонной политики, но отъ этой послѣдней Павелъ былъ едва ли не дальше, чѣмъ даже Потемкинъ съ его косвеннымъ покровительствомъ крестьянскимъ побѣгамъ. Не говоря уже о приводившейся выше его сентенціи насчетъ преимущества положенія крѣпостныхъ крестьянъ сравнительно съ казенными, онъ и больше, чѣмъ словами, доказывалъ, что и здѣсь „порядокъ“ для него выше всего. Когда въ Петербургѣ на разводѣ кучка дворовыхъ подала ему челобитную, жалуясь на своихъ господъ, Павелъ немедленно приказалъ дать каждому изъ челобитчиковъ столько плетей, сколько захочетъ его баринъ. „Поступкомъ симъ“, говоритъ Болотовъ, Павелъ „пріобрѣлъ себѣ всеобщую похвалу и благодарность отъ всего дворянства“. Нужно сказать, что дворянство могло быть ему благодарнымъ и за болѣе серьезныя мѣры въ пользу помѣщичьяго сословія: 18 декабря того же 1797 года Павломъ былъ учрежденъ дворянскій банкъ, откуда выдавалось

Изъ нея видно, между прочимъ, что большая часть „волненій“ не шла дальше жалобъ крѣпостныхъ на своего помѣщика.

подъ залогъ имѣній отъ 40—75 рублей на душу изъ 6%; ссуда выдавалась билетами, приносившими 5%. Интересы дворянства, насколько онъ ихъ понималъ, Павелъ старался соблюдать не хуже своихъ предшественниковъ.

Мы не хотимъ, однако, сказать этимъ, чтобы Павелъ Петровичъ былъ совершенно чуждъ сознательной демагогіи на почвѣ классоваго антагонизма верховъ и низовъ феодальнаго общества. Напротивъ, если онъ гдѣ былъ новаторомъ, такъ именно тутъ — позднѣйшимъ поколѣніямъ оставалось только идти по его слѣдамъ. Людямъ его общественнаго положенія во всѣ времена была не чужда мысль, что „народъ“ — который обыкновенно они представляютъ себѣ очень смутно— весьма интересуется ихъ личностью и семейными дѣлами *). На самомъ дѣлѣ, у „народа“, конечно, довольно своихъ заботъ, и для него, какъ безцеремонно выразился одинъ конногвардейскій солдатъ послѣ смерти Павла, „кто ни попъ, тотъ батька“. Но народъ толпится на пути высокопоставленныхъ особъ, кричитъ, машетъ шапками — какъ тутъ не явиться мысли, что на эту „восторженную толпу“ можно опереться при случаѣ? Надо обладать умомъ и цинизмомъ Екатерины II, чтобы отвѣтить такъ, какъ она отвѣтила въ одномъ подобномъ случаѣ: „на медвѣдя еще больше смотрѣть собираются“. Ея сынъ былъ человѣкъ наивный, неспособный къ цинизму, въ народные „восторги“ простодушно вѣрилъ и упивался ими еще почти ребенкомъ. Когда онъ былъ въ Москвѣ, въ 1775 году, онъ „разговаривалъ съ простымъ народомъ и позволялъ ему тѣсниться вокругъ себя такъ, что толпа совершенно отдѣляла его отъ полка“. Сообщающій объ этомъ англійскій посолъ разсказываетъ, какъ мы помнимъ, въ другихъ своихъ донесеніяхъ отъ того же времени, о рѣзкихъ столкновеніяхъ, происходившихъ незадолго передъ тѣмъ между матерью и сыномъ: и все это на фонѣ грозно гудѣвшей вдали пугачевщины, вождя которой казнили на Болотной площади всего за двѣ недѣли до пріѣзда Екатерины въ Москву. Въ поведеніи Павла нельзя не видѣть своего рода „воззванія къ народу“ — provocatio ad populum. „Народъ“, какъ ему показалось, принялъ его благосклонно,—въ то время, какъ московское дворянство, не помнившее себя отъ восторга передъ спасительницей Екатериной, къ великокняжеской четѣ (Павелъ былъ уже тогда женатъ) отнеслось очень холодно. Это исканіе „народныхъ“ симпатій. не безъ связи съ

*) Съ особенной наивностью эта мысль выступаетъ, напримѣръ, въ мемуарахъ пресловутой Луизы Саксонской.

тою же пугачевщиной, еще болѣе странно дало себя почувствовать тотчасъ послѣ восшествія Павла на престолъ, когда онъ посылалъ Рунича (знакомаго намъ члена „секретной комиссіи“ по пугачевскому дѣлу) на Уралъ — выразить высочайшее довѣріе и милость тѣмъ, кто нѣкогда поддерживалъ „Петра III“. Но самымъ эффектнымъ шагомъ его въ этомъ направленіи былъ тотъ, о которомъ единогласно повѣствуютъ записки всѣхъ современниковъ—мы разскажемъ его словами одного изъ лойяльнѣйшихъ слугъ Павла, Саблукова. „Спустя нѣсколько дней послѣ вступленія Павла на престолъ во дворцѣ было устроено обширное окно, въ которое *) всякій имѣлъ право опустить свое прошеніе на имя императора. Оно помѣщалось въ нижнемъ этажѣ дворца, надъ однимъ изъ коридоровъ, и Павелъ самъ хранилъ у себя ключъ отъ комнаты, въ которой находилось это окно. Каждое утро, въ седьмомъ часу, императоръ отправлялся туда, собиралъ прошенія, собственноручно ихъ помѣчалъ и затѣмъ прочитывалъ ихъ или заставлялъ одного изъ своихъ статсъ-секретарей прочитывать ихъ себѣ вслухъ. Резолюціи или отвѣты на эти прошенія всегда были написаны имъ лично или скрѣплены его подписью и затѣмъ публиковались въ газетахъ для объявленія просителю. Все это дѣлалось быстро и безъ замедленія. Бывали случаи, что просителю предлагалось обратиться въ какое-нибудь судебное мѣсто или иное вѣдомство и затѣмъ извѣстить его величество о результатѣ этого обращенія“ **). Комедія эта продолжалась до тѣхъ поръ, пока Павелъ не нашелъ однажды въ „желтомъ ящикѣ“ карикатуры на самого себя: тогда ящикъ былъ упраздненъ. Какую путаницу создавало это „непосредственное общеніе“ государя съ „народомъ“, едва ли нужно объяснять читателю, тѣмъ болѣе, что резолюція всегда зависѣла отъ минутнаго настроенія Павла. Но несомнѣнно также, что вовсе безъ результатовъ демагогія не оставалась; „доступность“ царя подкупала малосознательныхъ людей—тотъ же Саблуковъ отзывается о нововведеніи Павла съ видимымъ сочувствіемъ. Позже мы увидимъ, что гвардейскіе солдаты не оказывались нечувствительными къ демагогіи еще болѣе элементарной. О Павлѣ начинала идти молва, какъ о государѣ грозномъ, правда, но другѣ и защитникѣ бѣдныхъ людей, и непочтительное сравненіе съ Пугачевымъ, которое позволилъ себѣ по его по-

*) Собственно, въ особый „желтый ящикъ“, стоявшій у этого окна.
**) Записки Саблукова, рус. пер., стр. 23.

воду подвыпившій сторожъ Исаакіевскаго собора, въ устахъ этого сторожа заключало въ себѣ и кое-что лестное...

Все это былъ расчетъ, грубый и неуклюжій, но вполнѣ сознательный, нужно думать: человѣку, который боялся окружавшихъ его дворянъ, который вступилъ на престолъ съ мыслью, что его ждетъ участь Петра III, если онъ не приметъ мѣръ во́-время *), не на кого было опереться въ феодальномъ обществѣ, кромѣ низовъ, такъ еще недавно бунтовавшихъ противъ дворянской монархіи. Читатель помнитъ перечень общественныхъ группъ, принявшихъ участіе въ пугачевщинѣ: можно подумать, что Павелъ распредѣлялъ свои милости, руководясь ихъ спискомъ. Освобожденіе крестьянъ уже потому, что это было „освобожденіе“, слишкомъ расходилось со всѣмъ символомъ вѣры Павла Петровича: онъ не могъ бы никогда примириться съ самой идеей такого акта, какъ не могъ онъ перенести слова „представитель“ (а его сынъ и продолжатель Николай Павловичъ—словъ „вольные хлѣбопашцы“). Но облегчить положеніе крестьянъ, не нарушая полицейской субординаціи, онъ былъ не прочь: онъ началъ съ отмѣны рекрутскаго набора, уже назначеннаго Екатериной, и нѣкоторыхъ натуральныхъ повинностей (вмѣсто чего пришлось тотчасъ же повысить денежную подать), нѣсколько разъ за свое недолгое царствованіе прощалъ недоимки, спеціально занимался участью горнозаводскихъ крестьянъ на Уралѣ, отписавъ часть ихъ отъ заводовъ и превративъ снова въ государственные. По отношенію къ раскольникамъ онъ сдѣлалъ то, о чемъ только мечталъ Потемкинъ: подъ извѣстными условіями разрѣшилъ богослуженіе по старымъ книгамъ, положивъ начало такъ называемому „единовѣрію“. Это отнюдь не была принципіальная вѣротерпимость: Павелъ не допустилъ бы ея, какъ и „представителей“,—но, фактически, это была льгота, и раскольники ее почувствовали; когда Павла убили, изъ ихъ среды вышелъ единственный, хотя и очень робкій, протестъ противъ переворота. Духовенство Павелъ старался привязать къ себѣ разными мѣрами: и нарѣзкой земли, изъ казенной, по 30 десятинъ на церковь, и основаніемъ новыхъ духовно-учебныхъ заведеній, и наконецъ — ему это, вѣроятно, казалось важнѣе всего остального—тѣмъ, что сталъ жаловать духовнымъ лицамъ ордена и разные другіе знаки отличія. По отношенію же къ дворянству, наоборотъ, мы рядомъ съ милостями

---

*) См. мемуары Чарторыйскаго и слова самого Павла Маріи Ѳедоровнѣ: „если вы вздумаете подражать Екатеринѣ, вы не найдете во мнѣ Петра III“.

Варшавскій сеймъ 1773 года.

Оригиналъ картины польскаго художника Яна Матейко *Варшавскій сеймъ 1773 года* находится въ Императорской картинной галлереѣ въ Вѣнѣ и для настоящаго изданія изготовленъ съ превосходной фототипіи Y. Löwy. Картина представляетъ выдающійся интересъ и по своей композиціи, и по тому историческому воззрѣнію, которое вложилъ въ нее польскій художникъ.

Въ 1863 г. вышла книга С. М. Соловьева «Исторія паденія Польши». Интересно время ея появленія, выразителенъ и ея авторъ, котораго интересовала только дипломатическая сторона дѣла да такъ называемые успѣхи русской государственности и русской національности. Соловьевъ все свелъ къ такому положенію: «Во второй половинѣ XVIII вѣка, волею-неволею, Россіи надобно было свести старые счеты съ Польшею. Привели дѣло къ концу: 1) Русское національное движеніе, совершавшееся, какъ прежде, подъ религіознымъ знаменемъ; 2) завоевательныя стремленія Пруссіи; 3) преобразовательныя движенія, господствовавшія въ Европѣ съ начала вѣка до конца его». «Среди преобразовательныхъ движеній, которыми знаменовался вѣкъ, поясняетъ авторъ *Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ*, среди движеній, происходившихъ всюду около, Польша не могла оставаться покойною, тѣмъ болѣе, что въ ней преобразованія были нужнѣе, чѣмъ гдѣ-либо: вслѣдствіе безобразно-односторонняго развитія одного сословія, вслѣдствіе внутренняго безнарядья, Польша потеряла свое политическое значеніе, ея независимость была только номинальною, болѣе вѣка она уже страдала изнурительною лихорадкой, истощившею ея силы. Естественно, что нѣкоторые поляки должны были придти къ мысли, что единственнымъ средствомъ спасенія для ихъ отечества было преобразованіе правительственныхъ формъ... Но что бываетъ спасительно для крѣпкихъ организмовъ, то губитъ слабые, и попытка преобразованія только ускорила паденіе Польши». Таково рѣзкое по своей наивности введеніе серьезнаго историка половины прошлаго вѣка къ воспоминанію о варшавскомъ сеймѣ 1773 года. Ученикъ Соловьева и его преемникъ по каѳедрѣ русской исторіи въ московскомъ университетѣ, В. О. Ключевскій, двадцать лѣтъ спустя послѣ выхода въ свѣтъ упомянутой выше соловьевской книги читалъ въ своемъ университетскомъ курсѣ слѣдующее: «Польскій вопросъ состоялъ въ религіозно-политическомъ возсоединеніи юго-западной Руси.... Національно-религіозный вопросъ пытались въ первое время подмѣнить вопросомъ территоріальнымъ.... потомъ рѣшили подмѣнить его вопросомъ политическимъ.... Изъ Берлина былъ пущенъ извѣстный планъ раздѣла Польши.... первоначальный вопросъ о національно-политическомъ возсоединеніи юго-западной Руси, вслѣдствіе тѣсной связи русской политики съ прусской, постепенно искажаясь, превратился въ вопросъ объ уничтоженіи политическаго быта Польши. Тремя раздѣлами и была уничтожена Польша». Ключевскій отмѣчаетъ затѣмъ трагическіе результаты этого уничтоженія. Россія, по его словамъ, лишилась «слабой посредницы между тремя сильными державами», и теперь «всѣ столкновенія этихъ державъ получаютъ болѣе острый характеръ, больнѣе отзываются на Россіи»; затѣмъ «едва ли можно считать пріобрѣтеніемъ для славянства исчезновеніе славянскаго государства.... прямой интересъ Россіи заключался въ возсоединеніи юго-западной Руси, а не въ уничтоженіи Польши, исторія внушала взять то, что было за ней русскаго, а вовсе не уничтожать Польшу, дѣлая ее нѣмецкой; нужно было возвратить Польшу въ ея этнографическія границы, сдѣлать Польшу настоящей польской Польшей, не дѣлая ее нѣмецкой; вопросъ состоялъ въ томъ, чтобы избавить юго-западную Русь отъ ополяченія, а не въ томъ, чтобы Польшу отдать онѣмеченію; въ своихъ этнографическихъ границахъ Польша, даже съ исправленнымъ государственнымъ устройствомъ несравненно менѣе была бы опасна для Россіи, нежели та же Польша въ видѣ нѣмецкихъ провинцій, при томъ же уничто-

женіе самого польскаго государства вовсе не избавило Россію отъ борьбы съ Польшей». Съ наивной односторонностью учителя здѣсь соперничаетъ национализирующая публицистика ученика, который яснѣе представлялъ себѣ дѣйствительную суть вопроса и пошелъ въ сторону отъ несокрушимости credo старой исторіографіи. На рубежѣ 60-хъ и 70-хъ годовъ XIX в. появилась работа Н. И. Костомарова «Послѣдніе годы «Рѣчи Посполитой» (Спб. 1870), писателя въ свое время очень популярнаго, но въ польскомъ вопросѣ мало способнаго стоять на почвѣ строгой научности и вообще склоннаго дѣйствовать прежде всего на эмоціи чувства своихъ читателей. «Было бы неумѣстно, писалъ Костомаровъ, вдаваться въ вопросъ о справедливости способа дѣйствій державъ, рѣшившихъ судьбу Польши въ концѣ XVIII-го вѣка. По причинѣ своего внутренняго разстройства, лишившись нравственныхъ и матеріальныхъ средствъ къ самозащищенію отъ внѣшнихъ ударовъ, Польша стала жертвою той политики, которая освобождала кабинеты государствъ отъ необходимости слѣдовать нравственнымъ основамъ справедливости и соображаться съ законностью, изобрѣтенной только для подданныхъ и необязательною для властей... Польша, слабое и беззащитное государство (хотя и имѣвшее всѣ условія для того, чтобы быть могучею державою), долго спасалась отъ гибели только потому, что сосѣди не могли скоро подѣлиться ею. Но обстоятельства, наконецъ, поставили ихъ въ необходимость согласить свои стремленія, и Польша попала подъ колесо неумолимой политики, не знавшей другихъ способовъ дѣйствія, кромѣ коварства и насилія. Можно ли обвинять въ томъ державы, слѣдовавшія такой политикѣ? Конечно, нѣтъ. Когда государства сформировались и возросли при помощи коварства и насилія, то и должны были тѣмъ же самымъ охранять свою безопасность и поддерживать свое значеніе. Сама Польша въ былыя времена расширилась тѣмъ же способомъ... Съ безпристрастнымъ сознаніемъ, безъ всякаго патріотическаго самообольщенія скажемъ, что изъ всѣхъ территоріальныхъ пріобрѣтеній, совершенныхъ въ Европѣ въ XVIII-мъ вѣкѣ, пріобрѣтеніе Екатериною русскихъ провинцій отъ Польши едва ли не самое правое дѣло, по крайней мѣрѣ, относительно. Екатерина возвращала своему государству то, что принадлежало ему на основаніи не одних династическихъ воспоминаній или архивныхъ документовъ, а вѣковой, живой, народной связи». Ударившись въ область поэзіи и комплиментовъ, Костомаровъ спѣшитъ затѣмъ сорвать розовое покрывало, которымъ только что окуталъ дѣло 1773 года. Народъ, желавшій присоединенія къ Россіи, былъ обманутъ; послѣдняя не создала для него ни освобожденія, ни облегченія. «Россія, писалъ Костомаровъ, не поставила правоты своей на челѣ своихъ дѣйствій. Предпочтенъ темный путь политики. Россія пользовалась только сочувствіемъ къ себѣ русской громады въ польскихъ областяхъ настолько, насколько оно могло быть однимъ изъ орудій, годнымъ для политики, и то не главнымъ орудіемъ. Этого мало. Россія возвратила себѣ русскія земли; и какъ страшно былъ обманутъ, какъ поруганъ въ своихъ ожиданіяхъ этотъ бѣдный народъ, давній страдалецъ! Россія оставила его подъ ярмомъ тѣхъ же пановъ-ляховъ, которыхъ онъ ненавидѣлъ и отъ которыхъ искалъ спасенія, ...для него продолжала существовать эта Рѣчь-Посполитая». Сеймовая делегація 1773 г. подъ давленіемъ, угрозами и блескомъ русскаго золота утвердила первый раздѣлъ Польши, за которымъ въ 1793 и 1795 гг. послѣдовали второй и третій раздѣлы Польши, александровская конституція 15 ноября 1815 г. и два польскихъ возстанія 17 ноября 1830 г. и 10 января 1863 г. Построенія Соловьева и Костомарова создавались въ разгаръ острыхъ отношеній къ Польшѣ или около того времени; схема Ключевскаго отливалась уже во времена болѣе спокойнаго созерцанія на происшедшее: у перваго и второго, несмотря на всю разницу ихъ воззрѣній, научный діагнозъ сводится къ абсолютному *да*, у третьяго же къ условному *нѣтъ*; Костомаровъ скорбитъ за *народъ*, оставшійся въ кабалѣ и ничего не выигравшій отъ русскаго подданства, Ключевскій—за *поляковъ*, подвергшихся онѣмеченію. Надо внимательно вчитаться во взгляды всѣхъ трехъ, чтобы понять, что современный *научный* историческій взглядъ долженъ строить свое изложеніе совершенно иначе, разъ не хочетъ впадать ни въ публицистику, ни въ морализированіе.... Влад. Грабеньскій, авторъ популярной *Исторіи польскаго народа*, упоминая о работахъ Соловьева и Костомарова, находитъ, что онѣ «отличаются партійностью и незнакомствомъ со внутренними отношеніями Польши...». Первый

раздѣлъ Польши вообще привлекъ большое вниманіе исторической литературы. Не говоря о полякахъ, о немъ писали и нѣмцы, и французы (труды Ф. Смитта, Янсена, Берра, Раумера и др.), не могъ миновать его и такой историческій художникъ, какъ Янъ Матейко. Матейко своей сочной, выразительной и характерной кистью, правда, не всегда стѣсняющейся съ непріятными историческими препонами, увѣковѣчилъ 21 апрѣля 1773 года. Кажется, болѣе точное названіе его картины «Рейтанъ на варшавскомъ сеймѣ 21 апрѣля 1773 года» (срв. подъ словомъ Матейко у *Orgelbranda* Encyklopedja Powszechna. 1901). Конвенція о раздѣлѣ Польши между Россіей, Пруссіей и Австріей была подписана 6 и 19 февраля 1772 года; послы названныхъ державъ, явившись въ Варшаву, потребовали созыва чрезвычайнаго сейма; оккупація земель Рѣчи Посполитой войскомъ завоевателей не встрѣтила никакого сопротивленія; на 6 октября 1772 года былъ созванъ Сенатъ, но онъ отказалъ въ созывѣ сейма. Русскій посолъ, баронъ Оттонъ Штакельбергъ, пригрозилъ королю низверженіемъ съ престола, а странѣ—разгромомъ ея русскими войсками. 8 февраля 1773 г. вновь былъ созванъ Сенатъ, собравшійся въ очень небольшомъ числѣ и постановившій подъ градомъ давленій и угрозъ созвать сеймъ на 19 апрѣля 1773 г. На сеймикахъ было избрано не болѣе 111 депутатовъ, т. е. менѣе половины всего числа депутатовъ. Борьба шла между лучшими людьми, патріотами, и продажными господами, на которыхъ не жалѣли русскаго золота. Новые историки Польши говорятъ, что едва 20 депутатовъ руководилось интересами общественнаго блага и слѣдовало голосу долга. На картинѣ Матейко подъ портретомъ Екатерины Второй изображенъ сеймовый маршалокъ князь Адамъ Лодзя Пониньскій, великій коронный кухмистръ, литовскій депутатъ: въ правой рукѣ у него *ляска*; лѣвой рукой, грозя, онъ указываетъ на открытую дверь, черезъ которую видны солдаты, готовые ворваться въ залъ засѣданія и разогнать штыками сеймъ; эти солдаты—нѣкоторая вольность художника. Грабеньскій характеризуетъ Пониньскаго жестоко: это былъ, говоритъ онъ, одинъ изъ отвратительнѣйшихъ людей Польши XVIII вѣка, глава ничтожныхъ депутатовъ; онъ жаждалъ имѣть значеніе, но былъ ничтоженъ; живой и дѣятельный, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ лишенъ нравственныхъ качествъ; жадный и расточительный, онъ былъ готовъ на все за деньги, которыя скоро и безразсудно проматывалъ; планъ своей карьеры онъ построилъ на крайнемъ несчастіи своей родины.... Подъ прикрытіемъ штыковъ чужеземныхъ войскъ и карманной опекой русскаго посла Оттона Штакельберга, Пониньскій взялся за осуществленіе плановъ союзныхъ государствъ. Рядомъ съ Адамомъ Пониньскимъ стоитъ Щенсный (Феликсъ) Потоцкій, позднѣе генералъ коронной артиллеріи; въ правой рукѣ у него листъ, а лѣвой онъ схватился за Пониньскаго. Въ концѣ 1790 г. Пониньскій былъ осужденъ сеймовымъ судомъ на изгнаніе, а Потоцкій уголовнымъ судомъ Мазовецкаго княжества былъ заочно приговоренъ къ повѣшенію. Далѣе у опрокинутаго кресла стоитъ, растопыривъ руки, отецъ его Францъ Салезій Потоцкій, кіевскій воевода. Затѣмъ въ креслѣ, положивъ ногу на ногу и скрестивъ руки на груди, сидитъ князь Михаилъ Понятовскій, братъ короля, позднѣе примасъ короны Польской. Вслѣдъ за послѣднимъ, опершись на ручку кресла, сидитъ князь Михаилъ Чарторыскій, литовскій канцлеръ. Сзади упомянутыхъ трехъ фигуръ виднѣется послѣдній польскій король Станиславъ-Августъ Понятовскій: онъ стоитъ въ онѣмѣвшей позѣ, опустивъ руки, тупо вглядываясь въ происходящую сцену. Въ ложѣ, среди дамъ, виднѣется фигура Штакельберга.... Два первыхъ засѣданія сейма 19 и 20 апрѣля не привели ни къ чему, среди шума и споровъ они были закрыты Пониньскимъ, но уже было ясно, что продажная часть сейма сильна, и такъ называемымъ патріотамъ дѣлать нечего. Уже на этихъ засѣданіяхъ выступили новогрудскіе депутаты Ѳаддѣй Рейтанъ и Самуилъ Корсакъ во главѣ оппозиціи продажной части сейма. Ѳаддѣй Рейтанъ и является героемъ исторической кисти Матейко. 21 апрѣля 1773 г., разсказываетъ Влад. Грабеньскій, маршалковская стража, по приказу Пониньскаго, не впускала въ палату публику-судей; сандомірскій посолъ Мартинъ Любомірскій былъ посланъ снова отложить засѣданіе. Когда Любомірскій отложилъ засѣданіе на слѣдующій день и съ нѣсколькими депутатами оставлялъ палату, то Рейтанъ сталъ въ дверяхъ, задержалъ ихъ и умолялъ приступить къ выбору маршалка. Просьбы его оказались тщетными, и онъ легъ въ дверяхъ, крича: «Идите на гибель и вѣчный позоръ, топ-

чите эту грудь, которая выставлена за вашу честь и вашу свободу». Быть можетъ, эта фраза столь же достовѣрна, какъ слова Косцюшко «Finis Poloniae», но ей никакъ нельзя отказать въ анекдотическомъ блескѣ. Истоптанный выходящими, онъ остался въ палатѣ съ шестью товарищами и провелъ въ ней всю ночь. Понинькій составилъ конфедераціонный судъ, который обвинялъ Рейтана въ нарушеніи общественнаго спокойствія. Наконецъ, Рейтанъ, видя полную безрезультатность своего героическаго сопротивленія, рѣшилъ уѣхать изъ Варшавы. Ни Рейтанъ, ни Косцюшко не смогли повернуть историческаго колеса въ обратную сторону, но отдѣльные эпизоды этихъ попытокъ представляютъ крупный интересъ... Благо художнику, который сумѣлъ перенести на полотно эпизодъ столь общеевропейскаго захватывающаго интереса...*).

В. Стор.

---

*) О Рейтанѣ есть спеціальная статья L. Wegner'a „*Tadeusz Reitan* w sejmie warszawskim z. r. 1773". Долженъ принести глубокую благодарность И. С. Рябинину, сообщившему мнѣ матеріалъ изданія „*Polska Obrazy i opisy*", Lwow 1906.

В. С.

„РУССКАЯ ИСТОРІЯ".

Изд. Т-ва „МІРЪ".

встрѣчаемъ и рядъ ограничительныхъ мѣръ. Современники больше всего шумѣли по поводу нарушенія Павломъ жалованной грамоты 1785 года—возстановленіемъ тѣлесныхъ наказаній для дворянъ (указы 3 января и 13 апрѣля 1797 г.); но какъ разъ эти указы остались почти мертвой буквой, и случаевъ сѣченія дворянъ за царствованіе Павла извѣстно два-три наперечетъ. Важнѣе было фактическое упраздненіе губернской организаціи дворянства (разрѣшались только уѣздныя собранія); и тутъ полицейскій мотивъ, стремленіе ослабить подозрительную общественную силу, выступаетъ съ такою же отчетливостью, какъ и въ устраненіи отъ выборныхъ должностей чиновниковъ и офицеровъ, массами исключавшихся Павломъ изъ службы *): прогнанные изъ Петербурга дворяне отправлялись въ свои имѣнія,—если бы допустить ихъ въ мѣстныя выборныя учрежденія, эти послѣднія очень скоро стали бы очагами оппозиціоннаго движенія.

Какъ видитъ читатель, намъ съ нимъ удалось выяснить основныя линіи политики Павла I, не прибѣгая къ излюбленному методу большинства историковъ этого царствованія: къ психопатологіи **). Все, что дѣлалъ „сумасшедшій" Павелъ, дѣлалъ бы и нормальный человѣкъ его умственнаго развитія и склонностей, поставленный въ подобное положеніе: и даже эти склонности были не уклоненіемъ отъ нормы, а лишь преувеличеніемъ тѣхъ привычекъ и обычаевъ, которые сложились на почвѣ потемкинско-зубовскаго режима. Передъ Зубовымъ не смѣли сѣсть—передъ Павломъ становились на колѣни; передъ каретой Потемкина раскланивались—передъ каретой Павла выпрыгивали въ грязь и дѣлали реверансъ. Даже знаменитый „желтый ящикъ" былъ лишь болѣе организованной формой зубовскихъ levers du roi, и, нужно сказать, формой болѣе дѣловой—Павелъ занимался своими челобитчиками серьезнѣе, нежели екатерининскій фаворитъ своими. Даже мундироманія Павла (форма обмундированія одной конной гвардіи за его время была измѣнена не менѣе девяти разъ!) находитъ себѣ антецедентъ въ мундироманіи Потемкина, а что этотъ послѣдній придумывалъ мундиры болѣе цѣлесообразные, такъ это можетъ быть объ-

*) За время царствованія Павла (1796—1801) было уволено 7 фельдмаршаловъ, болѣе 300 генераловъ и 2000 штабъ- и оберъ-офицеровъ. Изъ 132 офицеровъ конногвардейскаго полка къ концу царствованія на службѣ остались двое — всѣ остальные были новые.

**) Пишущій эти строки отдалъ въ свое время дань этому методу, объяснивъ многое въ политикѣ Павла его болѣзненной наслѣдственностью (см. „Исторію Россіи въ XIX в." изд. бр. Гранатъ, т. I, стр. 22—24). „Наслѣдственность" тутъ была, конечно, только не физіологическая, отъ Петра III, а соціальная, отъ Потемкина и Зубова.

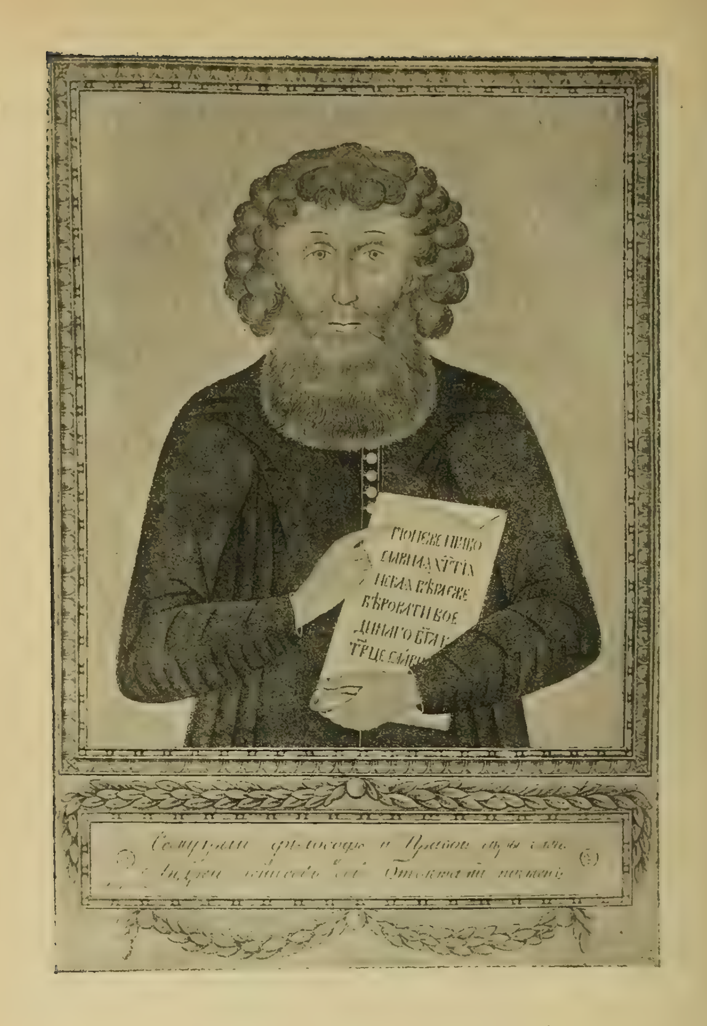
яснено отчасти болѣе удачнымъ образчикомъ, на который онъ напалъ—австрійскіе мундиры, а не прусскіе,—отчасти же тѣмъ, что потемкинская униформа придумывалась въ лагерѣ, на походѣ, въ обстановкѣ, которой Павелъ совсѣмъ не зналъ и которую едва ли даже могъ себѣ представить. Словомъ, въ томъ, что Павелъ дѣлалъ общественно-важнаго, онъ былъ не столько уродомъ въ семьѣ, сколько крайностью — наиболѣе рѣзкимъ воплощеніемъ особенностей данной группы. Но, какъ раньше полицейская традиція не заслонила отъ насъ сознательной демагогіи Павла, такъ и теперь нормальность его политики не должна закрыть отъ насъ несомнѣнной ненормальности его личной психики. Достаточно привести одинъ случай, сомнѣнію абсолютно не подлежащій, ибо онъ исходитъ отъ очевидца—и даже, какъ читатель сейчасъ увидитъ, болѣе, чѣмъ „очевидца", — чтобы устранить всякіе споры на этотъ счетъ. Разсказъ идетъ отъ лица А. М. Тургенева—полкового адъютанта Екатеринославскаго кирасирскаго полка, одного изъ „потемкинскихъ" полковъ, котораго за то Павелъ (лично ненавидѣвшій Потемкина) очень не жаловалъ. „Въ одинъ день, не упомню числа, послѣ вахтъ-парада пошелъ дождь; всѣмъ дежурнымъ штабъ-офицерамъ и адъютантамъ, для принятія пароля, который Павелъ Петровичъ самъ отдавалъ, было приказано собраться въ военную залу передъ кабинетомъ; всѣ собрались. Павелъ вышелъ изъ своего кабинета, отдалъ пароль; казалось, все шло въ надлежащемъ и подлежащемъ порядкѣ, ничто спокойствія не нарушало, и Павелъ изволилъ шествовать во внутреннія комнаты; какъ вдругъ минутъ черезъ пять двери опять отворились, гоффурьеры зашикали, и онъ вступилъ въ залу и громко сиповатымъ голосомъ повелѣлъ: „Екатеринославскаго адъютанта сюда!" Недалеко было меня искать—я былъ въ залѣ и сталъ передъ государемъ. Павелъ Петровичъ подошелъ ко мнѣ очень близко и началъ меня щипать; сзади его, съ правой стороны, стоялъ великій князь Александръ Павловичъ, съ блѣднымъ лицомъ; съ лѣвой стороны стоялъ Аракчеевъ; щипаніе было произведено нѣсколько разъ, отъ котораго брызгали у меня изъ глазъ слезы, какъ горохъ. Очи Павла Петровича, казалось мнѣ, блестѣли, какъ зажженныя свѣчки; наконецъ, онъ изволилъ повелѣвать мнѣ сими словами: „Скажите въ полку, а тамъ скажутъ далѣе, что я изъ васъ потемкинскій духъ вышибу, а васъ туда зашлю, куда воронъ костей вашихъ не занесетъ". Привѣтствіе—не вполнѣ радостное, но изустно мнѣ оглашенное въ присутствіи 200 или 300

офицеровъ! Его величество, повторивъ высочайшее повелѣніе пять или шесть разовъ, продолжая щипаніе, изволилъ мнѣ сказать: „извольте, сударь, отправиться въ полкъ!“

Мы не будемъ доканчивать разсказа, повѣствующаго далѣе, какъ Тургеневъ тутъ же снова снискалъ милость своего государя, ловко, по формѣ, повернувшись передъ нимъ—и для большей правильности поворота не побоявшись даже больно задѣть своимъ палашомъ слишкомъ близко подошедшаго къ нему императора: это пожертвованіе всѣмъ формѣ особенно подкупило Павла, и онъ проводилъ исщипаннаго имъ адъютанта одобрительнымъ возгласомъ: „бравый офицеръ! славный офицеръ!“ Подобными случаями полны современные мемуары *), и они, эти случаи, проще всего объясняютъ намъ, почему къ заговору противъ Павла такъ легко присталъ „весь Петербургъ“, съ генералъ-губернаторомъ во главѣ: необходимость устранить явно ненормальнаго психически императора оправдывала самыя крайнія мѣры. Но событіе 11 марта 1801 года слишкомъ сложно, чтобы его можно было объяснить только этимъ,—и слишкомъ тѣсно связано съ послѣдующимъ, чтобы его можно было понять, не выходя за предѣлы Павлова царствованія. Его приходится поэтому разсмотрѣть отдѣльно и въ иной связи.

*) См. записки Державина, Чичагова, даже Саблукова и Коцебу.

ГЛАВА XVI.

Религіозныя движенія въ XVIII вѣкѣ.

зъ главы о петровской реформѣ читатель уже знаетъ, какъ быстро исчезали подъ „расходившейся рукой“ императора-меркантилиста старыя феодальныя учрежденія, стоявшія неуклюжею плотиною передъ скороспѣлымъ потокомъ перспективъ, открывавшихся изъ пресловутаго окна въ Европу. Скороспѣлый меркантилизмъ обусловилъ также скороспѣлость и непрочность административной реформы Петра; отъ нея осталось лишь то, что оказалось дѣйствительно по плечу тогдашней степени хозяйственнаго развитія Россіи. Прочнѣе

оказалась церковная реформа Петра; но въ ней, несмотря на небывалую по внѣшности фразеологію „Духовнаго Регламента“, старина чувствовалась болѣе, чѣмъ въ какихъ-либо иныхъ новизнахъ Петра. Точнѣе говоря, Петръ, выражаясь въ „Регламентѣ“ обычнымъ своимъ языкомъ, непривычнымъ для его современниковъ, въ своей церковной реформѣ отчасти повторилъ зады его предшественника, царя Алексѣя, отчасти закончилъ процессъ поглощенія церкви государствомъ, поставивъ точки надъ *i* и придавъ обычной практикѣ формальную оправу.

Мы видѣли, что процессъ поглощенія церкви государствомъ, начавшійся еще въ XVI вѣкѣ, при царѣ Алексѣѣ по внѣшности остановился. Въ лицѣ Никона церковь произвела послѣднюю отчаянную попытку утвердить свою независимость отъ государства, опираясь на теорію параллелизма властей духовной и свѣтской, „солнца и мѣсяца“, при чемъ какъ солнце выше мѣсяца, такъ и священство, какъ „много разъ явлено“, выше царства. Попытка потерпѣла фіаско, и государство сдѣлало церкви лишь одну уступку— уничтожило Монастырскій приказъ, въ которомъ царь Алексѣй хотѣлъ сосредоточить судъ надъ церковными людьми. Для Петра церковь имѣла значеніе только какъ орудіе власти, и потому при первой же возможности онъ принялся за ликвидацію послѣднихъ остатковъ былого величія церкви. Личныя несогласія съ патріархомъ Адріаномъ, однимъ изъ вождей феодальной оппозиціи Петру, только ускорили проведеніе мѣръ Петра и придали имъ болѣе крутой характеръ. Въ ряду этихъ мѣръ учрежденіе синода было лишь заключительнымъ аккордомъ, завершеніемъ зданія.

Первыя же мѣры по смерти патріарха Адріана, временно замѣщеннаго креатурой Петра, Стефаномъ Яворскимъ, покончили съ судебными привилегіями церкви. Церковь утратила право суда по дѣламъ, возникающимъ изъ брачныхъ рядныхъ записей и духовныхъ завѣщаній, и лишилась, такимъ образомъ, одной изъ доходнѣйшихъ своихъ статей. Въ 1701 году былъ возстановленъ прежній Монастырскій приказъ, но съ расширенными функціями: помимо судебныхъ функцій надъ церковными людьми, возстановленный приказъ получилъ право управленія всѣми церковными вотчинами чрезъ назначаемыхъ имъ свѣтскихъ управителей. Это былъ первый шагъ къ секуляризаціи „тунегиблемыхъ“, по выраженію Петра, церковныхъ имуществъ. Управленіе приказа заключалось въ томъ, что всѣ доходы съ церковныхъ вотчинъ

поступали въ его кассу; обратно же, на содержаніе церковныхъ учрежденій выдавались суммы лишь по штатамъ, а всѣ излишки поступали въ государеву казну и шли на удовлетвореніе общегосударственныхъ потребностей. Въ этихъ „новизнахъ“ чувствовалась двухвѣковая старина; и только однѣхъ этихъ мѣръ было достаточно, чтобы навсегда парализовать всякія попытки церкви достичь независимости. Обращеніе же церковныхъ средствъ на нужды свѣтскаго государства было уже фактическимъ превращеніемъ церкви въ орудіе государства.

Черезъ 20 лѣтъ, въ теченіе которыхъ Стефанъ Яворскій усиленно старался изгладить самую память о томъ, что на его мѣстѣ когда-то сидѣли Никоны, Филареты и Адріаны, церковная реформа была завершена, внѣ всякаго согласія съ каноническими правилами, учрежденіемъ синода, установленнаго „монаршимъ указомъ и сенатскимъ приговоромъ“. Можно, вмѣстѣ съ Каптеревымъ, находить зародышъ синода въ архіерейскихъ коллегіяхъ при патріархѣ, практика которыхъ участилась со времени паденія Никона; съ этой точки зрѣнія и послѣднее новшество Петра не будетъ небывалою новизною. Въ мотивахъ, на которые не скупится „Духовный Регламентъ“, оправданіе реформы основывается болѣе всего на соображеніяхъ государственнаго „порядка“, на стремленіи предупредить народныя возмущенія противъ свѣтской власти подъ вліяніемъ власти духовной. Лично для Петра эти мотивы были, конечно, наиболѣе жгучими; но организація синода оказалась столь удобной для государства, что пережила даже всякую память о возможности церковнаго бунта подъ предводительствомъ православныхъ клириковъ. Организація синода передаетъ управленіе церковью всецѣло въ руки государства. Постоянныхъ членовъ въ немъ нѣтъ; всѣ члены временные, приглашаются на опредѣленные сроки императоромъ изъ числа архіереевъ (не менѣе трехъ), архимандритовъ и протопоповъ. Имѣя широкій просторъ для выбора членовъ синода, императорская власть не предоставляетъ такого же простора синоду въ замѣщеніи свободныхъ каѳедръ. Синодъ только „свидѣтельствуетъ“ передъ императоромъ кандидатовъ, т.-е. указываетъ ихъ, но императорская власть вовсе не принимаетъ на себя обязательства назначать именно тѣхъ лицъ, которыхъ указываетъ синодъ. Синодъ получилъ всѣ тѣ функціи, которыя ранѣе принадлежали Монастырскому приказу (послѣдній превратился въ синодскую камеръ-контору); но были приняты мѣры, чтобы управленіе синода

стояло подъ строгимъ контролемъ государства. Контроль былъ ввѣренъ оберъ-прокурору синода, свѣтскому чиновнику, названному въ официальной инструкціи 1722 года „окомъ государя и стряпчимъ по дѣламъ государственнымъ“. Онъ, подобно оберъ-прокурору сената, обязанъ былъ слѣдить, чтобы не было въ дѣлопроизводствѣ опущеній, останавливать всѣ незаконныя рѣшенія синода и доносить о нихъ государю, и, обратно, передавать монаршую волю синоду. При такой организаціи церковь можно было съ полнымъ правомъ назвать „синодальной командой“. За синодальными верхами этой команды послушно тянулись низы: епархіальные архіереи, превратившіеся въ духовныхъ чиновниковъ, и бѣлое духовенство, въ городахъ всецѣло зависѣвшее отъ архіереевъ, а въ селахъ—отъ мѣстныхъ помѣщиковъ, трактовавшихъ сельскихъ поповъ, какъ „подлый родъ людей“. Формальная секуляризація церковныхъ имуществъ, произведенная Екатериной, и уравненіе оберъ-прокурора въ 1824 г. въ правахъ съ министрами были естественными послѣдствіями петровской реформы. Только дворянское государство Екатерины оказалось рѣшительнѣе меркантилистическаго правительства Петра: послѣдній удовлетворился доходами, въ то время какъ первое отняло земли.

Со времени петровской реформы „правда воли монаршей“ или, какъ теперь выражаются, виды и намѣренія правительства, стали руководящей нормой для церковной политики. Формальное подчиненіе церкви государству окончательно вырыло пропасть между синодскимъ православіемъ и старообрядчествомъ: для послѣдняго было ясно, какъ божій день, что новая вѣра стала исповѣданіемъ и новой церкви. Это обстоятельство надолго, если не навсегда, закрыло путь къ примиренію и возсоединенію съ официальной церковью даже для самаго умѣреннаго старообрядческаго направленія.

Мы видѣли въ предшествующей главѣ *), что такъ называемый расколъ базировался преимущественно на двухъ родахъ оппозиціи: оппозиціи посадской, увлекшей за собою часть клира, и оппозиціи крестьянской, почти совершенно обходившейся безъ клира; оппозиція стараго боярства была представлена лишь отдѣльными лицами. Въ XVIII вѣкѣ религіозное развитіе раскола пошло исключительно по двумъ первымъ направленіямъ оппозиціи, посадской и крестьянской. Въ той и другой области развитіе шло существенно различ-

*) Томъ II, гл. XII.

нымъ образомъ. Посадская оппозиція была оппозиціей будущихъ участниковъ господства политическаго; въ сферѣ соціальной посадское купечество уже въ XVIII вѣкѣ отчасти естественнымъ, отчасти искусственнымъ законодательнымъ путемъ стянуло подъ свою зависимость почти всѣ „подлые“ элементы посадскаго міра. Поэтому религіозное развитіе въ средѣ посадской оппозиціи направилось въ сторону выработки церковныхъ организацій, организацій господства; всего прямолинейнѣе было это развитіе въ такъ называемой поповщинѣ, выработавшей къ срединѣ XIX вѣка законченную старообрядческую церковь, успѣшно конкурирующую въ наши дни съ синодской. Развитіе въ средѣ крестьянской оппозиціи пошло инымъ путемъ. По мѣрѣ того, какъ первоначальныя крестьянскія организаціи, образовавшіяся въ концѣ XVII вѣка, разлагались подъ вліяніемъ соціальной дифференціаціи, онѣ распадались на буржуазныя церковныя организаціи и на сектантскія крестьянскія общины, организаціи борьбы; помимо того, терзаемое со всѣхъ сторонъ крѣпостническимъ государствомъ, крестьянство въ теченіе всего XVIII и XIX вѣка создавало все новыя и новыя секты; крестьянская реформація, начавшаяся въ концѣ XVII вѣка, не закончилась еще и въ наши дни.

Въ первой половинѣ XVIII вѣка общины раскольниковъ слагались преимущественно за рубежомъ. Это была такая же оживленная эмиграція и по такимъ же мотивамъ, какъ эмиграція изъ Англіи пуританъ въ XVI и индепендентовъ въ XVI и XVII вѣкахъ. Съ особенной силой эта эмиграція шла во время бироновщины, въ тридцатыхъ годахъ XVIII вѣка, когда вакханалія властей надъ раскольниками достигла ужасающихъ размѣровъ. Старообрядческая „Церковная исторія“ разсказываетъ, какъ на Дону „полномочный чиновникъ“ предлагалъ тамошнимъ раскольникамъ выбирать между принятіемъ новыхъ книгъ и висѣлицей,—„и всѣ согласились умереть“. „Мучитель подавалъ лишь знакъ—и вдругъ вздергивались на висѣлицу и умирали, а по умертвіи мучитель повелѣвалъ тѣла бросать въ рѣку, да тѣми пловущими мертвецами возвѣстить и прочимъ нижнимъ станицамъ, какова постигнетъ и тѣхъ година“. Въ результатѣ этой дикой расправы поднялось будто бы до 40.000 „самыхъ домохозяевъ“ съ женами и дѣтьми, подъ предводительствомъ „своего богомудраго атамана Некрасова“, и ушло за Дунай въ турецкіе предѣлы. Отъ свѣтскихъ властей не отставали въ усердіи духовныя власти. Синодъ, награжденный раскольничьимъ

двойнымъ окладомъ изъ „расходившейся руки“ Петра послѣ Ништадтскаго мира, для лучшаго учета и преслѣдованія раскольниковъ учредилъ „духовную инквизицію“. Во главѣ ея сталъ протоинквизиторъ, строитель московскаго Даниловскаго монастыря Паѳнутій, которому были подчинены провинціалъ-инквизиторы, а этимъ послѣднимъ—уѣздные и городскіе инквизиторы. Въ распоряженіе инквизиціи правительство предоставило особую воинскую команду, которая употреблялась для разыскиванія и истребленія раскольниковъ въ лѣсахъ и пустыняхъ; найденные подвергались суду инквизиціи и ея же средствами наказывались: вырывали ноздри, ссылали на каторгу, сжигали раскольничьи иконы и книги. Эта духовная инквизиція просуществовала около десяти лѣтъ, пока двойной окладъ не былъ переданъ въ вѣдѣніе сената; тогда инквизицію замѣнила особая раскольническая контора въ Москвѣ, составленная изъ правительственныхъ чиновниковъ.

Ужасы инквизиціи и правительственныхъ репрессій только увеличивали изъ года въ годъ потокъ эмиграціи. Подводя итоги эмиграціи первой половины XVIII вѣка, тотъ же авторъ „Церковной исторіи“ пишетъ: „населились отъ вѣковъ ненаселяемыя отдаленныя сибирскія и кавказскія горы. Умножились россійскимъ народомъ области: малороссійская, бѣлорусская, польская и бессарабская. Надѣлились тѣмъ же удѣломъ въ значительномъ числѣ цѣлыхъ обществъ многія державы: Турція, европейская и азіатская, Валахія, Молдавія, Австрія и Пруссія“. Эта эмиграція носила буржуазный характеръ. Только такіе приверженцы раскола, у которыхъ были средства, могли выселиться въ болѣе культурныя страны и устроиться тамъ, могли предпринять эмиграцію; крестьянство бѣжало въ лѣсныя и горныя дебри и тамъ скрывалось отъ гоненій „антихриста“. Заграничныя колоніи эмигрировавшихъ старообрядцевъ и дали впослѣдствіи основной контингентъ адептовъ старообрядческихъ церковныхъ организацій, поповщинскихъ и безпоповщинскихъ.

Какъ мы видѣли, первая ячейка будущей поповщинской старообрядческой церкви была заложена эмиграціей двѣнадцати купеческихъ семействъ, выселившихся изъ Москвы, подъ руководствомъ попа Кузьмы отъ Всѣхъ Святыхъ на Кулишкахъ, въ Стародубье. Тамъ эмигранты оставались недолго и, по приглашенію пана Халецкаго, перешли черезъ рубежъ и заняли Вѣтку, пустынный островъ на рѣкѣ Сожѣ. Вѣтковскія поселенія были первымъ оплотомъ старообрядческой посадской массы. Въ какія-нибудь пятьдесятъ лѣтъ четырнадцать вѣт-

ковскихъ слободъ разрослись въ крупный торговый центръ, захватившій въ свои руки нити торговли между лѣвобережной Малороссіей и Бѣлоруссіей; ихъ населеніе достигло солидной цыфры 40.000 человѣкъ, благодаря постоянному притоку новыхъ эмигрантовъ изъ метрополіи, привлекаемыхъ вольною и „святою“ жизнью вѣтковцевъ: „и тѣ слободы разселены, какъ превеликіе города, гдѣ премногое число изъ разныхъ городовъ бѣглые богатые купцы, называя себя раскольниками, укрываются отъ положенныхъ на нихъ податей и рекрутскихъ наборовъ“. Въ сосѣднемъ Стародубьѣ, представлявшемъ изъ себя въ то время глухіе лѣса, образовались одновременно раскольничьи крестьянскія поселенія. Эти поселенія тянули къ Вѣткѣ, какъ къ естественному экономическому и церковному центру. Крестьяне въ Стародубьѣ обходились безъ поповъ, безъ богослуженія и безъ таинствъ; но съ Вѣтки въ Стародубье постоянно ходили тамошніе попы и поддерживали въ крестьянствѣ смутное сознаніе необходимости жизни въ церковномъ общеніи. Вѣтка благоденствовала недолго. Первая гроза разразилась надъ нею въ 1735 году, при Аннѣ Ивановнѣ: была послана карательная экспедиція подъ начальствомъ Сытина, долженствовавшаго силою вернуть въ предѣлы Россійской имперіи хотя бы часть эмигрировавшихъ старообрядцевъ, которые не хотѣли послушать любезныхъ приглашеній правительства и добровольно пойти подъ ярмо двойного оклада. Черезъ 30 лѣтъ, при Екатеринѣ II, произошла вторая „выгонка“ съ Вѣтки, и эта колонія окончательно была разорена. Вѣтковскіе поселенцы разошлись въ разныя мѣста. Одни пошли въ раскольничьи слободы, образовавшіяся еще дальше за рубежомъ, въ предѣлахъ кіевскаго воеводства. Другіе, бóльшая часть, принуждены были выселиться въ сосѣднее Стародубье. Тамъ, на новомъ мѣстѣ, быстро возродилась старая жизнь. Среди дѣвственныхъ лѣсовъ выросли торговыя слободы; нѣкоторыя изъ нихъ еще при Екатеринѣ II были превращены въ уѣздные города. Въ Клинцахъ переселенцы съ Вѣтки завели суконныя мануфактуры, число которыхъ въ XIX вѣкѣ возросло приблизительно до 20; кромѣ того, въ той же округѣ было образовано около 100 различнаго рода ремесленныхъ мастерскихъ. Клинцовскіе промышленники завели правильныя сношенія съ Петербургомъ и Москвой; такими же широкими связями располагали и купцы-прасолы Гомеля, который уже въ 30-хъ годахъ XVIII вѣка былъ крупнымъ городомъ. Все крестьянство Стародубья стало въ полную зависимость отъ стародубскихъ

слобожанъ: оно было для нихъ рабочею силою и, кромѣ силы капитала, было связано съ купечествомъ обаяніемъ алтаря.

Другая линія посадскаго старообрядчества пошла по Волгѣ и къ Уралу, отъ Керженца. Читатель помнитъ, что на Керженцѣ образовалось 77 скитовъ, переполненныхъ бѣглыми монахами и попами; эти скиты стали опорнымъ пунктомъ для раскольничьей колонизаціи. Керженскіе лѣса и болота были еще болѣе глухой мѣстностью, чѣмъ трущобы Стародубья; они были прекраснымъ пристанищемъ для бѣглаго крестьянства, но для посадскихъ людей ничего привлекательнаго не представляли. Но рядомъ была широкая торговая дорога на югъ и востокъ, Волга съ ея могучими лѣвыми притоками. Въ рукахъ старообрядцевъ оказались вскорѣ всѣ главнѣйшіе торговые пункты въ Нижегородскомъ краѣ и ниже по Волгѣ. Начиная съ Шуи, старообрядцы образовали далѣе общины въ Городцѣ, Балахнин. уѣз., крупной для тогдашняго времени хлѣбной пристани, въ Горбатовѣ, съ прядильными мануфактурами, въ Павловѣ, Лысковѣ, Макарьевѣ, Самарѣ; къ концу XVIII вѣка регистрированныхъ раскольниковъ по берегамъ Оки и Волги только въ предѣлахъ Нижегородскаго края насчитывалось до 46.000. Въ пристаняхъ и прирѣчныхъ слободахъ старообрядцы захватили въ свои руки все судостроеніе и торговлю, совершенно оттѣснивъ въ сторону немногочисленное купечество, державшееся никоніанства. „Держащіеся старой вѣры живутъ гораздо богатѣе держащихся вѣры новой, а это показываетъ, что богъ благословляетъ не новую, а старую вѣру“, самодовольно замѣчаетъ старообрядческій писатель. Съ Волги по Камѣ посадская раскольничья колонизація пошла на Уралъ и тамъ дѣлала такіе же блестящіе успѣхи. Уже въ 1736 г. тайный совѣтникъ Татищевъ доносилъ въ Петербургъ о старообрядцахъ на уральскихъ заводахъ: „что раскольниковъ де въ тѣхъ мѣстахъ умножилось, а наипаче, что на партикулярныхъ заводахъ Демидовыхъ и Осокиныхъ прикащики едва не всѣ, да и сами промышленники нѣкоторые раскольники, и ежели оныхъ выслать, то конечно имъ заводовъ содержать некѣмъ, и въ заводахъ ея имп. величества будетъ не безъ вреда; ибо тамъ при многихъ мануфактурахъ, яко жестяной, проволочной, стальной, желѣзной, почитай всѣми харчами и потребностями торгуютъ олончане, туляне и керженцы—все раскольники“.

Торговые и промышленные успѣхи старообрядчества, конечно, объяснялись не божіимъ благословеніемъ старой вѣры, а вполнѣ реальными причинами. Первая заключалась въ не-

обыкновенной солидарности старообрядческихъ бюргеровъ между собою. Солидарность связывала не только членовъ одной и той же общины; тутъ не было ничего удивительнаго, ибо каждая новая колонія должна была завоевывать себѣ жизнь совокупными усиліями и строилась „міромъ“, устраивала мірское самоуправленіе. Болѣе того: отдѣльныя общины были связаны такою же солидарностью интересовъ. Она сказывалась съ особенною силою въ тѣхъ случаяхъ, когда та или другая община терпѣла катастрофу вслѣдствіе репрессій правительства. Вѣтка оправилась послѣ первой выгонки 1735 г. только благодаря щедрой поддержкѣ, оказанной другими общинами, въ особенности нижегородскими; послѣ выгонки 1764 г. изгнанникамъ помогли устроиться въ Стародубьѣ опять таки единовѣрцы нижегородскіе и въ особенности московскіе. Съ другой стороны, несмотря на всѣ преслѣдованія правительства, положеніе раскольниковъ предоставляло имъ одну существенную выгоду, которою они всемѣрно и воспользовались. Какъ свидѣтельствуетъ указъ 11 декабря 1738 г., до этого времени раскольники платили только двойной окладъ, „но отъ прочаго всего освобождены; а купечество и крестьянство, сверхъ положеннаго на нихъ подушнаго платежа, по нарядамъ рекрутъ и лошадей и работниковъ конныхъ и пѣшихъ ставятъ и подводы подъ всякіе казенные припасы даютъ“. Отъ всей этой лямки раскольники были освобождены; и кромѣ того, селясь на окраинахъ, они попадали въ предѣлы недосягаемости для чрезвычайныхъ повинностей въ родѣ содержанія войска и курьеровъ: „чрезъ тѣ мѣста полкамъ маршевъ и другимъ служилымъ людямъ проѣзда не бываетъ“.

Въ половинѣ XVIII вѣка старообрядческая буржуазія, россійская и зарубежная, обладала уже „велчкими промыслами и торгами“. Правительство Екатерины II учло это обстоятельство, какъ финансовую возможность, и отмѣнило цѣлый рядъ ограниченій, взваливъ за то на плечи старообрядцевъ тягло на общемъ основаніи. Въ 1762 г. заграничнымъ раскольникамъ было предложено вернуться; рядомъ послѣдующихъ указовъ, вплоть до 1785 г., отмѣнялись указы Петра I о бородѣ, платьѣ стараго покроя и двойномъ окладѣ; была уничтожена особая раскольничья контора, вѣдавшая до сихъ поръ дѣла о раскольникахъ, раскольники были допущены къ свидѣтельствованію на судѣ и получили доступъ къ выборнымъ должностямъ. Называя раскольниковъ вообще, эти мѣры, собственно говоря, имѣли въ виду раскольничью буржуазію, которая и воспользовалась ими самымъ широкимъ образомъ. Правитель-

ство предоставило зарубежнымъ старообрядцамъ для поселенія мѣстности по р. Иргизу, въ Саратовскомъ краѣ, на старой, давно знакомой „сиротской дорогѣ“ съ Волги на Уралъ, по которой въ лѣсахъ уже были одинокіе починки бѣглыхъ людей. Организацію переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ приняли на себя существовавшія внутри Россіи раскольничьи общины и повели ее увѣреннымъ и быстрымъ темпомъ. Въ качествѣ опорныхъ пунктовъ на Иргизѣ были построены монастыри на средства московскихъ и саратовскихъ купцовъ-старообрядцевъ (въ особенности близкое участіе принималъ московскій купецъ Юршевъ); такимъ путемъ вся иргизская колонизація сразу становилась подъ руководство и вліяніе буржуазнаго старообрядчества. Иргизскіе монастыри наполнились монахами изъ керженскихъ скитовъ; а въ слободы, образовавшіяся вокругъ нихъ, потянулись не только зарубежные старообрядцы изъ Польши, но также старообрядцы со всѣхъ концовъ имперіи, а вслѣдъ за ними и всѣ тѣ, кого такъ или иначе гналъ законъ: бѣглые крестьяне, казаки, солдаты, попы; на Иргизѣ же, въ Верхнеуспенскомъ монастырѣ, побывалъ и Пугачевъ передъ возстаніемъ. Пустынные дотолѣ берега Иргиза застроились слободами (Криволучье, Балаково, Каменка, Мечетное, теперь Николаевскъ); колонисты занялись отчасти земледѣльческими, отчасти рыболовными промыслами, но всецѣло зависѣли отъ монастырей. Эта зависимость формально была закрѣплена указами Александра I 1801 и 1804 гг., по которымъ монастырямъ было передано въ собственность болѣе 12.500 дес. земли вмѣстѣ съ сидѣвшими на нихъ крестьянами, т.-е. тѣми же колонистами. Кромѣ Иргиза, послѣ указовъ 1764, 1769 и 1785 гг. множество переселенцевъ изъ-за границы поселилось въ различныхъ городахъ, записываясь въ купечество, и усилило такимъ образомъ существовавшія тамъ ранѣе общины. Наконецъ, въ концѣ 1771 г. легально организовалась московская группа старообрядцевъ-купцовъ и сейчасъ же послѣ этого выдвинулась на первое мѣсто, какъ естественный центръ старообрядческихъ буржуазныхъ общинъ. Москвичи воспользовались чумой, посѣтившей въ этотъ годъ Москву: попросивъ у властей разрѣшеніе открыть и содержать на средства группы московскихъ старообрядцевъ чумный карантинъ и кладбище за Рогожской заставой, старообрядцы устроили тамъ часовню и создали такимъ образомъ организацію, имѣвшую офиціальное право на существованіе подъ флагомъ благотворенія*).

---

*) На Рогожскомъ кладбищѣ до сихъ поръ стоитъ любопытный памятникъ, относящійся къ 1771 году, первый памятникъ, поставленный на кладбищѣ. Это ступен-

Въ рукахъ Рогожской общины къ началу XIX вѣка оказывается уже сила милліонныхъ капиталовъ, которая заставила преклониться предъ собою старые центры—Керженецъ, Стародубье и Иргизъ,—и направила по своей волѣ развитіе старообрядческой церкви. „Что положатъ на Рогожѣ, на томъ станетъ Городецъ, а на чемъ Городецъ—на томъ и Керженецъ“—говорили въ Керженцѣ и на Волгѣ, а въ Саратовскомъ краѣ имъ вторили: „на Рогожской дохну́тъ, на Иргизѣ попа дадутъ“.

Всѣ указанныя выше общины сложились на однородной соціальной основѣ: изъ посадскихъ людей или подъ ихъ руководствомъ и вліяніемъ. Господствомъ посадскаго бюргерства опредѣлилась и идеологія этихъ общинъ, ихъ культъ и церковное устройство. Ранѣе (гл. XII) мы видѣли, что посадское теченіе въ расколѣ, поскольку оно выразилось въ событіяхъ 1682 года, не было анархически-эсхатологическимъ, какимъ была крестьянская реформація конца XVII вѣка. Посадскіе люди были въ оппозиціи данному правительству, и если иногда употребляли „антихристову“ терминологію, то никогда не связывали съ нею того чувства безнадежности и отчаянія, разрыва съ существующимъ строемъ и его порядками, какимъ проникнута идеологія самосожженцевъ. Съ точки зрѣнія посадскихъ людей вина дворянскаго государства заключалась въ томъ, что оно отняло у него свободную корпоративную организацію и подчинило его принудительной организаціи казеннаго тягла; поскольку эта послѣдняя связывала свободное развитіе буржуазіи, эксплоатируя ея накопленія въ пользу казны, она была ненавистна посадскимъ людямъ. Уничтоженіе привычныхъ формъ культа и корпоративной организаціи приходовъ съ подчиненіемъ приходскихъ поповъ власти архіереевъ довершило сумму обидъ, нанесенныхъ бюргерству. Уходя изъ дворянскаго государства и образуя свои свободныя общины, посадскіе люди снова получали свободу развитія; добившись права образовывать внутри государства подъ тѣмъ или инымъ флагомъ церковныя общины, посадскіе люди получили возможность создать по своему желанію организаціи для накопленія и господства. При

чатый обелискъ надъ братской могилой старообрядцевъ, умершихъ отъ чумы; на восточной сторонѣ надпись (орѳографія сохранена): „мѣсто сіе отведено для погребенія усобшихъ староверовъ, въ лѣто отъ сотворенія міра ҂зсп (7280—Н. Н.) въ мѣсто таковыхъ доселѣ бывшихъ двухъ кладбищъ, единаго у Донского монастыря, а второго за Твирскими воротами“. На южной и сѣверной сторонахъ вырѣзана длинная надпись, представляющая изъ себя стихотворное описаніе ужасовъ чумы; ея симптомовъ и теченія; на западной цитата изъ Премудр. Солом. III.

такомъ положеніи дѣла религіозная идеологія не могла блистать новизной. Въ ней все старо: въ противовѣсъ правительственной церкви, которая со времени Петра I подпадаетъ подъ сильнѣйшее вліяніе юго-западной схоластики, старообрядческая буржуазная идеологія старается держаться именно тѣхъ воззрѣній, которыя отзываются особенной стариной. По содержанію эта идеологія по прежнему анимистична: цитированный нами ранѣе (гл. VIII) списокъ святыхъ, цѣлителей различныхъ болѣзней и бѣдствій, въ наиболѣе полной редакціи сохранялся и сохраняется въ старообрядческихъ книгахъ, иконамъ стариннаго письма въ теченіе всего XVIII в. придается магическая сила, а новаго письма иконы считаются простыми досками, и т. д. По формѣ культа посадское старообрядчество придавало силу только стариннымъ до-никоновскимъ формуламъ: службы и таинства никоніанской церкви не службы и не таинства. Новые элементы идеологіи, давшіе такой пышный расцвѣтъ въ иныхъ старообрядческихъ организаціяхъ, не привились въ посадской сферѣ. Никоніанская церковь еретическая, но изъ этого не слѣдуетъ, что на землѣ нѣтъ больше церкви и что въ мірѣ царитъ антихристъ, которому поклонился царь и архіереи. Истинная церковь есть—это старообрядческая церковь; и хотя царь еретикъ, но онъ есть глава правительства, и ему надо по слову ап. Павла повиноваться. Антихристова идеологія быстро поблекла въ умахъ посадскихъ старообрядцевъ, и они никогда не вступали въ споры по поводу молитвы за царя. Въ иргизскихъ монастыряхъ, гдѣ въ XVIII в. сосредоточился офиціально дозволенный старообрядческій культъ, поминали за богослуженіемъ не только царя, но и губернатора. Мало того, при всеобщей продажности администраціи, во второй половинѣ XVIII вѣка старообрядчеству ничего не стоило купить мѣстныхъ представителей власти и подчинить ихъ всецѣло своему вліянію.

Оставивъ въ сторонѣ идеологію, посадское старообрядчество всю энергію своего творчества обратило на выработку организаціи. Остаться безъ церкви посадскіе люди не могли и не хотѣли: это значило бы внести разстройство въ весь житейскій укладъ, спутать всѣ имущественныя и торговыя дѣла, тѣсно связанныя съ семейною жизнью, бракомъ и наслѣдованіемъ. Эта внутренняя причина не была единственной. Только церковная организація могла удержать въ слѣпомъ подчиненіи верхамъ многочисленные элементы низовъ, тянувшіе къ старообрядчеству. Основой всякой церковной организаціи является культъ; культъ былъ немыслимъ безъ

профессіональныхъ его отправителей. „Безъ поповъ намъ быть никакъ невозможно“—такъ формулировало эту потребность посадское старообрядчество XVIII вѣка. Безъ священства нѣтъ культа, нѣтъ таинствъ. Откуда достать священство? Заботы о священствѣ, погоня за попами дали посадскому старообрядчеству кличку „поповщина“.

До конца XVII вѣка вопросъ о попахъ еще не былъ больнымъ. Мы видѣли, что реформа Никона сопровождалась массовымъ смѣщеніемъ приходскихъ поповъ и замѣною ихъ новыми; всѣ смѣщенные или штрафованные попы ушли въ старообрядчество, и культъ первое время продолжалъ функціонировать также безпрерывно, какъ и ранѣе. Но въ началѣ XVIII вѣка это до-никоновское священство быстро стало вымирать, а единственный оставшійся вѣрнымъ расколу епископъ, Павелъ Коломенскій, умеръ, не посвятивъ на свое мѣсто преемника. Безъ епископа не могло быть священства. Вопросъ о попахъ сталъ больнымъ мѣстомъ старообрядческой церкви. Въ XVIII вѣкѣ она пыталась разрѣшить его двумя путями.

Первый путь открывался благодаря той позиціи, какую старообрядческая церковь заняла по отношенію къ синодской. Эта церковь еретическая, но все же церковь; даже Аввакумъ не отрицалъ за нею такого наименованія. Можно было съ соблюденіемъ извѣстныхъ условій принимать поповъ, уходящихъ въ старообрядчество изъ никоніанской церкви. Нашли указаніе такого рода у самаго высшаго авторитета, того же Аввакума: „аще попъ тотъ проклинаетъ никоніанскую ересь и всю службу ихъ, и всею крѣпостію любитъ старину, по нуждѣ настоящаго ради времени да будетъ попъ, и къ тѣмъ церквамъ приходите“. Этотъ совѣтъ, данный для эпохи гоненій, старообрядцы вспомнили, когда пришлось задуматься надъ вопросомъ о замѣщеніи священническихъ мѣстъ. Рѣшивъ въ принципѣ вопросъ о пріемѣ бѣглыхъ поповъ новаго рукоположенія въ утвердительномъ смыслѣ, поповцы вступили въ долгіе и жестокіе споры по вопросу объ условіяхъ пріема новыхъ поповъ. Никоніанская церковь еретическая; но каноническія правила дѣлили всѣ еретическія церкви на три разряда: священники изъ еретиковъ перваго чина принимались только послѣ вторичнаго крещенія, при чемъ благодать священства утрачивалась, и новокрещеннаго заново нужно было посвящать; еретиковъ второго чина можно было принимать послѣ вторичнаго миропомазанія („перемазыванія“), третьяго чина—послѣ простого проклятія ересей („исправы“).

И. А. Кавылинъ.

Портретъ *И. А. Кавылина* снятъ съ гравюры работы Г. А. Афонасьева. Кавылинъ, опираясь правою рукою на столъ возлѣ двухъ книгъ «евангеліе» и «кормчая», держитъ въ ней обращенную къ зрителямъ записку со словами: «Кто провославную вѣру усердно соблюдаетъ, того она прославляетъ, а отъ бедъ избавляетъ, по преселѣніи жъ отъ временный царствія небеснаго сподобляетъ и з богомъ соединяетъ». Внизу гравюры, кромѣ подписи гравера, значится:

«Илья Алексѣевичъ Кавылинъ. — Попечитель и учредитель Старообрядческаго Преображенскаго Богадѣленнаго дома въ Москвѣ Высочайше утвержденнаго 1809 г. маія 15.—Род. 1731 г.; † августа 21 въ 1809 г.»

Гравюра Г. А. Афонасьева представляетъ гораздо болѣе конкретныхъ чертъ живого историческаго лица, нежели то, что мы видимъ въ заставкѣ и концовкѣ XVI-ой главы «Русской Исторіи» (т. IV-ый), изображающихъ безпоповцевъ Андрея Денисова и Даніила Викулова. Первый также изображенъ со свиткомъ, на которомъ читаются слова: «Понеже православная христіянская вѣра, еже вѣровати во единаго Бога въ Троицѣ слави(маго)»; въ подписи также указаны годы рожденія и смерти («родися 1674 г., преставися 1730 г.») на ряду съ виршами:

«Се мудрый філософъ и Правой вѣры членъ
Андрей Денисовъ сей отвѣтами почтенъ».

При изображеніи Викулова хронологическихъ датъ не имѣется, а читаются только вирши:

«Се Даніилъ, онъ сынъ Викуловъ честенъ былъ,
Что святость вѣры, дѣлъ собой онъ сохранилъ».

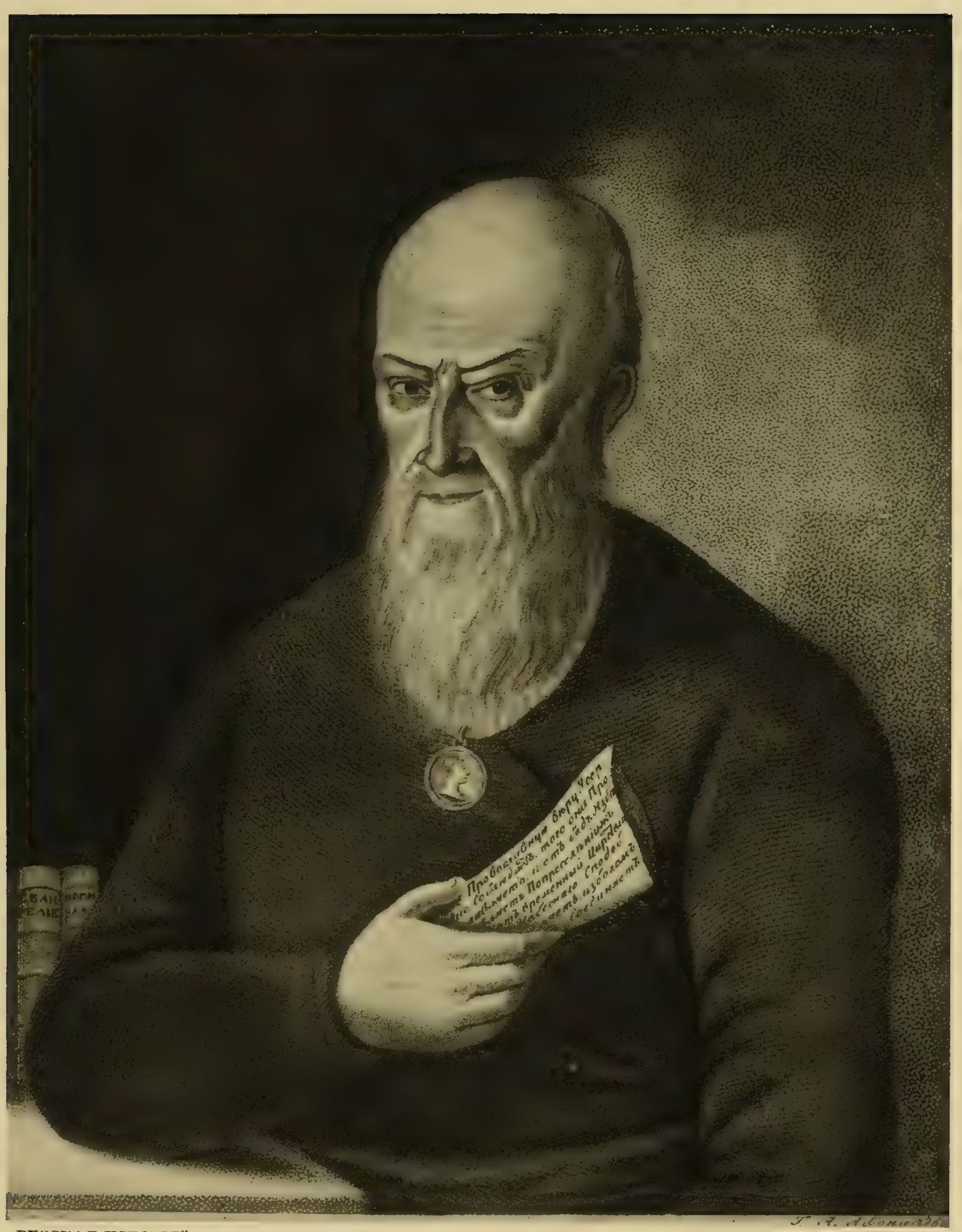
Изображенія Денисова и Викулова въ значительной степени носятъ на себѣ иконописныя черты, и портретъ Кавылина выгодно отъ нихъ отличается (ср. изображеніе священномученика протопопа Аввакума во II т. «Русской Исторіи»).

Илья Кавылинъ, основатель Преображенской общины, принадлежалъ къ такъ называемой безпоповщинѣ федосѣевскаго толка. Это—одинъ изъ характерныхъ представителей раскола второй половины XVIII в., и его біографія представляетъ высокій интересъ для обрисовки буржуазныхъ теченій въ расколѣ *).

В. Стор.

---

*) Гравюра-портретъ Кавылина была издана „Иждивѣніемъ М. К. Саввы Стукачева“.

„РУССКАЯ ИСТОРІЯ".

Изд. Т-ва „МІРЪ".

По первому чину принимать было немыслимо, ибо не было епископа, который бы посвятилъ вновь перекрещеннаго попа. Зато около вопроса о томъ, какому чину изъ остальныхъ отдать предпочтеніе, загорѣлась жестокая полемика, которая велась и въ устныхъ спорахъ, и въ полемическихъ сочиненіяхъ, и въ перепискѣ общинъ между собою. Защитники третьяго чина съ формальной стороны были болѣе правы, чѣмъ защитники второго чина. Миропомазаніе немыслимо безъ надлежаще изготовленнаго мира, которое должно быть сварено епископомъ; но у старообрядцевъ было только миро, сваренное въ 90-хъ годахъ XVII в. попомъ Ѳеодосіемъ, т.-е. сомнительнаго качества; далѣе, третьечинники говорили, что перемазываніе такъ же, какъ и крещеніе, смываетъ благодать священства. Второчинники отвѣчали, что по нуждѣ возможны всякія отступленія отъ каноническихъ правилъ: „по нуждѣ и закону премѣненіе бываетъ"; а избѣжать уничтоженія благодати священства можно самымъ простымъ способомъ: перемазывать попа, одѣвъ его въ эту самую благодать, т.-е. въ полное священническое облаченіе. Теоретическая слабость этой позиціи возмѣщалась ея практическими выгодами: признаніе третьяго чина вело къ соглашенію съ никоніанской церковью, а признаніе второго чина подчеркивало особность и различность старообрядческой церкви отъ синодской. Поэтому, когда въ 1779 году для окончанія спора о перемазываніи въ Москвѣ былъ созванъ соборъ, на сторону второго чина сталъ Юршевъ и все купечество, а третьечинники остались въ меньшинствѣ. Лидеръ меньшинства, Никодимъ Колмыкъ, тогда пошелъ на прямое соглашеніе съ синодской церковью, и въ 1800 году было учреждено единовѣріе, къ которому присоединилась часть стародубскихъ старообрядцевъ изъ среды мѣщанства. Единовѣрцы признали іерархію и догматы синодальной церкви, а взамѣнъ получили клиръ, обязавшійся служить по старымъ обрядамъ. Но еще задолго до рѣшенія собора 1779 г. почти исключительно господствовала практика перемазыванія. Ее проводили Керженецъ и Вѣтка, эти первоначальные іерархическіе источники и ученая академія поповщины. Основателемъ правильнаго культа на Вѣткѣ былъ попъ Ѳеодосій, сначала проживавшій нѣкоторое время на Поморьѣ, а потомъ ушедшій на Керженецъ, гдѣ по наслѣдству отъ попа Діонисія получилъ запасные старые дары. Вслѣдствіе преслѣдованій правительства Ѳеодосій долженъ былъ бѣжать на Вѣтку и по дорогѣ, въ Калугѣ, набрелъ на старую заброшенную церковь, въ которой оказались престолъ и антиминсъ, освя-

щенные еще патріархомъ Іосифомъ, и иконостасъ эпохи Іоанна Грознаго. Ѳеодосій завладѣлъ этимъ сокровищемъ, въ глухую ночь освятилъ въ церкви дары и со всѣми сакраліями явился на Вѣтку. Тамъ его заботами была выстроена церковь, заведенъ правильный культъ; организована „исправа“ поповъ и миссія въ старообрядческія общины. Недостатка въ попахъ, уходившихъ изъ синодской церкви и бѣжавшихъ на Керженецъ и Вѣтку, не было. И въ „Духовномъ Регламентѣ“ и въ другихъ указахъ Петра (ср. указъ 25 апрѣля 1711 г.) постоянно слышатся жалобы на то, что, убѣгая отъ рекрутчины, „многіе дьячки, пономари и сынове поповскіе и діаконскіе“ стремятся получить посвященіе въ попы; уже въ началѣ XVIII вѣка было много бѣдныхъ приходовъ, имѣвшихъ поповъ „свыше потребы“, и наблюдалось обиліе безмѣстныхъ и бродячихъ поповъ. Голодъ и нужда гнали такихъ клириковъ на Керженецъ и Вѣтку; не обладая высокими моральными достоинствами, бѣглые попы однако имѣли неоспоримое право совершать таинства и съ распростертыми объятіями принимались въ старообрядческихъ общинахъ. Съ Вѣтки и Керженца „исправленные“ попы „разсыпались повсюду... и по всѣмъ мѣстамъ отъ вѣтковской церкви таинство причащенія разносили... сіи же самые попы-бродяги въ мірскихъ домахъ новорожденнымъ молитвы чистительныя давали, младенцевъ крестили, и умершихъ по ночамъ отпѣвали... чѣмъ вездѣ простаковъ обольщали“. Объединяющая и подчиняющая сила культа проявилась въ достаточной мѣрѣ и изъ такого ненадежнаго центра, какимъ была Вѣтка; когда же „засіяло солнце православія“ на Иргизѣ, то иргизскіе монастыри послѣ собора 1779 года получили исключительное право перемазыванія: „чтобы нигдѣ вновь не принимали пришедшихъ священниковъ, кромѣ святой церкви (Иргиза), но отсылать бы всѣхъ таковыхъ ко святой церкви для лучшаго законоправильнаго во всемъ разсмотрѣнія; а кто хотя гдѣ по какой необходимой нуждѣ какого вновь пришедшаго священника и примутъ, то о томъ бы въ скорости дать отъ того мѣста знать по святой церкви“. Съ этого времени старообрядческій культъ еще болѣе централизовался и окрѣпъ. Слабая сторона его заключалась только въ сомнительныхъ качествахъ поповъ и въ постоянной опасности лишиться и такихъ клириковъ вслѣдствіе преслѣдованій правительства. Это послѣднее соображеніе заставляло старообрядцевъ постоянно возвращаться къ вопросу о другомъ пути организаціи клира и культа,—пути, который поставилъ бы старообрядческую цер-

ковь въ совершенно независимое положеніе отъ бѣглыхъ синодскихъ поповъ. Надо было создать самостоятельную іерархію во главѣ съ епископатомъ, который могъ бы поставлять поповъ изъ среды самихъ старообрядцевъ. Задача была разрѣшена только въ XIX вѣкѣ; но весь XVIII вѣкъ наполненъ характеристическими попытками разрѣшить ее.

Исканія архіерейства въ XVIII вѣкѣ носятъ отчасти анекдотическій, отчасти чисто легендарный характеръ. Когда солнце благочестія померкло въ Москвѣ и въ Константинополѣ, стали ходить разсказы, что оно ярко горитъ гдѣ-то въ „опоньской странѣ“, на „Бѣловодьѣ“, и что не всѣ восточные патріархи заразились латинскою и кальвинскою ересью, но что въ Антіохіи сохраняется правая вѣра. Какъ ни фантастичны были эти разсказы, они побудили снарядить цѣлое путешествіе въ Турцію, куда былъ посланъ въ началѣ XVIII вѣка нѣкто Леонтій. Результаты были неутѣшительные: Леонтій убѣдился, что нигдѣ на Востокѣ нѣтъ истиннаго православія. Столь же неудачна была попытка старообрядцевъ и вѣтковцевъ въ 30-хъ годахъ получить архіерея изъ Молдавіи, при помощи тамошняго митрополита Антонія: кандидатъ Варлаамъ усомнился въ благочестіи Антонія, тотъ обидѣлся и отказалъ въ посвященіи. Въ то же время москвичи едва не нашли себѣ „настоящаго“ архіерея, нѣкоего Епифанія, проходимца первой руки, но дѣйствительно посвященнаго въ епископскій санъ. Епифаній ссылался этапнымъ порядкомъ въ Соловецкій монастырь подъ смиреніе и сидѣлъ подъ арестомъ въ Москвѣ; москвичи-старообрядцы уговорили его перейти къ нимъ, устроили ему побѣгъ и привезли на Вѣтку. Тамъ онъ пробылъ нѣсколько лѣтъ, но и онъ и старообрядцы остались другъ другомъ недовольны: первый—тѣмъ, что его держали въ затворѣ, вторые тѣмъ, что онъ оказался „обливанцемъ“ и весьма недобродѣтельнаго образа жизни. Карьера Епифанія кончилась вмѣстѣ съ разгромомъ Вѣтки Сытинымъ. Въ 50-хъ годахъ XVIII вѣка появились на Вѣткѣ еще два архіерея, но оказались еще хуже Епифанія. Первый былъ настоящій самозванецъ, нѣкто Аѳиногенъ, только выдавшій себя за епископа; онъ кончилъ свою карьеру тѣмъ, что перешелъ въ католичество и поступилъ въ Польшѣ въ жолнеры. Второй, Анѳимъ, долженъ былъ принять заочное посвященіе въ назначенный день и часъ отъ Аѳиногена, уѣхавшаго уже въ Польшу; но оказалось, что въ назначенный день и часъ Аѳиногенъ былъ уже блестящимъ офицеромъ и никакой обѣдни не служилъ. Исторія оказалась настолько

скандальною, что въ спискѣ своихъ архіереевъ старообрядцы ни того, ни другого не помѣщаютъ. Неудачи не охладили желанія получить архіерея. Съ одной стороны, въ 1765 г. возникла среди московскихъ старообрядцевъ фантастическая идея посвятить епископа рукою мощей митрополита Іоны, при чемъ молитвы вмѣсто мертвеца долженъ былъ читать попъ; съ другой стороны, на этомъ стремленіи екатерининское правительство обосновало переговоры о единовѣріи: Румянцевъ въ 80-хъ годахъ предложилъ старообрядцамъ получить архіерея изъ синодальной церкви при условіи соблюденія старыхъ обрядовъ. Мы уже видѣли, что въ 1800 году это возсоединеніе части старообрядцевъ съ синодальною церковью стало совершившимся фактомъ. Такимъ образомъ, въ XIX вѣкъ поповщина вступаетъ уже сама потрясенная расколомъ, но съ совершенно опредѣлившейся соціальной физіономіей, съ многочисленнымъ составомъ, съ правильнымъ культомъ, хотя и съ сомнительнымъ священствомъ. Ей недостаетъ главы—епископата, но и эта послѣдняя задача благополучно разрѣшается въ XIX вѣкѣ.

Бѣглопоповщинскіе толки раскола въ XVIII вѣкѣ, будучи съ самаго начала организаціями опредѣленнаго соціальнаго состава, не обнаруживаютъ тенденціи къ идеологической эволюціи. Эта послѣдняя обнаруживается въ другихъ религіозныхъ теченіяхъ, претерпѣвшихъ въ теченіе XVIII вѣка соціальную эволюцію. Корни послѣднихъ теченій восходятъ также къ религіозному кризису конца XVII вѣка. Ихъ принято называть въ совокупности „безпоповщиной"; но подъ этимъ названіемъ разумѣются вообще всѣ общины, не имѣющія священства, независимо отъ ихъ исторіи и соціальнаго состава. Между тѣмъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказывается, что безпоповщинскія общины, будучи первоначально почти исключительно крестьянскими, не всѣ имѣли одинаковую судьбу. Однѣ пережили соціальную дифференціацію и превратились въ буржуазныя организаціи; другія были и остались чисто крестьянскими сектами. Первыя мы и разсмотримъ прежде всего.

Мы видѣли, что однимъ изъ первыхъ раскольничьихъ поселеній была Выговская община въ Поморьѣ. Эта община стала одною изъ метрополій безпоповщинскаго старообрядчества. За исключеніемъ руководителей, князей Андрея и Семена Мышецкихъ-Денисовыхъ, первоначальный составъ Выговской общины былъ чисто крестьянскій, съ нѣкоторой примѣсью монашескаго элемента, именно, непокорныхъ монаховъ Соловецкаго мона-

стыря, не желавшихъ принять „никоновыхъ новинъ и затѣекъ“. Первоначальныя условія существованія Выговской общины (состоявшей изъ двухъ скитовъ, Данилова и Лексы, и двѣнадцати пашенныхъ дворовъ) были крайне тяжелыя. Приходилось завоевывать жизнь среди суровой дѣвственной природы, строиться и поднимать новь среди пустынной дремучей тайги: „пашни пахати по межамъ и по лѣсамъ“; частыя „зябели“ уничтожали посѣвы, и „бысть у нихъ велія хлѣбная скудость и гладъ“, когда приходилось довольствоваться „соломеннымъ хлѣбомъ“. Вновь основанная община была отрѣзана отъ всего остального міра полнымъ бездорожьемъ, да къ тому же она имѣла достаточныя основанія до поры до времени не выдавать своего существованія; но почти невыносимыя условія жизни скоро заставили выговцевъ отказаться отъ обособленности отъ остального міра. Пришлось волей-неволей отрядить комиссіонеровъ въ Нижній для „хлѣбнаго промыслу“; хлѣбъ добывался отчасти на скудныя средства, оказавшіяся у кое-кого изъ братіи принесенными „изъ міру“, отчасти „милостынею“. Тяжелыми усиліями выговцы завоевали, наконецъ, себѣ право на существованіе, проведя полумонашескую, полукоммунистическую организацію. Было введено строгое раздѣленіе труда и были устроены особыя мастерскія для каждой отрасли производства: кельи „лучину щепати и дровни дѣлати“, келья „чеботная швальня“, „портнымъ швалямъ швальня“, кирпичные заводы, кузницы. Была проведена также общность потребленія: „чиноположеніе“, составленное для общины, гласило „все имѣть въ казнѣ общимъ, у себя не имѣть ни денегъ, ни платья, ни иныхъ вещей“; никто не можетъ покупать себѣ предметы потребленія, но долженъ брать ихъ „съ казны“, т.-е. изъ общаго запаса продуктовъ, вырабатываемыхъ общиной и принесенныхъ съ собою изъ міра ея членами. „Трапезу имѣть всѣмъ общую, кромѣ немощныхъ; пища и питіе всѣмъ равны; недужнымъ же, по благословенію, прибавокъ давать“. Первоначально общежитіе было общимъ и для мужчинъ и для женщинъ; но „сѣно уберечь отъ огня“ оказалось труднымъ, и это обстоятельство заставило сдѣлать первое отступленіе отъ коммунистическаго строя. Неподалеку отъ Выгорѣцкой обители срубили особый женскій скитъ на р. Лексѣ, откуда онъ сталъ называться лексинскимъ. На ряду съ выгорѣцкимъ „киновіархомъ“, выборнымъ старшиною, появилась лексинская „матка“, настоятельница лексинской обители. Лексинскія сестры не могли обойтись безъ помощи Выга; съ Выга

имъ прислали особыхъ „служителей“, которые должны были исполнять для Лексы всю пашенную и прочую „мужицкую“ работу; на Лексѣ остался только коммунизмъ потребленія, но не производства, да и тотъ часто нарушался, какъ видно изъ правилъ 1731 г., устанавливающихъ особый режимъ для „постницъ“, т.-е. для сестеръ особо строгаго послушанія. Въ этихъ правилахъ тѣ нормы, которыя въ „чиноположеніи“ трактуются, какъ общеобязательныя, ставятся уже только постницамъ, какъ чрезвычайныя.

Такъ устроились „вышняго Іерусалима граждане, въ дебрехъ живущіе“. Ихъ первоначальное коммунистическое устройство, продиктованное условіями борьбы за существованіе, знаменовало собою въ то же время полное отрѣшеніе отъ обитаемаго міра. Міръ, оставленный выговцами, — царство антихриста: выговцы — это единственная оставшаяся вѣрною горсть людей, на которыхъ антихристъ не успѣлъ наложить свою печать. Они составляютъ „святую церковь“; эта церковь истинная, ибо она терпитъ гоненія отъ антихриста, какъ предсказано въ Апокалипсисѣ. Она, церковь эта—„солнцеодѣянная невѣста Христа“,—ради полученія „вѣчной свѣтлости“ должна теперь, какъ предсказано Апокалипсисомъ, бѣжать отъ антихриста въ пустыню и терпѣть тамъ мученія, „въ страданіяхъ и терпѣніяхъ быти“. Во всемъ обнаруживается противоположность міра и церкви, ушедшей въ „пустыню“. Въ мірѣ царитъ антихристъ; выгорѣцкіе киновиты— „христіане евангельскаго проповѣданія“; въ мірѣ антихристовомъ рабство однихъ другимъ, у выговцевъ всѣ равны. Царь не нуженъ выговцамъ — „за царя бога не молимъ“; изъ міра антихриста они не принимаютъ и поповъ: „священства не имѣемъ и бѣглыхъ поповъ не пріемлемъ... и особенныхъ наставниковъ не имѣемъ“. Со времени Никона „благодать божія взята на небо“, ибо все въ вѣрѣ: пока хранилъ клиръ вѣру, былъ онъ истиннымъ клиромъ, а какъ началъ „новоучити и новодѣйствовати“, такъ вѣра „лучи благодати своея“ отъ него спрятала; священства не будетъ до кончины міра, „она же не закоснитъ“. Временно, на короткій срокъ, оставшійся до кончины міра, возможно обойтись безъ священства, ибо священство нужно для житейскихъ потребностей, какъ бракъ, крещеніе и т. д., но эти потребности теперь, передъ лицомъ вѣчности, потеряли всякій смыслъ. Даже болѣе того: предъ лицомъ близкой кончины міра всѣмъ вѣрнымъ надо стараться попасть въ число 144000 дѣвственниковъ, запечатлѣнныхъ ангеломъ Апокалипсиса: „сіи суть куплены первенцы богу и агнцу“ — и дѣвственные вы-

говцы будутъ съ ними; а „блудъ творящіе“ будутъ вмѣстѣ съ убійцами вѣчно мучиться въ озерѣ, горящемъ огнемъ и жупеломъ.

Однако цѣлый рядъ условій очень скоро разрушилъ и первобытный коммунизмъ и эсхатологическую идеологію выговской общины. Община не могла существовать, какъ обособленное хозяйство, безъ всякаго притока хозяйственныхъ благъ извнѣ. Это показали уже самые первые годы; по мѣрѣ того, какъ увеличивалось количество выговскихъ скитовъ и дворовъ и росло ихъ населеніе вслѣдствіе постояннаго притока бѣглецовъ изъ внутренней Россіи, потребность въ обмѣнѣ все болѣе и болѣе увеличивалась, и поѣздки на „хлѣбный промыселъ“ на Низъ стали регулярными. Пришлось „промышлять хлѣбъ и деньги“; выговцы должны были „закортомить“ рыбные промыслы на Мурманскомъ берегу, на Выгѣ и на многихъ другихъ озерахъ; нѣсколько южнѣе, въ Каргопольскомъ уѣздѣ, заарендовали пашенную землю; въ широкихъ размѣрахъ развили охоту и торговлю пушнымъ товаромъ. Постепенно изъ первобытной коммуны Выговская община превращалась въ крупное торгово-промышленное предпріятіе на артельныхъ началахъ; появились выговскія конторы и агенты въ Вытегрѣ, на заводахъ въ Петрозаводскѣ, въ Петербургѣ, Москвѣ, Нижнемъ; при конторахъ были постоялые дворы и амбары, гдѣ выговцы „своихъ людей держаша для торгу и пріѣзду всѣхъ“. Въ самой общинѣ начало проводиться строгое различіе между „скитниками“ и „работными людьми“: первые были хозяевами и руководителями, вторые — простыми работниками, хотя и участниками въ прибыляхъ.

Экономическая и соціальная дифференціація очень скоро разрушила и старую идеологію. Уже въ 20-хъ годахъ XVIII вѣка выговцы сдѣлали первый шагъ къ примиренію съ міромъ: стали записываться въ двойной подушный окладъ, установленный Петромъ для раскольниковъ. Дальнѣйшіе шаги не замедлили: въ 1732 г. пришлось либо подчиниться рекрутчинѣ, либо платить выкупъ по 120 руб. за рекрута, а въ 1739 г. пріѣхала для слѣдствія надъ Выгомъ особая комиссія съ Самаринымъ во главѣ, и выговцамъ пришлось предъ лицомъ грозной опасности уничтоженія ихъ общины выяснить свои отношенія къ „міру“. Когда на совѣтъ собрались „лучшіе люди“, тотчасъ же обнаружился острый расколъ. Одни говорили, что надо „къ страданію готовитися“, „огню предаватися“, въ крайнемъ случаѣ „разбѣжатися“. Но эта точка зрѣнія уже не нашла теперь одобренія среди руководящаго

большинства; напротивъ, послѣднее настаивало на томъ, чтобы „отвѣтствовати о житіи своемъ“, чтобы не навести на себя и на другихъ старовѣрцевъ „отъ ея императорскаго величества“ напраснаго гнѣва прежде времени. Была пущена въ ходъ и аргументація отъ священнаго писанія, которая должна была показать, что страдать теперь „не за что“; напротивъ, есть за что жить и бороться. Въ результатѣ жаркихъ преній совѣщаніе постановило, что за особу государя слѣдуетъ молиться, при чемъ это постановленіе Семенъ Денисовъ мотивировалъ такъ: „ибо мы живемъ на его (государя) землѣ, онъ охраняетъ насъ отъ враговъ, печется о внутреннемъ порядкѣ, ограждаетъ имущество и личности наши отъ чужого произвола“. Было составлено Андреемъ Денисовымъ и новое credo общины, такъ называемые „Поморскіе отвѣты“, излагающіе въ ученой книжнической формѣ догматы поморской общины. Поворотъ былъ полный. Бѣглые крестьяне превратились въ честныхъ буржуа, а слуга антихриста — въ охранителя ихъ священной собственности. Выгорѣцкая община примирилась съ міромъ; но находившіяся подъ ея вліяніемъ крестьянскія раскольничьи поселенія въ теперешнихъ Архангельской и Олонецкой губерніяхъ не пошли на этотъ разъ за нею, образовавъ свои самостоятельныя согласія. Для крестьянскаго элемента поморскихъ общинъ примиреніе выговцевъ съ міромъ было ничѣмъ инымъ, какъ поклоненіемъ „звѣрю“, принятіемъ его печати. „Звѣревы указы паче евангелія (выговцы) облобызали, помалу начали въ мірѣ проживати, и свое благочестіе забывати; домы и фабрики созидали, а христіанъ, яко разбойниковъ, суду предавали“. И крестьянская часть поморцевъ, въ лицѣ нѣкоего Филиппа, отрясла выговскій прахъ отъ ногъ своихъ и пошла своею дорогой.

Съ этого времени въ поморскомъ согласіи окончательно возобладала новая, „евангельская“ идеологія, пришедшая на смѣну старой эсхатологіи; поморцы теперь стали дѣйствительно „христіанами евангельскаго проповѣданія“, какъ они провеличали себя въ „Поморскихъ отвѣтахъ“. Ранѣе представителями евангельскаго направленія были отдѣльныя лица: Андрей Денисовъ, учившійся отчасти въ Москвѣ, отчасти въ Кіевѣ „грамматическому и риторическому разуму“, его братъ, Семенъ, который „грамматику, риторику, піитику и часть философіи довольно изучилъ“, Вавила, одинъ изъ помощниковъ „пророка“ Капитона, который, по словамъ Денисова, „бысть разумомъ иноземецъ, вѣры лютерскія (!), глаголати и писати учился довольно времени въ парижской академіи“. Но до

сихъ поръ эсхатологическая идеологія заглушала первые ростки того протестантизма, который въ зародышѣ уже былъ налицо даже въ первыя времена существованія Поморской общины. Не принимая бѣглыхъ поповъ, поморцы уже любили повторять слова Златоуста: „сами себѣ священницы бывайте"— идея, знакомая уже на практикѣ издавна, изъ исторіи новгородскихъ и псковскихъ религіозныхъ исканій и соловецкаго сидѣнія. Въ то же время Андрей Денисовъ въ своихъ посланіяхъ и словахъ началъ усиленно развивать идеи оправданія вѣрою и свободы вѣры: „многа строенія духовная, но едино основаніе—вѣра православія каѳолическая", безъ которой не можетъ быть богоугодна никакая добродѣтель. Вѣра никому не подвластна, но надъ всѣми царствуетъ и владѣетъ; съ другой стороны, и человѣкъ „самовластенъ", „вольную волю" далъ всѣмъ богъ „работати", какъ кто хочетъ, „еллиномъ и жидовомъ, и еретикомъ и христіаномъ, правовѣрнымъ и грѣшнымъ". Въ ученой формѣ здѣсь отражается не что иное, какъ вліяніе измѣнившихся условій жизни, заставлявшее мириться съ „міромъ" и провозглашавшее „произволеніе" каждаго въ выборѣ „пути спасенія" на мѣсто прежняго рѣзкаго раздѣленія на христову церковь и антихристовъ міръ. Когда прочное и мирное житіе и капиталистическіе успѣхи заставили поморцевъ окончательно примириться съ міромъ, пришлось выработать болѣе вульгарную идеологію и практику культа не для краткаго срока до кончины міра, „которая не закоснитъ", но для постояннаго дѣйствія, какъ норму. Настоятельнѣе всего эта нужда почувствовалась въ средѣ тѣхъ поморцевъ, которые жили въ міру. Новая идеологія и практика культа вырабатывались преимущественно въ Москвѣ, вокругъ московской поморской общины, сгруппировавшейся около Монинской Покровской часовни. Эта часовня была учреждена почти одновременно съ Рогожской и подъ тѣмъ же предлогомъ; называлась такъ по имени купца Монина, на котораго была куплена земля.

Первый вопросъ, ставшій со всею остротою, былъ вопросъ о бракѣ. Поморцы, а вслѣдъ за ними и монинцы, вышли изъ затрудненія простымъ способомъ. Они признали, что въ бракѣ надо различать двѣ стороны: сторону обрядово-богослужебную, которая теперь на практикѣ стала неисполнимою, и сторону внутренней необходимости, освященную заповѣдью божіей о размноженіи рода человѣческаго. Если исчезла благодать священства, то нерушимо стоитъ заповѣдь божія, поэтому брачное сожитіе не должно прекращаться. Но бракъ

есть определѣнное учрежденіе, которое не можетъ обходиться безъ соблюденія опредѣленныхъ формальностей. Пришлось выработать особый „брачный уставъ“, воспроизводящій въ общемъ установившіяся бытовыя обрядности домашняго благословенія жениха и невѣсты почти безъ измѣненія сравнительно съ тѣмъ, какъ ихъ описывалъ Котошихинъ. Центръ тяжести брака переносился на эти домашнія церемоніи, при чемъ отъ господскихъ крестьянъ требовалось представленіе отпускной и отъ всѣхъ — дозволеніе родителей или начальствующихъ; присутствіе особыхъ свидѣтелей придавало всей церемоніи черты публичнаго акта; послѣ домашняго акта слѣдовало уже въ качествѣ придатка благословеніе наставника въ часовнѣ. Такимъ путемъ былъ разрѣшенъ самый важный вопросъ о бракѣ. Труднѣе было установить нормальныя отношенія въ міру: ремесло и торговля требовали постоянныхъ сношеній съ „внѣшними“, т.-е. и съ никоніанами и съ раскольниками другихъ толковъ; между тѣмъ всякое сближеніе такого рода оскверняло безпоповца. Но съ тѣхъ поръ, какъ потускла эсхатологическая идеологія, абсолютное запрещеніе сношеній съ внѣшними потеряло и смыслъ и силу, относительное же запрещеніе было легко урегулировать, примиривъ тезисъ грѣховности „внѣшнихъ“ съ практической необходимостью вступать съ ними въ общеніе. Выходъ былъ найденъ тамъ же, гдѣ его нашло въ свое время фарисейство іудейской общины второго храма: установили особый епитимейникъ, расписывавшій епитиміи поклонами, постами и срочнымъ отлученіемъ отъ общенія за сношенія съ „внѣшними“. Епитимейникъ монинцевъ допускаетъ подъ условіемъ той или другой эпитиміи широкія отступленія отъ обособленности. „По нуждѣ“ допускается совершеніе браковъ по инославному чину у инославнаго попа, допускаются смѣшанные браки поморцевъ съ „внѣшними“, допускается широкое общеніе въ пищѣ и питьѣ. Далѣе стоялъ вопросъ о культѣ. Разъ благодать священства взята на небо, то евхаристія должна прекратиться, но отсутствіе освященнаго клира и евхаристіи для монинцевъ не означало прекращенія культа вообще. „По нуждѣ“ поморцы и монинцы выработали ритуалъ, въ общемъ сходный съ протестантскимъ ритуаломъ: богослуженіе заключалось у нихъ не въ магическихъ церемоніяхъ, а въ общественной молитвѣ, пѣніи и чтеніи подъ руководствомъ выборнаго наставника изъ ученыхъ собратій, обучавшихся въ Поморскихъ скитахъ; культъ отправлялся, кромѣ общественной Монинской часовни, въ домашнихъ молельняхъ въ купеческихъ домахъ (такихъ

моленъ насчитывалось около 14). Въ результатѣ если не въ принципѣ, то на практикѣ поморцы стали дѣйствительно „христіанами евангельскаго исповѣданія“, но оставаться такими навсегда они не хотѣли. Признавая, что законная іерархія пресѣклась со времени Никона, они теперь уже находили, что она пресѣклась не навсегда, но можетъ и возстановиться, какъ возстанавливалась послѣ эпохъ аріанства и иконоборства. Поэтому, когда въ 1760 г. въ Москвѣ рогожцами былъ поднятъ вопросъ о необходимости имѣть законнаго архіерея, поморцы вступили съ рогожцами въ переговоры и согласились на соединеніе поморской и поповщинской церквей, въ случаѣ если удастся найти общими усиліями архіерея. Но на общемъ соборѣ поповцевъ и поморцевъ 1765 года вопросъ объ архіереѣ рѣшенъ не былъ: кромѣ дикаго проекта посвященія архіерея рукою митрополита Іоны, оставленнаго въ концѣ-концовъ безъ исполненія, другихъ способовъ найти архіерея ученые поморцы и поповцы найти не могли. Поморцамъ пришлось остаться при упрощенномъ культѣ и существовать отдѣльно отъ поповщинской церкви.

Такую же эволюцію прошло другое безпоповщинское согласіе, такъ называемое ѳедосѣевское. Основатель этого согласія, наставникъ одной изъ безпоповщинскихъ общинъ за польской границей, Ѳеодосій, первоначально поддерживалъ дѣятельныя сношенія съ Выгомъ, но разошелся съ нимъ во взглядахъ, а послѣ того какъ выговцы постановили молиться за царя, произошелъ окончательный разрывъ ѳедосѣевцевъ съ поморцами. Составъ ѳедосѣевскихъ общинъ былъ первоначально крестьянскій съ нѣкоторою примѣсью посадскаго элемента; но еще до льготныхъ мѣръ Екатерины II въ нихъ началась соціальная дифференціація, создавшая буржуазные верхи, которые не могли уже удовлетвориться старыми нормами и эсхатологической идеологіей. Послѣ указовъ Екатерины II множество ѳедосѣевцевъ переселилось въ Россію и образовало общины въ Петербургѣ, Новгородѣ, Ярославлѣ, Старой Руссѣ, Псковѣ и Ригѣ; въ Москвѣ одновременно съ Рогожской общиной ѳедосѣевцы учредили свою общину за Преображенской заставой, Преображенское кладбище съ часовней, богадѣльней и молитвеннымъ домомъ. Преображенская община очень скоро заняла совершенно особое положеніе и выработала свою идеологію, создавъ такъ называемое преображенское согласіе въ безпоповщинѣ.

Въ противоположность поморцамъ, ѳедосѣевцы не хотѣли сходить со строго пуританской позиціи. Пуританство было

для нихъ необходимо, какъ средство уберечься отъ кары на близкомъ страшномъ судѣ, но оно же создало для нихъ возможность соціальнаго успѣха. Требуя въ „Уставѣ Польскомъ“ (чинѣ принятія въ согласіе) правдивыхъ мѣръ и вѣсовъ, требуя бойкота еврейскихъ и польскихъ торговцевъ, уставы ѳедосѣевцевъ еще за рубежомъ превращали ихъ общины въ замкнутыя крѣпкія организаціи, верхи которыхъ были обезпечены покупателями изъ среды своихъ же единовѣрцевъ. Но пуританство въ вопросѣ о бракѣ создало первый поводъ къ расколу: въ половинѣ XVIII вѣка отъ ѳедосѣевцевъ отдѣлились артамоновцы, не пожелавшіе болѣе жить въ развратѣ или воздерживаться. Артамоновцы рѣшили, что можно вѣнчаться у православнаго священника, съ тѣмъ, чтобы потомъ приносить публичное покаяніе. Это былъ компромиссъ, самообманъ, и нашелся среди ѳедосѣевцевъ человѣкъ, который пошелъ еще дальше, отбросивъ всѣ условности и оговорки — Иванъ Алексѣевъ, отвергнувшій вообще необходимость церковной церемоніи при заключеніи брака: суть дѣла не въ этой церемоніи, а въ невидимомъ совершеніи таинства богомъ и во взаимномъ благохотѣніи жениха и невѣсты; если то и другое налицо, то законенъ и бракъ, вѣнчанный въ никоніанской церкви — такъ появились „новожены“. Однако расколъ этотъ не обезкуражилъ непримиримую позицію пуританствующихъ ѳедосѣевцевъ; она приняла лишь новую форму, надѣла новую личину и въ новомъ видѣ обнаружилась въ теоріи и практикѣ московской преображенской общины.

Внѣшняя исторія начала Преображенской общины какъ будто свидѣтельствовала о томъ, что пуританская строгость будетъ проистекать изъ высокихъ нравственныхъ мотивовъ. Москва была охвачена паникой во время чумы 1771 г. Въ эту тяжелую минуту выступилъ со своею проповѣдью купецъ и заводчикъ Илья Алексѣевичъ Ковылинъ, будущій основатель Преображенской общины. Онъ объяснилъ появленіе чумы карою божіею за уклоненіе ѳедосѣевцевъ по наущенію діавола въ новоженскую и иныя ереси, призывая къ покаянію и къ возвращенію на путь истинный. Проповѣдь его не осталась безъ успѣха и привлекла послѣдователей даже изъ среды „внѣшнихъ“: умиравшіе принимали крещеніе отъ Ильи и передавали ему свое имущество. Такимъ путемъ составился первоначальный капиталъ для устроенія Преображенской общины, и вслѣдъ за тѣмъ было подано прошеніе объ учрежденіи за Преображенской заставой больницы и карантина, подписанное 18 купцами и 7-ю оброчными крестьянами, запи-

санными въ двойной окладъ. Прошеніе было уважено, и Ковылинъ употребилъ собранный капиталъ безконтрольно на построеніе домовъ, трапезныхъ, молеленъ и на другіе расходы. Принесенное однажды въ жертву богу не можетъ уже быть возвращено, говорилъ онъ; оно принято богомъ и какъ бы сгорѣло, какъ свѣча передъ иконою. Вновь учрежденная община была построена на самыхъ строгихъ началахъ. Ковылинъ назвалъ ее монастыремъ, первымъ условіемъ вступленія въ нее ставилъ отказъ супруговъ другъ отъ друга, а холостымъ и дѣвицамъ — отказъ отъ вступленія въ бракъ и обѣтъ воздержанія отъ плотскаго совокупленія. Мужчины и женщины жили въ отдѣльныхъ помѣщеніяхъ: дѣти не допускались, кромѣ подкидышей, получившихъ прозвище „воспитанниковъ Ильи Алексѣевича". Принятіе въ общину производилось по особому „чину оглашенія", въ которомъ, кромѣ указанныхъ уже требованій относительно брака и воздержанія, заключался еще цѣлый рядъ условій. Купцовъ и ремесленниковъ испытывали, не промышляютъ ли чѣмъ противнымъ закону христіанскому (му̀зыкальными инструментами, картами, табакомъ, крадеными вещами или контрабандой), не корчемствуютъ ли, не содержатъ ли публичныхъ домовъ и не съ корыстью ли вступаютъ въ общину; господскихъ крестьянъ обязывали повиноваться господину тѣлесно, а вѣру блюсти до послѣдняго издыханія. Со всѣхъ требовали обязательства не сообщаться съ „внѣшними" ни въ молитвѣ, ни въ ястіи, ни въ питіи, ни въ дружбѣ, ни въ любви, ни въ мирѣ, при чемъ подъ внѣшними разумѣлись всѣ не-преображенцы, даже новожены. Въ заключеніе слѣдовалъ цѣлый рядъ формально-обрядовыхъ требованій относительно воскреснаго и праздничнаго отдыха, хожденія въ баню, покроя одежды, прически и бороды, ежедневныхъ молитвъ и постовъ; пищу, купленную у никоніанъ, требовалось освящать, въ дорогу брать свою икону и свои сосуды. Этотъ чинъ, воспроизводящій и усиливающій требованія уже упомянутаго „Устава Польскаго", превращалъ преображенскую общину въ полное подобіе іудейской общины второго храма съ ея казуистическими ухищреніями Мишны. Но она и не избѣжала той же судьбы, какая постигла общину второго храма: она оказалась организованной общиной лицемѣровъ, подъ святою личиною скрывшихъ самые хищническіе аппетиты и превратившихъ требованія пуританизма въ орудіе самой беззастѣнчивой наживы.

Отъ вступавшихъ требовался обѣтъ цѣломудрія, и содержателей публичныхъ домовъ не принимали. Но на практикѣ,

по ядовитому замѣчанію монинцевъ, преображенцы были „почтенные воздержники, законнаго брака не имущіе, но безъ женскаго пола мало живущіе“. Мужчины и женщины жили на Преображенскомъ кладбищѣ въ отдѣльныхъ помѣщеніяхъ, но помѣщенія были рядомъ, и за ихъ стѣнами царила самая безудержная половая распущенность, на которую Ковылинъ долженъ былъ смотрѣть сквозь пальцы. Царь—антихристъ и идолопоклонникъ; но тотъ же Ковылинъ, который такъ аттестовалъ императорскую власть въ проповѣдяхъ, постоянно сносился съ московскими властями, угощалъ ихъ обѣдами, засыпалъ подарками и подавалъ прошенія на высочайшее имя, составленныя въ самомъ раболѣпномъ духѣ. Приближается кончина міра и страшный судъ; но это не мѣшало Ковылину по установленному имъ же правилу объявлять общину владѣлицей всѣхъ наслѣдствъ, уходившихъ отъ законныхъ дѣтей лицъ, вступавшихъ въ общину, за расторженіемъ ихъ браковъ, т.-е. попросту обирать новыхъ членовъ и укрѣплять за общиной недвижимыя имѣнія „на вѣчныя времена“. Вся эта политика была направлена къ одной опредѣленной цѣли, которую ясно вскрываетъ новый уставъ общины, составленный Ковылинымъ и утвержденный Александромъ I въ 1808 г. По § 14 этого устава попечителямъ Преображенскаго богадѣленнаго дома разрѣшалось обращать весь или часть капиталовъ дома (за покрытіемъ расходовъ по содержанію) на „торговую коммерцію“. Община была, такимъ образомъ, орудіемъ обогащенія для заправлявшихъ ею купцовъ; устрашая своихъ кліентовъ кончиною міра, сами они приберегли для себя „просторные дома, прекрасные и свѣтлые покои, многоцѣнную трапезу и различные напитки, мягкія постели, красныя одежды, частые разговоры, сѣданія и ласкательныя другъ къ другу помаванія“. На обличенія поморцевъ, въ особенности негодовавшихъ на разнузданный развратъ преображенцевъ, послѣдніе отвѣчали, что развратъ, правда, грѣхъ, но „не согрѣшишь—не покаешься, не покаешься—не спасешься“. Эта оригинальная мораль необходимости грѣха для спасенія превращала пуританскія требованія „Чина оглашенія“ въ недостойную комедію.

Очевидно, что община на такихъ началахъ существовать долго не могла. Прежде всего началось разложеніе въ филіальной петербургской общинѣ. Въ 1809 году тамъ засвидѣтельствованъ полный развалъ. Петербуржцы бросили лицемѣріе и вступили въ широкое общеніе съ петербургскимъ буржуазнымъ міромъ: „перебрачили дѣтей своихъ съ дѣтьми

антихристовыми... обучили ихъ богомерзкимъ модамъ" въ родѣ ношенія нѣмецкаго платья, игры въ карты, участія въ „маскерадахъ", балахъ и т. д. Въ Москвѣ въ 1812 году цѣлый рядъ самыхъ вліятельныхъ членовъ Преображенской общины изъ среды купечества перешелъ къ монинцамъ. Очевидно, и въ Москвѣ и въ Петербургѣ считали дѣло преображенской организаціи сдѣланнымъ. Она не могла уже дать заправиламъ общины болѣе того, что они получили: притокъ имуществъ, которыя „сгорали" подобно свѣчкѣ, прекратился, лицемѣріе надоѣло и было уже ненужно, и Преображенцы пошли въ ряды чистой буржуазіи. Монинцы и никоніане молились за властей и признавали бракъ—прямой путь велъ въ Петербургѣ къ никоніанамъ, въ Москвѣ — въ Покровскую часовню.

Описанные результаты соціальной дифференціаціи, пережитой безпоповщинскими общинами, характеризуютъ только одну сторону процесса: выкристаллизованіе буржуазныхъ элементовъ изъ первоначальной аморфной массы. За этими элементами не могли пойти крестьянскіе элементы, входившіе въ первоначальныя безпоповщинскія организаціи: для нихъ вся политика монинцевъ и преображенцевъ была „двоедушіемъ", какъ заклеймилъ ее на соборѣ бѣгуновъ 1784 г. основатель этой секты Евѳимій. Крестьянство, какъ и въ XVII вѣкѣ, пошло своею дорогой; оно продолжало творить ту же народную реформацію, одинаково мало считавшуюся и съ догмой старообрядчества и съ догмой синодскаго православія, реформацію, подобную той, какую мы видѣли въ концѣ XVII вѣка; даже эпидемія самосожженій продолжала свирѣпствовать въ первой половинѣ XVIII вѣка, особенно обострившись въ царствованіе Анны. Новыя крестьянскія религіозныя движенія идутъ отчасти изъ общаго съ безпоповщинскими организаціями корня, отдѣляясь отъ нихъ въ видѣ самостоятельныхъ организацій, отчасти проявляются совершенно новымъ образомъ, въ новыхъ формахъ, съ новыми идеологіями.

Когда въ 20—30-хъ годахъ XVIII вѣка выговцы пошли открыто на примиреніе съ міромъ, отъ Выгорѣцкой общины, какъ мы уже говорили, отдѣлилась группа раскольничьихъ поселеній въ теперешнихъ Архангельской и Олонецкой губерніяхъ. Въ то время какъ Выгорѣцкая община превращалась въ крупное торгово-промышленное предпріятіе, хозяйственная основа этихъ поселеній осталась неизмѣнной: добывающая промышленность почти безъ всякаго сбыта была

и остается до конца XIX вѣка почти исключительнымъ источникомъ ихъ существованія. Эти поселенія, въ лицѣ нѣкоего наставника Филиппа, предали выговцевъ проклятію. Царь для нихъ остался тѣмъ же антихристомъ, что и раньше, усугубившимъ свою жестокость рекрутскими наборами. Сорокъ наборовъ, бывшихъ только въ царствованіе Петра, начиная съ 1705 года, поглотили „на службу антихристу" около 200.000 человѣкъ, принужденныхъ покинуть свои семьи, подчиниться палочной дисциплинѣ, господствовавшей въ арміи XVIII вѣка. Филипповцы отказались принять молитву за царя-антихриста, отказались примириться съ міромъ даже въ формѣ записи въ двойной окладъ. Дремучая тайга сѣвера ставила ихъ почти внѣ предѣловъ досягаемости, и имъ удалось продержаться на своей непримиримой позиціи вплоть до второй половины XIX вѣка; только теперь, когда сѣверъ быстро втягивается въ міровой капиталистическій оборотъ, они стали платить обычныя повинности и сошли, такимъ образомъ, съ непримиримой точки зрѣнія.

Тайга отрѣзала филипповцевъ отъ міра и дала имъ возможность застыть на одной и той же позиціи. Крестьянство, остававшееся въ мірѣ, не прекращало своихъ религіозныхъ исканій, побуждаемое къ этому все новыми и новыми тяготами и ударами, которыми награждало его дворянское правительство XVIII вѣка. Появилась, говоря словами записки гр. И. Панина, „ничѣмъ неограниченная помѣщичья власть съ выступленіемъ въ роскоши изъ всей умѣренности", исчезла въ цѣломъ рядѣ мѣстностей крестьянская запашка съ переводомъ крестьянъ на барщину, въ положеніе плантаціонныхъ рабовъ; подушная подать повлекла за собою повтореніе ревизіи (въ 1744 году), паспортную систему; рекрутчина, какъ повинность государству и какъ орудіе наказанія въ рукахъ помѣщика, постоянно висѣла дамокловымъ мечомъ надъ головою мужика; наконецъ, размежеваніе земель, отобраніе въ казну множества угодій и рудниковъ довершало чашу бѣдъ, въ изобиліи сыпавшихся на мужицкія плечи. Все это были новыя явленія, еще неизвѣстныя крестьянину XVII вѣка или недостаточно имъ тогда почувствовавшіяся; они породили необычайное броженіе среди крестьянства, окрасившее весь XVIII вѣкъ особымъ колоритомъ. Въ области активныхъ выступленій крестьянства XVIII вѣкъ видѣлъ пугачевщину, тѣсно связанную съ расколомъ, и безчисленное множество мелкихъ крестьянскихъ бунтовъ и расправъ съ наиболѣе жестокими господами; въ сферѣ пассивнаго про-

теста XVIII вѣкъ характеризуется непрекращающимся потокомъ бѣглыхъ людей и цѣлымъ рядомъ новыхъ сектъ среди крестьянства. Крестьянство по самому существу своему, поставленное лицомъ къ лицу со стихійными силами природы, для него таинственными и невѣдомыми, не въ силахъ уйти изъ сферы религіознаго мышленія. Даже простое бѣгство отъ невыносимыхъ условій жизни оно облекло въ религіозную форму, возвело въ религіозный принципъ жизни. Секта бѣгуновъ или странниковъ, основанная бѣглымъ солдатомъ изъ крестьянъ Евѳиміемъ (вторая половина XVIII в.), была такимъ религіознымъ преобразованіемъ простого житейскаго явленія. Черезъ Евѳимія бѣгуновъ любятъ относить къ безпоповцамъ: Евѳимій съ молодости былъ подъ вліяніемъ ѳедосѣевскихъ наставниковъ, а послѣ дезертирства одно время былъ постриженъ въ монахи въ Преображенской общинѣ и былъ посланъ наставникомъ въ одну изъ провинціальныхъ общинъ. Но связь Евѳимія съ ѳедосѣевцами оказалась непрочной: онъ скоро понялъ ихъ „двоедушіе", ушелъ отъ нихъ, какъ отъ совершенно неподходящей для него компаніи, и началъ самостоятельную проповѣдь, совершенно новую по содержанію и привлекшую въ ряды его послѣдователей такихъ же людей, какъ и онъ: бѣглыхъ крестьянъ, бѣглыхъ солдатъ, бѣглыхъ преступниковъ, бездомныхъ нищихъ. Новая секта только отчасти возродила старинныя эсхатологическія представленія; центръ тяжести въ ея идеологіи лежитъ въ новыхъ мотивахъ, созданныхъ новыми условіями крестьянской жизни, обнаружившимися ко второй половинѣ XVIII вѣка.

Въ доктринѣ бѣгуновъ, какъ она выразилась въ проповѣди Евѳимія и его сочиненіяхъ, антихристологія—только начальный пунктъ, изъ котораго выростаетъ совершенно самостоятельная идеологія. Съ 1666 года въ Россійскомъ государствѣ настало царство антихриста: патріархъ Никонъ—лжепророкъ антихриста (его имя погречески Никитосъ = 666); антихристъ—это преемственный рядъ царей, начиная съ Алексѣя Михайловича и Петра I, которые были двумя рогами двурогаго звѣря; послѣдующіе цари—звѣрь о десяти рогахъ. Со времени Никона церковь поклонилась діаволу; ея священнослужители—демонскія тѣлеса, уста звѣрины; новопечатныя книги—ученіе діавольское. Вся гражданская жизнь извращена ложными, законопреступными указами Петра, съ помощью его посланныхъ, чувственныхъ бѣсовъ, бѣсовскихъ полковъ воинскихъ и гражданскихъ властей.

Уничтожены всѣ благочестивые богоустановленные обычаи и учрежденія. Въ то время какъ „вся намъ общая сотворилъ есть богъ, яже суть нужнѣйшая“, Петръ пустилъ въ ходъ изобрѣтеніе діавола, слово: „мое“, пересчиталъ живыхъ и мертвыхъ, раздѣлилъ людей на „разные чины“, размежевалъ земли, рѣки и усадьбы, однимъ давъ часть, а другимъ не давъ ничего. Онъ заставляетъ всѣхъ людей принять печать антихриста—паспортъ,—и измѣнить даже образъ божій въ человѣкѣ: брить бороды и носить нѣмецкое платье. Всѣ эти мерзости антихристовы продолжались и послѣ Петра, продолжаются и теперь, когда живетъ Евѳимій—Екатерина размежевываетъ земли, раздаетъ земли и крестьянъ налѣво и направо помѣщикамъ; засилье антихриста стало еще тягостнѣе и невыносимѣе. Эта несложная доктрина чрезвычайно легко уложилась въ умахъ массы, какъ показываютъ бѣгунскіе пѣсни и стихи. Въ одной пѣснѣ говорится:

Охъ, увы благочестіе!
Увы древнее правовѣріе!
Кто лучи твоя тако погуби
И вся блистанія мракомъ затемни?
Десяторожный звѣрь сіе сотвори,
Седмоглавый змій тако учини...
Всюду вѣрніи утѣсняеми,
Отъ отечества изгоняеми...

Что же дѣлать человѣку, который хочетъ спастись? Остается одно: уйти отъ міра, въ которомъ царствуетъ антихристъ, бѣжать отъ царскихъ златыхъ палатъ, какъ отъ змія, отъ сѣтей льстиваго врага, уйти отъ всякаго соприкосновенія съ гражданской жизнью, „таитися и бѣгати“. Всякій кто желаетъ спастись, не долженъ принимать печати антихриста, т.-е. имѣть паспортъ, не долженъ записываться въ раскольничьи списки, не долженъ имѣть „ни града, ни села, ни дому“; такой человѣкъ долженъ вѣчно бѣгать, вѣчно странствовать, быть странникомъ, невѣдомымъ міру, разорвавшимъ всякую связь съ обществомъ. Это бѣгство прямо объявляется „бранью съ антихристомъ“, но не открытою бранью, которая невозможна до времени послѣдняго пришествія, а бранью „противленіемъ его волѣ и неисполненіемъ его законовъ“; время открытой брани придетъ въ будущемъ, и тогда всякій, кто будетъ убитъ, получитъ вѣнецъ, какого не получалъ еще никто изъ мучениковъ.

Эта идеологія, перемѣшавшая прежніе мотивы протеста противъ нарушенія старой обрядности съ коммунистическими

заявленіями, продиктованными неслыханнымъ грабежомъ земли въ XVIII вѣкѣ, была настоящимъ кладомъ для всякаго рода людей. Бѣгство и странничество, естественныя житейскія явленія XVIII вѣка, служившія чуть ли не единственнымъ выходомъ изъ тисковъ тогдашней жизни, получали религіозную санкцію и были легко исполнимы. Въ самомъ дѣлѣ, говоря словами бѣгунской пѣсни,

Ничто же можетъ воспретити,
Отъ странства мя отлучити,
Пищи тако не алкаю,
Странствоваться понуждаюсь,
Не такъ жаждою смущаюсь,
Скитатися понуждаюсь.

Ни въ скиту, ни въ монастырѣ нѣтъ безопасности, нѣтъ спасенія; убѣжище только въ „прекрасной матери пустынѣ", которая открываетъ бѣгунамъ пріютъ въ своей „густынѣ", въ лѣсной чащѣ, въ „палатѣ лѣсовольной". Тамъ раздаются „гласы архангельскіе", тамъ легче найти дорогу къ горнему граду Сіону отъ царства „вавилонской любодѣицы", гдѣ „возвышаются на каѳедрахъ лжеучители". Бѣгство въ пустыню, къ которому вынуждены бѣгуны, казалось имъ послѣднимъ тягломъ, послѣднимъ испытаніемъ наканунѣ кончины міра. Теперь „вся пророчества совершаются, предсказанная скончеваются", и будетъ скоро второе пришествіе и судъ. И придется тогда вопіять насильникамъ: „смолу и огнь я пію за прегордую жизнь мою!.." а за то страдальцы попадутъ въ прекрасныя мѣста:

Тамъ растутъ и процвѣтаютъ древа райская всегда,
Тамъ рождаютъ, умножаютъ своего сладкаго плода.

Бѣгунство распространялось чрезвычайно быстро. Оно нашло себѣ послѣдователей не только среди крестьянства; къ нему тянуло также и мелкое городское мѣщанство, для котораго цехи и гильдіи, заведенные Петромъ, были такою же мертвой петлей на шеѣ, какъ для крестьянъ крѣпостничество, рекрутчина и подушная подать. Но городское мѣщанство не могло на практикѣ выполнить долгъ странника цѣликомъ. Оно не могло такъ легко разорвать съ міромъ, какъ это могъ сдѣлать крѣпостной или солдатъ, которому въ мірѣ нечего было терять, кромѣ цѣпей; для него форма участія въ сектѣ поэтому была другая, такая же, какъ и для крестьянъ, не рѣшавшихся разорвать связи съ міромъ. Сочувствующіе, но не желавшіе уходить изъ міра, принимались

въ качествѣ страннопріимцевъ, обязанныхъ принимать и укрывать у себя бѣгуновъ. Но чтобы спастись, страннопріимцы должны умереть настоящими странниками. Когда страннопріимецъ заболѣетъ смертельно, роднымъ вмѣнялось въ обязанность дать знать въ полицію, что онъ скрылся неизвѣстно куда. Это обозначало формальный разрывъ съ обществомъ. Затѣмъ, если больной имѣетъ еще достаточно силы, онъ самъ уходитъ или его уносятъ въ сосѣдній домъ или лѣсъ, гдѣ онъ и умираетъ настоящимъ странникомъ. Страннопріимцы (или „бѣгуны мірскіе, жиловые") устраивали свои дома спеціально для лучшаго укрывательства странниковъ: съ подпольями, тайными входами и подземными ходами, ведущими въ сосѣдній съ деревней лѣсъ или перелѣсокъ. Въ 30-хъ и 40-хъ годахъ XIX вѣка, когда странничество обратило на себя особое вниманіе правительства, были открыты цѣлыя бѣгунскія деревни, сплошь состоявшія изъ такихъ домовъ; намъ придется еще говорить объ этомъ въ своемъ мѣстѣ. Бѣгуны составляли для себя особые маршруты, въ которыхъ дѣйствительныя географическія названія перепутаны со сказочными прозвищами; такъ дѣлалось нарочно, чтобы сбить съ толку полицію, въ случаѣ если бы такой маршрутъ попалъ ей въ руки. Въ насмѣшку надъ антихристомъ бѣгуны запасались иногда фальшивыми юмористическими паспортами: „данъ сей паспортъ изъ града бога вышняго, изъ сіонскаго правленія, изъ вольной полиціи".

Въ бѣгунствѣ мы имѣемъ дѣло съ возведеніемъ въ религіозный догматъ издавняго явленія русской жизни. За постепеннымъ сокращеніемъ и замиреніемъ такихъ старинныхъ убѣжищъ, какъ Сѣверская украйна или Донъ, бѣглецамъ оставалось либо уходить въ далекія дебри Пріуралья и Сибири, гдѣ только особенно сильные и приспособленные индивидуумы могли выдержать борьбу за существованіе, либо вѣчно бродить и скитаться. Но послѣднее не было возможно безъ организаціи широкой взаимопомощи и укрывательства. Возведеніе странства въ религіозный догматъ давало почву для созданія такой крѣпкой организаціи. Бѣгунская организація оказалась необыкновенно прочной и жизнеспособной. Въ XIX вѣкѣ мы встрѣтимъ ее еще разъ, въ разгаръ николаевской эпохи, когда, наканунѣ эмансипаціи, крестьянское недовольство и бѣгство получили новый и особенно чувствительный толчокъ къ развитію.

Но въ бѣгунствѣ выразилась только одна сторона той

крестьянской реформаціи, начало которой положила вторая половина XVII вѣка. Какъ мы видѣли, отреченіе отъ міра, въ которомъ царитъ антихристъ, соединялось съ жаждой искупленія: отсюда эпидемія самосожженій, не прекращающаяся и въ XVIII вѣкѣ, вплоть до его конца. Съ другой стороны, уже въ XVII вѣкѣ мы видѣли попытки исканія новаго откровенія при помощи очень старыхъ способовъ общенія съ божествомъ. И то и другое теченіе въ крестьянской реформаціи XVIII вѣка не только не прекратилось, но получило новое развитіе; мало того, реформація идетъ вширь, захватывая, какъ мы видѣли уже на примѣрѣ бѣгунства, также и мѣщанство. Въ особенности съ новой силой возникаетъ стремленіе найти новое откровеніе. Старое откровеніе, на которое опираются торжествующіе побѣдители, откровеніе писанное, закостенѣлое, застывшее въ догматизмѣ, отвергается угнетенными, какъ оправданіе зла въ мірѣ, нѣчто фальшивое и невѣрное. Извращеніе откровенія можетъ означать близость конца міра—такъ этотъ фактъ толковался въ концѣ XVII вѣка. Но по мѣрѣ того, какъ жизнь показывала ошибочность эсхатологическихъ расчетовъ, приходилось, отбросивъ старое откровеніе, искать новое. Чтобы найти его, надо вступить въ общеніе съ божествомъ, которое можетъ дать такое откровеніе. Способъ общенія съ божествомъ былъ давно извѣстенъ нашему крестьянству, какъ и его соціальнымъ собратьямъ всѣхъ временъ и народовъ. Дикія пляски пророковъ и дервишей, ночныя оргіи орфиковъ, сошествіе „духа" на христіанъ первоначальныхъ общинъ, оргіи анабаптистовъ, верченія „лжепророковъ" Стоглава и радѣнія нашихъ хлыстовъ и скопцовъ XVIII вѣка—явленія одного и того же порядка.

Первое офиціальное дѣло о хлыстовщинѣ относится къ тридцатымъ годамъ XVIII вѣка; но несомнѣнно, что секта появилась много раньше. Уже къ этому времени среди хлыстовъ сложились легенды о началѣ секты, относившія ея возникновеніе къ XVII вѣку. Когда при царѣ Алексѣѣ упала вѣра и благочестіе на землѣ, и люди стали спорить, какъ и по какимъ книгамъ можно спастись, нашлись умные люди, которые заявили, что никакихъ книгъ не нужно, а надо позвать самого господа бога, чтобы онъ самъ указалъ путь ко спасенію. Стали умные люди кликать:

Господи, господи, явися намъ, господи,
Въ крестѣ или въ образѣ,
Было бы чему молиться и вѣрить.

Но вмѣсто появленія новаго бога въ видѣ креста или иконы раздался изъ-за облаковъ въ отвѣтъ голосъ:

Сойду я къ вамъ, богъ, съ неба на землю,
Изберу я плоть пречистую и облекусь въ нее,
Буду я по плоти человѣкъ, а по духу богъ.

И вотъ совершилось неслыханное чудо: въ 1645 г. (!) въ стародубской волости, въ приходѣ егорьевскомъ, на гору Городину (въ Ковров. уѣз. Владим. губ.) сокатилъ нá землю на огненной колесницѣ, окруженный ангелами и архангелами самъ Господь Саваоѳъ и вселился въ пречистую плоть крестьянина Данилы Филипповича. Первымъ дѣломъ Данила собралъ всѣ книги въ куль и бросилъ ихъ въ Волгу, заявивъ, что никакихъ книгъ, ни старыхъ, ни новыхъ, не нужно, нужна только

Книга золотая,
Книга животная,
Книга голубиная:
Самъ сударь духъ святой.

Такъ былъ установленъ основной догматъ хлыстовщины. Въ двѣнадцати заповѣдяхъ, которыя далъ людямъ Данила, тотъ же догматъ формулированъ слѣдующимъ образомъ: „азъ есмь богъ, пророками предсказанный, сошелъ на землю для спасенія душъ человѣческихъ; нѣсть другого бога кромѣ меня“ (заповѣдь 1-я); „нѣтъ другого ученія, не ищите его“ (заповѣдь 2-я) и „святому духу вѣрьте“ (заповѣдь 3-я). Другого бога, кромѣ Саваоѳа, воплотившагося въ Данилѣ,—нѣтъ; но его сынъ, христосъ, воплощается постоянно. Первый христосъ — крестьянинъ Муромскаго уѣзда, Иванъ Сусловъ; о немъ ходили также многочисленныя легенды, перерабатывавшія мотивы изъ библейской исторіи рожденія Исаака и, конечно, евангельской (у Суслова было и 12 апостоловъ, и богородица—„дѣвица краснолична“, онъ былъ распятъ на Красной площади, но воскресъ и явился своимъ послѣдователямъ въ селѣ Пахрѣ; его второй разъ распяли—онъ опять воскресъ и вознесся на небо). Послѣ Суслова явился второй христосъ, Прокопій Лупкинъ, нижегородскій стрѣлецъ, а за нимъ множество другихъ; съ Лупкина, повидимому, начинается рядъ историческихъ лицъ въ хлыстовщинѣ. Существованіе хлыстовщины можно прослѣдить по документамъ съ 1716 года. Въ этомъ году на сектантовъ былъ сдѣланъ доносъ архіерею священникомъ города Углича; въ 1725 г. оффиціально доносили о появленіи на Дону христа Агаѳона, изъ

казаковъ, съ 12 апостолами и богородицей; въ 1732—1733 гг. въ Москвѣ, по доносу разбойника Караулова, возникло и разбиралось громадное дѣло о хлыстахъ, въ которое оказались замѣшанными нѣсколько монаховъ и монахинь изъ московскихъ монастырей; въ 1745 г. было новое дѣло о хлыстахъ. Со времени Петра III и Екатерины II преслѣдованія хлыстовъ прекращаются, и сектѣ была предоставлена относительная свобода.

Уже легенды о происхожденіи хлыстовщины показываютъ, что основная задача секты—найти новое откровеніе. Это новое откровеніе не является установленнымъ, писаннымъ; въ двѣнадцати заповѣдяхъ Данилы содержатся лишь практическія правила элементарной морали, въ родѣ запрещенія кражи, блуда, пьянства, дружбы, гостепріимства и молитвы. Откровеніе дается „духомъ", которому надо вѣрить; „духъ" сходитъ на сектантовъ во время ихъ радѣній и открываетъ имъ истину и блаженство. Религіозная система при такихъ условіяхъ создаться не можетъ; откровеніе течетъ, не останавливается и не кристаллизуется. Но и въ этой формѣ, конечно, откровеніе хлыстовщины не могло перейти извѣстныхъ границъ, поставленныхъ крестьянскимъ міросозерцаніемъ, въ которомъ анимистическая миѳологія переплелась съ элементами христіанской миѳологіи, поскольку эта послѣдняя стала знакома крестьянству изъ христіанскаго богослуженія. Съ другой стороны, откровеніе о будущемъ, хлыстовская эсхатологія, не ушла дальше самыхъ элементарныхъ упованій на нехитрое матеріальное благополучіе, которое достанется крестьянству послѣ страшнаго суда.

„Духъ" хлыстовъ—это старое славянское „красное солнышко", которое обогрѣетъ ихъ, измученныхъ морозами, „сиротъ бѣдныхъ". Въ другихъ хлыстовскихъ пѣсняхъ духъ изображается въ видѣ молодца, разгуливающаго по саду съ гусельками, или сокола яснаго, или соловья, поющаго въ сердцѣ у батюшки. Саваоѳъ и Христосъ, правда, снабжаются всѣми атрибутами божества: и всевѣдѣніемъ, и всемогуществомъ, и милосердіемъ. Но въ то же время, изображая величіе своихъ божествъ, хлысты не могли отрѣшиться отъ представленія о своихъ земныхъ царяхъ и богахъ: на седьмомъ небѣ у Саваоѳа дворецъ, въ немъ онъ „ликуетъ"; въ кабинетѣ (!) его „ангелы трепещутъ, его на престолѣ они всегда тѣшутъ"; Христосъ — царскій сынъ въ смарагдовой коронѣ, полковникъ полковой; на седьмомъ небѣ у него тоже „грады, зелены сады, троны; дворецъ, золотой престолъ" и...

канцелярія, гдѣ ангелы записываютъ имена сектантовъ въ книгу животную; богородица—царица матушка, у нея на небѣ теремъ и служатъ ей дѣвушки, цѣлые полки дѣвическіе, которые ходятъ по зеленому саду, рвутъ яблочки, кладутъ ихъ на золотое блюдо и подносятъ ихъ царицѣ матушкѣ. Съ другой стороны, богородица отожествляется съ „матерью святой землей“, насыщающей людей своими дарами.

Рядомъ съ этимъ богъ изображается въ пѣсняхъ и въ такомъ видѣ, что его не отличишь отъ простого мужика. Онъ самъ варитъ „пиво“ для хлыстовскихъ радѣній, а богородица и духъ помогаютъ:

Ай, кто пиво варилъ?
Ай, кто затиралъ?
Варилъ пивушко самъ богъ,
Затиралъ святой духъ,
Сама матушка сливала,
Вкупѣ съ богомъ пребывала,
Святы ангелы носили,
Херувимы разносили,
Херувимы разносили,
Серафимы подносили.

Это „пиво“, нѣчто въ родѣ божественной сомы индусовъ, и нарисовало хлыстамъ изображенный въ пѣснѣ хлыстовскій Олимпъ, сотканный изъ странной смѣси старинныхъ анимистическихъ воззрѣній, христіанской миѳологіи и холопствующаго міросозерцанія крестьянства.

Седьмое небо, гдѣ въ образѣ добраго барина и доброй барыни живутъ богъ и богородица,—предметъ страстныхъ желаній и всѣхъ помышленій сектантовъ. Въ здѣшнемъ мірѣ послѣдователей Данилы Филипповича за соблюденіе вѣры и ея тайны бьютъ кнутомъ, жгутъ огнемъ; приходится имъ терпѣть, убѣгать, какъ дѣлали первые послѣдователи секты, которымъ въ костромскихъ лѣсахъ приходилось „листомъ, кореньемъ питатися“, жить нагими, зноемъ опаляться и хладомъ омерзати. Но Данила заповѣдалъ терпѣть: „кто вытерпитъ, тотъ будетъ вѣрный, получитъ царство небесное, а на землѣ духовную радость“—говорится въ его десятой заповѣди. Практика хлыстовщины и заключалась въ томъ, чтобы терпѣть и отдыхать только на радѣніяхъ, гдѣ человѣкъ получалъ земную радость, предвосхищая небесное блаженство.

Культъ хлыстовщины весь направленъ къ одной цѣли: дать человѣку эту духовную радость. Когда человѣкъ позналъ истину, т.-е. увѣровалъ въ духа, онъ еще не сразу получалъ право на участіе въ духовной радости. Божественный духъ

не можетъ сойти на человѣка нечистаго, окруженнаго злыми духами, происшедшими отъ душъ умершихъ злыхъ людей и постоянно искушающими вѣрныхъ; съ другой стороны, плоть человѣка сама по себѣ есть зло, отъ нея происходятъ искушенія и грѣхъ. Для полученія духовной радости надо очистить плоть, эту „нечистую свинью", аскетическими подвигами. Заповѣди Данилы содержали уже нѣкоторыя аскетическія предписанія: „хмельного не пейте, плотскаго грѣха не творите; не женитесь, а кто женатъ, живи съ женою, какъ съ сестрой; неженимые не женитесь, женимые разженитесь". Практика показала, что этихъ заповѣдей недостаточно, и въ послѣдующее время выдвинулось требованіе поста передъ радѣніями. Исполнять такой законъ было трудно; это былъ законъ „не простой, не простой—трудовой, трудовой—слезовой"; но за то и велика была „духовная радость", которую получали хлысты на радѣніяхъ.

Акты слѣдственной комиссіи 1732—1733 годовъ поднимаютъ до извѣстной степени завѣсу надъ тайною хлыстовскихъ радѣній XVIII вѣка, происходившихъ „съ прилежнымъ укрывательствомъ". Послѣ общей трапезы, собравшіеся хлысты садились на лавкахъ, мужчины и женщины другъ противъ друга, подъ предсѣдательствомъ „оной прелести предводителя, мужа или жены", или, по терминологіи сектантовъ, кормщика или кормщицы „корабля". Кормщикъ или кормщица давали благословеніе по очереди всѣмъ присутствовавшимъ, и одинъ за другимъ они пускались парами въ быструю пляску, съ высокимъ подскакиваніемъ, съ пѣніемъ, переходившимъ подъ конецъ въ дикія выкрикиванія; нѣкоторые били себя въ то же время палками и цѣпами. Эта пляска и самоистязаніе приводили сектантовъ одного за другимъ въ состояніе религіознаго экстаза: имъ казалось, что ихъ поднималъ самъ святой духъ, по слову пророка, „вселися въ нихъ и похожду".

Пѣніе, сначала тихое и медленное, превращалось въ быстрый и громкій припѣвъ:

Катаетъ у насъ въ раю птица,
Она летитъ,
Во ту сторону глядитъ,
Да гдѣ трубушка трубитъ,
Гдѣ самъ богъ говоритъ:
Ой, богъ! Ой, богъ! Ой, богъ!
Ой, духъ, Ой, духъ, Ой, духъ!
Накати, накати, накати!
Ой Ега̀, ой Ега̀, ой Ега̀!

„По таковомъ бѣшеномъ бѣганіи“ наступаетъ моментъ высшей духовной радости: нѣкоторые изъ присутствовавшихъ падали въ полуобморочномъ состояніи на полъ и начинали изрекать пророчества; въ этотъ моментъ, по мнѣнію хлыстовъ, человѣкъ уже охваченъ духомъ, паритъ внѣ сферы человѣческаго, и все, что говоритъ, говоритъ не самъ, а отъ духа Пѣсня уже звучитъ съ радостнымъ торжествомъ:

Накатилъ, накатилъ
Духъ святъ, духъ святъ!
Царь духъ, царь духъ!
Разблажился, разблажился
Духъ святъ, духъ святъ!
Ой горю, ой горю,
Духъ горитъ, богъ горитъ,
Свѣтъ во мнѣ, свѣтъ во мнѣ,
Святъ духъ, святъ духъ!)

Въ такомъ изступленіи одно за другимъ лились речитативомъ пророчества. Нельзя сказать, чтобы всегда это былъ безсвязный наборъ словъ; по большей части и тутъ слышенъ голосъ крестьянскаго горя и нужды. „Я богъ, тебя награжу, хлѣба вволю урожу, будешь ѣсть, пить, меня, бога, хвалить, станешь хлѣбецъ кушать, евангелье слушать“. Кромѣ пророчествъ о земномъ благополучіи повторяются обѣщанія неизмѣннаго наитія святого духа и блаженства въ царствіи небесномъ: „къ тебѣ духъ святой будетъ прилетать, а ты изволь его узнавать; и я, отецъ не дамъ тебя въ іудейскія руки и избавлю тебѣ отъ вѣчныя муки“. Послѣ такого „крещенія духомъ“ происходила мистическая трапеза: „принимали и ѣли изъ рукъ предводительныхъ, мужчины или женщины, куски хлѣба и пили квасъ, иногда же и воду, вмѣняя то, окаянные, въ святое причастіе“. Эта мистическая трапеза есть, несомнѣнно, модификація евхаристіи, но врядъ ли она въ глазахъ хлыстовъ была дѣйствительно равнозначаща причастію. Скорѣе всего это былъ символическій обрядъ, знаменовавшій братство и взаимную любовь хлыстовъ другъ къ другу. Нести „трудовой и слезовой законы“ Данилы было тяжко, терпя въ то же время удары со стороны міра; терпѣть и не падать духомъ можно было только при наличіи взаимной поддержки и утѣшеніи. Поэтому сектанты особенно цѣнили и прославляли любовь: любовь—сладчайшая, силушка величайшая, дочь неба плѣнительная; кромѣ нея никто не можетъ открыть доступъ къ отцу. Однимъ изъ символовъ братской любви и единенія и была, вѣроятно, мистическая трапеза

послѣ радѣній; то обстоятельство, что она устраивалась обыкновенно въ складчину, говоритъ также въ пользу такого толкованія.

Описанный чинъ радѣній въ нѣкоторыхъ чрезвычайныхъ случаяхъ осложнялся нѣкоторыми чрезвычайными обрядами. Одинъ изъ этихъ обрядовъ является модификаціей старинной весенней обрядности, о которой намъ приходилось говорить въ первомъ томѣ. Около Троицына дня совершается главное годовое радѣніе, на которомъ пѣсни, обращенныя къ духу, замѣняются другими, обращенными къ богородицѣ „матери сырой землѣ". Въ отвѣтъ на эти пѣсни „богородица", одѣтая въ цвѣтное платье, выходитъ изъ подполья со своими дарами: съ изюмомъ или съ другими сладкими ягодами. Хлысты подходятъ къ ней одинъ за другимъ, и она причащаетъ ихъ изюмомъ со словами: „даромъ земнымъ питайтесь, духомъ святымъ наслаждайтесь, въ вѣрѣ не колебайтесь", а затѣмъ помазываетъ водою съ произнесеніемъ аналогичной формулы. Этотъ обрядъ переданъ уже традиціей, идущей изъ XVII вѣка, отъ секты подрѣшетниковъ, о которой разсказываетъ авторъ „Розыска". Въ хлыстовщинѣ къ обряду явленія богородицы—сырой земли присоединился другой обрядъ, посредствомъ котораго открывалась богородица и одновременно продолжалось постоянное воплощеніе Христа. Это такъ называемый „обрядъ христовой любви", совершавшійся довольно рѣдко и далеко не во всѣхъ корабляхъ. Онъ заключался въ томъ, что въ концѣ радѣній, когда всѣ участники доходятъ до состоянія полнаго умоизступленія, происходитъ безпорядочное половое смѣшеніе участниковъ и участницъ. Нарушенія обѣта цѣломудрія хлысты здѣсь не видятъ, ибо въ такіе моменты люди, съ хлыстовской точки зрѣнія, уже лишены своей воли: на нихъ „накатилъ" духъ, заставляющій ихъ горѣть, онъ въ нихъ говоритъ и дѣйствуетъ. Забеременѣвшая послѣ такого обряда дѣвушка становилась богородицей; если у нея рождался сынъ—онъ объявлялся „христосикомъ"; если дочь—пророчицей *).

---

*) Въ связи съ обрядомъ христовой любви бар. Гакстгаузенъ описываетъ еще обрядъ причащенія тѣла и крови, будто бы также практикующійся у хлыстовъ и скопцовъ. Онъ заключается въ томъ, что сектанты во время радѣній отрѣзаютъ у богородицы часть лѣвой груди и съѣдаютъ ее. Вслѣдъ за Гакстгаузеномъ такіе же разсказы повторяютъ Кельсіевъ, Мельниковъ и др., будто бы со словъ самихъ сектантовъ. Очень трудно вѣрить, чтобы у хлыстовъ практиковалось, дѣйствительно, такое изувѣрство, хотя съ точки зрѣнія анимистическаго міровоззрѣнія здѣсь нѣтъ ничего необъяснимаго или противоестественнаго: лучшее средство общенія и единенія съ богомъ, это вкусить его тѣла и крови. Но отъ рѣшительнаго утвержденія существованія подобнаго обряда у хлыстовъ мы воздерживаемся.

Такимъ образомъ, „духовная радость“ хлыстовъ носитъ чисто матеріалистическій характеръ, окрашена чисто крестьянскимъ натурализмомъ. Но „духовная радость“ является лишь временнымъ и случайнымъ утѣшеніемъ, средствомъ временно забыться, своего рода опьянѣніемъ. Настоящее же отдохновеніе отъ бремени здѣшняго міра хлысты получатъ на томъ свѣтѣ, гдѣ на седьмомъ небѣ, вмѣстѣ съ богомъ, будутъ блаженствовать и души хлыстовъ. Хлыстовскія пѣсни съ особенной любовью описываютъ про блаженство и условія его наступленія. Тутъ, конечно, также не приходится говорить о догмѣ, объ опредѣленной системѣ; изображенія различныхъ пѣсенъ нѣсколько расходятся другъ съ другомъ, встрѣчается представленіе о томъ, что душа вѣрнаго тотчасъ послѣ смерти превращается въ ангела и служитъ Саваоѳу, и на ряду съ нимъ встрѣчается вѣрованіе въ переселеніе душъ. Но многія пѣсни совсѣмъ не останавливаются на вопросѣ о судьбѣ души тотчасъ послѣ смерти, интересуясь прежде всего и больше всего картиною послѣдняго страшнаго суда и будущаго мессіаническаго царства. Эти представленія носятъ также рѣзко выраженный матеріалистическій характеръ и невольно напрашиваются на сравненіе съ іудейской народной эсхатологіей I вѣка, эсхатологіей первыхъ христіанскихъ общинъ и нѣмецкихъ крестьянъ XV—XVI вѣка. Вліяніе новозавѣтной апокалиптики дало этимъ представленіямъ нѣкоторыя детали и аксессуары; по существу же ихъ матеріалистическій характеръ и сходство съ указанными представленіями древности и средневѣковья объясняется аналогичными соціальными условіями ихъ происхожденія.

День страшнаго суда никому неизвѣстенъ, онъ придетъ внезапно и будетъ возвѣщенъ трубнымъ гласомъ: затрубитъ въ трубу, длиною отъ земли до седьмого неба, самъ Саваоѳъ, Данила Филипповичъ. Услышавъ трубные звуки, воскреснутъ всѣ мертвые, земля обновится, распадется видимое небо и раскроется „небо ново“, то небо, гдѣ, скрываясь отъ людскихъ глазъ, живутъ небожители. Сойдя съ седьмого неба, судія Саваоѳъ пойдетъ въ сопровожденіи вѣрныхъ въ Москву и зазвонитъ тамъ въ царь-колоколъ, подобно тому какъ іудейскій или христіанскій Мессія долженъ былъ идти въ Іерусалимъ. На призывный звонъ въ Москву сойдутся всѣ живые сектанты и слетятся всѣ силы небесныя, и начнется судъ надъ всѣми людьми отъ Адама. Всѣ не-сектанты и всѣ грѣшные сектанты пойдутъ въ муку вѣчную, при чемъ эти мученія, судя по 9 заповѣди Данилы, представлялись по тра-

диціи въ чисто матеріалистическомъ видѣ („кто единую копейку украдетъ, тому копейку на томъ свѣтѣ положатъ на темя, и когда отъ адскаго огня она растопится, тогда только тотъ человѣкъ прощеніе пріиметъ“). Вѣрные сектанты получатъ вѣчное блаженство. Ихъ ждетъ „пресвятый градъ Сіонъ“, на седьмомъ небѣ, гдѣ живетъ и свѣтитъ самъ богъ, „красное солнышко“, окруженный апостолами и ангелами. Для вѣрныхъ приготовлены тамъ хрустальныя палаты, окруженныя садами съ благоухающими цвѣтами и райскими птицами. Конецъ настанетъ скорби и печали, будетъ вѣчное веселье и радость; надѣнутъ вѣрные золотыя ризы, будутъ ѣсть сладкія яства и спать въ хрустальныхъ палатахъ на постеляхъ божественныхъ, осыпанныхъ неувядающими цвѣтами. Вотъ каково будетъ царство небесное, обѣщанное Данилой тому, кто вытерпитъ. Въ 80-хъ годахъ XVIII вѣка даже явился христосъ Побирохинъ, выдававшій себя за ожидаемаго мессію: съ двѣнадцатью „архангелами“ онъ торжественно вступилъ въ Тамбовъ, объявляя, что идетъ судитъ вселенную; эта попытка кончилась, конечно, арестомъ судіи съ его свитой.

Такова была картина хлыстовской вѣры и морали, какъ она представляется изъ хлыстовскихъ легендъ, пѣсенъ и обрядовъ. Она является послѣдовательнымъ отраженіемъ крестьянскаго міросозерцанія ея адептовъ; она не измѣнилась и тогда, когда послѣдователи ея стали появляться и среди другихъ общественныхъ классовъ. Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ XVIII вѣка секта проникла въ города; мы уже упоминали о московскомъ дѣлѣ 1732—1733 гг., въ которое были замѣшаны монахи и монахини московскихъ монастырей, а въ 1745 г. по доносу сыщика Ваньки Каина былъ открытъ въ Москвѣ купеческій корабль христа Андрея Петрова. Изъ 316 человѣкъ, привлеченныхъ по этому послѣднему дѣлу, огромное большинство составляли также крестьяне; очевидно, что примѣсь инородныхъ соціальныхъ элементовъ была невелика. Но эта примѣсь была все-таки настолько чувствительна, что въ 70-хъ годахъ XVIII вѣка секта раскололась: изъ нея выдѣлилось скопчество, которое и стало духовной религіей купечества, оставивъ хлыстовщину въ исключительное пользованіе крестьянства. Но и скопчество первоначально зародилось въ крестьянской средѣ. Поскольку оно захватило послѣднюю, мы должны коснуться вопроса о скопчествѣ въ настоящей главѣ; развитіе же скопчества въ опредѣленную доктрину и религіозную организацію, происшедшее уже въ

посадской средѣ, относится къ началу XIX вѣка, когда мы вновь къ нему возвратимся.

Мы видѣли, что одна изъ заповѣдей хлыстовщины заключается въ полномъ воздержанiи отъ полового общенія; исключеніе изъ этого правила допускалось, и то не во всѣхъ корабляхъ, въ видѣ обряда христовой любви. На практикѣ эту заповѣдь исполнять было, конечно, труднѣе, чѣмъ какую-либо другую; между тѣмъ нарушеніе ея грозило лишеніемъ вѣчнаго блаженства. Отсюда, крайніе ревнители хлыстовщины для наиболѣе полнаго исполненія заповѣди цѣломудрія стали совершать оскопленія; первый разъ такія оскопленія среди хлыстовъ засвидѣтельствованы официальнымъ дѣломъ 1733 года, изъ котораго видно, что въ московскомъ Ивановскомъ монастырѣ былъ открытъ хлыстовскій корабль, кормщица котораго, монахиня Анастасія, вмѣстѣ съ тремя помощницами производила оскопленіе. Оскопившіеся хлысты не выдѣлялись изъ хлыстовской среды; это были, такъ сказать, хлыстовскіе монахи, выдѣлявшіеся изъ остальной среды особой „печатью духа святого". Но, повидимому, въ хлыстовской средѣ идея скопчества не получила широкаго распространенія. Послѣ 1733 года слѣды скопчества прекращаются вплоть до семидесятыхъ годовъ XVIII вѣка; но то, что мы узнаемъ о скопцахъ изъ извѣстій семидесятыхъ годовъ, рисуетъ скопчество уже какъ новое ученіе. Въ Тульской провинціи въ эти годы появились два скопца: одинъ бывшій хлыстъ Андрей Петровъ, привлекавшійся по дѣлу 1745 года, и другой, подлинный основатель скопчества, Кондратій Селивановъ. Они проповѣдывали „огненное крещеніе" и производили его въ средѣ купцовъ и фабричныхъ крестьянъ. Съ этого времени начинается исторія скопчества, какъ самостоятельной секты; она принадлежитъ уже болѣе XIX вѣку, чѣмъ XVIII.

Выдѣливъ изъ своей среды скопчество, хлыстовщина не создала болѣе ничего оригинальнаго и новаго. Ея исторія до крайности бѣдна фактами; до XIX вѣка она не выдвинула даже ни одной выдающейся личности; вся творческая работа ушла изъ секты въ скопчество. Въ XVIII вѣкѣ она лишь широко распространилась среди крестьянства, хотя наибольшее число ея послѣдователей было въ Тамбовской и Орловской губерніяхъ, которыя, по условіямъ крестьянскаго быта, были особенно благопріятны для появленія всякаго рода сектантскихъ ученій: тамъ, какъ въ сосѣднихъ уѣздахъ Саратовской и отчасти Самарской губ., особенно развилась плантаціонная система съ полнымъ порабощеніемъ крестьянства. Только въ

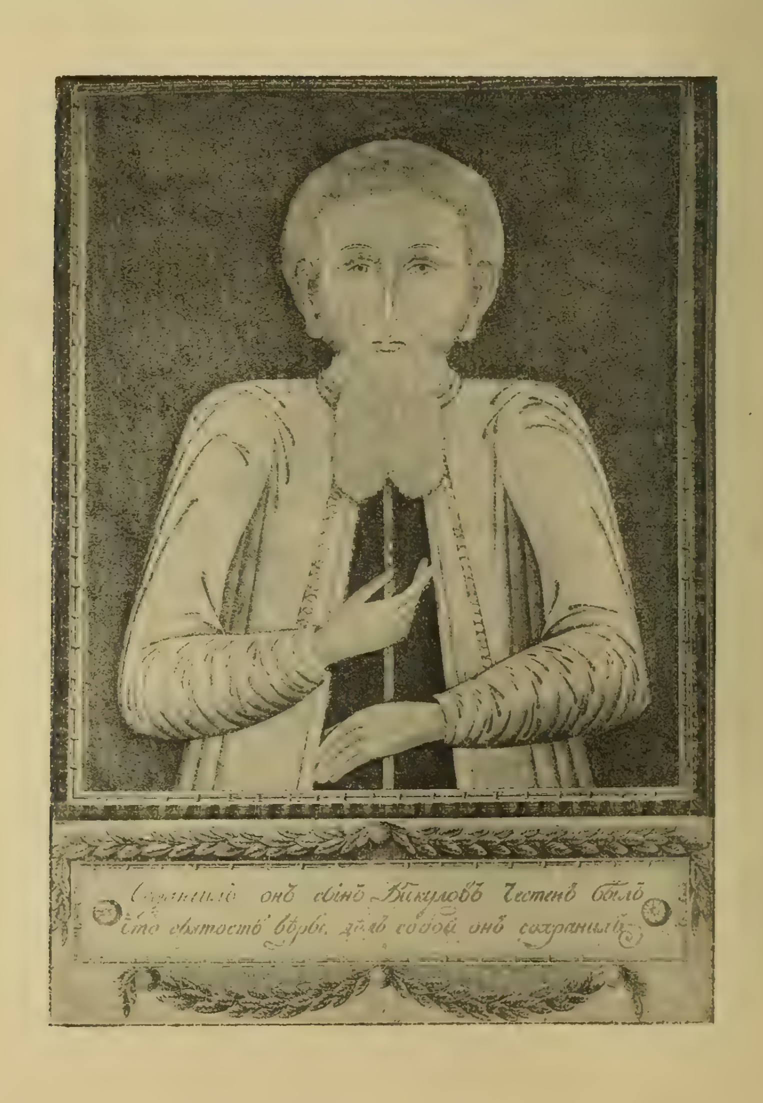
XIX вѣкѣ въ жизнь хлыстовщины было внесено нѣкоторое оживленіе появленіемъ новыхъ христовъ, быть можетъ, вслѣдствіе напряженныхъ ожиданій земли и воли, которыми жило крестьянство всю первую половину XIX вѣка. Трое изъ этихъ христовъ были далеко не заурядными личностями. Въ личности перваго изъ нихъ, Аввакума Копылова, оригинальныя черты еще не выступаютъ такъ рельефно, какъ въ личности двухъ другихъ. Аввакумъ былъ только особенно строгій постникъ и, повидимому, въ концѣ концовъ сталъ страдать галлюцинаціями; по крайней мѣрѣ хлысты разсказываютъ, что однажды послѣ сорокадневнаго поста, во время котораго Аввакумъ даже не пилъ воды, онъ былъ взятъ на седьмое небо живымъ и тамъ удостоился бесѣдовать съ богомъ „изъ устъ въ уста". Болѣе оригинальны личности двухъ другихъ христовъ, Савицкаго и Радаева. Савицкій пророчествовалъ въ 20-хъ годахъ XIX вѣка въ Подольской губ., когда тамъ среди крестьянъ было особенно сильное броженіе, вызванное толками объ освобожденіи. Перепутавъ библейскіе термины, Савицкій объявилъ себя антихристомъ. т.-е. агнцемъ христомъ, пришедшимъ судить міръ по пророчеству Апокалипсиса. Христосъ - Савицкій начнетъ войну со всѣми царями земными и побѣдитъ ихъ, а тѣхъ, кто послѣ побѣды не увѣруетъ въ него и не будетъ поклоняться ему, онъ отдастъ на муки вѣчныя; съ вѣрными же онъ будетъ царствовать надъ всей вселенной, самъ будетъ царемъ, а будущая жена его, Домна (дочь какого-то священника) будетъ царицей небесной. Это возрожденіе эсхатологіи совпало съ оживленіемъ эсхатологическихъ чаяній вообще въ Россіи,—оживленіемъ, которымъ характеризуется конецъ александровской и николаевская эпоха, времена, столь тяжкія для крестьянства; въ XIX вѣкѣ мы еще неоднократно встрѣтимся съ этимъ явленіемъ. Несмотря на массу сторонниковъ, которыхъ пріобрѣлъ себѣ Савицкій даже среди подольскихъ евреевъ, судьба его не принесла ему желанной славы: онъ исчезъ, не оставивъ о своемъ концѣ никакихъ слѣдовъ. Наиболѣе оригинальнымъ и талантливымъ христомъ XIX вѣка былъ, несомнѣнно, Радаевъ, Арзамасскаго уѣзда, Нижегородской губерніи. Это былъ человѣкъ, стоявшій головою выше всѣхъ другихъ христовъ; онъ былъ не полуграмотнымъ галлюцинатомъ, но начитаннымъ и образованнымъ для своей среды человѣкомъ. Онъ хорошо зналъ писаніе и нѣкоторыхъ отцовъ церкви и первый попытался дать теоретическое обоснованіе хлыстовской доктринѣ о духѣ и духовномъ откро-

веніи въ полемической перепискѣ со священникомъ Минервинымъ и въ догматическихъ сочиненіяхъ. Человѣкъ, желающій сдѣлаться обиталищемъ духа, долженъ подвергнуться сначала „таинственной смерти“. Это не обыкновенная смерть, которую Радаевъ называетъ „смертью о Адамѣ“ и считаетъ слѣдствіемъ прародительскаго грѣха; мертвые о Адамѣ не воскреснутъ, они отходятъ въ землю, изъ которой взяты. Таинственная смерть есть „смерть о Христѣ“; она состоитъ въ уничтоженіи всего грѣховнаго: въ умерщвленіи своей злой воли, себялюбія и гордости, въ умерщвленіи плоти. Мертвые о Христѣ должны пройти черезъ „погребеніе о Христѣ, прежде чѣмъ сподобиться таинственнаго воскресенія. Погребеніе о Христѣ есть полное отвлеченіе мыслей отъ внѣшняго міра и углубленіе въ самого себя, какъ въ „могилу“. Таинственное воскресеніе наступаетъ тогда, когда умершій и спогребшійся о Христѣ услышитъ въ себѣ внутреннее слово духа божія и найдетъ въ губинѣ своей души царство божіе, которое „внутри насъ есть“. Съ этого момента человѣкъ становится „таинственно воскресшимъ“; онъ уже не имѣетъ своей воли, онъ дѣлается „храмомъ божіимъ, и духъ божій живетъ въ немъ“. Онъ уже не подлежитъ грѣху, онъ безгрѣшенъ, ему не нужно исполнять заповѣди, обязательныя для другихъ: „праведнику законъ не лежитъ“. Радаевъ считалъ себя не только таинственно воскресшимъ, но и христомъ, и потому тѣмъ менѣе склоненъ былъ признавать надъ собою какой-либо законъ. Официальные обличители Радаева говорили, что на практикѣ онъ превратилъ эту теорію въ оправданіе своей распутной жизни: слѣдствіе о немъ говорило будто бы онъ, по наитію духа, жилъ одновременно съ тринадцатью женщинами. Нельзя не признать эти обвиненія преувеличенными; вѣроятно, Радаевъ не пошелъ дальше обычныхъ грѣшковъ, допускавшихся и другими хлыстовскими христами и богородицами. Въ 1850 г. слѣдствіе о Радаевѣ закончилось заключеніемъ его въ тюрьму, а затѣмъ и ссылкой, въ которой онъ и умеръ. Послѣ Радаева, въ шестидесятыхъ годахъ XIX вѣка для хлыстовщины наступилъ поворотный пунктъ. Эмансипація выдвинула новыя задачи и новыя идеи, и для старыхъ формъ сектантства почва стала уже неблагодарной. Поэтому хлыстовщина быстро теряетъ прежнее значеніе. Многіе корабли на югѣ перешли въ молоканство; секта раздробилась на множество разновидностей (скакуны, прыгуны, купидоны и др.), ставшихъ удѣломъ не широкой народной массы, какъ это было въ XVIII вѣкѣ, но

узкихъ кружковъ экзальтированныхъ людей, склонныхъ къ мистицизму и самобичеванію. Она гнѣздится въ крестьянской средѣ, являясь разительнымъ примѣромъ косности нѣкоторыхъ элементовъ крестьянства, которое все еще не можетъ перейти черезъ грань первобытнаго анимизма и шаманизма, и продолжаетъ топить свое соціальное горе въ „пивѣ“ радѣній, вмѣсто того, чтобы перейти къ разумной человѣческой борьбѣ съ невыносимыми условіями существованія.

Къ XVIII же вѣку относится начало двухъ другихъ крупныхъ теченій въ крестьянскомъ сектантствѣ, духоборчества и молоканства. Хлыстовщина была явленіемъ реакціоннымъ; подобно эсхатологической реформаціи XVII вѣка, она заставляла крестьянина складывать руки предъ лицомъ беззастѣнчивой эксплоатаціи, выжимавшей изъ него всѣ соки; она давала забвеніе, но не избавленіе; вмѣсто реальнаго улучшенія положенія крестьянства она предлагала терпѣть и ждать фантастическаго царствія небеснаго, въ которомъ вѣрные получатъ награду за свои страданія. Хлыстовщина, какъ и эсхатологическая реформація, вполнѣ оправдала ожиданія тѣхъ политиковъ и религіозныхъ мыслителей, которые цѣнятъ религію постольку, поскольку она даетъ бѣднымъ небо, а богатымъ землю, зоветъ въ храмы тѣхъ, кто обремененъ трудомъ и заботами, и превращаетъ жизнь въ пиръ для тѣхъ, кто счастливъ и осыпанъ благами, строитъ обездоленнымъ воздушные замки, а счастливымъ — замки изъ мрамора. Если хлыстовщина подвергалась преслѣдованію, то не столько въ силу ея гражданскаго „вреда“ — съ этой стороны она была даже желательнымъ явленіемъ, — сколько въ силу ущерба, какой она наносила господствующей церкви отторженіемъ отъ нея ея членовъ. Духоборчество и молоканство были явленіями иного порядка. Подобно бѣгунству, эти секты не складывали рукъ передъ тяжелой дѣйствительностью; но въ то время какъ бѣгунство проповѣдывало просто бѣгство и освобожденіе отъ эксплоатаціи путемъ странствія въ одиночку, т.-е. изъ отрицательнаго отношенія къ міру выводило отрицательное же рѣшеніе, духоборчество и молоканство пытались перестроить самую жизнь на новыхъ началахъ, выкидывая надъ новыми коммунами религіозное знамя. Новыя секты появились и въ новыхъ элементахъ крестьянства: въ Екатеринославской губерніи, среди свободныхъ крестьянъ, и въ Тамбовской губерніи, наканунѣ появленія тамъ первыхъ свободныхъ хлѣбопашцевъ. Ихъ исторія тѣсно связана съ подготовленіемъ эмансипаціи; начавшись въ восьмидесятыхъ годахъ

XVIII вѣка, она разыгрывается уже въ XIX вѣкѣ, и было бы неудобно отдѣлять начало ихъ исторіи отъ ея продолженія, какъ было неудобно отдѣлить конецъ хлыстовщины отъ ея начала. Поэтому, намъ приходится исторію „сыновъ Авеля“, какъ прозвали себя духоборцы, и „евангельскихъ христіанъ“, какъ зовутъ себя молокане, перенести въ главу о религіозномъ движеніи въ Россіи въ XIX вѣкѣ, въ который русская религіозная жизнь вступаетъ, съ одной стороны, подъ знаменемъ растущей буржуазной старообрядческой церкви, съ другой стороны—подъ знаменемъ религіознаго крестьянскаго коммунизма.

ГЛАВА XVII.

Александръ I.

1. 11 марта 1801 г.

Полицейскій механизмъ, созданный для охраны крѣпостного „порядка“, нарушеннаго пугачевщиной, при Павлѣ Петровичѣ развилъ максимумъ своего дѣйствія. Дворянство, для защиты интересовъ котораго механизмъ и явился на свѣтъ, казалось бы, должно было испытывать максимальное удовольствіе. Вмѣсто этого, царствованіе Павла было прервано дворянской революціей, Павелъ палъ жертвою дворянскаго заговора. Этотъ заговоръ становится исходной точкой дворянскаго оппозиціоннаго движенія, наполняющаго собою все первое десятилѣтіе XIX вѣка и преемственно

связаннаго съ другимъ заговоромъ, по составу участниковъ тоже дворянскимъ,—заговоромъ декабристовъ. Первый заговоръ былъ стихійнымъ взрывомъ, почти можно бы сказать—рефлективнымъ жестомъ самообороны отъ „порядка“, которому съ такимъ фанатизмомъ служилъ Павелъ. Второй былъ сознательной попыткой поставить на мѣсто полицейскаго порядка нѣчто иное. Участники второго были дѣтьми заговорщиковъ 1801 года—если не въ буквальномъ физіологическомъ смыслѣ, то какъ непосредственно слѣдующее поколѣніе того же общественнаго класса. Первый заговоръ былъ формально удаченъ,—но ни на іоту не измѣнилъ системы. Второй былъ съ формальной стороны катастрофой для тѣхъ, кто въ немъ участвовалъ, но, косвенно, онъ сдѣлалъ въ системѣ трещину, которую можно было замазать, но которая фактически, подъ толстымъ слоемъ замазки, все расширялась. Только послѣ второго мы встрѣчаемъ настоящую реакцію — лѣтъ двадцать относительнаго „покоя“, свидѣтельствовавшаго, что, съ одной стороны, кто-то былъ удовлетворенъ достигнутыми результатами, съ другой, что кто-то разочаровался и не вѣритъ больше въ достижимость ставившихся съ такимъ упорствомъ цѣлей. Въ промежуткѣ между 1801 и 1825 годами мы не встрѣчаемъ ни на минуту полной паузы: въ теченіе всего этого промежутка „общественное движеніе“ оріентируется все въ одномъ и томъ же направленіи. Не мудрено, что связь между событіями этихъ двухъ годовъ улавливали уже современники, хотя не менѣе естественно, что современниковъ больше поражало внѣшнее сходство: внутренняя связь была для нихъ менѣе замѣтна. Разсказавъ объ ужинѣ, предшествовавшемъ экспедиціи гвардейскихъ офицеровъ въ Михайловскій дворецъ, въ ночь съ 11 на 12 марта 1801 года, одинъ современникъ прибавляетъ: „говорятъ, что за этимъ ужиномъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка полковникъ Бибиковъ, прекрасный офицеръ, находившійся въ родствѣ со всею знатью, будто бы высказалъ во всеуслышаніе мнѣніе, что нѣтъ смысла стараться избавиться отъ одного Павла; что Россіи не легче будетъ съ остальными членами его семьи и что лучше было бы отдѣлаться отъ нихъ всѣхъ сразу. Какъ ни возмутительно подобное предложеніе, достойно вниманія то, что оно было вторично высказано въ 1825 году, во время послѣдняго заговора, сопровождавшаго вступленіе на престолъ императора Николая Перваго“ *).

*) Саблуковъ, Записки, рус. пер., стр. 69.

Заговоръ 11 марта обыкновенно ставятъ за одну скобку съ дворцовыми переворотами XVIII вѣка. Въ извѣстномъ смыслѣ это, конечно, и правильно: по своей техникѣ, напримѣръ, предпріятіе Палена и Зубовыхъ ничѣмъ не отличалось отъ предпріятія братьевъ Орловыхъ; но нужно сказать, что и 14 декабря, взятое съ этой стороны, какъ двѣ капли воды, похоже на дворцовый переворотъ. Ихъ, однако же, не принято сопоставлять,—и это опять правильно, потому что этой стороной дѣло далеко не исчерпывалось, и не въ ней было главное. Идеологія нѣкоторыхъ декабристовъ могла очень напоминать идеологію Григорія Орлова (мы ниже увидимъ разительныя доказательства этого)—ихъ психика была совсѣмъ иная: и это новое настроеніе даетъ намъ право рѣзкою чертою отдѣлять первыхъ русскихъ революціонеровъ отъ устроителей дворцовыхъ переворотовъ предшествовавшаго столѣтія. И вотъ, эта новая психологія даетъ себя чувствовать уже около 1801 года. Другой современникъ, гораздо болѣе блестящій, нежели цитированный нами выше Саблуковъ, разсказавъ объ убійствѣ Павла, заканчиваетъ такими словами: „Такъ погибъ этотъ тиранъ, послѣ того какъ онъ пять лѣтъ держалъ Россію подъ своимъ унизительнымъ игомъ и заставлялъ дрожать сорокъ пять милліоновъ людей при малѣйшемъ знакѣ его воли. Онъ кончилъ бы тѣмъ, что погрузилъ бы снова въ варварство свою страну, если бы она не была отъ него избавлена при помощи единственнаго возможнаго средства. Ненависть къ тирану должна брать верхъ надъ всѣми другими чувствами, говоритъ Ласепедъ, и всякое средство хорошо, чтобы сломить этотъ бичъ“ *). И это написалъ не горячій, увлекающійся мальчикъ, а старикъ, бывшій на своемъ вѣку русскимъ министромъ и главнокомандующимъ одной изъ русскихъ армій. А вотъ другія строки, написанныя всего черезъ три дня послѣ катастрофы, еще болѣе любопытныя по общественному положенію писавшей—и потому еще, что она раскаивалась въ своемъ вчерашнемъ настроеніи, раскаивалась, не считая, однако, возможнымъ его скрыть: „я легкомысленно превозносила революціи только потому, что окружавшій меня безмѣрный деспотизмъ почти лишалъ меня возможности разсуждать безпристрастно; я хотѣла только видѣть эту несчастную Россію свободною, какой бы цѣною ни было“. Это писала своей матери великая княгиня Елизавета Алексѣевна, кото-

*) Mémoires de l'amiral Paul Tchitchagof. Paris, 1909.

рую 11 марта сдѣлала русской императрицей *). Не мудрено, что въ кругахъ, близкихъ къ заговорщикамъ, сохранилась легенда, будто Павлу въ эту трагическую ночь предлагали подписать конституцію, и его отказъ былъ непосредственнымъ поводомъ къ катастрофѣ. Это не болѣе, какъ легенда: читатель сейчасъ увидитъ, что весь характеръ заговора исключаетъ возможность такой театральной сцены. Гвардейскіе офицеры съ Беннигсеномъ и Зубовымъ во главѣ приходили въ царскую спальню совсѣмъ не за тѣмъ, чтобы вести тамъ политическіе споры. Но легенда характерна: впервые въ исторіи русскихъ дворцовыхъ революцій ихъ участники чувствовали себя борцами за политическую свободу. Раньше просто и грубо, безъ иллюзій, охранялись классовые интересы дворянства. Теперь эта крайне матеріальная сама по себѣ задача начинаетъ освѣщаться поэтическимъ ореоломъ: борьба съ деспотизмомъ, вреднымъ для помѣщиковъ, начинаетъ сознаваться, какъ борьба противъ деспотизма вообще. Еще четверть столѣтія—и защитники дворянскихъ „вольностей“, какъ декабристъ Каховскій, становятся, не только субъективно, но и объективно, политическими мучениками.

Но какъ бы красиво ни было то или другое общественное настроеніе, основы общественной психологіи всегда приходится искать въ экономикѣ. По отношенію къ катастрофѣ Павла Петровича мы имѣемъ рѣдкій, для тогдашней эпохи въ особенности, случай осознанія этого факта еще современниками. Писавшій съ ихъ словъ декабристъ Фонъ-Визинъ такъ опредѣляетъ условія, ближайшимъ образомъ вызвавшія возстаніе дворянства противъ Павла: „Павелъ, сперва врагъ французской революціи, готовый на всѣ пожертвованія для ея подавленія, раздосадованный своими недавними союзниками, которымъ справедливо приписывалъ неудачи, испытанныя его войсками... вдругъ совершенно измѣняетъ свою политическую систему и не только мирится съ первымъ консуломъ французской республики, умѣвшимъ ловко польстить ему, но становится восторженнымъ почитателемъ Наполеона Бонапарта и угрожаетъ войною Англіи. Разрывъ съ нею наносилъ неизъясненный вредъ нашей заграничной торговлѣ. Англія снабжала насъ произведеніями и мануфактурными, и колоніальными за сырыя произведенія нашей почвы. Эта торговля открывала единственные пути, которыми въ Россію притекало все для нея необходимое. Дворянство было

*) См. Schiemann. Die Ermordung Pauls, введеніе, стр. VII.

обезпечено въ вѣрномъ полученіи доходовъ со своихъ помѣстьевъ, отпуская за море хлѣбъ, корабельные лѣса, мачты, сало, пеньку, ленъ и пр. Разрывъ съ Англіей, нарушая матеріальное благосостояніе дворянства, усиливалъ въ немъ ненависть къ Павлу, и безъ того возбужденную его жестокимъ деспотизмомъ. Мысль извести Павла какимъ бы то ни было способомъ сдѣлалась почти всеобщей". Что Фонъ-Визинъ передаетъ здѣсь подлинное мнѣніе современниковъ, и даже самихъ участниковъ заговора, доказываетъ рѣчь Зубова на знаменитомъ „ужинѣ", съ котораго заговорщики прямо отправились въ Михайловскій дворецъ: по передачѣ Чарторыйскаго, Зубовъ началъ именно съ указанія на „безразсудность разрыва съ Англіей, благодаря которому нарушаются жизненные интересы страны и ея экономическое благосостояніе". И это, въ связи съ опасностями, которыми угрожала Россіи и въ частности Петербургу русско-англійская война, составило, повидимому, главное содержаніе „рѣчи": внутренняя политика Павла въ ней, если вѣрить Чарторыйскому, отсутствовала,— не считая указанія, что при Павлѣ „никто изъ присутствующихъ не можетъ быть увѣренъ въ личной безопасности". Остается прибавить, что сознательность была не только съ русской стороны, — англійская дипломатія сдѣлала для низверженія Павла все, что могла. Англійскій посланникъ въ Петербургѣ, Уитвортъ, былъ дѣятельнымъ членомъ перваго заговора противъ Павла (не позже весны 1800 года, т.-е. приблизительно за годъ до катастрофы), рядомъ съ вице-канцлеромъ Павла, Панинымъ, и адмираломъ Рибасомъ, при чемъ первый изъ нихъ, сынъ знакомаго намъ усмирителя пугачевщины, являлся едва ли не лучшимъ проводникомъ англійскаго вліянія на русскую политику, чѣмъ самъ Уитвортъ. Можно сказать, что самая форма этого перваго заговора была „англійская": Павла предполагалось объявить сумасшедшимъ, какъ это было сдѣлано въ Англіи съ Георгомъ III, Александръ же Павловичъ долженъ былъ занять мѣсто „принца-регента". Дѣло было поставлено настолько серьезно, что Панинъ собиралъ уже свѣдѣнія, подъ рукою, у иностранныхъ дипломатовъ, какими формами облекаются подобныя предпріятія въ той или другой странѣ: это было нужно потому, что Англія, какъ парламентское государство, юридическимъ образчикомъ для Россіи служить не могла. Александръ былъ посвященъ въ заговоръ и имѣлъ съ Панинымъ тайныя свиданія, происходившія, для большей кон-

спирацiи, въ ванной. Затормозило дѣло, повидимому, исчезновенiе съ петербургскаго горизонта Уитворта: косвенный признакъ, что англiйскiя субсидiи играли въ движенiи бóльшую роль, чѣмъ допускаетъ большинство мемуаристовъ, изъ патрiотическихъ соображенiй. Несомнѣнно, что въ дни союза съ Англiей приближенные Павла получали отъ англiйскаго правительства не менѣе крупныя суммы, чѣмъ, въ свое время, приближенные Елизаветы Петровны: извѣстно, напримѣръ, что фаворитка Павла, Нелидова, въ одномъ случаѣ получила 30.000 рублей. Послѣ разрыва милости Англiи должны были перейти къ противникамъ павловскаго режима. Уитвортъ продолжалъ поддерживать сношенiя съ оппозицiонной петербургской знатью и изъ-за границы: особенно близокъ онъ былъ съ Зубовыми черезъ сестру екатерининскаго фаворита, Ольгу Александровну Жеребцову. Но дѣло, очевидно, должно было идти медленнѣе: притомъ же случайныя обстоятельства—смерть Рибаса, отставка и ссылка Панина (послѣдняя, можетъ быть, и не вполнѣ случайная)—разстроили первоначальный штабъ заговорщиковъ. На первый планъ среди нихъ теперь выдвинулся петербургскiй генералъ-губернаторъ Паленъ: но онъ, повидимому, возбуждалъ сильнѣйшее недовѣрiе въ великомъ князѣ Александрѣ и, кажется, не совсѣмъ неосновательно. Какъ разъ Паленъ и Беннигсенъ принадлежатъ къ числу такихъ фигуръ, поведенiе которыхъ, если мы исключимъ возможность англiйскихъ субсидiй, является совершенно загадочнымъ. Первый, петербургскiй генералъ-губернаторъ, фактическiй министръ иностранныхъ дѣлъ и главный начальникъ почтоваго вѣдомства (одинъ изъ важнѣйшихъ постовъ полицейскаго режима!)—былъ почти что временщикомъ; второй—типичный военный авантюристъ тогдашней бурной эпохи, казалось, готовъ былъ служить всякому, кто хорошо платитъ. Что за охота имъ была рисковать головой изъ-за интересовъ русскаго дворянства, съ которымъ оба были связаны весьма слабо? Если же предположить, что этого рода служба хорошо оплачивалась, не говоря уже о томъ, что она была прочнѣе службы Павлу, „исполненной случайностей", то неожиданно вспыхнувшiй въ нихъ русско-дворянскiй патрiотизмъ окажется явленiемъ довольно естественнымъ. Но того, кто продавался, можно было и перекупить: въ извѣстный моментъ Павелъ могъ оказаться болѣе выгоднымъ „заказчикомъ", и Паленъ продалъ бы Александра Павловича, какъ онъ раньше продавалъ его отца. Вполнѣ естественно, что Александръ желалъ видѣть рядомъ съ собою

Сыновнее благочестіе.

Картина «Сыновнее благочестіе», съ витіеватымъ аллегорическимъ содержаніемъ, имѣетъ на себѣ подпись: Peint par L-se Peron la Broui—Gravée par James Walker, graveur de Sa Maj. Imp. et membre de l'Acad. Imp. S. Petersbourg. Внизу картины, гравированной Валькеромъ *), читаются нижеслѣдующія объясненія на русскомъ и французскомъ языкахъ:

«Сыновнее благочестіе, Символъ *Императорскаю* обѣта, держитъ два медальона, изображающіе *Петра* III-го и *Екатерину* II-ую и идетъ вставить ихъ въ пирамиду, долженствующую служить памятникомъ дѣянія. *Императоръ* лобызаетъ урнъ, въ которомъ хранится прахъ *Петра* III-го и *Екатерины* II-й. Онъ сопровождаемъ мудростію, которая несетъ скиптръ и корону, спутствуютъ Ему *Правосудіе* и *Побѣда*, посреди ихъ находится Россійскій Геній. Соединенные народы созерцаютъ явленіе. Исторія вноситъ Его въ лѣтопись. Время въ теченіи своемъ подъимаетъ завѣсу и попускаетъ узрѣть внутренность Храма незабвенія, въ коемъ лежитъ открытая книга, а въ ней написано

ПАВЕЛЪ I.

На лицѣ жертвенника видна выпуклость, изображающая Петра I-го и Петра III-го, встрѣчающихъ Екатерину II-ую въ Елисейскихъ поляхъ».

«La Piété filiale, Symbole du Voeu de l'*Empereur*, tient deux Médaillons représentant *Pierre* III et *Cathérine* II et va Les attacher à la Pyramide qui doit servir de monument à L'action. L'Empereur embrasse L'Urne ou sont renfermées Les Cendres de Pierre III et de Cathérine II; il a pour Cortége La Sagesse qui porte le Sceptre et la Couronne; la justice et la Victoire L'accompagnet, au milieu d'elles est le Genie de la Russie. Les nations réunies Contemplent la Scène. L'histoire La con... gne dans ses fastes. Le temps dans sa Course Lève des Portes, laisse voir L'interieur du Temple de Mémoire ou est un Livre ouvert dans le quel est écrit

PAUL I-er.

Sur la face de l'Autel on voit un bas relief qui represente Pierre I-er et Pierre III-me... Cathérine II dans les champs Elisées. Dedié et presenté à Sa Majesté Paul I-er Empereur de toutes les Russies.

На заголовкѣ лѣтописи, которую пишетъ Исторія, читается заглавіе картины Piété filiale première action du regne de Paul I-er.

Картина посвящена и представлена императору Павлу I. Это—аллегорія въ стилѣ апоѳеоза; она должна была льстить самолюбію Павла, отражая обычное въ тѣ времена приниженное состояніе искусства, безъ критики воспѣвавшаго сомнительные въ государственномъ смыслѣ факты. «Сыновнее благочестіе» Павла позднѣйшіе историки оцѣнили иначе, чѣмъ современные ему художники; разсказывая о немъ, генералъ Шильдеръ прямо говоритъ, что «Павелъ сумѣлъ удивить даже своихъ приверженцевъ утонченными проявленіями злобы противъ истекшаго съ 1762 года тридцатипятилѣтія» (т. I, стр. 146, по 2-му изд.). Впрочемъ, и мемуаристъ Ф. Ф. Вигель записалъ: «Явно преслѣдуя память матери своей, новый императоръ съ особенною торжественностью поклонялся праху отца. Извлекая его изъ могилы, вѣнчая во гробѣ, онъ только воскресилъ неуваженіе къ сему забытому государю... Минерва въ баснословіи не имѣла матери, а сыну Минервы можно было бы забыть, что онъ имѣлъ отца». 19 ноября 1796 г. было приказано вынуть изъ могилы тѣло «бывшаго императора»

*) Джемсъ Валькеръ (род. въ Лондонѣ въ 1748 г.; † 1808 г.) пробылъ въ Петербургѣ съ 1785 г. по 1801 г.

Петра III, похороненнаго въ 1762 г. въ Александро-Невской Лаврѣ, и переложить въ новый великолѣпный гробъ, поставленный въ Благовѣщенской Церкви. 25 ноября царь короновалъ покойнаго родителя и собственноручно положилъ на гробъ императорскую корону. 2 декабря изъ Невскаго монастыря при 18-тиградусномъ морозѣ, потянулась въ Зимній Дворецъ траурная процессія съ тѣломъ Петра III, а за гробомъ шли пѣшкомъ въ глубокомъ траурѣ царь съ царицей и дѣтьми. По прибытіи шествія во дворецъ гробъ съ прахомъ Петра III былъ внесенъ въ большую залу и поставленъ на катафалкѣ въ особо устроенномъ великолѣпномъ castrum doloris рядомъ съ гробомъ императрицы Екатерины II. 5 декабря оба царскихъ гроба одновременно были перевезены въ Петропавловскій соборъ, гдѣ въ тотъ же день послѣдовало отпѣваніе, а 18 декабря похороны. Вотъ эта церемонія 19 ноября—18 декабря 1796 года, какъ прологъ въ царствованіе Павла, и послужила мотивомъ для «сыновняго благочестія», картины, въ которой восхваляется premèire action перваго россійскаго «главы церкви»... Закладку неприступнаго Михайловскаго замка 26 февраля 1797 г. можно было бы назвать deuxième action Павла, которое сдѣлалось свидѣтелемъ катастрофы 12 марта 1801 года и окружило извѣстной таинственностью имена Н. П. Панина, П. А. Палена и Л. Л. Бенигсена...

В. Стор.

„РУССКАЯ ИСТОРІЯ". Изд. Т-ва „МІРЪ".

людей, болѣе популярныхъ въ дворянскомъ обществѣ, участіе которыхъ являлось бы своего рода „страховкой", — и, пока этого не было, „обнаруживалъ нерѣшительность". Но екатерининская знать очень туго шла въ заговоръ. Ни одного изъ тѣхъ блестящихъ дворянскихъ именъ, которыя такъ часто попадаются потомъ на страницахъ исторіи Александра I, ни Воронцовыхъ, ни Румянцевыхъ, ни Разумовскихъ, ни Голицыныхъ, ни Строгановыхъ мы не встрѣчаемъ въ спискахъ извѣстныхъ намъ членовъ заговора. Ненавидя Павла, екатерининскіе магнаты очень не прочь были покончить съ нимъ руками наемныхъ нѣмцевъ. Александръ долженъ былъ удовольствоваться тѣмъ, что къ заговору, такъ сказать, офиціально, присоединились Зубовы; но и тѣ, съ своей стороны, потребовали перестраховки—права назвать въ рѣшительную минуту Александра всей массѣ заговорщиковъ. Не будь этого послѣдняго факта—засвидѣтельствованнаго такимъ компетентнымъ источникомъ, какъ мемуары Чарторыйскаго,—историки, вѣроятно, и до сихъ поръ спорили бы, участвовалъ непосредственно Александръ Павловичъ въ заговорѣ противъ своего отца, или только „догадывался". Благодаря Чарторыйскому мы знаемъ, что, идя 11 марта на императорскій дворецъ, заговорщики съ увѣренностью могли считать своимъ главою будущаго русскаго императора, и вопросъ можетъ быть только объ остальныхъ членахъ царской семьи. Императрица Марія Θедоровна не принадлежала, конечно, къ числу заговорщиковъ: два конкурирующихъ между собою лица не могли же быть главами одного и того же предпріятія. Но быстрота, съ которой она оказалась на мѣстѣ дѣйствія, и энергія, съ какой она, не теряя ни минуты, принялась за отстаиваніе своихъ правъ на россійскій престолъ, съ достаточной убѣдительностью доказываютъ, что она, во всякомъ случаѣ, была вполнѣ готова къ катастрофѣ. Нѣкоторые современники не чужды предположенія, что около нея группировался параллельный маленькій заговоръ, но Панинъ съ Паленомъ ее перехитрили, чѣмъ достаточно объяснялась бы лютая ненависть доброй императрицы къ обоимъ названнымъ дѣятелямъ. Участіе въ заговорѣ Константина Павловича почти такъ же не подлежитъ сомнѣнію, какъ и участіе самого Александра. Распоряженія, отдававшіяся имъ въ роковую ночь по состоявшему подъ его командой конногвардейскому полку, показываютъ, что онъ зналъ о переворотѣ по крайней мѣрѣ за нѣсколько часовъ: изъ этихъ распоряженій особенно характерно то, которое дѣлало для ненадежнаго, съ точки зрѣнія

заговорщиковъ, Саблукова физически невозможнымъ исполнять, какъ слѣдуетъ, обязанности начальника дворцоваго караула. Повидимому, кое-что подозрѣвалъ на этотъ счетъ и Павелъ, за нѣсколько часовъ до смерти приказавшій вовсе удалить изъ дворца конногвардейскій караулъ — одновременно съ „арестомъ“ Константина и Александра. И во всей трагедіи 11 марта нѣтъ болѣе ужаснаго момента, чѣмъ вопль задыхавшагося въ скарятинскомъ шарфѣ императора: „ваше высочество, пощадите! воздуху, воздуху!“ Онъ увидалъ въ толпѣ конногвардейскаго офицера—и былъ увѣренъ, что это его сынъ, цесаревичъ Константинъ Павловичъ...*).

На самомъ дѣлѣ, составъ „исполнителей“ былъ гораздо менѣе высокопоставленный. Глава заговора, правда, былъ представленъ своимъ адъютантомъ, Волконскимъ: подробность, пикантная въ томъ отношеніи, что традиція твердо усвоила Александру „отвращеніе“ къ убійцамъ его отца—между тѣмъ, у Александра Павловича всю его жизнь не было личнаго друга ближе Волконскаго. Кромѣ послѣдняго, къ „порядочнымъ“ людямъ принадлежали только Зубовы: характерно, что бывшій фаворитъ Екатерины оказался честнѣе фонъ-деръ-Палена, и пошелъ вмѣстѣ съ другими въ царскую спальню, когда „безкорыстный нѣмецъ“ остался позади, чтобы „наблюдать и поддерживать порядокъ“. Современники были убѣждены, что Паленъ готовился дѣйствительно арестовать Александра Павловича при малѣйшемъ признакѣ неудачи. Непосредственно „руками“ заговора,—за вычетомъ Николая Зубова, въ эту ночь совершенно пьянаго, по сло-

*) Личные мотивы, опредѣлившіе участіе членовъ царской семьи въ заговорѣ, не такъ легко вскрыть, въ то же время и большого историческаго интереса они не представляютъ. По общераспространенной версіи, Павелъ въ послѣдніе мѣсяцы своей жизни носился съ планомъ радикальнаго семейнаго переворота: онъ собирался развестись съ женою и заключить ее въ монастырь, Александра въ Шлиссельбургскую, а Константина въ Петропавловскую крѣпость. Планъ этотъ въ немъ будто бы поддерживалъ его камердинеръ Кутайсовъ, котораго Павелъ сдѣлалъ графомъ и андреевскимъ кавалеромъ и который имѣлъ больше вліянія въ государствѣ, чѣмъ всѣ министры. Подъ вліяніемъ Кутайсова находилась и послѣдняя фаворитка Павла, Гагарина, тогда какъ прежняя, Нелидова, дружила съ Маріей Ѳедоровной. Никакихъ доказательствъ существованія такого „заговора“ со стороны Павла и его челяди мы не имѣемъ, и вполнѣ возможно, что онъ былъ сочиненъ ad hoc заднимъ числомъ, для того, чтобы сколько-нибудь прилично мотивировать поведеніе императрицы и старшихъ великихъ князей. Не нужно забывать, что въ семейной жизни гораздо больше, чѣмъ въ политикѣ, рѣшающимъ моментомъ являлось сумасшествіе Павла—жизнь въ ежеминутномъ ожиданіи безумныхъ выходокъ, границъ которыхъ никто не могъ себѣ представить, была невыносимой пыткой. Затѣмъ, не нужно упускать изъ виду и того, что передъ 11 марта Павелъ все сильнѣе и сильнѣе началъ подозрѣвать, что противъ него что-то готовится, и тутъ дѣло, дѣйствительно, могло легко кончиться Шлиссельбургомъ. Не даромъ онъ самъ явно подготовлялъ себѣ наслѣдника въ лицѣ маленькаго принца Евгенія Виртембергскаго, племянника Маріи Ѳедоровны. Приходилось спѣшить...

вамъ большинства разсказчиковъ,—были весьма темные люди, имена которыхъ ничего не говорятъ читателю, даже хорошо знакомому съ исторіей эпохи. Тираноубійство могло быть окружено ореоломъ при иной обстановкѣ; но убить цѣлой толпой безоружнаго, полусоннаго человѣка (Павелъ былъ настолько спросонокъ, что не успѣлъ даже испугаться, при всей своей трусости, какъ очень характерно отмѣтилъ Саблуковъ) слишкомъ мало льстило самолюбію военныхъ людей, какими были почти всѣ заговорщики безъ исключенія. Чрезвычайно типично участіе въ самомъ актѣ убійства уже настоящаго лакея—камердинера Зубова, котораго баринъ привелъ съ собой: какъ истый феодалъ, онъ явился на мѣсто дѣйствія со своимъ „дворомъ". Вполнѣ достойнымъ вождемъ этого отряда былъ другой изъ честныхъ нѣмцевъ, Леонтій Леонтьевичъ Беннигсенъ. Кто видалъ превосходный портретъ Джорджа Дау (воспроизведенный при послѣднемъ изданіи мемуаровъ Беннигсена), тотъ никогда не забудетъ этого лица—идеальнаго воплощенія холодной жестокости. Современники приписывали Беннигсену рѣшительность и находчивость въ трудныя минуты. Ни того, ни другого онъ не обнаружилъ въ 1806—7 годахъ, когда командовалъ русскими войсками противъ Наполеона. Онъ былъ не изъ тѣхъ генераловъ, которые выигрываютъ сраженія, а изъ тѣхъ, которые, не моргнувъ глазомъ, разстрѣливаютъ или запарываютъ на смерть сотни людей. Смерти Павла, однако же, не хотѣлъ брать на свою душу даже онъ, и въ письмѣ къ близкому человѣку, непосредственно послѣ событія, онъ представлялъ дѣло такъ, что Павла убили совсѣмъ „нечаянно", притомъ въ его, Беннигсена, отсутствіе—онъ, будто бы, вышелъ распорядиться, оставивъ все въ полномъ порядкѣ и благополучіи, вернулся—Павелъ уже мертвъ. Достовѣрность этого разсказа, вѣроятно, не выше, чѣмъ разсказа того же Беннигсена о его побѣдахъ надъ Наполеономъ,—послѣ которыхъ русская армія неизмѣнно отступала, а французская шла впередъ. Зерно истины, какое есть въ показаніи Беннигсена, сводится, кажется, къ тому, что убійство Павла не было непосредственной цѣлью, какую ставили себѣ заговорщики: въ тысячу разъ „приличнѣе" было бы избавиться отъ него позже, когда онъ, отрекшійся отъ престола „бывшій" императоръ, жилъ бы въ какой-нибудь Ропшѣ, какъ Петръ III. Безъ соблюденія этого минимальнаго приличія дѣло принимало столь варварскій характеръ, что даже предшествовавшія гвардейскія революціи оказывались болѣе европейскими.

А никто не дорожилъ европейской внѣшностью такъ, какъ Александръ Павловичъ... Когда онъ увѣрялъ потомъ Чарторыйскаго, что убійство отнюдь не входило въ одобренную имъ программу заговора, этому можно повѣрить, основываясь не только на соображеніяхъ общечеловѣческой психологіи, но и на томъ, если такъ можно выразиться, этикетѣ дворцовыхъ переворотовъ, какой выработался въ теченіе XVIII-го вѣка. Чрезвычайно единодушныя показанія современниковъ не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что конецъ Павла былъ фатально ускоренъ той самой демагогіей, въ которой онъ искалъ гарантіи отъ дворянской мести. Заговорщики вынуждены были убить императора, потому что иначе ихъ самихъ перебили бы гвардейскіе солдаты.

Дворянская по составу офицерства, гвардія въ своей массѣ была къ 1801-му году несравненно демократичнѣе, нежели пятьюдесятью годами ранѣе. Законъ о „вольности дворянства“ и обычай записывать въ службу дѣтей сдѣлали свое— среди нижнихъ чиновъ гвардіи дворянъ теперь почти не было. Одинъ фактъ, относящійся какъ разъ къ царствованію Павла, подчеркиваетъ это обстоятельство: этотъ фактъ заключается въ сформированіи „дворянскаго“ полка—кавалергардовъ. Онъ долженъ былъ стать особенно-привилегированнымъ отрядомъ императорской гвардіи и, въ то же время, разсадникомъ кавалерійскихъ офицеровъ для всей арміи. И даже въ этой, по самому названію (chevaliers-gardes) дворянской части, около трети солдатъ были не дворяне. Смѣшеніе со старыми екатерининскими полками гатчинскихъ батальоновъ, гдѣ и среди офицерства трудно было найти человѣка изъ мало-мальски родовитой семьи, еще усилило этотъ демократизмъ павловской гвардіи. Офицеры и солдаты въ ней принадлежали уже къ различнымъ общественнымъ классамъ. И это внесло новую черту въ организацію заговора 1800—1801 года: прежніе были обще-гвардейскими, этотъ былъ исключительно офицерскимъ. Въ Семеновскомъ полку, которымъ командовалъ Александръ Павловичъ, въ заговоръ были посвящены всѣ, „до подпрапорщика включительно“: то-есть всѣ, кромѣ простыхъ солдатъ. „Генералъ Талызинъ“, разсказываетъ Чарторыйскій,—„командиръ Преображенскаго полка, одинъ изъ видныхъ заговорщиковъ, человѣкъ, пользовавшійся любовью солдатъ, взялся доставить во дворецъ, въ ночь заговора, батальонъ командуемаго имъ полка. Послѣ ужина у Зубовыхъ онъ собралъ батальонъ и обратился къ солдатамъ съ рѣчью, въ которой объявилъ людямъ, что тягость и стро-

гости ихъ службы скоро прекратятся, что наступаетъ время, когда у нихъ будетъ государь милостивый, добрый и снисходительный, при которомъ все пойдетъ иначе. Взглянувъ на солдатъ, онъ однако замѣтилъ, что слова его не произвели на нихъ благопріятнаго впечатлѣнія; всѣ хранили молчаніе, лица сдѣлались угрюмыми, и въ рядахъ послышался сдержанный ропотъ. Тогда генералъ прекратилъ упражненіе въ краснорѣчіи и суровымъ командымъ голосомъ вскричалъ: „полуоборотъ направо.—Маршъ!“, послѣ чего войска машинально повиновались его голосу. Батальонъ былъ приведенъ въ Михайловскій замокъ и занялъ всѣ выходы“. Конногвардейцы, которыхъ такъ не любилъ и боялся Павелъ, называвшій ихъ „якобинцами“ (извѣстенъ случай, какъ онъ, однажды, „сослалъ“ Конногвардейскій полкъ изъ столицы въ деревни Петербургской губерніи), отказывались присягнуть новому императору, пока имъ не покажутъ покойника: и только убѣдившись, что Павелъ „крѣпко умеръ“, „якобинцы“ пошли къ присягѣ. Уже когда о смерти Павла было всѣмъ извѣстно, солдаты очень хмуро привѣтствовали Александра—за исключеніемъ Семеновскаго полка, гдѣ любили своего шефа; но и въ семеновцахъ Александръ былъ настолько мало увѣренъ, что заставилъ Палена отложить на нѣсколько дней coup d'état, выжидая, пока дежурнымъ будетъ 3-й батальонъ, единственный, на который онъ могъ вполнѣ разсчитывать. Это сознаніе ненадежности солдатъ все время не оставляло руководителей заговора—ставя подъ вопросъ всѣ ихъ расчеты. Чарторыйскій, писавшій со словъ людей, ближе всего посвященныхъ въ дѣло,—въ томъ числѣ самого Александра Павловича,—говоритъ объ этомъ вполнѣ опредѣленно: „императору Павлу было бы легко справиться съ заговорщиками, если бы ему удалось вырваться изъ ихъ рукъ хотя на минуту и показаться войскамъ. Найдись хоть одинъ человѣкъ, который явился бы отъ его имени къ солдатамъ,—онъ былъ бы, можетъ быть, спасенъ, а заговорщики арестованы. Весь успѣхъ заговора заключался въ быстротѣ выполненія“. Причины популярности „тирана“ среди солдатъ весьма обстоятельно выясняетъ тотъ же Чарторыйскій: мы воспользуемся болѣе короткой формулировкой Беннигсена—въ данномъ случаѣ не подозрительнаго, ибо онъ передаетъ здѣсь общее мнѣніе. „Несомнѣнно, что императоръ никогда не оказывалъ несправедливости солдату и привязалъ его къ себѣ, приказывая при каждомъ случаѣ щедро раздавать мясо и водку въ петербург-

скомъ гарнизонѣ". Преображенскій караулъ и готовъ былъ вспомнить царскую ласку въ почь 11 марта, хотя офицеры-заговорщики приняли всѣ мѣры, чтобы подтасовать его составъ: на эту ночь въ него были назначены почти исключительно бывшіе солдаты только что раскассированнаго Павломъ лейбъ-гренадерскаго полка. Въ самую критическую минуту, когда Платонъ Зубовъ тщетно уговаривалъ Павла подписать отреченіе, въ передней императорскаго кабинета послышался страшный шумъ; на самомъ дѣлѣ этотъ шумъ произвела вновь подвалившая толпа участниковъ заговора; но бывшіе вокругъ Павла заговорщики, ежеминутно ожидавшіе появленія солдатъ ему на выручку, вообразили, что все кончено,—и поспѣшили прикончить свою жертву.

То, что непосредственно послѣдовало за этимъ, достаточно объясняетъ реакцію, возникшую въ душѣ молодой императрицы, такъ легкомысленно восхищавшейся ранѣе революціями, знакомыми ей только по книжкамъ. Она увидала теперь воочію, чѣмъ бываетъ дворянская революція въ Россіи. Первое, чѣмъ ознаменовали свою побѣду заговорщики, было разбитіе погребовъ Михайловскаго замка. Идя „убивать тирана" выпили, для храбрости, только офицеры—теперь была пьяна вся гвардія, безъ изъятія. Выйдя изъ своей комнаты, Елизавета Алексѣевна очутилась въ толпѣ пьяныхъ людей, которые хватали ее за руки, цѣловали эти руки, чуть не цѣловали ее самое. И среди всего этого бѣсновалась старая императрица, въ сотый разъ доказывая свои права глумившимся надъ нею гвардейскимъ часовымъ: бѣдная Марія Ѳеодоровна никакъ не могла отдѣлаться отъ своего нѣмецкаго акцента, и это казалось ея пьянымъ слушателямъ всего забавнѣе. Никогда, даже въ дни лейбъ-кампаніи, царскій дворецъ не былъ театромъ подобной оргіи. Александръ и Константинъ поспѣшили бѣжать изъ этого мѣста, одинаково страшнаго и отвратительнаго въ ту минуту. Д. Х. Ливенъ сохранила въ своихъ запискахъ эту историческую картину: одинокій возокъ, безъ свиты, безъ конвоя мчащійся глухою ночью по улицамъ Петербурга—и въ немъ забившіеся, дрожащіе отъ ужаса, новый императоръ и его братъ. Только въ зимнемъ дворцѣ Александръ Павловичъ нѣсколько пришелъ въ себя. А разливанное море, изъ стѣнъ дворца убитаго императора, начало растекаться по всему городу. Торговцы иностранными винами, уже видѣвшіе себя наканунѣ банкротства, благодаря прекращенію балтійской торговли, на радостяхъ выкатили бочки на всѣ перекрестки—и скоро было пьяно все, что хотѣло

напиться. Долго не могло улечься „народное ликованіе“, и уже на слѣдующее утро гр. Головина изъ окна своего дома могла созерцать сцену, символизировавшую въ одномъ образѣ общее настроеніе: пьяный гусарскій поручикъ ѣхалъ верхомъ вскачь по тротуару, крича, что теперь „все позволено“! *) Но пока „народъ“ ликовалъ, правящіе круги должны были заняться устраненіемъ политическихъ результатовъ только что трагически закончившагося царствованія. Всего настоятельнѣе это было нужно въ области внѣшней политики, которая явилась ближайшимъ поводомъ катастрофы. „Примиреніе Россіи съ Англіей было непосредственнымъ результатомъ смерти Павла“, говоритъ Чарторыйскій. „Война съ этой державой, издавна богатѣйшимъ рынкомъ для русскаго желѣза, хлѣба, строевого лѣса, сѣры и пеньки, болѣе всего возстановила общественное мнѣніе противъ покойнаго императора. Послѣ его смерти нужно было, во что бы то ни стало, положить войнѣ конецъ. Наскоро состряпали соглашеніе, на которомъ явственно отразилось стремленіе заключить миръ какъ можно скорѣе, во что бы то ни стало. Интересы морскихъ союзниковъ Россіи не обратили на себя должнаго вниманія **), и капитальные пункты, ограждавшіе права нейтральнаго флага, были обойдены молчаніемъ или выражены неясно. Прекращеніе враждебныхъ дѣйствій было все, чего хотѣли добиться возможно скорѣе“. Въ Лондонѣ о событіи 11 марта стало извѣстно чуть не на другой день— Жеребцова сообщила о немъ Уитворту съ быстротой, почти непостижимой въ эпоху, не знавшую телеграфа. Со своей стороны, англичане настолько видѣли въ начинавшейся войнѣ личное дѣло Павла, что, получивъ извѣстіе о его смерти, главнокомандующій англійскимъ флотомъ въ Балтикѣ, Нельсонъ, не дожидаясь формальнаго перемирія, пришелъ со своими кораблями въ Ревель—запасаться тамъ прѣсной водой и съѣстными припасами. Ревельскій комендантъ до смерти перепугался, вообразивъ, что англичане собираются бомбардировать городъ и дѣлать высадку,—а въ Петербургѣ обидѣлись, что Нельсонъ до такой степени пренебрегъ всякими дипломатическими приличіями. Англичанъ приняли очень холодно и потомъ должны были послать имъ въ догонку адми-

---

*) Souvenirs de la comtesse Golovine, Paris 1910. Воспоминанія императрицы Елизаветы Алексѣевны о ночи 11—12 марта, записанныя Головиной съ ея словъ, составляютъ лучшія страницы этой части „Записокъ“.

**) Англичане только что уничтожили тогда датскій флотъ, заграждавшій имъ входъ въ Балтійское море.

рала Чичагова съ извиненіями. Разсказъ о томъ, какъ Чичаговъ ощупью искалъ Нельсона по Финскому заливу—и нашелъ, наконецъ, къ собственному своему удивленію, только благодаря густому туману,—принадлежитъ къ числу курьезнѣйшихъ страницъ въ исторіи русскаго флота. Какъ бы то ни было, тутъ дѣло было рѣшено скоро и радикально—понадобился разгромъ Россіи Наполеономъ и Тильзитскій миръ, чтобы заставить Александра Павловича въ этой области пойти по стопамъ своего отца. Совсѣмъ иначе пошло дѣло въ области политики внутренней: здѣсь, послѣ нѣкотораго топтанія на одномъ мѣстѣ, съ сущности вовсе ничего не было сдѣлано, и Александръ Павловичъ, несмотря на чрезвычайно демонстративныя заявленія своей не-солидарности съ предшествующимъ царствованіемъ, остался на колеѣ, проложенной еще въ послѣдніе годы царствованія Екатерины и съ такимъ рвеніемъ пробивавшейся далѣе Павломъ. Объективныя условія, создавшія концентрацію крѣпостного режима, оказались сильнѣе общественной психологіи.

---

2. „Молодые друзья".

Съ этой психологіей связанъ, впрочемъ, цѣлый рядъ недоразумѣній, которыя начали разсѣиваться лишь въ самые послѣдніе годы, хотя матеріалъ для ихъ разъясненія, отчасти, существуетъ уже давно. Конечно, для того, чтобы нарисовать себѣ во весь ростъ россійскій либерализмъ „дней Александровыхъ прекраснаго начала", понадобилось знакомство съ подлинными дневниками Строганова, опубликованными лишь въ началѣ текущаго столѣтія. Но уже мемуары Чарторыйскаго, напечатанные еще въ 80-хъ годахъ прошлаго вѣка, давали такую превосходную характеристику „топтанія на одномъ мѣстѣ", что послѣ нихъ говорить серьезно о „реформахъ первыхъ лѣтъ царствованія Александра I" можно было лишь при очень большой предвзятости въ пользу всякихъ реформъ, хотя бы онѣ ограничивались переобмундированіемъ русскихъ чиновниковъ на англійскій ладъ. Не нужно забывать, что Чарторыйскій принадлежалъ къ числу ближайшихъ сотрудниковъ Александра въ этихъ „реформахъ"—а по уму былъ самымъ крупнымъ изъ всего кружка *), не исключая, конечно, и самого императора. Если этотъ чело-

*) Кромѣ Чарторыйскаго, къ нему принадлежали, какъ извѣстно, Строгановъ, Новосильцевъ и Кочубей.

вѣкъ, вовсе притомъ не желавшій злословить, стремившійся, напротивъ, представить злосчастныя „реформы“ въ возможно болѣе выгодномъ свѣтѣ, не могъ припомнить ни одного факта въ ихъ пользу, кромѣ того, что „теперь лучше была организована продажа соли“—и въ концѣ-концовъ долженъ былъ признаться, что „дѣло шло“ главнымъ образомъ о томъ, чтобы „ввести въ новую администрацію молодыхъ друзей императора“ *), то, значитъ, вообще сказать было нечего. „Молодымъ друзьямъ“—это до послѣдней очевидности ясно изъ мемуаровъ Чарторыйскаго—нечего было сказать не только послѣ, ретроспективно оцѣнивая результаты своей дѣятельности, но даже и въ разгаръ этой послѣдней. Когда имъ понадобилось развернуть свою платформу передъ императоромъ, они выпустили впередъ старика Семена Воронцова, а тотъ, въ свою очередь, не сумѣлъ сказать ничего, кромѣ повторенія старыхъ щербатовскихъ разсужденій о сенатѣ и его значеніи. Это могло быть недурно въ дни комиссіи 1767 года—но послѣ французской революціи, послѣ конституціи 1791 года, которую даже и Александръ читалъ въ подлинникѣ, этого было маловато... Между тѣмъ Воронцовъ такъ и не могъ съѣхать со своего сената. „Каждая фраза графа Семена начиналась и кончалась сенатомъ, и, когда онъ не зналъ, что сказать и что отвѣчать, онъ повторялъ одно и то же, ничего не прибавляя..... Намъ казалось, что потомъ императоръ даже и во снѣ долженъ былъ слышать голосъ, кричавшій ему на ухо: „сенатъ! сенатъ!“ Въ этой аффектаціи было что-то смѣшное и неуклюжее, что должно было охладить императора, вмѣсто того, чтобы одушевить его“ **).

Звучащая въ послѣднихъ словахъ ироническая нотка должна какъ будто внушить читателю, что у самихъ „молодыхъ друзей“ имѣлось въ запасѣ что-то лучшее старыхъ „монархическихъ“ разсужденій. Было бы очень опасно поддаваться этому внушенію: для самаго радикальнаго изъ друзей Александра, для „русскаго якобинца“ Строганова, одна старая записка Безбородки, который „зналъ своего Монтескье наизусть“, казалась верхомъ политической премудрости. „Ограниченіемъ (произвола) должны быть учрежденія уже существующія“ писалъ Строгановъ въ своемъ „общемъ планѣ работы съ императоромъ надъ реформою“. „Создать новый порядокъ вещей для этой цѣли мнѣ казалось бы очень опас-

*) Mémoires I, pp. 317 et 319.
**) Ibid., 304—5.

нымъ, и, давъ нѣкоторый блескъ и кое-какія (quelques) привилегіи учрежденіямъ старымъ, можно было бы, кажется мнѣ, создать изъ нихъ преграду (для произвола) вполнѣ достаточную. Бумага князя Безбородки даетъ въ этомъ отношеніи канву для всего, чего только можно пожелать". „Мой принципъ", поясняетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, „измѣнять вещи, а не слова, и облекать нововведенія въ старый костюмъ, такъ, чтобы не поражать ими никого и чтобы перемѣну замѣтили тогда, когда къ ней уже привыкли". Необычайно длинная, и даже теперь, спустя сто лѣтъ, въ чтеніи, необычайно скучная канитель съ такими элементарными „нововведеніями", какъ разрѣшеніе покупать землю не-дворянамъ или запрещеніе продавать людей безъ земли (въ сущности, воспроизводившее лишь знаменитый указъ Петра, никогда не исполнявшійся), ставитъ искренность словъ Строганова внѣ всякихъ сомнѣній: новое одѣвали въ старый костюмъ такъ старательно, что, будь воля „молодыхъ друзей", кромѣ этого стараго костюма, отъ „нововведеній", пожалуй, ничего бы и не осталось. Къ счастію, въ дѣло вмѣшивались иногда „старики", въ родѣ Мордвинова, Румянцева, даже (кто бы подумалъ?) Платона Зубова. Благодаря первому въ Россіи была узаконена—фактически существовавшая, конечно, и ранѣе—буржуазная земельная собственность (указъ 12 декабря 1801 г., разрѣшавшій купцамъ, мѣщанамъ и казеннымъ крестьянамъ покупать землю). Благодаря второму законъ впервые призналъ за крестьяниномъ право „никому не принадлежать"—ни частному лицу, ни казнѣ, право, впрочемъ, чисто принципіальное, ибо осуществленіе его зависѣло отъ тѣхъ, кому крестьяне принадлежали въ настоящій моментъ (такъ называемый „законъ о вольныхъ хлѣбопашцахъ", 20 февраля 1803 г.). Платонъ Зубовъ едва не сдѣлался виновникомъ ограниченія барскаго произвола относительно дворовыхъ—но этому, слишкомъ смѣлому, нововведенію „молодые друзья" успѣли помѣшать во-время. Ихъ аргументація противъ опасныхъ новшествъ отличалась безукоризненной логикой. По поводу проекта—запретить или ограничить продажу крестьянъ безъ земли, „на вывозъ" (при данныхъ условіяхъ одно изъ главныхъ средствъ помѣщичьей колонизаціи, свободу которой, въ сущности, и отстаивали „молодые друзья"), кто-то изъ нихъ разсуждалъ: „этотъ обычай, какимъ бы варварскимъ, какимъ бы отвратительнымъ онъ ни былъ, связанъ съ общимъ порядкомъ вещей,—то-есть, съ положеніемъ крестьянина по отношенію къ его барину. Какъ тронуть одну изъ вѣтвей,

не видя ея связи со стволомъ?... Мѣра этого рода не можетъ быть введена, не задѣвая различныхъ интересовъ, если уничтожить ее (продажу безъ земли) вовсе; можетъ быть, при помощи распоряженій общаго характера, удалось бы обуздать этотъ обычай и искоренить его нечувствительно, задѣвая (эти интересы) возможно менѣе" *). За то, когда имъ самимъ пришлось заняться вопросомъ объ эмансипаціи, оказалось, что дальше оброчнаго мужика они ничего себѣ представить не въ состояніи, такъ что, опять-таки, старикъ Мордвиновъ, съ его „буржуазными" проектами крестьянской реформы — необычайно крѣпостническими на современный взглядъ—былъ куда впереди ихъ **).

На самомъ дѣлѣ „молодые друзья" хлопотали, главнымъ образомъ, о двухъ вещахъ: во-первыхъ, о томъ, чтобы никто не отбилъ у нихъ монополіи личнаго вліянія на императора: для этой цѣли они ревниво оберегали двери своего „негласнаго комитета" отъ вторженія постороннихъ и облекали его, чрезвычайно невинныя, занятія покровомъ непроницаемой тайны ***); во-вторыхъ — получить мѣста, не просто мѣста съ жалованьемъ, конечно: они были люди богатые,—а мѣста, которыя давали бы имъ вліяніе въ администраціи. Чарторыйскій откровенно признается, что должности товарищей министровъ были созданы спеціально для „молодыхъ друзей", то-есть безъ всякой, въ сущности, надобности для дѣла. Это его подлинныя слова: имѣя смѣлость повести свои догадки дальше его прямыхъ признаній, мы не сдѣлаемъ слишкомъ большой неосторожности, если предположимъ, что и пресловутое „образованіе министерствъ" (8 сентября 1802 г.) имѣло одной изъ своихъ задачъ такую перетасовку правящаго персонала, послѣ которой надъ „молодыми друзьями" оказывались бы или нули, или люди, имъ сочувствующіе. Ихъ вліяніе, такимъ образомъ, стало прочно, и не было больше надобности играть въ заговорщиковъ. Всѣ другіе, обычно приводимые, мотивы гораздо менѣе объясняютъ дѣло. О замѣнѣ коллегіальнаго начала личнымъ могутъ говорить лишь люди, не имѣющіе понятія о русской административной практикѣ XVIII вѣка. Коллегіи съ самаго начала были пу-

*) См. В. Кн. Николай Михайловичъ, „Гр. П. А. Строгановъ", II, стр. 11, 34—5, 134 и др.

**) См. Ibid. „De la fixation de l'état des paysans", стр. 43 и сл. Ср. нашъ очеркъ въ „Исторіи Россіи въ XIX в." т. I, стр. 34.

***) См. „Строгановъ", стр. 22 „La base générale... le secret". См. особ. стр. 12, — спеціальное разсужденіе о томъ, какъ опасно припускать къ дѣлу чужихъ людей.

стой формой, и на самомъ дѣлѣ президенты этихъ коллегій, имѣвшіе непосредственный докладъ у императрицы, уже при Екатеринѣ II являлись настоящими министрами, не говоря уже о томъ, что функціи теперешнихъ министровъ юстиціи, внутреннихъ дѣлъ и финансовъ были и юридически въ рукахъ одного лица, генералъ-прокурора. Фактически послѣдній являлся премьеромъ, въ теперешнемъ смыслѣ слова, поскольку у него не оспаривали этого положенія такіе фавориты, какими были Потемкинъ и Зубовъ. При Павлѣ „личное начало“ было проведено такъ далеко, какъ только возможно—при немъ появилось и самое званіе „министра“ (министръ удѣловъ), и былъ составленъ тотъ планъ министерствъ, который былъ адоптированъ, въ концѣ-концовъ, „молодыми друзьями“. Прибавимъ, что павловскій режимъ — управленіе черезъ двухъ-трехъ довѣренныхъ лицъ — все время продолжалъ господствовать и при Александрѣ, несмотря на существованіе министерствъ: до первой войны съ Наполеономъ все, фактически, было въ рукахъ тріумвирата „дѣятелей“ (faiseurs), какъ называли тогда въ салонахъ Петербурга Чарторыйскаго, Новосильцева и Строганова; послѣ первой войны — въ рукахъ Сперанскаго по гражданской части и Аракчеева по военной, а въ концѣ царствованія—въ рукахъ Аракчеева по всѣмъ частямъ. „Кабинета“ въ англійскомъ смыслѣ, о которомъ теоретически мечталъ Новосильцевъ, никогда не было—по той простой причинѣ, что кабинетъ опирается на партійную организацію, а смѣнявшіяся около Александра мелкія котеріи никогда не выражали собою мнѣнія даже придворныхъ круговъ въ широкомъ смыслѣ, не только что какого-нибудь теченія за предѣлами двора. Если ихъ политика была все же классовой, то потому лишь, что ихъ члены были представителями опредѣленнаго общественнаго класса и не могли вылѣзти изъ своей соціальной кожи, какъ и изъ кожи физической. Это даетъ извѣстную физіономію „реформамъ первыхъ лѣтъ“: всѣ онѣ, начиная съ проектовъ превращенія всѣхъ крестьянъ въ оброчные и кончая проектами превратить сенатъ въ нѣкоторое подобіе палаты лордовъ, носятъ на себѣ явный отпечатокъ взглядовъ и интересовъ *крупной знати*. Съ этой точки зрѣнія, образованіе комитета министровъ, вѣроятно, уже напомнило читателю „верховныхъ господъ“ петровской эпохи. Но была и огромная разница: тогда „верховные господа“, въ союзѣ съ буржуазіей, представляли собою крупнѣйшую *прогрессивную* силу; теперь „молодые друзья“ и ихъ старые совѣт-

ники были силой, несомнѣнно, реакціонной. Послѣ-пугачевской помѣщичьей Россіи, вкусившей отъ сладости новаго барщиннаго хозяйства, рѣкою лившаго золото въ дворянскіе карманы, не нужно было ни оброчнаго мужика (всегда вѣдь, какъ мы знаемъ, „утаивавшаго“ свои доходы отъ барина), ни аристократической конституціи, стѣснявшей центральную власть. Для того, чтобы вести хозяйство по-новому, нуженъ былъ крѣпостной мужикъ, порабощенный больше, чѣмъ когда бы то ни было, и желѣзный полицейскій порядокъ, который обезпечивалъ бы власть барина надъ этимъ мужикомъ. Это, немного лѣтъ спустя, и объяснилъ Александру Карамзинъ въ самой доступной формѣ. „Равнодушіе“ дворянства къ „преобразовательнымъ планамъ“ Александра объясняется ничѣмъ другимъ, какъ тѣмъ, что для дворянства въ цѣломъ эти планы были болѣе чѣмъ излишними. Передовыя группы новаго дворянства, „помѣщиковъ-предпринимателей“, были бы, можетъ быть, не прочь отъ буржуазной конституціи: проекты Сперанскаго и позже декабристовъ представляли собою эхо чаяній и ожиданій этого дворянскаго авангарда. Но тутъ поперекъ дороги стала та же старая знать: безсильная создать что-нибудь положительное, она отнюдь не желала дѣлиться властью съ россійскимъ „сельскимъ сквайромъ“, который умѣлъ разводить коноплю и пшеницу, но Монтескье не зналъ не только наизусть, какъ Безбородко, а нерѣдко и по имени. Знаменитая характеристика Строганова относится именно къ этому провинціальному дворянству *). Планъ Сперанскаго рухнулъ подъ напоромъ придворныхъ круговъ и они же, эти круги, явились свирѣпыми судьями декабристовъ. Что масса не поддержала своего авангарда, это болѣе чѣмъ естественно: масса всегда довольствуется минимумомъ. А минимумомъ для дворянской массы, какъ цинически, но вѣрно выразилъ Карамзинъ, были хорошіе губернаторы: еще проще говоря, хорошая — съ помѣщичьей точки зрѣнія — полиція. Со всѣмъ остальнымъ можно было повременить. Только грубое вмѣшательство въ непосредственную хозяйственную практику помѣщика могло въ эту пору всколыхнуть среднее дворянство и, на минуту, солидаризировать его съ аристо-

---

*) „Дворянство у насъ состоитъ изъ нѣкотораго количества людей, которые сдѣлались благородными только благодаря службѣ, которые не получили никакого воспитанія и которые, по всему своему міросозерцанію, неспособны представить себѣ, чтобы что-нибудь могло быть выше императорской власти. Ни право, ни судъ — ничто не можетъ зародить въ нихъ идею хотя бы о самомалѣйшемъ сопротивленіи! Это—классъ самый невѣжественный, самый грязный и умъ котораго наиболѣе ограниченъ. Такова приблизительная картина дворянства, живущаго въ деревняхъ“. „Гр. П. А. Строгановъ“, II, стр. 111.

кратическими верхами. Такъ было въ послѣдніе мѣсяцы царствованія Павла; такъ случилось въ концѣ первыхъ лѣтъ царствованія его сына: и въ томъ, и въ другомъ случаѣ почвой была внѣшняя политика.

Какъ видимъ, „реформы первыхъ лѣтъ Александра I“ для своего объясненія совсѣмъ не нуждаются въ личности того, чье имя онѣ носятъ. Оставляя совершенно въ сторонѣ вопросъ о „роли личности въ исторіи“, мы можемъ игнорировать Александра Павловича этого періода просто потому, что онъ былъ тогда—извиняемся за плохой каламбуръ—совершенной безличностью. Собственныя убѣжденія у Александра сложились постепенно, въ результатѣ его жизненнаго опыта, уже какъ императора, приблизительно ко второму десятилѣтію XIX вѣка. Особенно повліяла на него въ этомъ отношеніи послѣдняя борьба съ Наполеономъ (1812—15 гг.). Въ 1801—1805 годахъ это былъ недоучившійся ученикъ отчасти Лагарпа, отчасти своего отца—„наполовину швейцарскій гражданинъ, наполовину прусскій капралъ“, по ядовитому, но мѣткому замѣчанію Чичагова, который имѣлъ случай наблюдать его очень часто именно въ этотъ періодъ его жизни. И едва ли тотъ же Чичаговъ придумалъ фразу, вырвавшуюся въ его присутствіи у Александра, въ минуту откровенности: „Господи! какъ меня пугаетъ эта огромная отвѣтственность и затрудненія, окружающія меня со всѣхъ сторонъ! Какъ бы я былъ счастливъ, если бы у меня было пятьдесятъ тысячъ рублей дохода, да хорошій полкъ, которымъ я могъ бы командовать, вмѣсто этой огромной страны и столькихъ народностей, которыми я долженъ управлять!“ Отъ отцовскихъ уроковъ у него твердо засѣла въ памяти важность „выпушекъ, погончиковъ и петличекъ“: онъ цѣлые дни просиживалъ въ комитетахъ, обсуждавшихъ новую форму кивера или ботфортовъ, въ то время какъ статсъ-секретарь у принятія прошеній, Муравьевъ, по мѣсяцамъ не могъ добиться аудіенціи. Мундиpоманія свирѣпствовала такъ же, какъ при Павлѣ, ни мало не стѣсняемая проектами конституціи: и въ то время какъ послѣдніе оставались на бумагѣ, новые проекты мундировъ немедленно становились самой живой дѣйствительностью. Послѣднимъ словомъ въ этой области были тонкія, „осиныя“ тальи (мы помнимъ, какое значеніе придавалъ имъ еще Скалозубъ): забота о нихъ доводила офицеровъ до того, что они на смотру, какъ барышни на балу, падали въ обморокъ отъ туго перетянутаго корсета. Отъ Лагарпа Александръ Павловичъ усвоилъ отвращеніе къ рабству, при чемъ, судя по мотивировкѣ, которую онъ выдви-

нулъ въ одномъ засѣданіи негласнаго комитета, и павловская традиція играла тутъ свою роль. Полицейскій мотивъ — возможность новой пугачевщины — въ этой его аргументаціи былъ на первомъ планѣ. Но именно этотъ полицейскій мотивъ — мы увидимъ это подробнѣе на исторіи „негласныхъ комитетовъ" Николая Павловича — въ корнѣ подсѣкалъ самую идею эмансипаціи: какъ только разнеслась вѣсть о намѣреніяхъ императора, крестьяне немедленно начали „бунтовать", т.-е. подавать на высочайшее имя жалобы на своихъ помѣщиковъ; и этого было, разумѣется, довольно, чтобы всякіе разговоры объ освобожденіи крестьянъ заглохли на нѣсколько лѣтъ. Такимъ образомъ, новый мундиръ такъ и остался единственнымъ образчикомъ индивидуальнаго воздѣйствія молодого императора на судьбы его страны.

Не больше „личностью" былъ въ эти годы Александръ Павловичъ и въ своей внѣшней политикѣ. Въ старой литературѣ упорно держался взглядъ, перешедшій и въ учебники, что молодой императоръ вступилъ на престолъ, одушевленный необычайно широкими и гуманными, хотя немного неопредѣленными, воззрѣніями на свою международную роль. Онъ, будто бы, видѣлъ въ себѣ охранителя всеевропейскаго мира и „началъ христіанскихъ" въ отношеніяхъ между государями Европы, которыхъ онъ разсматривалъ, какъ членовъ одной семьи. Въ пользу этого взгляда цитировались и коекакіе документы — вполнѣ подлинные. Только они вышли изъ-подъ пера не самого Александра, а его тогдашняго министра иностранныхъ дѣлъ *), Чарторыйскаго, который преслѣдовалъ, дѣйствительно, нѣкоторую идеальную цѣль, но не совсѣмъ ту, какую приписывали внѣшней политикѣ Александра позднѣйшіе историки. „Я хотѣлъ бы", пишетъ въ своихъ мемуарахъ Чарторыйскій, „чтобы Александръ сдѣлался, нѣкоторымъ образомъ, третейскимъ судьей цивилизованнаго міра; чтобы онъ былъ покровителемъ слабаго и угнетеннаго, стражемъ справедливости въ международныхъ отношеніяхъ; чтобы его царствованіе, однимъ словомъ, начало собою новую эру въ европейской политикѣ, которая должна была впредь быть основана на общемъ благѣ и на правѣ каждаго". Какая сентиментальность, скажетъ читатель. Вовсе нѣтъ: Чарторыйскій былъ все, что угодно, но только не сентиментальный фантазеръ. Можно сказать, что вся жизнь этого замѣчательнаго человѣка била въ одну точку: „моя система",

*) Номинально товарища министра, но фактически онъ былъ руководителемъ русской иностранной политики до 1806 года.

говоритъ онъ, „своимъ основнымъ принципомъ устраненія всѣхъ несправедливостей необходимо вела къ постепенному возстановленію Польши. Но, чтобы не натолкнуться сразу же на трудности, которыя неизбѣжно должна была встрѣтить дипломатія, столь противоположная укоренившимся взглядамъ, я избѣгалъ произносить имя Польши. Идея ея возстановленія подразумѣвалась всѣмъ смысломъ моей работы, всѣмъ тѣмъ направленіемъ, какое я хотѣлъ придать русской политикѣ; я говорилъ только о постепенномъ освобожденіи народовъ, несправедливо лишенныхъ ихъ политическаго существованія; я не боялся назвать грековъ и славянъ: все это было какъ нельзя болѣе согласно съ желаніями и мнѣніями русскихъ; но, косвенно, все это было приложимо также и къ Польшѣ". Александръ не былъ въ числѣ обманываемыхъ: онъ былъ посвященъ въ планы своего министра. Ему, безъ сомнѣнія, льстило быть спасителемъ, избавителемъ, добрымъ геніемъ всѣхъ угнетенныхъ, въ томъ числѣ и поляковъ; но иниціатива этого „красиваго жеста" принадлежала совсѣмъ не ему, и неизвѣстно, добрался ли бы онъ до этой идеи собственными средствами. Еще менѣе можно усвоить этой головѣ, „посредственной во всѣхъ отношеніяхъ", тотъ тонко разсчитанный макіавелизмъ, съ какимъ Чарторыйскій стремился сдѣлать слугою своего дѣла ни болѣе, ни менѣе, какъ Англію. „Самое могучее оружіе, какимъ пользовались до сихъ поръ французы и которымъ они еще грозятъ всѣмъ странамъ, это общее убѣжденіе, которое они сумѣли распространить, что ихъ дѣло есть дѣло свободы и счастія народовъ", читаемъ мы въ секретной инструкціи Новосильцеву, посланному, за спиною офиціальной дипломатіи, вести переговоры съ Питтомъ: инструкціи, подписанной Александромъ, но написанной, конечно, его министромъ. „Стыдно было бы за человѣчество, если бы дѣло, столь прекрасное, приходилось разсматривать, какъ собственность правительства, которое ни въ какомъ отношеніи не заслуживаетъ быть его защитникомъ; было бы опасно для всѣхъ государствъ оставлять долѣе за французами явную выгоду казаться таковымъ. Благо человѣчества, истинный интересъ законныхъ властей и успѣхъ предпріятія, задуманнаго обѣими державами, требуютъ, чтобы онѣ вырвали изъ рукъ французовъ это страшное оружіе и, завладѣвши, воспользовались имъ противъ нихъ самихъ".

Итакъ, политическая свобода должна была стать оружіемъ въ рукахъ державъ стараго порядка („законныхъ вла-

стей“) противъ уже не республиканской, но все еще символизировавшей въ глазахъ міра революцію Франціи. Трудно найти въ исторіи дипломатическихъ отношеній что-нибудь равное этой международной зубатовщинѣ: и, нужно сказать, ничто не было усвоено Александромъ Павловичемъ лучше. Чарторыйскій нашелъ не весьма, правда, благодарнаго, но чрезвычайно памятливаго ученика: конституціи Финляндіи и Польши, рядомъ съ аракчеевщиной въ самой Россіи, находятъ себѣ въ инструкціи Новосильцеву столь полное объясненіе, какого только можно желать. Для непосредственной цѣли переговоровъ—англо-русскаго союза—зубатовщина была, правда, излишней роскошью: еще за годъ до миссіи Новосильцева англичане со своей стороны употребляли всѣ усилія, чтобы сдѣлать Россію своей союзницей въ войнѣ съ Франціей. „Англичане стараются здѣсь со своей обычной энергіей и своими обычными средствами подкупить русское правительство“, писалъ весною 1803 года Талейрану французскій посланникъ въ Петербургѣ, Эдувиль. „Англійскимъ негоціантамъ, Торнтону и Байму, живущимъ въ Петербургѣ, поручено ихъ правительствомъ предоставить въ распоряженіе адмирала Уорена (англійскаго посланника) отъ 60 до 70 тысячъ фунтовъ стерлинговъ, 40.000 уже трасированы на Лондонъ, и остальныя тоже трасируютъ немедленно. Полагаютъ, что эти суммы предназначены главнымъ особамъ при дворѣ, которыхъ Англія хочетъ привязать къ себѣ во что бы то ни стало“. Когда Новосильцевъ явился къ Питту, англійскій министръ немедленно перевелъ бесѣду на столь же реалистическую почву. Учтиво выслушавъ изліянія русскаго правительства насчетъ того, что всѣмъ народамъ Европы необходимо обезпечить свободу, „опирающуюся на ея истинныя основанія“, и что изъ этого принципа должно исходить все поведеніе договаривающихся державъ, Питтъ заявилъ, что англійскія субсидіи будутъ доведены до такой цифры, до какой только окажется возможнымъ. „Мы гарантируемъ пять милліоновъ фунтовъ стерлинговъ“, сказалъ онъ: „быть можетъ даже немного болѣе“. Онъ оговорился, правда, что далеко за предѣлы этой цифры Англія не въ состояніи будетъ выйти, не стѣсняя своей торговли: Александръ не обратилъ должнаго вниманія на эту оговорку и за то впослѣдствіи, въ 1807 году, былъ наказанъ, очутившись въ необходимости заключить весьма постыдный и еще болѣе невыгодный для Россіи тильзитскій миръ именно по той причинѣ, что англійскія субсидіи, достигнувъ предѣла, изсякли. Но въ

1804 году это было еще далеко впереди: Питтъ же, кромѣ грандіозныхъ размѣровъ суммы, соблазнялъ еще (какъ это дѣлаютъ опытные банкиры) разными маленькими, но весьма пріятными удобствами: обѣщалъ, напримѣръ, начать выплату субсидій за три или за четыре мѣсяца до объявленія Россіей войны Франціи, такъ что и расходы по мобилизаціи оказывались достаточно обезпеченными. Если война не вспыхнула тотчасъ же, а была отсрочена почти на годъ, виной была непомѣрная жадность, проявленная австрійскимъ правительствомъ,—тогда какъ безъ участія Австріи Россія не могла двинуться съ мѣста. Австрійцы одни желали получить два милліона фунтовъ единовременно, за мобилизацію, и сверхъ того по четыре милліона въ годъ. Что же осталось бы Россіи? Другимъ препятствіемъ неожиданно явилась Пруссія, какимъ-то не совсѣмъ яснымъ образомъ проникшая, повидимому, въ тайну польскихъ плановъ кн. Чарторыйскаго: возможно, что „дружба“ королевы Луизы съ Александромъ Павловичемъ была не совсѣмъ чужда этому дѣлу. Но большая часть раздѣленной Польши, съ Варшавой въ центрѣ, была тогда въ прусскихъ рукахъ: возрожденіе польскаго королевства являлось предпріятіемъ, непосредственно направленнымъ противъ Пруссіи. Съ одной стороны, грозила опасность потерять Польшу, съ другой,—Наполеонъ сулилъ отнятый имъ у англичанъ Ганноверъ: прусскому королю при всей его симпатіи къ „интересамъ законныхъ властей“ было отъ чего поколебаться. Съ трудомъ добились отъ него, чтобы онъ, по крайней мѣрѣ, „не мѣшалъ“: и онъ, дѣйствительно, не помѣшалъ Австріи и Россіи быть на голову разбитыми Наполеономъ.

Послѣ Аустерлица (ноябрь 1805 г.—почти ровно черезъ годъ послѣ переговоровъ Новосильцева съ Питтомъ) Австрія, для которой весь реальный интересъ войны заключался въ англійскихъ субсидіяхъ, да надеждѣ на территоріальныя пріобрѣтенія—ей обѣщали всю Баварію и, кромѣ того, „исправленіе границы“ съ итальянской стороны,—поспѣшила выйти изъ игры: интересъ идеальный, сводившійся къ лютой ненависти австрійскихъ феодаловъ противъ „санкюлотской“ Франціи, долженъ былъ помолчать до поры, до времени. Будь для Россіи все дѣло въ англійскихъ субсидіяхъ, она, конечно, тоже должна была бы заключить миръ. Если она этого не сдѣлала, значитъ, русско-англійскій союзъ опирался теперь на нѣчто болѣе солидное, чѣмъ взятки частнаго или государственнаго характера. Это, болѣе прочное, основаніе русско-

англійской дружбы французскіе дипломаты уже тогда указывали съ полной опредѣленностью. „Россія слишкомъ связана съ Агліей своей торговлей, чтобы особенно хлопотать о сохраненіи мира (съ Франціей)“, писалъ въ той же цитированной нами депешѣ Эдувиль еще за полтора года до войны. Русско-англійскій союзъ былъ экономической необходимостью для обѣихъ странъ, притомъ для Россіи болѣе, чѣмъ Англіи: вотъ почему и разорвала его вторая, а не первая. Русскія войска не только послѣ Аустерлица, но и послѣ Фридланда (2 іюня 1807 г.), послѣ второй проигранной кампаніи, продолжали бы пытать счастье противъ французовъ; но англичане не только отказывались что бы то ни было платить,—они отказались даже гарантировать русскій заемъ въ Лондонѣ. Видимо, тамъ окончательно разочаровались въ качествѣ русскихъ штыковъ, да и предѣлы, аккуратно намѣченные Питтомъ, были уже перейдены: русскому императору, волей-неволей, приходилось мириться.

Здѣсь Александру Павловичу впервые пришлось познакомиться не теоретически, а практически, на самомъ себѣ, съ неудобствами абсолютизма. Война отнюдь не была его личнымъ дѣломъ: русское дворянство, съ своей стороны, принесло большія жертвы англо-русской дружбѣ; въ два года было взято 600.000 рекрутъ: это называлось, правда, милиціей, и правительство сначала дало даже обязательство не употреблять ратниковъ ни для чего иного, кромѣ обороны русской территоріи, но на самомъ дѣлѣ ни одинъ изъ „милиціонеровъ“ послѣ войны не вернулся въ деревню,—всѣ они пошли на укомплектованіе дѣйствующей арміи. Жертвуя столько рабочихъ рукъ, помѣщики въ правѣ были ожидать, что правительство отнесется къ войнѣ серьезно: а оно, Богъ вѣсть почему, вдругъ уступило „врагу рода человѣческаго“. Между тѣмъ, по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ, вовсе не были еще утомлены войной. Для дворянской молодежи война представляла, кромѣ того, спеціальную выгоду: офицеры на время похода освобождались отъ обязанности платить долги. Война велась на чужой территоріи и разоряла пруссаковъ, а не русскихъ (разоряла въ такой степени, что пруссаки весьма откровенно говорили о предпочтительности для нихъ французскаго „нашествія“, передъ русской „дружбой“): ни одинъ непріятельскій солдатъ не ступилъ еще ногою на русскую почву—а Россія уже сдавалась! Мотивы, повелительно диктовавшіе Александру такое рѣшеніе, для сколько-нибудь широкихъ круговъ были тайной: не могъ же русскій императоръ

объявить во всеобщее свѣдѣніе, что англичане его „разочли“. Въ глазахъ дворянской массы миръ былъ доказательствомъ слабохарактерности Александра и его неумѣнья вести дѣла. Его возвращеніе въ Петербургъ изъ Тильзита было встрѣчено ледянымъ молчаніемъ. Его старались „не замѣчать“, какъ это дѣлаютъ въ приличномъ обществѣ съ осрамившимися молодыми людьми,—и всячески избѣгали говорить о Тильзитѣ, о мирѣ, о Франціи и ея „императорѣ“ (въ частныхъ разговорахъ это былъ, конечно, попрежнему „Буонапарте“). Представитель этого послѣдняго (знаменитый оберъ-полицеймейстеръ Наполеона, Савари) напрасно приписывалъ такую сдержанность страху: онъ на себѣ могъ убѣдиться, что высшее общество Петербурга отнюдь не запугано. Уполномоченный побѣдителя Россіи сдѣлалъ тридцать визитовъ, и былъ принятъ только въ двухъ домахъ. Два гостепріимные петербуржца—единственные притомъ, которые и отдали визитъ Савари—были, какъ нарочно, изъ числа ближайшихъ и раболѣпнѣйшихъ слугъ Александра Павловича. Все, что было понезависимѣе, бойкотировало французовъ безъ всякаго страха. Правительство не рѣшалось опубликовать тильзитскій договоръ—и, пользуясь этимъ, на биржѣ публично говорили, что миръ, можетъ быть, вовсе еще и не заключенъ—такъ только болтаютъ.... Причины особенно нервнаго отношенія къ дѣлу именно биржи мы сейчасъ увидимъ: пока что отмѣтимъ, что подмѣченныя Савари явленія вовсе не были мѣстными петербургскими. Наоборотъ, чѣмъ дальше отъ столицы, тѣмъ разговоры становились, если такъ можно выразиться, безбрежнѣе. Проѣзжавшій черезъ Лифляндію французскій консулъ Лессепсъ слышалъ тамъ, что „противная миру партія получаетъ съ каждымъ днемъ все больше силы. Говорятъ, что во главѣ этой партіи стоитъ вдовствующая императрица, поддерживаемая англичанами и ихъ приверженцами; къ этому прибавляютъ, что императоръ Александръ, опасаясь ихъ угрозъ, вмѣсто того, чтобы въѣхать въ столицу тотчасъ послѣ своего отъѣзда изъ Риги, счелъ болѣе благоразумнымъ отправиться сначала въ Витебскъ, чтобы заручиться значительной частью войска, которую можно было бы употребить въ случаѣ нужды; что въ Москвѣ броженіе достигло крайнихъ предѣловъ, и ожидаютъ извѣстія о заключеніи вдовствующей императрицы въ монастырь, и т. д.“ Но что было спрашивать съ захолустныхъ помѣщиковъ, когда французскому послу въ Петербургѣ, человѣку, котораго уже одно офиціальное положеніе обязывало быть наибольшимъ

оптимистомъ въ этомъ случаѣ, нѣтъ, нѣтъ да и подвертывалась подъ перо параллель съ событіемъ 11 марта 1801 г. „Всѣ жалуются, но никто не недоволенъ настолько, чтобы нужно было бояться катастрофы“, писалъ въ февралѣ 1808 г. преемникъ Савари, Коленкуръ, котораго, за его дружбу съ Александромъ, Наполеонъ потомъ прозвалъ „русскимъ“. „Воспоминаніе объ императорѣ Павлѣ и страхъ передъ великимъ княземъ охраняютъ жизнь императора лучше, нежели правила и честь русскихъ вельможъ и офицеровъ“. Другими словами: Александра не убьютъ, утѣшалъ Коленкуръ Наполеона, потому что боятся, что его наслѣдникъ, Константинъ Павловичъ, окажется копіей Павла. Чего стоило одно такое утѣшеніе!

---

3. Континентальная блокада и дворянская конституція.

Коленкуръ старался увѣрить себя и своего повелителя, что дѣло совсѣмъ не серьезно: „фрондируютъ, какъ и во всѣхъ столицахъ“. Но у дворянской фронды 1807—8 годовъ были очень глубокія основанія. Тильзитскій миръ обозначалъ присоединеніе Россіи къ континентальной блокадѣ, объявленной берлинскимъ декретомъ Наполеона (21 ноября н. ст. 1806 г.). Французскій императоръ не допускалъ въ этомъ случаѣ никакого нейтралитета—Россія должна была прервать всякія торговыя сношенія съ Англіей, какъ прямыя, такъ и косвенныя (черезъ посредство датчанъ, напримѣръ). „Послѣднія мѣры, принятыя русскимъ правительствомъ противъ англичанъ, произвели здѣсь очень сильное впечатлѣніе“, доносилъ Савари (отъ 6/18 октября 1807 г.). „Въ особенности въ купеческомъ мірѣ позволяютъ себѣ наиболѣе замѣчаній по этому поводу. На закрытіе гаваней англійскимъ кораблямъ смотрятъ какъ на запрещеніе, наложенное на всѣ произведенія русской земли, которыя Англія покупала и вывозила ежегодно въ такомъ большомъ количествѣ; продолженіе такого положенія вещей представляется уже бѣдствіемъ, которое прямо затронетъ интересы народа. Враги Франціи, ловко хватающіеся за всякое оружіе, которымъ они могутъ бороться съ нею здѣсь и уменьшить вліяніе, которое, какъ они опасаются, она можетъ оказать на общественное мнѣніе, не упускаютъ случая воспользоваться такимъ средствомъ... Можно опасаться, что если вскорѣ не будутъ приняты какія-либо

репрессивныя мѣры, жалобы торговцевъ примутъ болѣе серьезный характеръ. Г. Румянцевъ такъ думаетъ, и только отъ усердія этого министра будетъ зависѣть помѣшать тому, что онъ предвидитъ". Но даже начальникъ наполеоновской полиціи понималъ, что дѣло слишкомъ серьезно, чтобы его можно было уладить обычной тактикой полицейскаго участка. Вѣроятнѣе всего, не самъ, а при помощи французскаго консула въ Петербургѣ, Лессепса, Савари набрасываетъ далѣе довольно широкій планъ, легшій позже въ основу коммерческой политики Наполеона относительно Россіи. „Францiя имѣетъ, можетъ быть, больше средствъ, чѣмъ Россія, чтобы заставить умолкнуть жалобы русскихъ купцовъ, этого разряда людей, ставящихъ выше всего свою личную выгоду", продолжаетъ онъ свое донесеніе. „Достаточно было бы распространить въ публикѣ слухи, что Францiя, которая такъ давно не дѣлала закупокъ въ Россіи, намѣревается закупить лѣсу, пеньки, холста и пр. При настоящихъ обстоятельствахъ подобный торгъ былъ бы для насъ столь же полезенъ въ политическомъ отношеніи, сколько и выгоденъ: мы пріобрѣтемъ хорошее мнѣніе наиболѣе недовольныхъ и заставимъ забыть англичанъ, о которыхъ будутъ жалѣть по очень многимъ причинамъ, если мы не постараемся замѣнить ихъ; выгода жъ будетъ та, что Францiя, пользуясь минутою, закупитъ все безъ конкурентовъ, а слѣдовательно и дешево". Наполеонъ очень заинтересовался идеей. Велѣно было распространить въ Петербургѣ слухъ, что Францiя намѣрена закупить на русскомъ рынкѣ на 20 милліоновъ франковъ матеріаловъ для своего флота. Преемнику Савари, Коленкуру, былъ отпущенъ милліонъ франковъ со спеціальной цѣлью поддерживать курсъ русскаго рубля,—за три года (1804—1807) упавшій съ 350 до 200 сантимовъ, что очень удручало русское министерство финансовъ. Коленкуру, въ его инструкціи, было нарочито предписано собрать французскихъ негоціантовъ, имѣющихся въ Петербургѣ, „ободрить" ихъ и составить изъ нихъ комитетъ, который бы занялся возрожденіемъ русско-французской торговли. Все это было очень недурно на бумагѣ,—но дѣйствительность готовила жестокое разочарованіе. Во-первыхъ, никакихъ французскихъ „негоціантовъ" въ русской столицѣ не оказалось, кромѣ содержателей модныхъ магазиновъ—которые не могли же замѣнить англичанъ въ дѣлѣ покупки желѣза и пеньки. Тѣ, кто предлагалъ свои услуги, были, по признанію самого французскаго консула, личности очень сомнительныя. А за-

тѣмъ возникъ вопросъ, что же дѣлать съ закупленными товарами? Если еще ліонскій бархатъ или брюссельскія кружева выдерживали перевозку сухимъ путемъ, то отъ холста, а тѣмъ паче желѣза или пеньки ничего подобнаго ожидать было нельзя: привезенный на лошадяхъ изъ Москвы въ Парижъ русскій холстъ обошелся бы дороже самаго тонкаго голландскаго полотна. Между тѣмъ, какъ осторожно выражался французскій торговый комитетъ въ своемъ докладѣ Коленкуру, „мореплаваніе, если смотрѣть на него только по отношенію къ его пользѣ торговлѣ, не представляетъ болѣе удобства при перевозкѣ съѣстныхъ припасовъ и произведеній промышленности обѣихъ націй. Оно будетъ, по всей вѣроятности, закрыто въ теченіе этого года болѣе, чѣмъ когда-либо, а если сообщеніе прекратится, ввозъ въ Россію и вывозъ изъ нея окажутся вполнѣ невозможными, если не принять къ тому нѣкоторыхъ мѣръ“. Эти послѣднія, по мнѣнію французскаго торговаго комитета, заключались ни болѣе, ни менѣе, какъ въ созданіи системы внутреннихъ водяныхъ сообщеній между Невою и Вислою съ одной стороны, Вислою и Рейномъ съ другой.... Прежде чѣмъ французы смогли бы замѣнить на русскомъ рынкѣ англичанъ, надо было бы вырыть съ тысячу верстъ новыхъ каналовъ, примѣрно: не мудрено, что въ Петербургѣ къ align="left">возн ѣ Коленкура и Лессепса относились съ полнымъ равнодушіемъ. Въ то же время, на Балтійское море, хотя на немъ въ это время не было ни одного англійскаго военнаго корабля, никто не рѣшался показать носа: такъ была велика увѣренность всѣхъ въ несокрушимости британской монополіи на водную стихію. Блокада Англіи на практикѣ превращалась въ такую полную и совершенную блокаду балтійскихъ береговъ, какую только можно себѣ вообразить. Послѣ шестимѣсячныхъ хлопотъ положеніе на петербургскомъ рынкѣ было таково, по оцѣнкѣ самого французскаго посланника: „Курсъ нѣсколько ниже 20 ходячихъ голландскихъ су за бумажный рубль. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ Амьенскаго мира (т.-е. въ 1803 году) тотъ же рубль стоилъ 39 такихъ же ходячихъ голландскихъ су. Отчасти курсъ опредѣляется отношеніемъ серебрянаго рубля къ бумажному. Въ то время, какъ послѣ Амьенскаго мира за рубль, т.-е. 100 копеекъ серебромъ, получали не болѣе $1^1/_4$ рубля или 125 копеекъ бумажныхъ, теперь за него можно получить $1^4/_5$ рубля, или 180 копеекъ тѣхъ же бумажныхъ. По всей вѣроятности, за одинъ серебряный рубль можно будетъ получить до двухъ рублей бумажныхъ, какъ только

будетъ объявлено о новомъ выпускѣ бумажныхъ рублей (число которыхъ сохраняется въ строжайшей тайнѣ въ этой странѣ)". Приведя нѣкоторыя смягчающія обстоятельства въ объясненіе такой картины денежнаго рынка, Коленкуръ переходитъ затѣмъ къ рынку товарному и даетъ чрезвычайно любопытную таблицу цѣнъ на главнѣйшіе предметы русскаго экспорта въ ноябрѣ 1803 и въ мартѣ 1808 года. Нѣсколько цифръ изъ этой таблицы дадутъ понять читателю о размѣрахъ кризиса, созданнаго въ этой области Тильзитскимъ миромъ:

	1803 г. по курсу 33 су за рубль.	1808 г. по курсу 20 су за рубль.
берковецъ лучшаго желѣза стоилъ:	$2^1/_2$ р. (82 гол. су)	$2^1/_4$ (50 гол. су).
" пеньки 1-го сорта:	48	45
" сала 1-го сорта:	58	$50^1/_2$

Такимъ образомъ, цѣны на желѣзо упали на 60, а на пеньку даже на 75%!

Въ то же время, цѣны на всѣ мануфактурные товары сильно поднялись, при чемъ Коленкуръ самъ не рѣшался объяснять этого подъема паденіемъ курса рубля, какъ ни сильно ему хотѣлось этого. Утѣшеніе, которое онъ въ этомъ случаѣ могъ придумать, звучитъ почти комически: если бы Балтійское море было свободно, говоритъ онъ, то положеніе торговли сдѣлалось бы довольно сноснымъ. Но такъ какъ именно этого-то и нельзя было ожидать, то оставалось уповать лишь на то, что торговцы въ прежнее время получали хорошіе барыши и теперь, на прикопленное отъ счастливыхъ лѣтъ, „смогутъ перенести настоящее тяжелое положеніе". Утѣшеніе было, во всякомъ случаѣ, не для русскихъ торговцевъ. Но былъ разрядъ предпринимателей, на которыхъ даже самъ Коленкуръ не находилъ возможнымъ распространить свой оптимизмъ: и эти наиболѣе несчастные были ни болѣе, ни менѣе, какъ магнаты тогдашней Россіи, желѣзозаводчики. „Эти послѣдніе, не продававшіе товара въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ, съ цѣлью поддержать необыкновенно высокія цѣны, поднятыя англичанами на этотъ товаръ, теперь завалены имъ; когда же банкъ принужденъ былъ прекратить выдачу ссудъ за счетъ этого товара, потому что ихъ стали требовать слишкомъ много, то послѣдовалъ усиленный сбытъ его со стороны Демидовыхъ, при чемъ 400.000 руб. наличными деньгами понизили этотъ товаръ до ничтожной цѣны 130 копеекъ или $1^3/_{10}$ кредитнаго рубля за 330 голландскихъ фунтовъ....*) Для знати, за весьма немногими

*) То-есть за русскій берковецъ.

Графъ П. А. фонъ деръ Паленъ.

Графъ Петръ Алексѣевичъ фонъ деръ Паленъ (род. 17 іюля 1745 г.; † 13 февр. 1826 г.) принадлежитъ къ числу пасынковъ русской исторической и портретной литературы. Прилагаемый портретъ *) исполненъ во времена могущества Палена при Павлѣ I; его оригиналъ украшенъ гербомъ Палена съ надписью *constantia et zelo* и такими подписями:

Peint par Gerard Kügelgen—Gravé par J. Walker graveur de Sa Maj. Imp.
Le comte Pierre de Pahlen.

Général de Cavallérie des Armées de Sa Majasté L'Empereur de toutes les Russies, Gouverneur Militaire de S. Petersbourg et de Riga, Gouverneur Général des Gouvernements de Livonie, d'Esthonie et de Courlande, Inspécteur de la Cavallérie et de l'Infantérie de la division de la Livonie, Chevalier des ordres de Russie, de celui de St. Lazare de France et Commendeur grand Croix de l'ordre souverain de St. Jean de Jerusalem.—Dedié à Son Excellence par son très humble et obéissant serviteur James Walker. Послѣ ряда лѣтъ военной службы Паленъ въ 1792 г. былъ назначенъ правителемъ Рижскаго намѣстничества, а въ 1795 г., произведенный въ генералъ-поручики, получилъ должность перваго русскаго генералъ-губернатора Курляндской губерніи. При проѣздѣ князя Платона Александровича Зубова, бывшаго фаворита императрицы черезъ Ригу Паленъ устроилъ ему торжественную встрѣчу и провожалъ лично до Митавы, за что удостоился быть «выключеннымъ изъ службы» и 26 февраля 1797 г. получить отъ императора Павла милостивый рескриптъ, въ которомъ было сказано слѣдующее: «Съ удивленіемъ увѣдомился я обо всѣхъ *подлостяхъ*, вами оказанныхъ въ проѣздъ князя Зубова черезъ Ригу; изъ сего я дѣлаю сродное о свойствѣ вашемъ заключеніе, по коему и поведеніе мое противъ васъ соразмѣрено будетъ». Однако 20 сентября 1797 г. онъ былъ вновь принятъ на службу, представлялся въ Петербургѣ императору Павлу I. 28 іюля 1798 г. Палена видимъ уже с.-петербургскимъ военнымъ губернаторомъ и всесильнымъ лицомъ при Павлѣ, лицомъ, которое къ тому же послѣ Ростопчина получило въ свои руки всѣ нити внѣшней политики и высшій орденъ Андрея Первозваннаго (27 ноября 1798 г.). Въ ночь съ 11 на 12 марта 1801 г. Паленъ сыгралъ знаменитую роль въ Михайловскомъ замкѣ, за что 17 іюня того же года былъ уволенъ «за болѣзнями отъ всѣхъ дѣлъ» и безвыѣздно прожилъ въ своихъ Эстляндскихъ помѣстьяхъ до своей смерти, т.-е. цѣлыхъ 25 лѣтъ. Это была несомнѣнная опала: Александръ I любилъ Аракчеевыхъ и боялся Паленовъ. Повидимому, у фонъ деръ Палена не было иного выхода изъ создавшагося положенія вещей при Павлѣ въ 1801 г., чѣмъ тотъ, на который онъ рѣшился и провелъ съ изумительной быстротой и constantia: не даромъ этотъ послѣдній терминъ мы читаемъ на его гербѣ... Призывъ къ дѣламъ Палена совпадаетъ приблизительно съ моментомъ, когда Павелъ, какъ говорили, сбросилъ съ себя иго императрицы и г-жи Нелидовой, призвавъ въ Петербургъ А. П. Лопухину. «Государь, разсказываетъ современникъ, все милостивѣе и милостивѣе сталъ обращаться съ Паленомъ, который вскорѣ такъ опуталъ его своими оригинальными и лицемѣрно чистосердечными рѣчами, что сталъ ему казаться самымъ подходящимъ человѣкомъ для занятія должности важнѣйшей послѣ генералъ-прокурорской, требующей вѣрнаго взгляда, ретиваго усердія и безграничнаго послушанія». Евгеній Шумигорскій въ статьѣ о Павлѣ I («Русск. Біогр. Словарь», Спб., 1902) даетъ такую характеристику Палена: «Это былъ честолюбивый, энергическій и даровитый генералъ, умѣвшій пріобрѣсти довѣріе государя необычайной исполнительностью и усердіемъ къ службѣ. Его открытое, добродушное лицо невольно располагало къ нему каждаго; на самомъ же дѣлѣ, никто не превосходилъ его въ хладнокровіи, въ умѣньи скрывать свои истинныя чувства и мысли и въ расчитанной

---

*) Гравюра Валькера съ портретомъ Палена очень рѣдка. Извѣстенъ еще портретъ Палена работы F. H. Barisien'a, гравированный J. F. Martin'онъ (Riga — Stockholm 1794): оригиналъ находится въ Рижскомъ замкѣ.

жестокости. Изъ всѣхъ ближайшихъ къ государю лицъ онъ одинъ имѣлъ ясныя, опредѣленныя цѣли, и лишь онъ одинъ способенъ былъ идти къ нимъ медленно, осторожно, но съ неуклонною твердостью и послѣдовательностью. Обвороживъ государя своею кажущеюся преданностію его особѣ и усердіемъ къ службѣ, осыпанный его милостями, Паленъ никогда не забывалъ упрека въ *подлости*, который сдѣланъ былъ ему Павломъ въ началѣ его царствованія, и съ умысломъ, систематически приводилъ всѣ жестокія и необдуманныя распоряженія императора, даже преувеличивая ихъ значеніе. Паленъ зналъ, по какому скользкому пути идетъ онъ, при мнительности и подозрительности государя, но у него не было враговъ; напротивъ, всѣ, даже императрица, предубѣжденная противъ всѣхъ новыхъ фаворитовъ своего супруга, считала Палена образцомъ рыцарства и прямодушія». Шильдеръ въ книгѣ «*Императоръ Павелъ Первый*» (Спб., 1901), говоря о паденіи Нелидовой и свалкѣ, происходившей по этому поводу при петербургскомъ дворѣ, замѣчаетъ, что «среди этой толпы, рукоплескавшей исчезновенію Нелидовой, одинъ баронъ Петръ Алексѣевичъ фонъ деръ Паленъ зналъ, чего онъ хотѣлъ, зналъ, къ чему онъ стремился; остальные, обуреваемые своими мелкими эгоистическими расчетами, не вѣдали, что творятъ». Обрисовавъ сурово-мрачное состояніе Петербурга въ концѣ 1800 г. и въ самомъ началѣ 1801 г., Шильдеръ продолжаетъ: «Все прежнее общество въ столицѣ было послѣ 6 ноября 1796 г. разсѣяно и раздѣлено; екатерининскіе вельможи были разогнаны по деревнямъ, а высшія государственныя должности, начиная съ генералъ-прокурора, почти всѣ заняты были людьми самыми ничтожными и необразованными—однимъ словомъ, цвѣтомъ гатчинскаго капральства; установившійся тогда порядокъ управленія продолжался бы еще долго, если бы не нашелся человѣкъ, который почувствовалъ въ себѣ рѣшимость подумать о замѣнѣ его чѣмъ-нибудь лучшимъ. Это лицо былъ графъ Никита Петровичъ Панинъ, котораго слѣдуетъ признать творцомъ заговора, начавшагося въ 1800 г.» Переходъ къ живой характеристикѣ дѣятельности графа П. А. Палена, сошедшагося съ графомъ Н. П. Панинымъ, сопровождается у Шильдера такою остроумною оговоркою. 15 декабря 1800 г., вскорѣ послѣ смерти Рибаса, Панинъ былъ вовсе отставленъ отъ службы и долженъ былъ отправиться въ деревню. «Такимъ образомъ, говоритъ нашъ авторъ (стр. 472), графъ Паленъ остался въ Петербургѣ полновластнымъ исполнителемъ мыслей, завѣщанныхъ ему графомъ Панинымъ. Но это обстоятельство сопровождалось важными послѣдствіями. Мысли графа Панина отнынѣ перешли изъ области, если можно такъ выразиться, умозрительной на путь болѣе практическій, соотвѣтствовавшій условіямъ русской жизни, распростившись навсегда съ непримѣнимыми къ нимъ англійскими государственными порядками. Спрашивается, чего же недоставало графу Палену, и что же могло побудить его стать на точку зрѣнія недовольныхъ или обиженныхъ». И Шильдеръ спѣшитъ ядовито замѣтить: «ему недоставало одной только бездѣлицы, *безопасности*, наравнѣ со всѣми прочими россіянами, какъ состоявшими на службѣ, такъ и жившими мирно въ сторонѣ отъ круговорота политическихъ дѣлъ. Хотя графъ Паленъ и былъ осыпанъ всѣми милостями и дарами счастія, но, тѣмъ не менѣе, надъ головою его непрестанно сверкалъ Дамокловъ мечъ. Самый радостный, самый блестящій день не представлялъ ему ручательства въ спокойной ночи; завистники его всегда бодрствовали и не пропускали ни одного случая, чтобы сдѣлать его подозрительнымъ въ глазахъ государя, а потому военный губернаторъ не могъ разсчитывать на прочность своего счастія», и рѣшился привлечь въ Петербургъ братьевъ Платона и Валеріана Зубовыхъ и Бенигсена. Во-время испрошенныя чрезвычайныя полномочія помогли довершить задуманное дѣло, и въ первомъ часу пополуночи съ 11 на 12 марта 1801 г. графъ Паленъ явился въ Михайловскомъ замкѣ къ цесаревичу Александру Павловичу съ извѣстіемъ о скоропостижной кончинѣ императора Павла (стр. 492).

Графъ Паленъ съ удивительной силой, смѣлостью и быстротой провелъ весь періодъ заговора противъ императора Павла I. Но онъ смогъ довести дѣло заговора до его естественнаго конца только потому, что самъ императоръ Павелъ вручилъ ему чрезвычайныя полномочія, съ которыми онъ могъ сдѣлать все, чего бы онъ ни захотѣлъ: онъ получилъ право арестовать любое лицо изъ членовъ императорской фамиліи, онъ могъ остановить у заставы и не пустить въ Петербургъ вызваннаго самимъ императоромъ Аракчеева, онъ могъ..., онъ не могъ только мужчину сдѣлать жен-

щин..й, а женщину мужчиной... «Чрезвычайныя полномочія» всегда влекутъ за собою трагедію: такъ было и 12 марта 1801 г. «Чрезвычайныя полномочія» всегда влекутъ за собою и общественное недовольство, которое выражается въ формахъ, присущихъ опредѣленному моменту. Графъ Ланжеронъ, находившійся на русской службѣ въ 1790—1830 годахъ, недаромъ записалъ, что одного Палена съ его чрезвычайными полномочіями было совершенно достаточно для осуществленія заговора. Ланжеронъ характеризуетъ Палена такъ: «Для выполненія плана нуженъ былъ такой человѣкъ, какъ онъ, нужно было также, чтобы въ его лицѣ были объединены важнѣйшія должности; только въ такомъ случаѣ Россія могла быть спасена. Паленъ спасъ Россію, но я съ своей стороны не хотѣлъ бы быть ея спасителемъ столь дорогой цѣной. Паленъ былъ человѣкъ серьезный, полный отваги, съ возвышенною душой и непоколебимымъ характеромъ; это была личность благородная и импонирующая; онъ не обнаруживалъ своихъ чувствъ и ничѣмъ не давалъ вывести себя изъ равновѣсія. Если дѣло касалось выполненія задуманнаго имъ плана, то онъ готовъ былъ пожертвовать своимъ положеніемъ, состояніемъ, своею свободой и даже жизнью; онъ словно былъ созданъ для того, чтобы имѣть успѣхъ, побѣждать всякія препятствія; это былъ прирожденный конспираторъ, который можетъ служить образцомъ будущимъ заговорщикамъ. То, что онъ намѣревался сдѣлать, было необходимо*), но было не такъ-то легко... Паленъ сумѣлъ преодолѣть всѣ затрудненія и устранить всѣ препятствія. Съ непоколебимымъ и поистинѣ ужасающимъ упорствомъ достигъ онъ своей цѣли» (цитировано по сочиненію профессора А. Г. Брикнера «Смерть Павла I». Спб., 1907. Изданіе М. В. Пирожкова, см. стр. 87 и 88). Брикнеръ прибавляетъ отъ себя, что «поведеніе и образъ дѣйствій Палена совершенно ясны и очевидны, онъ зналъ, чего онъ хочетъ... Паленъ весь нервы, иниціатива, дѣйствіе». Подробной, научно составленной біографіи Палена нѣтъ, но она безусловно необходима. Время Павла непонятно безъ Палена, время Александра непонятно безъ Аракчеева. И Паленъ, и Аракчеевъ это—рычаги одной и той же политики «усмотрѣнія» и «чрезвычайныхъ мѣръ». И Палены, и Аракчеевы растутъ на очень опредѣленной почвѣ, и историческому наблюдателю невольно приходится стоять въ раздумьи передъ вопросомъ не о томъ, какова эта почва, а о томъ, отошла ли, наконецъ, эта почва въ область преданія или она все еще продолжаетъ кошмарно давить на сознаніе критически настроеннаго историческаго анализа.

В. Стор.

*) Т.-е. съ точки зрѣнія иностранца Ланжерона.

„РУССКАЯ ИСТОРІЯ“. Изд. Т-ва „МІРЪ“

исключеніями, дѣло непоправимо. При своихъ запутанныхъ дѣлахъ, обремененные всегда долгами и находящіеся вѣчно подъ ножомъ ростовщиковъ, они еще больше будутъ страдать, пока продолжается война, и, слѣдовательно, будутъ сѣтовать".

Записка Коленкура со всею ясностью, какой только можно пожелать, намѣчаетъ тотъ общественный классъ, который долженъ былъ быть отброшенъ въ оппозицію Тильзитскимъ миромъ. Это были представители крупнаго землевладѣнія, то-есть тѣ самые старые и молодые „монаршисты", съ которыми управлялъ Александръ до 1807 года — или, вѣрнѣе, которые до этого времени управляли отъ его имени. Не сумѣвъ предупредить катастрофы, они теперь первые отъ нея пострадали, но винили, конечно, не себя, а все то же козлище отпущенія: самодержавнаго, юридически, императора, чуть ли не изъ каприза—и, во всякомъ случаѣ, изъ трусости—заключившаго миръ. Старикъ Строгановъ былъ однимъ изъ первыхъ, кто отказался впустить въ свои салоны французскаго посла. И уже очень скоро дѣло пошло гораздо дальше. Въ ноябрѣ 1807 года Савари могъ доносить новому союзнику Наполеона почти что о заговорѣ, затѣвавшемся „англійской партіей", называя прямо по именамъ Новосильцева, Кочубея и Строганова, какъ его вождей. Савари, конечно, мастеръ былъ сочинять „заговоры"—такая была его профессія,—но у него было въ рукахъ документальное доказательство если не злоумышленія, то несомнѣннаго зложелательства недавнихъ „молодыхъ друзей" императора. Этимъ доказательствомъ былъ заграничный памфлетъ, привезенный въ Петербургъ англійскимъ агентомъ Вильсономъ, и распространявшійся въ петербургскихъ гостиныхъ никѣмъ другимъ, какъ Новосильцевымъ съ братіей,—памфлетъ, гдѣ не щадили тильзитскаго друга Наполеона, рѣзко противопоставляя „малодушію" Александра бодрость русскаго общественнаго мнѣнія и мужество русской арміи, готовой драться до послѣдней капли крови. Прочтя принесенную Савари брошюру, Александръ былъ буквально внѣ себя. Онъ назвалъ ее „подлой", говорилъ, что онъ „топчетъ ногами" то, что въ ней говорится по его адресу; но на самомъ дѣлѣ онъ такъ мало ею пренебрегалъ, что вчерашніе „молодые друзья" моментально превратились въ „этихъ господъ", а секундою дальше въ „измѣнниковъ". И какъ позже Коленкуръ, такъ Александръ въ разговорѣ съ Савари ни минуты не колебался въ соціальной характеристикѣ этихъ „измѣнниковъ". Онъ никого не поща-

цилъ въ этомъ на рѣдкость откровенномъ, для дипломатической аудіенціи, разговорѣ—ни отца, ни бабушки. „Это царствованіе Екатерины бросило сѣмена неудовольствія, съ которымъ я теперь вожусь“, говорилъ Александръ. „Покойный императоръ сдѣлалъ еще хуже. Въ эти два царствованія коронныя имѣнія были отданы въ эксплуатацію всѣмъ этимъ грязнымъ людямъ, которыхъ столь прославили событія того времени. При Павлѣ давали 9.000 крестьянъ, какъ брильянтовый перстень. Я рѣшительно высказался противъ такихъ пріемовъ управленія; я ничего не даю этимъ людямъ, а затѣмъ я хочу вывести народъ изъ того состоянія варварства, въ которое его погружала торговля людьми *). Я скажу даже больше: если бы цивилизація была достаточно развита, я уничтожилъ бы это рабство, хотя бы мнѣ это стоило головы. Вотъ, генералъ, источникъ неудовольствія,—но могутъ говорить, что угодно, меня не заставишь перемѣниться, и вы скоро услышите о предупрежденіи, которое я сдѣлаю этимъ господамъ“. Въ примѣчаніи къ этому мѣсту своего донесенія Савари прибавляетъ, что Кочубею немедленно было предложено подать въ отставку, а Новосильцевъ „получилъ предписаніе путешествовать“.

Вотъ въ какой связи была произнесена Александромъ знаменитая фраза о его желаніи уничтожить крѣпостное право,—фраза, которую такъ часто цитировали, какъ образчикъ его обычныхъ взглядовъ на крестьянскій вопросъ. На самомъ дѣлѣ, это было вовсе не простое „выраженіе мнѣнія“—это былъ новый, боевой лозунгъ, это былъ вызовъ, брошенный „грязнымъ людямъ“, вчерашнимъ „молодымъ друзьямъ“. Павловская демагогія возраждалась, но, на этотъ разъ, въ рукахъ людей нормальныхъ и, казалось бы, болѣе страшныхъ поэтому, чѣмъ погибшій 11 марта 1801 года императоръ. Александръ какъ будто нарочно хотѣлъ подчеркнуть свой поворотъ на павловскую колею. Великій полководецъ гатчинскаго войска, правая рука Павла, Аракчеевъ именно теперь пріобрѣтаетъ то положеніе исключительно довѣреннаго лица при Александрѣ Павловичѣ, въ какомъ привыкла его видѣть исторія: 14 декабря 1807 года (мѣсяцъ спустя послѣ цитированной нами бесѣды императора съ Савари) предписано было „объявляемыя генераломъ-отъ-артиллеріи графомъ Аракчеевымъ высочайшія повелѣнія считать именными на-

*) Пусть читатель вспомнитъ споры о продажѣ людей безъ земли въ негласномъ комитетѣ!

шими указами“. Тѣлохранитель, изъ-за отсутствія котораго, какъ многіе думали тогда, погибъ Павелъ, теперь безотлучно сторожилъ его сына. Но Александръ заботился не только о своей личной безопасности—онъ хотѣлъ показать „грязнымъ людямъ“, что онъ можетъ сдѣлать. Ему былъ нуженъ не только тѣлохранитель,—а и политическій секретарь, вѣрнѣе (самъ онъ этого не сознавалъ, конечно) политическій руководитель, который занялъ бы мѣсто, опустѣвшее съ изгнаніемъ „молодыхъ друзей“. Такимъ явился Сперанскій.

Дѣятельность Сперанскаго не представляла бы никакого интереса,—если бы она была отраженіемъ лишь случайной перемѣны взглядовъ Александра Павловича. Для историка эта дѣятельность получаетъ смыслъ лишь съ того момента, какъ удается выяснить, интересамъ какихъ общественныхъ группъ она служила. Нужно признаться, что для выясненія этого вопроса въ русской исторической литературѣ сдѣлано чрезвычайно мало. Достаточно сказать, что до сихъ поръ мы не имѣемъ ни одной монографіи, посвященной Сперанскому (о біографіяхъ,—изъ которыхъ лучшая, все-таки, Корфа, несмотря на свою устарѣлость,—не приходится говорить: ихъ авторы научныхъ задачъ себѣ и не ставили). Общія историческія работы по данной эпохѣ упорно придерживаются индивидуалистической точки зрѣнія: и мы имѣемъ, напримѣръ, весьма тонкій анализъ тѣхъ мотивовъ, которые опредѣлили въ душѣ Александра I ссылку Сперанскаго, но никакой попытки анализировать дѣйствительный соціальный смыслъ пресловутыхъ указовъ 3 апрѣля и 6 августа 1809 года,—указовъ, которымъ придаютъ такое огромное значеніе въ исторіи паденія Сперанскаго, хотя они предшествовали этому паденію чуть не на три года. Лишь послѣдній, по времени, историкъ Александра косвенно затронулъ вопросъ о соціальной подкладкѣ проектовъ 1809—10 годовъ: правда, не столько по собственной иниціативѣ, сколько натолкнутый на это своими источниками. Но общее міросозерцаніе этого историка настолько убого, что большой пользы и отъ его попытки наука не получила. Мы узнали интересныя подробности о связяхъ Сперанскаго съ масонствомъ и о его надеждахъ на русское духовенство: но не въ этомъ же былъ смыслъ „плана государственнаго образованія“, давшаго проектамъ Сперанскаго историческое значеніе. Чего, однако, и можно было ожидать отъ ученаго, искренно убѣжденнаго, что арестуй Николай Павловичъ во время Рылѣева—и никакого 14-го декабря вовсе бы не было? И послѣ работы проф.

Шимана—о ней идетъ здѣсь рѣчь *),—какъ и послѣ очень талантливаго въ своемъ родѣ труда покойнаго Шильдера, съ полнымъ правомъ можно сказать, что Сперанскій ждетъ своего историка. Пока этотъ послѣдній не пришелъ, приходится оперировать очень общими соображеніями, правдоподобность которыхъ едва ли, однако же, можетъ быть поколеблена детальными изслѣдованіями. Какъ все исторически крупное, планы Сперанскаго примыкали къ весьма широкимъ теченіямъ, которыя слишкомъ замѣтны на поверхности исторіи, чтобы ихъ можно было не видать, даже разсматривая событія, по неволѣ, съ птичьяго полета. Тѣмъ болѣе, что онъ и самъ нисколько не думалъ замаскировывать этой связи. Что финансы и кредитъ являлись становымъ хребтомъ его проектовъ, объ этомъ онъ говоритъ какъ нельзя болѣе ясными словами. „Всѣ жалуются на запутанность и смѣшеніе гражданскихъ нашихъ законовъ", читаемъ мы въ „Планѣ государственнаго образованія": „но какимъ образомъ можно исправить и установить ихъ безъ твердыхъ законовъ государственныхъ? Къ чему законы, распредѣляющіе собственность между частными людьми, когда собственность сія ни въ какомъ предположеніи не имѣетъ твердаго основанія? Къ чему гражданскіе законы, когда скрижали ихъ каждый день могутъ быть разбиты о первый камень самовластія? Жалуются на запутанность финансовъ. Но какъ устроить финансы тамъ, гдѣ нѣтъ общаго довѣрія, гдѣ нѣтъ публичнаго установленія, порядка ихъ охраняющаго? Въ настоящемъ положеніи нельзя даже съ успѣхомъ наложить какой-нибудь налогъ, къ исправленію финансовъ необходимо нужный: ибо всякая тягость народная приписывается единственно самовластію. Одно лицо государя отвѣтствуетъ народу за всѣ постановленія; совѣтъ же и министры всегда, во всякой мѣрѣ тягостной, могутъ отречься отъ участія тамъ, гдѣ нѣтъ публичныхъ установленій". Итакъ, безъ „публичныхъ установленій", безъ политическихъ гарантій, нѣтъ публичнаго кредита, а безъ кредита немыслимы прочные финансы: такова основная мысль Сперанскаго. Возьмите теперь „Патріотическое разсужденіе московскаго коммерсанта о внѣшней россійской торговлѣ", почти современное **), и вы прочтете тамъ: „Россія

---

*) Geschichte Russlands unter Nikolaus I. Намъ извѣстны два тома, вышедшіе въ 1904 и 1908 гг. Первый цѣликомъ посвященъ царствованію Александра I.

**) Написано въ началѣ 20-хъ годовъ, напечатано дважды: въ VI томѣ „Архива гр. Мордвиновыхъ" и въ 8-й книжкѣ „Русскаго Архива" за 1907 годъ. Мы цитируемъ

сохраняла всегда и будетъ сохранять благоговѣйное повиновеніе велѣніямъ правительства; но довѣренность есть чувство внутреннее, оно не вынуждается, но пріобрѣтается для каждаго коммерсанта. Наипаче нужно то, чтобы онъ точно былъ увѣренъ, что постановленія сіи были отечественны, на которыхъ основывать долженъ всѣ свои расчисленія, предпріятія и обороты, чтобы они были прочны и непоколебимы. Иначе, если онъ разъ потерялъ отъ внезапнаго измѣненія сихъ постановленій часть своего достоянія, то праведно пріогорченный не можетъ ужъ дѣйствовать съ полною свободою; онъ связанъ, онъ страшится всего и ничему не довѣряетъ; тогда исчезаетъ и взаимная частная довѣренность; упадаетъ кредитъ и прерывается неразрывная цѣпь бѣглаго оборота капиталовъ". Точки зрѣнія секретаря Александра Павловича и представителя интересовъ крупной русской буржуазіи той же эпохи различаются лишь постольку, поскольку различны ихъ официальныя положенія: одинъ смотритъ сверху—съ высоты казеннаго сундука, если можно такъ выразиться; другой снизу — оберегая выгоду частнаго кармана. Но оба видятъ одно и то же — и говорятъ почти то же самое и даже чуть не тѣми же словами.

Крупная буржуазія—преимущественно торговая, но отчасти и промышленная—была единственной общественной группой, выигравшей отъ франко-русскаго союза 1807 года. Уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ Тильзита французскій представитель въ Петербургѣ отмѣчалъ, что „крупные спекулянты", пользуясь лихорадочными скачками курса, наживаютъ себѣ огромныя состоянія среди всеобщаго разоренія. Съ исчезновеніемъ англійскихъ купцовъ и за отсутствіемъ французскихъ русскіе купцы сдѣлались царями петербургской биржи. Не нужно забывать, что балтійская торговля, при всѣхъ усиліяхъ Наполеона, не вовсе стала: помимо контрабанды, достигшей невѣроятныхъ размѣровъ — и тѣмъ болѣе прибыльной,—процвѣтала „нейтральная" торговля. Въ Кронштадтъ и Ригу приходили корабли подъ датскимъ, голландскимъ, иногда даже прямо французскимъ флагомъ — и французскій посолъ, покидая сферу высшей политики, долженъ

по послѣднему изданію. В. И. Семевскій приписываетъ его, предположительно, перу декабриста Штейнгеля („Общ. движеніе въ Россіи", I, стр. 290, прим. 2). Намъ кажется, что Штейнгель могъ бы изложить свои мысли грамотнѣе, судя по его мемуарамъ. Но и г. Семевскій не отрицаетъ, что записка была написана для московскаго купечества и по его порученію; такъ что для характеристики взглядовъ буржуазіи она, и при его гипотезѣ, можетъ служить. Разрядка наша.

былъ предаваться весьма мѣщанскому занятію, съ помощью сыщиковъ и доносовъ изобличая передъ русскими властями французскаго капитана изъ Бордо въ провозѣ товаровъ несомнѣнно манчестерскаго происхожденія. Французскій патріотизмъ передъ лицомъ торговаго барыша оказывался столь же мало устойчивымъ, какъ и всякій другой. Зато большими патріотами оказывались—по той же самой причинѣ—русскіе мануфактуристы. Историкъ русскаго хозяйства никогда не забудетъ, что расцвѣтъ русскаго бумагопрядильнаго производства былъ созданъ именно тильзитскимъ миромъ: въ 1808 году основана первая русская — частная — бумагопрядильня, а въ 1812 году въ одной Москвѣ ихъ было 11. Исчезнувшую на рынкѣ англійскую пряжу смѣнила русская. Десять лѣтъ спустя „благонамѣренный и опытный россійскій коммерсантъ" воодушевлялся почти до ораторскаго паѳоса, вспоминая объ этомъ времени. „Не только многіе богатые коммерсанты и дворяне, но изъ разнаго состоянія люди приступили къ устройству фабрикъ и заводовъ разнаго рода, не щадя капиталовъ и даже входя въ долги", говоритъ уже цитированное нами „патріотическое разсужденіе". „Все оживилось внутри государства и вездѣ водворилась особенная дѣятельность". Даже 1812-й годъ — когда, между прочимъ, сгорѣли всѣ московскія фабрики—не надолго прервалъ этотъ золотой вѣкъ. Офиціальные союзники Россіи въ дни отечественной войны, англичане, были тогда главными врагами въ глазахъ россійскаго купечества, курьезнымъ образомъ совершенно сливаясь въ этихъ глазахъ съ фигурою ихъ антагониста, императора Наполеона. „Завистливое око иностранцевъ предвидѣло весьма ясно, что́ должно ожидать отъ Россіи, если она не будетъ имѣть нужды ни въ чьей помощи. Чтобы двигать страшными своими ополченіями (имѣется въ виду, конечно, Наполеонъ), она чрезъ агентовъ своихъ тогда же постаралась разсѣять слухъ, что по политическимъ сношеніямъ вскорѣ разрѣшится паки ввозъ въ Россію ихъ издѣлій (т.-е., конечно, англійскихъ издѣлій) и тѣмъ пріостановили многихъ изъ россійскихъ купцовъ, кои готовились распространить полезныя мануфактурныя издѣлія". Но ни англо-наполеоновскія козни, ни пожаръ Москвы не помогли врагамъ россійскаго капитализма, пока были въ силѣ протекціонные тарифы 1810 и 1816 гг. „Звонкая монета явилась повсюду въ оборотѣ, земледѣльцы даже нуждались въ ассигнаціяхъ; въ московскихъ же рядахъ видны были груды золота: фабрики суконныя до того возвысились, что китайцы

не отказывались брать русское сукно, и кяхтинскіе торговцы могли обходиться безъ выписки иностранныхъ суконъ. Ситцы и нанка стали не уступать отдѣлкою уже англійскимъ; сахаръ, фарфоръ, бронза, бумага, сургучъ доведены едва ли не до совершенства. Шляпы давно уже стали требовать даже за границу. При такомъ усовершенствованіи русскихъ фабрикъ, въ Англіи едва ли не доходили до возмущенія отъ того, что рабочему народу нечего было дѣлать". Но чего не смогли ни пушки Наполеона, ни англійскія интриги, то однимъ почеркомъ пера осуществилъ фритредерскій тарифъ 1819 года— дата, въ воспоминаніяхъ нашего автора гораздо болѣе роковая, нежели „двѣнадцатый годъ". „Тарифомъ 1819 года объявлено всеобщее разрѣшеніе ввоза иностранныхъ товаровъ. Россійское купечество съ сокрушеніемъ прочло въ одномъ изъ отечественныхъ журналовъ, что въ Лондонѣ по сему случаю даны были многія празднества, британскія фабрики, передъ тѣмъ остановившіяся, пришли въ движеніе, и рабочій народъ получилъ занятіе на счетъ Россіи. Вскорѣ наводнилось отечество наше отовсюду необъятнымъ множествомъ разныхъ иностранныхъ издѣлій, между тѣмъ какъ наше желѣзо лежало на биржѣ безъ хода, и послѣдовало изъ того явное преизбыточество ввоза передъ отпускомъ отечественныхъ товаровъ, и вознагражденіе онаго звонкою монетою вывело ее всю за границу".

Въ западной Европѣ были цѣлыя страны, индустріальному развитію которыхъ континентальная блокада дала сильный толчокъ: къ ихъ числу принадлежали Саксонія и сѣверная Италія. Въ Россіи нашлась, по крайней мѣрѣ, группа населенія, среди которой русско-французскій союзъ не былъ непопуляренъ. Но Сперанскій сталъ у власти именно какъ сторонникъ этого союза. „Г. Сперанскій (M. de Speransky), секретарь императора, котораго ваше величество видѣли въ Эрфуртѣ, только что назначенъ товарищемъ министра юстиціи", доносилъ Наполеону Коленкуръ отъ $^{2}/_{15}$ января 1809 года. „Помимо того, что онъ вообще пользуется превосходной репутаціей, онъ одинъ изъ тѣхъ, кто выказываетъ наиболѣе преданности настоящей системѣ, которой другіе подчиняются больше по наружности, чѣмъ на самомъ дѣлѣ—только, чтобы понравиться государю, который продолжаетъ казаться горячимъ ея сторонникомъ". Естественно, что Наполеонъ заинтересовался такой рѣдкостью—и не забылъ Сперанскаго, хотя никакъ не могъ запомнить его имени: въ 1812 году, при разговорѣ съ Балашовымъ, французскій императоръ не безъ

настойчивости допытывался у послѣдняго, за что́ именно постигла опала бывшаго секретаря Александра I. Положеніе Балашова было очень пикантное,—ибо онъ какъ разъ и былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ при этой опалѣ: но, если вѣрить его словамъ, онъ сумѣлъ отдѣлаться общими фразами. Что разрывъ союза и паденіе Сперанскаго оказались такъ тѣсно связанными между собою, это лежало, такимъ образомъ, въ существѣ дѣла, а отнюдь не было только результатомъ провокаторскихъ разсчетовъ тѣхъ, или того, кто сослалъ Сперанскаго *). Для тѣхъ, кому Тильзитскій миръ казался источникомъ всѣхъ бѣдствій Россіи, т.-е. для всей „знати", для всего крупнаго землевладѣнія, Сперанскій былъ, дѣйствительно, измѣнникомъ: а когда логика исторіи заставила Александра стать на точку зрѣнія этихъ людей, Сперанскій сталъ измѣнникомъ и для него. Какъ съ одной стороны, нѣтъ надобности подозрѣвать сознательную клевету, такъ съ другой—дѣло вполнѣ понятно и безъ предположенія о сознательномъ предательствѣ. Перемѣна взглядовъ тѣмъ легче могла здѣсь принять форму личнаго столкновенія, что Сперанскій въ разговорахъ съ Александромъ Павловичемъ не думалъ скрывать своего преклоненія передъ Наполеономъ и Франціей даже тогда, когда не могло уже быть сомнѣнія, что ни о какой русско-французской дружбѣ больше нѣтъ рѣчи. Ихъ послѣдняя бесѣда—повидимому, опредѣлившая окончательно судьбу Сперанскаго — въ томъ и состояла, что императоръ высказывалъ намѣреніе лично вести войну противъ французовъ, а его секретарь, не обинуясь, утверждалъ, что затѣвать борьбу съ послѣдними—совершенная безсмыслица, что на полѣ битвы Александръ Павловичъ не можетъ тягаться съ Наполеономъ, и что если уже онъ такъ хочетъ вести эту войну, пусть раньше по крайней мѣрѣ спроситъ мнѣніе объ этомъ народа, созвавъ государственную думу. Тутъ-то Александръ, по его словамъ, и убѣдился вполнѣ въ „измѣнѣ" Сперанскаго **). Все это, до сихъ поръ, — „человѣческое, слишкомъ человѣческое", и могло бы случиться у всякаго государя со всякимъ министромъ: своеобразную индивидуальность въ этотъ эпизодъ—чтобы уже не возвращаться къ нему

---

*) Такова, какъ извѣстно, точка зрѣнія Шильдера, неосторожно подчинившагося здѣсь взглядамъ де-Санглена, начальника тайной полиціи Александра: на запискахъ де-Санглена основаны, главнымъ образомъ, всѣ разсказы о событіи 17 марта 1812 г.

**) Разсказъ императора объ этомъ передаетъ де-Сангленъ, конечно, въ очень упрощенномъ видѣ, многаго просто не понявъ: ему, напримѣръ, послышалось, что Сперанскій совѣтовалъ Александру созвать „боярскую думу"!

болѣе — вносятъ лишь долгія дружескія бесѣды за чашкой чая императора всероссійскаго съ такою, ужъ безъ всякаго сомнѣнія „грязной“, личностью, какъ шефъ его тайной полиціи. Хотѣлось бы вѣрить, что и эти разсказы де-Сангленa такое же хвастовство, какъ и то, что онъ повѣствуетъ о своемъ необыкновенномъ благородствѣ, посрамлявшемъ Армфельда, Балашова и другихъ приближенныхъ Александра. Но, къ сожалѣнію, извѣстія изъ другихъ источниковъ, уже гораздо болѣе надежныхъ, подтверждаютъ, что Александръ Павловичъ любилъ полицейскія мелочи не меньше военныхъ— и въ слѣжкѣ за своими врагами обнаруживалъ не меньше рвенія, чѣмъ въ „равненіи носка“ своихъ гвардейцевъ. Вскорѣ послѣ 11 марта 1801 года, когда у него произошелъ разрывъ съ Панинымъ, „императоръ“, разсказываетъ Чарторыйскій, „ежедневно по нѣскольку разъ получалъ донесенія тайной полиціи, подробно разсказывавшія, что дѣлалъ Панинъ съ утра до вечера, гдѣ онъ бывалъ, съ кѣмъ останавливался на улицѣ, сколько часовъ онъ провелъ въ томъ или другомъ домѣ, кто былъ у него и, по мѣрѣ возможности, что онъ говорилъ. Эти донесенія, читавшіяся въ негласномъ комитетѣ (!), были изложены загадочнымъ стилемъ, свойственнымъ тайной полиціи, которымъ такъ ловко пользуются ея агенты, чтобы сдѣлать себя необходимыми и придать интересъ самымъ незначительнымъ своимъ рапортамъ. Въ сущности они не заключали въ себѣ ничего, достойнаго вниманія, но императоръ чрезвычайно безпокоился и мучился даже отъ присутствія графа Панина, постоянно предполагая заговоръ съ его стороны“. Александръ не забывалъ 11 марта ни въ одинъ моментъ своей жизни,—а передъ двѣнадцатымъ годомъ опасность была къ нему ближе, чѣмъ когда бы то ни было. То, что его секретарь, какъ онъ зналъ, принадлежитъ къ масонамъ, давало достаточную почву для мнительности этого рода. Александръ боялся масоновъ. По его настоянію, де-Сангленъ вступилъ въ одну изъ ложъ и сдѣлался въ ней вице-предсѣдателемъ: за эту ложу можно было, очевидно, ручаться, но добраться до той масонской организаціи, въ которую входилъ Сперанскій, шпіонъ Александра не сумѣлъ. Сперанскій занимался тамъ, повидимому, дѣлами весьма невинными—подготовлялъ нѣчто въ родѣ нравственнаго возрожденія русскаго духовенства, разсчитывая, кажется, въ немъ найти проводника и для своихъ политическихъ идей. Никакихъ слѣдовъ заговора во всей этой, очень безобидной, вознѣ нельзя подмѣтить: но могъ ли этому повѣрить Александръ

Павловичъ, не вѣрившій ни одному изъ своихъ приближенныхъ (на этотъ счетъ онъ выражался передъ де-Сангленомъ вполнѣ опредѣленно, и его нельзя было не понять)? Сперанскій крайне непріятенъ, Сперанскій ненадеженъ, Сперанскій опасенъ,—таковы были три, совершенно послѣдовательные, этапа, которые прошла мысль Александра въ данномъ случаѣ. Итогъ былъ: Сперанскаго нужно разстрѣлять. Тутъ явился „свѣтскій человѣкъ" и европеецъ, профессоръ Парротъ—разговоръ съ нимъ былъ струей свѣжаго воздуха, ворвавшейся въ смрадную атмосферу истинно-павловскаго настроенія. Александръ понялъ, въ какое положеніе поставитъ его казнь Сперанскаго передъ тѣми, кого онъ, до извѣстной степени, уважалъ: вмѣсто казни ограничились ссылкой.

Все это были, какъ видитъ читатель, детали — была „обстановка". Суть дѣла была прямо во внѣшней политикѣ — дружба или, напротивъ, разрывъ съ Наполеономъ, — а косвенно въ экономическихъ отношеніяхъ. Споръ шелъ между промышленнымъ и аграрнымъ капитализмомъ: первому континентальная блокада была на руку, для второго въ ней заключалась гибель. Сперанскій былъ на сторонѣ перваго: чрезвычайно характерно, въ этомъ случаѣ, то, что онъ говоритъ, какъ бы мимоходомъ, въ своемъ „Планѣ" по поводу функцій отдѣльныхъ министерствъ. „Главнымъ предметомъ" министерства внутреннихъ дѣлъ для него является „промышленность": „министръ внутреннихъ дѣлъ долженъ управлять мануфактурами по ихъ уставу". То, что въ наши дни стало министерствомъ полиціи по преимуществу, для Сперанскаго было чѣмъ-то въ родѣ повторенія петровской бергъ- и мануфактуръ-коллегіи, — но съ несравненно болѣе обширнымъ райономъ полномочій. „Сверхъ сихъ трехъ существенныхъ частей (земледѣлія, фабрикъ и торговли) есть другіе предметы, кои хотя сами по себѣ и не составляютъ промышленности, но принадлежатъ къ ней или, какъ средство, коими движенія ея совершаются—таковы суть почты и пути сообщенія, или какъ естественныя послѣдствія труда и усовершенія физическихъ способностей — такова есть вообще часть учебная. Посему въ естественномъ раздѣленіи дѣлъ и сіи предметы не могутъ ни къ какому департаменту приличнѣе относиться, какъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ". „Наука, коммерція и промышленность" у Сперанскаго всегда рядомъ: „какое, впрочемъ, противорѣчіе: желать наукъ, коммерціи и промышленности и не допускать самыхъ естествен-

ныхъ ихъ послѣдствій; желать, чтобы разумъ былъ свободенъ, а воля въ цѣпяхъ... чтобы народъ обогащался и не пользовался бы лучшимъ плодомъ своего обогащенія — свободою. Нѣтъ въ исторіи примѣра, чтобы народъ просвѣщенный и коммерческій могъ долго въ рабствѣ оставаться". Политическая свобода Россіи для него вытекала, такимъ образомъ, логически изъ ея промышленнаго развитія. Его пониманіе этого послѣдняго было чисто-буржуазное: свободный, юридически, работникъ представлялся ему единственно-мыслимой базой „промышленности". „Никто не обязанъ отправлять вещественной службы, ни платить податей и повинностей, иначе, какъ по закону или по условію, а не по произволу другого". Поскольку рѣчь шла объ обрабатывающей промышленности, проекты Сперанскаго и здѣсь имѣли подъ собою вполнѣ прочное экономическое основаніе. Мы видѣли, что фабрика второй половины XVIII вѣка держалась почти исключительно на подневольномъ трудѣ. По отношенію къ старымъ отраслямъ производства — желѣзодѣлательнымъ заводамъ и суконнымъ фабрикамъ, напримѣръ — дѣло и теперь было въ прежнемъ положеніи: но текстильная промышленность новаго типа, бумагопрядильныя и бумаготкацкія мануфактуры, почти не имѣла крѣпостныхъ рабочихъ, благодаря чему къ 1825 году изъ 210,568 человѣкъ всѣхъ рабочихъ, занятыхъ на русскихъ фабрикахъ и заводахъ, 114,575 человѣкъ, т.-е. болѣе половины, было вольнонаемныхъ. Но эти же цифры показываютъ, какую роль вообще могъ играть промышленный капиталъ: что значили сто или даже двѣсти тысячъ фабричныхъ рядомъ съ девятью милліонами душъ крѣпостныхъ крестьянъ, занятыхъ почти исключительно земледѣльческимъ трудомъ? А въ этой последней области общественное мнѣніе помѣщиковъ было безусловно на сторонѣ барщиннаго хозяйства: цитированная нами въ своемъ мѣстѣ *) записка Швиткова, какъ разъ современница „Плана государственнаго образованія" — оба относятся къ одному и тому же 1809 году. Включенный въ этотъ „Планъ" проектъ юридическаго раскрѣпощенія крестьянъ подошелъ бы, можетъ быть, крупной знати — главнымъ антагонистамъ Сперанскаго по всѣмъ остальнымъ вопросамъ: вся масса средняго дворянства въ этомъ капитальномъ пунктѣ была бы противъ него; между тѣмъ, безъ содѣйствія этой дворянской массы неосуществима была политическая часть

*) См. „Русская Исторія", т. IV, стр. 116.

„Плана“, которая лично для Сперанскаго была, нѣтъ сомнѣнія, дороже всего. „Планъ“ стоялъ или падалъ, въ зависимости отъ того, пожелало бы поддержать его большинство помѣщиковъ или нѣтъ *).

Въ самомъ дѣлѣ, логически, развитіе „промышленности“, конечно, должно было привести буржуазію къ сознанію необходимости политической свободы. Но индивидуальная логика работаетъ гораздо быстрѣе исторической: съ тѣхъ поръ, какъ писалъ Сперанскій, прошло сто лѣтъ, а потребности въ политической свободѣ большинство россійскихъ „мануфактуристовъ и коммерсантовъ“ по сей день не чувствуетъ. На первыхъ же порахъ классъ предпринимателей вполнѣ былъ бы доволенъ устраненіемъ самыхъ грубыхъ формъ произвола, да возможностью подавать свой голосъ, хотя бы совѣщательный, въ вопросахъ, которые непосредственно задѣвали его интересы. „Благонамѣренный и опытный россійскій коммерсантъ“, авторъ цитированной нами записки, былъ, несомнѣнно, однимъ изъ самыхъ передовыхъ людей своего класса и своего времени: но по части „конституціи“ онъ не идетъ дальше предложенія „учредить Мануфактурный совѣтъ“, который могъ бы „предстательствовать передъ правительствомъ о тѣхъ распоряженіяхъ и пособіяхъ, какія по усмотрѣнію Совѣта для поощренія промышленности вообще или для пособія какой-либо фабрикѣ или мануфактурѣ въ особенности будутъ необходимы“. Въ самомъ дѣлѣ, до мечтаній ли о политической власти было людямъ, для которыхъ гражданское равноправіе было еще мечтой! „Совершенному развитію коммерческаго духа и способностей россіянъ есть преграда, которая пребудетъ непреодолима, доколѣ продолжится ея существованіе“, читаемъ мы у того же автора. „Преграда сія состоитъ въ недостаткахъ, какіе сокрываются въ нашей гражданственности и въ самыхъ коммерческихъ правахъ... Таковы наши гражданскіе законы, что всѣ права, облагораживающія нѣкоторымъ образомъ купца, приписаны его капиталу, а не особѣ гражданина, чему едва ли гдѣ-либо есть изъ благоучрежденныхъ государствъ примѣръ. Скажутъ, что личность и соб-

---

*) Отчасти понимая это, Сперанскій и не выдвигалъ освобожденія крестьянъ въ первую линію, — мало того, даже подчеркивалъ, что „мѣры“, направленныя къ этой цѣли, „должны быть постепенны“. Но оно логически вытекало изъ постановки имъ вопроса о „личной свободѣ“, „существо“ которой сводилось имъ къ двумъ положеніямъ: „1) безъ суда никто не можетъ быть наказанъ; 2) никто не обязанъ отправлять личную службу иначе, какъ по закону, а не по произволу другого“. „Первое изъ сихъ положеній“, признается онъ самъ въ примѣчаніи, „даетъ крѣпостнымъ людямъ право суда и, отъемля ихъ отъ помѣщиковъ, ставитъ ихъ наравнѣ со всѣми передъ закономъ“.

ственность каждаго мѣщанина довольно ограждена Городовымъ положеніемъ. На это можно отвѣчать, что о силѣ и пользѣ государственныхъ узаконеній не по тому должно судить, какъ они написаны, а по тому, какъ исполняются и какое дѣйствіе вообще производятъ. Если внимательнѣе взглянуть на настоящее положеніе нашихъ мѣщанъ, то оно ближе подходитъ къ положенію жидовъ въ Германіи *). Извѣстно, что сихъ послѣднихъ утѣсняютъ такъ, какъ безотечественныхъ, оскорбляютъ несказанно и презираютъ какъ бы по долгу и между тѣмъ ихъ укоряютъ, что они не имѣютъ понятія о честолюбіи и всѣ обманщики, мошенники и плуты". При такомъ положеніи вещей россійскому купечеству была нужна не столько конституція, сколько упорядоченный судъ и нѣкоторое самоуправленіе — и когда полвѣка спустя то и другое было дано буржуазными реформами Александра II, этого оказалось достаточно, чтобы на цѣлое поколѣніе сдѣлать русскую буржуазію однимъ изъ оплотовъ стараго порядка. Проекты старшаго современника Сперанскаго, адмирала Мордвинова, гораздо больше отвѣчали насущнымъ потребностямъ тогдашней буржуазіи, нежели „Планъ государственнаго образованія" **). У Мордвинова мы находимъ, въ зародышѣ, бóльшую часть „великихъ реформъ" 60-хъ годовъ: и освобожденіе крестьянъ за выкупъ—при чемъ Мордвиновъ не находилъ нужнымъ лицемѣрить, говоря прямо о выкупѣ личности, — и гласный судъ, и отмѣну откуповъ, и даже срочную воинскую повинность взамѣнъ рекрутчины. И если даже эти проекты не вызвали сколько-нибудь замѣтнаго движенія буржуазіи на ихъ защиту, можно себѣ представить, насколько она могла быть надежной опорой для несравненно болѣе широкихъ плановъ Сперанскаго!

Между тѣмъ, эти планы вовсе не были академической работой. Сперанскій серьезно разсчитывалъ на осуществленіе своихъ проектовъ, Александръ серьезно объ этомъ думалъ— ихъ противники не менѣе серьезно опасались введенія въ Россіи конституціи. Послѣднее доказывается, лучше всего другого, знаменитой запиской Карамзина, не даромъ доставленной Александру его сестрой, Екатериной Павловной, игравшей въ то время, по общему мнѣнію, крупную политическую роль въ высшихъ придворныхъ сферахъ, притомъ отнюдь не на сторонѣ той „системы", поклонникомъ которой

---

*) Напоминаемъ читателю, что это писано въ 20-хъ годахъ XIX вѣка.

**) Объ этихъ проектахъ см. брошюру г. Гнѣвушева: „Политико-экономическіе взгляды гр. Н. С. Мордвинова". Кіевъ, 1904.

былъ Сперанскій *). При очевидной политической слабости того класса, которому одному „система“ была выгодна, что же заставляло вѣрить въ серьезность всего плана? Традиція выдвигаетъ здѣсь, обычно, классическій „либерализмъ“ Александра Павловича въ первую половину его царствованія. Что Александръ, въ дѣлѣ снисканія себѣ популярности — преимущественно въ Европѣ, а не въ Россіи — при помощи либеральныхъ фразъ, успѣшно шелъ по стопамъ своей бабушки, Екатерины II, это не подлежитъ сомнѣнію. Но цѣну „либерализму“ ихъ обоихъ знали уже современники. Мы видѣли, въ своемъ мѣстѣ, какими чертами охарактеризовалъ режимъ корреспондентки Вольтера, въ своей предсмертной запискѣ, кн. Щербатовъ. А о „либеральныхъ убѣжденіяхъ“ ея внука вотъ что говоритъ одинъ изъ ближайшихъ его друзей, не разъ уже цитированный нами Чарторыйскій: „Императоръ любилъ внѣшнія формы свободы, какъ любятъ театральныя представленія; ему доставляло удовольствіе видѣть вокругъ себя обстановку свободнаго государства — это, притомъ, льстило его тщеславію; но ему нужны были только формы и обстановка, а не то, что имъ соотвѣтствовало въ дѣйствительности; словомъ, онъ охотно согласился бы, чтобы весь міръ былъ свободенъ, но подъ условіемъ — чтобы весь міръ съ готовностью исполнялъ его волю“. Чарторыйскій говоритъ это по поводу случая, когда сенатъ вздумалъ на практикѣ воспользоваться (въ первый и послѣдній разъ!) дарованнымъ ему въ 1802 году правомъ — дѣлать государю „представленія“. Но сенату не одинъ Александръ придавалъ только декоративное значеніе. Въ приложеніяхъ къ тѣмъ же мемуарамъ Чарторыйскаго помѣщено письмо императора по поводу уже настоящей конституціи, къ которой, повидимому, онъ относился вполнѣ серьезно: только что даровавъ Польшѣ политическую свободу, Александръ въ этомъ письмѣ больше всего — можно сказать, исключительно — заботится о томъ, чтобы „ходъ управленія и реформы“, которыя предполагается ввести, были „согласны“ съ его, Александра, „точкой зрѣнія“. Чтобы достигнуть этой цѣли, Чарторыйскій долженъ былъ, при надобности, „проявить иниціативу, для того чтобы уско-

*) Постороннимъ, притомъ заинтересованнымъ, наблюдателямъ, въ родѣ Коленкура, казалось даже, что великая княгиня не прочь повторить исторію ея знаменитой тезки. Она „ласкала старо-русскую партію, переписывалась съ выдающимися генералами“ и т. д. — словомъ, какъ будто „подготовляла издалека большія событія“. Коленкуръ только дивился — чего же смотритъ императоръ? Для него, какъ и для всѣхъ, совершенной тайной были дѣйствительныя отношенія между Александромъ и его сестрой, вскрытыя только недавно опубликованной ихъ перепиской...

рить результаты и представить проекты, согласные съ принятой системой“ — т.-е. опять-таки согласные прежде всего съ желаніями Александра Павловича. Когда обнаружилось, что конституціонныя формы мѣшаютъ свободному проявленію этихъ желаній, формы безъ церемоніи выкидывались за бортъ. „Я не могу умолчать о чрезвычайно существенномъ нарушеніи конституціи“, писалъ Чарторыйскій императору два года спустя: „указы вашего величества опубликовываются безъ контрасигнированія ихъ кѣмъ-либо изъ министровъ, что противорѣчитъ конституціи и органическимъ статутамъ... Такимъ способомъ, государь, уничтожается всякая отвѣтственность за самые серьезные акты правительства“. Въ результатѣ, познакомившись съ тѣмъ, какъ своеобразно новый польскій король понималъ „свободныя учрежденія“, поляки чувствовали себя очень мало удовлетворенными. „Я нашелъ въ Польшѣ чрезвычайную неувѣренность во всемъ и полную обезкураженность“, доносилъ Чарторыйскій еще два года спустя, вернувшись изъ продолжительной заграничной поѣздки. „Все кажется поставленнымъ подъ вопросъ; нѣтъ учрежденія, въ которомъ бы не сомнѣвались; нѣтъ печальной перемѣны, которой бы не предсказывали для страны. Такое положеніе вещей пагубно. Низшіе расчеты и личные интересы берутъ верхъ, благородныя чувства подавлены; среди высшихъ и низшихъ чиновниковъ люди слабые и неустойчивые, считая общее дѣло потеряннымъ, убѣждены, что они могутъ ни о чемъ не заботиться, кромѣ ихъ собственной выгоды“.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ конституціонной Россіи Александръ стѣснялся бы еще менѣе, нежели въ конституціонной Польшѣ. Когда Сперанскій, въ своемъ знаменитомъ оправдательномъ письмѣ къ императору (изъ Перми), увѣрялъ, что планъ русской конституціи вышелъ „изъ стократныхъ, можетъ быть, разговоровъ и разсужденій вашего величества“, онъ былъ правъ формально: поговорить на либеральныя темы Александръ очень любилъ. Но по существу Сперанскій зналъ, конечно, не хуже другихъ, чего стоятъ эти „разговоры и разсужденія“. Почему ему, въ 1809 году, казалось, что Александра можно, что называется, поймать на словѣ? Почему другіе стали опасаться, что изъ невинныхъ „разговоровъ и разсужденій“ на этотъ разъ можетъ что-то выйти? Отвѣтъ можно найти только въ томъ, что мы знаемъ объ общественномъ настроеніи тѣхъ именно мѣсяцевъ, когда вырабатывался „Планъ“. Въ это время ко всѣмъ плодамъ

тильзитскаго союза прибавился еще одинъ, некрупный, но особенно горькій: Россіи приходилось воевать, въ союзѣ съ Наполеономъ, противъ Австріи, самой феодальной изъ державъ Западной Европы, теперь, послѣ того, какъ прусскому феодализму нанесли тяжелый ударъ реформы Штейна. Вѣнская аристократія была связана чрезвычайно тѣсными узами дружбы — отчасти даже родства — съ петербургской. „Грязнымъ людямъ“ начинавшаяся война должна была казаться прямо братоубійственной. „Всѣ слишкомъ возбуждены, слишкомъ ожесточены противъ императора и графа Румянцева (канцлера) все изъ-за той же системы“, писалъ Коленкуръ въ іюнѣ 1809 года. Придворный двухъ императоровъ, обязанный сразу и успокаивать своего французскаго повелителя—понемногу приближавшагося къ краю бездны, смутно сознававшаго это и нервничавшаго—и не „выдавать“ своего русскаго коронованнаго друга, Коленкуръ старался иногда обратить дѣло въ шутку. Но какой это былъ „висѣличный юморъ“! Въ Петербургѣ теперь „безо всякой злобы“, писалъ онъ около того же времени, „говорятъ въ иномъ домѣ о томъ, что нужно убить императора, — какъ говорили бы о дождѣ или о хорошей погодѣ“. Но къ серединѣ лѣта это наигранное благодушіе не выдержало, и отъ 4 іюля Коленкуръ доносилъ ужъ безъ всякихъ шутокъ: „никогда общество не было еще столь разнузданно: это объясняется новостями изъ коммерческаго міра и ожидаемымъ появленіемъ, будто бы, англичанъ. О катастрофѣ говорятъ громче, чѣмъ когда бы то ни было“. Императоръ не очень этимъ обезпокоенъ, спѣшитъ онъ прибавить, предупреждая готовую родиться въ головѣ Наполеона мысль объ „измѣнѣ“ Александра: „эти люди слишкомъ много болтаютъ, чтобы быть опасными“ *). Но передъ 11 марта 1801 года болтали не менѣе... „Грязные люди“, на самомъ дѣлѣ, становились все опаснѣе. На кого опереться? Исконный антагонизмъ высшей знати и массы провинціальныхъ помѣщиковъ, такъ сказавшійся въ цитированной нами выше рѣчи Строганова, — антагонизмъ, въ сущности, совсѣмъ не глубокій и не серьезный, давалъ, казалось, послѣдній якорь спасенія. Противъ „крамольниковъ“ изъ потомковъ Рюрика, Гедимина и екатерининскихъ фаворитовъ можно было воззвать къ вѣрноподданному сельскому сквайру. „Дворянство имѣетъ политическія права въ

---

*) Всѣ цитаты изъ донесеній Коленкура по изданію вел. кн. Николая Михайловича „Дипломатическія сношенія Россіи и Франціи“. СПБ. 1905—6, 4 тома.

Графъ А. А. Аракчеевъ.

(Род. 23 сентября 1769 г.; † 21 апрѣля 1834 г.)

Искуснымъ рѣзцомъ художника Н. И. Уткина съ пастели Вагнера 1818 г. возсоздается передъ нами изображеніе *истинно-русскаго неученаго дворянина* съ портретомъ либеральнаго императора на груди; то былъ не только «истинно-русскій дворянинъ», но и настоящій фруктъ самодержавно-бюрократическаго россійскаго строя начала XIX столѣтія. Зазнавшійся чиновникъ, безпардонный лгунъ, великій истязатель подвластныхъ ему людей, не знавшій никакого удержу нахалъ и жалкій трусъ Аракчеевъ драгоцѣненъ для историческихъ наблюденій, какъ блестящій выразитель эпохи и класса, на который всецѣло принуждена была опираться власть. Пушкинъ назвалъ его «геніемъ зла» и написалъ въ 1820 г. такую эпиграмму *На Аракчеева* (I, 221):

Всей Россіи притѣснитель,
Губернаторовъ мучитель,
И Совѣта онъ учитель,
А царю онъ другъ и братъ.
Полонъ злобы, полонъ мести,
Безъ ума, безъ чувствъ, безъ чести—
Кто жъ онъ „преданный безъ лести?“
Просто фрунтовой солдатъ.

Отмѣчая въ «отрывкахъ изъ дневника» разныя новости 1834 г., Пушкинъ пишетъ: «умеръ Аракчеевъ, и смерть этого *самодержца* не произвела никакого впечатлѣнія» (V, 207). Безумно влюбленный въ Россію, потерявшій свою жизнь на висѣлицѣ, поэтъ К. Ѳ. Рылѣевъ почтилъ Аракчеева сатирой «*Къ временщику*» (въ журналѣ «Невскій Зритель» за 1820 г., кн. IV):

Надменный временщикъ, и подлый и коварный,
Монарха хитрый льстецъ и другъ неблагодарный,
Неистовый тиранъ родной страны своей,
Взнесенный въ важный санъ пронырствами злодѣй!
Ты на меня взирать съ презрѣніемъ дерзаешь,
И въ грозномъ взорѣ мнѣ свой ярый гнѣвъ являешь.
Твоимъ вниманіемъ не дорожу, подлецъ!
Изъ устъ твоихъ хула—достойныхъ хвалъ вѣнецъ!
Смѣюсь мнѣ сдѣланнымъ тобою униженьямъ!
Могу ль унизиться твоимъ пренебреженьемъ,
Коль самъ съ презрѣніемъ я на тебя гляжу,
И гордъ, что чувствъ твоихъ въ себѣ не нахожу.
. . . .
О, какъ на лирѣ я потщусь прославить,
Отечество мое кто отъ тебя избавитъ!
. . . .
Все трепещи, тиранъ! За зло и вѣроломство
Тебѣ свой приговоръ произнесетъ потомство!

Современные Аракчееву поэты черезчуръ не пощадили «служилаго холопа»; не оказались болѣе снисходительными писатели второй половины прошлаго вѣка. Кто могъ бы не узнать Аракчеева въ одномъ изъ градоначальниковъ города Глупова, въ Угрюмъ-Бурчеевѣ («бывый прохвостъ»), обрисованномъ искуснымъ перомъ М. Е. Салтыкова.

Посвященная Аракчееву глава въ «Исторіи одного города» изумительна, и ее надо цѣликомъ и внимательно перечитать, прежде чѣмъ вглядываться въ прекрасное произведеніе Уткинскаго рѣзца. «Районъ, который обнималъ кругозоръ этого идіота, былъ очень узокъ, писалъ Салтыковъ... Это мужчина средняго роста, съ какимъ-то деревяннымъ лицомъ, очевидно, никогда не освѣщавшимся улыбкой. Густые, остриженные подъ гребенку и, какъ смоль, черные волосы покрываютъ коническій черепъ

и плотно, какъ ермолка, обрамливаютъ узкій и покатый лобъ. Глаза сѣрые, впавшіе, осѣненные нѣсколько припухшими вѣками; взглядъ чистый, безъ колебаній; носъ сухой, спускающійся отъ лба почти въ прямомъ направленіи книзу; губы тонкія, блѣдныя, опушенныя подстриженною щетиной усовъ; челюсти развитыя, но безъ выдающагося выраженія плотоядности, а съ какимъ-то необъяснимымъ букетомъ готовности раздробить или перекусить пополамъ. Вся фигура сухощавая, съ узкими плечами, приподнятыми кверху, съ искусственно выпяченною впередъ грудью и съ длинными, мускулистыми руками. Одѣтъ онъ въ военнаго покроя сюртукъ, застегнутый на всѣ пуговицы... Передъ глазами зрителя возстаетъ чистѣйшій типъ идіота, принявшаго какое-то мрачное рѣшеніе и давшаго себѣ клятву привести его въ исполненіе. Идіоты вообще очень опасны, и даже не потому, что они непремѣнно злы (въ идіотѣ злость или доброта совершенно безразличныя качества), а потому что они чужды всякимъ соображеніямъ и всегда идутъ напроломъ, какъ будто дорога, на которой они очутились, принадлежитъ исключительно имъ однимъ. Издали можетъ показаться, что это люди и суровыхъ, но крѣпко сложившихся убѣжденій, которые сознательно стремятся къ твердо намѣченной цѣли. Однако жъ, это оптическій обманъ, которымъ отнюдь не слѣдуетъ увлекаться. Это просто со всѣхъ сторонъ наглухо закупоренныя существа, которыя ломятъ впередъ, потому что не въ состояніи сознать себя въ связи съ какимъ бы то ни было порядкомъ явленій... Обыкновенно противу идіотовъ принимаются извѣстныя мѣры, чтобы они, въ неразумной стремительности, не все опрокидывали, что встрѣчается имъ на пути. Но мѣры эти почти всегда касаются только *простыхъ* идіотовъ, когда же придаткомъ къ идіотству является властность, то дѣло огражденія общества значительно усложняется. Въ этомъ случаѣ грозящая опасность увеличивается всею суммою неприкрытости, въ жертву которой, въ извѣстные историческіе моменты, кажется отданною жизнь... Тамъ, гдѣ простой идіотъ расшибаетъ себѣ голову или наскакиваетъ на рожонъ, идіотъ властный раздробляетъ пополамъ всевозможные рожны и совершаетъ свои, такъ сказать, безсознательныя злодѣянія вполнѣ безпрепятственно. Даже въ самой безплодности или очевидномъ вредѣ этихъ злодѣяній онъ не почерпаетъ никакихъ для себя поученій. Ему нѣтъ дѣла ни до какихъ результатовъ, потому что результаты эти выясняются не на немъ (онъ слишкомъ окаменѣлъ, чтобы на немъ могло что-нибудь отражаться), а на чемъ-то иномъ, съ чѣмъ у него не существуетъ никакой органической связи. Если бы, вслѣдствіе усиленной идіотской дѣятельности, даже весь міръ обратился въ пустыню, то и этотъ результатъ не устрашилъ бы идіота. Кто знаетъ, быть можетъ, пустыня и представляетъ въ его глазахъ именно ту обстановку, которая изображаетъ собой идеалъ человѣческаго общежитія». (Сочиненія, т. VII, Спб., 1892). Однако портретъ, нарисованный Салтыковымъ, — портретъ беллетристическій, искусственно расчитанный на рѣзкость опредѣленнаго впечатлѣнія. У насъ есть болѣе историческіе портреты, выраженные также словесно. Вотъ что записалъ, напр., генералъ Н. А. Саблуковъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ»: «По наружности Аракчеевъ похожъ на большую обезьяну въ мундирѣ. Онъ былъ высокъ ростомъ, худощавъ и жилистъ, въ его складѣ не было ничего стройнаго, такъ какъ онъ былъ очень сутуловатъ и имѣлъ длинную тонкую шею, на которой можно было бы изучать анатомію жилъ, мышцъ и т. п. Сверхъ того, онъ какъ-то судорожно морщилъ подбородокъ. У него были большія мясистыя уши, толстая, безобразная голова, всегда наклоненная въ сторону; цвѣтъ лица его былъ нечистъ, щеки впалыя, носъ широкій и угловатый, ноздри вздутыя, ротъ большой, лобъ нависшій. Чтобы дорисовать его портретъ, — у него были впалые, сѣрые глаза, и все выраженіе его лица представляло странную смѣсь ума и злости». Другой военный человѣкъ, Гриббе, впервые увидавшій Аракчеева въ 1822 г., написалъ о немъ такія строки: «Фигура графа поразила меня своею непривлекательностью; представьте себѣ человѣка средняго роста, сутулаго, съ темными и густыми, какъ щетка, волосами, низкимъ волнистымъ лбомъ, съ небольшими страшно-холодными и мутными глазами, съ толстымъ, весьма неизящнымъ носомъ, формы башмака, довольно длиннымъ подбородкомъ и плотно сжатыми губами, на которыхъ никто, кажется, никогда не видывалъ улыбки или усмѣшки. Верхняя губа была чисто выбрита, что придавало его рту еще болѣе непріятное выраженіе. Прибавьте ко всему этому еще сѣрую куртку, надѣтую сверхъ артиллерійскаго сюртука (такъ онъ одѣ-

вался при осмотрѣ полей, работъ поселянъ). Онъ говорилъ сильно въ носъ и имѣлъ привычку не договаривать окончанія словъ, точно проглатывалъ ихъ». Александръ I никогда не разставался съ Аракчеевымъ; онъ былъ съ нимъ даже тогда, когда послѣдняго не было въ Петербургѣ. Но Александръ также не довѣрялъ всего Аракчееву, какъ онъ вовсе не довѣрялъ Сперанскому, ибо онъ не довѣрялъ вообще никому; Александръ не любилъ и презиралъ людей. Однажды императоръ прямо сказалъ: «Я не вѣрю никому, я вѣрю лишь въ то, что всѣ люди—мерзавцы». Съ точки зрѣнія императора Александра I, въ этомъ смыслѣ не былъ исключеніемъ и графъ Аракчеевъ. Литература придала слишкомъ большое значеніе непосредственно личности Аракчеева, и только въ лицѣ Салтыкова коснулась нѣсколько строя, который долженъ былъ создавать красоты аракчеевщины. Въ наши дни поблекла эта ярость противъ Аракчеева, она смѣнилась ненавистью къ аракчеевщинѣ; это послѣднее стало нарицательнымъ и не менѣе удобно прилагается къ моментамъ, окрашеннымъ дѣятельностью иныхъ лицъ временщическаго типа. Даже болѣе того. Совсѣмъ новые изслѣдователи совершенно чужды мысли, что Аракчеевъ—источникъ зла; напротивъ, они готовы видѣть въ немъ лишь невольное отраженіе истинной фигуры зла, умѣвшей прикрываться изящными и нѣжными формами. Развѣ Аракчеевъ былъ поклонникомъ военныхъ поселеній? Развѣ онъ не былъ вначалѣ враждебно противъ нихъ настроенъ?.. Однако, 28 іюня 1810 г. ему исключительно поручено было попеченіе объ устройствѣ военныхъ поселеній, и онъ взялся за такое дѣло ретиво, восторженно, путемъ террора и избіеній, сохранивъ за собой до конца дней императора Александра I командованіе отдѣльнымъ корпусомъ военныхъ поселеній. Смутную мысль о военныхъ поселеніяхъ, повидимому, могла вселить императору Александру I еще либеральная записка В. Н. Каразина, найденная царемъ на столѣ у себя въ кабинетѣ утромъ 22 марта 1801 г. Каразинъ рисуетъ идиллическую картину красоты эксплуатаціи арміи въ мирное время для цѣлей внѣшняго гражданскаго благоустройства и говоритъ о соединеніи воина съ поселяниномъ. Александръ I могъ запомнить эту каразинскую химеру о соединеніи воина съ поселяниномъ и дойти до знаменитой фразы, упомянутой генераломъ Шильдеромъ, что онъ выложитъ всю дорогу отъ Петербурга до Новгорода людскими трупами, но все-таки устроитъ военныя поселенія. Это непріятное дѣло и было поручено Аракчееву, спеціально для котораго велѣно было перевести на русскій языкъ статью генерала Сервана *Sur les forces frontières des états*. Если въ своей государственной дѣятельности Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ явился блестящимъ отраженіемъ тогдашняго политическаго быта русской имперіи, то въ селѣ Грузинѣ Новгородской губерніи, подаренномъ ему императоромъ Павломъ I, Аракчеевъ съ художественной выпуклостью отражалъ основныя черты тогдашняго крѣпостного права... Въ 1806 г., въ годъ своей женитьбы на молоденькой дворянкѣ Хомутовой, Аракчеевъ соорудилъ въ саду этого грузинскаго имѣнія чугунную вазу въ честь Настасьи Ѳеодоровны Минкиной, своего сердечнаго «друга». «Другъ» былъ вмѣстѣ съ тѣмъ домоправительницей Грузина, отъ которой изливались на крѣпостныхъ столь тяжкія муки, что люди, наконецъ, не выдержали и убили ее 10 сентября 1825 г. Въ Петербургѣ у Аракчеева былъ другой сердечный «другъ», жена бывшаго синодскаго секретаря Варвара Петровна Пукалова, черезъ которую на ловкихъ людей изливались чины и ордена. Страсть Аракчеева причинять другимъ тяжкія физическія муки отвѣчала особенностямъ эпохи, но она выродилась у него въ нѣчто большее. Русскій строй начала XIX вѣка доводилъ людей до психическаго разстройства. Эта болѣзнь, въ связи съ излишествами Аракчеева, и доводила его до припадковъ умоизступленія. Врачъ военныхъ поселеній Европеусъ находилъ у Аракчеева развинченную психику, глубокое разстройство всей нервной системы, мнительность, припадки тоски и безсонницы. Умирая, Аракчеевъ находилъ единственное развлеченіе въ томъ, что истязалъ приводившагося къ нему для того мальчика-садовника. Въ публикѣ Аракчеева звали не иначе, какъ *людоѣдомъ*. Но при всемъ томъ, Аракчееву никакъ нельзя отказать ни въ умѣ, ни въ способностяхъ, ни въ умѣньѣ до извѣстнаго предѣла владѣть императоромъ Александромъ Первымъ. Наше введеніе къ портрету Аракчеева можетъ быть только нѣкоторымъ наброскомъ, который нельзя не закончить упоминаніемъ о выводахъ, пытающихся парализовать старыя воззрѣнія на такъ называемую «дружбу» Александра I и Аракчеева.

Императоръ Павелъ I отставилъ Аракчеева отъ службы «за ложное донесеніе». Цесаревичъ Александръ, узнавъ на плацу, во время развода о замѣнѣ Аракчеева Амбразанцевымъ, сказалъ Тучкову: «Слава Богу, могли бы опять попасть на такого *мерзавца*, какъ Аракчеевъ». Приводя указанный фактъ, А. Кизеветтеръ пишетъ: «Александръ приближалъ къ себѣ Аракчеева не потому, что былъ плѣненъ его личностью или поддался его вліянію, но потому, что считалъ Аракчеева *необходимымъ* для себя человѣкомъ». Въ чемъ же заключалась эта необходимость? Цѣлая глава въ спеціальной работѣ А. Кизеветтера посвящена отвѣту на этотъ вопросъ, и въ конечномъ счетѣ мы читаемъ такіе выводы (стр. 401 *Историческихъ очерковъ*): «Александръ не былъ плѣнникомъ аракчеевскаго очарованія. Онъ былъ лишь тѣмъ расчетливымъ хозяиномъ, который считаетъ не лишнимъ держать у своихъ покоевъ на цѣпи злого сторожевого пса. Александръ и Аракчеевъ по отношенію другъ къ другу все время являлись актерами, одинаково искусно выполняющими принятую на себя роль. Въ этомъ заключалось внутреннее сродство ихъ натуръ. Александръ ласкалъ Аракчеева, считая его въ душѣ «мерзавцемъ» и даже высказываясь въ этомъ смыслѣ въ минуты невольной откровенности съ окружающими людьми. Аракчеевъ всѣми доступными для него способами афишировалъ безграничную преданность Александру и въ то же время оказался способнымъ махнуть рукой на доносъ Шервуда въ такой моментъ, когда надъ головой Александра скоплялись дѣйствительныя опасности. Въ 1812 г. Аракчеевъ сказалъ: «что мнѣ до отечества, былъ бы лишь въ безопасности государь». Во имя полной искренности онъ могъ бы перефразировать это достопамятное изреченіе и сказать: «что мнѣ до государя, были бы только для меня самого обезпечены его великія и богатыя милости». Основной выводъ такого историческаго писателя, какъ А. А. Кизеветтеръ, неотразимо тяжелъ: «истинно-русскій неученый дворянинъ» всегда является абсолютной необходимостью извѣстнаго жизненнаго строя... Оттого-то такъ и мучительно больно жить русскому человѣку...

В. Стор.

„РУССКАЯ ИСТОРІЯ".

Изд. Т-ва „МІРЪ"

выборѣ и представленіи", читаемъ мы въ „Планѣ", „но не иначе, какъ на основаніи собственности"—добавилъ вѣрный своей юридической логикѣ Сперанскій: добавка невинная, потому что безземельные дворяне и раньше голоса не имѣли „Всѣ свободные промыслы, дозволенные закономъ, открыты дворянству. Оно можетъ вступать въ купечество и другія званія, не теряя своего состоянія". Соглашались даже удовлетворить давнее требованіе, обойденное Екатериной II,—закрыть двери въ благородное сословіе передъ служилыми разночинцами. „Личное дворянство не превращается въ потомственное однимъ совершеніемъ службы; къ сему потребны особенныя заслуги, по уваженію коихъ императорскою властію въ теченіе службы или по окончаніи ея даруется потомственное дворянство и удостовѣряется особеннымъ дипломомъ".

Экспериментъ былъ не лишенъ интереса. При столкновеніи съ жизнью отъ буржуазной схемы Сперанскаго осталось бы, вѣроятно, не очень много—но кое-какія точки опоры въ дворянской массѣ правительство могло бы найти. Декабристы не съ неба свалились, а вышли изъ этой массы—и если пятнадцать лѣтъ спустя общественнаго возбужденія хватило для революціонной вспышки, въ 1810 году его, вѣроятно, нашлось бы уже достаточно для мирной демонстраціи, въ родѣ екатерининской комиссіи 1767 года. Но основаніе, на которомъ строилъ Сперанскій, было слишкомъ зыбкое. Этимъ основаніемъ, въ сущности, былъ страхъ Александра Павловича передъ „катастрофой". Этотъ страхъ, пока, боролся еще съ чувствомъ собственнаго достоинства: еще въ апрѣлѣ 1809 года Сперанскому было позволено довольно болѣзненно уколоть „грязныхъ людей", лишивъ служебныхъ преимуществъ придворныя званія. Это не была антидворянская мѣра, какъ часто думаютъ: дѣти пензенскаго или тамбовскаго помѣщика мало имѣли шансовъ сдѣлать карьеру при дворѣ. Указъ 3 апрѣля билъ по молодежи изъ тѣхъ домовъ, гдѣ говорили объ убійствѣ Александра, „какъ говорятъ о дождѣ или хорошей погодѣ". Даже еще въ августѣ этого года „буржуазное" направленіе одержало нѣкоторую побѣду: указъ 6 августа поставилъ производство въ высшіе гражданскіе чины въ зависимость отъ образовательнаго ценза. Интересы дворянства прямо этотъ указъ задѣвалъ еще менѣе: дворяне служили либо по выборамъ, либо въ военной службѣ—а ни того, ни другого указъ не касался. Но онъ упрочивалъ служебное положеніе семинаристовъ, въ тогдашней Россіи самой образованной части чиновничества, ибо университетъ давалъ пока

ничтожное количество подготовленныхъ спеціалистовъ, да и среди студентовъ лучшими были опять-таки бывшіе воспитанники духовныхъ семинарій. Дворянство съ трудомъ переносило и одного Сперанскаго—а тутъ собирались устроить цѣлый разсадникъ Сперанскихъ! Мѣра не могла быть популярной, но, конечно, смѣшно было бы ставить исходъ всего дѣла въ зависимость отъ подобныхъ мелочей. Поворотъ политики сказался, когда дошло до осуществленія „Плана". Согласно послѣднему, участіе въ законодательствѣ съ императоромъ должна была дѣлить государственная дума, изъ депутатовъ, избранныхъ путемъ четырехстепенныхъ выборовъ отъ всѣхъ землевладѣльцевъ (размѣры ценза Сперанскимъ не были точно установлены). Предѣлы компетенціи этого собранія были очерчены „Планомъ" довольно тѣсно: оно было лишено законодательной инціативы, его предсѣдатель долженъ былъ утверждаться императоромъ, а секретарь былъ и прямо изъ чиновниковъ. Видимо, дворянамъ, которые должны были дать $^9/_{10}$ всѣхъ депутатовъ, не очень довѣряли. Но, тѣмъ не менѣе, дума должна была представлять собою среднее дворянство и отчасти буржуазію: тѣ, чья компетенція до сихъ поръ шла не дальше *мѣстныхъ* дѣлъ, теперь призывались для рѣшенія вопросовъ общегосударственныхъ. Чрезвычайно характерно, что именно эта относительная демократизація центральнаго управленія и не прошла. Вмѣсто думы ограничились открытіемъ, 1 января 1810 года, *государственнаго совѣта*. Онъ былъ и въ схемѣ Сперанскаго, но здѣсь это была чисто-чиновничья коллегія, непосредственно содѣйствовавшая императору въ текущемъ управленіи, — нѣчто въ родѣ расширеннаго государева кабинета. Исторія, не безъ содѣйствія Александра Павловича, сдѣлала изъ него нѣчто совершенно иное. На этотъ счетъ мы имѣемъ свидѣтельство исключительной цѣнности: подлинныя слова самого императора, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ записанныя Коленкуромъ. Съ чувствомъ большого удовлетворенія разсказывая послѣднему, какъ ему удалось провести черезъ совѣтъ на 60 милліоновъ новыхъ налоговъ — мы помнимъ, что финансовыя затрудненія были исходной точкой всѣхъ проектовъ,—Александръ добавилъ: „Я могъ бы просто приказать, но я достигъ того же результата, а въ то же время всѣ умы во всей имперіи отнесутся къ этой мѣрѣ съ большимъ довѣріемъ, когда увидятъ вмѣстѣ съ указомъ мнѣніе совѣта, скрѣпленное подписями его членовъ, принадлежащихъ всей имперіи, *изъ которыхъ нѣкоторые даже прямо* про-

исходятъ отъ старинныхъ московскихъ бояръ (dont quelques-uns même tiennent directement aux vieux Russes de Moscou)“. То, что для Сперанскаго было орудіемъ царской власти, для Александра было моральной силой, на которую эта власть пробовала опереться. Еще не высохли чернила, которыми былъ написанъ проектъ, растворявшій привилегіи „старыхъ московскихъ русскихъ“ въ правахъ всей дворянской массы, а уже Александръ гордился, что „старые русскіе“ не отказали ему въ поддержкѣ! Ролью органа общественнаго мнѣнія, которую игралъ совѣтъ въ глазахъ Александра, объясняется и та странная парламентская декорація, среди которой выступаетъ это учрежденіе въ „Образованіи“ 1810 года. „Старыхъ русскихъ“ нужно было почтить. Но „общественное мнѣніе“, говорившее устами новаго учрежденія,—это было мнѣніе все той же „знати“, которая раньше дала „молодыхъ друзей“, позже превратившихся въ „грязныхъ людей“. Въ разговорѣ съ Коленкуромъ Александръ наивно признавался въ своей капитуляціи передъ этими послѣдними. Государственный совѣтъ, который, по мысли Сперанскаго, долженъ былъ стать первымъ камнемъ новаго государственнаго зданія, на самомъ дѣлѣ оказался надгробнымъ памятникомъ „Плана государственнаго образованія“.

Для капитуляціи было слишкомъ время. Тѣ же донесенія Коленкура достаточно показываютъ, что только человѣкъ исключительнаго мужества смогъ бы удержаться противъ той бури, которая грозила Александру къ концу 1809 года. Уже самый фактъ австрійской войны былъ, какъ мы знаемъ, невыносимо тягостенъ высшему дворянству. Каково же было ему узнать, что ея ближайшимъ результатомъ будетъ возстановленіе той самой Польши, которую разрушила екатерининская Россія! Галиція, отнятая у Австріи не безъ содѣйствія—хотя, нужно признаться, крайне слабаго—русскихъ штыковъ, должна была пойти на усиленіе герцогства Варшавскаго, вотъ-вотъ готоваго превратиться въ польское королевство. Въ это время „не было уже больше никакой мѣры въ отзывахъ объ императорѣ Александрѣ; объ его убійствѣ говорили громко“. „За все время своего пребыванія въ Петербургѣ я не видалъ умовъ въ такомъ волненіи“, прибавляетъ Коленкуръ. „Всѣ окружающіе государя, даже наиболѣе ему преданные, перепуганы“. Александръ умѣлъ сохранить наружность спокойнаго человѣка. Но до Коленкура уже доходили слухи, что поѣздка царя въ Москву (въ декабрѣ 1809 года) предпринята не безъ задней мысли—позондировать мнѣніе того класса

общества, который Коленкуръ называетъ noblesse, подъ каковымъ названіемъ не приходится разумѣть, конечно, Коробочекъ и Собакевичей: Москва издавна была гнѣздомъ оппозиціонной знати. Пріемъ, встрѣченный Александромъ со стороны этой послѣдней, чрезвычайно ободрилъ императора: чортъ вблизи оказался не такъ страшенъ, какъ представляли себѣ въ Петербургѣ, а главное, Александръ сталъ находить, что чортъ разсуждаетъ довольно здраво. Въ разговорѣ съ Коленкуромъ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ поѣздки, Александръ впервые, очень осторожно и съ массой оговорокъ, высказалъ свои сомнѣнія въ правильности „системы", усвоенной имъ послѣ Тильзита. „Такъ думаютъ въ Москвѣ", прибавилъ онъ; „эти люди не совсѣмъ не правы въ своей оцѣнкѣ вашего внутренняго положенія — и моего, на тотъ случай, если бы императора (Наполеона) постигло какое-нибудь несчастіе". Еще въ началѣ года со „знатью" шла безпощадная война, въ серединѣ года стало ясно, что война можетъ обойтись дороже, чѣмъ кто-либо ожидалъ—а въ концѣ его оказывалось, что столковаться съ „грязными людьми" не невозможно. Это, во всякомъ случаѣ, было проще, чѣмъ предпринимать конституціонные эксперименты. Притомъ для послѣднихъ и времени уже не оставалось. Читатель очень ошибся бы, если бы отнесъ происшедшій переворотъ исключительно на счетъ перемѣны настроенія Александра Павловича. Это послѣднее само было производнымъ моментомъ—въ основѣ лежали условія болѣе элементарныя. Еще въ іюлѣ, говоря съ Коленкуромъ, Александръ такъ охарактеризовалъ итоги русско-французскаго союза, вынудившаго Россію воевать сначала съ Англіей, а потомъ съ Австріей: въ первой изъ этихъ войнъ „его (Александра) торговля уничтожена, ея учрежденія сожжены, порты и берега находятся подъ угрозой непріятельскаго нашествія, страна, богатая только продуктами, которыхъ ей некуда вывозить, затронута въ самыхъ источникахъ своего благосостоянія. Вторая стоитъ огромныхъ денегъ, такъ какъ приходится содержать войско за границей на звонкую монету, въ такой моментъ, когда курсъ чрезвычайно невыгоденъ для Россіи..." Для покрытія военныхъ издержекъ—а также для того, чтобы поддержать курсъ—въ сентябрѣ пришлось заключить заемъ—изъ 8%! Такъ дольше жить было нельзя.

Годъ спустя, къ концу 1810 года, „система", въ сущности, уже рухнула. Тарифомъ 18/31 декабря этого года была объявлена таможенная война Франціи—въ то время какъ англійская контрабанда стала терпѣться почти открыто. И не слу-

чайно къ этому же самому времени относится знаменитая переписка Александра съ Чарторыйскимъ, такъ долго лежавшая подъ спудомъ — и не даромъ: ибо послѣ ея опубликованія совершенно невозможно говорить о „нашествіи“ Наполеона на Россію въ 1810 году. Письма Александра не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что Россія готова была напасть на Францію уже въ декабрѣ 1810 года; императоръ подробно перечисляетъ силы, которыми онъ думалъ располагать для этой цѣли, дѣлая только небольшую ошибку: 50.000 поляковъ, которыхъ онъ считалъ на своей сторонѣ, на самомъ дѣлѣ оказались на сторонѣ Наполеона, отказавшись принять „данайскій даръ“ — конституцію, которую гарантировалъ Александръ польскому королевству, возрожденному при помощи русскаго оружія. Въ 1815 году Александръ только осуществилъ это свое старое обѣщаніе. Отказъ поляковъ измѣнить Наполеону въ 1810 году сорвалъ весь планъ: имѣя Польшу противъ себя, Александръ не рѣшился на наступательную кампанію, а пруссаки не соглашались присоединиться къ русскимъ иначе, какъ подъ условіемъ, чтобы тѣ шли впередъ. Наполеонъ, вовремя предупрежденный, получилъ полтора года на подготовку своего „нашествія“—по существу являвшагося актомъ необходимой самообороны. Россія воспользовалась отсрочкой гораздо хуже. Кампаніи 1813—14 гг. показали, что, съ помощью англійскихъ субсидій, Александръ имѣлъ полную возможность мобилизовать тѣ же 400.000 штыковъ, которые перешли Нѣманъ съ Наполеономъ въ іюнѣ 1812 года — и остановить этимъ французовъ по ту сторону Двины и Днѣпра, если даже не перейти въ наступленіе. Пожаръ Москвы и разореніе средней Россіи были бы этимъ предупреждены. Но „знать“, очутившись снова въ сѣдлѣ, была занята не этимъ: ей нужно было расправиться со своимъ „внутреннимъ врагомъ“, воплотившемся въ секретарѣ Александра Павловича. Мы ужъ видѣли тѣ субъективныя условія, которыя опредѣлили перемѣну въ отношеніяхъ императора къ Сперанскому. Объективно, паденіе послѣдняго было совершенно необходимой составной частью паденія „системы“, выдвинувшей Сперанскаго на первое мѣсто. Нельзя не прибавить одной подробности: однимъ изъ ближайшихъ виновниковъ событія 17 марта 1812 года былъ человѣкъ, воплощавшій въ себѣ политическое міросозерцаніе знати въ максимальной степени. То былъ шведскій эмигрантъ графъ Армфельдъ. Его принято разсматривать, обыкновенно, съ одной изъ двухъ точекъ зрѣнія: или какъ горячаго финлянд-

скаго патріота, или какъ одного изъ величайшихъ интригановъ своего времени. Онъ былъ, какъ это ни странно, и тѣмъ, и другимъ одновременно: двусмысленное положеніе финляндскаго дворянства тѣхъ дней, шведскаго по культурѣ и исторической традиціи, но тянувшаго къ Россіи во имя политическаго расчета, выдвигало на первое мѣсто такія двусмысленныя фигуры. Но у этой сложной личности была и еще одна сторона—хорошо освѣщенная въ запискахъ декабриста Волконскаго. Армфельдъ, разсказываетъ Волконскій, „взойдя въ тайную связь съ непріятелями Сперанскаго въ высшихъ слояхъ государственнаго управленія, старался имѣть опору и въ молодежи (т.-е. въ гвардейскомъ офицерствѣ, къ которому принадлежалъ авторъ записокъ, тогда флигель-адъютантъ Александра Павловича). Я очень хорошо помню, какъ, при встрѣчахъ въ общественномъ кругу съ молодежью, онъ старался съ нами сближаться, и разговоръ его всегда клонился къ тому, чтобы высказывать намъ, что аристократія должна faire faisceau (тѣсно сплотиться), что аристократія должна и можетъ имѣть вѣсъ въ государственномъ управленіи, что выскочки изъ демократическаго строя, вышедшіе въ люди, прямые враги значенія аристократіи, что, составляя цѣлое, аристократія получитъ значеніе,—и этими сужденіями возбуждалъ насъ на дѣло, сходное съ его намѣреніями... Какія были дальнія намѣренія Армфельда, положительно не могу выказать, но изъ мною слышаннаго полагаю, что цѣль его не была только смѣщеніе Сперанскаго... А перебирая въ памяти его бесѣды съ нами, выказываемое имъ желаніе сблизиться съ нами и имѣть въ насъ опору, я невольно полагаю, что его замыслы были: устроить въ Россіи образъ правленія на аристократическихъ началахъ“.

Такимъ образомъ, не только крушеніе „Плана государственнаго образованія“, но и самый эпизодъ ссылки Сперанскаго не лишенъ былъ принципіальной основы—и выводить этотъ эпизодъ исключительно изъ личныхъ отношеній императора и его секретаря было бы не исторично. Напротивъ, какъ финалъ, чрезвычайно характерна эта дуэль стараго аристократическаго, „монаршизма“, нашедшаго себѣ выразителя въ шведскомъ графѣ — и началъ буржуазной конституціи, представителемъ которыхъ явился русскій тайный совѣтникъ изъ семинаристовъ. Но Армфельдъ со своими проектами оказался черезчуръ европейцемъ: его русскіе односословники, сломивъ упрямство своего государя, вовсе не чувствовали настоятельной потребности въ организаціи у насъ

„правленія на аристократическихъ началахъ“. И по пословицѣ „при ссорѣ двухъ радуется третій“—отъ перваго столкновенія аристократіи съ демократіей на русской почвѣ выигрышъ достался третьей силѣ, двумя борющимися не предусмотрѣнной. И Сперанскій, и Армфельдъ пали: остался Аракчеевъ.

ГЛАВА XVIII.

Декабристы.

1. Тайныя общества.

аденіе Сперанскаго означало, казалось, крушеніе всѣхъ „либеральныхъ“ проектовъ Александра Павловича. А такъ какъ проекты шли сверху, общество, исключая придворные круги, о нихъ почти не знало—и уже поэтому должно было относиться къ нимъ безразлично, то, казалось бы, и „общественному движенію“ долженъ былъ наступить конецъ. На самомъ дѣлѣ именно 1812 годъ явился

На случай восшествія на престолъ Александра I.

Оригиналъ картины «На случай восшествія на престолъ.....», написанный красками на фарфорѣ, находится въ С.-Петербургской Публичной Библіотекѣ. Подъ гравюрой изображенъ русскій гербъ, и приведена ея легенда: Peint par Ferdinand de Meys.—Gravé par Avril à Paris 1805.—На случай возшествія на всероссійскій Престолъ Государя Императора *Александра I-го* посвящено и поднесено Ея величеству всеавгустѣйшей Государынѣ Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ преданнѣйшимъ и всепокорнѣйшимъ слугою Фердинандомъ де Мейсомъ.—Alexandre I-er Empereur de toutes les Russies à son avénement au trône. Dedié et Présenté à Sa Majesté l'Impératrice Son Auguste Epouse. Par Son très humble et très obéissant Serviteur Ferdinand de Meys.—A Paris Rue Cassette, № 24. Картина посвящена художникомъ императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ: послѣдняя и представляетъ на картинѣ Россію, подносящую Александру I корону и скипетръ на подушкѣ. Аллегорія художника производитъ холодное впечатлѣніе, страдаетъ отсутствіемъ всякой непосредственности, скорѣе можно наблюсти въ ней всѣ слѣды вымученности и черезчуръ сознательной угодливости.

Восшествіе на престолъ императора Александра I не разъ было описано и мемуаристами, и историками,—описано односторонне и наивно, либерально и безсознательно. Черта научнаго критицизма почти до нашихъ дней не прорѣзала съ достаточною глубиной первыхъ лѣтъ XIX столѣтія въ русской исторіи. Изображая эти года, и тѣ и другіе обыкновенно забываютъ Россію и выдвигаютъ на первый планъ впечатлѣнія полсотни дворянъ и десятка чиновниковъ: освѣщеніе получается крайне однобокое. Въ искусствѣ рѣзче всего отразилась манера необузданной апологіи, выразительнаго диѳирамба, крайняго мистицизма и безудержнаго холопства.

D' Alexandre à jamais vous viendra le bonheur,
Rendre son peuple heureux, est le voeu de son coeur—

вѣщаетъ въ небесахъ какое-то крылатое существо (купидонъ), несущееся сверху подъ медальономъ Александра I, который въ свою очередь поддерживаютъ Петръ I и Екатерина II, и надъ которымъ вьются два голубя, и блеститъ звѣзда. Все это несется съ облаками прямо на Петербургъ. Характерно изображенъ Петръ I, безъ всякихъ одеждъ, едва прикрытый слегка хитономъ и съ дубинкою въ лѣвой рукѣ. Вся группа поставлена нѣсколько по иконографическому шаблону. Характерно, что отсутствуетъ всякое напоминаніе объ отцѣ Александра. Павла I нѣтъ, о немъ умышленно забыли и совершенно напрасно приписали новой эпохѣ заботу о счастьи народа, о которомъ никогда и не вспоминали въ началѣ XIX вѣка... Нижняя часть картины сплошь въ классическомъ стилѣ и никакого интереса чего-либо оригинальнаго не представляетъ. Сущности картинки соотвѣтствовали и манифестъ Трошинскаго и муза Шишкова, которая взывала такъ:

Съ надеждою въ груди, съ веселіемъ въ очахъ,
Въ спокойныхъ, въ радостныхъ взываютъ всѣ сердцахъ:
Съ нимъ правосудіе возсядетъ на престолѣ;
Любя отечество, храня его покой,
Съ Екатерининой божественной душой,
Онъ будетъ такъ, какъ Петръ, въ судѣ и въ полѣ.

Мемуаристъ Вигель, не сходившійся во взглядахъ съ поэзіей Шишкова, отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ, что «на распростертый передъ нимъ народъ взглянулъ онъ (т.-е. Александръ) съ досаднымъ презрѣніемъ: и не было слова его потомъ, не было дѣйствія, которое бы его (т. е. презрѣніе) не выражало». Въ разговорѣ съ французскимъ генераломъ Савари, какъ разсказываетъ генералъ Шильдеръ, Александръ подкрѣпилъ жесткій отзывъ Вигеля, «Не судите,—сказалъ императоръ,—объ общественномъ мнѣніи по разговорамъ нѣсколькихъ бездѣльниковъ, въ которыхъ я вовсе не нуждаюсь, и къ тому же слишкомъ трусливыхъ, чтобы предпринять что-либо. Здѣсь недостаетъ для этого ни ума, ни рѣшимости».

В. Стор.

Изд. Т-ва „МІРЪ“

исходнымъ моментомъ настоящаго общественнаго движенія, отнюдь не вызваннаго поощреніемъ сверху—и даже по отношенію къ этому верху все болѣе и болѣе враждебнаго. Масса средняго дворянства, которую Строгановъ такъ презиралъ, а Сперанскій собирался использовать въ качествѣ политическихъ статистовъ, вдругъ выступила на сцену съ явной претензіей—играть на этой сценѣ одну изъ первыхъ ролей.

Явившаяся непосредственнымъ результатомъ разрыва франко-русскаго союза война 1812 года намъ теперь представляется стройной пьесой, дѣйствіе которой логически развертывалось по извѣстному плану, гдѣ чуть ли не все было заранѣе предусмотрѣно: и „скиѳская“ тактика заманиванія Наполеона въ глубь Россіи, и пожертвованіе, въ случаѣ надобности, даже Москвой, чтобы разстроить „несмѣтныя полчища новаго Аттилы“, и чуть ли даже не взятіе Парижа въ 1814 году. Но человѣка, который за два года раньше сталъ бы предсказывать это послѣднее событіе, въ наиболѣе патріотически настроенныхъ кругахъ сочли бы слегка тронувшимся, „несмѣтныя полчища“ были немногимъ сильнѣе русской арміи, какой она могла бы быть при немного большей предусмотрительности Александра и его министровъ *) — „скиѳская“ же тактика была горькой необходимостью, на которую жаловались всѣ, сверху до-низу, тщетно отыскивая виноватаго, который „ведетъ Наполеона въ Москву“; а о сдачѣ этой послѣдней не думали серьезно даже наканунѣ Бородина, за двѣ недѣли до вступленія въ нее французскихъ войскъ. А съ небольшимъ за мѣсяцъ до этого событія Александръ Павловичъ считалъ ошибкой даже отступленіе къ Смоленску и писалъ Барклаю-де-Толли (отъ 30 іюля): „Я не могу умолчать, что хотя по многимъ причинамъ и обстоятельствамъ при начатіи военныхъ дѣйствій нужно было оставить предѣлы нашей земли, однако же не иначе какъ съ прискорбностью долженъ былъ видѣть, что сіи отступательныя движенія продолжались до самаго Смоленска... Я съ нетерпѣніемъ ожидаю извѣстій о вашихъ наступательныхъ движеніяхъ, которыя, по словамъ вашимъ, почитаю теперь уже начатыми“. Барклай сколько угодно могъ возражать, что, имѣя одного солдата противъ двухъ французскихъ (таково было соотношеніе силъ передъ смоленскими боями), идти впередъ—значитъ идти на вѣрный разгромъ. Тутъ же, среди высшихъ чиновъ арміи,

*) См. по этому поводу расчеты Растопчина въ его запискахъ („Русская Старина“, т. 64-й): онъ находилъ вполнѣ возможнымъ — и, повторяемъ, кампаніи 1813—14 гг. оправдали его вычисленія — къ концу 1811 года имѣть подъ ружьемъ 640.000 человѣкъ. На дѣлѣ собрали менѣе 300 тысячъ.

сейчасъ же нашлись бы люди, гораздо болѣе, чѣмъ Барклай, авторитетные въ глазахъ „знати", и которые не задумались бы ни на минуту объявить подобныя разсужденія явнымъ доказательствомъ Барклаевой измѣны. „Безъ хвастовства скажу вамъ, что я дрался лихо и славно, господина Наполеона не токмо не пустилъ, но ужасно откаталъ", писалъ Багратіонъ Растопчину черезъ недѣлю послѣ Смоленска, гдѣ русскимъ удалось два дня продержаться противъ „великой арміи". „Но подлецъ, мерзавецъ, трусъ Барклай отдалъ даромъ преславную позицію. Я просилъ его лично и писалъ весьма серьезно, чтобы не отступать, но я лишь пошелъ къ Дорогобужу, какъ и онъ за мною тащится. Посылаю для собственнаго вашего свѣдѣнія копію, что я министру (т.-е. Барклаю) писалъ; клянусь вамъ, что Наполеонъ былъ въ мѣшкѣ, но онъ (Барклай) никакъ не соглашается на мои предложенія и все то дѣлаетъ, что полезно непріятелю... Ежели бы я одинъ командовалъ обѣими арміями, пусть меня разстрѣляютъ, если я его въ пухъ не расчешу. Всѣ плѣнные говорятъ, что онъ (Наполеонъ) только и говоритъ: мнѣ побить Багратіона, тогда Барклая руками заберу... Я просилъ министра, чтобы далъ мнѣ одинъ корпусъ, тогда бы безъ него я пошелъ наступать, но не даетъ; смекнулъ, что я ихъ разобью и прежде буду фельдмаршаломъ". Для того, чтобы правильно оцѣнить эти заявленія „хвастливаго воина",— на котораго въ петербургскихъ и московскихъ салонахъ чуть не молились,—надо имѣть въ виду, что только своевременное отступленіе отъ Смоленска и спасло русскую армію: промедли Барклай на „преславной позиціи" нѣсколько дней, онъ, безъ всякаго сомнѣнія, былъ бы „въ мѣшкѣ", а подъ Бородинымъ некому было бы сражаться. Но въ данномъ общественномъ кругу „шапками закидаемъ" казалось единственной, достойной Россіи, политикой во всѣ времена и на всѣхъ театрахъ войны: подъ Смоленскомъ и подъ Аустерлицомъ, подъ Севастополемъ и на рѣкѣ Ялу. Багратіонъ потерялъ бы всю репутацію въ глазахъ людей своего круга, если бы не увѣрялъ ихъ—и не вѣрилъ самъ—что „непріятель дрянь: сами плѣнные и бѣглые божатся, что если мы пойдемъ на нихъ, они всѣ разбѣгутся", — какъ писалъ онъ тому же Растопчину въ другомъ письмѣ. Это писалось о тѣхъ самыхъ наполеоновскихъ гренадерахъ, отъ которыхъ даже гораздо позже, когда они, голодные и обмороженные, отступали изъ Россіи, кутузовская армія предпочитала держаться подальше. Кутузовъ былъ достаточно хитеръ, чтобы обманывать—не Наполеона, какъ онъ обѣщалъ,

а хвастливыхъ воиновъ и ихъ поклонниковъ: усердно повторяя „патріотическія“ фразы, онъ дѣлалъ то, что было единственно возможно,—терпѣливо дожидался, пока обстоятельства выведутъ Россію изъ тупика, куда ее завели люди, увѣренные, что „непріятель дрянь“. Какъ извѣстно, онъ даже перехитрилъ, продолжая бояться Наполеона долго послѣ того, какъ тотъ пересталъ быть страшенъ. Но у всякой добродѣтели есть своя оборотная сторона.

Для себя лично Александръ Павловичъ усвоилъ выжидательную тактику гораздо раньше Кутузова. Пріѣхавъ къ арміи подъ впечатлѣніемъ все того же „шапками закидаемъ“ (въ возможность наступательной войны противъ французовъ вѣрили еще весною 1812 года, когда, повидимому, была сдѣлана новая попытка соблазнить поляковъ, вторично неудачная) и очень скоро убѣдившись, что предстоитъ тяжелая оборонительная кампанія, Александръ сначала отправился въ Москву „ободрять населеніе“, а затѣмъ прочно усѣлся въ Каменноостровскомъ дворцѣ, коротая время прогулками въ его великолѣпномъ паркѣ и чтеніемъ Библіи. Описаніе его время препровожденія лѣтомъ 1812 года*) служитъ великолѣпной иллюстраціей къ знаменитымъ словамъ Канта о томъ, какъ легко достается государямъ война, столь тяжелая для простыхъ смертныхъ. Возможность повторенія 11 марта была страшнѣе всѣхъ успѣховъ Наполеона: но отъ этой возможности теперь, когда онъ послушно шелъ на поводу у „знати“, Александръ Павловичъ чувствовалъ себя прочно гарантированнымъ. Ворота каменноостровскаго парка никогда не запирались во время царскихъ прогулокъ, и никакихъ спеціальныхъ мѣръ не принималось для охраны царскаго жилища отъ какихъ-либо „злоумышленниковъ“. Побаивались теперь немного „черни“: рядомъ съ почти преступной небрежностью въ подготовкѣ внѣшней войны довольно тщательно приготовлялись къ оборонѣ отъ „домашняго врага“. Императору приходилось спеціальнымъ письмомъ успокаивать своихъ близкихъ, вынужденныхъ оставаться въ менѣе надежныхъ мѣстахъ, нежели Петербургъ, доказывая имъ, что въ случаѣ какого-либо „волненія“ полубатальоны внутренней стражи (по 300 человѣкъ на губернію) легко съ этимъ „волненіемъ“ справятся. При этомъ мы узнаемъ, что ранѣе по губернскимъ городамъ для этой цѣли существовали лишь „штатныя роты“ не болѣе, чѣмъ по 50 штыковъ въ каждой: такъ уже успѣли

*) Въ запискахъ Стурдзы, фрейлины императрицы Елизаветы Алексѣевны.

позабыться уроки пугачевщины *). При соприкосновенiи съ „черньюˮ кое-какiя мѣры принимались, впрочемъ, и въ Петербургѣ: въ соборъ 15 сентября, въ годовщину коронацiи, Александръ ѣхалъ не верхомъ, какъ обычно, а въ каретѣ вмѣстѣ съ императрицами. Но „черньˮ манифестировала необычайно скромно: не было только слышно обычныхъ „ура“, и этого жуткаго безмолвiя было достаточно, чтобъ у придворныхъ Александра затряслись поджилки **). Болѣе смѣлая, великая княгиня Екатерина Павловна писала въ эти дни своему брату: „не бойтесь катастрофы въ революцiонномъ родѣ, нѣтъ! но я предоставляю вамъ судить о положенiи вещей въ странѣ, главу которой презираютъˮ. Она добавляетъ при этомъ, что такiя чувства не составляютъ особенности какого-нибудь одного класса: „всѣ единодушно васъ осуждаютъˮ. „Величественное самоотреченiеˮ императора, прогуливавшагося въ своемъ паркѣ, когда его солдаты десятками тысячъ ложились подъ непрiятельскими ядрами, такъ же мало входило въ предусмотрѣнную публикой программу войны, какъ и пожаръ Москвы. Въ стройную картину все это сложилось гораздо позже.

Представители крупнаго землевладѣнiя, моральные виновники всѣхъ бѣдствiй, могли безъ труда подражать тактикѣ своего государя и его главнокомандующаго. У каждаго изъ „знатиˮ были имѣнiя въ разныхъ углахъ Россiи — каждый легко могъ найти свой каменноостровскiй дворецъ, достаточно далеко отъ мѣста военныхъ дѣйствiй, чтобы шумъ ихъ не мѣшалъ предаваться „самоотреченiюˮ. Въ иномъ положенiи было среднее дворянство захваченныхъ войной губернiй. Уже въ московскомъ дворянскомъ собранiи Растопчину пришлось принять кое-какiя мѣры—онъ самъ цинически разсказываетъ объ этомъ, — чтобы обезпечить „восторженный прiемъˮ Александра Павловича и правительственныхъ предложенiй насчетъ ополченiя и иныхъ „пожертвованiйˮ. Нашлись, по его словамъ, дерзкiе люди, собиравшiеся, со своей стороны, предложить императору вопросы: каковы силы нашей армiи? какъ сильна армiя непрiятельская? какiя имѣются средства для защиты? и т. п. Растопчинъ приказалъ поставить около зданiя благороднаго собранiя двѣ фельдъегерскiя повозки (на какихъ обыкновенно отправляли въ ссылку)—и этой демонстрацiи оказалось достаточно, чтобы замкнуть уста дерзкимъ

*) См. письмо Александра къ Екатеринѣ Павловнѣ отъ 29 января 1812 г. „Correspondance de l'Empereur Alexandre I avec sa sœur la grande duchesse Catherine“, St.-Petersbourg, 1910.

**) Точное показанiе фрейлины Стурдзы.

людямъ. Онъ ихъ называетъ мартинистами;—мы не можемъ судить, дѣйствительно ли это были остатки новиковскаго кружка (несомнѣнно уцѣлѣвшіе до 1812 года въ Москвѣ), или же онъ просто употребилъ названіе, прилагавшееся въ тѣ дни ко всякимъ крамольникамъ—какъ въ концѣ XIX вѣка „нигилисты". Растопчинъ приписываетъ своимъ „мартинистамъ" планы, шедшіе и гораздо дальше: ни болѣе, ни менѣе, какъ низверженіе Александра и возведеніе на его мѣсто Константина Павловича. Это, на первый взглядъ, кажется уже совершеннымъ бредомъ: и тѣмъ не менѣе, несомнѣнно, что изъ небольшой группы, очень близкой къ настоящимъ мартинистамъ, вышелъ первый проектъ республиканской конституціи для Россіи. Самымъ неожиданнымъ образомъ этотъ проектъ связанъ съ именами двухъ екатерининскихъ фаворитовъ: его авторомъ былъ гр. Дмитріевъ-Мамоновъ, сынъ одного изъ мелкихъ замѣстителей Потемкина, а главнымъ дѣятелемъ ордена „Русскихъ Рыцарей", изъ котораго проектъ вышелъ, былъ Михаилъ Орловъ—родной племянникъ Григорія Орлова, младшій братъ будущаго николаевскаго шефа жандармовъ и предсѣдателя главнаго комитета по крестьянскому дѣлу въ 50-хъ годахъ. Если прибавить, что третьимъ изъ извѣстныхъ намъ членовъ этого крайне малолюднаго „ордена" былъ кн. Меншиковъ, и что Орловъ, самъ флигель-адъютантъ Александра I, былъ очень близокъ съ будущимъ декабристомъ кн. Волконскимъ, тогда тоже флигель-адъютантомъ, то мы окажемся въ самомъ центрѣ „знати",—по крайней мѣрѣ, ея младшаго поколѣнія. Совершенно естественно, что проектъ, вышедшій изъ такой среды, отличался крайнимъ аристократизмомъ: „народная вѣча" (sic) мамоновской конституціи должна была состоять изъ двухъ палатъ — „палаты вельможъ" изъ 221 наслѣдственнаго члена, „владѣющихъ удѣлами неприкосновенными въ тѣхъ областяхъ, отъ коихъ они наслѣдственными представителями и депутатами", и 442 „простыхъ дворянъ, не наслѣдственныхъ", но выбранныхъ отъ одного дворянства („шляхетства", какъ съ выразительнымъ архаизмомъ говоритъ проектъ), и „палаты мѣщанъ" изъ депутатовъ отъ городовъ, при чемъ избирателями могли быть не только купцы, но также „мастеровые и поселяне". Послѣдняя палата должна была отличаться особеннымъ многолюдствомъ—въ ней могло быть до 3.000 членовъ. Взаимоотношенія палатъ и ихъ правъ проектъ детально не выясняетъ — но что первая должна была имѣть перевѣсъ, видно уже изъ того, что два „имперскихъ посадника", изъ которыхъ одинъ ко-

мандовалъ войсками, а другой стоялъ во главѣ гражданской администраціи, выбирались изъ числа членовъ верхней палаты, притомъ наиболѣе аристократической ея части — изъ числа „вельможъ". О томъ, что императора не будетъ, Мамоновъ прямо не говоритъ. Но ему, во-первыхъ, и мѣста нѣтъ въ схемѣ; а затѣмъ, изъ сопутствующихъ замѣчаній автора видно, что монархическому принципу онъ рѣшительно не сочувствовалъ. „Конституція Гишпанскихъ Кортесовъ", говоритъ онъ по поводу испанской конституціи 1812 г., „весьма мудро писана,—но не вся годится для насъ" именно потому, что въ ней сохранена королевская власть. „Щадить тирановъ (les T., какъ осторожно обозначаетъ Мамоновъ, для вящей предосторожности всю фразу составившій по-французски) это значитъ готовить, ковать для себя оковы, болѣе тяжкія, нежели тѣ, которыя хотятъ сбросить. Что же Кортесы? Разосланы, распытаны, къ смерти приговариваемы, и кѣмъ же? скотиной, которому они сохранили корону..." Этотъ энергическій конецъ написанъ уже опять по-русски.

Орденъ Русскихъ Рыцарей ничего не сдѣлалъ и, повидимому, даже не собирался дѣлать, въ немъ только разговаривали, писали проекты, и его идеаломъ было написать такую книгу, которая сразу завоевала бы умы всѣхъ въ пользу „преподаваемаго въ орденѣ ученія". По теперешнему говоря, это была чисто пропагандистская организація, притомъ, въ силу особенностей „ученія", ограничивавшая свою пропаганду очень тѣснымъ кругомъ. И тѣмъ не менѣе, идейное вліяніе его на послѣдующія „тайныя общества" было гораздо сильнѣе, нежели кажется съ перваго взгляда. Р е с п у б л и к а н и з м ъ какъ разъ былъ тѣмъ новымъ, что внесли декабристы въ общественное движеніе начала XIX вѣка, — наличность же въ этомъ движеніи, вплоть до декабристовъ, сильной аристократической струи теперь не отрицаютъ даже изслѣдователи, всегда относившіеся очень враждебно къ „классовой точкѣ зрѣнія". „Предположенія о политическихъ преобразованіяхъ М. Ф. Орлова и М. А. Дмитріева-Мамонова", говоритъ г. Семевскій, „отличающіяся при всемъ политическомъ радикализмѣ Мамонова аристократическимъ характеромъ, примыкаютъ къ цѣлому ряду другихъ предположеній, въ которыхъ, въ той или иной формѣ, возлагаютъ надежды на аристократію, какъ на охранительницу политической свободы, таковы: записка Сперанскаго въ 1802 г., бесѣда гр. П. А. Строганова съ гр. С. Р. Воронцовымъ въ 1802 г., проектъ гр. Мордвинова. Даже Н. И. Тургеневъ предлагалъ учрежденіе пэровъ, сначала въ смыслѣ исключительнаго со-

вѣщательнаго учрежденія, изъ богатыхъ помѣщиковъ, освободившихъ своихъ крестьянъ. Принявъ во вниманіе все это теченіе, станетъ понятнѣе и высокій цензъ, установленный для участія въ прямыхъ выборахъ въ нижнюю палату вѣча, и еще болѣе высокій пассивный цензъ для избранія въ верхнюю его палату въ проектѣ конституціи Н. М. Муравьева, и аристократическая тенденція въ конституціонномъ проектѣ декабриста Батенькова" *). Мы увидимъ, что перечисленными примѣрами „аристократизмъ" декабристовъ не ограничивался,—но прежде намъ нужно выяснить два вопроса, какъ читатель сейчасъ увидитъ, тѣсно между собою связанныхъ: во-первыхъ, что же толкнуло аристократическую молодежь на этотъ, совершенно для нея неприличный, казалось бы, путь? и во-вторыхъ, почему эти отщепенцы отъ своей соціальной группы нашли такой живой откликъ въ массѣ рядового дворянства, которое къ „владѣльцамъ удѣловъ неприкосновенныхъ" никогда раньше не обнаруживало большихъ симпатій? Разсматривая декабристовъ, съ одной стороны, и „русскихъ рыцарей"—съ другой, мы замѣчаемъ у нихъ два общихъ признака. Первымъ изъ нихъ является—общій тѣмъ и другимъ—рѣзкій **націонализмъ**. „Вельможи" мамоновской конституціи „должны быть греко-россійскаго исповѣданія, равно какъ и депутаты рыцарства, въ **коемъ кромѣ русскихъ и православныхъ никого быть не можетъ**". Однимъ изъ „пунктовъ преподаваемаго въ орденѣ ученія" является „лишеніе иноземцевъ всякаго вліянія на дѣла государственныя"; другой гласитъ еще рѣшительнѣе: „конечное паденіе, а **если возможно, смерть иноземцевъ**, государственные посты занимающихъ". Пробуя почву для организаціи „Союза Спасенія", Александръ Муравьевъ предлагалъ, по словамъ Якушкина, составить тайное общество „для противодѣйствія нѣмцамъ, находящимся въ русской службѣ". Какъ онъ самъ тотчасъ же объяснилъ, это былъ лишь пробный шаръ, но какъ нельзя болѣе характерный: кому теперь пришло бы въ голову пускать такіе пробные шары? Но всего лучше рисуетъ настроеніе декабристовъ въ этомъ вопросѣ извѣстный эпизодъ записокъ того же Якушкина, повѣствующій, какъ въ тайномъ обществѣ впервые возникла мысль о цареубійствѣ. „Александръ Муравьевъ прочелъ намъ только что полученное письмо отъ Трубецкого, въ которомъ онъ извѣщалъ всѣхъ насъ о петербургскихъ слухахъ; во-первыхъ, что царь влюбленъ въ Польшу, и это было всѣмъ извѣстно... **)

---

*) „Политическія и общественныя идеи декабристовъ" СПБ., 1909.

**) Читатели выше видѣли, какъ плохо приходилось Польшѣ отъ этой „любви".

во-вторыхъ, что онъ ненавидитъ Россію, и это было вѣроятно, послѣ всѣхъ его дѣйствій въ Россіи съ 15-го года; въ третьихъ, что онъ намѣревается отторгнуть нѣкоторыя земли отъ Россіи и присоединить ихъ къ Польшѣ, и это было вѣроятно; наконецъ, что онъ, ненавидя и презирая Россію, намѣренъ перенести столицу свою въ Варшаву. Это могло показаться невѣроятнымъ, но послѣ всего невѣроятнаго, совершаемаго русскимъ царемъ въ Россіи, можно было повѣрить и послѣднему извѣстію...“ Якушкина, когда онъ услыхалъ это, „проникла дрожь“,—а затѣмъ онъ вызвался убить Александра. Между тѣмъ, „отторженіе“ отъ Россіи Литвы, о которой шла рѣчь, казалось бы, было ничуть не страшнѣе „отторженія“ отъ имперіи Выборгской губерніи, присоединенной за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ къ Финляндіи: фактъ, которымъ теперь никто не возмущается, кромѣ черносотенцевъ, заставлялъ клокотать всю кровь въ жилахъ русскихъ либераловъ 1817-го года. Можно вполнѣ допустить, что Якушкинъ приукрасилъ картину, желая въ возможно болѣе лояльномъ свѣтѣ представить свой слишкомъ нелояльный замыселъ: но тутъ любопытно, какія именно краски онъ счелъ нужнымъ усилить. Было бы можно привести множество аналогичныхъ черточекъ изъ проектовъ и воспоминаній цѣлаго ряда товарищей Якушкина, притомъ политически гораздо болѣе сознательныхъ, нежели онъ: достаточно сказать, что Пестель не соглашался не только на самостоятельность, но даже на простую автономію Финляндіи, и что ни одинъ изъ декабристскихъ проектовъ, не исключая и „Русской Правды“ Пестеля, не признавалъ равноправія евреевъ. Новѣйшій изслѣдователь, склонный дѣлить разсматриваемыя имъ явленія на „симпатичныя“ и „несимпатичныя“, имѣлъ добросовѣстность не скрыть этой черты декабристовъ, безусловно относящейся къ послѣднему разряду: онъ только старается сузить ея районъ *), да оправдать ее болѣе или менѣе случайными обстоятельствами. „Крайняя ненависть къ иностранцамъ“ Мамонова и его друзей „вызывалась“, говоритъ г. Семевскій, „столь же крайнею и неразумною приверженностью къ нимъ (иностранцамъ) Александра I, которая сопровождалась пренебрежительнымъ отношеніемъ къ русскимъ“. На самомъ дѣлѣ, явленіе объясняется, конечно, гораздо болѣе общими причинами: наука не имѣетъ никакихъ основаній проводить рѣзкую черту между „несимпатичнымъ“ націонализмомъ и „симпатичнымъ“ патріо-

*) „Націонализма“, говоритъ г. Семевскій по поводу „Русскихъ Рыцарей“, „не чужды были и нѣкоторые другіе декабристы“. Многіе ли были ему чужды?

Миръ Европы.

Гравюра Карделли *Миръ Европы*, Pax Europae, 1814, изображаетъ Александра I, подающаго масличную вѣтвь Европѣ, изображенной въ видѣ императрицы Елизаветы Алексѣевны, которая указываетъ на памятникъ съ надписью: «твоею твердостію спасена Европа». Внизу гарвюры читается: S. Cardelli sculpsit. Объясненіемъ къ этой гравюрѣ могло бы послужить описаніе александровскихъ войнъ 1813 и 1814 г. и парижскихъ сценъ 1814 года. Историческій анализъ всего этого матеріала является довольно близкимъ композиціи этой гравюры, сухой, холодной, офиціальной, натянутой... Потоковъ крови россійскаго народа, пролитыхъ за границей, на ней не замѣтно... Европѣ преподносится миръ; въ Россіи слагались элементы тяжелой и продолжительной внутренней борьбы, приправленной прелестями аракчеевщины.

В. Стор.

„РУССКАЯ ИСТОРІЯ". Изд. Т-ва „МІРЪ".

тизмомъ. Оба растутъ на одномъ корню. И мы не могли бы ожидать ничего другого отъ людей, для которыхъ двѣнадцатый годъ сталъ исходной точкой всей ихъ сознательной жизни. Якушкинъ съ этой даты начинаетъ свои записки. „Война 1812 года пробудила народъ русскій къ жизни и составляетъ важный періодъ въ его политическомъ существованіи. Всѣ распоряженія и усилія правительства были бы недостаточны, чтобы изгнать вторгшихся въ Россію галловъ и съ ними двунадесять языцы, если бы народъ попрежнему остался въ оцѣпенѣніи. Не по распоряженію начальства жители при приближеніи французовъ удалялись въ лѣса и болота, оставляя свои жилища на сожженіе. Не по распоряженію начальства выступило все народонаселеніе Москвы вмѣстѣ съ арміей изъ древней столицы. По рязанской дорогѣ, направо и налѣво, поле было покрыто пестрой толпой, и мнѣ теперь еще помнятся слова шедшаго около меня солдата: „Ну, слава Богу, вся Россія въ походъ пошла!“ Въ рядахъ даже между солдатами не было уже безсмысленныхъ орудій; каждый чувствовалъ, что онъ призванъ содѣйствовать въ великомъ дѣлѣ“. Дѣло, конечно, не въ объективной вѣрности этой характеристики двѣнадцатаго года. Болѣе детальные разсказы о войнѣ, идущіе даже отъ самихъ декабристовъ, совершенно разрушаютъ романтическую картину — народа, какъ одинъ человѣкъ поднявшагося на защиту своей родины. Когда Александръ Павловичъ спросилъ вернувшагося изъ-подъ сожженой Москвы Волконскаго, какъ ведетъ себя дворянство—тотъ классъ, изъ рядовъ котораго вышли и Якушкинъ, и Волконскій, и всѣ ихъ товарищи,—будущій декабристъ долженъ былъ отвѣтить: „государь, стыжусь, что я принадлежу къ нему: было много словъ, а на дѣлѣ ничего“. Онъ пробовалъ утѣшить Александра настроеніемъ крестьянъ: но даже изъ такого архишовинистическаго источника, какъ растопчинскія афишки, можно узнать, что крестьяне занятыхъ непріятелемъ уѣздовъ, вмѣсто французовъ, сводили нерѣдко счеты со своими господами, пользуясь тѣмъ, что ни полиціи, ни войскъ для „усмиренія“ у послѣднихъ не было теперь подъ руками. Что Москва была сожжена не жителями, дѣйствовавшими въ припадкѣ патріотическаго усердія, а полиціей, исполнявшей приказаніе того же Растопчина, что французская армія пала жертвой не народнаго возстанія, а недостатковъ собственной организаціи—и поскольку она не была дезорганизована (такъ именно было съ императорской гвардіей), къ ней до конца не смѣли подойти не только парти-

заны, но и регулярныя русскія войска: все это факты слишкомъ элементарные и слишкомъ хорошо извѣстные, чтобы о нихъ стоило здѣсь распространяться. Но, повторяемъ, для насъ важна не объективная, а субъективная сторона дѣла: такъ именно чувствовали будущіе декабристы — и если мы хотимъ понять ихъ настроеніе, мы не можемъ обойти двѣнадцатаго года. Якушкинъ вовсе не какое-нибудь исключеніе. Ал. Бестужевъ (Марлинскій) писалъ императору Николаю изъ крѣпости: „Наполеонъ вторгся въ Россію, и тогда-то русскій народъ впервые ощутилъ свою силу; тогда-то пробудилось во всѣхъ сердцахъ чувство независимости, сперва политической, а впослѣдствіи и народной. Вотъ начало свободомыслія въ Россіи. Правительство само произнесло слова: свобода, освобожденіе! Само разсѣвало сочиненія о злоупотребленіи неограниченной власти Наполеона“ *). Нужно прибавить, что декабристы не принадлежали къ людямъ, которые заднимъ числомъ говорятъ патріотическія фразы: они дѣлали то, о чемъ говорили. Рѣдкій изъ нихъ не былъ самъ однимъ изъ участниковъ похода. Никита Муравьевъ, будущій авторъ конституціи, которому мать не позволяла поступить въ военную службу, тайкомъ бѣжалъ изъ родительскаго дома и пѣшкомъ отправился отыскивать армію; его арестовали и едва не разстрѣляли, какъ шпіона — его спасло вмѣшательство Растопчина, знавшаго семью. Муравьеву было тогда 16 лѣтъ. Декабристъ Штейнгель уже совсѣмъ не юношей, съ семьей, пріѣхалъ въ Петербургъ искать мѣста—и очутился офицеромъ петербургскаго ополченія, съ которымъ и сдѣлалъ заграничный походъ, вмѣсто того, чтобы служить по министерству внутреннихъ дѣлъ, какъ собирался сначала. Въ этомъ отношеніи, учредители ордена „Русскихъ Рыцарей“ не отличались отъ декабристовъ: Мамоновъ, одинъ изъ богатѣйшихъ людей въ Россіи, на свой счетъ сформировалъ цѣлый кавалерійскій полкъ, которымъ и командовалъ. Полкъ, правда, больше прославился разными безобразіями, и въ Россіи, и за границей, нежели военными подвигами — но это опять была суровая объективная дѣйствительность, въ субъективной же искренности мамоновскаго патріотизма мы не имѣемъ никакихъ поводовъ сомнѣваться. А что касается Орлова, то его имя, какъ извѣстно, прочно связано съ капитуляціей Парижа (19/31 марта 1814 г.), имъ подписанной съ русской стороны:

*) Семевскій, цит. соч., 206. Разрядка наша.

въ его лицѣ мы имѣемъ, такимъ образомъ, даже не рядового участника „освободительной войны“ 1812—14 гг.

Націонализмъ не въ одной Россіи явился первичной, зачаточной формой политическаго сознанія: почти всюду въ Европѣ—исключая Франціи и Англіи—дѣло начиналось съ того же. Въ Германіи, особенно въ Италіи и Испаніи, носителями либеральныхъ идей являлись бывшіе участники „освободительной“ войны: и первыя революціонныя движенія 20-хъ годовъ почти всюду принимали форму военнаго возстанія, какъ наше 14 декабря. На этой профессіональной сторонѣ движенія (вторая общая черта декабристовъ и „Русскихъ рыцарей“, которые всѣ были изъ военной среды) сто́итъ немного остановиться—она мало, обыкновенно, обращала на себя вниманія, а между тѣмъ политическое значеніе ея было большое. Прежде всего, ею объясняются организаціонныя особенности русскихъ тайныхъ обществъ. Современному читателю, представляющему себѣ военное возстаніе, какъ часть демократической революціи, оно рисуется, прежде всего, въ образѣ возстанія солдатъ—безъ офицеровъ и даже, въ случаѣ надобности, противъ офицеровъ. Это—точка зрѣнія демократически совершенно правильная и понятная, но вовсе не военная: для военнаго, армія есть прежде всего офицерство; солдаты безъ офицеровъ—толпа, а не армія,—скажетъ вамъ всякій военный. „Общество имѣло желаніе какъ можно больше начальниковъ въ войскахъ обратить къ своей цѣли и принять въ свой Союзъ, особенно полковыхъ командировъ“, говоритъ въ своихъ показаніяхъ Пестель, „предоставляя каждому изъ нихъ дѣйствовать въ своемъ полку, какъ самъ наилучше найдетъ; желало также и прочихъ начальниковъ въ общество пріобрѣсти: генераловъ, штабъ-офицеровъ, ротныхъ командировъ“. Неудачу дѣла на Сенатской площади многіе участники приписывали тому, что тамъ не было „густыхъ эполетъ“: и неспособный князь Трубецкой сдѣлался „диктаторомъ“ главнымъ образомъ потому, что онъ былъ въ военной іерархіи старшимъ изъ наличныхъ въ Петербургѣ членовъ общества. Затѣмъ, на программѣ декабристовъ вліяніе профессіональныхъ интересовъ тоже сказалось достаточно сильно. Изъ пятнадцати пунктовъ, намѣченныхъ Трубецкимъ для манифеста 14 декабря,—записку Трубецкого приходится считать какъ бы за равнодѣйствующую всѣхъ отдѣльныхъ мнѣній, за тотъ minimum, на которомъ всѣ сходились,—три прямо касаются арміи и два косвенно. Въ воспоминаніяхъ отдѣль-

ныхъ участниковъ заговора военныя преобразованія еще болѣе выступаютъ на передній планъ. Въ программѣ „Союза Благоденствія“, какъ ее запомнилъ Александръ Муравьевъ (братъ Никиты, автора конституціи) *), изъ 10 пунктовъ арміи посвящена почти половина; сравнивая эти пункты съ запиской Трубецкого, можно замѣтить, какъ эволюціонировали въ этомъ вопросѣ взгляды декабристовъ: въ проектѣ „манифеста“ имѣется уже уничтоженіе рекрутчины и всеобщая воинская повинность,—муравьевскіе пункты не идутъ дальше сокращенія срока военной службы и неопредѣленнаго „улучшенія участи защитниковъ отечества“. Но обѣ программы твердо стоятъ на одной подробности: уничтоженіе военныхъ поселеній. И это какъ разъ вопросъ, гдѣ, съ одной стороны, профессіональная сторона тайныхъ обществъ выступаетъ особенно ярко, а съ другой—дѣло чисто военное пріобрѣтаетъ крупное политическое значеніе. Военныя поселенія, какъ извѣстно, офиціально были попыткой замѣнить рекрутчину натуральной воинской повинностью извѣстнаго разряда населенія: часть государственныхъ крестьянъ должна была отбывать военную службу совершенно на тѣхъ же началахъ, на какихъ господскіе крестьяне отбывали барщину. При этомъ „военные поселяне“ не переставали быть крестьянами: оставались въ своихъ деревняхъ и обрабатывали землю—совершенно опять-таки такъ же, какъ прокармливали себя своимъ трудомъ барщинные мужики. Это перенесеніе въ военную область моднаго среди тогдашнихъ помѣщиковъ увлеченія барщиной само по себѣ чрезвычайно характерно,—тѣмъ болѣе, что оно сопровождалось попытками „организовать“ хозяйство военныхъ поселянъ съ тою точностью регламентаціи, какою проникнуты проекты Удолова, Швиткова и другихъ прожектеровъ конца XVIII и начала XIX вѣковъ, труды которыхъ печатались въ запискахъ Вольнаго Экономическаго Общества. Но у дѣла была и другая сторона, еще болѣе характерная, но уже политически. Военныя поселенія возникаютъ въ очень любопытный моментъ александровскаго царствованія: въ 1810 году, когда, съ одной стороны, война съ Наполеономъ была почти рѣшена, съ другой—Александръ Павловичъ искалъ путей сближенія со своимъ дворянствомъ. Уничтоженіе рекрутчины было бы какъ нельзя болѣе пріятно этому послѣднему: какъ ни старались

*) Его не слѣдуетъ смѣшивать съ упоминавшимся выше Александромъ Николаевичемъ Муравьевымъ, впослѣдствіи нижегородскимъ губернаторомъ въ концѣ 50-хъ годовъ, извѣстнымъ по участію въ реформѣ 19 февраля.

помѣщики сбывать въ солдаты наименѣе цѣнную часть своей живой собственности, все же рекрутчина, особенно усиленная, передъ войной, отнимала много рабочихъ рукъ, такъ цѣнныхъ теперь въ барщинномъ имѣніи. „Военныя поселенія“, напротивъ, падали всею своей тяжестью на казенныхъ крестьянъ, почти не затрагивая помѣщичьихъ *). Въ то же время, при ужасающемъ паденіи курса ассигнацій, переводъ арміи на довольствіе натурой—притомъ трудами самихъ солдатъ—сулилъ самыя радужныя финансовыя перспективы. Война двѣнадцатаго года разразилась слишкомъ быстро, не давъ времени развернуть экспериментъ достаточно широко: но за него взялись съ удвоенной энергіей тотчасъ по заключеніи мира, который казался, а отчасти и дѣйствительно былъ до начала революціоннаго движенія 20-хъ годовъ, весьма непрочнымъ. Варварская прямолинейность, съ которой изъ мирнаго казеннаго мужика выбивали исправнаго фронтового солдата, давала достаточный поводъ для общественнаго негодованія противъ „гуманнаго“ нововведенія императора Александра (онъ очень имъ гордился именно съ этой стороны!) **). Но, вчитываясь въ отзывы декабристовъ, вы чувствуете, что къ этому одному поводу дѣло далеко не сводилось. Жестоко было барщинное хозяйство вообще и всюду — штатское или военное, безразлично: но мы напрасно стали бы искать у членовъ тайныхъ обществъ такого личнаго отношенія къ барщинѣ, какое слишкомъ явственно звучитъ, когда дѣло касается военныхъ поселеній. Трубецкой и Якушкинъ почти одними и тѣми же словами характеризуютъ политическія послѣдствія военной барщины: по мнѣнію перваго, поселенія составятъ въ государствѣ „особую касту, которая, не имѣя съ народомъ почти ничего общаго, можетъ сдѣлаться орудіемъ его угнетенія“. „Извѣстно, что военныя поселенія со временемъ должны были составить посередь Россіи полосу съ сѣвера на югъ и совмѣстить въ себѣ штабъ-квартиру всѣхъ конныхъ и пѣшихъ полковъ“, пишетъ второй: „при окончательномъ устройствѣ военныхъ поселеній они неминуемо должны были образоваться въ военную касту съ оружіемъ въ рукахъ и не имѣющую ничего общаго съ остальнымъ народонаселеніемъ Россіи“. Въ военныхъ поселеніяхъ

*) Нѣкоторыя мелкія имѣнія были экспропріированы на устройство военныхъ поселеній—и это уже вызывало ропотъ.

**) При введеніи военныхъ поселеній въ Чугуевскомъ уѣздѣ, напримѣръ, было, по весьма точнымъ показаніямъ, засѣчено на смерть нѣсколько десятковъ человѣкъ.

декабристы провидѣли зародышъ опричнины: и, кажется, они не были совсѣмъ не правы. Развитіе политическаго радикализма именно въ военной средѣ должно было настраивать верхи очень подозрительно по отношенію къ прежней арміи. „Солдатъ доволенъ, но нельзя того же сказать объ офицерахъ, которые раздражены походомъ противъ неаполитанцевъ“, писалъ въ началѣ 20-хъ годовъ кн. Васильчиковъ, командиръ гвардейскаго корпуса, когда предполагалось двинуть русскія войска для усмиренія революціи, вспыхнувшей на Апеннинскомъ полуостровѣ. „Вы можете по этому судить, какъ распространились у насъ либеральныя идеи. Не отвѣчайте мнѣ на это избитой фразой: „заставьте ихъ молчать“. Число говоруновъ слишкомъ велико... Если Провидѣнію угодно, чтобы война вспыхнула, мнѣ кажется, нужно пустить въ дѣло гвардію, а не держать ее въ резервѣ. Нѣсколько хорошихъ битвъ успокоятъ молодыя головы и пріучатъ ихъ къ строгой дисциплинѣ, а когда кончится война, государь можетъ уменьшить численность гвардіи и сохранить ее лишь въ самомъ необходимомъ количествѣ, что было бы большимъ благомъ... Мы слишкомъ многочисленны — вотъ въ чемъ большое зло, и вотъ почему войска производятъ революціи“.

Какъ видимъ, русскому офицерству было чего опасаться отъ Александра Павловича—прежде всего, какъ офицерству. Но мы, конечно, очень ошиблись бы, если бы свели его программу къ отстаиванію профессіональныхъ интересовъ: тогда дѣло не пошло бы дальше тѣхъ мелкихъ гвардейскихъ вспышекъ, съ которыми приходилось бороться Екатеринѣ II. Армія была только болѣе оппозиціонно настроена, чѣмъ другіе общественные круги: но оппозиціонное настроеніе было очень широко распространено во всѣхъ кругахъ—не считая самый верхній слой, „знать“, гдѣ Мамоновы, Орловы и Волконскіе являлись рѣзкимъ исключеніемъ, и самый нижній, крѣпостное крестьянство, гдѣ ни на минуту не прекращалось броженіе, но не имѣвшее ничего общаго съ конституціонными или республиканскими проектами. Выразителемъ взглядовъ дворянской интеллигенціи второго десятилѣтія XIX вѣка былъ „Духъ Журналовъ“ или „собраніе всего, что есть лучшаго и любопытнѣйшаго во всѣхъ другихъ журналахъ по части исторіи, политики, государственнаго хозяйства, литературы, разныхъ искусствъ, сельскаго домоводства и проч.“. Этотъ талантливѣйшій журналъ того времени даетъ самую типичную амальгаму націонализма, либерализма и крѣпост-

ничества, какую только можно себѣ представить. Въ немъ помѣщались переводы заграничныхъ конституцій и статьи „о пользѣ представительнаго правленія“, написанныя со смѣлостью, которую русской періодической печати пришлось потомъ забыть чуть не на сто лѣтъ. Разъяснялись чрезвычайно убѣдительно выгоды, какія англичане получаютъ отъ своего парламента — и въ то же время доказывалось, что „англичанинъ едва можетъ пропитать свою душу, ѣвши въ полсыта печеный картофель, а русскій въ сытость и ѣстъ, и пьетъ, и веселится иногда... У насъ нѣтъ изящныхъ, чудныхъ рукодѣлій, но почти нѣтъ нищихъ; народъ живетъ въ довольствѣ вообще, а не частно“. Съ большимъ жаромъ развивалась мысль о вредѣ „батрачества“, т.-е. пролетаріата, и въ то же время дѣлался совѣтъ: „мужиковъ своихъ, даже самыхъ богатыхъ, не пускать въ оброкъ“, а вести исключительно барщинное хозяйство. То внутренне-противорѣчивое существо, которое представлялъ собою русскій помѣщикъ до 70-хъ почти годовъ XIX столѣтія — европейскій буржуа съ одной стороны, азіатскій феодалъ—съ другой, уже народилось на свѣтъ ко второму десятилѣтію александровскаго царствованія. Противорѣчія не получалось, если взять этотъ типъ въ его экономической основѣ: новое крѣпостное хозяйство уже нельзя было вести безъ капитала и не приспособляясь къ условіямъ рынка. „Капиталы, капиталы, капиталы—вотъ тѣ волшебныя силы, которыя и самую дикую пустыню превращаютъ въ рай“, восклицалъ „Духъ Журналовъ“, отстаивая, въ то же время, свободу торговли всей силой авторитета тогдашней экономической науки, съ которою онъ же и знакомилъ своихъ читателей, помѣщая у себя переводы Сэ, Бентама, Сисмонди и другихъ. А свобода торговли, не даромъ сказано, была корнемъ всѣхъ буржуазныхъ свободъ — и, ведя борьбу съ „игомъ Наполеона“, русское дворянство вело, въ сущности, борьбу именно за этотъ корень всѣхъ свободъ, ибо экономическимъ воплощеніемъ „ига“ была континентальная блокада. Но свобода торговли была нужна русскому помѣщику затѣмъ, чтобы сбывать при наиболѣе выгодныхъ условіяхъ продукты крѣпостного хозяйства—послѣдовательное же развитіе буржуазнаго принципа уничтожило самую основу этого хозяйства, подневольный трудъ. Правда, у отдѣльныхъ помѣщиковъ даже того времени мелькала уже мысль о возможности, даже желательности замѣны внѣэкономическаго принужденія экономическимъ: образчикомъ ихъ былъ декабристъ Якушкинъ. Пріѣхавъ въ свою деревню,

Смоленской губерніи, онъ нашелъ, что его крестьяне „трудились и на себя, и на барина, никогда не напрягая силъ своихъ. Надо было придумать способъ возбудить въ нихъ дѣятельность и поставить ихъ въ необходимость прилежно трудиться“. Способъ этотъ, по мнѣнію Якушкина, заключался въ томъ, чтобы поставить крестьянъ „въ совершенно независимое положеніе отъ помѣщика“. Эту „совершенную независимость“ онъ понималъ такъ: крестьяне получали въ „совершенное и полное владѣніе“ свою движимость, дома, усадьбу и выгонъ. „Остальную же всю землю“, т.-е. всю пахоту, Якушкинъ оставлялъ себѣ, „предлагая половину обрабатывать наемными людьми, а другую половину отдавать въ наемъ своимъ крестьянамъ“. Крѣпостного мужика предполагалось, такимъ образомъ, разложить на „вольнаго“ батрака, въ одну сторону, и подневольнаго арендатора помѣщичьей земли—въ другую: комбинація, столь хорошо знакомая русской деревнѣ теперь, что для современнаго читателя нѣтъ надобности распространяться о ней подробно. Якушкину принадлежитъ несомнѣнная честь—предусмотрѣть новѣйшія формы эксплуатаціи крестьянства слишкомъ за поколѣніе впередъ. Какъ всѣ новаторы, онъ долженъ былъ терпѣть отъ тупости и непониманія окружающихъ. Отъ министра внутреннихъ дѣлъ, Кочубея (одного изъ „молодыхъ друзей“ въ свое время), онъ долженъ былъ выслушать колкость: „я нисколько не сомнѣваюсь въ добросовѣстности вашихъ намѣреній“, сказалъ Якушкину министръ: „но если допустить способъ, вами предлагаемый, то другіе могутъ воспользоваться имъ, чтобы избавиться отъ обязанности относительно своихъ крестьянъ“. Но всего больше огорчили его сами крестьяне. Желая узнать, „цѣнятъ“ ли они оказываемое имъ благодѣяніе, Якушкинъ „собралъ ихъ и долго съ ними толковалъ“. „Они“, разсказываетъ онъ, „слушали меня со вниманіемъ и, наконецъ, спросили: „земля, которою мы теперь владѣемъ, будетъ принадлежать намъ или нѣтъ?“ Я имъ отвѣчалъ, что земля будетъ принадлежать мнѣ, но что они властны будутъ ее нанимать у меня.—„Ну такъ, батюшка, оставайся все по старому; мы ваши, а земля наша“. Напрасно я старался имъ объяснить всю выгоду независимости, которую имъ доставитъ освобожденіе...“ Впослѣдствіи Якушкинъ самъ понялъ, что его проектъ совершенной экспропріаціи крестьянъ является слишкомъ европейскимъ, чтобы его можно было осуществить въ условіяхъ грубой русской дѣйствительности, и, опять опережая свой вѣкъ на цѣлое поколѣніе, своимъ умомъ до-

Храмъ славы россійскихъ героевъ.

Гравюра «Храмъ славы россійскихъ героевъ» сдѣлана крѣпкой водкой и акватинтой А. Давыдовымъ, воспитанникомъ Академіи Художествъ. У Д. А. Ровинскаго нѣтъ легенды этой гравюры. Ниже она возстановлена по ветхому экземпляру оригинала, при чемъ, несмотря на всѣ усилія, въ русскомъ текстѣ одно слово (обозначено ниже чертой) осталось неразобраннымъ.

Внизу гравюры изображенъ «Храмъ Славы Россійскихъ героевъ» и читается посвященіе «Его Императорскому Величеству Александру I-му, Самодержцу Всероссійскому» на русскомъ и англійскомъ языкахъ:

Aspiring boldly to the crown of fame
Sols awfat throne, two rival eagles claim:
High oer their heads the warring thunders roll
And forked lightnings glimmer round the pole:
At length avenging Heavens command was heard
And ruin seized the single—headed bird—
He fell—his towering soul was thaugtht to bleed—
The voice of Fame immortalized the deed
Thy prayr, O Cybele, quick access found
Since fell Ambitions volry bites the ground.

За солнцевъ тронъ орлы пернаты
Сражались въ высотѣ—*)
И се перуны краезлаты,
По крыльямъ и хребту свистя,
Орла низвергли одноглава.
Гремитъ трубой то вѣчно слава
Цибелла! гласъ услышанъ твой!
О радость! палъ губитель злой!

Рисовалъ и гравировалъ А. Давыдовъ.

Эта гравюра являлась своего рода отвѣтомъ на слова Наполеона: «Je signerai la paix dans Moscou» и въ смыслѣ апоѳеоза 1812 года очень слаба. Это послѣднее тѣмъ характернѣе отмѣтить, что она является творчествомъ *русскаго* рисовальщика и гравера, очевидно, преисполнившагося черезчуръ холодными офиціальными впечатлѣніями. Не совсѣмъ понятно только, зачѣмъ «храмъ славы россійскихъ героевъ» потребовалось украшать *англійскими* стихами?

В. Стор.

---

*) Паря?

Его Императорскому Величеству АЛЕКСАНДРУ I^му Самодержцу Всероссійскому

думался до истинно-русской формы ликвидаціи крѣпостного права — той самой формы, которая была осуществлена реформой 19 февраля: продажи крестьянамъ ихъ собственной земли за деньги. Передъ 1825 годомъ онъ „пристально занялся сельскимъ хозяйствомъ и часть своихъ полей уже обрабатывалъ наемными людьми. Я могъ надѣяться, что при улучшеніи состоянія моихъ крестьянъ они скоро найдутъ возможность платить мнѣ оброкъ, часть котораго ежегодно учитывалась бы на покупку той земли, какою они пользовались...“ Ссылка Якушкина прервала этотъ экспериментъ — не менѣе интересный, чѣмъ всѣ конституціонные проекты декабристовъ *).

При сколько-нибудь объективномъ отношеніи литературы къ предмету, одного этого эпизода было бы достаточно, чтобы положить конецъ всякимъ разговорамъ о „внѣклассовыхъ“ добродѣтеляхъ декабристовъ, изъ одной чистой любви къ человѣчеству стремившихся освободить несчастнаго, задавленнаго крѣпостнымъ правомъ мужика. Александровскіе радикальные офицеры были, прежде всего, помѣщики—и классовыхъ интересовъ не забывали, даже мечтая о русской республикѣ. Идеаломъ Никиты Муравьева были Соединенные Штаты — императора онъ оставлялъ только, можно сказать, для одного приличія, лишая его всякой реальной власти: но въ первоначальномъ проектѣ своей конституціи онъ не забываетъ оговорить, что при освобожденіи крестьянъ „земли помѣщиковъ остаются за ними“. Въ окончательной редакціи этотъ пунктъ звучалъ уже иначе: „крѣпостное состояніе отмѣняется. Помѣщичьи крестьяне получаютъ въ свою собственность дворы, въ которыхъ они живутъ, скотъ и земледѣльческія орудія, въ оныхъ находящіяся, и по двѣ десятины земли на каждый дворъ для осѣдлости ихъ. Земли же они обрабатываютъ по договорамъ обоюднымъ, которые они заключаютъ съ владѣльцами оныхъ“. Если Якушкинъ придумалъ и даже — насколько это было въ средствахъ частнаго лица—началъ осуществлять проектъ выкупной операціи, то Никитѣ Муравьеву принадлежитъ честь такого же изобрѣтенія дарственнаго (иначе нищенскаго) надѣла. Этотъ фактъ, нужно сказать, нѣсколько смутилъ даже г. Семевскаго, при всемъ его желаніи видѣть въ отрицательныхъ сторонахъ декабристовъ черты,

*) См. „Записки И. Д. Якушкина“, изд. 2-е, М., 1905, стр. 29—32, 35—37 и 71. Цитаты изъ „Духа Журналовъ“ въ цит. сочин. г. Семевскаго, стр. 276, и „Русская фабрика“, г. Туганъ-Барановскаго, стр. 274—281.

вообще свойственныя ихъ времени—а отнюдь не эгоистическія поползновенія какого-нибудь общественнаго класса. Онъ долженъ былъ признать, что даже такой современникъ декабристовъ, какъ Аракчеевъ, оказался щедрѣе ихъ: „даже минимальный размѣръ надѣла, даваемаго крестьянамъ въ собственность, по проекту Аракчеева все же болѣе, чѣмъ по проекту Муравьева“ *).

Если мы примемъ въ расчетъ, что и Якушкинъ, и Н. Муравьевъ представляли собою крайнюю лѣвую дворянскаго оппозиціоннаго движенія, насъ не удивитъ, что въ окончательно резюмирующемъ пожеланіи тайныхъ обществъ проектѣ манифеста, набросанномъ Трубецкимъ, крестьянскій вопросъ упомянутъ лишь очень глухо — при чемъ намѣренно взятъ только съ юридической стороны: манифестъ говоритъ объ „уничтоженіи права собственности на людей“. Мы увидимъ скоро, что передъ такой формулой не останавливались и болѣе передовые министры Николая I. Напротивъ, мы будемъ удивлены, что въ общемъ этотъ манифестъ долженъ былъ носить весьма „буржуазный“ характеръ: мы въ немъ находимъ и свободу печати (п. 3-й), и „предоставленіе лицамъ всѣхъ вѣроисповѣданій свободнаго отправленія богослуженія“ (п. 4-й: не свободу совѣсти, однако!), и равенство всѣхъ сословій передъ закономъ (п. 6-й: но все же не уничтоженіе сословнаго строя), и отмѣну подушной подати (п. 8-й), и уничтоженіе соляной и винной монополій (п. 9-й), и, наконецъ, гласный судъ съ присяжными (пп. 14-й и 15-й). Эта программа—вѣроятно, уже напомнившая читателю схему реформъ 60-хъ годовъ — логически дополняется тѣмъ, что мы знаемъ о проектировавшейся декабристами организаціи народнаго представительства. Въ „манифестѣ“ и этотъ вопросъ формулированъ въ самыхъ общихъ чертахъ (п. 2-й „учрежденіе временнаго правленія до установленія постояннаго выборнаго“). Но въ конституціи Н. Муравьева, съ которой никто не соглашался, но которая одна представляла собою нѣчто законченное, было послѣдовательно проведено начало имущественнаго ценза. Правда, сословное начало въ замаскированномъ видѣ имѣлось и здѣсь: земельный цензъ былъ вдвое ниже ценза для движимаго имущества, крестьяне вообще имѣли въ 500 разъ меньше избирательныхъ правъ, чѣмъ не крестьяне (одинъ „избиратель“ на 500 душъ!), въ частности же бывшіе крѣпостные вовсе

*) Семевскій, цит. соч., стр. 618, ср. стр. 623.

не получали политическихъ правъ; но если мы приемемъ въ соображеніе, что въ тогдашней Европѣ, не исключая и Англіи, классы населенія, соотвѣтствовавшіе нашему крестьянству, не входили въ составъ цензовыхъ гражданъ—мы должны будемъ признать, что конституція декабристовъ была менѣе рѣзко помѣщичьей, чѣмъ можно было бы ожидать. Вмѣстѣ съ проектомъ Сперанскаго ее приходится поставить въ разрядъ буржуазныхъ конституцій. Ближайшимъ образомъ и тамъ, и здѣсь это объясняется литературными вліяніями—сочиненіями западныхъ публицистовъ, по которымъ учились теоретики тайныхъ обществъ, какъ и Сперанскій, и образчиками европейскихъ конституцій, которыми они пользовались (на декабристахъ особенно отразилась испанская конституція 1812 года). Но мы видѣли, что для объясненія проектовъ Сперанскаго этого мало: они отразили въ себѣ тенденціи извѣстныхъ русскихъ общественныхъ группъ—тенденціи, въ ихъ первоисточникѣ, быть можетъ, менѣе осознанныя, нежели подъ перомъ государственнаго секретаря Александра I, но дававшія, тѣмъ не менѣе, для „творчества“ этого секретаря реальную основу. Насколько можно сказать то же о декабристахъ? Въ составѣ тайныхъ обществъ не было ни одного купца. Значитъ ли это, что буржуазія была совершенно чужда движенію? Рядъ фактовъ, каждый изъ которыхъ въ отдѣльности можетъ показаться мелкимъ — но которые въ цѣломъ даже теперь, при очень несовершенномъ знакомствѣ съ соціальной стороной движенія 20-хъ годовъ, представляютъ значительную массу, убѣждаетъ, что это не такъ. Въ одномъ доносѣ, поданномъ императору Александру въ 1821 году, сообщалось объ опасномъ настроеніи среди купцовъ петербургскаго Гостинаго двора. Купцы собирались группами, человѣкъ по 8, съ газетами въ рукахъ, и толковали о конституціи. „Они говорятъ, что если въ странѣ есть конституція, то государь не можетъ постоянно покидать свое государство, такъ какъ для этого нужно дозволеніе націи... Если ему не нравится Россія, зачѣмъ онъ не поищетъ себѣ короны гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ... На что нуженъ государь, который совершенно не любитъ своего народа, который только путешествуетъ и на это тратитъ огромныя суммы. Когда же онъ дома, то постоянно тѣшитъ себя парадами. Всѣ знаютъ, что уже давно въ судахъ совершаются вопіющія несправедливости, дѣла выигрываютъ тѣ, кто больше заплатитъ, а государь не обращаетъ на это вниманія. Нужно, чтобы онъ лучше оплачивалъ трудъ со-

стоящихъ на государственной службѣ и поменѣе разъѣзжалъ. Только конституція можетъ исправить все это, и нужно надѣяться, что Богъ скоро даруетъ намъ ее“... Что разсказы эти не были простымъ сочинительствомъ александровскихъ шпіоновъ,—доказываетъ интересъ, какой проявляли къ купцамъ декабристы, по крайней мѣрѣ нѣкоторые: Рылѣевъ спрашивалъ Штейнгеля, имѣвшаго большія связи среди сибирскаго и московскаго купечества, нельзя ли тамъ пріобрѣсти членовъ для общества? Штейнгель, уже тогда заботливо отгораживавшій себя отъ заговора — на слѣдствіи онъ формально отрекся отъ участія въ немъ,—отнесся къ мысли Рылѣева отрицательно, подъ тѣмъ предлогомъ, что „наши купцы невѣжды“. Онъ, однако, поддерживалъ съ этими „невѣждами“ близкія отношенія, когда дѣло шло о легальныхъ проектахъ, да и въ разговорѣ съ Рылѣевымъ долженъ былъ назвать одно имя, подъ данную имъ характеристику купечества не подходившее: то былъ содержатель типографіи Селивановскій, въ то время какъ разъ подготовлявшій изданіе русской энциклопедіи—очень солиднаго, по своему времени, предпріятія, на которое Селивановскимъ было затрачено до 30.000 рублей. Энциклопедія, отчасти уже отпечатанная и одобренная цензурой, была конфискована тотчасъ же, какъ только выяснились связи ея издателя съ декабристами. Среди петербургской буржуазіи у Рылѣева, секретаря Россійско-Американской торговой компаніи, были самостоятельныя связи—и, быть можетъ, не совсѣмъ случайно въ послѣдніе дни передъ 14-мъ мы встрѣчаемъ декабристовъ то на банкетѣ у директора „компаніи“, гдѣ говорились либеральныя рѣчи даже такими мало-либеральными людьми, какъ Булгаринъ, то на ужинѣ у купца Сапожникова, который, угощая своихъ гостей шампанскимъ, приговаривалъ: „выпьемъ! неизвѣстно, будемъ ли завтра живы“! Это было какъ разъ 13-го числа. Любопытны нѣкоторыя тенденціи и самого Рылѣева, позволяющія его вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими—кромѣ Штейнгеля тутъ приходится въ особенности назвать Батенькова, выразившаго какъ-то желаніе быть „петербургскимъ лордомъ-майоромъ“ — причислить къ тѣмъ, кого теперь назвали бы „буржуазной интеллигенціей“. „Во второй половинѣ 1822 г.“, разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ кн. Оболенскій, „родилась у Рылѣева мысль изданія альманаха, съ цѣлію обратить предпріятіе литературное въ коммерческое. Цѣль Рылѣева и его товарища въ предпріятіи, Александра Бестужева, состояла въ томъ, чтобы дать вознагражденіе труду

литературному, болѣе существенное, нежели то, которое получали до того времени люди, посвятившіе себя занятіямъ умственнымъ. Часто ихъ единственная награда состояла въ томъ, что они видѣли свое имя, напечатанное въ издаваемомъ журналѣ; сами же они, пріобрѣтая славу и извѣстность, терпѣли голодъ и холодъ и существовали или отъ получаемаго жалованья, или отъ собственныхъ доходовъ съ имѣній или капиталовъ. Предпріятіе удалось. Всѣ литераторы того времени согласились получать вознагражденіе за статьи, отданныя въ альманахъ: въ томъ числѣ находился и А. С. Пушкинъ. „Полярная Звѣзда" имѣла огромный успѣхъ и вознаградила издателей не только за первоначальныя издержки, но доставила имъ чистой прибыли отъ 1,500 до 2.000 р." *).

Количественно очень слабые, буржуазные элементы тайныхъ обществъ могли, однако, имѣть очень большое вліяніе на ихъ политическую программу благодаря своему качественному перевѣсу: Рылѣевъ, А. Бестужевъ, Батеньковъ, даже Штейнгель были крупнѣйшими интеллектуальными силами такъ называемаго „сѣвернаго" общества. Для того, чтобы написать манифестъ, основные принципы котораго сохранились въ наброскѣ Трубецкого, обращались именно къ Рылѣеву, а тотъ привлекалъ къ участію въ этомъ дѣлѣ Штейнгеля. Батеньковъ намѣчался даже въ составъ временнаго правительства — единственный изъ заговорщиковъ, такъ какъ остальные члены временнаго правительства должны были быть взяты изъ числа популярныхъ въ обществѣ государственныхъ людей (называли Сперанскаго, Мордвинова и нѣкоторыхъ сенаторовъ). Этотъ качественный перевѣсъ далъ такое значеніе и представителю теченія еще болѣе радикальнаго, чѣмъ „буржуазная интеллигенція". Пестель, не занимавшійся, сколько извѣстно, никакими предпріятіями—и вовсе не имѣвшій крестьянъ, былъ столь же чистой воды „идеологомъ", какъ позднѣйшіе утопическіе соціалисты 70-хъ—80-хъ годовъ. Придавать его „Русской Правдѣ" значеніе такого же практическаго проекта, какъ конституція Н. Муравьева, напримѣръ, было бы, конечно, неосторожно: это было чисто литератур-

---

*) „Общественныя движенія въ Россіи въ первую половину XIX вѣка", т. I, стр. 242. Читатель замѣтилъ, конечно, что Оболенскій стыдится предпринимательства своихъ товарищей—стыдится, разумѣется, совершенно напрасно—и старается подмѣнить исканіе прибыли борьбой за повышеніе заработной платы. Для этого онъ пытается увѣрить своего читателя, что литературный трудъ тогда почти вовсе не вознаграждался, что не вѣрно: люди, пріобрѣтшіе „славу и извѣстность", зарабатывали тогда не меньше, чѣмъ теперь; Карамзину за 2-е изданіе „Исторіи государства Россійскаго" предлагали 75.000 рублей.

ное произведенiе и, какъ таковое, нѣчто очень индивидуальное, личное. Въ случаѣ побѣды декабристовъ Пестель, вѣроятно, имѣлъ бы удовольствiе видѣть свою работу въ печати—но едва ли дѣло пошло бы дальше этого. Чрезвычайно характерно, тѣмъ не менѣе, что человѣкъ, предлагавшiй полное уничтоженiе всякихъ сословныхъ и цензовыхъ перегородокъ, въ политической области послѣдовательный демократъ, а въ соцiально-экономической доходившiй почти до нацiонализацiи земли, могъ не только быть терпимъ въ дворянско-буржуазномъ кругу,—но даже стать вождемъ самой, въ сущности, влiятельной группы заговорщиковъ, такъ называемаго „южнаго" общества. Правда, у Пестеля нельзя отрицать большого таланта приспособленiя: при первомъ свиданiи съ Рылѣевымъ, авторъ „Русской Правды" въ теченiе двухъ часовъ ухитрился быть попеременно „и гражданиномъ Сѣверо-Американской республики, и наполеонистомъ, и террористомъ, то защитникомъ англiйской конституцiи, то поборникомъ испанской". На буржуазно-честнаго петербургскаго литератора это произвело крайне неблагопрiятное впечатлѣнiе — и у него, видимо, сохранилось воспоминанiе о Пестелѣ какъ о безпринципномъ демагогѣ, которому довѣряться не слѣдуетъ. Что южное общество не чуждо было демагогiи, примѣромъ тому былъ не одинъ Пестель, какъ мы сейчасъ увидимъ: но едва ли можно на счетъ этой демагогiи отнести и „Русскую Правду", которую, вѣдь, предполагалось опубликовать послѣ переворота. Притомъ же, пропаганда, какъ мы знаемъ со словъ самого Пестеля, велась почти исключительно среди офицерства: а по отношенiю къ офицерамъ изъ помѣщичьей среды едва ли была бы удачнымъ демагогическимъ прiемомъ проповѣдь нацiонализацiи земли. Она, въ сущности, не была бы удачной демагогiей и по отношенiю къ крестьянамъ: ибо Пестель не всю землю отдавалъ своимъ „волостямъ", а лишь половину—другая же половина должна была служить полемъ частной предпрiимчивости, будучи отдаваема государствомъ въ аренду, безъ ограниченiя, притомъ, количества земли, которая могла скопиться въ однѣхъ рукахъ. На этой „казенной" землѣ вполнѣ могла возникнуть, такимъ образомъ, крупная земельная собственность—только не феодальная, а буржуазная: половина же земли, обыкновенно, была въ распоряженiи крестьянъ и при крѣпостномъ правѣ. Для оброчныхъ и казенныхъ крестьянъ проектъ Пестеля не создавалъ ровно никакой фактической перемѣны, что признавалъ онъ

и самъ *): между тѣмъ, съ демагогической точки зрѣнія, наиболѣе возбудимымъ элементомъ какъ разъ были бы „военные поселяне“ изъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ. „Идеологъ“ въ Пестелѣ рѣшительно преобладалъ надъ демагогомъ.

Но, при всемъ своемъ „идеологизмѣ“, изъ-подъ вліянія наличныхъ общественныхъ классовъ съ ихъ интересами не могъ, разумѣется, уйти и Пестель. Его программа, какъ и программа большинства лидеровъ тайныхъ обществъ, оставалась буржуазной—ничего соціалистическаго, даже утопически соціалистическаго, мы въ ней не найдемъ. Его аграрный проектъ ставилъ своей задачей исключительно раздробленіе земельной собственности, а отнюдь не уничтоженіе ея. „Вся Россія“, говоритъ онъ самъ о результатахъ предлагаемой имъ мѣры, „будетъ состоять изъ однихъ обладателей земли, и не будетъ у нея ни одного гражданина, который бы не былъ обладателемъ земли“. Это уваженіе къ частной земельной собственности, даже стремленіе ее сохранить, и привели къ тому, что его аграрную реформу приходится называть полу-націонализаціей. Одинъ варіантъ „Русской Правды“, касающійся „вольныхъ земледѣльцевъ“, къ которымъ Пестель причислялъ казаковъ, однодворцевъ, колонистовъ и т. под., хорошо освѣщаетъ эту сторону дѣла. „Ежели необходимымъ окажется включить въ составъ общественной собственности частную землю какого-нибудь вольнаго земледѣльца, то сей вольный земледѣлецъ имѣетъ быть въ полной мѣрѣ за сію землю вознагражденъ или денежною платою, или выдачею ему въ собственность изъ казенныхъ земель таковаго участка, который бы въ цѣнности своей равнялся участку земли, у него отнятому, всѣ же земли, принадлежащія нынѣ въ частную собственность вольныхъ земледѣльцевъ, кои ненужнымъ окажется включить въ общественную волостную собственность, имѣютъ оставаться въ вѣчномъ потомственномъ владѣніи нынѣшнихъ своихъ владѣльцевъ на основаніи общихъ правилъ“ *). Такимъ образомъ, остріе аграрной революціи было направлено исключительно противъ крупной феодальной собственности (для возникновенія крупнаго буржуазнаго землевладѣнія, какъ мы видѣли, никакихъ препятствій не ставилось): но „знать“ какъ разъ и была главнымъ противникомъ всякихъ „буржуазныхъ“ проектовъ. Кажущаяся на первый взглядъ чистой утопіей, программа Пестеля съ этой точки зрѣнія получаетъ

*) Семевскій, цит. соч., стр. 528.

глубокій политическій смыслъ: Пестель едва ли не одинъ изъ всѣхъ декабристовъ отчетливо сознавалъ, что, не вырвавъ почвы изъ-подъ ногъ своего соціальнаго противника, смѣшно мечтать о побѣдѣ надъ нимъ. Но, безсознательно, другіе шли по тому же пути. Н. Муравьева Пестель обвинялъ въ томъ, что тотъ условіями своего ценза создаетъ „ужасную аристократію богатствъ". Но присмотритесь къ его цензу: какая же тутъ „аристократія", когда для того, чтобы быть избирателемъ или присяжнымъ, достаточно было имѣть недвижимое имущество цѣнностью въ 5,000 рублей серебромъ (по тогдашнему курсу около 20.000 рублей ассигнаціями), а для того, чтобы имѣть доступъ ко всѣмъ должностямъ, до самыхъ высшихъ, нужно было владѣть недвижимостью не менѣе, какъ на 30.000 рублей серебромъ (120.000 ассигнаціями). Въ болѣе ранней редакціи первый цензъ былъ еще ниже — всего 500 рублей серебромъ. Его повысили, повидимому, съ главной цѣлью—оставить за предѣлами полноправнаго гражданства пестелевскихъ „вольныхъ земледѣльцевъ": однодворцевъ, колонистовъ и имъ подобныхъ. Но помѣщики всѣ, до очень мелкихъ, оставались внутри правящаго класса: принимая (какъ это дѣлаетъ г. Семевскій) цѣнность „души" въ 100 рублей серебромъ, мы получимъ для перваго ценза 50 душъ, для второго—300. Коробочки—или ихъ мужья и братья — могли выбирать Собакевичей: какая же тутъ „аристократія"? *) Программа Никиты Муравьева, взятая съ ея соціальной стороны, была типичной программой средняго землевладѣнія, — того класса, который далъ большинство членовъ тайныхъ обществъ. И это тѣмъ характернѣе, что первое изъ этихъ обществъ было, какъ мы видѣли, очень аристократическаго состава. Оппозиція начала складываться въ рядахъ соціальной группы, ближайшей къ верховной власти, но здѣсь она нашла себѣ мало сторонниковъ. Не найди она себѣ сочувствія въ ближайшемъ книзу общественномъ слоѣ, она бы такъ и замерла, подобно конституціоннымъ проектамъ екатерининской поры. Но теперь средній помѣщикъ былъ не тотъ, что въ 1760-хъ годахъ. То, что тогда было кабинетной мыслью, стало теперь лозунгомъ широкаго общественнаго движенія.

---

*) Въ 1834 году — очень скоро послѣ эпохи, нами изучаемой, такъ что данныя годятся — въ Россіи считали 1453 помѣщика, имѣвшихъ болѣе 1000 душъ каждый (въ среднемъ 2461 душа на каждаго), 2273, имѣвшихъ каждый болѣе 500 душъ (въ среднемъ по 687) и 16.740, имѣвшихъ болѣе, нежели по 100 душъ (въ среднемъ 217). Эти послѣдніе и должны были составить главную массу избирателей по проекту Н. Муравьева. См. Schiemann, цит. соч., I, 392 (по Васильчикову).

Аллегорія побѣдъ 1812—1815 годовъ.

Гравюра *Аллегорія побѣдъ 1812—1815 годовъ* исполнена «дѣвицей Мареой Довгалевой, дочерью отставного оберъ-форштмейстера» (род. 1798 г.), ученицей гравера А. Г. Ухтомскаго (род. 1770 г.). Легенда гравюры у Д. А. Ровинскаго *не* приведена. Довгалева работала надъ гравюрой около пяти лѣтъ и работала не безъ восторговъ и упоенія; работа довольно тонкая, но ровно ничего историческаго не выражающая. Художница обуревалась чувствами, характерными для переживавшагося момента, но ровно ничего не понимала въ происходившемъ. Безсознательная и не понимающая она заполонила свое творчество вспышками политико-религіозно-мистическаго экстаза. Молиться, вѣрить, что-то прославлять, на что-то уповать невѣсомое и неясное—въ этомъ отношеніи Довгалева прекрасно отразила ту безсознательную часть русскаго общества, которая всему наивно вѣрила, съ восторгомъ читала фальшивыя строки реляцій и благодушно внимала бряцающимъ фразамъ героевъ, сидѣвшихъ дома и безъ умолку болтавшихъ въ гостинныхъ. Дѣвица Довгалева посвятила свою гравюру императору Александру, но она не дала на ней изображенія смертной фигуры царя, а начертала безсмертную *Вѣру*, надъ которой витаетъ Духъ святой, *Сый*, какъ вырѣзано на картинѣ, и которая держитъ въ правой рукѣ потиръ съ надписью *за всѣхъ и за вся* и съ сіяніемъ *Іис* (т.-е. Іисусъ). Вѣра держитъ въ лѣвой рукѣ крестъ, опираясь на евангеліе, символизирующее ключъ для проникновенія въ царство небесной славы. Вѣра, а въ этой Вѣрѣ олицетворяется Россія, стоитъ на верхней ступени каменнаго жертвенника—*на камень вознесе мя*,—на ее головѣ огненный языкъ и лента съ надписью *во всемогущаго*. Со ступеней жертвенника ниспадаетъ пораженный дьяволъ—крылатый змѣй, т.-е. Наполеонъ, со словами *злаго злѣ низринувъ;* впереди змѣя свитокъ съ надписями: *наступиши и поперешй змія. Псал. 90-й*, и *наведетъ Господь мечъ крѣпкій на змія и убіетъ сущаго въ морѣ. Исаіи гл. 27-й*. Опять изображено не опредѣленное лицо, а безсмертное олицетвореніе коварства и лжи. Чѣмъ же побѣжденъ змѣй—искуситель? Раскрытая у ногъ Вѣры книга гласитъ: *вѣрою! побѣдиша царствія, быша крѣпцы во бранехъ, обратиша въ бѣгство полки чуждихъ. Евр. Гл. II-ой*. Отъ курящейся у ногъ Вѣры кадильницы разсыпаются по ступенямъ алтаря листья и свитки съ надписями 1) Вѣра! побѣда надъ врагами, вѣнцы и крѣпость ихъ попираетъ ногами. 2) Ногами поперется вѣнецъ гордыни—глав. 28-й, стих. 3-й. 3) Съ нами Богъ! и кто на ны? 4) Прейде сѣнь законъ—5) Вѣруйте и благоспѣшится. Паралип. гл. 20-я. Праведникъ отъ вѣры живъ будетъ—Аввак. глав. 2. 6) Евр. гл. 11. Вѣра уповаемыхъ извѣщеніе, невидимыхъ изъявленіе: бывшаго настоящаго и будущаго. Подъ ступенями алтаря мелкій и сложный рисунокъ, начинающійся всевидящимъ окомъ въ лучахъ и короной съ иниціаломъ $\underset{\text{I}}{\text{А}}$ надъ двуглавымъ орломъ съ якорями въ лапахъ и орденскимъ крестомъ на груди, на которомъ вычерчена Σ. Головы орла, корона и иниціалъ заключены въ ленточномъ овалѣ, на которомъ читается: *Вѣра—щитъ, сила, право. Дай миръ міру во вѣки*. Подъ орломъ читается слово: *союзъ*, а кругомъ на лентахъ: 1) *съ вѣрою на враги крѣпче да падутъ и уничижатся* и 2) *съ вѣрою на враги крѣпче да покорятся истинѣ*.

Въ самомъ низу этого мелкаго и сложнаго рисунка лежитъ едва прикрытая хитономъ женщина съ крыльями, которая трубитъ, очевидно, славу, и надъ ея головой лента съ надписью *побѣдителю*. Описаніе этой гравюры приходится закончить подписью на ней такого содержанія:

Грав. начала съ 1812-го.

Во славу Бога! Вѣры, Надежды и Любви! и въ
Память Событій
въ 1812-мъ, 1813-мъ—1814-мъ и 1815-мъ годахъ.
Дивныхъ Русскихъ побѣдъ! одержанныхъ
надъ Французами и ихъ Соучастниками.
Избавленія отъ нихъ Россіи, Истребленія ихъ вездѣ!
Составленія вѣрнаго Союза, Покоренія Франціи! и въ Ней
возведенія законнаго Короля, Низверженія всеобщаго врага,
Спасенія отъ Злаго Ига Его всѣхъ Царствъ земныхъ,
возстановленія въ Нихъ Силъ Законнаго Правленія
и дарованныхъ **Міру мира!** и свободы...
— Всѣхъ Сихъ Великихъ Дѣлъ —
Десницею Всемогущаго Превознесенному въ Подвигахъ Совершенному
Его Императорскому Величеству
Всемилостивѣйшему Государю
Александру Павловичу
Императору и Самодержцу Всероссійскому
Всеподданнѣйше Посвящаетъ Сіе
Гравировавшая и Писавшая всѣ слова Дѣвица Мароа Довгалева дочь Отставного оберъ-форштмейстера.

Санктъ-Петербургъ 1817 года.

Гравюра Довгалевой цѣнна, какъ произведеніе, отразившее на себѣ характерныя черты цѣлаго общественнаго настроенія и описавшее его съ особенной выразительностью.

В. Стор.

Надежды и Любви!
Его Императорскому
Всемилостивѣйшему Великому
АЛЕКСАНДРУ
Императору и Самодержцу

Наиболѣе кабинетнымъ кажется республиканизмъ декабристовъ. Несмотря на формальный монархизмъ муравьевской конституціи (императоръ которой, съ его очень условнымъ правомъ veto и весьма укороченными административными полномочіями—онъ не могъ, напримѣръ, „употреблять войска въ случаѣ возмущенія“ безъ согласія народнаго вѣча—отличался отъ президента республики лишь наслѣдственностью своихъ функцій, „для удобства, а не потому, чтобы оно — императорское званіе — было въ самомъ дѣлѣ семейственнымъ достояніемъ“, пояснялъ авторъ), въ сущности всѣ лидеры обоихъ обществъ, „сѣвернаго“ и „южнаго“, были на сторонѣ республики. На знаменитомъ засѣданіи „Коренной думы Союза Благоденствія“, въ началѣ 1820 года, только одинъ полковникъ Глинка „говорилъ въ пользу монархическаго правленія“, всѣ же остальные „приняли единогласно республиканское правленіе“. Да и Муравьевъ объяснялъ появленіе своего императора единственно желаніемъ—не пугать черезчуръ вновь вступающихъ членовъ. Но дворянская республика можетъ показаться странной намъ, а весьма незадолго до начала декабристскаго движенія она была живой дѣйствительностью очень недалеко отъ Россіи: въ Польшѣ. Декабристы— тотъ же Никита Муравьевъ — очень увлекались сѣверо-американской конституціей; но она тогда признавала даже рабство, и строй южныхъ штатовъ федераціи на практикѣ былъ чисто аристократическій. Если первый примѣръ могъ вызвать возраженія, со стороны прочности такого строя, то второй долженъ былъ замкнуть уста всѣмъ возражателямъ: конституція Соединенныхъ Штатовъ въ тѣ дни, до іюльской революціи и парламентской реформы въ Англіи, шла такъ же далеко впереди всѣхъ остальныхъ существующихъ, какъ теперь конституціи австралійскихъ колоній, напримѣръ. Если ужъ она фактически оставляла власть въ рукахъ помѣщиковъ (чему номинальный демократизмъ нисколько не мѣшалъ), чего же было стыдиться Россіи? Заграничная дѣйствительность не давала аргументовъ противъ аристократической республики: русская дѣйствительность восемнадцатаго вѣка дѣлала очень легкимъ переходъ къ республикѣ вообще. Начиная съ Екатерины I и кончая самимъ Александромъ Павловичемъ, русскій престолъ фактически былъ избирательнымъ; можно было указать лишь на два исключенія—государей, восшедшихъ на престолъ исключительно въ силу наслѣдственнаго права: то были Петръ III и Павелъ I,— нельзя было найти исключеній, лучше подтверждавшихъ пра-

вило. Зато было не меньше государей, которые не имѣли никакихъ правъ, какъ обѣ Екатерины и Анна, и которые получили эти права изъ рукъ „народа", одѣтаго въ преображенскіе и семеновскіе мундиры. Роль гвардіи, какъ „избирательнаго корпуса", настолько вошла въ нравы, что участіе гвардейцевъ въ вопросѣ о престолонаслѣдіи сдѣлалось для нихъ, по мѣткому выраженію Шильдера, „своего рода инстинктомъ" *). „Я боюсь за успѣхъ", говорилъ принцу Евгенію Виртембергскому петербургскій генералъ-губернаторъ Милорадовичъ наканунѣ присяги Николаю Павловичу: „гвардейцы не любятъ Николая". „О какомъ успѣхѣ вы говорите", удивился принцъ, „и при чемъ тутъ гвардейцы?" „Совершенно справедливо", отвѣтилъ Милорадовичъ: „они должны бы были быть здѣсь не при чемъ. Но развѣ они не подавали своего голоса при восшествіи на престолъ Екатерины II и Александра?" (болѣе старыхъ примѣровъ Милорадовичъ, очевидно, не помнилъ). „Охота къ тому у этихъ преторіанцевъ всегда найдется!". Достаточно было небольшой европеизаціи этого „бытового явленія", чтобы придти къ мысли объ избирательности главы государства вообще: идеи Детю-де-Траси и другихъ республиканскихъ публицистовъ Западной Европы падали на хорошо подготовленную почву. Но когда люди начинали говорить „по душѣ", старые термины и старые образы невольно всплывали въ ихъ сознаніи. „Желая блага отечеству, признаюсь, не былъ я чуждъ честолюбія", писалъ Ал. Бестужевъ въ своемъ письмѣ изъ крѣпости, исповѣдуясь передъ Николаемъ Павловичемъ: „и вотъ почему соглашался я съ мнѣніемъ Батенкова, что хорошо было бы возвести на престолъ Александра Николаевича. Льстя мнѣ, Батенковъ говорилъ, что какъ историческій дворянинъ и человѣкъ, участвовавшій въ переворотѣ, я могу надѣяться попасть въ правительную аристократію, которая при малолѣтнемъ царѣ произведетъ постепенное освобожденіе Россіи... я считалъ себя, конечно, не хуже Орловыхъ временъ Екатерины".

Практика дворцовыхъ переворотовъ сдѣлала то, что люди становились республиканцами, сами того не замѣчая. Цѣлый рядъ болѣе мелкихъ фактовъ, тѣснѣе связанныхъ съ эпохой возникновенія тайныхъ обществъ **), толкалъ въ томъ же на-

*) Шильдеръ напрасно приписываетъ свою остроту Милорадовичу: тотъ, какъ сейчасъ увидимъ, выразился проще.

**) Послѣднія шли, какъ извѣстно, въ такомъ порядкѣ: въ 1814 году — „Орденъ Русскихъ Рыцарей"; въ 1816—17 „Союзъ Спасенія", развернувшійся къ 1818 году въ болѣе широкій—и почти открытый — „Союзъ Благоденствія". Въ 1821 году послѣдній былъ закрытъ и съ этого момента, собственно, датируется „заговоръ декабристовъ". См. ниже, отдѣлъ „14 декабря".

правленіи. Среди нихъ на первое мѣсто нужно поставить позорное поведеніе европейскихъ монарховъ во время и непосредственно послѣ „освободительной войны“. Въ это время монархическій принципъ чрезвычайно низко стоялъ во всей Европѣ, не исключая и Англіи, гдѣ представитель этого принципа, принцъ-регентъ, не рѣшался иногда показаться на улицахъ Лондона, боясь, что его забросаютъ грязью: когда Александръ Павловичъ ѣздилъ съ визитомъ въ Англію, пришлось, какъ ни было англійскимъ придворнымъ совѣстно, объяснить это деликатное обстоятельство русскому императору; тотъ засмѣялся и поѣхалъ къ принцу-регенту первый, не дожидаясь его встрѣчи. Но „величественное самоотреченіе“ самого Александра въ дни отечественной войны и его хроническій абсентеизмъ позднѣе, въ эпоху конгрессовъ, не могли не содѣйствовать развитію такого же настроенія и въ средѣ русской интеллигенціи, и даже полу-интеллигенціи: осуждать императора, который Россію „знать не хочетъ“, какъ мы видѣли, рѣшались даже торговцы гостинаго двора. Памятникомъ этого настроенія въ русской литературѣ остался знаменитый Noël Пушкина („Ура! въ Россію скачетъ кочующій деспотъ...“), который знала наизусть вся читающая Россія, хотя напечатанъ онъ былъ впервые только въ 1859 году, и то за границей. Наконецъ, на послѣдовательное проведеніе избирательнаго принципа во всей схемѣ государственнаго устройства долженъ былъ наталкивать такой будничный фактъ, какъ дворянскіе выборы. Уѣздный предводитель былъ выборный, губернскій тоже: почему же всероссійскому предводителю не быть также выборнымъ? Между тѣмъ, съ сословной организаціей тогдашняго общества политическіе проекты 20-хъ годовъ были связаны гораздо тѣснѣе, чѣмъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Декабристская конституція носила буржуазный характеръ; но „великій соборъ“, созывъ котораго предполагался, какъ первое послѣдствіе удачнаго переворота, долженъ былъ состоять изъ депутатовъ по два отъ *каждаго сословія* каждой губерніи, то-есть, надобно думать, два отъ дворянства и два отъ городского населенія, ибо крестьяне не получали равнаго съ другими представительства даже и послѣ, по проектамъ окончательной конституціи. „Возможнымъ полагалось многое уступить“, показывалъ на слѣдствіи Трубецкой, „исключая однако же собранія депутатовъ изъ губерній по сословіямъ“. Насколько эта необходимость считаться съ существующей дворянской организаціей была *общимъ* мнѣніемъ, показываетъ любопытный

фактъ: правительственный проектъ конституціи, составленный Новосильцевымъ около 1820 года, „государственная уставная грамота россійской имперіи“, даетъ составъ нижней палаты „государственнаго сейма“, очень схожій съ составомъ декабристскаго „великаго собора“; въ ней мы также находимъ представителей отъ дворянскихъ и городскихъ обществъ — только эти послѣдніе выбираютъ не прямо депутатовъ, а лишь кандидатовъ въ депутаты, извѣстная часть которыхъ утверждается императоромъ. И здѣсь — помимо слишкомъ явной тенденціи—нельзя не видѣть вліянія той же установившейся практики дворянскихъ выборовъ: дворянское собраніе выбирало, собственно, двухъ кандидатовъ въ предводители, но изъ нихъ, по традиціи, утверждался тотъ, кто получалъ больше голосовъ.

При всемъ вліяніи буржуазнаго міросозерцанія на декабристовъ, республика не была, въ ихъ проектахъ, отраженіемъ этого вліянія. Республиканскіе взгляды были подготовлены прошлымъ дворянской Россіи,—и могли сложиться въ дворянскомъ кругу совершенно самостоятельно. Республиканизмъ ультра-аристократическихъ „Русскихъ Рыцарей“ является яркимъ тому доказательствомъ. Когда русская буржуазія, три четверти столѣтія спустя, выступила со своей собственной политической программой, въ этой программѣ не было республики.

2. 14 декабря.

Существованіе „тайныхъ“ обществъ было такимъ же общедоступнымъ секретомъ, какъ въ свое время заговоръ противъ Павла. По разсказу Н. Тургенева, принятіе новыхъ членовъ происходило до необычайности просто: съ предложеніями обращались къ полузнакомымъ людямъ, которыхъ разъ-два встрѣтили въ гостиныхъ — совершенно такъ, какъ предлагаютъ записаться въ члены какого-нибудь просвѣтительнаго или благотворительнаго кружка. Уставъ „Союза Благоденствія“ въ своей организаціонной части скопированъ былъ съ прусскаго черносотеннаго „Тугендбунда“, который ставилъ своей задачей быть „среди народа оплотомъ трона нынѣшняго властелина Пруссіи и дома Гогенцоллерновъ противъ безнравственнаго духа времени“, а равно „создавать общественное мнѣніе въ низшихъ классахъ народа,

благопріятное для государя и правительства". Возможность такого заимствованія въ обществѣ, которое съ самаго начала задавалось конституціонными стремленіями, хотя и „весьма неопредѣлительными", по отзыву Пестеля, показываетъ, насколько сильна была среди тогдашней русской оппозиціи націоналистическая струя: прусскій „Союзъ Добродѣтели" могъ привлекать только своимъ патріотизмомъ. Сравнивая два устава, образецъ и подражаніе, нельзя не отмѣтить еще одной любопытной черты: Тугендбундъ ставилъ непремѣннымъ условіемъ для своихъ членовъ-помѣщиковъ освобожденіе ими своихъ крестьянъ, притомъ съ землею. Декабристы въ своихъ мемуарахъ впослѣдствіи, и даже уже раньше, въ своихъ показаніяхъ на допросахъ, очень выдвигали крестьянское дѣло: но этого обязательства въ уставъ своего „Союза Благоденствія" они, однако, не перенесли *). Не мудрено, что откровенный характеръ „заговора" сдѣлалъ всѣ его секреты легко доступными правительственнымъ шпіонамъ—и что эти шпіоны въ то же время не могли сообщить своему начальству ничего, дѣйствительно тревожнаго. Уже лѣтомъ 1821 года въ рукахъ Александра была обстоятельная записка Бенкендорфа, будущаго шефа жандармовъ Николая Павловича, о тайныхъ обществахъ. Обыкновенно отмѣчаютъ сходство этой записки съ „донесеніемъ слѣдственной комиссіи" 1826 г.: еще разительнѣе то, что она нѣкоторые факты передаетъ вполнѣ согласно съ воспоминаніями самихъ декабристовъ, притомъ это относится къ фактамъ, имѣвшимъ очень ограниченное число свидѣтелей. Очевидно, что когда члены-учредители мотивировали формальное закрытіе союза въ началѣ того же 1821 г. желаніемъ „удалить ненадежныхъ членовъ", это не была пустая фраза. Но ни записка Бенкендорфа, ни, еще болѣе раннее, повидимому, знакомство императора съ уставомъ „Союза Благоденствія" — такъ называемою „Зеленою Книгою" — не произвели на него никакого дѣйствія. Александръ Павловичъ слишкомъ много слышалъ вокругъ себя либеральныхъ разговоровъ со времени своего вступленія на престолъ, чтобы придавать имъ какое-нибудь значеніе. Создавая тѣмъ временемъ медленно, но неуклонно, опричнину военныхъ поселеній, онъ чувствовалъ себя съ каждымъ годомъ ближе къ цѣли: къ тому моменту, когда онъ, опираясь на „преданнаго" мужика въ военномъ мундирѣ, сможетъ игнорировать не только дворянскихъ говоруновъ, но и любое болѣе серьезное движеніе. Но, не боясь, онъ не хотѣлъ и раздражать безъ на-

*) Семевскій, назв. сочин. стр. 421—422.

добности: члены тайныхъ обществъ, большею частью извѣстные Александру по именамъ, не только не подверглись никакимъ карамъ, но сохранили даже свое служебное положеніе, какъ ни казалось это страннымъ; императоръ только позволялъ себѣ изрѣдка подшучивать надъ тѣми изъ нихъ, кто, увлекаясь сочиненіемъ проектовъ конституціи, забывалъ о фронтѣ (такъ было еще въ 1823 году съ кн. Волконскимъ). Но уже съ 1820 г. квіетизму Александра Павловича пришлось выдерживать жестокія испытанія: въ январѣ этого года вспыхнуло возстаніе Ріэго въ Испаніи, въ іюлѣ разразилась революція въ Неаполѣ, и не успѣли подавить послѣднюю, какъ пришлось имѣть дѣло съ новой итальянской революціей, въ Пьемонтѣ. Какое значеніе имѣла испанская революція для русскаго движенія, видно изъ того, что для декабристовъ разстрѣлянный впослѣдствіи Ріэго былъ „святой мученикъ"; повышенное настроеніе въ Петербургѣ передъ 14 декабря выразилось, между прочимъ, тѣмъ, что въ книжныхъ магазинахъ были выставлены портреты Ріэго и его товарища Квироги. А какъ реагировалъ на эти извѣстія Александръ, видно изъ указа 1 сентября 1820 года объ экстренномъ рекрутскомъ наборѣ по 4 человѣка съ 500 душъ. Не нужно забывать, что всѣ эти движенія носили чисто военный характеръ: ихъ предводителями были офицеры, а революціонной массой являлись солдаты. Пока Александръ могъ быть увѣренъ, что „насъ это не касается", что русскіе офицеры и солдаты сдѣланы совсѣмъ изъ иного тѣста, чѣмъ испанскіе или итальянскіе, онъ могъ еще быть относительно спокоенъ: русскія войска предполагалось даже использовать на службѣ „порядка" въ Италіи, и соотвѣтствующій корпусъ былъ уже сформированъ. Но осенью того же 1820 г., на конгрессѣ въ Троппау, куда собралась реакціонная Европа, чтобы рѣшить, что же ей дѣлать съ неумиравшей „гидрой революціи", Александръ получилъ извѣстіе, разрушавшее послѣднія иллюзіи. Въ ночь съ 16-го на 17-е октября вспыхнули безпорядки въ Семеновскомъ полку — томъ самомъ, который больше всѣхъ содѣйствовалъ вступленію Александра на престолъ и былъ всегда любимымъ его полкомъ. Все значеніе „семеновской исторіи"— въ хронологической датѣ: въ спокойное время, когда не было ни тайныхъ обществъ, ни военныхъ революцій въ Европѣ, исторія въ семеновскихъ казармахъ дала бы матеріалъ для разговора въ соотвѣтствующихъ кругахъ на двѣ недѣли—не больше. Какъ извѣстно, движеніе было чисто солдатскимъ— офицеры, хотя среди нихъ было нѣсколько членовъ Союза

Благоденствія, между прочими одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ впослѣдствіи декабристовъ, С. И. Муравьевъ-Апостолъ, никакого участія въ дѣлѣ не принимали. Причины солдатскаго недовольства были профессіональныя, бросающія очень любопытный свѣтъ на хозяйственную организацію русской гвардіи того времени: въ полку было много ремесленниковъ, башмачниковъ, султанщиковъ и т. д.; ихъ заработки шли въ ротную кассу на улучшеніе солдатскаго быта—стола, обстановки и т. п. Семеновцы, напримѣръ, спали на кроватяхъ, а не на нарахъ, какъ обычно было въ тогдашнихъ казармахъ. Вновь назначенный, чтобы подтянуть полкъ, командиръ, полковникъ Шварцъ, сталъ употреблять эти деньги на улучшеніе обмундировки, въ то же время отнимая у солдатъ такую массу времени шагистикой, что ихъ ремесленная дѣятельность была этимъ крайне стѣснена. На такой, чисто экономической, почвѣ возникъ конфликтъ, обострившійся благодаря грубости Шварца въ личныхъ отношеніяхъ: жестокимъ, по тогдашнимъ, аракчеевскимъ, нравамъ, его назвать, собственно, было нельзя. Правда, онъ снова ввелъ въ Семеновскомъ полку исчезнувшія было тамъ тѣлесныя наказанія, но ихъ примѣнялъ, напримѣръ, и Пестель въ своемъ полку: между тѣмъ, Пестеля солдаты любили, ибо онъ наказывалъ только „за дѣло"; Шварцъ же дрался безъ всякаго толку. Самый „бунтъ" вылился въ чрезвычайно мирную форму, внушившую Александру Павловичу мысль, что все это—дѣло „штатскихъ" рукъ. „Внушеніе, кажется, было не военное", писалъ онъ Аракчееву: „ибо военный сумѣлъ бы ихъ заставить взяться за ружье, чего никто изъ нихъ не сдѣлалъ, даже тесака не взялъ". На самомъ дѣлѣ, смирное поведеніе солдатъ объяснялось именно тѣмъ, что они ни о какой революціи не мечтали: ихъ протестъ казался имъ вполнѣ легальнымъ, ибо они знали, что полковой обычай на ихъ сторонѣ, и были убѣждены, что Шварца начальство накажетъ за нарушеніе этого обычая, какъ скоро узнаетъ, въ чемъ дѣло. Тотъ же принципъ, что въ столкновеніи начальника съ подчиненнымъ ради „престижа власти" первый всегда долженъ быть правъ, былъ, очевидно, ихъ простому уму недоступенъ. Предполагать, что движеніе было вызвано петербургскими „радикалами", какъ, повидимому, склоненъ былъ представлять себѣ дѣло Александръ, судя по его разговору на эту тему съ Меттернихомъ, не было ни малѣйшаго основанія; но что „радикалы" могли и хотѣли бы имъ воспользоваться, это обнаружилось очень скоро. Черезъ нѣсколько дней

Нашъ ангелъ въ небесахъ.

Литографія Ореста Адамовича Кипренскаго (сынъ Швальбе, крѣпостного человѣка господина Дьяконова, ученикъ Угрюмова и Левицкаго; род. 13 марта 1783 г.; † въ Римѣ 5 октября 1836 г.) *Нашъ ангелъ въ небесахъ*—плодъ художественнаго вдохновенія при извѣстіи о смерти Александра I, сопровождаемый на ряду съ русскою подписью прибавкой на французскомъ языкѣ *Notre Ange est au ciel*. Композиція литографіи проста, нѣтъ никакихъ вычурныхъ деталей или груды тяжелыхъ признаковъ царскаго величія. Среди облаковъ, какъ бы взлетая съ земли въ небесныя пространства, показывается задумчиво и загадочно застывшая фигура Александра I съ вѣнкомъ на головѣ. Указанныя свойства композиціи выгодно отличаютъ ее отъ разнообразныхъ ходульныхъ, вымученныхъ и тяжелыхъ аллегорій начала XIX вѣка. Александръ I умеръ 19 ноября 1825 года въ Таганрогѣ. Изъ Петербурга онъ выѣхалъ 1 сентября ночью, въ пятомъ часу утра появился у воротъ Александро-Невской лавры, былъ встрѣченъ митрополитомъ Серафимомъ и имѣлъ мистическое свиданіе здѣсь со схимникомъ Алексѣемъ... Келья схимника представляла мрачную картину: полъ и всѣ стѣны до половины были обиты чернымъ сукномъ; съ лѣвой стороны у стѣны виднѣлось большое распятіе съ предстоящими Богоматерью и евангелистомъ Іоанномъ; у другой стѣны находилась черная длинная деревянная скамейка; лампада, горѣвшая передъ иконами, тускло освѣщала жилище схимника. За перегородкой находилась спальня схимника: на столѣ стоялъ черный гробъ, въ которомъ лежали схима, свѣчи и все, относящееся къ погребенію. Такова была картина, приготовленная для Александра I въ моментъ послѣдняго его выѣзда изъ Петербурга; ему пришлось также выслушать замѣчаніе схимника о россійскихъ нравахъ и призывъ «бдѣть надъ нравами». Любопытны хронологическія даты этой порчи: «До великой чумы въ Москвѣ нравы были чище, народъ набожнѣе, но послѣ чумы нравы испортились; въ 1812 г. наступило время исправленія и набожности, но по окончаніи войны сей нравы еще болѣе испортились». Слова эти и призывъ «бдѣть надъ нравами» не такъ уже просты, какъ могло бы показаться съ перваго взгляда, и м. Серафимъ, устраивая это свиданіе со схимникомъ, хорошо зналъ, что дѣлалъ, зналъ, на какихъ слабостяхъ Александра онъ игралъ. Это *послѣднее* петербургское впечатлѣніе, какъ предполагалось, должно было имѣть и свои результаты... Но если при жизни Александра умѣли искусно показывать ему спящихъ во гробахъ живыхъ старцевъ, то народная легенда, по смерти Александра, сумѣла его самого превратить въ старца и представить удивленному взору въ лицѣ нѣкоего Ѳедора Кузьмича... И Алексѣй, и Ѳедоръ—исторически очень любопытны: за каждымъ числится свой raison d'être... Въ Архивѣ канцеляріи военнаго министерства Шильдеръ видѣлъ рукопись подъ заголовкомъ «Московскія новости или новые правдивые и ложные слухи, которые послѣ виднѣе окажутся, которые правдивые, а которые лживые, а теперь утвердить не однихъ не могу, но рѣшился на досугѣ списывать для дальняго время незабвеннаго, именно 1825 года, съ декабря 25-го дня». Рукопись эта представляетъ большой интересъ, но генералъ-историкъ не воспользовался ею съ достаточной полнотой: *дворовый человѣкъ* Ѳедоръ Ѳедоровъ записалъ здѣсь 51 слухъ, но Шильдеръ взялъ только одинъ, два слуха, передавъ ихъ по-своему. Въ разсказахъ о народныхъ слухахъ, записанныхъ Ѳедоровымъ, отразилась, какъ пишетъ Шильдеръ (IV, 490), одна любопытная черта того времени: это народный протестъ противъ крѣпостного права. Благородные господа названы въ нихъ «первѣйшими въ свѣтѣ подлецами», а устраненіе великаго князя Константина отъ престолонаслѣдія является въ народной фантазіи какъ бы слѣдствіемъ его намѣренія освободить невольниковъ; цесаревичъ является жертвою своего заступничества за народъ. Великій князь, «видя такое неустроенное въ Россіи варварское на все россійское простонародіе самовластное и тяжкое притѣсненіе», вознамѣрился по возможности уничтожить оное и для этой цѣли обратился за помощью къ австрійскому императору, который обѣщалъ двинуть войско... И въ 1825 г. смѣна царствованія повлекла за собою слухи о волѣ, по прежнему люди усматривали своихъ благодѣтелей въ умершихъ или устраненныхъ... Литографія Кипренскаго въ своей простотѣ могла отвѣчать и на вкусы притязательные; каждая сторона могла въ ней видѣть именно *свое*...

В. Стор.

Нашъ Ангелъ въ небесахъ.
Notre Ange est au ciel

послѣ семеновскаго „бунта" на дворѣ преображенскихъ казармъ была найдена чрезвычайно любопытная прокламація, въ формѣ обращенія отъ семеновцевъ къ преображенцамъ, но написанная, внѣ сомнѣнія, не солдатомъ, хотя и для солдатъ *). Повидимому, нечаянно, изъ соображеній демагогическихъ, авторъ прокламаціи сталъ на единственно правильную, хотя въ тѣ дни едва ли кому, кромѣ Пестеля, сознательно доступную точку зрѣнія: политическій деспотизмъ онъ изображаетъ какъ орудіе дворянскаго господства и, возбуждая солдатъ къ возстанію противъ самодержавія, онъ аргументируетъ отъ ужасовъ новаго крѣпостного права. „Хлѣбопашцы угнетены податьми", пишетъ онъ: „многіе дворяне своихъ крестьянъ гоняютъ на барщину шесть дней въ недѣлю. Скажите, можно ли такихъ крестьянъ выключить изъ числа каторжныхъ? Дѣти сихъ несчастныхъ отцовъ остаются безъ науки, но оная всякому безотмѣнно нужна, семейство терпитъ великіе недостатки; а вы, будучи въ такой великой силѣ, смотрите хладнокровно..." Въ связи съ этой прокламаціей, довольно длинной, имѣвшей цѣлью, повидимому, только создать извѣстное настроеніе, стоитъ другая, коротенькая, гдѣ указывались и практическіе способы переворота: арестъ всѣхъ теперешнихъ начальниковъ и избраніе новыхъ „изъ своего брата солдата". Воззванія вызвали толки среди солдатъ, и въ этихъ толкахъ поминалась уже „Гишпанія". По этому опыту будущіе декабристы могли бы судить, какое громадное оружіе въ ихъ рукахъ: но, повидимому, никто изъ нихъ, кромѣ С. Муравьева-Апостола (по догадкѣ г. Семевскаго, автора и нашихъ прокламацій), никто изъ нихъ не умѣлъ или не хотѣлъ этимъ оружіемъ воспользоваться. Они продолжали попрежнему разсчитывать на „густыя эполеты". Изъ 121 человѣка, перечисленныхъ въ „донесеніи слѣдственной комиссіи", было 3 генерала, 8 полковниковъ и 17 штабъ-офицеровъ: унтеръ же офицеръ въ рядахъ заговорщиковъ былъ только одинъ, знаменитый Шервудъ-Вѣрный, долгое время считавшійся первымъ доносчикомъ на декабристовъ, хотя въ его доносѣ едва ли было что-нибудь, вовсе неизвѣстное высшему правительству. Но это послѣднее считало руководителей тайныхъ обществъ хитрѣе и смѣлѣе, чѣмъ они были на самомъ дѣлѣ. Послѣ семеновской исторіи Александръ сталъ обращать большое вниманіе на здоровье и настроеніе гвардейскихъ солдатъ, затрогивая

---

*) Опубликована впервые г. Семевскимъ въ журналѣ „Былое", 1907 г., февраль, съ небольшими пропусками изъ-за цензурныхъ, вѣроятно, соображеній.

въ этихъ заботахъ даже „святая святыхъ“ фронтовой дисциплины — тѣлесныя наказанія *). Одновременно съ этимъ онъ впервые начинаетъ относиться къ тайнымъ обществамъ, какъ къ дѣлу серьезному. Характерный анекдотъ по этому поводу разсказываетъ Якушкинъ. „Въ 22 году генералъ Ермоловъ, вызванный съ Кавказа начальствовать надъ отрядомъ, назначеннымъ противъ возставшихъ неаполитанцевъ, прожилъ нѣкоторое время въ Царскомъ селѣ и всякій день видался съ императоромъ. Неаполитанцы были уничтожены австрійцами, прежде, нежели нашъ вспомогательный отрядъ двинулся съ мѣста, и Ермоловъ возвратился на Кавказъ. Въ Москвѣ, увидѣвъ пріѣхавшаго къ нему М. Фонвизина, который былъ у него адъютантомъ, онъ воскликнулъ: „Поди сюда, величайшій карбонари!“ Фонвизинъ не зналъ, какъ понимать такого рода привѣтствіе. Ермоловъ прибавилъ: „Я ничего не хочу знать, что у васъ дѣлается, но скажу тебѣ, что онъ васъ такъ боится, какъ бы я желалъ, чтобы онъ меня боялся“. Въ это время у Александра еще хватало духу шутить надъ тѣми, кого увлекали „проекты конституціи“: но очень знаменательно, что онъ какъ разъ теперь самъ перестаетъ играть въ подобные проекты. Съ безобиднымъ словеснымъ либерализмомъ онъ не прочь былъ заигрывать, и „государственная уставная грамота“ была уже готова передъ самымъ семеновскимъ дѣломъ. Семеновскій бунтъ убилъ ее, какъ и вообще остатки всякаго, даже словеснаго, либерализма въ самомъ императорѣ. Сближеніе Александра съ такими представителями ортодоксальнаго православія, какъ Фотій, несомнѣнно, относится къ этой же группѣ явленій: не теперь было ссориться изъ-за какихъ-нибудь квакеровъ или г-жи Крюднеръ съ крупнѣйшей полицейской силой, которая могла оказаться такъ полезна именно въ случаѣ народнаго возстанія. Масонскія ложи были окончательно запрещены въ то же время: тутъ также компромиссы были признаны долѣе невозможными. Но тщетность этихъ формальныхъ запрещеній Александръ, конечно, первый сознавалъ лучше кого бы то ни было другого. Всѣ принятыя имъ мѣры нисколько не уменьшали его тревоги. Отъ 1824 года сохранилась такая собственноручная его замѣтка, приводимая Шильдеромъ: „Есть слухи, что пагубный духъ вольномыслія или либерализма разлитъ или, по крайней мѣрѣ, сильно уже разливается и между войсками; что въ обѣихъ арміяхъ, равно какъ и въ отдѣльныхъ

*) См. объ этомъ у г. Семевскаго, „Былое“, стр. 91 и 115—117.

корпусахъ, есть по разнымъ мѣстамъ тайныя общества или клубы, которые имѣютъ притомъ секретныхъ миссіонеровъ для распространенія своей партіи. Ермоловъ, Раевскій, Киселевъ, Михаилъ Орловъ, Дмитрій Столыпинъ и многіе другіе изъ генераловъ, полковниковъ, полковыхъ командировъ; сверхъ сего большая часть разныхъ штабъ- и оберъ-офицеровъ".

За годъ до смерти Александръ Павловичъ пересталъ довѣрять своей арміи. И, нужно сказать, его подозрѣнія скорѣе отставали отъ дѣйствительности, нежели преувеличивали ее. Изъ опубликованныхъ теперь показаній Пестеля мы знаемъ, что въ тайныхъ обществахъ конкурировали между собою два плана переворота. По одному изъ нихъ моментомъ для революціи избиралась смерть Александра, естественная—ея находили возможнымъ дожидаться, потому что этотъ планъ „требовалъ еще много времени",—но въ случаѣ, если бы Александръ не торопился умирать, „и насильственная смерть покойнаго государя могла оказаться надобной". Мѣстомъ возстанія долженъ былъ быть Петербургъ, а главной его силой—гвардія и флотъ: какъ видимъ, программа 14 декабря была готова заранѣе, но исторія не дала необходимой для ея осуществленія отсрочки. По другому плану, который Пестель излагаетъ гораздо конкретнѣе, такъ что сразу видно, къ чему больше лежало у него сердце, все должно было свершиться несравненно скорѣе. „Другое предположеніе было слѣдующее: начать революцію во время ожидаемаго высочайшаго смотра войскъ 3-го корпуса въ 1826 году. Первое дѣйствіе должно было состоять въ насильственной смерти государя императора Александра Павловича, потомъ изданіе двухъ прокламацій: одну войску, другую народу. Затѣмъ слѣдованіе 3 корпуса на Кіевъ и Москву съ надеждою, что къ нему присоединятся прочія на пути его расположенныя войска безъ предварительныхъ даже съ ними сношеній, полагаясь на общій духъ неудовольствія. Въ Москвѣ требовать отъ сената преобразованія государства. Между всѣми сими дѣйствіями 3-го корпуса надлежало всѣмъ остальнымъ членамъ союза содѣйствовать революціи. Остальной части южнаго округа занять Кіевъ и въ ономъ оставаться. Сѣверному округу поднять гвардію и флотъ, препроводить въ чужіе края всѣхъ особъ императорской фамиліи и то же сдѣлать требованіе сенату, какъ и 3-й корпусъ". На слѣдствіи Пестель называлъ это предположеніе „неосновательнымъ"—и ставилъ себѣ въ заслугу, что онъ его оспаривалъ, но, кажется, въ дѣйствитель-

ности споры относились только къ сроку, назначавшемуся для начатія дѣла; поведеніе же на допросѣ Пестеля достаточно понятно, если мы примемъ въ расчетъ, что первымъ пунктомъ плана было цареубійство. На самомъ дѣлѣ, какъ нельзя болѣе естественно, что „Южное общество", во главѣ котораго стоялъ Пестель, отдавало инціативу „своимъ" войскамъ, а „Сѣверное"—гвардіи и флоту, но вооруженное возстаніе, и при томъ въ близкомъ будущемъ, готовили оба общества *).

Неожиданная смерть Александра, раньше всѣхъ, даже намѣчавшихся самыми торопливыми, сроковъ, спутала всѣ карты. Надо было или выступить немедленно—или отложить выступленіе на долгіе годы, можетъ быть совсѣмъ. Рылѣевъ и то жалѣлъ, что было упущено возстаніе Семеновскаго полка, но теперь ситуація была несравненно благопріятнѣе. Смерть Александра была полной неожиданностью не только для заговорщиковъ, но для всѣхъ вообще, начиная съ членовъ его собственнаго семейства **). Императору не было пятидесяти лѣтъ, и хотя онъ прихварывалъ послѣднее время, какъ казалось, отъ случайныхъ причинъ, въ общемъ его здоровье, закаленное годами походной жизни, не внушало никакихъ серьезныхъ опасеній. Страхъ передъ надвигавшейся революціей, повидимому, подтачивалъ его сильнѣе, нежели могли это сдѣлать военныя передряги. И только этимъ страхомъ, доведшимъ Александра до своего рода политическаго паралича, можно объяснить ту странную непредусмотрительность, которую съ недоумѣніемъ отмѣчаютъ всѣ его историки: онъ какъ будто совершенно не интересовался вопросомъ—что же будетъ съ престоломъ россійской имперіи въ случаѣ его кончины? За отсутствіемъ дѣтей у самого Александра, наслѣдникомъ по закону былъ второй сынъ Павла, цесаревичъ Константинъ. Но послѣдній пользовался такой репутаціей, что никто — начиная съ него самого—не могъ представить себѣ

---

*) Различіе между „Сѣвернымъ" и „Южнымъ" обществами было, какъ извѣстно, чисто организаціонное, хотя классовой, помѣщичій, оттѣнокъ былъ въ планахъ сѣверянъ гораздо замѣтнѣе; южане были демократичнѣе. Но члены „южнаго" общества имѣлись и въ Петербургѣ (см. записки Завалишина)—рѣзкой демаркаціонной черты и здѣсь провести нельзя.

**) Разсказъ о томъ, что Александръ не умеръ, а „ушелъ" и объявился десять лѣтъ спустя въ Сибири подъ видомъ старца Ѳедора Кузьмича, имѣетъ значеніе лишь какъ образчикъ психологіи, не столько „народной", сколько тѣхъ круговъ, гдѣ разсказъ сложился и живетъ доселѣ. Никакихъ документальныхъ данныхъ въ его пользу не имѣется. Напротивъ, документовъ, касающихся предсмертной болѣзни императора, вскрытія и бальзамированія его тѣла, перевозки послѣдняго въ Петербургъ—сколько угодно. Для науки, поэтому, существуетъ лишь одинъ фактъ: Александръ I умеръ въ Таганрогѣ 19 ноября 1825 года.

его императоромъ. Въ кондуитѣ этого великаго князя былъ рядъ инцидентовъ совершенно уголовнаго характера, которые всякаго частнаго человѣка неминуемо привели бы на каторгу, и все это было извѣстно въ очень широкихъ кругахъ *). Уже въ концѣ перваго десятилѣтія XIX вѣка Константина въ семьѣ не считали возможнымъ наслѣдникомъ— и видѣли такового въ слѣдующемъ братѣ, Николаѣ Павловичѣ. Но тотъ былъ такъ малъ еще (родился въ 1796 году), что и о немъ, какъ императорѣ, серьезно пока не приходилось думать: Александръ Павловичъ являлся, такимъ образомъ, изъ всей семьи единственнымъ мыслимымъ носителемъ короны — что, какъ мы видѣли, Коленкуръ считалъ лучшей страховкой противъ повторенія 11 марта. Въ 1823 году положеніе было оформлено. Удобнымъ поводомъ явилась женитьба Константина на графинѣ Грудзинской: дѣвушка не изъ царствующаго дома не могла быть русской императрицей— отсюда, не безъ натяжки, былъ сдѣланъ выводъ, что и мужъ ея не можетъ быть императоромъ. Юридическая почва подъ этой концепціей была, нужно сказать, очень шаткая: „Учрежденіе объ императорской фамиліи" (изданное Павломъ 5 апрѣля 1797 г. и долгое время являвшееся единственнымъ „основнымъ закономъ" россійской имперіи) не предусматривало казуса. Жаннета Грудзинская, конечно, въ нормальномъ порядкѣ вещей не могла стать императрицей, но ея дѣтямъ ничто не мѣшало, юридически, наслѣдовать престолъ—а тѣмъ болѣе ея мужу царствовать. Константинъ, если бы захотѣлъ, могъ бы спорить, но онъ самъ шелъ навстрѣчу сомнительнымъ юридическимъ доводамъ своего старшаго брата, прекрасно понимая, что нельзя же въ манифестѣ говорить о дѣйствительныхъ мотивахъ его устраненія. Но—тутъ-то и начинается странность, изумляющая всѣхъ историковъ Александра—начатый юридическій шагъ до конца доведенъ не былъ: объ устраненіи Константина Павловича и замѣнѣ его Николаемъ опубликовано во всеобщее свѣдѣніе не было. Не только въ народѣ, но и вообще дальше интимнаго домашняго круга о перемѣнѣ никто не зналъ. Въ глазахъ публики наслѣдникомъ оставался Константинъ Павловичъ. Когда близкіе люди указывали Александру на путаницу, которая почти неизбѣжно должна была возникнуть отсюда въ критическій моментъ, Александръ воздѣвалъ очи къ небу и начиналъ говорить о

*) См. Golovine, Souvenirs (особ. стр. 118) и „Обществ. Движенія", I, стр. 439, прим. 1.

Божественномъ промыслѣ. Съ индивидуалистической точки зрѣнія для объясненія такого образа дѣйствій не остается другой гипотезы, кромѣ религіознаго умопомѣшательства, но если мы взглянемъ на поведеніе Александра Павловича не какъ на результатъ свободнаго самоопредѣленія, а какъ на продуктъ сложившейся къ данному моменту обстановки, намъ и тутъ, быть можетъ, удастся обойтись безъ помощи психопатологіи. Александръ смутно чувствовалъ—хотя всѣми словами онъ не сказалъ бы этого даже самому себѣ — что русское престолонаслѣдіе зависѣло не отъ актовъ, которые читаются въ церквахъ и печатаются въ офиціальныхъ журналахъ, а отъ соотношенія тѣхъ неофиціальныхъ силъ, одну изъ которыхъ онъ назвалъ, въ цитированной нами запискѣ, духомъ „вольномыслія или либерализма". Назначить, прямо и открыто, наслѣдникомъ Николая Павловича значило нанести этому духу такую пощечину, которой онъ могъ и не стерпѣть: это значило, весьма возможно, ускорить ту революцію, которой Александръ такъ боялся. Ибо великій князь Николай, несмотря на свою молодость, былъ въ 1823 году личностью вполнѣ сложившейся и опредѣленной.

Сохранилась исторія дѣтства, отрочества и юности императора Николая Павловича, написанная современникомъ на основаніи подлинныхъ документовъ и прошедшая через высоко-авторитетную цензуру. Авторомъ этого очерка былъ статсъ-секретарь Николая, баронъ Корфъ, а цензоромъ не кто другой, какъ императоръ Александръ II. Чрезвычайно трудно заподозрѣть такую работу въ пристрастіи противъ изображаемаго въ ней лица: тѣмъ болѣе, что авторъ, скромно называющій себя лишь „собирателемъ матеріаловъ", дѣйствительно, часто ограничивается дословнымъ пересказомъ своихъ источниковъ. И вотъ что, напримѣръ, узнаемъ мы отъ Корфа насчетъ дѣтскихъ игръ Николая,—игръ, носившихъ, конечно, военный характеръ: это было болѣе, чѣмъ естественно въ сынѣ Павла и братѣ Александра Павловича. „Игры эти обыкновенно бывали весьма шумны, о чемъ постоянно писали всѣ кавалеры въ журналахъ всѣхъ годовъ этого періода, отъ 1802 и до 1809 года. Поминутно встрѣчаются въ нихъ жалобы на то, что великій князь Николай Павловичъ „слишкомъ грубъ во всѣхъ своихъ движеніяхъ, и его игры почти всегда кончаются тѣмъ, что онъ ранитъ себя или другихъ"..; говорятъ про его страсть кривляться и гримасничать; наконецъ, въ одномъ мѣстѣ, при описаніи его игръ, читаемъ: „его характеръ сталъ мало общителенъ, что онъ предпочелъ

оставаться одинъ, въ совершенномъ бездѣйствіи, чѣмъ участвовать въ игрѣ. Эта странность могла происходить только отъ того, что игры его сестры и его брата (Анны Павловны и Михаила Павловича, младшихъ дѣтей Павла, съ которыми онъ воспитывался вмѣстѣ) ему не нравились,—а онъ не былъ способенъ уступить хотя бы въ мелочахъ"... Кромѣ того, игры эти рѣдко были миролюбивы. Почти всякій день случалась или ссора, или даже драка: Николай Павловичъ былъ до крайности вспыльчивъ и неугомоненъ, когда что-нибудь или кто-нибудь его сердили; что бы съ нимъ ни случилось, падалъ ли онъ или ушибался, или считалъ свои желанія неисполненными, онъ тотчасъ же произносилъ бранныя слова, рубилъ своимъ топорикомъ барабанъ, игрушки, ломалъ ихъ, билъ палкой или чѣмъ попало товарищей игръ своихъ, несмотря на то, что очень любилъ ихъ, а къ младшему брату былъ страстно привязанъ"... *) Таковъ былъ ребенокъ: въ подросткѣ всѣ эти качества получили дальнѣйшее развитіе. „Въ продолженіе послѣднихъ лѣтъ своего воспитанія", говоритъ нашъ авторъ, „Николай Павловичъ сохранилъ всю ту строптивость и стремительность характера, всю ту же настойчивость и желаніе слѣдованія одной собственной своей волѣ, которыя уже и въ предыдущій періодъ давали столько заботъ его воспитателямъ, и съ возрастомъ эти качества даже еще болѣе усиливались". Его баловство попрежнему носило крайне грубый характеръ: въ 1810 году, уже четырнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, онъ, ласкаясь къ одному изъ своихъ преподавателей „вдругъ вздумалъ укусить его въ плечо, а потомъ наступать ему на ноги и повторялъ это много разъ". Выучившись играть во „взрослыя" игры, на бильярдѣ и въ карты, онъ игралъ „съ прежнею заносчивостью и стремительностью, съ прежнимъ же слишкомъ большимъ желаніемъ выиграть, говорятъ журналы". Изъ одного письма его матери, императрицы Маріи Өедоровны, къ двадцатилѣтнему уже Николаю Павловичу мы узнаемъ и еще о двухъ его особенностяхъ: привычкѣ кстати и некстати возвышать голосъ и грубомъ тонѣ; и того, и другого императрица совѣтовала „безусловно избѣгать"; не видно однако, чтобы совѣту послѣдовали. Если прибавить къ этому привычку не слушать другихъ, безапелляціонно заявляя свои мнѣнія о чемъ угодно („какой дуракъ!" было сказано объ одномъ греческомъ фи-

---

*) Сборн. Русск. Истор. Общ. т. 98, стр. 37—38; цитаты изъ кавалерскихъ „журналовъ" въ оригиналѣ по-французски; разрядка наша.

лософѣ, взгляды котораго преподаватель великаго князя охарактеризовалъ, какъ ошибочные), и наклонность удивлять этихъ другихъ остротами и каламбурами, которымъ говорившій смѣялся первый (и часто, надо думать, въ полномъ одиночествѣ)—моральный портретъ получится довольно полный. Послѣднія черты даютъ уже переходъ и къ интеллектуальной сторонѣ. О ней не трудно догадаться; одинъ изъ цитированныхъ журналовъ въ двухъ словахъ резюмируетъ дѣло: великій князь, говорится здѣсь, „мало размышляетъ и забываетъ самыя простыя вещи". Между тѣмъ, механизмъ памяти у Николая былъ великолѣпный: что входило въ эту голову, сидѣло въ ней прочно; задача была въ томъ, какъ туда что-нибудь ввести. О трудностяхъ задачи даютъ представленіе подлинныя уже слова Николая Павловича. Разсказавъ Корфу, какъ его, Николая, въ юности мучили „мнимымъ естественнымъ правомъ" и „усыпительной политической экономіей" (ее читалъ ни болѣе, ни менѣе, какъ знаменитый Шторхъ), императоръ продолжалъ: „И что же выходило? На урокахъ этихъ господъ мы или дремали, или рисовали какой-нибудь вздоръ, иногда собственные ихъ карикатурные портреты, а потомъ къ экзаменамъ выучивали кое-что вдолбяшку, безъ плода и пользы для будущаго". Что ни „плода, ни пользы" не было, этого не могли скрыть самые лояльные люди: „суди самъ", отвѣтилъ Жуковскій на вопросъ одного своего пріятеля, чего можно ждать отъ Николая: „я никогда не видалъ книги въ рукахъ; единственное занятіе—фрунтъ и солдаты". Зато „необыкновенныя знанія великаго князя по фрунтовой части насъ изумили", разсказываетъ Михайловскій-Данилевскій (извѣстный впослѣдствіи „сочинитель" исторіи отечественной войны)—разсказъ относится какъ разъ къ 1825 году. „Иногда, стоя на полѣ, онъ бралъ въ руки ружье и дѣлалъ ружейные пріемы такъ хорошо, что врядъ ли лучшій ефрейторъ могъ съ нимъ сравняться, и показывалъ также барабанщикамъ, какъ имъ надлежало бить. При всемъ томъ его высочество говорилъ, что онъ въ сравненіи съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ ничего не знаетъ: каковъ же долженъ быть сей?—спрашивали мы другъ друга".

До 1818 года Николай, по собственному заявленію, „не былъ занятъ ничѣмъ". Въ этомъ году, двадцати двухъ лѣтъ отъ роду, онъ началъ свою дѣловую жизнь — будучи назначенъ командиромъ одной изъ гвардейскихъ бригадъ. Что произошло при первомъ его соприкосновеніи съ житейской прак-

Марія Антоновна Нарышкина.

Оригиналъ портрета княжны Маріи Антоновны Четвертинской, Нарышкиной (род. 1779 г., † 1854 г.), относится къ самому началу XIX столѣтія и представляетъ большой интересъ для характеристики художественныхъ вкусовъ эпохи, независимо отъ лица, на немъ изображеннаго. На картинѣ Стройли, помѣстившаго Нарышкину въ совершенно искусственной обстановкѣ, ярко отражается манерность, которая, имѣя цѣлью свести небо на землю, часто разражалась утратой всякаго чутья природы. И тѣмъ не менѣе портретъ ласкалъ взоръ наблюдателя, который не замѣчалъ измѣны правдѣ и лишь напрягалъ въ себѣ такъ называемые эстетическіе мотивы изящнаго. Княжна Четвертинская — лицо историческое и характерное для красиваго либерализма императора Александра I. Это — «другъ» первой половины его царствованія, такой «другъ», для котораго онъ открыто жертвовалъ многимъ и роль котораго, какъ кажется, недостаточно оцѣнена въ біографіи врага Наполеона. При воцареніи Александру I шелъ 24-ый годъ, императрицѣ Елизаветѣ, его женѣ, минуло 22 года. Княжнѣ Четвертинской, Нарышкиной, въ 1801 г. исполнилось также 22 года, и въ письмѣ императрицы къ своей матери отъ 3 декабря 1801 г. встрѣчается такая недостаточно осторожная фраза: M-me Narychkine n'est pas parvenue à parler à l'empereur: je crois que le comte Romantzoff lui a fait sentir que l'empereur ne le désirait pas extrêmement. 12 января 1806 г. мать написала императрицѣ изъ Карльсруэ, будто Наполеонъ сказалъ ей такую фразу: Votre gendre est entouré de polonais: son ministre et sa maîtresse sont de cette nation, et la dernière est une méchante femme. Въ 1806 г. М. А. Нарышкина довольно открыто была крупною силой: to utse qui brigue les honneurs de la cour est à ses genoux. Въ 1811 г. извѣстный Жозефъ де Местръ счелъ своимъ долгомъ отправить подробное донесеніе сардинскому королю, изложивъ въ немъ свои размышленія о колоссальномъ фаворѣ Нарышкиной. Но всего красочнѣе эпизодъ, связанный съ портретомъ Четвертинской, разсказанъ самою императрицей Елизаветой Алексѣевной въ письмѣ къ своей матери отъ 10 іюня 1804 г. Упомянувъ о des couches de la Dame (т.-е. Четвертинской) qui a mis au monde une fille, императрица пишетъ рядъ отчаянныхъ фразъ о своемъ положеніи по сравненію съ Нарышкиной, сообщаетъ о ядовитой фразѣ, которую послѣдняя лично императрицѣ высказала на балу, и внѣ себя восклицаетъ: mais il y a une mesure de patience qui surpasse les forces humaines (по изданію Великаго князя Николая Михайловича «Императрица Елисавета Алексѣевна, супруга императора Александра I»)! Такимъ образомъ наиболѣе высокій подъемъ фавора М. А. Нарышкиной падаетъ на такъ называемые «либеральные» годы царствованія Александра I, и, быть можетъ, это обстоятельство необходимо учесть во многихъ деталяхъ его дѣятельности, особенно, въ отношеніяхъ къ Польшѣ.

В. Стор.

„РУССКАЯ ИСТОРІЯ". Изд. Т-ва „МІРЪ".

тикой; какъ принялъ онъ открывшуюся передъ нимъ дѣйствительность, и какъ эта послѣдняя должна была встрѣтить его — пусть разскажетъ онъ самъ. Извиняемся передъ читателемъ за длинную выписку: но здѣсь весь Николай. Страницы не жалко, чтобы показать во весь ростъ эту, во всякомъ случаѣ крупную, фигуру. „Я началъ знакомиться съ своей командой и не замедлилъ убѣдиться, что служба вездѣ шла совершенно иначе, чѣмъ слышалъ волю государя, чѣмъ самъ полагалъ, разумѣлъ ее, ибо правила были въ насъ твердо влиты. Я началъ взыскивать—одинъ, ибо что я по долгу совѣсти порочилъ, дозволялось вездѣ, даже моими начальниками. Положеніе было самое трудное; дѣйствовать иначе было противно моей совѣсти и долгу; но самъ я ставилъ и начальниковъ, и подчиненныхъ противъ себя, тѣмъ болѣе, что меня не знали и многіе или не понимали, или не хотѣли понимать. Корпусомъ начальствовалъ тогда генералъ-адъютантъ Васильчиковъ; къ нему я прибѣгъ, ибо ему порученъ былъ, какъ начальнику, матушкою; часто изъявлялъ ему свое затрудненіе; онъ входилъ въ мое положеніе, во многомъ соглашался и совѣтами исправлялъ мои понятія. Но сего недоставало, чтобы поправить дѣло; даже рѣшительно сказать можно, не зависѣло болѣе отъ генералъ-адъютанта Васильчикова исправить порядокъ службы, распущенный, испорченный до невѣроятности съ самаго 1814 года, когда по возвращеніи изъ Франціи гвардія осталась въ продолжительное отсутствіе государя подъ начальствомъ графа Милорадовича. Въ сіе-то время и безъ того уже разстроенный трехгодовымъ походомъ порядокъ совершенно разстроился, и, къ довершенію всего, дозволено было офицерамъ носить фраки. Было время (повѣритъ ли кто сему?), что офицеры ѣзжали на ученіе во фракахъ, накинувъ на себя шинель и надѣвъ форменную шляпу! Подчиненность исчезла и сохранялась только во фронтѣ; уваженіе къ начальникамъ исчезло совершенно, и служба была— одно слово, ибо не было ни правилъ, ни порядка, а все дѣлалось совершенно произвольно и какъ бы поневолѣ, дабы только жить со дня на день. Въ семъ-то положеніи засталъ я мою бригаду, хотя съ малыми оттѣнками, ибо сіе зависѣло отъ большей или меньшей строгости начальниковъ. По мѣрѣ того какъ началъ я знакомиться съ своими подчиненными и видѣть происходившее въ другихъ полкахъ, я возымѣлъ мысль, что подъ симъ, то-есть военнымъ распутствомъ, крылось что-то важнѣе, и мысль сія постоянно у меня оставалась источникомъ строгихъ наблюденій. Вскорѣ замѣтилъ я,

что офицеры дѣлились на три разбора: на искренно усердныхъ и знающихъ, на добрыхъ малыхъ, но запущенныхъ, и на рѣшительно дурныхъ, то-есть говоруновъ дерзкихъ, лѣнивыхъ и совершенно вредныхъ; сихъ-то послѣднихъ гналъ я безъ милосердія и всячески старался оныхъ избавиться; что мнѣ и удавалось. Но дѣло сіе было не легкое, ибо сіи-то люди составляли какъ бы цѣпь черезъ всѣ полки, и въ обществѣ имѣли покровителей, коихъ сильное вліяніе сказывалось всякій разъ тѣми нелѣпыми слухами и тѣми непріятностями, которыми удаленіе ихъ изъ полковъ мнѣ отплачивалось" *).

Итакъ, пока между либеральнымъ офицерствомъ шли споры о томъ, быть ли будущей Россіи цензовой монархіей или демократической республикой, нашелся человѣкъ, сумѣвшій стать на совершенно оригинальную точку зрѣнія: онъ замѣтилъ, что всѣ спорившіе „говоруны", безъ различія оттѣнковъ, были во фракахъ. Вотъ гдѣ, если не корень, то наиболѣе очевидный симптомъ зла: вы чувствуете, какъ близки мы къ павловской униформѣ, обязательной для всѣхъ „жителей" безъ изъятія. Нѣтъ только павловскаго безумія: но тѣмъ положеніе было опаснѣе; именно безуміе дѣлало Павла столь уязвимымъ,—будь онъ въ здравомъ умѣ и твердой памяти, онъ могъ бы процарствовать тѣ же тридцать лѣтъ, что и его третій сынъ. И вы чувствуете также непримиримость конфликта. Офицеръ-заговорщикъ могъ знать службу не хуже Николая Павловича (вѣроятно, даже лучше иногда: декабристу Фонвизину отдавали на поправку „запущенные" полки): но требовать отъ него, чтобы онъ всѣ свои помыслы обратилъ на то, какъ бы побить рекордъ „лучшаго ефрейтора" по части ружейныхъ пріемовъ, было напраснымъ трудомъ; внѣ фронта онъ всегда оставался бы „человѣкомъ во фракѣ"—интеллигентомъ, по-теперешнему. Но интеллигенція и Николай—это были огонь и вода: чтобы одинъ могъ жить, другая должна была умереть или, по крайней мѣрѣ, замереть на время. Мы видимъ, какъ былъ правъ императоръ Александръ, если онъ, какъ можно догадываться, боялся провозгласить Николая своимъ наслѣдникомъ,—боялся, что это одно вызоветъ немедленный взрывъ революціи. На развалинахъ разстрѣляннаго картечью бунта можно было сказать всей передовой части общества: оставьте всякую надежду;

---

*) Изъ собственноручныхъ записокъ Николая о 14 декабря—см. Шильдера „Николай I", стр. 149—150.

но и то Николай рѣшился на это не сразу—и у него былъ періодъ чего-то въ родѣ компромисса, какъ мы увидимъ. Сказать же это передъ бунтомъ—значило прямо произвести пробу, кто будетъ стрѣлять лучше. У Александра Павловича не хватило на это духа. Не хватило на это духа и у „русскаго Баярда“, весьма плохо исполнявшаго тогда обязанности петербургскаго генерала-губернатора, генерала Милорадовича. Подозрѣвать этого, немного театральнаго, „героя“ отечественной войны въ нелойяльности у насъ нѣтъ основаній. Къ „людямъ во фракѣ“ онъ, конечно, не принадлежалъ; но настроеніе войскъ онъ зналъ хорошо, и когда Николай Павловичъ, по полученіи извѣстія о смерти старшаго брата, заговорилъ, повидимому, о своихъ правахъ — Милорадовичъ рѣшительно отказался ему содѣйствовать. „Сами изволите знать, васъ не любятъ“, категорически заявилъ онъ будущему императору.

Великій князь Николай долженъ былъ весьма живо почувствовать, что значитъ „фактическое соотношеніе силъ“. Онъ, какъ и вся царская семья, прекрасно зналъ, что существуетъ, хотя и неопубликованный, но какъ нельзя болѣе подлинный, подписанный Александромъ I, манифестъ, назначающій наслѣдникомъ его, Николая *). Но императоръ Александръ былъ теперь мертвъ, и съ тѣломъ его бальзамировщики обращались, „какъ съ кускомъ дерева“, по выраженію одного очевидца. Воля живого генерала, самодовольно объяснявшаго всѣмъ, желавшимъ слушать, что у него „шестьдесятъ тысячъ штыковъ въ карманѣ“, была сильнѣе воли мертваго императора. Это, молчаливо и косвенно, призналъ даже государственный совѣтъ, въ первую минуту пытавшійся проявить что-то въ родѣ самостоятельности. Когда Милорадовичъ объявилъ свою „волю“ и здѣсь, съ нимъ не стали спорить, какъ не сталъ съ нимъ спорить Николай Павловичъ. Твердымъ военнымъ шагомъ онъ первый отправился присягать императору Константину, а за нимъ пошли члены государственнаго совѣта. На слѣдующее утро въ окнахъ книжныхъ и эстампныхъ магазиновъ Петербурга красовались уже портреты Константина I. Тѣснившаяся передъ портретами публика, успѣвшая позабыть физіономію цесаревича, избѣгавшаго столицы, дивилась разительному сходству новаго государя съ

---

*) Впослѣдствіи офиціальная традиція, чтобы изгладить мало-почетное для Николая Павловича воспоминаніе, усвоила версію, согласно которой онъ ничего не зналъ будто бы о манифестѣ. Несостоятельность этой версіи превосходно доказана Шиманомъ,—но дѣйствительную связь фактовъ понималъ уже Шильдеръ, въ ближайше же освѣдомленныхъ кругахъ никогда и сомнѣній на этотъ счетъ не было.

Павломъ, на ухо разсказывала другъ другу скандальные анекдоты о Константинѣ, но въ общемъ считала все происходившее вполнѣ нормальнымъ и сама относилась къ нему нормально: дальше тѣснаго придворнаго круга никто не зналъ ни объ отреченіи Константина, ни о происходившей во дворцѣ глухой борьбѣ. Не иначе отнеслись къ дѣлу, въ первую минуту, и члены „сѣвернаго“ общества. „Накканунѣ присяги всѣ наличные члены общества собрались у Рылѣева“, разсказываетъ Оболенскій. „Всѣ единогласно рѣшили, что ни противиться восшествію на престолъ, ни предпринять что-либо рѣшительное въ столь короткое время было невозможно. Сверхъ того, положено было, вмѣстѣ съ появленіемъ новаго императора, дѣйствія общества на время прекратить. Грустно мы разошлись по своимъ домамъ, чувствуя, что надолго, а можетъ быть и навсегда, отдалилось осуществленіе лучшей мечты нашей жизни!“

Положеніе Константина Павловича было необыкновенно сложно. Съ одной стороны, онъ былъ освѣдомленъ о существованіи плановъ тайныхъ обществъ во всякомъ случаѣ не хуже Александра: но, само собою разумѣется, отношеніе къ нимъ его, въ силу объективныхъ условій „оппозиціоннаго“ великаго князя, было иное, нежели царствующаго императора; тотъ боялся — этотъ, напротивъ, могъ надѣяться... Декабристъ Завалишинъ передаетъ со словъ другого члена тайнаго общества, Лунина, что цесаревичъ имѣлъ съ послѣднимъ продолжительныя бесѣды, въ которыхъ титуловалъ, между прочимъ, Пестеля по имени-отчеству: Павелъ Ивановичъ. Изъ этихъ бесѣдъ Лунинъ вынесъ впечатлѣніе, что на Константина, въ извѣстномъ смыслѣ, можно до нѣкоторой степени разсчитывать. Записки Завалишина—довольно мутный источникъ, но что Константинъ послѣ 14 декабря долгое время не выдавалъ Николаю Лунина подъ разными предлогами (по словамъ Завалишина, давая ему тѣмъ временемъ полную возможность скрыться за границу), это вполнѣ подтверждается опубликованной въ самое послѣднее время перепиской братьевъ *). Натура глубоко-деспотическая, Константинъ Павловичъ, товарищъ по воспитанію Александра, не чувствовалъ однако же принципіальнаго отвращенія къ внѣшнимъ формамъ свободной жизни, какъ Николай. Въ Польшѣ, гдѣ онъ стоялъ съ войсками съ 1814 года, онъ могъ привыкнуть

*) Въ 131 томѣ Сборника Русск. Историч. Общ. „Переписка императора Николая I съ цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ“.

къ конституціонной обстановкѣ,—и уже самый фактъ женитьбы на простой польской дворянкѣ указывалъ на нѣкоторую эмансипацію цесаревича отъ традицій Зимняго дворца. Если кого изъ царской фамиліи можно было представить себѣ въ роли „императора" муравьевской конституціи, то скорѣе его, чѣмъ Николая или даже Михаила Павловичей. Декабристамъ, по крайней мѣрѣ нѣкоторымъ, кажется, не чужда была мысль англійскихъ виговъ XVII вѣка насчетъ того, что „дурное право дѣлаетъ короля хорошимъ". Ради этого, быть можетъ, стоило перешагнуть черезъ прошлое Константина. Но въ этомъ прошломъ было нѣчто такое, черезъ что ему самому перешагнуть было морально невозможно: какъ - никакъ, въ 1823 году онъ формально отрекся отъ престола въ пользу младшаго брата. Существовало его письмо на этотъ счетъ, хранившееся вмѣстѣ съ таинственнымъ манифестомъ. Въ семьѣ всѣ объ отреченіи знали: съ какими глазами явился бы онъ къ матери, императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ? Какое впечатлѣніе получилось бы, если бы противная сторона опубликовала этотъ документъ? Константинъ могъ стать царемъ только „волею народа" — въ гвардейскихъ мундирахъ: эта воля могла стушевать и худшія правонарушенія. Константинъ понималъ, что присяга, данная людьми, не знавшими ничего о его отреченіи, не могла равняться такому волеизъявленію: ему нужно было нѣчто въ родѣ переизбранія. Къ этому, въ сущности, онъ и велъ: не отрицая фактовъ, имѣвшихъ мѣсто въ 1823 году, даже подтверждая ихъ, онъ, при всѣхъ настояніяхъ Николая, отказывался дать одно—свое отреченіе *уже какъ императора*. Великій князь Константинъ, подъ давленіемъ со стороны старшаго брата, подписалъ въ 1823 году отреченіе: это вѣрно; но подтверждаетъ ли его императоръ Константинъ I теперь, когда никакого давленія нѣтъ: на этотъ счетъ изъ Варшавы не было никакого отвѣта. Письма обоихъ братьевъ переполнены изъявленіями вѣрноподданнической преданности ихъ другъ другу, но никакого документа, который уполномочилъ бы Николая дѣйствовать, онъ въ рукахъ не имѣлъ. Передъ семьей Константинъ былъ совершенно чистъ; онъ не позволялъ называть себя „величествомъ", не принималъ донесеній, адресуемыхъ ему, какъ государю, и ждалъ, что будетъ дальше. Для товарищей Лунина создавалась ситуація, благопріятнѣе которой трудно себѣ что-нибудь представить, и они тотчасъ же это поняли. „На другой же день вѣсть пришла о возможномъ отреченіи отъ престола новаго императора", продолжаетъ Оболенскій. „Тогда же сдѣлалось

извѣстнымъ и завѣщаніе покойнаго и вѣроятное вступленіе на престолъ великаго князя Николая Павловича. Тутъ все пришло въ движеніе, и вновь надежда на успѣхъ блеснула во всѣхъ сердцахъ. Не стану разсказывать о ежедневныхъ нашихъ совѣщаніяхъ, о дѣятельности Рылѣева, который, вопреки болѣзненному состоянію (у него открылась въ это время жаба), употреблялъ всю силу духа на исполненіе предначертаннаго намѣренія—воспользоваться перемѣною царствованія для государственнаго переворота".

Но „междуцарствіемъ" воспользовались не одни заговорщики. „Между тѣмъ какъ занимали вниманіе публики новымъ императоромъ (Константиномъ)", разсказываетъ другой близкій къ Рылѣеву человѣкъ, Штейнгель, „экстра-почта, приходившая ежедневно изъ Варшавы въ контору Мраморнаго дворца, принадлежавшаго цесаревичу, была отъ заставы препровождаема въ Зимній дворецъ и тутъ вскрываема. Хотѣли изъ частныхъ писемъ знать, что тамъ дѣлается.—Приказано было солдатъ не выпускать изъ казармъ,—даже въ баню, и наблюдать строго, чтобы не было никакихъ разговоровъ между ними. Полковымъ и батальоннымъ командирамъ лично было сказано, чтобы на случай отказа цесаревича пріуготовили людей къ перемѣнѣ присяги. Обѣщано генералъ-адъютантство и флигель-адъютантство" *). Тактика Николая Павловича была та же, что и его противниковъ: старались привлечь на свою сторону „густыя эполеты". Но у Николая средствъ привлеченія было больше. Даже иные члены тайнаго общества—какъ Шиповъ, командиръ Семеновскаго полка—не устояли передъ соблазномъ: чего же было ждать отъ дюжинныхъ карьеристовъ? Намъ неизвѣстно, какіе пріемы были пущены въ ходъ по отношенію къ Милорадовичу, но уже очень скоро хозяинъ „шестидесяти тысячъ штыковъ" сталъ говорить о восшествіи на престолъ Николая, какъ о дѣлѣ возможномъ, хотя и не ручался за его успѣхъ. Окончательно закрѣпилъ перевѣсъ Николая случай, который всегда холопски служитъ болѣе сильному. Нашелся предатель если не среди самихъ участниковъ заговора, то очень близко къ нимъ: Ростовцевъ, котораго считали своимъ, который все видѣлъ и зналъ, отправился наканунѣ рѣшительнаго дня къ Николаю и разсказалъ ему—не такъ много, чтобы это можно было назвать формальнымъ доносомъ, но достаточно, чтобы Николай былъ преду-

---

*) „Въ періодъ времени съ 14 декабря до Новаго года назначены были 20 новыхъ генералъ-адъютантовъ и 38 флигель-адъютантовъ". Шильдеръ, Николай I, т. I, стр. 356.

прежденъ. Будущій предсѣдатель редакціонныхъ комиссій объяснялъ свой поступокъ самыми возвышенными мотивами,— но нельзя все же совсѣмъ забывать (какъ это не прочь была сдѣлать либеральная исторіографія), что съ этого возвышеннаго поступка началась карьера Ростовцева. Николай былъ уже на сторожѣ; днемъ раньше на его письменномъ столѣ уже лежали свѣжія и подробныя свѣдѣнія о дѣятельности тайныхъ обществъ, присланныя изъ Таганрога: результатъ совмѣстной работы цѣлыхъ трехъ провокаторовъ, одинъ изъ которыхъ, Майборода, былъ весьма близокъ къ Пестелю. Николай хорошо зналъ уже, что дѣлается въ арміи—Ростовцевъ далъ понять, что и въ Петербургѣ то же, и, что было еще важнѣе, предупредилъ, **когда** можно ждать удара. Рылѣевъ и его товарищи выбрали, какъ моментъ выступленія, вторичную присягу, уже Николаю Павловичу: Николай считалъ теперь почву достаточно подготовленной и рѣшился 14-го декабря закрѣпить свое право, использовавъ, какъ могъ лучше, семейную лойяльность цесаревича Константина. Что онъ идетъ на coup d'état, Николай понималъ прекрасно: но ему приходилось выбирать между государственнымъ переворотомъ сверху и революціей снизу; въ смыслѣ личной опасности это было одно и то же—и то, и другое одинаково могло стоить головы. „Послѣзавтра поутру я или государь, или безъ дыханія"— этой знаменитой фразой Николай, въ сущности, поставилъ себя на одну доску со своими противниками: тѣ шли завоевывать республику, этотъ шелъ на приступъ императорской короны. Дѣло рѣшилось тѣмъ, чья сабля острѣе: но это была лишь его военная сторона, а въ основѣ тутъ, какъ и всюду, лежала сторона **соціальная**. При тактикѣ заговорщиковъ и Николая—одинаковой, какъ мы видѣли—вопросъ рѣшали гвардейскіе верхи. Но они не только изъ-за генералъ- и флигель-адъютантства были на сторонѣ „порядка", т.-е. на сторонѣ coup d'état: то была кость отъ кости и плоть отъ плоти той самой „знати", которая прочно держала власть въ своихъ рукахъ все время—особенно прочно съ того момента, какъ Александръ капитулировалъ передъ нею въ 1810 году. Когда вы просматриваете списки бойцовъ за „правое дѣло" противъ „бунта" декабристовъ, васъ поражаетъ изобиліе остзейскихъ фамилій: Бенкендорфы, Грюнвальды, Фредериксы, Каульбарсы мелькаютъ на каждой страницѣ. Самая феодальная часть россійскаго дворянства оказалась наиболѣе преданной Николаю. А на противоположной сторонѣ изъ блестящихъ рядовъ „знати" 14-го декабря, сиротливо и конфузливо, стоялъ одинъ

князь Трубецкой—видимо, чрезвычайно смущенный прежде всего тѣмъ, что онъ попалъ не въ свое общество. Ибо нельзя же объяснить невозможное поведеніе этого „диктатора“ только его трусостью: все же онъ былъ солдатъ, и въ нормальной для него обстановкѣ сумѣлъ бы по крайней мѣрѣ не спрятаться. Но его участіе въ заговорѣ именно было ненормальностью, поразившею, прежде всего другого, его враговъ. „Гвардіи полковникъ! князь Трубецкой! какъ вамъ не стыдно быть вмѣстѣ съ такою дрянью?“—были первыя слова Николая, когда къ нему привели плѣннаго „диктатора“. Что нужды, что среди этой „дряни“ были носители историческихъ фамилій, какъ Бестужевы: они давно выпали изъ рядовъ „правительной аристократіи“, у нихъ были не тысячи, а только сотни душъ, и въ глазахъ императора Николая или даже какого-нибудь графа Чернышева эти „обломки игрою счастія низверженныхъ родовъ“ были не выше, чѣмъ въ ихъ собственныхъ глазахъ—ихъ унтеръ-офицеры.

Съ точки зрѣнія Зимняго дворца возстаніе 14 декабря было чуть не демократической революціей, а оно менѣе всего желало ею быть, и въ этомъ была его ахиллесова пята. Чтобы понять, что въ этотъ день въ Петербургѣ дѣйствительно начиналась первая русская революція, нѣтъ надобности обращаться къ воспоминаніямъ самихъ декабристовъ: пусть они будутъ пристрастны. Возьмите записки лойяльнѣйшаго изъ нѣмцевъ, родного племянника императрицы Маріи Өеодоровны, принца Евгенія Виртембергскаго, когда-то кандидата на россійскій престолъ по капризу Павла, а подъ конецъ рядового русскаго генерала. Онъ ничего не понималъ въ происходившемъ движеніи, онъ только добросовѣстно разсказываетъ то, что видѣлъ своими глазами. Утромъ въ день возстанія онъ „усердно предавался“ добродѣтельнѣйшему занятію—писалъ письмо къ своей матери,—когда въ его комнату вбѣжалъ встревоженный его адъютантъ. „Вставъ (изъ-за письменнаго стола), я взглянулъ на дворцовую площадь, по которой проходили группы солдатъ со знаменами—я принялъ ихъ за возвращающихся послѣ присяги. А вокругъ нихъ тѣснилась необозримая толпа народа, изъ которой доносился дикій ревъ—нельзя было понять, былъ ли это знакъ радости или выраженіе неудовольствія“. Сбѣжавъ внизъ, принцъ нашелъ на площади Николая, окруженнаго густой толпой „черни“, которой новый императоръ пытался объяснить „обстоятельства своего восшествія на престолъ“. Принцу картина показалась чрезвычайно дикой и неприличной—онъ поспѣшилъ угово-

рить своего кузена сѣсть на лошадь и, отдавъ необходимыя распоряженія (между прочимъ, забаррикадировать всѣ входы и выходы изъ дворца), самъ послѣдовалъ за нимъ на Сенатскую площадь. Выполняя извѣстный намъ планъ, заговорщики рѣшили захватить сенатъ, чтобы сдѣлать изъ него юридическій центръ переворота: называли и двухъ-трехъ сенаторовъ, на которыхъ они могли бы разсчитывать. То, что Николай былъ предупрежденъ, испортило, въ числѣ прочаго, и этотъ шагъ — сенатъ въ полномъ составѣ съ ранняго утра былъ собранъ въ дворецъ. Передъ зданіемъ сената принцъ Евгеній увидалъ „кучку солдатъ, человѣкъ въ 500; около нея было нѣсколько озабоченныхъ и, повидимому, вооруженныхъ людей въ статскомъ платьѣ *), и волнующаяся густая толпа народа разныхъ классовъ покрывала всю исаакіевскую площадь и всѣ прилегающія къ ней улицы“. Относительно настроенія этой толпы не могло быть сомнѣній: командира гвардейскаго корпуса Воинова она было стащила съ лошади; въ самого принца Евгенія бросали снѣжками—а когда конная гвардія вздумала атаковать каре инсургентовъ, въ нее полетѣли камни и полѣнья, гораздо больше способствовавшіе отраженію атаки, нежели слабый ружейный огонь декабристовъ, стрѣлявшихъ (и по признанію принца Евгенія, между прочимъ) больше въ воздухъ: въ конной гвардіи, какъ и во всѣхъ полкахъ, были члены тайнаго общества, и послѣднее не теряло еще надежды имѣть полкъ на своей сторонѣ. Вообще, принцъ былъ пораженъ незначительностью силъ, какими могъ располагать новый императоръ: кромѣ батальона преображенцевъ, не было видно никакой пѣхоты; артиллерія была въ пяти верстахъ, а когда, наконецъ, привезли пушки, то не оказалось снарядовъ; конногвардейцы и кавалергарды производили какія-то неопредѣленныя движенія, для которыхъ одинъ изъ официіальныхъ историковъ событія долженъ былъ придумать терминъ „атакообразныя“— попросту говоря, они избѣгали серьезнаго столкновенія, какъ избѣгали ввязываться въ него и ихъ противники. И такъ дѣло продолжалось съ разсвѣта до сумерекъ короткаго декабрьскаго дня. Къ этому времени артиллерія Николая получила, наконецъ, порохъ и картечь, а остзейское офицерство рѣшилось проявить иниціативу: по совѣту остзейца Толя картечь

---

*) „Прибывъ на площадь вмѣстѣ съ приходомъ Московскаго полка, я нашелъ Рылѣева тамъ“, пишетъ Оболенскій. „Онъ надѣлъ солдатскую суму и перевязь, и готовился стать въ ряды солдатскіе“.

была пущена въ ходъ *); отъ нея пострадала прежде всего возставшая толпа: первый выстрѣлъ былъ данъ по крышѣ сената, откуда бомбардировали полѣньями конную гвардію; лишь второй и слѣдующіе были направлены въ каре, но и въ окружавшій его народъ также: „штатскихъ“ полегло не меньше, нежели солдатъ возставшихъ полковъ. Толпа на „предметномъ урокѣ“ увидѣла, кто сильнѣе: на другой день о революціи напоминали только усиленные караулы вокругъ Зимняго дворца и на его лѣстницахъ и коридорахъ; въ городѣ было мертвое спокойствіе.

Можно ли объяснить случайностью тотъ фактъ, что декабристы „простояли“ революцію? Ея шансы были очень велики — одного маленькаго факта достаточно, чтобы видѣть, что можно было бы сдѣлать, если бы не бояться народнаго движенія. Н. Бестужевъ разсказываетъ, что послѣ первой присяги (Константину) онъ съ братомъ Александромъ (Марлинскимъ) и Рылѣевымъ „положили было писать прокламаціи къ войску и тайно разбросать ихъ по казармамъ; но послѣ, признавъ это неудобнымъ, изорвали нѣсколько исписанныхъ уже листовъ и рѣшились всѣ трое идти ночью по городу, останавливать каждаго солдата, останавливаться у каждаго часового и передавать имъ словесно, что ихъ обманули, не показавъ завѣщанія покойнаго царя, въ которомъ дана свобода крестьянамъ и убавлена до 15 лѣтъ солдатская служба... Нельзя представить жадности, съ какою слушали насъ солдаты; нельзя изъяснить быстроты, съ какою разнеслись наши слова по войскамъ: на другой день такой же обходъ по городу удостовѣрилъ насъ въ этомъ“. Но это былъ единственный и, какъ читатель видитъ, довольно неуклюже поставленный опытъ. Систематически пропагандой среди солдатъ занимался только С. И. Муравьевъ-Апостолъ, дѣйствовавшій на югѣ, но въ его „православномъ катехизисѣ“ какъ

*) Николай, въ своихъ воспоминаніяхъ, приписываетъ эту сомнительную честь Васильчикову. Но воспоминанія Николая, вообще, не являются очень надежнымъ источникомъ. Ихъ основная тенденція—показать, что были исчерпаны „всѣ мѣры кротости“ прежде, чѣмъ пущено было въ ходъ оружіе. Согласно съ этимъ, атака конногвардейцевъ, напримѣръ, изображается, какъ одно изъ послѣднихъ рѣшительныхъ дѣйствій, предшествовавшихъ канонадѣ. Между тѣмъ, и декабристы (бывшій все время на площади М. Бестужевъ), и ихъ противники (эскадронный командиръ конной гвардіи Каульбарсъ) сходятся въ томъ, что атакъ въ теченіе дня было нѣсколько—всѣ одинаково неудачныя Другая отличительная черта „воспоминаній“—явное стремленіе затушевать роль нѣмцевъ въ усмиреніи возстанія: называются, по возможности „истинно-русскія“ имена. Напримѣръ, о присутствіи принца Евгенія по разсказу Николая нельзя и догадаться—но зато тщательно отмѣчено, что посланнаго съ какимъ-то порученіемъ рейткнехта (конюха) звали Лондыревъ. „Народность“ обязывала...

разъ отсутствуютъ соціальные мотивы; если онъ же былъ авторомъ знакомой намъ прокламаціи къ преображенцамъ, остается удивляться, какъ скоро онъ забылъ то, что ему такъ ясно представлялось въ 1820 году. И эта забывчивость тоже могла быть не случайной. Одно мѣсто изъ записокъ Штейнгеля лучше длинныхъ разсужденій покажетъ намъ, какъ смотрѣлъ на вопросъ *средній* декабристъ. „Одинъ изъ непринадлежащихъ къ обществу, но знавшій о немъ съ 1824 года, хотя и неопредѣленно, по одной дружеской довѣренности Рылѣева (такой густой вуалью Штейнгель прикрываетъ... самого себя), представлялъ ему, что *въ Россіи революція въ республиканскомъ духѣ еще не возможна: она повлекла бы за собою ужасы. Въ одной Москвѣ изъ 250 т. тогдашнихъ жителей 90 т. было крѣпостныхъ, готовыхъ взяться за ножи и пуститься на всѣ неистовства.* Поэтому онъ совѣтовалъ, если хотятъ сдѣлать что-нибудь въ пользу политической свободы... то ужъ *лучше всего прибѣгнуть къ революціи дворцовой*“... Дворяне 1825 года очень не прочь были бы идти по стопамъ своихъ предковъ 1762 и 1801 годовъ. Но та часть дворянства, которая твердой ногой стояла во дворцѣ и *могла* сдѣлать переворотъ, *не хотѣла* той свободы, о которой мечтали декабристы. А къ тѣмъ, кто могъ имъ помочь, они *не смѣли* обратиться. Въ этомъ роковомъ кругу и задохнулся заговоръ, недостаточно аристократическій для дворцоваго переворота и слишкомъ дворянскій для народной революціи.

Заставки, концовки и буквы четвертаго тома.

1. Образцы *заглавныхъ* буквъ—см. о нихъ въ объясненіяхъ перваго тома.

2. *Заставка къ 1-му раздѣлу XV-й главы*—изъ русской печатной книги второй половины XVIII вѣка.

Концовка—снимокъ съ медали въ честь Бирона изъ книги Oeuvre du chevalier Hedlinger... par Chrétien de Mecheln. Basl, 1776. Ровинскій, ссылаясь на Иверсена, говоритъ, что медали по этому рисунку выбито не было.

3. *Заставка ко 2-му раздѣлу XV-й главы*—изъ книги Merckwürdige Geschichte Ihrer grossmächtigsten unüberwindlichsten Majestät Elisabeth der Ersten. 1759. Арестъ Анны Леопольдовны съ мужемъ императрицей Елизаветой въ 1741 г.—внизу этой картины вирши:

Tyrannen meines Reichs, weicht, eure Gröss ist hin!
Ich Peters Tochter bins, verblendte Grossfürstin,
Schau in Elisabeth der Russen Kaiserin.

Концовка—изъ русской печатной книги 2-й половины XVIII вѣка.

4. *Заставка къ 3-му раздѣлу XV-й главы*—портретъ графа Алексѣя Петровича Бестужева-Рюмина (род. 1692 г.; † 1766 г.), крупный государственный дѣятель, врагъ Фридриха II, который замѣтилъ, что онъ до того продаженъ, что продалъ бы самую императрицу, если бы у кого нашлось довольно денегъ, чтобы купить ее. Съ гравюры Е. Ос. Скотникова († 10 марта 1843 г.).

Концовка—портретъ графа А. П. Бестужева-Рюмина: G. C. de Prenner pinx—Fritzsch sc. (ulpsit), изъ книги Büsching'a, Abbildung der Bestuscheffschen Schaumüntzen. 1766.

5. *Заставка къ 4-му раздѣлу XV-й главы*—портретъ Анны Петровны, дочери Петра I, родившейся 5 февраля 1708 г. и 21 мая 1725 г. вышедшей замужъ за герцога Гольштейнъ-Готорпскаго Карла Фридриха; † въ Килѣ 4 мая 1728 г. Съ оригинала Танауера.

Концовка—портретъ Анны Леопольдовны, дочери Екатерины Ивановны и герцога Мекленбургъ-Шверинскаго Карла Леопольда, родившейся 7 декабря 1718 г. и въ 1739 г. вышедшей замужъ за принца Брунсвикъ-Люнебургъ-Бевернскаго Антона Ульриха; † въ Холмогорахъ 8 марта 1746 г. въ ссылкѣ. Съ оригинала Л. Каравака, гравированнаго Вортманомъ около 1739 г.

6. *Заставка къ 6-му раздѣлу XV-й главы*—тоже, но въ передѣлкѣ изъ XXI тома «Grosses Vollständiges Universal-Lexicon... aller Wissenschafte und Künste». Halle und Leipzig, 1732—1750.

Anna Prinzessin von Mecklenb. verm. Prinz. v. Brauenschweig Erbin des russischen Kayserthums. Bernigerot sc. (ulpsit).

Концовка—снимокъ съ заглавнаго листа «карманнаго календаря его императорскаго высочества государя великаго князя Павла Петровича на 1759 годъ».

7. *Заставка къ 5-му раздѣлу XV-й главы*—снимокъ съ гравюры. Е. И. Пугачевъ въ желѣзной клѣткѣ, въ ростъ, въ ручныхъ и въ ножныхъ кандалахъ, въ томъ видѣ, какъ показывали его народу, въ зданіи присутственныхъ мѣстъ, въ шубѣ и въ мѣховой шапкѣ.

Hillers sc.—Jemelia Pugatschewf Rebelle in Russland unter dem angenommenen Namen Czaar Peter des dritten in Orenburgischen Gouvernes ment; fieng an am Ende des Jahrs 1773, ward gefangen am Ende de- Jahrs 1774 und im eisernen Käfig nach Moskow gebracht. Nach dem Originale von Petersen.

8. *Заставка и концовка къ главѣ XVI-й*—см. объясненіе къ приложенію «И. А. Кавылинъ».

9. *Заставка къ главѣ XVII-й*—съ англійской гравюры, изображающей Александра I-го: Alexander Emperor of Russia. Drawn from the Life. Published by S. Phillips July.

Концовка—съ англійской гравюры, изображающей князя Михаила Иларіоновича Голенищева-Кутузова (род. 5 сент. 1745 г.; † 13 авг. 1813 г.): Engraved by Hopwood, from an Original Drawing. Prince Koutousoff. Published by Longmann & C⁰. London, August 2 d. 1813.

10. *Заставка къ 1-му раздѣлу главы XVIII-й*—съ перваго листа изданія А. И. Герцена «Полярная Звѣзда» 1861 года.

Концовка—съ англійской гравюры, изображающей Александра I-го: Alexander Emperor of Russia. Designed & Engraved by Duplessis Bertaux. На одной доскѣ съ портретомъ генерала Моро.

11. *Заставка ко 2-му раздѣлу главы XVIII-й*—съ гравюры, изображающей Александра I-го, который подаетъ книгу (Уставъ Академіи Художествъ) четыремъ музамъ,—Gerard inv.—Sanders sc. (ulpsit). Внизу гравюры стихи:

Chefs-d'Oeuvres immortels, accourez à Sa Voix!
Les beaux Arts sont toujours le luxe des Grands Rois.

Концовка—съ геліогравюры по способу Скамони, изображающей Александра I-го, типа Кюгельхена.

В. Стор.

ОГЛАВЛЕНІЕ IV ТОМА.

ИЛЛЮСТРАЦИИ IV ТОМА.

Съ объяснительнымъ текстомъ В. Н. Сторожева.

